

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XII
часть I

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСК 2006

Утверждено к печати
Ученым Советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы:
Академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия:
А.В. Бауло, В.Е. Медведев, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосферы», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН и проекта Рособразования – РНП 2.2.1.1.2183

П 781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I. – 524 с.

**АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА,
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ**

РАСКОПКИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МАЛТАТ В ДЕРБИНСКОМ ЗАЛИВЕ*

Позднепалеолитическая стоянка Малтат по правому берегу залива Малтат, правого притока Дербины (55°20'16,7" СШ, 92°28'17,7" ВД), была открыта в 1993 г. [Акимова, Чеха, 1993, Акимова и др., 1998]. Многочисленные подъемные сборы позволяли говорить о наличии здесь двух одновременных археологических комплексов – с изделиями мелких размеров, в том числе пластинками с ретушью (более 600 экз.) и с крупными торцовыми нуклеусами из розового риолита (скопление и разрозненные предметы – около 80 экз.) [Махлаева и др., 2000; Акимова, 2003]. С поверхности береговой отмели получены кости мамонта и носорога.

Раскопки стоянки проводились в 2003, 2004 гг. и были, в основном, завершены в 2006 г. Общая вскрытая площадь – 60 кв. м, вероятно, соответствует реальной площади сохранившегося участка стоянки, разрушенной водохранилищем.

Работы первых двух лет представили достаточно информативный и многочисленный археологический (3142 экз.) и фаунистический материал, позволивший сделать выводы о принадлежности стоянки к группе «мелкопластинчатых индустрий» Среднего Енисея [Акимова и др., 2004, 2005]. Проблематичным остается возраст культурного слоя. Дата по костному образцу 9475+110 (СОАН–5521) представляется нам омоложенной. По мнению к.б.н. А.Н. Мотузко (БГУ, Беларусь), наиболее приемлемой для Малтата являлась дата около 14 т.л.н. [Мотузко и др., 2004].

Культурный слой мощностью до 20 см залегал на глубине 0,9-1,2 м в светлых лессовидных суглинках. Естественный процесс накопления лесовых отложений привел к вертикальному смещению артефактов, концентрации каменных чешуек преимущественно в верхней части слоя, частичной сортировке материала по размерности. Слабый уклон дневной поверхности и поверхности погребенного слоя в южном направлении проявляется, в частности, в развороте на 5-10° и смещении фрагментов раздав-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №04-01-00420а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ленных крупных пластин. Низ слоя совпадает с дном очага, расположенного в южной части раскопа.

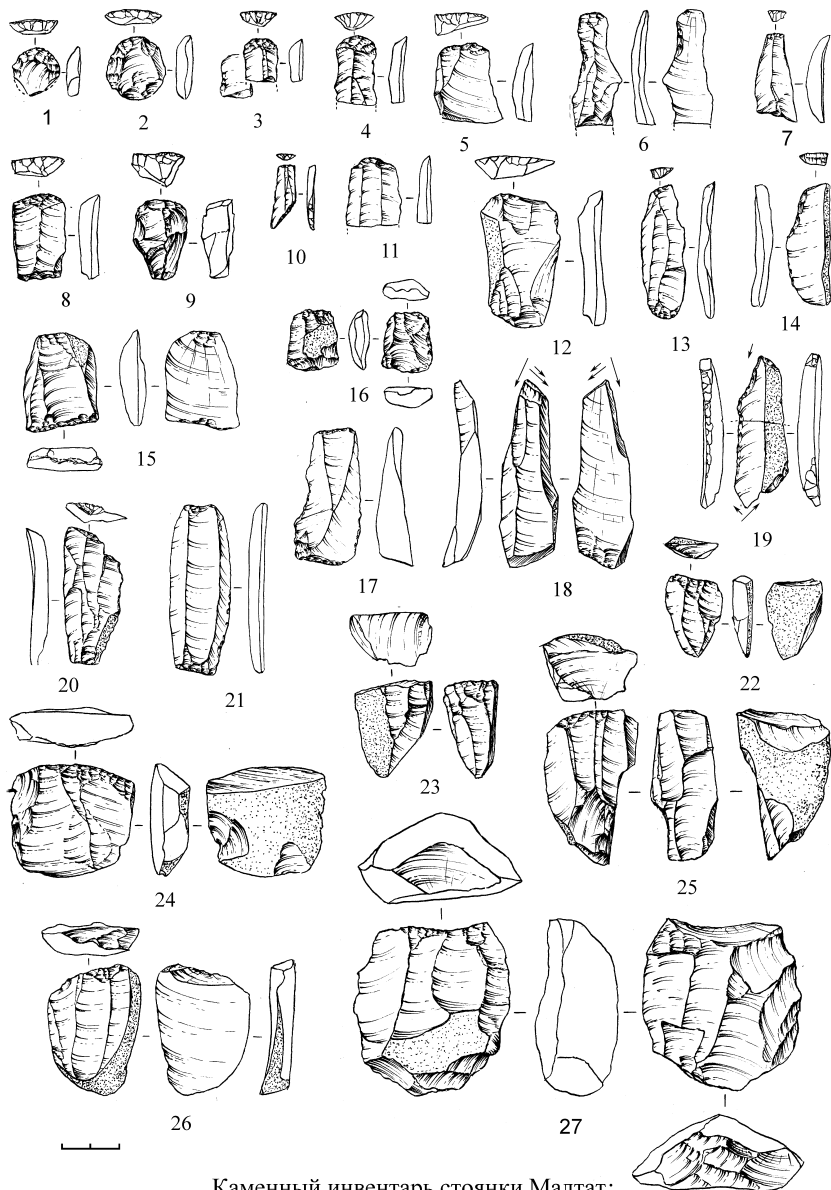
Каменный инвентарь сосредоточен вокруг очага диаметром до 1 м и глубиной заполнения до 10-13 см, располагаясь по дну, бортам и перекрывающая верх очага. Заполнение рыхлое сажистое с мельчайшими древесными угольками, фрагментами жженных и «раскисших» косточек, каменными чешуйками. В самом заполнении найдены единичные отщепы и три фрагмента каменных бусин.

По окружности очага обнаружены ямки диаметром около 15-10 см и глубиной в пределах 8-14 см. В заполнениях найдены пластинки и отщепы, фрагменты косточек, как исключение – нуклеус и крупный обломок гальки (ямка №2). В одной ямке (№4), расположенной западнее борта очага, найдено небольшое бессистемное скопление рубленых трубчатых костей со следами погрызов человеком (определение Н.Д. Оводова); здесь же найдены два крупных пластинчатых скола с одного нуклеуса и мелкие отщепы. В одном случае ямка (№5) осложнена более поздним корневищем. Подобные ямки были зафиксированы и в 2004 г., но без очага были описаны как микропромоины с отщепами и пластинками в заполнении. Вероятно, очаг был окружен подобными ямками с трех сторон за исключением восточного сектора.

При расчистке и промывке слоя в 2006 г. было получено более 5,6 тыс. экз. каменных артефактов.

Система первичного расщепления на стоянке выражена достаточно определенно. Нуклеусы (всего 22 экз., в 2006 г. найдено 9 экз.), как правило, представлены одноплощадочными монофронтами с овально подтреугольным или прямоугольным фронтом (рис. 1 – 22,24,26). Оформление фронта могло производиться на галечной (валунной) поверхности рассеченной гальки (валуна, обломка породы), а также на самой плоскости рассечения, на той или другой поверхности скола. Как правило, в качестве площадок использовалась поверхность раскола или трещины в породе, по которой произошло расслоение камня. Коррекция угла расщепления производилась подправкой проксимального сегмента фронта или полным отсечением проксимальной части нуклеуса. В ряде случаев процесс расщепления продолжался и с плоского фронта при ширине нуклеуса менее 1 см. В единичных экземплярах найдены различные варианты двухплощадочных бифронттов с противоположно направленным противлежащим (рис. 1 – 27), смежным (рис. 1 – 25), а также перекрестным или диагонально-перекрестным расположением фронтов. Среди сколов с нуклеусов присутствуют характерные экземпляры, свидетельствующие о полном расщеплении по одной плоскости. К торцовым нуклеусам может быть отнесен единственный экземпляр на первичном сколе желтого кремня (рис. 1 – 23). Расщепление производилось непосредственно на месте стоянки: всем нуклеусам соответствуют серии пластин и отщепов.

В качестве сырья для производства каменных орудий использовались в основном галечники бассейнов Дербини (базальты, трахибазальты) и Ени-

Каменный инвентарь стоянки Малтат:

1-5, 8, 9, 11, 12 - скребки, 6, 7, 10, 13, 14, 20, 21 - пластины с ретушью,
15, 16 - долотовидные орудия, 18, 19 - резцы, 22-27 - нуклеусы.

сея (более твёрдые и прочные кремни и кремнистые породы, иногда роговики, кислые и средние эффузивы). Енисейские породы преобладают в орудийном наборе, особенно среди мелких по размеру артефактов.

Наиболее массовой категорией орудий Малтата являются пластины с ретушью (101/60 экз.). Учитывая, что подавляющее большинство орудий найдено в обломках, можно условно выделить следующие группы: 1) пластины с крутой чешуйчатой ретушью по поперечно или диагонально усеченному концу или прямому естественному концу заготовки (рис. 1 – 7,10,13,14,17,20); 2) пластины с ретушью по одному или обоим краям вентрального или дорсального фаса в разных вариантах дислокации ретуши по краям и фаса́м; 3) пластины с ретушью по краю и прилегающему к нему поперечно или диагонально усеченному концу; 4) пластинчатые сколы с ретушью, образующей выемки по обоим краям, одному или обоим фаса́м (рис. 1 – 6).

Многообразие вариантов не исчерпывается данным перечнем. Ретушь располагается по обоим концам пластины (рис. 1 – 21), на широких дистальных концах заготовки в сочетании с мелкой краевой ретушью, оформляет широкий или узкий выступ на конце, сближая изделие с провертками или резчиками. Во всех этих случаях ретушь мелкая чешуйчатая с углом наклона, как правило, от 30 до 90°. При концевом расположении ретуши предпочтительным является проксимальный сегмент пластины.

Скребки (26/10 экз.). Преобладают концевые на пластинах. Рабочий край овальный, поперечный, соразмерный или несколько превышающий ширину заготовки (рис. 1 – 3-5,8,11,12). Ретушь сосредоточена только на рабочей части, края пластины, как правило, не обработаны. Большинство скребков данной группы найдено в обломках. Вероятно, длина целых изделий должна составлять 4,5-2 см. Преобладают скребки с шириной рабочего края, не превышающей 1,5 см. Как исключение, встречены единичные экземпляры с шириной 2,5 и 0,5 см. Скребки с концевым расположением рабочего края изготовлены на отщепях (рис. 1 – 1-2), на сколе с нуклеуса (рис. 1 – 9).

Резцы (13/6 экз.). В коллекции присутствуют целые и сломанные орудия на разных стадиях использования, явно неудавшиеся заготовки, обломанные головки резцов, резцовые сколы разной массивности. Целые резцы представляют собой орудия с длиной в пределах 6,5-4,5 см, шириной – 1,8-2,5 см. Продольный или диагональный скол наносился с предварительно отретушированного дистального конца пластины вдоль, как правило, ретушированного края (рис. 1 – 18,19). В одном случае попытки оформить резец предпринимались с обоих концов пластины.

Долотовидные орудия (11/7 экз.) с двумя противолежащими краями изготовлены, как правило, на небольших сколах трапециевидной или прямоугольной формы (рис. 1 – 15, 16).

В 2006 г. коллекция каменных бусин (12 обломков от 10 бусин) пополнилась 7 фрагментами от 5 бусин, одной заготовкой – бусиной с намеченным отверстием и одной целой бусиной. Бусины выполнены из желтовато-коричневого или розоватого серпентина и серого агальматолита, обломки которого, в том числе со следами предварительной шлифовки, зафиксированы в культурном слое. Крупная (до 1,9 см в диаметре) целая бусина изго-

товлена из чёрного камня твёрдостью 3,5-4 по шкале Мооса (обожжённый агальматолит?). Все бусины были найдены на разных участках раскопа, в том числе и в заполнении очага.

Фаунистический материал отличается плохой сохранностью: за исключением обломков зубов лошади и кулана найдены только неопределимые фрагменты костей. В ряде случаев можно предполагать, что кость подвергалась строганию и шлифованию.

Общий анализ ситуации на стоянке позволяет сделать вывод, что Малтат является фрагментом достаточно долговременного поселения со следами интенсивной хозяйственной деятельности, включая полный цикл обработки камня и, вероятно, шкуры и кости (дерева?). Малтат, наряду с Конжулом и Ближним Логом, входит в позднюю группу так называемых «мелких пластинчатых индустрий» Среднего Енисея, датируемую предвительно второй половиной сарганского времени.

Примечания

Акимова Е.В. Финальный палеолит Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т.IX., часть I – С.8-14.

Акимова Е.В., Мотузко А.Н., Кравченко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малтат: проблемы стратиграфического и археологического изучения. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т.X., часть I – С.11-16.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Санько А.Ф., Кравченко Е.Н. Финальнопалеолитические местонахождения залива Малтат (Дербинский археологический район) // Древности Приенисейской Сибири – Красноярск, 2005. – Вып. 4 – С. 3-22.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Т. IV - Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С.6-11.

Акимова Е.В., Чеха В.П. Залив Дербина - новый археологический район на Красноярском водохранилище // Обозрение. 1993 год – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С.129-133.

Махлаева Ю.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Поздний палеолит залива Малтат // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 – Вып.3- С.25-31

Мотузко А.Н., Соболев О.В., Ходырева М.М., Акимова Е.В. Возможности использования коллагенового метода для определения геологического возраста отложений и местонахождений артефактов на территории Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т.X., часть II – С.227-231.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАСКОПОК НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В БУХТЕ ЭЛЬГЕН НА БАЙКАЛЕ

Памятник был открыт академиком А.П. Окладниковым в 1978 г. Подъемные сборы у берегового обрыва первой надпойменной террасы (конус наносных отложений) в Байкал содержали нуклеусы и их обломки, обработанные гальки, скребки и скребловидные орудия различных форм и размеров, фрагменты керамики и остатки костей животных. В 1979 г. в 30 м к западу от обрыва береговой террасы был заложен раскоп, площадь которого составляла 34 м². Находки концентрировались в дерновом и поддерновом слоях, мощность которых составляла соответственно 10-15 см и 15-20 см. В процессе раскопок были найдены нуклеусы и микронуклеусы, скребки и скребла, резцы, ножевидные пластины и микропластины. Типологически материал относится к развитому неолиту (V – VI тыс. л.н.). Но самое примечательное – это находки 32 топоров с ушками целых и в обломках. Они были рассредоточены по всему раскопу. Наличие такого количества специфических орудий на достаточно ограниченной территории позволило прийти к выводу, что на стоянке существовала мастерская по их изготовлению.

Раскопки стоянки были продолжены в 2002 – 2005 гг. В результате был получен вещественный материал, расширяющий хронологические рамки существования стоянки вплоть до мезолита. Кроме того, впервые были получены вещественные доказательства, свидетельствующие о шаманистских воззрениях насельников этой стоянки, что является новым для неолита Прибайкалья. В этом плане особый интерес представляют жертвенник и святилище, находящиеся непосредственно на самой стоянке и которые генетически связаны с ней. Результаты исследования этих объектов в свое время были опубликованы [Асеев, 2003; он же, 2004], поэтому на их описании останавливаться не будем. Отметим только, что жертвенник обнаружен в результате целенаправленных поисков культовых объектов на территории стоянки. На поверхности он был обозначен кольцевой надмогильной кладкой серовского типа, которые относятся исследователями к 4 – 5,5 тыс. лет. А святилище обнаружено в ходе раскопок стоянки. Оно было обозначено надмогильной кладкой, перекрывающей могильную яму, в которой помещалась скульптурная композиция из артефактов, отнесенная нами к шаманистской религии – к символу плодородия [Асеев, 2006]. За 200 лет изучения археологических памятников в регионе подобных, или даже близких

по смыслу объектов обнаружено не было. Это еще одно открытие в неолите Прибайкалья. О древности святилища свидетельствует то, что оно было перекрыто слоем культурных напластований собственно стоянки мощностью до 30 см (вместе с дерном), насыщенных артефактами неолитического облика. По C^{14} , выполненному к.г.-м.н. Л.А. Орловой, возраст слоя по образцу угля с глубины 20-25 см равен (СОАН-5121) – 6130 ± 115 . Кроме того, при раскопках в 2002 – 2005 гг. общей площадью около 100 м² были встречены 10 целых и разрушенных очага с обкладкой из галечника, что свидетельствует о более или менее длительном их использовании. Около них находились фрагменты керамики и орудия, плита и пест-курант, кальцинированные кости животных, в том числе кости нерпы. Среди обломков керамики имеются фрагменты с техническим орнаментом сетки-плетенки. Кроме того была вскрыта часть плотно выложенной из галечника в три слоя «рабочая» площадка, на которой найдены пест, нуклеус, ножевидные пластины, отщепы, керамика. Учитывая выше сказанное, есть основания предполагать наличие остатков жилищ на данной стоянке. Но даже двух приведенных фактов – мастерская по изготовлению топоров-пешней для пробивания прорубей во льду Байкала и святилище, олицетворяющее в шаманистской религии народов Сибири символ плодородия, являются достаточными доводами в пользу продолжения стационарных исследований неолитической стоянки в бухте Эльген на Байкале.

Примечания

Асеев И.В. Артефакты из разведочного раскопа в бухте Эльген (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 30-36.

Асеев И.В. Новое в неолите Прибайкалья – предварительное сообщение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 25-32.

Асеев И.В. Культурные объекты на неолитической стоянке в устье реки Эльген как отражение шаманистских воззрений древнего населения Приольхонья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2(26). – С. 53-60.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II В 2006 ГОДУ

По мере продолжения полевых исследований и накопления фактического материала Шаманка II становится одним из самых крупных могильников эпохи раннего неолита Северной Азии. В 2006 г. Култукский отряд КАЭ ИГУ в рамках Российско-Канадской исследовательской программы, при поддержке полевого гранта Президиума СО РАН и гранта РФФИ-Байкал № 05-06-97208 возобновил раскопки могильника Шаманка II, направленные на многогранное изучение ранненеолитических погребальных комплексов с использованием современных естественно-научных методов исследования. В процессе раскопок 1965, 1998-2005 гг. на территории могильника было вскрыто 64 погребальных комплекса [Тиваненко, 1979; Basaliiskii, 2002; 2003; Туркин, Харинский, 2004; Базалийский, Вебер, 2004; 2005]. Могильник находится на ЮЮЗ побережье оз. Байкал, на западной экспозиции склона второго холма Шаманского мыса. Погребальные комплексы раннего неолита локализуются на двух участках. Одна группа могил (восточная) дислоцируется в привершинной части склона холма на высотных отметках 22,5–28 м от уровня Байкала. Вторая (западная) группа расположена ниже по склону, на высотных отметках 18–21 м от уреза воды, и простирается вдоль обрыва холма. Между восточной и западной группами имеется свободное пространство протяженностью 11,5 м. Большинство могил восточной группы локализовано в четыре ряда, ориентированные по линии ЮВ–СЗ. Топография рядов соответствует направлению горизонталей, т.е. могилы, находящиеся в каждом отдельном ряду, располагаются примерно на одной высоте относительно зеркала оз. Байкал (рис. 1).

В 2006 г. вскрывались восточные, включая часть вершины холма, и северные участки территории восточной группы могил. На раскопанной площади в 250 м² вскрыто 15 погребальных комплексов (могилы №№ 69-83), относящихся к периоду раннего неолита. Вопреки нашим ожиданиям вершина холма оказалась практически не заполненной могилами (за исключением погребения ребенка). Возможно, это объясняется отсутствием в погребальной практике традиции создания захоронений на горизонтальных (ненаклонных) площадках. Но, возможно, отсутствие могил на вершине объясняется непривлекательным, даже мрачным видом вершины холма в среднем голоцене. Как показали наблюдения стратиграфической ситуации, в период климатического оптимума на вершине, в отличие от западной эк-

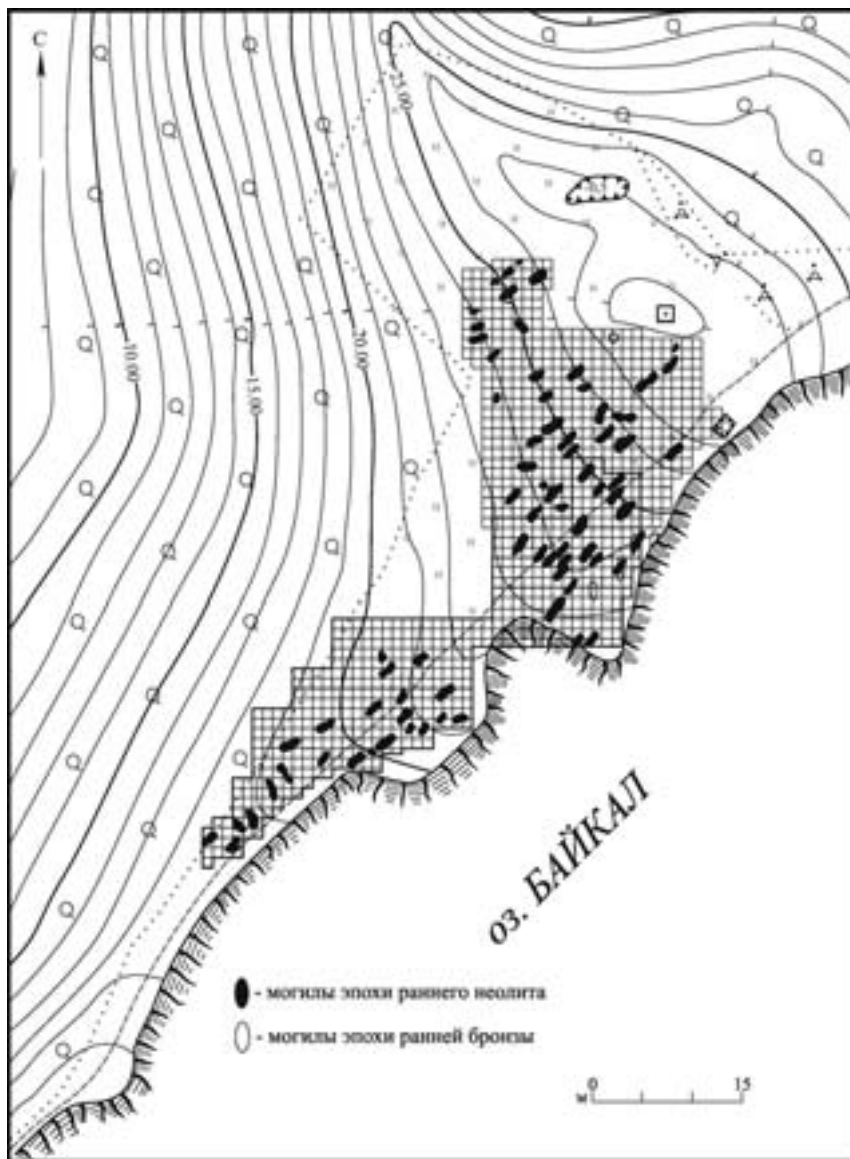

Рис. 1. Могильник Шаманка II.
 Раскопки 1998-2006 гг. План расположения погребальных комплексов.

спозиции склона, отсутствовал почвенный горизонт, и она представляла собой неровный выход скальной породы с расщелинами, заполненными мраморной крошкой, лишенный растительности. Видимо, в этот период формировался эоловый налет пыли и происходило образование малогу-

мусных слаборазвитых почв, активно под воздействием ветра выдувавшихся с вершины и накапливающихся на склонах, благодаря чему белый мрамор приобрел темно-серый окрас. Почвенный горизонт черного сильно гумусированного суглинка на рассматриваемом участке сформировался только в период позднего голоцена. Могилы №№ 69–72 вскрыты в СВ части территории могильника. Тройное захоронение № 69 (возможно, мужчина, женщина и ребенок) располагалось несколько особняком, вне рядов, над обрывом. Могилы №№ 70–72 вскрыты в расщелинах вершины (№ 72) и начала (верхнего уровня) северо-западной экспозиции склона и находились также вне рядов. Погребальные комплексы №№ 74–83, хотя и находятся на горизонталях второго, третьего и четвертого рядов, но расположены на значительном удалении и, возможно, составляют третью (северную) локальную территориальную группу, т.к. дислоцируются довольно компактно (рис. 2-1). Из 15 вскрытых в 2006 г. могил 11 были непотревожены и 4 частично или полностью разрушены в древности. В заполнении могильных ям нарушенных могил отмечены зольники. На расстоянии 3 м к ЮЗ от могилы № 83 в ярко-буром суглинке обнаружена левая ветвь нижней челюсти крупного медведя.

Надмогильные и внутримогильные сооружения из камня во всех погребальных комплексах отсутствуют. Ямы заложены со среднего уровня ярко-бурого суглинка, соответствующего голоценовому климатическому оптимуму (за исключением могилы № 72, в которой яма заложена с кровли мраморной крошки). В общей сложности в 15 погребальных комплексах находилось 24 полных и фрагментированных человеческих скелетов, из которых 8 принадлежали мужчинам, 10 - женщинам и 5 - детям (4 детей младенческого возраста). В одном случае пол взрослого индивидуума установить не удалось. Индивидуальные захоронения зафиксированы в 12 могилах, в одной отмечено парное захоронение, в одной – тройное и в одной – групповое (костные останки 7 индивидуумов). Из 12 могил, содержащих индивидуальные захоронения, в 8 были погребены взрослые и в 4 - младенцы. Труположение в 10 могилах вытянутое на спине, в одной - вытянутое на животе, в одной - на спине с подогнутыми ногами, в одной - на левом боку с подогнутыми ногами, в одной, возможно, на правом боку с подогнутыми ногами. Положение погребенных в групповой могиле № 78 установить невозможно. Не удалось также определить труположение женщины в могиле № 83 из-за нарушения анатомического порядка и фрагментарности скелетных останков. Следует отметить довольно интересную деталь - погребения с разным труположением (№№ 74-77) были сосредоточены в одном ряду. Крайним с юго-западной стороны находилось захоронение мужчины в вытянутом на спине положении, рядом с ним - захоронение мужчины в вытянутом положении на животе, далее - захоронение мужчины на спине с подогнутыми ногами и крайним с северо-западной стороны – захоронение женщины на левом боку с подогнутыми ногами. Ориентировка погребенных головой на СВ зафиксирована в 12 могилах.

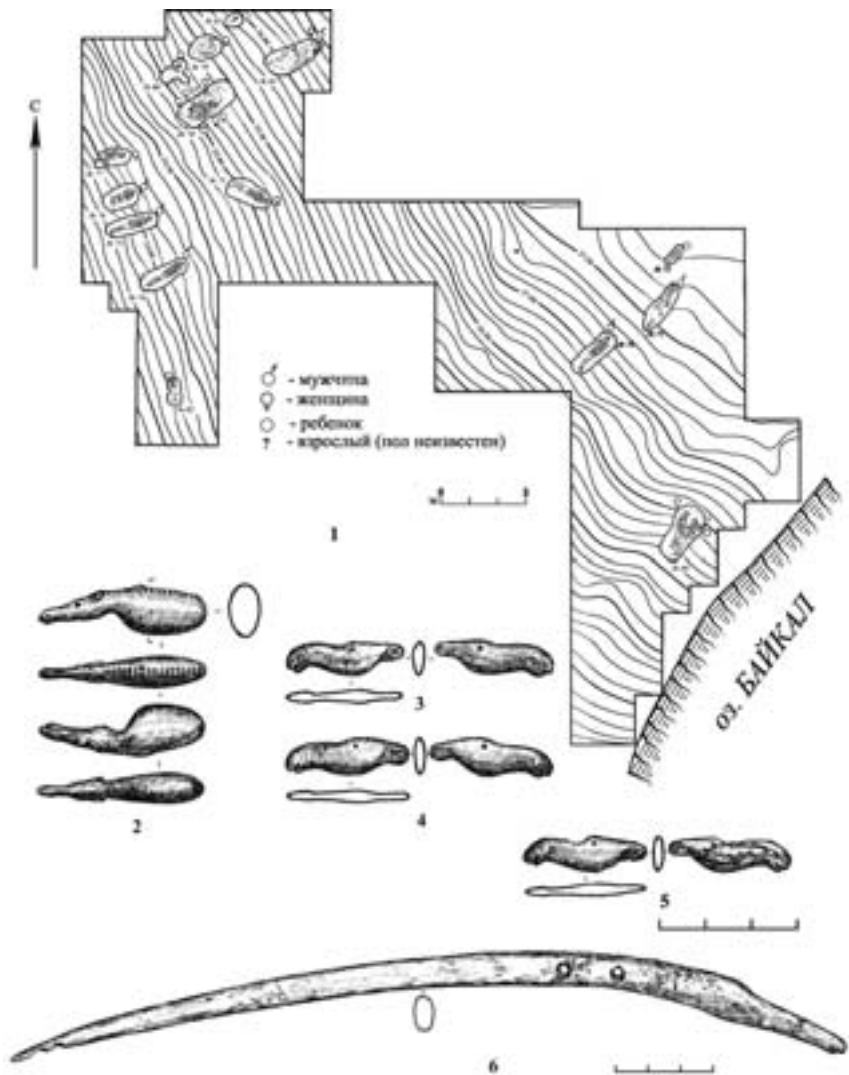

Рис. 2. Могильник Шаманка II.

1. План расположения могил вскрытых в 2006 г.

2. Подвеска. Тальк. 3-5 Подвески. Кость. 6. Стержень. Рог.

Ребенок из могилы № 82 головой был ориентирован на С, а погребенная в могиле № 73 женщина – на ЮЮЗ. Во всех могилах на уровне погребений отмечена засыпка охрой.

Сопроводительный инвентарь в количественном отношении и по номенклатурному составу в каждой отдельной могиле разный. В двух погребениях младенцев инвентарь отсутствовал вообще и в двух были обнару-

жены только украшения, состоящие из подвесок из клыков кабана и резцов тарбагана. Очень незначительное количество предметов зафиксировано в уже упоминавшихся могилах №№ 74–77. В полностью разрушенном погребении женщины (№ 79) не отмечено ни одного предмета. В непотревоженном совместном захоронении мужчины, женщины и ребенка (№ 69) обнаружены многочисленные фрагменты зубов крупного травоядного животного, подвески из расщепленных клыков кабана, фрагменты перламутровых колец и резцы тарбагана. Наиболее «богатый» сопроводительный инвентарь выявлен в разрушенной групповой могиле № 78 и в разрушенной парной могиле № 83. В могиле № 78 зафиксировано 162 предмета из кости и рога. Весь инвентарь был перемешан с человеческими костями. Наряду с традиционным набором изделий из кости и камня в этой могиле обнаружены 3 оригинальные плоские подвески из кости в виде голов лосей (рис. 2-3, 4, 5) и одна подвеска из розового талька в виде объемной скульптуры лежащего лося. Отверстие для подвешивания оформлено в области гривы (рис. 2-2). Подобные подвески в погребальных комплексах раннего неолита Байкальской Сибири еще не встречались. Не менее интересный и разнообразный сопроводительный инвентарь, представленный 117 предметами, зафиксирован в могиле № 83. В отличие от могилы № 78, грабители (разрушители) погребения не потревожили большое скопление вещей в северо-восточной части ямы (не исключено, что предметы были просто сдвинуты к стенке). В составе инвентаря находились 4 нефритовых тесла (одно миниатюрное из светло-зеленого, почти белого нефрита), 5 кремневых скребков, 10 наконечников стрел из кремня и микрокварцита, абразивы (выпрямители древков стрел) из песчаника, призматические пластины и отщепы, а также фрагменты талька со следами пиления. Составные изделия из камня и кости представлены рыболовными крючками китойского типа, составными вкладышевыми наконечниками (двусторонние) и ножами. Предметы из кости и рога включают гарпуны, ложки, разнообразные крупные и мелкие острия, наконечники стрел и т.д. В рассматриваемой могиле выявлен дугообразно изогнутый роговой стержень, приостренный конец которого снабжен волнистой врезкой, а притупленный конец выполнен в виде стилизованной головы лося (рис. 2-6). Кроме того, в этой же могиле находились трапециевидные в сечении сегменты роговых обкладок, бесспорно, лука, которые удалось полностью апплицировать.

Таким образом, в итоге полевых исследований могильника Шаманка II в 2006 г. открыта, возможно, третья территориальная группа локализации ранненеолитических погребальных комплексов. Установлено фактическое отсутствие захоронений и отсутствие горизонта ярко-бурого суглинка (голоценовый климатический оптимум) на вершине холма. Вскрыты 4 могилы сосредоточенные в одном ряду, в которых погребенные находились в разных позах. Раскопаны 4 погребения младенцев в индивидуальных могилах (явление для ранненеолитических захоронений довольно редкое). Ансамбль сопроводительного инвентаря пополнился ранее неизвестными

костяными подвесками в виде голов лосей и подвеской из розового талька в виде лежащего лося.

В целом, к настоящему времени на территории могильника Шаманка II вскрыто 79 погребальных комплексов относящихся к раннему неолиту, в которых зафиксированы костные останки 140 индивидуумов. В индивидуальных захоронениях сосредоточены 48 (34 %) погребенных и в совместных захоронениях (2 – 8 индивидуумов) – 92 (66 %) погребенных. Половозрастной состав: мужчины – 59 (42 %), женщины – 36 (26 %), дети – 24 (17 %). Не удалось определить пол у 21 (15 %) взрослых индивидуумов. Всего на могильнике отмечено 116 (83%) погребений взрослых и 24 (17 %) - детей. Костяки с ненарушенным анатомическим порядком составляют только 31 % (55 скелетов). По костным материалам из раскопок ранне-неолитических могил в 1998 – 2005 гг. в радиоуглеродной Лаборатории г. Торонто (R. Beukens) и Лаборатории ГИН г. Москва (Л.Д. Сулержицкий) получено 49 дат ^{14}C , определяющих хронологический период функционирования могильника 7000-6000 л.н. (радиоуглеродный возраст) [Weber et al. 2006]. Сравнительный анализ (мтДНК) ранне-неолитического населения и населения позднего неолита Байкальской Сибири свидетельствует об отсутствии генетической связи между этими двумя хронологически разными группами [Mooder et al. 2006].

Раскопки могильника Шаманка II в 2007 г. будут продолжены.

Примечания

Базалийский В.И., Вебер А.В. Погребальные комплексы эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. Сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 33-39

Базалийский В.И., Вебер А.В. Раскопки погребальных комплексов эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. Сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 16-21.

Тиваненко А.В. Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979. – С. 181-188.

Туркин Г.В., Харинский А.В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале // Известие лаборатории древних технологий, 2004, вып. 2, с. 124-158

Bazaliiskii Vladimir I. The Prehistoric Graves of Siberia // In Written in bones - London: Quintet Publi – Shing. – 2002. -P.138-141

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian // Radiocarbon. – 2006. – Vol. 48. - № 1. - P. 127-166.

Mooder K.P., Schurr T.G., Bamfor T.H., Bazaliiskii V.I., Savel'ev N.A. Population Agginitives of Neolithic Siberians: A Snapshot From Prehistoric Lake Baikal // American journal of physical antropology. – 2006. - № 129. - P. 349-361

**«НЕОРДИНАРНЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ
В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ - РАННЕМ НЕОЛИТЕ
БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ**

Практика обращения с умершими во всем многообразии ее проявлений является не только всеобщей, но и особой сферой человеческой деятельности. Процесс любого погребения - это переход или перенос органических остатков из среды первичного их окружения в среду вторичного окружения или из одной геосферы в другую [Смирнов, 1991]. В одних случаях этот процесс проходит одноактно (первичные захоронения), в других – многоактно (вторичные захоронения или погребальные практики). Потенциально первичные и вторичные погребальные практики могут быть взаимосвязаны: вторичное погребение полных, находящихся в анатомическом порядке скелетов и вторичное изъятие черепа из первичных погребений. Проявление вторичных погребальных практик в ритуале захоронений может рассматриваться как свидетельство существования сложной системы верований, что, в свою очередь, отражает степень сложности социальной структуры семейных и родственных коллективов или территориально-локальных групп.

Могила, содержащие скелетные останки с преднамеренно нарушенной анатомической целостностью, в западной археологической и этнографической литературе анализируются в ракурсе проявления вторичных погребальных практик, которые определяются как социальное действие, направленное на удаление отдельных фрагментов или частей умершего индивидуума из места временного хранения к месту постоянного захоронения [Kuijt, 1996]. В отечественной археологической литературе могилы с так называемыми «экстраординарными» формами захоронений именуется «вторичными», «расчлененными», «парциальными», «неполными», «частичными» и т.д. Феномен специфических форм обращения с телом умершего и его костными останками в специальном, посвященном этой проблеме исследовании О.В. Зайцевой определен общим термином - «погребение с нарушенной анатомической целостностью костяка» [2005, с. 10].

Проявление вторичных погребальных практик в отдельных раскапываемых могилах выражается в анатомически несогласованном порядке расположения костей скелета, отсутствии черепов и других костей, присутствию в могиле «чужих» костей, следов надразов или скоблений на человеческих костях и т.д. Специфические манипуляции с телом покойного состоят из комплекса действий, предворяющих захоронение: размеще-

ния и продолжительного хранения на специальной площадке/помосте, расчленения трупа и комплекса завершающих действий – ингумации или других вариантов «утилизации» останков. Цикл последующих действий включает преднамеренное проникновение в могилу с целью изъятия черепа, разрушения целостности скелетных останков, подхоронения еще одного умершего индивидуума или отдельных его частей и т.д. [Молодин, Гришин, 2005]. Согласно этнографическим данным, в отличие от первичного погребального контекста, вторичный – хорошо организованный, спланированный и продолжительный, может состоять из нескольких стадий и из индивидуального переходить в коллективный [Hudson, 1966].

Целью данной статьи является краткий предварительный анализ погребений с нарушенной анатомической целостностью скелетов, зафиксированных в процессе исследований могил позднего мезолита – раннего неолита на территории Байкальской Сибири. К настоящему времени погребальные комплексы, относящиеся к поздним отделам мезолита (8000-7000 л.н., некалиброванная шкала), исследованы на 9 местонахождениях, где зафиксировано 13 могил, в которых находились костные останки 14 индивидуумов и волка. Ранненеолитическая серия (7000-6000 л.н., некалиброванная шкала) более представительна. На сегодняшний день известно 27 местонахождений, на которых раскопано 251 могил, содержащих костные останки 387 индивидуумов. По количественному признаку могилы подразделяются на индивидуальные, совместные захоронения двух индивидуумов - одновременные (парные) и разновременные (двойные) и совместные захоронения трех и более индивидуумов - коллективные (помещенные в яму одновременно) и групповые (разновременные с последовательным подхоронением умерших).

В эпоху позднего мезолита – раннего неолита в Байкальской Сибири, судя по имеющимся материалам, преднамеренные посмертные манипуляции с телом и костными останками до и после погребения имели широкое распространение. Проявление вторичных погребальных практик можно подразделить на несколько видов. Наиболее многочисленны случаи отсутствия черепов при ненарушенности посткраниального скелета. Этот феномен на предположительном уровне выражается в двух вариантах: 1) изъятие черепа до ингумации частично или полностью скелетированных останков; 2) эксгумация захоронения с целью изъятия черепа. В определенной степени свидетельством того, что отчленялся именно череп, а не голова может служить отсутствие следов повреждения на шейных позвонках (антропологические материалы исследованы Г.Ф. Дебецом, М.М. Герасимовым, Н.Н. Мамоновой, М.М. Герасимовой). Изъятие черепов до ингумации (I вариант) наблюдается, в основном, в коллективных погребениях, а изъятие черепов в результате эксгумации захоронений (II вариант) – в индивидуальных и парных погребениях. Дальнейшие ритуальные действия с отчлененными черепами остаются неизвестными. Отдельные захоронения черепов до настоящего времени не отмечены.

Следующим видом проявления вторичных погребальных практик является присутствие в некоторых могилах «чужих» костей или отдельных частей тела. Так, в могиле № 3 Фофановского могильника слева от костяка, находившегося в анатомическом порядке, параллельно корпусу, по правилу антитезы располагались «чужие» (обрубленные, по мнению М.М Герасимова) локтевые кости и кисти двух рук [Герасимов, Черных, 1975]. В некоторых захоронениях могильников Локомотив и Шаманка II зафиксированы «чужие» позвонки. В тройной могиле № 50 могильника Шаманка II, наряду с полной комплектностью костей ног погребенных находились три «лишних» левых бедренных кости. Парные непотревоженные захоронения мужчины и женщины из могил № 61 и № 63 могильника Шаманка II отмечены присутствием разрозненных костей детей. «Дополнительная» нижняя челюсть, принадлежавшая мужчине, выявлена в индивидуальном женском захоронении № 57 могильника Шаманка II [Bazaliiskij, Saveljev, 2003; Базалийский, Вебер, 2004; 2005].

Еще один вид «особых» захоронений определяется термином «вторичное погребение», под которым понимается перемещение и перезахоронение человеческих останков в любом их состоянии после первичного или «временного» погребения (продолжительное хранение, выставление и т.д. трупа). Вторичные захоронения бывают полностью и частично экскарнированными [Зайцева, 2005]. Полностью экскарнированные вторичные погребения отмечены в могильнике Шаманка II. В двух случаях кости, помещенные в органическую емкость (представленные в виде «кучи» или компактного скопления), зафиксированы в ногах первичных захоронений и в одном подобная «куча» костей находилась в виде индивидуального погребения. Частично экскарнированные вторичные погребения прослежены в самой «богатой» индивидуальной могиле № 15 могильника Шаманка II и в коллективных захоронениях могильника Локомотив [Bazaliiskij, Saveljev, 2003; Базалийский, Вебер, 2004]. По предположению авторов раскопок, погребения в позднемезолитических могилах Усть-Грязная и Нижняя Джилинда также были вторичными [Медведев, 1971; Ветров и др. 1993].

Видимо, с проявлением вторичных погребальных практик соотносится также разрушение могил современниками умерших. Наиболее значительные разрушения раннеолитических могил и свидетельства того, что этим неблагоприятным делом занимались современники погребенных, отмечены на могильнике Шаманка II. Разрушенные могилы в большинстве случаев сопровождаются зольниками. В отдельных случаях отмечены неполные индивидуальные захоронения (парциальные?).

Распространение рассмотренных выше видов проявления вторичных погребальных практик на отдельных местонахождениях могил позднего мезолита и раннего неолита представлено в таблице.

Как следует из таблицы, наибольшее количество костяков с нарушенной анатомической целостностью зафиксировано в могильниках Шаманка II

Хронологический период	Наименование местонахождения	Общее количество могил	Виды проявления вторичных погребальных практик				
			Отсутствие черепа	“Чужие” кости в могиле	Вторичные погребения	Могила, разрушенная современными погребенными	Неполные погребения
					вариант I	вариант II	
Поздний мезолит	Рытвинка		1				
	Усть-Грязная	1			1		1
Ранний неолит	Нижняя Джилинда	1			1		
	Фофановский могильник	8	6	2			1
	Шаманка II (рас-ки 1998-2005)	63	1*	13	3	3	34
	Локомотив (рас-ки 1980-1996)	58	26	1		36	1
	Китойский м-к	31	3				
	Калашиха (Галашиха)	10	1				
	Усть-Белая (могильник)	10					6
	Турука	11	1				

* В могильниках Шаманка II и Усть-Белая отсутствие абсолютного большинства черепов зафиксировано в разрушенных в древности могилах и в таблице они не учтены.

и Локомотив. Наиболее распространенным видом проявления вторичных погребальных практик является отсутствие черепа. В коллективных захоронениях Фофановского могильника и могильника Локомотив в полном анатомическом порядке находились скелеты, принадлежавшие только са-

мым молодым индивидуумам, а скелеты индивидуумов старшего возраста в каждой могиле были без черепов. Самый высокий процент погребений, разрушенных современниками, наблюдается в могильниках Шаманка II и в Усть-Бельском. Количественные показатели распространения разных видов вторичных погребальных практик в период позднего мезолита – раннего неолита Байкальской Сибири свидетельствуют о том, что наиболее полно их проявление выражено в материалах могильников Шаманка II, Локomotив и Фофановского.

В целом, рассмотренные выше материалы вписываются в общеевразийские и общемировые контексты проявления вторичных погребальных практик.

Примечания

Базалийский В.И., Вебер А.В. Погребальные комплексы эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СОРАН, 2004. – Т. X, ч. 1 – С. 33-39.

Базалийский В.И., Вебер А.В. Раскопки погребальных комплексов эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СОРАН, 2005. – Т. XI, ч. 1 – С. 16-21.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Ниж. Джилинда (Сивакон-1) в Бамбульской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 98-113.

Герасимов М.М., Черных Е.М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. - Л.: Наука, 1975. – С. 23-48.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 28 с.

Медведев Г.И. Мезолитические погребения Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1971. - Ч. I. - С. 99-103.

Молодин В.И., Гришин А.Е. К реконструкции погребальной практики кротовской культуры (погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка на могильнике Сопка-2/4; 2/5) // Археология Южной Сибири.– Кемерово, 2005. - Вып. 23. - С. 7-15.

Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991- 341 с., ил.

Bazaliiskij V.I., Saveljev N.A. 2003. The Wolf of Baikal: the «Lokomotiv» Early Neolithic Cemetery in Siberia (Russia) // *Antiquity* – 2003. - Vol. 77, No 295. - P. 20-30.

Hadson A.B. 1966. Death ceremonies of the Padju Epat Ma'anyan Davaks // *Sarawak Museum Journal*. 13: 341-416.

Kuijt I. 1996. Negotiating Equality through Ritual: A Consideration of Late Natufian and Prepottery Neolithic A Period Mortuary Practices // *Journal of Anthropological Archaeology*. 15: 313-336.

**НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
В ЗОНЕ КОВЫКТИНСКОГО ГАЗОПРОВОДА
(ДОЛИНА РЕКИ ЗАЛАРИ, ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

Введение. Летом 2006 г. проведены археологические работы в зоне проектируемого газопровода Ковыкта-Саянск-Иркутск на 64-65 км трассы (координаты: 53°33'16" с.ш., 102° 26' 58" в.д.). Изученный участок трассы газопровода располагается в 200 км северо-западнее Иркутска и в 2 км западнее пос.Залари. Трасса проложена вдоль борта безымянной пади, открывающейся в пойму р.Залари. Дополнительное археологическое обследование на этом участке связано с выбором нового варианта проложения трассы в обход мезолитического местонахождения Заря-1.

На исследуемом участке трассы газопровода протяженностью 1,05 км в полосе отвода шириной 25-30 м проведены детальные шурфовочные работы. Заложено 80 шурфов размерами 2×2 м, глубиной от 3,30 до 0,70 м. Шурфами вскрыты субаэральные отложения верхнего неоплейстоцена и голоцена. Выявлено два археологических местонахождения с 2-3 уровнями залегания палеолитического материала: Комилганская I - на левом борту безымянной пади на относительных отметках 30-15 м; Комилганская II - на правом борту пади на отметках 15-10 м.

Геоморфологическая и геологическая ситуация. В геоморфологическом плане участок исследований находится на стыке Предсаянской депрессии и Иркутско-Черемховской равнины. Для этих территорий характерны выположенные и слабовыпуклые водораздельные поверхности, расчлененные долинами современных рек широтной ориентации, а также падами, имеющими в основном северо-западное направление. Глубина вреза речных долин составляет 100-120 м. Трасса газопровода спускается с водораздела с относительными отметками 100-120 м в озеровидное расширение, занятое в настоящее время рекой Залари. Река Залари является левым ангарским притоком третьего порядка.

Трасса проходит по пологому склону на левобережье р.Залари вдоль бортов безымянной пади северо-западного простирания, которая устьем открывается в озеровидное расширение. Относительные отметки склона от 30 до 8 м от уреза р.Залари. Местность открытая, незалесенная, занята заброшенными пашнями.

Район исследования располагается в зоне контакта нижнекембрийских известняков и доломитов с песчаниками и алевролитами юрского возраста. Юрские породы представлены черемховской свитой, нижняя часть которой, ранее

выделяемая как самостоятельная заларинская свита, обогащена продуктами выветривания кембрийских пород. Среди них глинистый материал доюрских кор выветривания и остаточный устойчивый компонент - кремнистый щебень, ранее выполнявший трещины в доломитах нижнего кембрия.

Рыхлая толща сложена продуктами дезинтеграции и переотложения юрских пород преимущественно нижней пачки черемховской (заларинской) свиты. Шурфами вскрыты отложения верхнего неоплейстоцена и голоцена. Литологическими особенностями этих отложений являются преимущественно суглинисто-глинистый состав и обилие кремнистых обломков.

Разрез рыхлых отложений. При всем разнообразии разрезов отложений, вскрытых шурфами на исследуемом участке трассы, общими особенностями строения являются: 1) редуцированность голоценовой части разреза; 2) слабая расчлененность сартанских отложений; 3) локальная сохранность осинских почв каргинского мегаинтерстадиала (kr^2) и обилие их седиментов в раннесартанском солифлюксии (sr^1); 4) сложность строения нижней - докаргинской части разреза. Из особенностей состава важно отметить: 1) преимущественно тяжелосуглинистый и глинистый состав всех отложений;

2) бескарбонатность голоценовых отложений и нижней толщи; 3) окарибоначенность отложений сартанского возраста; 4) обилие грубообломочного материала в нижней (докаргинской) части разреза.

Особенности состава и строения нижней толщи отложений. Шурфами вскрыта только верхняя (до 1 м) часть докаргинской бескарбонатной толщи. Предположительный возраст отложений – позднемуруктинский ($mr3$, более 55 тыс.л.). В связи с тем, что к этому уровню приурочен наиболее древний археологический материал, на особенностях строения верхнемуруктинской толщи следует остановиться более подробно.

Вещественный состав толщи представлен желто-бурыми суглинисто-глинистыми линзами и прослоями с обильными включениями кремнистого щебня, иногда гравия и мелкой гальки, редко – обломками юрских песчаников. Здесь же отмечаются линзы и прослои желтоватого песка и супесей, иногда отмечаются деформированные темногумусовые горизонты почв (мощность 7-12 см). Пестрота окраски дополняется локальными зонами ожелезнения, омарганцевания и оглеения.

Различия в вещественном составе, сложность строения и неровная кровля верхнемуруктинских отложений свидетельствуют о динамичных условиях осадконакопления. По предварительным данным активизация движения грунта имела пульсационный характер и была обусловлена в первую очередь своеобразными солифлюкционными процессами. Подвижности грунта благоприятствовала большая влагоемкость суглинисто-глинистых отложений. В условиях высокой влагонасыщенности обильные включения грубообломочного материала только усиливали подвижность грунта за счет гравитационного эффекта. Дополнительными причинами импульсного движения грунта могли выступать ливневые осадки, оползневые процессы, мерзлотный крип и сейсмический фактор.

Движение грунта имело вид локально выдвигающихся «языков» - опьлин грязекаменной массы. Это позволяет рассматривать подобные процессы как склоновые микросели. Общее направление движения грунта шло с более высоких элементов рельефа на более низкие – в ложбины и долины рек. В результате этого вблизи бортов пади отмечалось интенсивная аккумуляция грубообломочных наносов. Днище пади было областью транзита. Подрезание бортов активизировало сползание грунта.

Результирующим выражением многократных склоновых микроселей явилась неоднородная по составу толща отложений позднемуруктинского возраста. Поступающий с водоразделов и склонов грязекаменный материал многократно переотлагался и при этом подвергался воздействию процессов физического выветривания (мерзлотное дробление обломков пород, их истирание, эоловая коррозия на дефлируемых поверхностях). В этих условиях обломки юрских песчаников и алевролитов подверглись быстрой дезинтеграции, вследствие чего грубообломочный компонент верхнемуруктинских отложений содержит лишь единичные обломки юрских пород, но относительно обогащен прочным кремнистым щебнем. Изменения кремнистых обломков были обусловлены лишь мерзлотным дроблением (при замерзании воды в трещинах) и эоловой коррозией.

Эоловую коррозию кремни могли приобрести в процессе сложной истории их транспортировки и многократного переотложения на протяжении позднего палеозоя, раннего мезозоя, а затем в четвертичное время. Однако наличие эоловой коррозии на искусственных сколах кремней указывает на относительно молодую фазу дефляции, предшествующую погребению археологического материала. Эту фазу дефляции мы сопоставляем с позднемуруктинском временем, поскольку именно для отложений этого возраста в долинах Ангары и Лены характерно резко повышенное содержание эоловокоррадированных обломков пород [Стратиграфия..., 1990].

Неровная кровля грубообломочных верхнемуруктинских отложений осложнена древними западинами и промоинами, заполненными преимущественно песчано-супесчаными отложениями, которые транспортировались водными потоками с вышерасположенных участков склона. В этапы стабилизации рельефа на муруктинской поверхности склона формировались почвы. Они сохранились локально в понижениях палеорельефа, где были погребены песчано-супесчаными наносами. На повышениях рельефа, сложенных суглинисто-глинистым материалом с обилием щебня, муруктинские почвы были уничтожены плоскостным смывом и более поздними сартанскими солифлюкционными процессами.

Отложения каргинского возраста в изученных разрезах не имеют хорошей сохранности, хотя в ряде шурфов отчетливо выражены фрагменты осинских почв.

Археология. На местонахождении Комилганская I остатки фауны и находки залежали в отложениях раннесартанского, каргинского возраста и в кровле верхнемуруктинских отложений. В раннесартанских отложениях

зафиксированы как отдельные находки (скребло, призматический монофронтальный нуклеус со скошенной площадкой), так и комплекс, состоящий из кусков кремневого сырья (на некоторых из них видны следы снятий), гальки-отбойника и фрагмента призматического нуклеуса со следами слабой эоловой корразии поверхностей. В каргинской почве найден призматический коррадированный нуклеус и разнообразные сколы. В кровле верхнемуруктинских отложений найдены ретушированные сколы, призматические монофронтальные микронуклеусы со скошенной к контрфронтальной площадке; проколки, резцы, скребла, острия на пластинах, гальки-отбойники. Все изделия имеют следы эоловой корразии.

На местонахождении Комилганская II зафиксировано два уровня залегания артефактов: в раннесартанских отложениях и в кровле верхнемуруктинских образований. В раннесартанских отложениях отмечается совместное залегание фаунистических остатков (в том числе и остатков мамонта) со сколами, скребками, чоппером, нуклеидными преформами, гальками-отбойниками. На одной из этих галек отмечается два участка ярко выраженного протира. Некоторые артефакты имеют следы слабой эоловой корразии. В кровле верхнемуруктинских отложений зафиксированы эоловокоррадированные микронуклеусы леваллуазской традиции, скребла.

На ранее выделенной территории местонахождения Заря-1 (левый борт приустьевого участка пади, склон с отметками 12-8 м) в среднесартанских отложениях отмечаются остатки фауны. В одном из шурфов в кровле верхнемуруктинских грубообломочных наносов найдено продольное скребло с эоловой корразией поверхностей.

Заключение. В результате проведенных исследований по трассе Ковыктинского газопровода на зарларинском участке выявлены три уровня залегания палеолитического материала: sr^1 , kr^2 , mr^3 . Почти весь найденный археологический материал переотложен в результате селеподобных (mr^3) и делювиально-солифлюкционных (sr^1) процессов. Нижний уровень залегания характеризуется довольно редкой стратиграфической ситуацией. На территории Прибайкалья этот период палеолита пока представлен слабо [Стратиграфия..., 1990]. По степени корразии и возрасту (древнее 55-60 тыс.л.н.) комплексы этого уровня можно соотнести с макаровским пластом.

Новые палеолитические местонахождения, выявленные на зарларинском участке трассы будущего Ковыктинского газопровода, представляют несомненный научный интерес, как в исследовательском, так и в методическом плане.

Примечания

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири / Медведев Г.И., Воробьева Г.А., Савельев Н.А. и др. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1990.-165с.

К ВОПРОСУ О ФОРМОВКЕ СОСУДОВ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Северное Приангарье занимает особое положение в истории Сибири. На протяжении тысячелетий оно являлось контактной зоной между Восточной и Западной Сибирью.

Однако если в Прибайкалье и в верховьях Ангары стационарные археологические раскопки велись очень давно, были сделаны обобщения, создана периодизация и выявлены закономерности [Окладников, 1950, 1974, 1975, 1976; Савельев, Медведев, 1973; Савельев, 1989], то среднее и нижнее течение реки в археологическом отношении во многом оставалось белым пятном. В связи с этим, археологическое изучение данного региона имеет огромное значение для понимания древней истории Сибири.

В качестве эталонных памятников автор взял следующие стоянки: Усть-Илим, Бадарма 1, 2, 3, Тушамы, Колпаковка, Парта и Окунёвка. Данные памятники расположены между Шаманским и Аплинским порогами, охватывают участок протяжённостью более трёхсот километров и содержат в себе материалы от различных стадий неолита до железного века [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

Способы конструирования сосудов с большой степенью достоверности можно восстановить по следам, которые этот процесс оставил на поверхностях и изломах, обнаруженных в ходе раскопок фрагментов. Прежде всего к таким следам относится ряд так называемых “технических” или “псевдоорнаментов” [Горюнова, Савельев, 1975, с. 56]. У нас это сетка-плетенка [Березин, Жилицкая, 2003]. Она присутствует на всех исследуемых памятниках и охватывает практически весь интересующий нас период. Наличие данного орнамента на внешней стенке фрагмента говорит о том, что сосуд формировался на какой-то полостейной форме – основе; на внутренней – на форме – шаблоне. В обоих случаях между формой и конструируемым сосудом находилась прокладка из ткани или кожи, оставляющая на поверхности изделия специфические следы. В качестве формы – основы мог использоваться как ранее изготовленный сосуд (оба варианта), так и простое углубление в земле (первый вариант), или специально изготовленный шаблон (второй вариант). Как правило, подобными способами изготавливались крупнообъемные керамические изделия, которым во время лепки была нужна “поддержка”, без которой они бы просто деформировались, оплыли. Прокладка была необходима для луч-

шего, без повреждений, отделения законченного сосуда от формы, особенно если формой служил другой сосуд.

Процесс создания керамических изделий на интересующих нас памятниках сводился к конструированию дна и стенок, то есть полого тела, путем последовательного наращивания лент или жгутов на какую-либо из описанных выше основ, спиральным или кольцевым налетом. «Полым телом принято называть фигуру, образующуюся после завершения строительства днища и стенок будущего сосуда» [Бобринский, 1978, с. 154]. То есть, в нашем случае, полое тело практически и было собственно сосудом, так как сосуды с горлышками в данный период не встречались [Горюнова, Савельев, 1975].

Признаком спирального налета является заметный наклон линии спая между лентами по отношению к основанию изделия [Мильникова, 1999, с. 37], при кольцевом налете линии спая, так же как жгуты или ленты, идут параллельно горизонтальной оси сосуда, то есть из экстремальной точки дна на воображаемую плоскость, образованную каждым витком, можно опустить перпендикуляр.

К сожалению, у фрагментов с орнаментом сетка-плетенка эти критерии работают только при достаточно крупных размерах обломков, когда по их конфигурации можно четко определить вертикальную ось, или когда это значительный кусок венчика, и можно ориентироваться по его верхней поверхности. Сказанное выше относится и к неорнаментированной керамике.

С керамикой, украшенной другими видами орнамента работать легче, так как мы знаем, что оттиски орнаментального штампа, за крайне редким исключением, опоясывали тулово сосуда параллельными друг другу рядами, и были также параллельны верхней поверхности венчика [Березин, 1985].

Больше половины обнаруженных на исследуемых поселениях обломков керамики относились к неорнаментированным или были с техническим орнаментом сетка-плетенка. Поэтому не удивительно, что подвергнуть анализу, с достаточной степенью достоверности, оказалось возможным только небольшое количество фрагментов. Все они, если следовать вышеизложенным критериям, говорят о том, что на исследуемых памятниках бытовала кольцевая техника ведения налета.

Благодаря работе Глушкова И. Г. у нас есть вполне четкое представление о том что есть «жгут», а что «лента» [Глушков, 1996, с. 36]. Анализ имеющегося керамического материала показал, что в интересующее нас время на привлеченных к исследованию памятниках, сосуды лепились при помощи лент. Ленты были узкими, от 1,1 до 2,5 см. На некоторых образцах очень хорошо видно, что крепились они стык в стык. Последнее легко устанавливается благодаря небрежному затиранию спаев на внутренней стороне сосуда.

К сожалению, донных частей с экстремальной точкой и «археологически» целых сосудов было обнаружено крайне мало, но изучение доступных

образцов говорило о том, что форма начина была донно-емкостной, [Бобринский, 1978, с. 114], то есть сосуд начинали изготавливать с днища. Начин представлял из себя скрученную спирально ленту, в конце своего хода скошенную в торце, так что получалась своеобразная “лепешка”. На эту “лепешку” указанным способом наращивались концентрическими кругами ленты, пока полое тело полностью не сформировывалось. Начин сильно приминался, толщина собственно днища была несколько (1–3 мм) тоньше, чем толщина стенок в медиальной зоне [Березин, 1985, с. 32–35].

Малое количество донных и придонных фрагментов не позволяет однозначно утверждать, что вышеописанная техника использовалась всегда и повсеместно, но обломков, указывающих на другие способы лепки, вообще не было обнаружено. Думается, на этих основаниях можно предполагать, что вышеописанный способ формовки сосудов был распространен на всех интересующих нас поселениях.

После того как сосуд приобретал окончательную форму, его поверхности подвергались дополнительной обработке, заглаживанию. Для этой цели использовались смоченные водой щепочки, пучки травы, просто пальцы рук. Хотя к этому времени формовочная масса уже частично утрачивала свою пластичность из-за подсыхания, эти “орудия” оставляли на поверхностях сосуда характерные следы. Так, например, образовался технический орнамент, выделенный нами как “прочерченный”. Хотя, вполне возможно, что на некоторых фрагментах подобные следы образовались в результате выбивки обмотанной каким-то рельефным материалом дощечкой – колотушкой, но незначительные размеры обломков не позволяют говорить об этом с уверенностью.

Обработка поверхностей смоченными в воде руками или куском кожи характерна образованием тонкой пленки высохшего эмульсионного слоя глины, который можно принять за ангоб - слой, преднамеренно нанесенный на изделие [Мильникова, 1999, с. 39]. В данном случае мы наблюдаем полное отсутствие “орнамента”, то есть неорнаментированную керамику. Этот вывод косвенно подтверждается тем, что у неорнаментированной керамики довольно часто наблюдается частичное отслоение тонких прослоек от наружной поверхности фрагментов .

О том как создавались фигурные формы, можно только строить предположения. Обломки венчиков позволяют определить профиль изделия и способ крепления надстройки к тулову сосуда. Скорее всего, надстройка и полое тело конструировались отдельно друг от друга, а потом соединялись. Об этом говорит внутренний скос на верхнем крае верхней ленты полого тела и внешний – на нижнем крае нижней ленты надстройки, в то время как остальные ленты были скреплены между собой стык в стык. Кроме того, в месте соединения надстройки и полого тела проходил наклепной валик. Валик примазывался к тулову сосуда, по нижней и верхней граням шли прерывистые оттиски какого-либо орнаментального штампа или защипы пальцами. Таким образом гончар, очевидно, хотел укрепить наибо-

лее уязвимое место сосуда. Валики, а так же нанесения на них оттисков, преследовали двойную цель. “Эстетическая направленность несомненна, что и позволяет рассматривать все это в качестве элементов декора. Но важно подчеркнуть и утилитарную цель. С помощью таких вдавлений довольно просто решалась проблема крепления наклепного валика к стенке”, [Дьякова, 1984, с. 47, 48] а сами валики надежно фиксировали место крепления (соединения) полого тела и надстройки.

Способы дополнительной обработки поверхностей у фигурных форм были аналогичны вышеописанным.

Подводя итог, можно сказать следующее.

1. Своеобразие неолитических культур Северного Приангарья прежде всего обусловлено их географическим положением

2. Сосуды изготовлялись на формах-шаблонах путём последовательного наращивания лент кольцевым способом.

3. Неолитические сосуды Северного Приангарья изготовлялись из местного сырья.

4. Неолитические культуры Северного Приангарья развивались в контакте с одновременными культурами Среднего Енисея, Прибайкалья и, возможно, Забайкалья, хотя и имели при этом ряд черт, присущих только им.

Примечания

Березин Д.Ю. Неолитический сосуд с поселения Бадарма 2 на Средней Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 32–35.

Березин Д.Ю., Жилицкая Г.Ю. Попытка корреляции некоторых неолитических памятников на Нижней Ангаре на основе керамического материала // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: Изд. ИАЭТ, 2003. – вып. 5. – С. 49–57.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы, М: – Наука, 1978. – 271 с.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: СО, Наука, 1988. – 224 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. –Новосибирск: Изд – во ИАЭТ, 1996. – 327 с.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Опыт разработки номенклатурных понятий для описания неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Проблемы терминологии и анализа археологических источников, – Иркутск; 1975. – С. 50–60.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР (как исторический источник IV-X в.в.). – М: Наука, 1984 – 202 с.

Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племён Нижнего Амура. – Новосибирск: Изд – во ИАЭТ, 1999. – 158 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, Ч. I и II. – МИА, №18, М-Л: АН СССР, 1950. – 411 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). – Новосибирск: – Наука, 1974. – 318 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 318 с

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 327с.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая //Проблемы археологии Урала и Сибири. – М: 1973. – С. 56–64.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

**ДОБЫЧА, ПЕРВИЧНАЯ ОБРАБОТКА И ДВИЖЕНИЕ СЫРЬЯ В
ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И РАННЕМ НЕОЛИТЕ
САХАЛИНА И ХОККАЙДО (20-7 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД)**

Данный доклад посвящен вопросам сырьевого обмена в островном регионе дальневосточных морей в эпоху камня. **Хронологические и географические рамки исследования и группировка объектов исследования.** В эпоху позднего палеолита - раннего неолита от 20 до 7 тысяч радиоуглеродных лет в изучаемом регионе Сахалин-Хоккайдо отчетливо выделяются четыре круга стоянок. В т.ч., северный, ориентированный на светлые кремни и диатомиты, с импортом сургучной яшмы; средне-сахалинский, соответствующий месторождениям яшмоидов Восточно-Сахалинских гор; южно-сахалинский, получавший яшмы с севера и обсидиан с юга, и хоккайдский- обсидиановый.

Сырье. Сырьевая база каменных индустрий палеолита и неолита Хоккайдо и Сахалина включала местную и импортную составляющие. Местные породы, это, в основном, различные ороговикованные и кремнистые породы. Также применялись твердо кристаллические породы, в т.ч., андезит, базальт, габбро, халцедон, кварцит. Как правило, сырье добывалось в радиусе 50 - 100 км от базовых стоянок. Из местных пород изготовлена большая часть орудийного комплекса. Вместе с тем, важнейшим сырьевым дополнением для индустрии позднего палеолита, и еще в большей степени для периодов начального и раннего неолита, являлся импорт пластичного сырья для изготовления микропластин.

Обсидиан. На Японских о-вах, а также на Корейском п-ове и в Приморье в каменном веке отмечается активный обсидиановый обмен с опорой на целую цепь локальных месторождений [Вулканические стекла..., 2000, с. 83 - 87]. Движение обсидиана внутри Японского архипелага отмечено, начиная с периода около 30 тыс. л.н. По данным японских исследователей, археологический обсидиан Японского архипелага происходит из 14 основных источников: семи на равнине Канто и о-ве Козу, трех на о-ве Кюсю и четырех на о-ве Хоккайдо [Ono, 1994; Кимура, 1998; Вулканические стекла..., 2000, с. 100]. 12-7 тысяч лет назад обменный обсидиановый путь соединял между собой Хоккайдо, Ребун, Рисири, Монерон, Курилы, Сахалин и Нижний Амур. В 1992 - 2000 гг. в рамках международного проекта «Обсидиан в первобытных культурах Приморья: археологическая интерпретация», а также при подготовке монографии «Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты» [2000],

группой исследователей во главе с Я.В. Кузьминым, М. Гласкок и др., в т.ч. при участии автора изучены вопросы движения обсидиана по древним обменным путям в северном регионе Восточной Азии.

Методика исследования включала проведение нейтронно-активационного анализа образцов обсидиана с археологических памятников и из коренных источников вулканического стекла, расположенных в регионе. Геохимическая характеристика артефактов рассмотрена на коллекции из 80 образцов обсидиана, отобранных с 41 памятника. Как показал анализ, источником археологического сырья в течение 20 тыс. л. служили три из восьми месторождений Хоккайдо. Одно из района г. Окето, два из района с. Сиратаки: Акайшияма-Хороказава и Хороказава-Хачигозава-Адзюсайтаки. На одних и тех же памятниках встречаются обсидианы с разных месторождений Хоккайдо. На поселении позднего палеолита Огоньки-5 использовался обсидиан только с месторождений Хороказава-Хачигозава-Адзюсайтаки возле с. Сиратаки. А на таких памятниках переходного периода и раннего неолита, как Одопту, Стародубское-3, Огоньки-5 (горизонт 1), 6, 7, Олимпия-1, Пузи-4, Долинск-1, Сокол, а также Ново-Александровское-3, Пугачево-4, 5, Славная-2, Останцевая пещера уже использовался обсидиан из трех источников.

Самые древние находки обсидиана из Сиратаки обнаружены на стоянке Санкакуяма на Хоккайдо (22 тыс. л.н.). В период 20 - 11 тыс. л.н. он распространяется почти на 1,5 тыс. км на Сахалин (стоянки Огоньки-5, Сокол, Петропавловское, Троицкое). Максимальное расстояние перемещения обсидиана с Хоккайдо на север уже в переходный период около 10 тыс. л.н. составляет около 1000 км (север Сахалина, вплоть до стоянок залива Байкал).

На Сахалине пока не обнаружен обсидиан из Приморья, имеющий иной (базальтовый), по сравнению с хоккайдскими (риолитовый) состав. Наибольшее количество артефактов из обсидиана на Сахалине обнаружено на стоянках с радиоуглеродным возрастом от 12 до 7 тыс. лет. По мере удаления на север Сахалина, количество изделий из обсидиана на стоянках начального и раннего неолита убывает, что объясняется наличием местного сырья и удалением от Хоккайдо. На стоянке Сокол, а также других стоянках периода 13 - 9 тыс. л.н., например, Олимпия 1,4-5, найдены многочисленные, в том числе крупные, изделия из обсидиана, включая бифасы, гребни, лыжевидные сколы, крупные орудия, а также все виды дебитаж.

Для стоянок последующего периода раннего неолита, даже при большом количестве обсидиановых изделий, характерна полная утилизация этого ценного сырья (поперечное расщепление микронуклеусов и фрагментация пластин). Фрагментация пластин характерна и для памятников раннего неолита Хоккайдо, но такой экономии сырья как на Сахалине не отмечено. Это говорит о возрастании ценности вулканического сырья в ходе дальнейшей микролитизации индустрии и повышения требований к пластичности расщепляемого материала.

В лаборатории Центра по охране культурного наследия префектуры Хоккайдо по материалам стоянок группы Сиратаки установлено следующее. Полный цикл расщепления включал обработку большого куска обсидиана - преформы, изготовление из него массивного бифаса, расщепление его на клиновидные нуклеусы, изготовление пластин, микропластин, расщепление шло до тех пор, пока не остались небольшие нуклеидные обломки и бракованные нуклеусы, не подлежащие расщеплению. Судя по той степени фрагментации изделий из обсидиана, которую видим на поселении Стародубское-3, на Сахалине этот процесс был не менее полным. В процессе расщепления, один и тот же кусок породы последовательно проходил стадии от клиновидного до цилиндрического или конического нуклеуса. По истощению и он расщеплялся на поперечные сколы.

Наиболее интенсивно обсидиановый обмен развивался уже после возникновения пролива Лаперуза, т.е. после 12 тыс. л.н. Свободное проникновение и обмен технологиями внутри системы Сахалин-Хоккайдо в изучаемый период происходили, несмотря на возникшее препятствие - пролив Лаперуза, который за период до 7 тыс. л.н. постепенно приобрел современную ширину - 42 км. Для его пересечения необходимы устойчивые навыки и средства мореходства. Факт сохранения обсидианового пути и единства технологий обеих территорий в раннем голоцене - одновременно и доказательство ранней адаптации населения региона к приморским условиям.

Наши наблюдения позволяют согласиться с Хидеаки Кимура в том, что обсидиан не только добывался для обмена, но также проходил "предобменную" подготовку уже 18 тыс. л.н. На стоянке Олимпия 5 найдены нуклеусы Хиросато, на стоянках Сокол и Читинка найдены готовые бифасы, крупные пластины из обсидиана, клиновидные нуклеусы. В то же время ни на одной стоянке Сахалина не обнаружено следов первичной обработки самого нуклеуса. Преформы и крупные призматические нуклеусы из обсидиана на Сахалин не приносили ввиду нецелесообразности. Доставлялись готовые изделия, либо полуфабрикаты для изготовления микропластин. Это уменьшало непроизводительные затраты на перевозку дебитажа и повышало коэффициент полезного действия мех ханизмов обсидианового обмена. Следует признать, что уже в позднем палеолите закладывались основы взаимоотношений между отдаленными друг от друга на сотни километров аборигенными группами Сахалина и Хоккайдо. Многие технологии, возникнув на хоккайдских обсидиановых стоянках- мастерских переносились на север в чистом виде, вместе с подготовленными к расщеплению нуклеусами и готовыми орудиями.

Янтарь. Еще одним продуктом обмена, был красный сахалинский янтарь с характерными темными прожилками, который доступен на трех месторождениях юга полуострова - в Стародубском, Кузнецово и у мыса Крильон. Этот янтарь встречается на стоянках Огоньки-5, Стародубское-3, Кузнецово-3, памятниках п-ова Сиретоко, равнины Исикари (Касивадай 1) а также на большинстве памятников эпохи неолита с сохранившимся

культурным слоем. На Хоккайдо янтарь также считается привозным, на юге - с Хонсю, а на севере - с Сахалина. Хотя на северо-западе о.Хоккайдо известно и месторождение, связанное в каменноугольным месторождением на р.Тэсио.

Яшмы Восточно-Сахалинских гор. На Среднем Сахалине, в т.ч. в долинах рек Поронай, Тымь и Набиль, основное сырье индустрии- яшмы сургучного, зеленого и желто-коричневого цвета, широко представленные как в коренных породах в Восточно-Сахалинских горах, так и в виде валунов и галек по всем рекам района. Исследования, проведенные коллективом лаборатории в 2001-2006 гг, позволили выявить серию стоянок-мастерских финального палеолита - раннего неолита, приуроченных к различным источникам яшмы по обеим сторонам хребта Междуречный. Выявлены стоянки Кривун 1-2, Скальный ручей, Восьи-2 - 5. Кроме того, обнаружены охотничьи стоянки не связанные с месторождениями яшмы- Правый Набиль и Восьи 6. Исследования показали, что стоянки мастерские приурочены к многочисленным выходам на поверхность коренных пород. Однако, в качестве заготовок для нуклеусов в основном использовались не плитки коренной породы, а крупные гальки, либо отщепленные от стационарных нуклеусов- валунов куски породы. Таким образом мастера уменьшали процент брака, избегая трещиноватого по структуре сырья из коренного залегания, предпочитая уже реализованные преформы- гальки и валуны. Опорными памятниками являются расположенные в бассейне одноименной реки базовые стоянки- мастерские Восьи 2 и 5. Подавляющая масса изделий на этих стоянках составляет преформы, испорченные и наполовину утилизированные нуклеусы, обломки пластин, реберные сколы реанимации ударных платформ, неудачные изделия и т.д. Одновременно имеются и орудия, в т.ч. со следами использования, что указывает на длительное проживание социумов в горном районе.

Дискуссия. Отметим взаимные отличия между двумя крупнейшими источниками сырья в изучаемом регионе - обсидиановыми залежами Хоккайдо и яшмовым поясом Восточно-Сахалинских гор. Обсидиановые залежи на Хоккайдо ограничены числом и объемами; в разные периоды их контролировали отдельные социумы, что предполагает их раннюю специализацию. Высокие потребительские свойства обсидиана для индустрии микропластин лежали в основе возникшего обсидианового пути. С переходом от микропластин к технике отщепов 7 тыс. лет назад путь потерял значение и движение обсидиана на север резко сократилось.

Довольно скудная местная сырьевая база южно-сахалинских микропластинчатых индустрий существенно дополнялась обсидианом Хоккайдо. На Среднем и Северном Сахалине большой потребности в импорте сырья не было, здесь преимущественно обходились собственными ресурсами. Но месторождения яшм настолько велики, что они не могли быть объектом контроля со стороны отдельных социумов и являлись объектом свободного доступа заинтересованных групп и индивидуумов.

Начиная с изобретения микропластинчатой техники, нуклеусы утилизовались полностью. Обычно же классифицируются изделия, как правило, брошенные мастерами за ненадобностью, почти полностью использованные, либо бракованные, либо утерянные и находящиеся в той или иной точке технологического процесса. Поэтому предполагаем, что задача состоит не в выделении тех или иных типов нуклеусов, а в восстановлении максимально полных технологических цепей расщепления, позволяющих анализировать не типы, а технологии. Изучение стоянок мастерских на Среднем Сахалине, в этом ключе, не менее значимо, чем изучение индустрий вулканических стекол месторождений Хоккайдо.

**К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ
ТАРАДАНОВСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
ФАУНЫ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ***

Одно из наиболее выдающихся среди известных на территории Западной Сибири местонахождений фауны крупных млекопитающих расположено на правом берегу р. Оби, ниже с. Тараданово Сузунского района Новосибирской области. В течение сезонов 2003-2005 гг. здесь проводились сборы палеотериологического материала, и их последующее изучение, включающее, кроме детального морфометрического анализа самих костных остатков, также их радиоуглеродное датирование [Васильев, 2004; Васильев, Орлова, 2005]. В 2005 году было получено 10 новых радиоуглеродных дат, что наряду с биостратиграфическим и тафономическим анализом фаунистических остатков позволило с большей уверенностью судить о возрасте данного местонахождения.

Интенсивно размываемый Тарадановский Яр, достигающий 40-45 м высоты, протянулся в виде огромной дуги более чем на 12 км. Описание слоёв разреза неоднократно приводилось в ряде публикаций [Архипов, 1973; Панычев, 1979]. Основной костеносный горизонт, откуда происходит подавляющая часть костных остатков, находится на несколько метров ниже межленного уреза воды, и размывается рекой непосредственно. В весенне-летнее половодье отмытый материал выносится на обширную песчано-галечную костеносную отмель, расположенную в нижней по течению части яра. К сожалению, гидродинамические условия на данном участке реки таковы, что до пляжа доносятся и отлагаются лишь костные остатки мелкого и среднего размерного класса, как правило, не тяжелее 1-1,2 кг, да и те встречаются исключительно в верхней по течению, головной части пляжа. Основную часть материала составляют многочисленные фаланги, метаподии, астрагалы, кости запястья и заплюсны лошадей, бизонов, олень и шерстистых носорогов.

При определении абсолютного возраста использовались костные остатки нескольких видов млекопитающих. К настоящему времени получено 18 ¹⁴C дат (табл. 2). Как видно из таблицы, большая часть проб (13 дат) имеет околопредельный и запредельный возраст, и только 5 образцов датированы каргинским временем. Радиоуглеродные даты еще раз подтверждают, что

* Данное исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ – грант № 03-06-80289, 06-06-80108.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих Тарадановского местонахождения (основная группа сохранности).

Таксоны	Число костей	в %
Castor fiber	3	0,10
Canis lupus	4	0,13
Ursus arctos	6	0,20
Ursus (Spelaearctos) rossicus	12	0,39
Crocuta spelaea	3	0,10
Panthera spelaea	23	0,75
Mammuthus primigenius	22	0,71
Equus ex. gr. gallicus	1210	39,26
Equus ex. gr. hydruntinus	46	1,49
Equus (Equus) sp.	1	0,03
Coelodonta antiquitatis	231	7,50
Megaloceros giganteus	92	2,29
Cervus elaphus	138	4,48
Alces cf. alces	57	1,85
Rangifer tarandus	1	0,03
Bison priscus	1201	38,97
Saiga borealis	11	0,36
Ovis ammon	2	0,06
Soergelia sp.	20	0,65
Bovidae gen. indet.	2	0,06
Число костных остатков	3085	100

костеносный материал, собранный на отмели, неоднороден. Кости, имеющие запредельный и околопредельный возраст, явно вымыты из песков, уходящих под урез реки. Для этих песков ранее по древесине и растительным остаткам были получены даты древнее 45-50 тыс. лет [Панычев, 1979]. Более молодые костные остатки происходят, по-видимому, из 4 каргинского слоя, представленного суглинками, который был ранее датирован в 30-38 тыс. лет [Панычев, 1979].

Разновременность и неоднородность костного материала, собранного на отмели, подтверждается и степенью его сохранности. При внимательном изучении удаётся сравнительно легко по комплексу признаков разделить его на три неравные, различные по сохранности группы. К основной группе сохранности относится подавляющая часть находок (3085 костей, или 92,8%). Они, несомненно, были вымыты рекой из слоя, погружённого под урез воды. Из этого же слоя, по всей видимости, происходят остатки ранне-среднеплейстоценового возраста, как правило, сильно минерализованные, фрагментарные и окатанные (207 костей или 6,2%), перезахоронившиеся некогда вместе с костями основной группы сохранности.

Таблица 2. Тараданово, пляж.

Радиоуглеродные значения возраста костных остатков.

Проба	Материал для датирования	Возраст, лет
СОАН-5570	Шерстистый носорог, локтевая кость	? 40000
СОАН-5571	Лошадь, берцовая кость	31875 ± 265
СОАН-5572	Мамонт, кость запястья, метаподия	27520 ± 390
СОАН-5573	Бизон, локтевая кость	35052 ± 575
СОАН-5574	Шерстистый носорог, лопатка	25715 ± 235
СОАН-5575	Лошадь, плечевая и лопатка	26785 ± 320
СОАН-5576	Мамонт, обломок лопатки	? 40000
СОАН-5577	Бизон, локтевая кость	? 40000
СОАН-6244	Мамонт, грудной позвонок	? 40000
СОАН-6245	Мамонт, большая берцовая кость(juven.).	>45000
СОАН-6246	Шерстистый носорог, лучевая кость	>42000
СОАН-6247	Гигантский олень, шейный позвонок	>40000
СОАН-6248	Лошадь, крестец	?39800
СОАН-6249	Бизон, поясничный позвонок	?41800
СОАН-6250	Бизон, поясничный позвонок	? 39100
СОАН-6251	Бизон, поясничный позвонок	? 42100
СОАН-6252	Бизон, поясничный позвонок	?39800
СОАН-6253	Бизон, грудной позвонок	>45000

Из верхних горизонтов яра (скорее всего, из лёссовидных суглинков слоя 3) ведёт происхождение немногочисленная (34 кости или 1%) группа костных остатков, отличающихся весьма слабой минерализацией, светлым желтовато-коричневым цветом, часто рыхлостью костного вещества. Наконец, на пляже было собрано 13 костей голоценового возраста, принадлежащие мелкой корове, лошади, собаке, бобру и лосю. К настоящему времени в Тараданово обнаружены остатки как минимум 20 видов крупных млекопитающих, относящихся к основному костеносному горизонту (табл.1).

Сравнительно-морфологический анализ показал [Васильев, 2004], что кабаллоидная лошадь из Тараданово в размерах и пропорциях метаподиальных костей практически полностью соответствует сравнительно не крупной лошади каргинского времени из 4 слоя Красного Яра [Васильев, 2005]. Другие виды крупных млекопитающих из Тараданово по размерам сопоставимых элементов посткраниального скелета занимают, как правило, промежуточную позицию между финалом казанцевского времени (около 100-90 тыс. л.н.) и заключительной частью каргинского времени (около 30 тыс. л.н.). Так, если принять размеры костей посткраниума рисс-

вюрмского бизона Красного Яра за 100%, то соответствующие размеры костей бизона из Тараданово сократились на 0,8%, против 5,7% у бизона из 4 слоя Красного Яра. То же сокращение размеров для лошади составило 4,6 и 3,3% соответственно, шерстистого носорога – 0,6 и 2,8%, лося – 4,8 и 5,4%. Гигантский олень из Тараданово оказался мельче *Megaloceros giganteus* из 6 слоя Красного Яра на 4,4%, а *Cervus elaphus* – мельче на 0,1%, в то время как марал из 4 слоя Красного Яра был крупнее своего рисс-вюрмского предшественника из 6 слоя этого же местонахождения на 4,5%.

Таким образом, большинство видов крупных млекопитающих из Тараданово (бизон, шерстистый носорог, благородный олень, лось), серии одноимённых костей которых достаточно представительны, укладываются в общую тенденцию позднеплейстоценового измельчания териофауны, находясь в этом отношении, по-видимому, всё же ближе к завершающему этапу казанцевского времени. Очевидно, фаунистический комплекс из Тараданово может быть датирован как второй половиной ермаковского времени, так и первой половиной каргинского.

Сезон 2005 года в Тараданово был отмечен рядом новых интересных находок. На костеносной отмели были обнаружены 2 целые пястные кости какого-то неизвестного представителя сем. Bovidae. По размерам они существенно превышают метакарпы *Ovis ammon*, но заметно уступают овцебыку, присутствия остатков которых в данном местонахождении можно было бы ожидать. Морфологически указанные метаподии значительно отличаются и от того и от другого. Анализ имеющихся в нашем распоряжении литературных данных, позволил предварительно определить, что пястные кости принадлежали зоргелии (*Soergelia* sp.) – своеобразному представителю подсемейства Carpiinae. В раннем плейстоцене зоргелии были широко распространены в Голарктике – от Западной Европы до Колымы и Юкона на Аляске, и далее, вплоть до штатов Небраска, Канзас и Техас [Kahlke, 1969; Шер, 1971; Harington, 1987; Cregut-Bonnoure, 2004]. Остатки её найдены также и на юге Западной Сибири – в Казахском Прииртышье [Кожамкулова, Мотузко, 1974], Кузнецкой котловине [Алексеева, 1980], и Новосибирском Приобье [Васильев, 2005]. Сопоставление размеров и пропорций пястных костей, деталей морфологии, различимых на рисунках и фотографиях [Kahlke, 1969; Harington, 1987], позволили с большой долей уверенности отнести находки из Тараданово также к роду *Soergelia* (табл. 3).

Находки пястных костей *Soergelia* sp. заставили ещё раз внимательно пересмотреть ряд костных остатков, определявшихся ранее как принадлежащие к очень крупной форме *Ovis ammon*. Для этих остатков ещё первоначально, в 2003 г., был отмечен (кроме резкого несоответствия в размерах костей) целый ряд морфологических отличий в сравнении с костями *Ovis ammon*. В материале из Тараданово действительно имеются несомненные остатки архара – астрагал и 1-й шейный позвонок с обломанными крыльями.

Таблица 3. Размеры пястных костей представителей рода *Soergelia*.

Промеры, мм	Юг Западной Сибири, Тараданово, W-2			Германия, Q ₁ (Kahlke, 1969)	Аляска, Юкон, Q ₁ (Harrington, 1987)*
	180	172	-		
1. Длина кости	180	172	-	180,6	186
2. Ширина верхнего конца	50,3	51	-	49,8	51,3
3. Его поперечник	30,3	30,3	-	32,1	-
4. Ширина диафиза посередине	31	28,8	-	29,3	30,6
5. Его поперечник	20,3	19,3	-	21,6	-
6. Ширина нижнего конца	56	57	58	56,6	59,8
7. Его поперечник	31,3	30,9	30,4	29,3	-
Индексы:					
2:1	27,9	29,7	-	27,6	27,6
4:1	17,3	16,7	-	16,3	16,4
6:1	31,1	33,1	-	31,3	32,2

*вычислено по фотографии

В результате пересмотра коллекции появилась возможность условно отнести также к *Soergelia* sp., кроме трёх пястных костей (включая её дистальный отдел, найденный в 2003 году), ещё 17 остатков: целый 1-й шей-

ный позвонок, 2 неполных дистальных отдела плечевой кости, проксимальную половину лучевой, дистальный конец берцовой кости, 2 целые пяточные кости, дистальный отдел плюсневой кости, 7 астрагалов, проксимальную половину 1-й фаланги, 2-ю фалангу. По степени своей сохранности перечисленные кости ничем не выделяются среди основной массы позднеплейстоценовых костей, собранных на пляже. Фрагмент 1-й фаланги имеет с дорзальной и волярной сторон следы многочисленных характерных порезов каменным орудием, что происходит обычно при снятии шкуры и разделке туши. Латеральная длина астрагала составляет ($n = 6$) 50,9-М 54,0-56,5 мм, медиальная длина (здесь и далее $n = 7$) – 47,1-М 50,6-53,7 мм, ширина дистального конца – 33,3-М 35,3-37 мм, медиальный поперечник кости – 30,3-М 31,7-34,5 мм.

Парадокс данной ситуации заключается в том, что до сих пор нигде не было найдено остатков *Soergelia* моложе раннего плейстоцена [Cregut-Vonnouge, 2004]. В этой связи возможны 3 варианта: либо весь комплекс млекопитающих основной группы сохранности относится к более раннему времени, либо остатки самой зоргелии попали в основной костеносный слой из более древних отложений, в результате переотложения, или же, наконец, представители рода *Soergelia* дожили на юге Западной Сибири вплоть до второй половины позднего плейстоцена.

Первый вариант является явно несостоятельным: все имеющиеся факты с несомненностью свидетельствуют о позднеплейстоценовом возрасте основного костеносного горизонта Тарадановского Яра.

Второе предположение, на наш взгляд, также имеет мало оснований. Как уже было отмечено, по целому комплексу признаков (цвет с поверхности и в разломе, степень минерализации и окатанности и т.д.) кости, отнесённые к *Soergelia* sp., ничем не отличаются от основной массы костей, собранных в Тараданово. Среди костей зоргелии присутствует большинство элементов посткраниального скелета, что совершенно не характерно для переотложенных остатков. Возможно, что окончательную ясность в вопрос о возрасте остатков *Soergelia* sp. позволит внести радиоуглеродное датирование. С этой целью небольшой образец из диафиза пястной кости любезно был передан Я.В. Кузьминым в одну из лабораторий США.

Наиболее вероятен, на наш взгляд, третий вариант, допускающий, что представители рода *Soergelia* могли дожить на юге Западной Сибири вплоть до второй половины позднего плейстоцена. Находки в Тараданово показывают, что зоргелия (?) была хотя и сравнительно малочисленным, но не столь уж редким видом. По числу костных остатков в ориктоценозе Тарадановской костеносной отмели (0,7%) она встречается даже чаще, чем сайгак, архар, или северный олень. Прояснить вопрос о систематической принадлежности этого интереснейшего представителя сем. Bovidae, возможно, помогут дополнительные сборы палеотериологического материала в Тараданово.

Примечания

Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. М., Наука, 1980, 188 с.

Архипов С.А. Четвертичный период в Западной Сибири. М., Наука, 1971, 331 с.

Васильев С.К. Тафономические особенности Тарадановского вторичного аллювиального местонахождения. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., часть II, с. 164-168.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья (по материалам местонахождения Красный Яр). Автореф. дис. канд. биол. наук. Новосибирск, 2005, 26 с.

Васильев С.К. Зоргелия (*Soergelia* sp.) в Новосибирском Приобье. // Фауны Урала и Сибири в плейстоцене и голоцене. Челябинск: изд-во «Рифей», 2005, с.81-88.

Васильев С.К., Орлова Л.А. Новые данные о Тарадановском местонахождении фауны крупных млекопитающих. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I, с. 22-26.

Кожамкулова Б.С., Мотузко А.Н. Зоргелия в Казахском Прииртышье. // Вестник АН Каз. ССР. 1974. №7. с. 61-63.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Прердалтайской равнины. Новосибирск, Наука, 1979, 104 с.

Шер А.В. Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки. М., Наука, 1971, 310 с.

Cregut-Bonnoure E. European Caprinae (Ovibovini, Caprini) from the Plio-Pleistocene: new interpretations. // 18th International Senckenberg Conference in Weimar. Weimar, 2004. p. 88.

Kahlke H.-D. Die *Soergelia* – Reste aus den Kiesen von Sussenborn bei Weimar // Palaont. Abhandl. A. 1969. Bd. 3, ht. 3/4.

Harington C.R. *Soergelia*: an indicator of holarctic middle Pleistocene deposits? // National Research Council. Ottawa, 1987. pp. A1-A9.

**НОВЫЕ ПАЛЕОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПЕЩЕРЫ ЛОГОВО ГИЕНЫ
(СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)**

Пещера Логово Гиены по обилию и сохранности палеофаунистических остатков остаётся на сегодняшний день наиболее выдающимся памятником среди других пещерных местонахождений Горного Алтая. Эта пещера замечательна тем, что накопление костных остатков здесь происходило без участия человека, в результате жизнедеятельности хищных зверей и, в меньшей степени, птиц. Изучение материалов из Логова Гиены даёт возможность сопоставить тафономические особенности данного местонахождения, где «чистота природного эксперимента» ничем не нарушалась, с теми алтайскими памятниками, где она была осложнена присутствием палеолитического человека (пещеры Денисова, Каминная, Страшная, Усть-Канская и др.).

Пещера, или грот, глубиной около 20 м, за освещённой центральной камерой переходит в поднимающуюся вверх (под углом 25-30°) короткую галерею, тёмную и сырую, заканчивающуюся небольшим расширением. Подробное описание пещеры было опубликовано ранее [Галкина, Оводов, 1975]. Раскопки 1969 г. проводились по условным 20-см горизонтам, при промывке небольшой части грунта. Отвал при этом частично был оставлен в пределах центральной камеры. В это время была раскопана основная часть заполнения центральной камеры; остались нетронутыми только небольшие участки в её дальней, тёмной части, пограничные с галереей. За период после 1988 г. они, однако, оказались почти полностью уничтожены грабительскими раскопками: известно, по меньшей мере, о трёх подобных эпизодах. В 2006 г. возле выхода из пещеры также было обнаружено около 1,5 сотен уже выветрелых обломков костей, оставшихся после варварской деятельности «чёрных палеонтологов».

Наша задача в 2006 г. заключалась в попытке обнаружить нетронутые участки костеносного слоя, и отобрать грунт на промывку, с целью получения микротерииофауны, остатков зверей и птиц мелкого и среднего размерного класса, а также образцов на радиоуглеродный анализ.

В центральной камере сверху вниз прослеживались: 1) Суглинки тёмно-каштановые, рыхлые, пылеватые. Мощность до 20-25 см; 2) Суглинки светло-каштановые, плотные. Основной костеносный горизонт. Мощность до 60-80 см; 3) Суглинки тёмно-коричневые, плотные и вязкие. Мощность до 50-60 см; 4) Суглинки красновато-охристые, плотные, вязкие. Сохранились

лишь местами, в западинах скального дна, и представляют собой, очевидно, остатки первоначального заполнения полости пещеры, уничтоженного размывом. Мощность до 20-25 см. [Галкина, Оводов, 1975].

Благодаря тому, что скальное дно в районе центральной полости образует седлообразное понижение, вышеперечисленные слои, залегающие субгоризонтально, не распространяются за её пределы – в галерею, и на предвходовую площадку. В слое 1, наряду с костями типичной голоценовой сохранности, попадает много плейстоценовых остатков, попавших, сюда в результате норных перекопов, на что указывают находки в слое целых черепов таких активных землероев, как барсук и цокор.

В 2006 г. были проведены следующие работы: на предвходовой площадке, перед капельной линией, практически до скального дна был заложен шурф размером 1×2 м. Под 80-см толщиной отвала удалось проследить: 1. Тёмно- каштановый гумусированный суглинок, мощностью 15 – 20 см с находками костей *Сervus elaphus* голоценовой сохранности. 2. Желтовато-коричневый лёссовидный суглинок, мощностью свыше 30 см, обильно насыщенный обломочным материалом, лежащий на скальном основании. Находок костей не отмечено.

В начальной части галереи, под нависающей правой стенкой, также был заложен небольшой (1×2 м) раскоп. В нём выделяются: 1) Тёмно-каштановый рыхлый голоценовый суглинок, аналогичный слою 1 центральной камеры, с находками костей голоценовой и плейстоценовой сохранности. Мощность до 15 см; 2) Тёмно-коричневый вязкий, сильно увлажнённый суглинок мощностью 15-20 см; 3) Вязкий суглинок, обильно насыщенный обломками известняка, постепенно переходящий в скальное дно. Мощность более 20 см. По структуре и составу сходен со слоем 2, однако, в отличие от последнего, находок костей в нём не отмечено.

В нескольких метрах выше по галерее под тонким слоем (от 1-2 до 5-10 см) тёмного голоценового суглинка, залегают слои беловатой, очень плотной и вязкой пещерной глины. В поверхностных сборах в пределах галереи преобладают находки костей голоценовой сохранности, но попадают и обломки костей плейстоценового возраста.

Не потревоженные предшествующими раскопками участки основного костеносного слоя 2 были обнаружены в 5 пунктах. Пункт 1. Находится в дальней части центральной камеры, на границе с началом галереи. Сохранился незначительный участок, площадью менее 0,5 м², мощностью до 20 см. Пункт 1а. Ниша в стене пещеры, площадью около 1,2 м², расположена с правой стороны, сразу за центральной камерой. Сохранились нижние части костеносного слоя. Пункт 2, в правой дальней части центральной камеры, представляет собой заполнение щели между стеной пещеры и глыбой известняка. Ширина 10-20 см, глубина 30-40 см. Грунт выбран на протяжении около 1,5 м. Пункт 3. Расположен в центральной части грота. Участок, площадью около 0,5 м², находился непосредственно под лежащей *in situ* массивной плитой известняка. После её удаления, на глубину до 15-

20 см, был выбран чрезвычайно насыщенный фаунистическими остатками костеносный слой. Позднее, уже при переборке промытого грунта, здесь был найден зуб палеолитического человека. Пункт 4. Представляет собой горизонтальную, глубокую, слабо наклонённую (от прохода) трещину в стене, находящуюся на 30-40 см ниже первоначального уровня грунта. Эта щель между каменными плитами, высотой 10-15 см, глубиной свыше 70-80 см, была выбрана на протяжении более 1 м. Она оказалась плотно заполнена конгломератом из суглинка, обломков известняка и костей. В глубине щели, на расстоянии 60-70 см от края стены были обнаружены заклиненные здесь две дистальные половины плечевых костей бизона, его астрагал, 1-й шейный позвонок, и ещё целый ряд фрагментов крупных трубчатых костей. Видимо, в этом месте, на проходе в центральную камеру, уровень трещины в стене в какой-то момент сравнялся с уровнем пола. Многочисленные члены кланов гиен, обитавшие в пещере, способствовали тому, что валявшиеся в проходе кости закатывались, а зачастую и плотно забивались в щель между известняковыми блоками вместе с затёками грунта. Таким образом, все обнаруженные нами уцелевшие участки залегания слоя *in situ* стратиграфически относятся к нижней части основного костеносного горизонта (слой 2).

Пещерные гиены являлись весьма универсальными «коллекторами», которые собирали в своё логово останки павших и добытых ими животных со всех ближайших окрестностей пещеры. В этом смысле не являются исключением, по всей видимости, и подобранные ими где-то останки палеолитического человека, зуб которого был найден в центральной части грота. Древний человек, как показывают находки двух каменных отщепов в пункте 1а, и слабых углистых прослоек, отмеченных в 1969 г., всё же изредка посещал Логово Гиены.

Судя по всему, изначально гиены затаскивали в пещеру почти все части туш животных, в основном уже освобождённые от мягких тканей, в первую очередь - дистальные отделы конечностей и головы. Однако в дальнейшем сокрушительное воздействие зубов гиен выдерживали, и, в конце концов, перекрывались осадком, лишь наиболее прочные элементы скелета: астрагалы, метаподии, в меньшей степени фаланги, дистальные отделы плечевых костей (в особенности бизона). Головы лошадей, бизонов и оленей также целиком разгрызались гиенами, оставляя после себя лишь сотни изолированных зубов. Находки зубов и молочных бивней мамонтов показывают, что пещерные гиены затаскивали в пещеру и полностью утилизировали даже черепа молодых мамонтов. Примечательно, что гиены подбирали и весьма малоценные в питательном отношении сброшенные рога маралов, что, возможно, является свидетельством длительных сезонных голодовок. Часть сильно погрызенной роговой штанги *Cervus elaphus* была обнаружена в пункте 3, под камнем; тот же факт отмечался ранее (Оводов, 1979). О широком развитии каннибализма в популяции *Scotia spelaea* говорит тот факт, что на 86,2% её остатки состоят из изолированных зубов и

Таблица 1. Распределение фрагментов костей крупных млекопитающих в плейстоценовых отложениях пещер Горного Алтая.

Памятники	Размерный класс							
	1-2 см		2-5 см		5-10 см		> 10 см	
	экз.	в %	экз.	в %	экз.	в %	экз.	в %
Логово Гиены, 2006 г.	2400	39,1	2624	42,7	913	14,9	202	3,3
Денисова (Деревяно и др., 2003).	88183	74,2	29378	24,7	1223	1,1	64	0,05
Каминная (Васильев, Деревяно, Маркин, 2006).	7799	73,1	2301	21,6	513	4,8	58	0,5

их осколков, а на всех остальных более-менее крупных фрагментах костей отмечены следы сильных погрызов.

Крупные фрагменты трубчатых костей, десятки практически целых метаподий бизонов, яков, лошадей, носорогов, обнаруженные в результате раскопок 1969 г., указывают, по-видимому, на чрезвычайно быстрое (в течение немногих сотен или тысяч лет) накопление костеносного горизонта. Так это, или нет, покажут, возможно, результаты радиоуглеродного анализа: 9 новых образцов костей из разных пунктов с этой целью были переданы Л.А. Орловой. Единственная дата из Логова Гиены сделанная по кости бизона с глубины 40-60 см – 32700 ± 2800 лет (СОАН-110), указывает на каргинский возраст костеносного слоя [Галкина, Оводов, 1975].

По полноте сохранности костных остатков материал из Логова Гиены значительно превосходит другие пещерные местонахождения Горного Алтая, накопление плейстоценовой толщи в которых происходило, подчас, крайне медленно (со средней скоростью всего несколько сантиметров в тысячелетие), в результате чего в отложениях подавляющим образом сохранялись лишь мелкие, неопределимые обломки костей. Так, если в Логове Гиены к числу определимых принадлежит 34,5% всех костных остатков, то в Денисовой пещере - менее 1%. Однако и в Логове Гиены абсо-

лютно преобладают (81,8%) остатки мелкого размерного класса - длиной менее 5 см. По мнению Г.Ф. Барышникова [Деревяно и др., 2003], большая часть подобных фрагментов костей попадала в пещерные отложения из распавшихся копролитов гиен. Нами было учтено 47 копролитов гиен

Таблица 2. Видовой состав и количество костных остатков
млекопитающих в пещере Логово Гиены.

Таксоны	Галерея, 2006 г.		Центральная камера, слой 2			
	0-15 см	15-30 см	2006 г.	1969 г.	Всего	в %
<i>Homo sapiens</i>	-	-	1	-	1	0,02
<i>Asioscalops altaica</i>	80	33	234	43	277	9,17*
<i>Lepus tanaiticus</i>	10	18	24	42	66	1,14
<i>Lepus tolai</i>	5	-	20	56	76	1,31
<i>Ohotona sp.</i>	9	1	26	79	105	3,48*
<i>Citellus sp.</i>	6	2	41	103	144	4,77*
<i>Marmota baibacina</i>	24	6	29	92	121	2,09
<i>Castor fiber</i>	-	-	2	-	2	0,03
<i>C. cricetus</i>	324	162	228	339	567	18,77*
<i>M. myospalax</i>	1121	411	1259	646	1905	63,06*
<i>Arvicola terrestris</i>	-	-	8	15	23	0,76*
<i>Rodentia gen. indet.</i>	550	-	404	-	404	-
<i>Canis lupus</i>	15	-	24	69	93	1,61
<i>V. vulpes</i>	27	-	40	26	66	1,14
<i>Vulpes corsak</i>	5	-	22	9	31	0,54
<i>Cuon alpinus</i>	-	-	5	2	7	0,12
<i>Ursus arctos</i>	1	-	2	9	11	0,19
<i>Martes zibellina</i>	1	-	1	-	1	0,02
<i>G. gulo</i>	1	-	1	-	1	0,02
<i>Mustela erminea</i>	-	-	3	5	8	0,13
<i>Mustela nivalis</i>	-	-	4	2	6	0,10
<i>Mustela altaica</i>	-	-	2	2	4	0,07
<i>Mustela eversmanni</i>	-	-	7	11	18	0,31
<i>M. meles</i>	-	3	-	2	2	0,03
<i>Crocota spelaea</i>	3	4	94	282	376	6,50
<i>Panthera spelaea</i>	-	-	4	7	11	0,19
<i>Mammuthus primigenius</i>	1	-	3	25	28	0,48
<i>Equus ferus</i>	-	-	36	-	36	0,62
<i>Equus hydruntinus</i>	5	2	111	-	111	1,92
<i>Equus sp.</i>	18	7	248	2410	2658	45,98
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	2	-	27	182	209	3,62
<i>Cervus elaphus</i>	2	4	43	181	224	3,87
<i>Megaloceros giganteus</i>	-	-	6	-	6	0,10
<i>A. alces</i>	-	-	-	10	10	0,17
<i>Bos (Poëphagus) baicalensis</i>	-	-	2	9	11	0,19
<i>Bison priscus</i>	8	9	255	830	1085	18,77
<i>Capra sibirica</i>	-	-	29	-	29	0,50
<i>Ovis ammon</i>	3	1	19	-	22	0,38

Ovis-Capra	6	-	28	423	451	7,80
Неопределимые обломки	1500	347	5084	-	5084	-
Всего костных остатков	3727	1150	8378	5910	14288	100

* Процентное соотношение среди представителей Insectivora, Rodentia и Lagomorpha среднего размерного класса (общее количество их костных остатков – 3021).

(преимущественно их мелких фрагментов) и более 20 характерных, оглаженных желудочным соком обломков костей и зубов. В отложениях Логова Гиены доля фрагментов костей мелкого размерного класса (1-2 см) почти вдвое меньше, чем в Денисовой и Каминной пещерах. Напротив, относительное обилие костных остатков следующих размерных классов (2-5, 5-10 и > 10 см) здесь существенно возрастает (табл.1), что дополнительно свидетельствует в пользу быстроты осадконакопления. Следы воздействия зубов хищников отмечаются, в первую очередь, на крупных фрагментах костей. Среди костных остатков длиной 5-10 см явные следы погрызов отмечены в 14,8% случаев, а среди обломков длиннее 10 см – уже в 26% случаев.

Видовое разнообразие и количественное соотношение костных остатков тех или иных видов мегафауны, представленное в пещерном тафоценозе, по всей видимости, довольно точно отражает действительное соотношение видов в биоте каргинского времени Горного Алтая. Раскопки и промывка грунта в 2006 г (было промыто чуть более 0,5 м³) позволили добавить в дополнение к ранее опубликованному списку [Галкина, Оводов, 1975] несколько новых видов млекопитающих (табл. 2). В тафоценозе 2 слоя преобладают остатки лошадей – 48,5%, из которых около 1/3 относится к очень крупной форме кабаллоидной лошади - *Equus ferus*, а 2/3 – к плейстоценовому ослу *Equus ex. gr. hydruntinus*. Бизону принадлежало 18,8% костей, и 8,6% - архару и горному козлу. Среди хищных резко доминируют остатки гиены – 6,5%, что, по классификации Г.Ф. Барышникова [2005] позволяет рассматривать пещеру Логово Гиены как временное, сезонное убежище кланов пещерных гиен, использовавшиеся для выведения потомства: зубы *Crocota spelaea* молочной генерации составляют здесь 37%.

Данные споро-пыльцевого анализа [Галкина, Оводов, 1975] свидетельствуют о развитии лесостепных ландшафтов, где среди разнотравно-попынных степей существовали участки берёзово-елово-сосновых лесов. Фаунистическая ассоциация, полученная нами в 2006 г. позволяет говорить скорее о господстве степных ландшафтов. На это указывает, кроме почти полного отсутствия остатков чисто лесных видов, преобладание костей плейстоценового осла, бизона, присутствие остатков корсака, степного

хоря, зайца-толая, гигантского оленя, байкальского яка. Плейстоценовый благородный олень и лось, в отличие от современных, имели иные экологические адаптации, и также был связаны с открытыми – степными и лесостепными ландшафтами.

Авторы выражают признательность археологам А.Н. Зенину и А.В. Постнову за помощь в организации работ.

Примечания.

Барышников Г.Ф. Пещерная гиена (*Stocuta spelaea*): тафономия и адаптация. // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 15-16.

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих финала сарганского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминной). // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, №2 (26), 2006. С. 2-22.

Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогенная териофауна пещер Западного Алтая. // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. Изд-во «Наука»: Новосибирск, 1975. С. 165-180.

Барышников Г.Ф. Костные остатки крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003, 448 с.

Оводов Н.Д. Млекопитающие позднего антропогена юга Сибири и Дальнего Востока по материалам пещерных местонахождений. // Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1979, 22 с.

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗУБОВ СУРКА ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТАВДИНСКОГО ГРОТА*

До 2002 г. территория левобережья р. Катунь от озера Ая до Большой Тавдинской пещеры в археологическом отношении являлась практически неизученной. В 2002 - 2005 г. на этой территории выявлено восемь объектов археологического наследия. В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ заключён договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. В рамках этого договора сотрудниками АлтГУ летом 2005 г. начаты работы по изучению Тавдинского грота.

Тавдинский грот находится в Тавдинском карстовом массиве в 7 км выше по течению от с. Манжерок, у подножия Большой Тавдинской пещеры, располагается на высоте 18-20 м., что соответствует высоте второй надпойменной террасе Катунь. Площадь грота не велика, около 30 кв.м., высота от 3.50 до 2 метров. Вход обращен на Ю-В. Раскоп шириной 1 м и длиной 8 м был заложен вдоль продольной оси грота с выходом на предвходовую площадку. Вскрытая мощность рыхлых отложений составила 2,65 м. В результате исследований зафиксировано три литологических горизонта.

К слою три приурочены материалы относящиеся к эпохе финального неолита – раннего энеолита. Находка фрагментов тонкостенных сосудов орнаментированных гребенчатым штампом и толстостенной неорнаментированной керамики позволяет отнести этот комплекс к позднему этапу среднекатунской поздненеолитической культуры [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005]. Два предмета, изготовленные из отростков рога косули из этого слоя [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 219], а также перламутровые подвески [Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 255] подвергались трасологическому анализу.

Предметом данной работы являются резцы алтайского сурка (*Marmota baibacina*) найденные в третьем горизонте. Во время раскопок в гроте и в ходе камеральной обработки материалов следы использования на резцах не фиксировались. В результате определения видового состава мелких млекопитающих из Тавдинского грота выполненного к.б.н. Т.А. Дупал (Институт систематики и экологии животных СО РАН), выяснилось, что

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а

кроме 25 резцов алтайского сурка (*Marmota baibacina*), больше не встречены кости этого животного. Резцы сурка без видимых следов обработки часто встречаются в неолитических погребениях Алтая, и всегда их считали элементами украшения костюма [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995 С. 38; Маркин С.В., 2000, С. 61; Кунгурова Н.Ю., 2005, С. 38-39]. В третьем горизонте были найдены перламутровые подвески [Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 255], которые использовались как элементы украшения костюма. Поэтому было решено исследовать резцы трасологически с целью определения их возможного использования.

Функциональные исследования артефактов базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Семенов, Коробкова, 1987; Korobkova, 1999 и др.] и на методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л. Кили [Keeley, 1980; Moss, 1983; Vaughan, 1985; etc.]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999].

При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе, дополнительно, использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся, специально адаптированный для микро-трасологии, микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат.

Обследование поверхности клыков сурка показало, что они имеют следы преднамеренной обработки человеком и использовались им в качестве орудий труда (рис. 1-1). Совокупный анализ артефактов позволил определить технологию их производства и функцию данных орудий.

Установлено, что рабочий край инструментов оформлялся путем резового скалывания и приобретал, таким образом, необходимую приостренную, слегка уплощенную с внутренней части естественного изгиба заготовки, форму (рис. 2-2). В отдельных случаях отмечена поперечная пришлифовка кромки на мелкозенистом плоском твердом абразиве. Выпуклый край рабочего участка инструментов иногда подтачивался поперечным движением мягкого эластичного абразива (рис. 1-2).

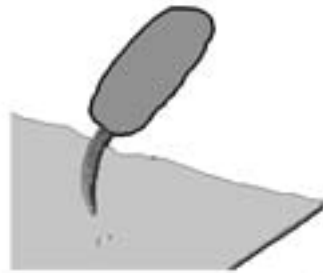
На рассматриваемых образцах прослежены и следы аккомодации, т.е. приспособления изделий для их крепления в рукояти. Вероятно, именно для плотной фиксации клыков их обрезали у основания (рис. 2-1) и подтачивали внешнюю поверхность у основания инструмента на абразиве (рис. 2-3).

1

2

3

Рис. 1. Материалы третьего горизонта Таадниского грота.
 1, 2 рензы сурка со следами подработки.
 3 - использование зубов в качестве перфораторов.

Способ использования инструментов в работе определен на основании изучения микроследов на рабочей части орудий (рис. 2-4). Характерный, почти зеркальный блеск поверхности свидетельствует об интенсивном контакте инструмента с мягкой, вероятно свежей, шкурой животных. Учитывая, определенную на основе направленности микролинейных следов, кинематику движения орудий в процессе их утилизации, было определено

Рис. 2. Материалы третьего горизонта Такдизского грота.
1-4 резцы сурка со следами подработки.

и функциональное назначение инструментов. Все изученные изделия представляют собой «перфораторы», т.е. орудия для прободения мягких органических материалов (рис. 1-3). Можно предположить, что использовались изучаемые инструменты для прокалывания относительно толстых шкур именно при их сшивании. Учитывая размер, прочность и интенсивность износа рассматриваемых орудий, можно предположить, что применялись

они при изготовлении относительно прочных, больших по размеру изделий, вполне возможно таких, как тент или покрытие каркасного жилища.

Определение этих артефактов как «перфораторов» оказалось несколько неожиданным, но это открывает новые перспективы для реконструкции среды обитания населения Тавдинского грота в финальном неолите - раннем энеолите. Представляется перспективным трасологическое исследование материалов уже известных комплексов неолита-энеолита с целью поиска следов аналогичной технологической традиции.

Примечания

1. **Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. - Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980.

2. **Korobkova G.F.** Narzedzia w pradziejach. - Torin, 1999.

3. **Moss E.H.** The functional analysis of Flint implements. - Oxford, 1983.

4. **Vaughan P.** Use-wear analysis of flaked stone tools. - Tucson: Univ. of Arizona Press, 1985.

5. **Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

6. **Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Трасологическое исследование перламутровых «бусин» из материалов Тавдинского грота // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. - Т. I. - С. 253-255. Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул: Азбука, 2006. С. 217-222.

7. **Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул: Азбука, 2006. С. 217-222.

8. **Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XI. Часть I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 333-339.

9. **Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.** Археология нижнетескенской пещеры 1 (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. гос.ун-та, 1995. - 150 с.

10. **Коробкова Г.Ф.** Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. - Л., 1969. - N 158.

11. **Кунгурова Н.Ю.** Могильник Солонцы-5. Культура погребённых неолита Алтая: Монография. - Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. - 128 с.

12. **Маркин С.В.** неолитическое погребение северо-западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. №2(2) 2000.

13. **Семенов С.А.** Первобытная техника // МИА - М.; Л.: Наука, 1957. - N 54.

14. **Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. - Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1983.

РАСКОПКИ СТОЯНКИ РАННЕГО НЕОЛИТА СЛАВНАЯ-5 НА ОСТРОВЕ САХАЛИН В 2006 ГОДУ

В сентябре 2006 года отрядом №2 археологической экспедиции Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ производились охранные археологические раскопки стоянки Славная 5. Стоянка Славная 5 располагается в 96 км к северу от г. Южно-Сахалинска, в зоне строительства трассы магистральных трубопроводов.

Памятник приурочен к реликтовой морской аккумулятивной террасе 10-15 метрового цикла, прорезанной безымянным ручьем. Площадка полого-наклонная, поросла хвойным лесом, ограничена с юга оврагом и поймой безымянного ручья, с востока болотистой низиной, с запада и севера – вышележащей террасой (рис.1). Поселение располагалось на древнем берегу моря (возможно лагуны), что характерно для подавляющего большинства поселений начальной фазы среднего неолита (культура Сони) и части стоянок и поселений раннего неолита – группа памятников приморской ориентации [Василевский, Грищенко, 2002].

Стоянка обнаружена в ходе мониторинга строительства трассы трубопроводов в 2005 году А.А.Василевским, В.А.Грищенко, П.В.Кашицыным, В.Д. Федорчуком. Объект не имеет внешних признаков, поэтому обнаружение его связано с наблюдением за вскрышными работами, которые были остановлены на данном участке до проведения спасательных археологических раскопок. Раскопки проводились по Открытому листу выданному Грищенко В.А., руководитель экспедиции – д.и.н. А.А. Василевский.

Раскоп стоянки Славная 5 занимал площадь 180 кв.м. При мощности раскопа до 1 м разрезом вскрыты следующие отложения, описанные сверху - вниз:

Слой «0» - наброс строительных отвалов. Мощность до 0,2 м.

Слой 1 – гумусированная супесь, подстилаемая супесью светло-серого цвета. Мощность до 0,1м.

Слой 2 – суглинок тяжелый, темно-коричневого цвета, окрашенный углем и включающий линзы серого, коричневого и бурого цвета, структура мелкокомковатая, слой насыщен находками и угольками, залегает горизонтально, окраска слоя связана с корневой деятельностью растений (затеки) и человеческой (уголь), мощность до 0,3м.

Слой 3 – суглинок тяжелый, горчичного цвета, структура мелкокомковатая, слой насыщен находками и угольками, мощность до 0,3м.

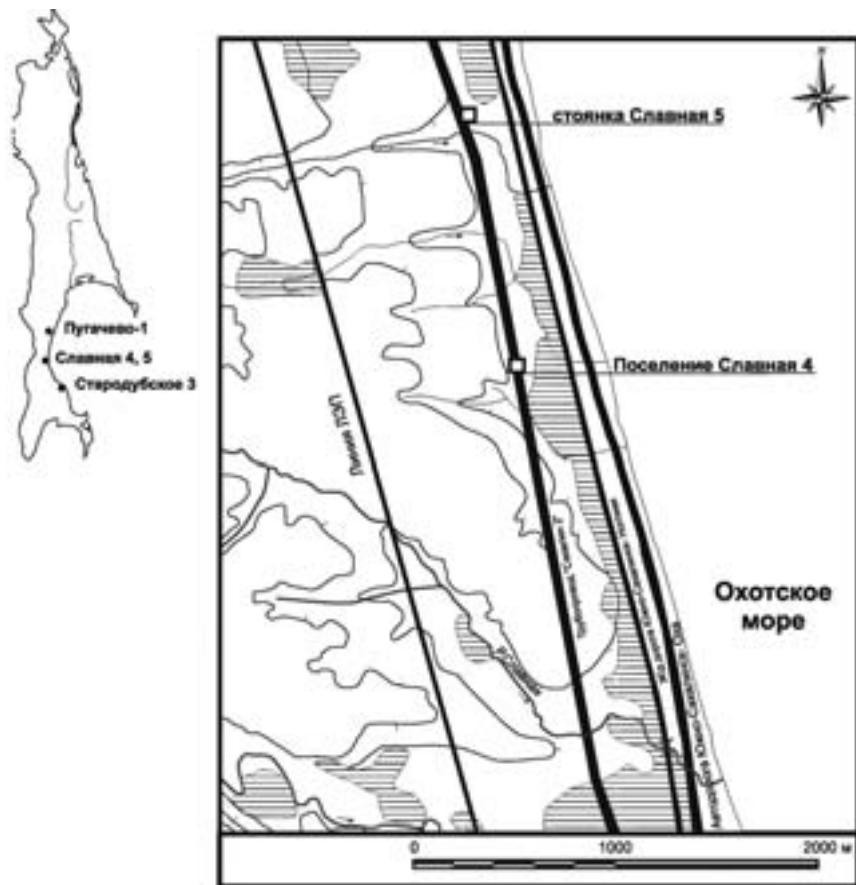

Рис. 1. План расположения стоянок раннего неолита Пугачево-1, Славная-4 и 5 и Стародубское 3 на Южном Сахалине.

Слой 4 – суглинок тяжелый, горчичного цвета, структура крупнокомковатая, слой не содержит углей и артефактов, является основанием раскопа.

Коллекция памятника включает шлифованное кольцо с насечками, предположительно из нефрита, и состоит в основном из каменных изделий, с небольшим количеством керамики, общим числом около 700 артефактов (включая чешуйки и мелкие отщепы).

В коллекции присутствуют нуклеусы разнообразных типов из обсидиана и кремня, технические сколы, орудия на уклонившихся сколах, отщепы, пластины, микропластины, орудия и отходы производства, включающие и отходы при вторичной обработке рабочих поверхностей орудий. Смыв артефактов по склону не отмечен – массивные тесла и сколы обнаружены вместе с легкими микропластинками и отщепами в местах обработки камня. Учи-

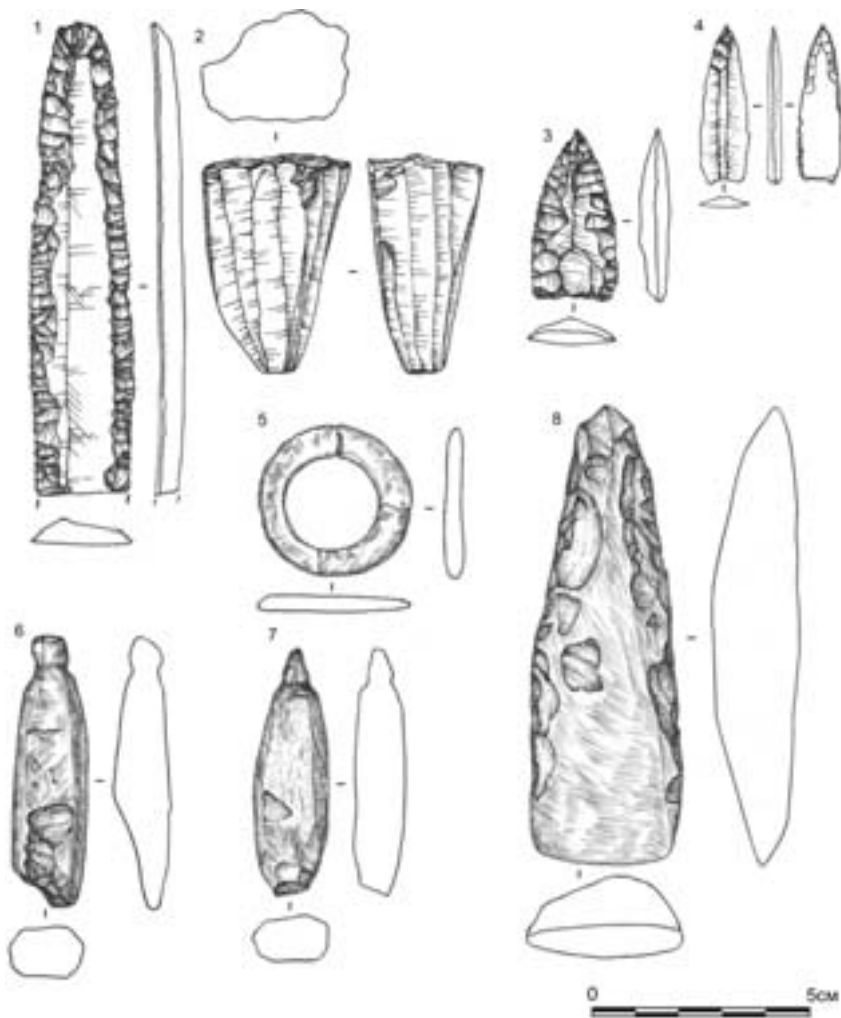

Рис. 2. Артефакты из раскопок стоянки Славная-5. Остров Сахалин. 2006 г.

тывая наличие таких скоплений разноразмерного материала и различный характер пространственной ориентации находок в слоях 2 и 3 закономерен вывод об инситуном характере залегания археологических находок.

Комплекс находок представлен полным циклом расщепления для местных пород сырья. В то же время значительную долю каменной индустрии составили предметы из обсидиана о. Хоккайдо. При этом, обращает на себя внимание отсутствие галек, преформ, первичных сколов для импортного обсидиана. Следовательно, можно сделать вывод, что импортировался обсидиан не в крупных аморфных отдельностях, типа галек или крупного щебня, а, скорее всего, в виде сколов-заготовок.

Основная масса археологических находок приурочена к слоям 2 и 3, в которых найдено около 600 предметов. Индустрия этих слоев составляет единый в технологическом и хронологическом отношении комплекс. Сырьем для производства пластин служили хоккайдский обсидиан (более 50% находок) и местные породы – роговик, кремь и метоморфизованные осадочные породы. Техника первичного раскалывания представлена нуклеусами конической формы параллельного принципа снятия и отходами производства – сколами с галечной коркой, отщепами. Нуклеусы конической формы относятся к типу одноплощадочных параллельного принципа расщепления, на фронте изделий – негативы микропластинчатых снятий (рис.2,2). Кроме этих находок отмечаем наличие оригинальных орудий изготовленных на килевых частях (уклонившихся сколах) конических нуклеусов, на латералах этих изделий отмечены следы подправки рабочего края мелкой ретушью и ретушь утилизации.

Орудийный набор представлен в основном орудиями на средних, малых и длинных пластинах. Среди этой группы артефактов выделяется группа наконечников стрел на пластинах с выемчатым и прямым основанием. Изделия изготовлены на малых и средних пластинах острие и края оформлены краевой односторонней ретушью, дорсальной или вентральной, в ряде случаев наблюдается комбинация двух приемов обработки (рис.2,3,4).

Ножевидные орудия на пластинах составляют самую значительную часть коллекции. Изделия отличаются по размеру, наличию и степени вторичной обработки. Наиболее распространенный способ оформления орудий – обработка дорсала краевой мелкофасетчатой ретушью (рис.2,1).

Рубящие орудия (рис.2,8) представлены топорами и теслами односторонне, двусторонневыпуклых и уплощенных форм. Степень шлифовки этих орудий, по всей видимости, зависела от характера использования артефакта и варьируется от незначительной до покрытия 1/2 поверхности изделия. К данной категории следует отнести и характерные орудия усеченно треугольной формы, по форме напоминающие тесла, но изготовленные из кремнистой породы в бифасиальной технике.

Орудия на отщепах представляют собой немногочисленную группу артефактов, в ней присутствуют орудия с выемкой и ножи с обушком оформленным ритупливающей ретушью.

Особую группу составляют каменные шлифованные стержни с проточками на концах, которые, видимо, использовались в качестве грузил для сетей или челноков для их плетения (рис. 2,6,7).

Особенной находкой является украшение в виде шлифованного кольца из породы зеленоватого цвета (рис. 2,5). Данное изделие, хотя и является довольно редкой находкой, имеет аналогии в раннеолитических комплексах острова (поселение Набилъ 1,п.2, Северный Сахалин) и сопредельных территорий (стоянка Юбецу Ичикава, о.Хоккайдо) [Kimura Hideaki,1999].

Помимо каменной индустрии в инвентаре стоянки присутствуют немногочисленные фрагменты керамических сосудов. Обнаружены неорнаментированные фрагменты боковых стенок, керамика пористая, толщина стенок 5-7 мм, в состав теста входил органический отошитель, выгоревший в результате обжига.

В непосредственной близости от стоянки Славная 5 уже известны следующие объекты раннего и начальной фазы среднего неолита: поселение раннего-среднего неолита Славная 4, стоянка раннего неолита Славная 3, отдельное жилище и культурный слой начальной фазы среднего неолита Славная 1 [Василевский и др., 2004], культурный слой периода раннего неолита и жилище начальной фазы среднего неолита на многослойном поселении Стародубское 3 [Василевский, 2003].

Предварительная датировка находок стоянки Славная 5 возможна по известным на о. Сахалин материалам в хронологическом диапазоне существования культуры наконечников стрел на пластинах, т.е. от 9 до 7,5 тыс. лет. Технологический комплекс стоянки имеет аналогии в раннее исследованных памятниках раннего неолита Сахалина (Пугачево-1, Стародубское-3, Поречье-4, Одопту-1, Набиль 1 п.2) и Хоккайдо (Юбецу Ичикава, Хигаси Кусиро, Каваджири и др.) Стоянка Славная 5 является еще одним стратифицированным объектом раннего неолита на Сахалине, особенностью которого является однородность комплекса, что позволяет получить эталонную коллекцию «культуры наконечников стрел на пластинах» для Южного Сахалина.

Примечания

Василевский А.А., Грищенко В.А. Памятники переходного периода от палеолита к неолиту на Сахалине // Материалы ежегодной конференции «Исследование Северной Азии» / Кита Адзиа теса кенкю хококукай / Университет Хоккайдо. - Саппоро, 2002 – С.85-100.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин: Автореф. дис. доктора ист. наук. - Новосибирск, 2003.

Kimura Hideaki. The Blade Arrowhead Culture Over Northeast Asia. – Sapporo, 1999.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВЫХ ПАЛЕОПЕДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕРБИНСКОМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЙОНЕ***

Изучение плейстоценовых отложений Дербинского археологического района позволило выделить целый ряд погребенных почв и их фрагментов, датируемых нижним и средним плейстоценом [Лаухин и др., 2005]. Большой интерес вызывают почвы верхнего плейстоцена: усть-малтатская, покровская и дербинский педоседимент. Их возраст определен, соответственно, началом позднего плейстоцена, его серединой и каргинским временем (около 32-30 т.л.н.) [Лаухин и др., 2001, 2002 и др.]. Выше дербинского педоседимента четко выделяются два горизонта лессовидных суглинков плотных, серых с ярким красновато-бурым оттенком. Вслед за С.М. Цейтлиным и Н.Ф. Лисицыным предполагалось, что эти горизонты могут быть инициальными почвами или фрагментами горизонта В почв, у которых горизонты А полностью уничтожены [Лаухин и др., 2000]. Основное внимание было уделено характеру их залегания, стратиграфическому положению, распространению в пределах района, однако до сих пор не изучались состав и строение почв (кроме дербинского педоседимента), а горизонты, залегающие выше дербинского педоседимента, были отнесены к почвам сугубо предположительно, без всякого обоснования.

Летом 2006 г. в полевых работах на памятниках Дербина IV и Дербина V приняли участие почвоведы Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН из г. Пущино (д.б.н. С.В. Губин). Основной вопрос касался происхождения горизонтов, залегающих выше дербинского педоседимента. Проведенные исследования подтвердили предположение о том, что оба горизонта плотных суглинков являются иллювиальными горизонтами (гор. В) двух ископаемых почв и позволили существенно детализировать характер педогенеза в отложениях, перекрывающих дербинский педоседимент.

В ходе проведения палеопедологического анализа стенок обнажений в районе памятников Дербина IV и Дербина V в толщах слоистых лессовидных карбонатных суглинков установлено присутствие трех профилей пог-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, гранты 04-06-80024 и 06-05-64996 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

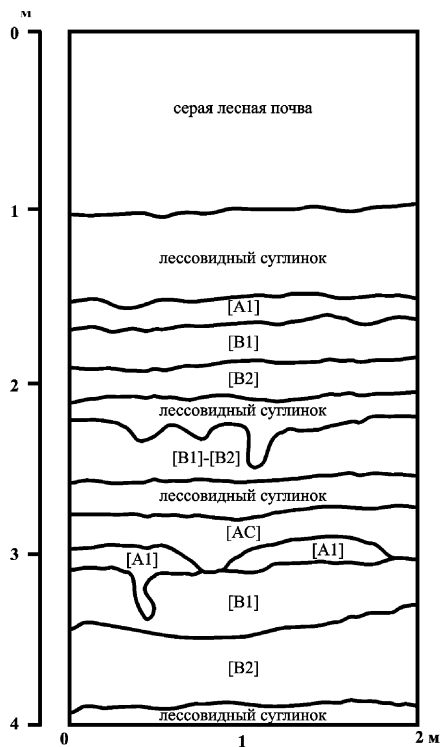

Рис. 1. Местонахождение Дербина IV, раскоп 2. Профили погребенных почв в разрезе отложений.

ребенных почв, обладающих значительным морфологическим сходством (рис. 1). Для всех выделенных почв характерны слабые признаки дифференциации на генетические горизонты и сходный тип организации профилей - [AC]–[A1]–[B1]–([B2])–[BC]. Всем почвам присуща низкая степень морфологической оформленности гумусового горизонта - слабая прокраска его материала органическими соединениями (10YR 6/2, 6/3 – по шкале Манселла), отсутствие признаков оструктурирования и биогенных элементов строения (капролитов, ходов корней, червей, землероев). Слабая гумусированность профилей подтверждается результатами аналитических исследований. Содержание С органического по Тюрину в профилях погребенных почв и перекрывающих их слоев лессовидных суглинков колеблется в пределах 0,2–0,3% и лишь иногда в горизонтах [A1] его значения могут приближаться к 0,8%. В отдельных случаях четко фиксируется сильное нарушение горизонта [A1], а нередко - и лежащих глубже горизонтов, эрозийными процессами. Мощность горизонта колеблется от 3–5 до 20 см. Между верхними частями профилей погребенных почв (горизонт [A1]) и перекрывающими толщами лессовидных суглинков может присутствовать

переходный горизонт [AC], мощностью 15–25 см, в котором отмечено резкое снижение морфологических признаков почвообразования. Суммарная мощность иллювиальных горизонтов, рассматриваемых погребенных почв, колеблется в широких пределах – от 20 до 80 см. Они окрашены в светлые буровато-коричневые, нередко с красноватым оттенком, тона (5YR 6/4). Горизонты выполнены уплотненным пылеватым средним суглинком и несколько различаются плотностью сложения и, в меньшей степени, окраской и структурой. Как правило, в них доминируют непрочные угловатые комковатые отдельности размером 3–5 см, легко разрушающиеся при препарировании стенок, но достаточно хорошо проявляющие свое строение на выветрелых стенках старых расчисток.

В толщах иллювиальных горизонтов некоторых из погребенных почв обнаружены слабовыраженные ходы нор ископаемых грызунов. Они имеют округлую форму, диаметр сооружений от 5 до 10 см. Заполняющий ходы материал часто по окраске и составу соответствует материалу горизонта [A1] почвы содержащей норы. Известно, что захороненный в ископаемых норах материал гумусоаккумулятивных горизонтов менее подвержен изменениям в ходе погребения почвы, чем этот же материал, находящийся в исходном состоянии в верхних частях профилей. Присутствие в норах окрашенного в слабые серые тона пылеватого суглинка подтверждает низкую исходную гумусированность рассматриваемых почв.

Во всех вскрытых на обнажениях Дербина VI и Дербина V погребенных почвах переход от одного иллювиального горизонта к другому осуществляется постепенно, границы неровные, выражены слабо. При наличии карбонатов в материале профилей погребенных почв и вмещающих их лессовидных суглинках в рассматриваемых почвах отсутствуют горизонты аккумуляции этих солей. При этом практически во всей толще рассматриваемых отложений отмечены выделения карбоната кальция в виде псевдомицелия. Хорошо фиксируемое повышенное содержание этих форм на отдельных глубинах, может затрагивать как профили погребенных почв, так и вмещающие их лессовидные суглинки. Оно не связано с протекавшим в позднем плейстоцене почвообразованием, а имеет, вероятно, диагенетический характер.

Наряду с профилями погребенных почв в разрезе стоянки Дербина V в толще лессовидного суглинка вскрыт слой, обладающий неоднородной коричневой окраской, мощностью около 90 см, резко отличающийся по строению от вмещающих толщ и погребенных почв. Этот слой суглинка рассматривается в качестве дербинского педоседимента [Лаухин и др., 2002] и трактуется, как продукт разрушения и переотложения одной из погребенных позднеплейстоценовых почв, материал которой в ходе переноса и накопления был обогащен углистыми частицами. Именно в этом слое были обнаружены артефакты [Стасюк и др., 2002]. Характерной чертой строения дербинского педоседимента является наличие целого ряда тонких про-

слоев (от нескольких миллиметров до 5-7 см), резко различающихся окраской, составом, сочетанием и взаимным расположением на всем простирании слоя. Присутствие в составе отдельных прослоев гумусированного суглинка, мелких, хорошо оформленных, водоустойчивых почвенных агрегатов, подтверждает участие переотложенного материала верхних почвенных горизонтов в формировании педоседимента. Обособленность признаков каждого из прослоев, отсутствие парагенетической связи между ними еще раз указывают на седиментационный характер происхождения педоседимента, отсутствие его переработки после накопления активными почвенными процессами.

Выводы. Характер строения профилей погребенных почв, перекрывающих дербинский педоседимент, а именно: низкая степень оформленности генетических горизонтов, слабая гумусированность и биогенность верхних, отсутствие резкого перехода в иллювиальную часть профиля и его крайне слабая дифференциация, отсутствие аккумулятивных карбонатных горизонтов – все эти признаки позволяют предположить, что почвообразовательный процесс, формировавший рассматриваемые почвы, обладал слабой интенсивностью и протекал в условиях повышенной сухости. Нельзя исключить относительную краткость периодов почвообразования, в ходе которых были сформированы рассматриваемые погребенные почвы и даже синлитогенный характер протекавшего педогенеза, при котором, в процессе формирования почвенного профиля на его поверхность продолжал поступать эоловым путем в небольших количествах минеральный осадок [Соколов, 1993; Губин, 1998].

Примечания

Губин С.В. Почвообразование сарганского криохрона в западном секторе Берингии // Почвоведение, 1998, 5. - С. 605-609.

Лаухин С.А., Стасюк И.В., Волгина В.А., Санько А.Ф., Акимова Е.В., Томилова Е.А. К геологии Малгатской части Дербинского археологического района. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. - Т. VII. – С. 166-169.

Лаухин С.А., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. К палеоэкологии палеолитических местонахождений Дербинского археологического района. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VIII. – С. 175-178.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Е.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Литасфера. № 1(16), 2002. – С.49-57.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Мотузко А.Н. Находка отложений нижнего плейстоцена на юго-западе Восточного Саяна // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 13. № 1, 2005. – С. 116-123.

Соколов И.А. Теоретические проблемы генетического почвоведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1993. – 232 с.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 4. – С. 3-16.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Санько А.Ф., Лаухин С.А. Позднепалеолитическое местонахождение Дербина V на Красноярском водохранилище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – С. 17-24

*А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, С.В. Лещинский,
В.С. Славинский, М.А. Борисов*

**НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ***

В 2006 г. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИЭиА РАН под руководством А.П. Деревянко проводились археологические работы на стоянке Рубас-1, в среднем течении р. Рубас (Табасаранский р-н Республики Дагестан), обнаруженной в ходе разведочных работ в 2004-2005 гг. (Деревянко и др., 2005а).

Местонахождение Рубас-1 (41°53'21" с.ш., 48°07'35" в.д.; а.в. - 270 м) расположено по правому берегу р. Рубас на протяженном террасовидном уступе с ровной слабо поднимающейся столообразной поверхностью, на высоте ~ 30 м над урезом воды. В 2006 г. на местонахождении было заложена зачистка шириной 2 м, состоящая из нескольких уступов, общей протяженность 28 м и максимальной глубиной до 18 м от поверхности края террасы (Рис. 1,Б).

Сводная стратиграфическая колонка вскрытых при работах отложений (Рис. 1,А) представлена следующими литологическими подразделениями (снизу-вверх):

1. Толща морских отложений (возможно акчагыльские (?)). Толща тонко-, горизонтально-слоистых глин с весьма редкими слоями алевритов и тонкозернистых песков. Преобладающий цвет отложений - темно-серый с различными оттенками: зеленоватым, голубоватым, коричневым, табачным и др. Нередко встречаются тонкие прослои светлого желтовато-коричневого цвета. Видимая мощность толщи более 3,1 м. Отложения со стратиграфическим перерывом и размывом перекрыты вышележащими образованиями.

2. Гравийно-галечные отложения с примесью обломков (до 0,5 см) раковин двустворчатых (?) моллюсков. Заполнителем выступает зеленовато-серый алеврит и разнозернистый карбонатный песок. Псефитовые разности, в основном, представлены мелкой уплощенной галькой, единично встречается крупная. Кроме того, встречаются угловатые кремни, некото-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01373-а; РФФИ, гранты № 04-06-80017-а и 06-06-88002-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-2315.2003.6.

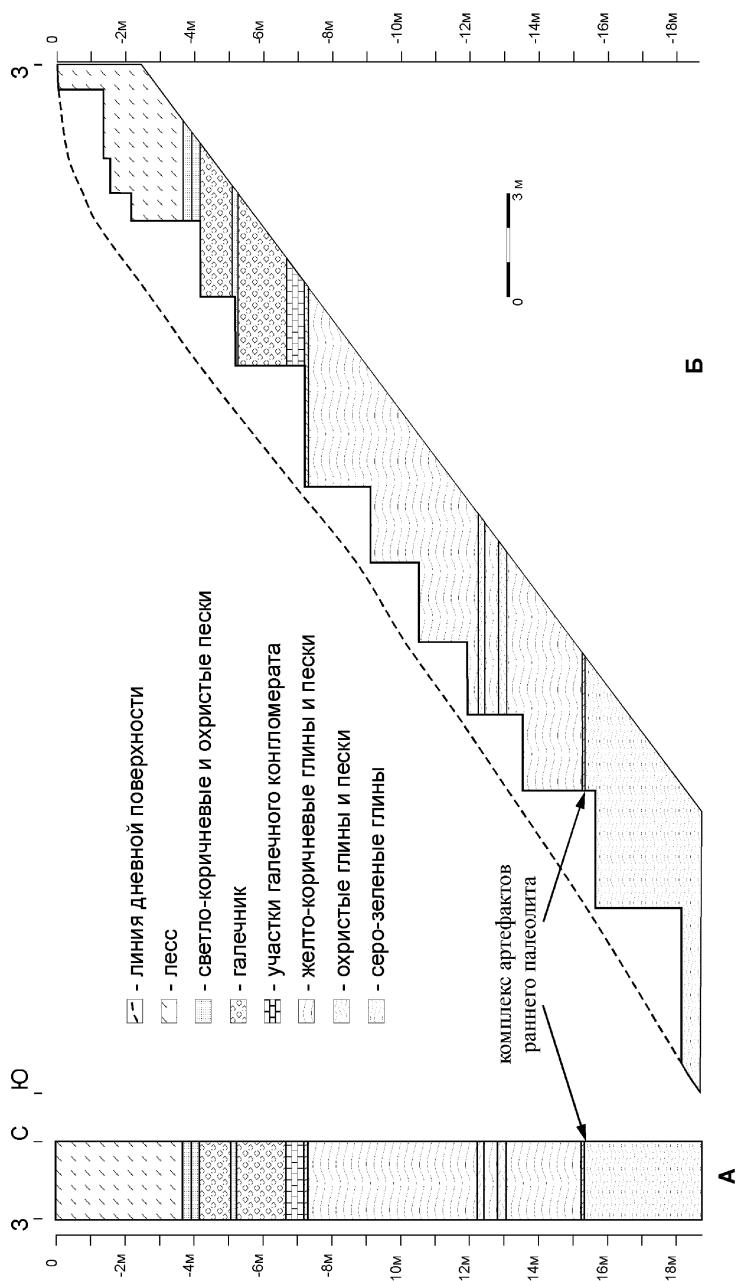

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. Занятка 1. Стратиграфическая колонка (А) и схема продольного разреза (Б).

рые из них являются артефактами. Слой невыдержан по простиранию - представлен серией маломощных линз мощностью до 0,1 м. Отложения, по-видимому, согласно перекрыты вышележащими породами.

3. Толща морских отложений (возможно апшеронские или раннебакинские (?)). Тонко-, горизонтально-, волнисто-слойчатые отложения. Представлены, в основном, тонко-, мелкозернистым карбонатным песком светло-коричневого цвета. Периодически встречаются горизонтальные прослои (до 0,15 - 0,3 м) светлых желтовато- или рыжевато-коричневых глин. Практически во всех глинистых прослоях встречаются отпечатки фрагментов листьев и стеблей травянистых растений. Мощность слоя ~ 8 м. Кровля слоя (0,2 - 0,4 м) несет следы элювиального изменения - «кора выветривания». Отложения перекрыты с явным перерывом.

4. Гравийно-галечно-валунные отложения (максимальный Ø обломков до 0,5×0,4×0,15 м). В основном все обломки хорошо окатаны и имеют плоскую и округлую форму, часто встречаются угловатые, но с хорошо окатанными гранями. В составе валунов и галек преобладает (более 80 - 90 %) разномощный песчаник с карбонатным цементом. Иногда встречается ракушняковый известняк и очень редко - оолитовый известняк (в виде мелкой гальки и гравия). Местами отложения слабо сцементированы до конгломерата. Встречаются невыдержанные по простиранию, но достаточно мощные (до 0,4 м) прослои и линзы тонко-слоистой структуры с примесью гравия и мелкими обломками раковин моллюсков. Отложения всего слоя сильно ожелезены, имеют желтовато-рыжий, реже - светло-коричневый цвет. Мощность слоя ~ 3,5-3,8 м. Отложения, вероятно, перекрыты с перерывом.

5. Тонко-слоистый, разномощный песок с прослоями и линзочками светло-серого алеврита (мощность до 7 см). Генезис отложений, по-видимому, аллювиальный. Мощность слоя до 0,3-0,6 м. Отложения перекрыты с перерывом.

6. Субаэральные образования сложного генезиса - в основе, возможно, делювиально-пролювиальные отложения с существенной долей эолового материала. Отложения имеют общий светлый облик с преобладанием серо-коричневых тонов. Порода в целом комковатая с тонко-слоистой горизонтальной и линзовидной текстурой. Мощность слоя до 3,1-3,3 м. Отложения, вероятно, с перерывом перекрыты вышележащими образованиями.

7. Красновато-коричневые супесчано-суглинистые субаэральные образования светлого облика. Генетически основную роль в накоплении отложений, вероятно, играли коллювиальные, делювиальные и эоловые процессы. Порода комковатая, пористая с примесью мелкого щебня, дресвы и - реже гравия и гальки (до 0,1 м). Мощность слоя до 0,6 - 0,75 м. Кровля (до 5 м) выражена современной слабогумусированной почвой - супесью серо-коричневого цвета с дерновиной

Комплекс наиболее древних археологических материалов, исследованный в ходе работ, связан с тонким линзовидно залегающим гравийно-галечным слоем, зафиксированным в основании разреза между двумя мощ-

ными пачками отложений морского генезиса (Рис. 1). В ходе работ на вскрытом участке ~ 1 кв. м обнаружено 102 кремня, из которых 84 определены как обломки и осколки естественного происхождения. Максимальная длина кремневых отдельностей и предметов не превышает 5 см, более 90 % имеют размеры 2 см и менее. 17 предметов из слоя определены как артефакты и условно разделены на две группы: типологически выраженные изделия (10 экз.) и плохо идентифицируемые предметы (7 экз.). Изделия первой группы по преимуществу представлены сколами, легко диагностируются, имеют четкую типологическую привязку, хорошо прослеживаемые следы антропогенного воздействия и выраженную системность обработки. Предметы из второй группы, представлены обломками и осколками, видимая вторичная обработка которых не имеет четкой системы, не образует выраженных рабочих элементов и может носить естественный характер. Диагностика коллекции затруднена сильной «сглаженностью» поверхности артефактов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, которые характеризуют формирование культуросодержащего гравийно-галечного слоя. Все изделия выполнены из кремня серого, светло-коричневого, красно-коричневого и бежевых оттенков.

Первая группа предметов представлена следующими изделиями: нуклевидный обломок - 1; отщепы - 4; обломки - 3, осколок - 1; чешуйка - 1. Все сколы фрагментированы, один - крупный (5 см), остальные - мелкие, около 1,5 см; остаточные ударные площадки неопределимые, дорсалы - гладкие и с бессистемной огранкой. Все предметы, кроме нуклевидного обломка, несут следы переоформления в орудия. Выделяются следующие типы: скребловидное изделие - 1; микроскребки - 3; шиповидные орудия - 3; комбинированное (скребок-шиповидное) орудие - 1; изделие с подтеской (?) - 1. Все предметы, кроме скребловидного изделия и орудия с подтеской, относятся к разряду микроизделий.

Нуклевидный обломок - 1. Изделие мелких размеров (1,9×1,9×1,3 см), представляет собой плиткообразный подтрапцевидный кусок кремня, на одном из узких ровных торцов которого прослеживаются негативы нескольких мелких снятий выполненных с оформленной (?) сколом прямой площадки, по кромке которой прослеживаются следы забитости в виде глубоких чешуйкообразных выломов. На остальных гранях предмета также читаются следы предыдущих более крупных сколов в виде отдельных участков с негативами ударной волны.

Скребловидное изделие - 1. Орудие выполнено на крупном массивном трапцевидном сколе (5,3×3,8×1,4 см), дистальный торец которого сохранил желвачную корку. Левый короткий и массивный край подправлен на всем протяжении мелкими отвесными сколами, в медиальной части более глубокими и крупными. Обработкой было сформировано прямое лезвие со слабо выраженным зубчато-выемчатым контуром. Ретушной подправки не прослеживается.

Микроскребки - 3. Изделия выполнены на мелком обломке (1,8×1×0,4 см), фрагменте скола (1,6×0,9×0,4 см) и чешуйке (0,7×0,7×0,2 см). Более крупные орудия имеют рабочие элементы в виде небольших ногтевидных выступов на углу или изломе заготовки, подработанных мелкой однорядной крутой и вертикальной ретушью, близкой параллельной. Изделие, выполненное на чешуйке, имеет прямой рабочий край, оформленный по прямому скошенному дисталу мелкой вертикальной однорядной чешуйчатой дорсальной слабомодифицирующей ретушью.

Шиповидные - 3. Изделия выполнены на мелких обломках (2,2×1,8×1,2 см и 1,8×1,1×0,8 см) и небольшом первичном сколе (1,3×1,5×0,4 см). Орудия на обломках более массивны, удлиненные шиповидные рабочие элементы выделены на углах заготовок мелкими сколами, подправившими естественные треугольные в сечении «массивные» выступы. Подправка осуществлялась либо мелкими слабо модифицирующими углубленными сколами, либо вертикальной разнофасеточной модифицирующей ретушью, формирующей выделяющую шип вогнутость прилегающего к рабочему элементу участка края. Третье орудие на мелком плоском широком сколе имеет в медиальной части плоский треугольный шиповидный выступ, выделенный двумя мелкими глубокими альтернативными сколами. Интересно, что на плоскости одной из выемок образовалась корка выветривания, что может свидетельствовать о достаточно интенсивном атмосферном воздействии, которому подвергался предмет и его довольно длительном пребывании на дневной поверхности.

Комбинированное орудие (скребок-шиповидное) - 1. Орудие выполнено на подтрапецевидном фрагменте скола (1,6×1,2×0,5 см), треугольном в сечении. На коротком массивном прямом крае заготовки мелкой вертикальной двухрядной чешуйчатой ретушью оформлено лезвие скребка. На углу противоположащего ему более тонкого края, мелкими крутыми и вертикальными глубокими сколами выделен округлый ногтевидный выступ треугольный в сечении.

Изделие с подтеской (?) - 1. Орудие выполнено на небольшом подпрямоугольном массивном обломке, треугольном в сечении (2,7×1,9×1,7 см). На уплощенном выступе мелкой и средней утончающей пологой чешуйчатой многорядной ретушью выполнено кроткое скошенное слабовыпуклое лезвие. Орудие может быть отнесено к классу скребков, хотя характер обработки рабочего элемента близок к подтеске.

Вторая группа кремней менее выразительна. Условно в ней можно выделить следующие типы изделий: колотая галька - 1; осколки с эпизодической ретушью - 2; выемчатое орудие (?) - 1; шиповидное орудие (?) - 1; обломок со следами сколов (?) - 1; фрагмент скола - 1.

Отличительной особенностью индустрии является ее микрооблик, преимущественное использование для оформления орудий не сколовых основ (обломки, осколки), слабое разнообразие орудийных форм (в основном скребки и различные варианты шиповидных и выемчатых форм), довольно

развитая техника ретуширования, а также полное отсутствие крупных орудий, как галечных, так и на сколах. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии обнаруженного комплекса артефактов прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, расположенной в 40 км к северо-востоку от местонахождения Рубас-1 и предварительно датированных Бакинским временем (Деревянко и др., 2005б; Деревянко и др., 2006). Исходя из предварительного анализа стратиграфической ситуации, в которой залегают материалы на Рубасе-1, высотных отметок местонахождения и его удаленность от современной береговой линии Каспия можно предполагать их более древний или, как минимум, синхронный возраст (поздний эоплейстоцен-ранний неоплейстоцен).

Стоит отметить, что оценка материалов из нижних горизонтов Рубаса-1 носит целиком предварительный характер, т.к. вскрытая при работах площадь культуросодержащего горизонта очень незначительна, а общее число предметов в коллекции не совсем репрезентативно.

Примечания

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.А. Цыбанков, Н.А. Кулик. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. - С. 59-62.

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.Л. Чепалыга. Палеолитическое местонахождение Бакинского времени Дарвагчай-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. - С. 68-73.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 43-64.

*А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, В.С. Славинский,
М.А. Борисов, С.В. Лецинский*

**НОВАЯ МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
В ДОЛИНЕ Р. РУБАС (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ***

В ходе изучения долины р. Рубас совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИЭиА РАН под руководством А.П. Деревянко в 2006 г. проводились стационарные работы на обнаруженном ранее местонахождении Рубас-1 (Деревянко и др., 2004; Деревянко и др., 2005). Общий комплекс работ на памятнике включал исследование террасовидного уступа, где расположен объект на разных участках и на большой площади. Всего было поставлено две склоновые зачистки (28×2 м и 9×2 м) и заложен небольшой разведочный шурф, в ходе работ расширенный до 7 кв.м (см. статью Деревянко и др. «Новые данные о палеолитическом местонахождении Рубас-1 (Южный Дагестан) по материалам раскопок 2006 г.» в этом сборнике). Разведочный шурф расположен в 70 м к юго-западу от зачистки 1. В ходе раскопочных работ была вскрыта толща отложений мощностью до 5 м. Всего в разрезе выделено 10 основных литологических подразделений, содержащих 7 уровней залегания археологического материала палеолитического облика (Рис. 1). В целом разрез отложений состоит из трех основных пачек литологических слоев:

Сл. 1. Серо-коричневая супесь с включениями мелкого щебня и гальки выветренного карбонатного песчаника - современный почвенный горизонт. Мощность слоя 0,1 - 0,15 м.

Сл. 2 - 9. Мощная толща сложного генезиса - в основном состоит из элювиально-делювиальных отложений, по-видимому, с большой золовой составляющей и, возможно, пролювиальным материалом. Отложения представлены светлым серо-коричневым с белесым оттенком алевритом. Единично встречаются гравий и дресва выветренного карбонатного песчаника, иногда в виде едва читаемых тонких прослоек и линз. Внутри пачка отложений преимущественно субаэрального образования содержит горизонты коллювиально-пролювиально-делювиального происхождения в виде гравийно-дресвяных, галечно-щебнистых отложений, со светло-коричневым песчаным заполнителем, включающим алеврит, окатыши

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01373-а; РФФИ, гранты № 04-06-80017-а и 06-06-88002-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-2315.2003.6.

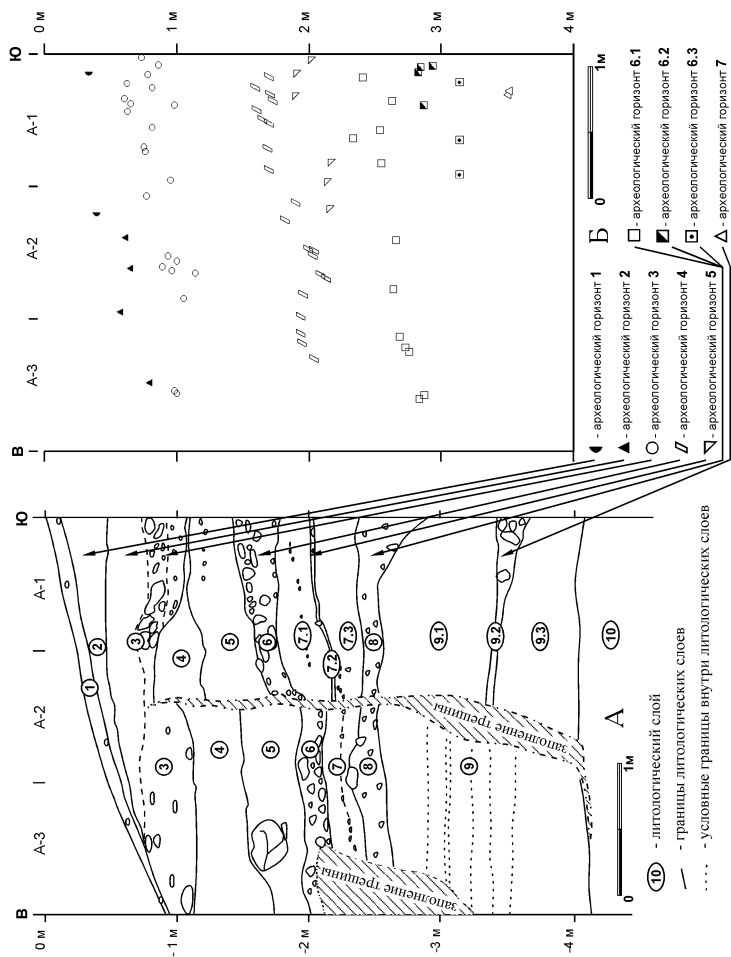

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. Раскол. Стратиграфический разрез юго-восточной стенки (А) и проекция каменных артефактов (ширина захвата 0,5 м) на юго-восточную стенку (Б).

карбонатных стяжений, обломки раковин моллюсков, а также полуокатанные плоские валуны и глыбы. Состав обломков - сильно выветренный разнотернистый карбонатный песчаник. Местами толща разбита гравитационными трещинами отрыва различной протяженности и ширины, максимально видимое вертикальное смещение блоков достигает 0,4 м. Мощность пачки слоев - до 4 м.

Сл. 10 Тонко-слоичатый, разнотернистый песок с прослоями и линзами светло-серого алеврита, который подстилают гравийно-галечниковые отложения аллювиального происхождения. Вскрытая мощность - более 1 м.

Археологический материал связан с пачкой слоев 2-9 и, в основном, залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах. Всего выделено 9 уровней залегания артефактов, объединенных в 7 основных археологических горизонтов. Уровни 6.1, 6.2, 6.3 из-за малочисленности и однороднос-

ти археологического материала, а также в силу их приуроченности к одному литологическому телу и слиянию ниже по склону, объединены при описании в единый 6-й горизонт. Всего коллекция 2006 г. насчитывает 506 экз. каменных артефактов, в том числе 469 экз. залегающих в стратифицированном положении, вне зон заполнения трещин. В индустрии памятника значительную долю составляют обломки и осколки (всего 258 экз., от 35 % (гор. 5) до 80 % (гор. 7) от состава коллекций горизонтов, в среднем около 50 %) и далее все данные будут даваться без учета этой категории каменных предметов. Анализ сколов показал общую для всех горизонтов тенденцию на преобладание предметов с гладкими остаточными ударными площадками (более 50 %) и субпараллельной, гладкой и продольно-поперечной огранкой дорсала (примерно по 20 % каждая из перечисленных групп). Однако среди ударных площадок достаточно большой процент двухгранных и фасетированных (около 10 %), а среди дорсалов строго параллельных и естественных. Параллельная огранка дорсалов и гладкие ударные площадки более выражено присутствуют в верхних горизонтах, естественные дорсалы и фасетированные площадки - в нижних. Остальные показатели одинаково характерны для сколов всех выделенных археологических горизонтов.

Археогоризонт 1. Значимые артефакты - 18 экз., в том числе нуклевидные формы, представленные нуклевидными обломками - 2; отщепы - 11; скол леваллуа - 1; тех. сколы - 4. На перечисленных заготовках выполнено два орудия - отщепы с ретушью.

Археогоризонт 2. Значимые артефакты - 43 экз., в том числе нуклевидные формы - 3, отщепы - 28, пластины - 5; тех. сколы - 7. Группа нуклевидных изделий представлена 2 нуклевидными обломками и мелким двухплощадочным монофронтальным ядрищем параллельного принципа скалывания с сопряженными ударными площадками (Рис. 2,11). На перечисленных заготовках выполнено 16 орудий. Это скребки - 5 (концевые на отщепе - 2, боковой на отщепе - 1, концевой на обломке - 1, высокой формы на обломке - 1); резец угловой на пластине - 1 (Рис. 2,2); проколки - 2; долотовидное изделие - 1; изделие с подтеской - 1; выемчатое изделие - 1; сколы и обломки с ретушью - 5.

Археогоризонт 3. Значимые артефакты - 38 экз., в том числе нуклевидные формы - 5, отщепы - 27, пластины - 6. Группа нуклевидных изделий представлена 2 нуклевидными обломками и 3 ядрищами: двумя мелкими плоскими монофронтальными одноплощадочными и сильно истощенном крупным широким продольно-поперечным, с узкими скошенными ударными площадками, плоским контрфронтом и слабовыпуклым фронтом, ядрищем, на одной из латералей которого модифицирующей ретушью выполнена глубокая округлая выемка (Рис. 2,14). На перечисленных заготовках выполнено 7 орудий. Это концевой скребок на обломке - 1; клювовидное орудие - 1 (Рис. 2,3); зубчато-выемчатое изделие - 1; сколы и обломки с ретушью - 4.

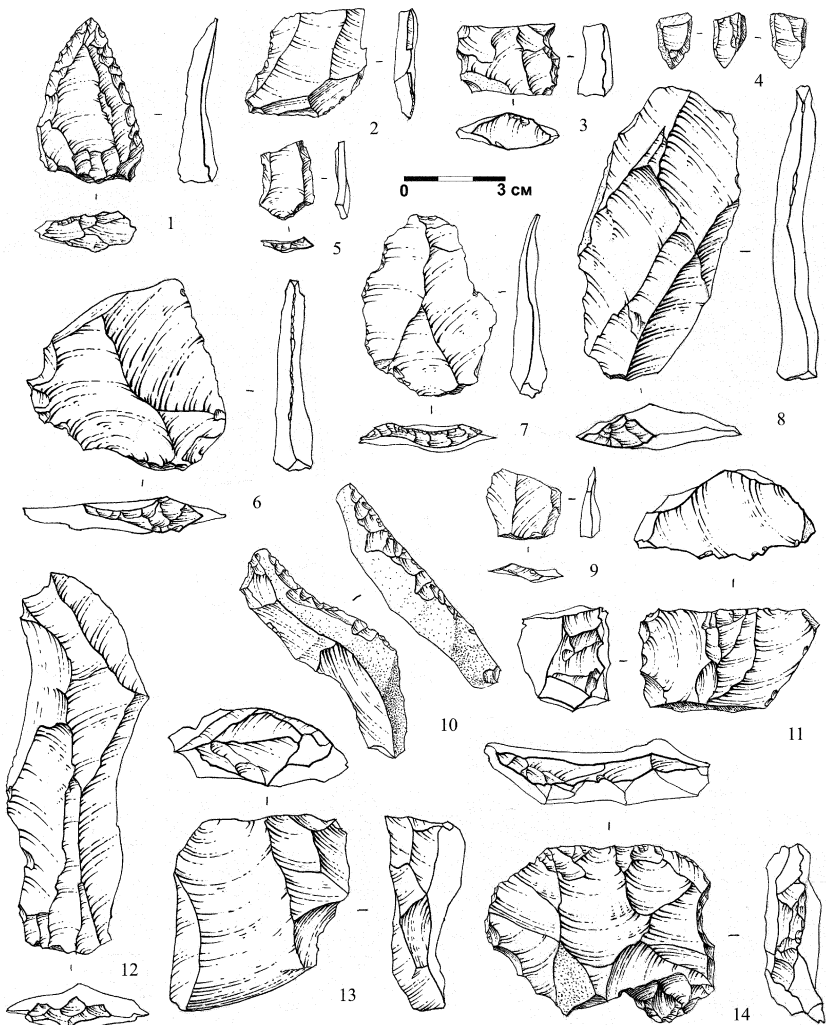

Рис. 2. Местонахождение Рубас-1. Раскоп. Каменные артефакты.
 (1, 7 - подъемные материалы; 2, 11 - горизонт 2; 3, 14 - горизонт 3;
 4, 9 - горизонт 5; 5 - горизонт 4; 6, 8, 10, 12, 13 - горизонт 6)
 1 - мустьерский остроконечник; 2 - резец; 3 - клювовидное орудие;
 4, 11, 13, 14 - нуклеусы; 6, 8, 12 - сколы леваллуа; 7 - атипичный леваллуазский
 остроконечник; 9 - пластина; 10 - скребло.

Археогоризонт 4. Значимые артефакты - 74 экз., в том числе нуклевидные формы - 10, отщепы - 48, пластины - 7, сколы леваллуа - 2, тех. сколы - 7. Группа нуклевидных изделий представлена 4 нуклевидными обломками и

6 ядрищами: тремя одноплощадочными монофронтальными, в начальной стадии расщепления; грубо выполненным мелким торцовым, с сильно скошенной ударной площадкой, оформленным на удлиненном угловатом обломке; фрагментом протопризматического нуклеуса с остатками прямой круговой ударной площадки, занимающей 2/3 периметра ядрища и сильно истощенном крупным плоским одноплощадочным нуклеусом с желвачным контрфронтом и выпуклой фасетированной ударной площадкой, оформленной крупными и средними сколами. На перечисленных заготовках выполнено 12 орудий. Это микроскребки на обломках - 2; проколка - 1; выемчатое изделие - 1; сколы и обломки с ретушью - 7; нуклеус с ретушированной выемкой на латерали - 1.

Археогоризонт 5. Значимые артефакты - 11 экз., в том числе нуклевидные формы - 1, отщепы - 8, пластины - 2 (Рис. 2,9). Группа нуклевидных изделий представлена одноплощадочным подпризматическим микроядрищем со следами скалывания пластинчатых снятий (Рис. 2,4). На перечисленных заготовках выполнено одно орудие - пластина с ретушью.

Археогоризонт 6. Значимые артефакты - 26 экз., в том числе нуклевидные формы - 2, отщепы - 14, пластины - 2, сколы леваллуа - 4 (Рис. 2,6,8,12), тех. сколы - 4. Группа нуклевидных изделий представлена нуклевидным обломком и мелким одноплощадочным монофронтальным ядрищем параллельного принципа скалывания (Рис. 2,13). На перечисленных заготовках выполнено два орудия. Это скребло на краевом сколе (Рис. 2,10) и обломок с ретушью.

Археогоризонт 7. Значимые артефакты - 1 экз. - нуклевидный обломок.

Кроме материалов стратифицированной части с памятника получена большая коллекция артефактов (82 экз.) из заполнения трещин и при сборах с поверхности по площади будущего раскопа и площадок, засыпаемых в процессе работы отвалами.

Общее количество - 82 экз. Значимые артефакты - 46 экз., в том числе нуклевидные формы - 8, отщепы - 25, пластины - 6, микропластина - 1, сколы леваллуа - 2; тех. сколы - 4. Группа нуклевидных изделий представлена 6 нуклевидными обломками и 2 ядрищами: торцовым одноплощадочным монофронтальным для пластин и истощенным одноплощадочным монофронтальным для отщепов параллельного принципа скалывания.

На перечисленных заготовках выполнено 13 орудий. Это атипичный леваллуазский остроконечник - 1 (Рис. 2,7); мустьерский остроконечник - 1 (Рис. 2,1); скребок высокой формы на обломке - 1; шиповидное орудие - 1; выемчатые изделия - 2; зубчато-выемчатые изделия - 2; отщепы и обломки с ретушью - 5.

Проведенные в 2006 г. работы подтвердили перспективность долины р. Рубас для археологического изучения. Обнаружен редкий для кавказского региона многослойный палеолитический объект открытого типа. Предварительный анализ полученных артефактов, их технико-типологическая характеристика, облик ядрищ и орудийного набора, а также стратиграфическое

положение позволяет отнести археологический материал к различным этапам верхнего - среднего палеолита. Об этом свидетельствуют элементы микротехники и яркие верхнепалеолитические типы орудий в верхней части разреза, а также хорошо выраженные элементы леваллуазского расщепления, отличающие нижние горизонты стоянки. Более обоснованные выводы о культурно-хронологической привязке обнаруженных ассамбляжей, их генезисе и ближайших аналогиях можно будет сделать при продолжении работ на большей площади, что позволит получить более репрезентативную выборку артефактов, а также после проведения всего комплекса естественно-научных исследований, что позволит уточнить хронологию памятника.

Примечания

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, Е.П. Рыбин. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - С. 65-69.

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.А. Цыбанков, Н.А. Кулик. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. - С. 59-62.

*А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, В.С. Славинский, М.А. Борисов,
С.В. Лецинский, Н.А. Кулик*

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ
МЕСТОНАХОЖДЕНИИ РУБАС-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН)
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2006 ГОДА***

В 2006 г. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИЭиА РАН под руководством А.П. Деревянко продолжались археологические работы на территории Республики Дагестан с целью обнаружения и изучения памятников эпохи палеолита. Одной из задач экспедиции было стационарное исследование стоянки Рубас-1, входящей в комплекс местонахождений каменного века, локализованных в среднем течении реки Рубас в районе с. Чулат (Табасаранский р-н Республики Дагестан) и обнаруженных в ходе разведочных работ в 2004-2005 гг. (Деревянко и др., 2004; Деревянко и др., 2005).

Местонахождение Рубас-1 (41°53'21"с.ш., 48°07'35"в.д.; а.в. - 270 м) расположено по правому берегу р. Рубас на протяженном террасовидном уступе с ровной слабо поднимающейся столообразной поверхностью, на высоте ~ 30 м над урезом воды. Отложения в верхней части террасы представляют собой галечно-конгломератную толщу аллювиального происхождения (мощность ~ 3,5 м), перекрытую супесчано-суглинистыми отложениями субаэрального образования и сложного генезиса - в основе, возможно, делювиально-пролювиальные отложения с существенной долей эолового материала (мощность ~ 4 м). В 2006 г. на местонахождении было заложено 2 зачистки, на расстоянии 70 м друг от друга. Первая, шириной 2 м состоит из нескольких уступов, имеет протяженность 28 м и максимальную глубину до 18 м от дневной поверхности (подробнее см. статью Деревянко и др. «Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты» в этом сборнике). Комплекс археологических материалов, исследованный в ходе работ, связан с галечно-конгломератной толщей, вскрытой на участке ~ 6 кв.м и состоящей из двух мощных галечных горизонтов, разделенных невыдержанными по простиранию прослоями тонко-слоистого песка (до 0,4 м), с примесью гравия и мелких обломков раковин моллюсков. Кроме того, небольшое количество артефак-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01373-а; РФФИ, гранты № 04-06-80017-а и 06-06-88002-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-2315.2003.6.

тов обнаружено ниже по склону от уровня галечно-конгломератной толщи, что связано со склоновыми процессами при деградации поверхности обнажения и осыпанием части галечника к подошве террасы.

Вторая зачистка, также состоящая из нескольких уступов, имеет двухметровую ширину при протяженности 9 м и максимальной глубине 8 м от края террасы. Комплекс археологических материалов также связан с галечно-конгломератной толщей, вскрытой на участке ~ 4 кв.м.

Зачистка 1. Галечник (верхний уровень). Всего найдено 52 предмета, в том числе 12 получено из разведочного шурфа 2005 г. (Деревянко и др., 2005). Это галька, 2 плитки, 5 нуклеусов, 9 пластин, краевой тех. скол, 24 отщепа, 8 обломков и 2 осколка. Нуклеусы представлены двумя фрагментами монофронтальных леваллуазских ядрищ для получения удлиненных заготовок (Рис. 1, 12), 2 монофронтальными нуклеусами параллельного принципа расщепления для производства пластин, один из которых двухплощадочный, с альтернативным расположением ударных поверхностей, а также небольшим сильно истощенным ядрищем с остатками слабо выпуклой фасетированной ударной площадки. Среди сколов преобладают первичные, а также с параллельной или гладкой огранкой дорсала. Среди остаточных ударных площадок - гладкие (более 80 %), единичны фасетированные, двухгранные, точечные и естественные. 23 предмета вторичной отделкой оформлены в орудия. Это 5 продольных дорсальных скребел; скребло-нож (Рис. 1, 10); 3 концевых скребка на отщепе и обломке; 3 комбинированных орудия, сочетающих ретушированную выемку и скребковое лезвие; 2 орудия на обломках породы с ретушированными выемками, причем на одном изделии выемки альтернативные; 3 небольших шиповидных изделия (Рис. 1, 1), крупное рубящее орудие с элементами бифасиальной обработки, 4 скола с ретушью и не диагностируемый фрагмент орудия.

Галечник (нижний уровень). Всего найдено 16 предметов, в том числе 6 получено из разрушенного конгломерата в подошвенной части слоя. Это галька, 5 нуклеусов, 3 пластины, 3 отщепа и 4 обломка. Нуклевидные формы представлены 3 ядрищами параллельного принципа расщепления одно- и двухплощадочными, использовавшимися для получения крупных и средних подпрямоугольных заготовок различных пропорций (Рис. 1, 13), а также двумя нуклевидными обломками. Среди сколов преобладают первичные и с бессистемной огранкой дорсала. Среди определяемых остаточных ударных площадок одна гладкая и одна естественная. 3 предмета вторичной отделкой оформлены в орудия. Это прямое дорсальное скребло; шиповидное орудие, оформленное на мелком обломке и продольное зубчато-выемчатое изделие с дорсальной ретушной подправкой выемок. Все три предмета обнаружены в конгломератах, формирующих подошвенную часть галечника.

Склоновый галечник. Всего найдено 9 предметов, в том числе колотая галька, 3 нуклеуса, пластина, 3 отщепа и обломок. Нуклевидные формы представлены сильно истощенным одноплощадочным монофронтальным

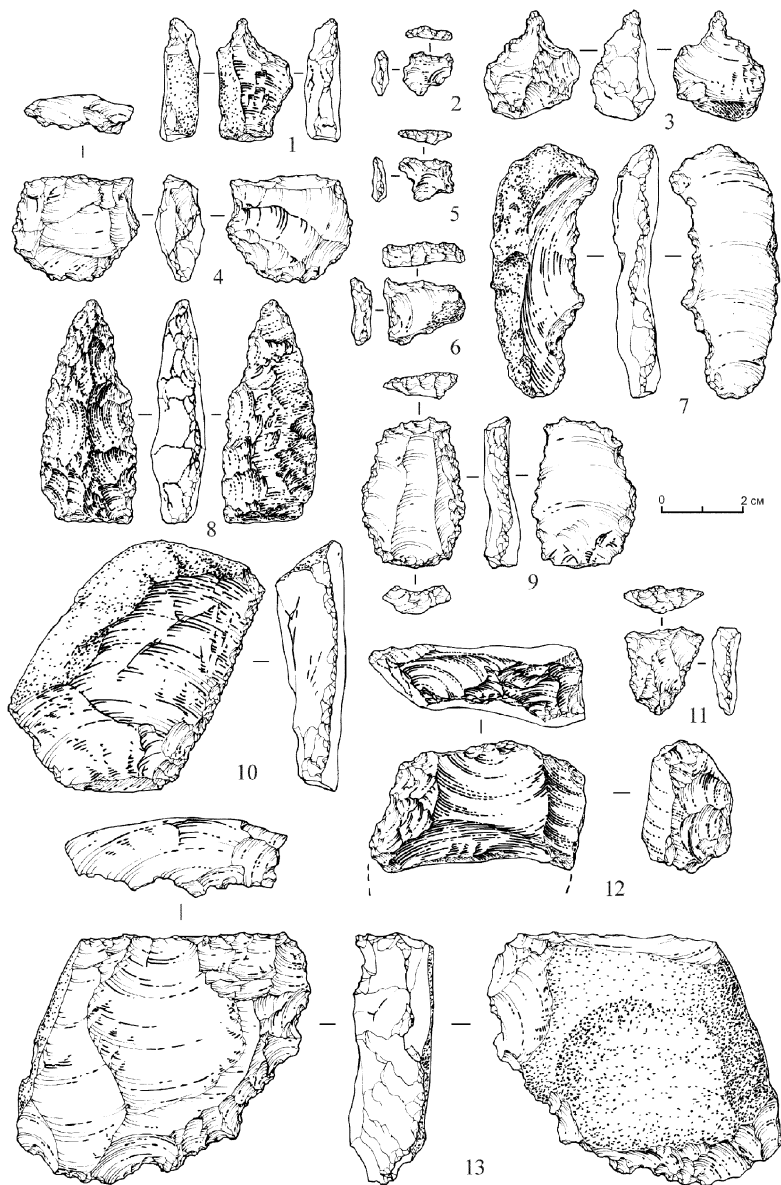

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. Каменные артефакты.
 (1, 10, 12, 13 - зачистка 1; 2-6, 8, 9, 11 - зачистка 2; 7- склоновый галечник)
 1, 3, 6 - шиповидные орудия; 2 - выемчатое орудие; 4, 12, 13 - нуклеусы;
 5 - микроскребок; 7 - зубчато-выемчатое орудие; 8 - мустьерский остроконечник;
 9, 10 - скребла.

ядрищем параллельного принципа скалывания, предназначенным для получения пластинчатых заготовок и двумя обломками со следами бессистемных снятий. Сколы имеют бессистемную, параллельную и гладкую огранку дорсала. Среди определяемых остаточных ударных площадок обе гладкие. 6 предметов вторичной отделкой оформлены в орудия. Это продольное выпуклое скребло с дорсальной обработкой; скребловидное изделие на небольшой уплощенной гальке; 2 продольных зубчато-выемчатых орудия с чередующейся обработкой (Рис. 1, 7) и 2 отщепа с ретушью.

Зачистка 2. Всего найдено 25 предметов. Это колотая галька, 4 нуклеуса, 6 пластин, 10 отщепов, 3 обломка и осколок. Нуклевидные формы представлены 3 монофронтальными нуклеусами параллельного принципа расщепления, одно- и двухплощадочными, предназначенными для получения небольших прямоугольных заготовок различных пропорций, в одном случае сильно истощенном и несущем следы переоформления (Рис. 1, 4), и мелким нуклевидным обломком. Среди сколов преобладают с параллельной огранкой дорсала (более 50 %), а также с гладкой и бессистемной. Среди определяемых остаточных ударных площадок 6 гладких, 3 фасетированные, одна двухгранная и 3 точечные. Практически все предметы (21 экз.) переоформлены в орудия. Это прямое дорсальное скребло (Рис. 1, 9); скребловидное орудие на небольшом треугольном сколе; 3 скребка (концевой и двойной с сопряженными лезвиями на отщепах и микроскребок на осколке (Рис. 1, 5)); небольшой тщательно ретушированный удлиненный мустьерский остроконечник (Рис. 1, 8); 3 изделия с ретушированными выемками, одно из которых выполнено на микросколе и сильно дефлировано (Рис. 1, 2); двойное продольное зубчато-выемчатое орудие с чередующейся обработкой; 5 шиповидных изделий, с выделенными сколами и ретушной подправкой рабочими элементами (4 предмета могут быть отнесены к микроформам) (Рис. 1, 3, 6); небольшой фрагмент скола с признаками намеренного транкирования (Рис. 1, 11) и 5 сколов пластинчатых пропорций с непрямоугольными участками ретуши, преимущественно, дорсальной.

Артефакты из обеих зачисток характеризуются разной степенью «сглаженности» поверхности, в основном, слабой (46,4 %) и средней (27,3 %), однако, встречаются предметы, как с очень сильной ее степенью (7,3 %), так и совсем без следов изменений (19,0 %). Какой-либо закономерности в распределении артефактов с различной степенью «сглаженности» внутри геологических тел, как в плане, так по высотным показателям не прослеживается. Даже на той части материала, которая извлечена непосредственно из разрушенных конгломератов в нижней части галечника, представлена вся шкала изменений сколовых поверхностей. Практически весь материал, из которого изготовлены артефакты, представляет собой кремнь серого, желтовато-серого, желтого цвета, реже - белую фарфоровидную разность. Исключение представляет собой только один артефакт, изготовленный из черного мелкозернистого песчаника, не имеющего аналогов в коллекции. Общий для всех кремней характер включений позволяет счи-

тать, что весь материал происходит из одного источника. Исходя из анализа необработанных участков поверхности артефактов, можно утверждать, что исходным для производства изделий материалом была галька кремня. При этом, судя по невысокой степени окатанности, перенос материала был недалеким, а до транспортировки водным потоком исходный кремнь подвергался интенсивному выветриванию, о чем свидетельствуют остатки корки выветривания на части предметов. В одном случае зафиксирована мощность такой корки до 2 см.

Сглаживание поверхностей артефактов после изготовления связано, скорее всего, с абразивным, обтачивающим действием среды, а не с переносом их в водном потоке. Об этом свидетельствует отсутствие или единичность на сколовых поверхностях артефактов характерных для последнего процесса серповидных трещинок. Возможно, перемещение археологического материала происходило в песчаной взвеси, или имел место перемыв отложений и абразия артефактов песком в пляжно-прибрежных условиях. Образец песчаного слепка по кости, обнаруженный в нижнем горизонте галечника в зачистке 1 показывает, что вмещающий артефакты известково-песчаный материал содержит в большом количестве неокатанные зерна кварца разного размера, которые, при высокой твердости кремневых артефактов, только и могут производить такое обтачивающе-шлифующее действие.

Интересным фактом является наличие на сколовых поверхностях нескольких артефактов отчетливого побеления, характерного для кремней при экспонировании их на дневной поверхности, причем иногда такие побелевшие скалывания пересекаются более поздними снятиями. Следы подживления артефактов отмечаются неоднократно и хорошо фиксируются в виде разной степени побеления и шероховатости поверхностей, а также скругленности ребер сколов.

Работы 2006 г. подтвердили выдвинутое ранее предположение, о том, что археологический материал связан, в первую очередь, с древними русловыми отложениями р. Рубас. Общий облик обнаруженных артефактов, характер залегания находок, степень сохранности поверхности, а также отмеченные случаи переоформления орудий и использование для их изготовления более древних заготовок позволяет отнести исследуемые материалы к довольно обширному временному интервалу предположительно в рамках среднего палеолита. Об этой культурно-хронологической привязке свидетельствует наличие в коллекции ярких орудийных форм, характерных для мустьерской эпохи, леваллуазских форм нуклеусов и отсутствие выразительных верхнепалеолитических типов изделий. Кроме того, часть микроинвентаря со следами сильной заглаженности поверхности близка по своему облику древнейшим инструментам Дагестана (Дарвагчай-1), что может свидетельствовать либо о продолжении этой традиции на более поздних этапах, либо о возможной значительной древности некоторой части представленного археологического материала.

Примечания

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, Е.П. Рыбин. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - С. 65-69.

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.А. Цыбанков, Н.А. Кулик. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. - С. 59-62.

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2006 ГОДА
В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ РУБАС
(РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)***

В 2006 г. совместной экспедицией ИАЭТ СОРАН и ИЭА РАН под руководством А.П. Деревянко были продолжены археологические изыскания на территории Табасаранского района Республики Дагестан. Научно-исследовательская работа велась по двум направлениям и наряду со стационарными раскопками найденных ранее объектов каменного века (Деревянко и др., 2005) сотрудниками экспедиции производились разведочные маршруты по правому берегу р. Рубас и его притокам, в ходе которых было обнаружено нескольких новых местонахождений каменного века.

Всего при выполнении работ открыто 8 местонахождений археологического материала. По своему расположению найденные объекты условно могут быть разделены на две группы. К первой относятся три местонахождения (Рубас 7-9), расположенные на террасовидных уступах выше по течению реки относительно ранее открытых памятников Рубас 1-6, ко второй - группа памятников расположенных на удалении от реки, в долинах впадающих в нее ручьев (Хюряк - 1-3, Тинит - 1, Дашлыкент - 1) (см. Рис. 1).

Местонахождение Хюряк - 1 (41° 53' 07.2" с.ш., 48° 06' 43.2" в.д., а.в. - 299 м), Для изучения рыхлых отложений на объекте был заложен шурф площадью 3,5×1 м.

Разведочный шурф выявил следующую стратиграфическую ситуацию:

1. Гумусированный слой, черного цвета, рыхлый, пронизан мощной современной корневой системой. Мощность - до 0,35 м.

2. Лессовидный суглинок, плотный, серого цвета. Мощность - до 1,15 м.

3. Лессовидный суглинок, темный, красно-коричневого цвета, гумусированный, плотный. Мощность - до 0,25 м.

4. Лессовидный суглинок, серого цвета, опесчаненный; в подошве слоя, на контакте слоев 4 и 5 зафиксирован тонкий (2-4 см) прокол с углями. Мощность - до 0,85 м.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01373-а; РФФИ, гранты № 04-06-80017-а и 06-06-88002-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-2315.2003.6.

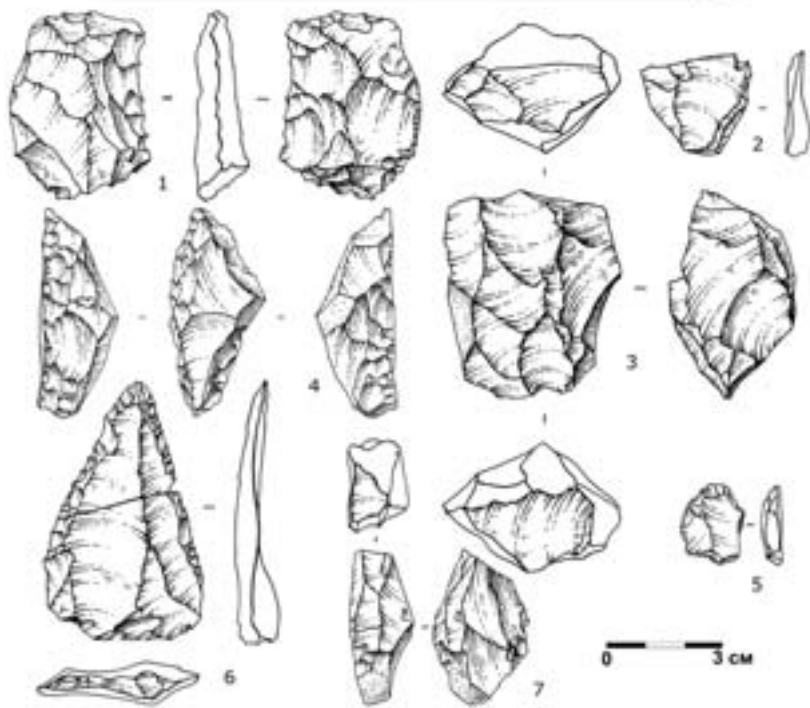
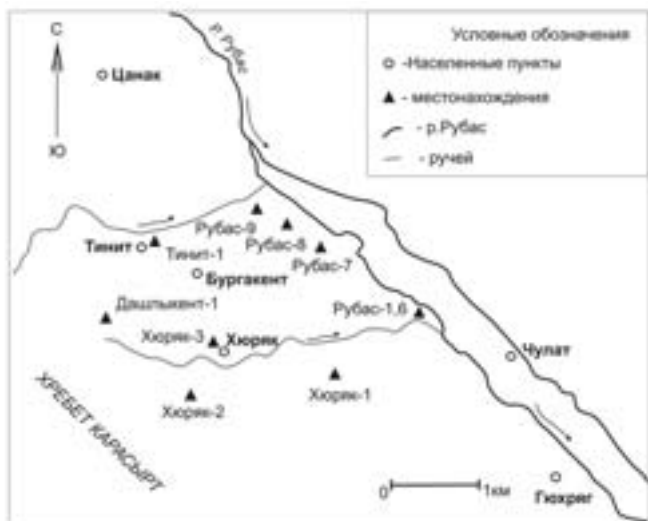

Рис. 1. Схема расположения местонахождений каменного века и каменные артефакты.

(1, 2 - Рубас – 9; 3 - Рубас - 7; 4 - Хюрк - 3; 5, 6 - Хюрк - 1; 7 - Хюрк - 2)
 1 - долотовидное орудие; 2 - скол; 3, 7 - нуклеусы; 4 - лимас; 5 - микроскребок;
 6 - мустьерский остроконечник.

5. Галечник с прослоями песка. Мощность - до 0,6 м. В слое присутствуют артефакты.

6. Неоднородная, по преимуществу, глинистая толща с линзами и прослоями песка, гальки и гравия. Вскрытая мощность - до 1,25 м.

Стратифицированные находки относятся к слою 5 и представлены двумя обломками и концевым микроскребок на отщепе (Рис. 1,5), поверхность предметов слабоокатанная. Кроме того, на поверхности в районе шурфа найдено 7 предметов, из них: нуклеус - 1, мустьерский остроконечник - 1, дистальный фрагмент пластинки - 1, отщепы - 4. Нуклеус представляет собой небольшого размера истощенное ядрище шаровидной формы, система расщепления ортогональная, характеризуется приемом, когда плоскость скола служила ударной площадкой для последующего снятия. Поверхность нуклеуса сравнима по степени сохранности с предметами, полученными из шурфа, остальной подъемный материал следов окатанности не имеет. Огранка дорсальной поверхности сколов параллельная, остаточные ударные площадки гладкие (3 экз.), двугранные (1 экз.) и фасетированные (1 экз.). Мустьерский остроконечник, удлиненный, треугольной формы, конвергентные продольные края обработаны дорсальной полукрутой, разнофасеточной, модифицирующей ретушью, на дорсальной поверхности заготовки следы предыдущих параллельных снятий, ударная площадка прямая фасетированная (Рис. 1,6).

Местонахождение Хюряк - 2 ($41^{\circ} 51' 32.0''$ с.ш., $48^{\circ} 04' 16.8''$ в.д., а.в. - 559 м).

Всего найдено 4 предмета, из них: нуклеус - 1, обломки - 3. Нуклеус торцового принципа снятия (Рис. 1,7), подтрапецевидный в плане, подпрямоугольный в сечении, на фронте скальвания видны негативы нескольких пластинчатых снятий. Один обломок ретушью преобразован в выемчатое орудие.

Местонахождение Хюряк - 3 ($41^{\circ} 53' 04.0''$ с.ш., $48^{\circ} 04' 07.9''$ в.д., а.в. - 565 м)

Во время осмотра естественного обнажения по дороге выше с. Хюряк обнаружен листовидный лимас (рис. 1,4) и обломок.

Местонахождение Тинит - 1 ($41^{\circ} 54' 45.2''$ с.ш., $48^{\circ} 04' 00.0''$ в.д., а.в. - 432 м)

Всего собрано 7 предметов, из них медиальный фрагмент пластинки - 1, отщепы - 4, обломки - 2. Огранка сколов параллельная (4 экз.) и гладкая (1 экз.). Остаточные ударные площадки представлены гладкими (3 экз.) и точечной (1 экз.) разновидностями. К орудийному набору отнесен медиальный фрагмент пластинки с неглубокой ретушированной выемкой на продольном крае. Ретушь модифицирующая, вентральная, мелкофасеточная.

Местонахождение Дашлыкент - 1 ($41^{\circ} 53' 08.7''$ с.ш., $48^{\circ} 02' 45.4''$ в.д., а.в. - 703 м)

Представляет собой неглубокий навес, образованный в выветрелом останце коренных скальных пород. При визуальном осмотре участков прилегающих к навесу найден один обломок без следов вторичной обработки.

Предполагаемая значительная мощность рыхлых отложений и удобное расположение обуславливает перспективность проведения в навесе дальнейших археологических изысканий.

Местонахождение Рубас - 7 (41° 54' 41.1" с.ш., 48° 05' 35.6" в.д., а.в. - 333 м)

Всего на объекте собрано 16 предметов, из них: нуклеус - 1, пластинка - 1, отщепы - 2, обломки - 12. Нуклеус одноплощадочный, монофронтальный параллельного принципа скальвания, выпуклая ударная площадка подготовлена двумя сколами. На фронте скальвания по негативу последнего снятия видно, что удар был нанесен точно в грань образованную этими сколами (рис.1,3). Огранка сопутствующих сколов - параллельная, остаточные ударные площадки - гладкие. Предметы с вторичной обработкой отсутствуют.

Местонахождение Рубас - 8 (41° 54' 08.5" с.ш., 48° 06' 10.2" в.д., а.в. - 313 м)

Общее количество артефактов составляет 11 экз. Найденные предметы представлены плиткой со следами апробации в виде бессистемных мелких сколов и обломками (10 экз.).

Местонахождение Рубас - 9 (41° 55' 54.3" с.ш., 48° 04' 19.3" в.д., а.в. - 376 м)

Всего собрано 17 предметов, из них: отщепы - 6, не диагностируемый скол с бифасиальной обработкой - 1, обломки - 10. Огранка у сколов параллельная (5 экз.) и гладкая (1 экз.). Остаточные ударные площадки представлены гладкими (4 экз.), фасетированными (1 экз.) и точечной (1 экз.) разновидностями. К орудийному набору отнесены долотовидное орудие на сколе с бифасиальной обработкой (рис.1,1) и два обломка со следами эпизодической ретуши.

Проведенные в 2006 г. разведочные работы подтвердили перспективность долины р. Рубас в среднем течении для археологического изучения, в том числе и в плане палеолитоведения. В полученных в ходе разведок коллекциях присутствуют артефакты как верхне-, так и среднепалеолитического облика, что говорит о широком культурно-хронологическом интервале, который характеризуют материалы обнаруженных археологических комплексов. Особенно следует отметить, что на всех открытых местонахождениях отмечена значительная мощность позднеплейстоценовых отложений, что позволяет надеяться на обнаружение здесь, в дальнейшем, стратифицированных многослойных археологических объектов различных этапов каменного века.

Примечания

1. А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.А. Цыбанков, Н.А. Кулик. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. - С. 59-62.

*А.П. Деревянко, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев,
А.И. Кривошапкин, М. Зайди*

**ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА
ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ В 2006 ГОДУ***

Изучение древнейших этапов истории человека, связанных с первоначальным расселением его из Африки постоянно привлекали и привлекают пристальное внимание археологов и антропологов всего мира. В ходе многолетних широкомасштабных междисциплинарных исследований объектов эпохи палеолита на территории Центральной Азии были открыты и изучены сотни первоклассных индустриальных комплексов, как с поверхностным залеганием артефактов, так и в стратифицированном контексте. Применение новейших методов фиксации, датирования и интерпретации археологических и естественнонаучных данных при изучении палеолитических памятников Северной и Центральной Азии вывело исследования на принципиально новый уровень, позволивший выдвинуть новые интерпретационные гипотезы и концепции, касающиеся проблемы первоначального заселения Евразии (Деревянко, 2005). Особое место в данных гипотезах о древнейших волнах расселения человека отводится Юго-Западной Азии, и в частности территории современного Ирана, являвшейся транзитным маршрутом миграционных волн древнейших человеческих популяций из Африки в Евразию. Интенсификация поиска и исследования палеолитических комплексов на данной территории как силами иранских археологов (Biglari and Abdi 1999, Biglari and Heydari 2001, Biglari and Ghafari 2004, Shidrang 2004, Shidrang 2005), так и (особенно в последние годы,) интернациональными коллективами (см. напр., Otte et al. 2004) уже привела к открытию ряда новых памятников (Biglari et al. 2000, 2004.), однако история раннепалеолитической эпохи современного Ирана вплоть до настоящего времени остается “белым пятном”, особенно на фоне сопредельных территорий. В то же время, находки последних лет в Грузии (Gabunia et al. 1999), Дагестане (Деревянко, Зенин, Анойкин, 2006), равно как накопленные за многие десятилетия исследований данные по раннему палеолиту Ближнего Востока, позволяют предполагать существование на

* Работа выполнена (проекты РФФИ № 04-06-80018 и № 04-06-80017, проект РГНФ № 05-01-01356, Интеграционный проект СО РАН №7.3, Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

территории Ирана (в частности, в Южном Прикаспии) памятников древностью более 1 млн. лет назад.

В 2006 году, в рамках сотрудничества между Институтом археологии и этнографии СО РАН (Г. Новосибирск) и Иранским центром археологических исследований (г. Тегеран), была организована совместная экспедиция, целью которой был поиск и первичный анализ палеолитических комплексов на территории четырех иранских провинций - Ардебиль, Гилян, Мазандаран и Гулистан. За время работы экспедиции (сентябрь-октябрь 2006 г.) было обнаружено более 40 новых местонахождений каменного века, культурно-хронологически ранжированных от эпохи раннего палеолита до финальных проявлений применения каменных орудий в человеческих сообществах. Необходимо отметить, что согласно законодательству Исламской Республики Иран в области сохранения и изучения культурного наследия во время проведения первичных разведывательных маршрутов запрещено выполнение любых тестирующих раскопок, работа экспедиции была ограничена лишь визуальным осмотром экспонированных древних поверхностей и естественных или антропогенных обнажений (плоскости отрыва оползней, размыты склонов, дорожные выемки, карьеры и т.п.).

Данное предварительное сообщение посвящено кратким итогам работы экспедиции на территории южного Прикаспия

Провинция Ардебиль

Результаты разведывательного изучения провинции Ардебиль, в ходе которого было обнаружено 34 новых палеолитических объектов, изложены в другой статье (в этом же томе).

Провинция Гилян

Исследованная местность представляет собой сильно залесенный ландшафт, что в значительной мере препятствовало визуальному поиску экспонированных артефактов. Тем не менее, было установлено, в устьях практически всех рек, где имеются выходы кремневого сырья, присутствуют верхнепалеолитические мастерские. Сбора артефактов не производилось.

Провинция Мазандаран

Во время разведывательных маршрутов на территории данной провинции, обладающей несколькими источниками высококачественного каменного сырья (кремь), было обнаружено 4 новых местонахождений каменного века и осмотрено 3 найденных иранскими коллегами объекта, на которых ранее не проводилось сбора археологического материала.

Пункт 35 (36°39'02,9" с.ш., 53°19'16,4" в.д., 105 m.a.s.l.). Собранная на поверхности коллекция среднепалеолитических артефактов (26 экз.) состоит из технических сколов (2 экз.), остроконечной пластины, широких пластин (3 экз.), отщепов (16 экз.), плоскостных нуклеусов для производства отщепов (2 экз.), и нуклеусов для производства узких пластинок (2 экз.). Орудийный набор представлен слаборетушированной остроконечной пластиной, поперечным и одинарным скреблами.

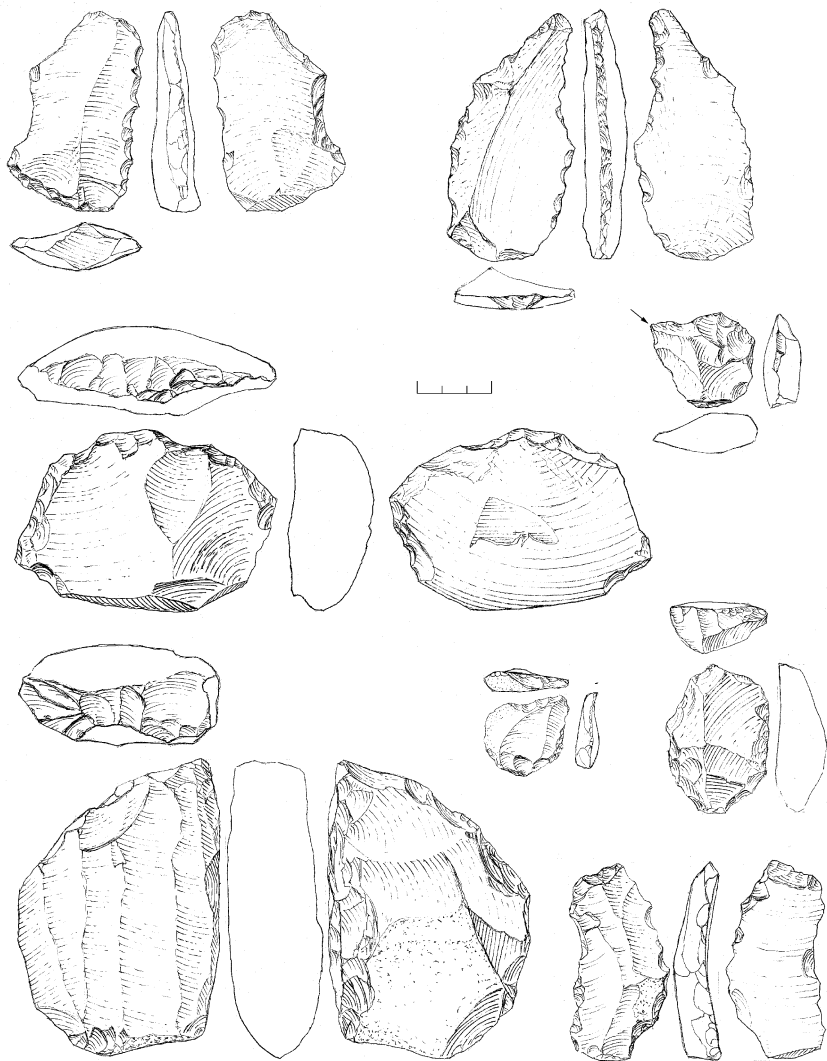

Рис. 1. Каменные артефакты пункта 37.

Пункт 36 (36°39'33,6" с.ш., 53°21'21,1" в.д., 75 m.a.s.l.). Обнаруженный среднепалеолитический кремневый комплекс (9 экз.) состоит из куска тестированного сырья, пластинчатых отщепов (2 экз.), пластины, отщепов (2 экз.), пластинок (2 экз.) и одностороннего нуклеуса радиального принципа скалывания.

Пункт 37 (36°39'36,6" с.ш., 53°24'39,9" в.д., 102 m.a.s.l.). Данное местонахождение, расположенное в долине реки Шореш, было обнаружено

(без сбора подъемного материала) в 2004 году директором археологического проекта “Гохар-тепе” провинции Мазандаран господином А. Махфрузи. Во время обследования памятника совместной экспедицией в 2006 г. помимо артефактов, обнаруженных в экспонированном контексте (из-за разрушения территории памятника строительством дороги) в обнажении склоновых отложений был обнаружен культуросодержащий горизонт (глубина залегания ~ 2 м от современной дневной поверхности). Достаточно однородный (как подъемный материал, так и артефакты, извлеченные из обнажения) среднепалеолитический комплекс (30 экз.) состоит из технического скола, удлинненного остроконечника, широких пластин (5 экз.), отщепов (21 экз.) леваллуазкого нуклеуса для отщепов и плоскостного нуклеуса для серийного производства пластин (Рис. 1). Орудийный набор (18 экз.) представлен выемчатым орудием, тронкированно-фасетированными изделиями (2 экз.), концевыми скребками (2 экз.), комбинированными орудиями (сочетающими выемчатое и скребковое лезвия, 5 экз.) и скреблами (8 экз.).

Пункт 38 (36°39'23,8" с.ш., 53°23'29,5" в.д.; 81 m.a.s.l.). Местонахождение в долине реки Чакош было обнаружено (без сбора подъемного материала) в 2004 году директором археологического проекта “Гохар-тепе” провинции Мазандаран господином А. Махфрузи. Во время обследования совместной экспедицией в 2006 г. в обнажении пролювиально-аллювиальных отложений речного берега была собрана небольшая (5 экз.) коллекция среднепалеолитических артефактов, представленная нуклеусом для отщепов, пластиной и отщепами (3 экз.). Орудийный набор состоит из скребел (2 экз.) и тронкированно-фасетированного изделия (Рис. 2, 5-8). На поверхности этой же речной террасы также были обнаружены и артефакты верхнепалеолитического облика (3 экз.): небольшая пластина и нуклеусы для производства пластин/пластинок (2 экз.).

Пункт 39 (36°36'31,5" с.ш., 53°27'18,1" в.д., 515 m.a.s.l.). Артефакты, выполненные из кремня и яшмы (5 экз.) были найдены в отвале грабительского шурфа, заложенного внутри труднодоступной пещеры Наргези. Пещера была осмотрена (без сбора подъемного материала) в 2004 году директором археологического проекта “Гохар-тепе” провинции Мазандаран господином А. Махфрузи. Обнаруженные в 2006 г. артефакты, отнесенные к раннепалеолитическому микроиндустриальному комплексу (Рис. 2, 1-2), представлены мелким сколом, отщепами (2 экз.) и угловатыми обломками (2 экз.). Орудийный набор состоит из зубчато-выемчатого орудия, грубого скребка и обломков с ретушью (2 экз.).

Пункт 40 (36°03'28,6" с.ш., 52°56'37,3" в.д., 1115 m.a.s.l.). Одиночный артефакт, выполненный из обсидиана, был обнаружен на каменной естественной полочке внутри безымянного скального навеса. Типологически изделие относится к тронкированным орудиям и может быть отнесено к эпохе верхнего палеолита.

Пункт 46 (36°38'55,5" с.ш., 53°21'40,9" в.д., 133 m.a.s.l.). Разрушенный богатый каменными изделиями культурный слой стоянки-мастерской, рас-

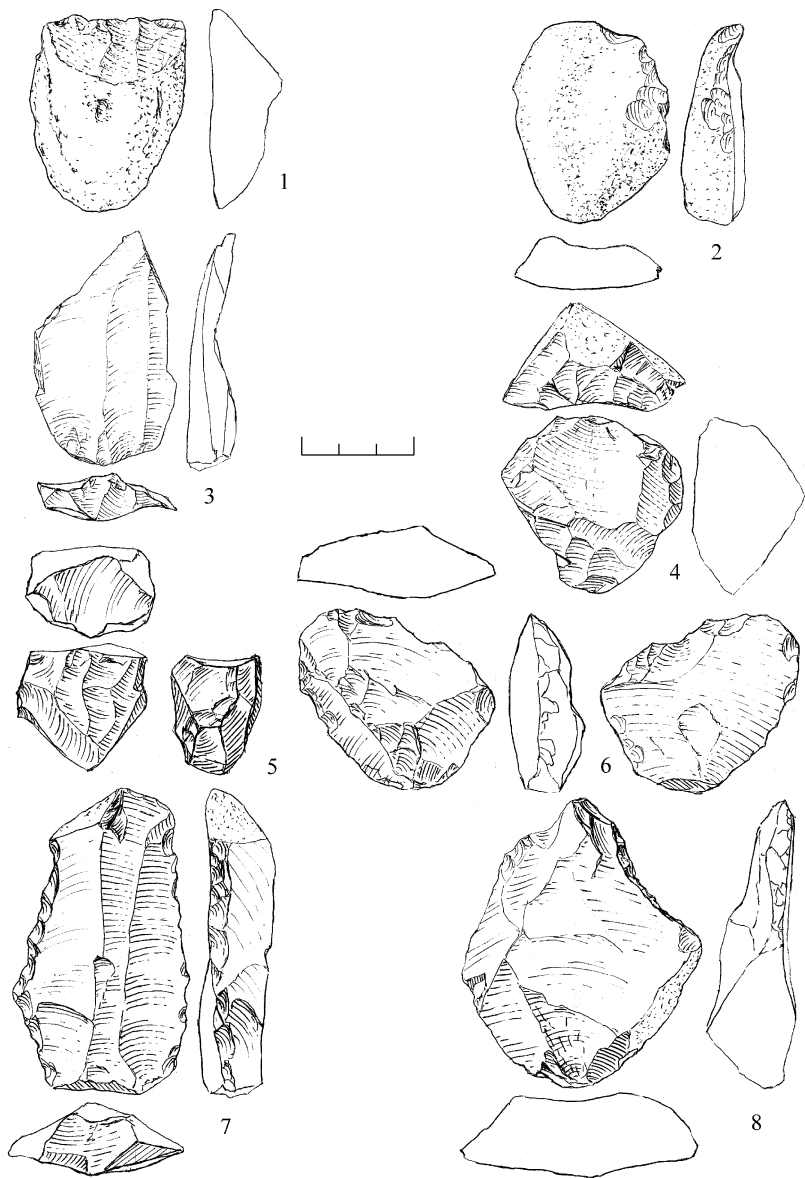

Рис. 2. Каменные артефакты: 1-2 – пункт 39; 3 - пункт 41; 4 - пункт 43; 5-8 - пункт 38

положенной на выходах кремневого сырья, был обнаружен в дорожной выемке. Верхнепалеолитического облика коллекция (38 экз.) состоит из пластин (5 экз.), фрагмента пластины, остроконечника, куска исходного сырья с тестирующими сколами, технических сколов (6 экз.), отщепов

(12 экз.), нуклеидных обломков (5 экз.) и нуклеусов для пластин (7 экз.). Орудийный набор включает в себя ретушированный остроконечник, резец, выемчатое орудие, проколки (3 экз.), концевые скребки (2 экз.) и скребло.

Провинция Гулистан

Во время разведывательных маршрутов на территории данной провинции было обнаружено 4 новых местонахождения, отнесенных к эпохе каменного века, а также осмотрен пещерный памятник, обнаруженный и тестированный в середине 60-х гг. XX века.

Пункт 41 (37°13'09,4" с.ш., 55°40'04,2" в.д., 790 m.a.s.l.). Пещера Киярам была обнаружена и протестирована шурфом 1м×1,5 м С.В.М. McBurney в 1964 г. Во время осмотра местонахождения в 2006 году в обнажении предвходовой площадки (обвал из-за размыва рекой) был обнаружен один кремневый артефакт - удлинённый остроконечник среднепалеолитического облика (Рис. 2, 3).

Пункт 42 (37°05'46,5" с.ш., 55°12'50,6" в.д., 180 m.a.s.l.). Верхнепалеолитический торцовый нуклеус для пластин, выполненный из сильно окремнелого известнякового валунчика, был найден во время осмотра долины реки Хормално.

Пункт 43 (37°31'00,8" с.ш., 55°44'01,6" в.д., 400 m.a.s.l.). Два кремневых артефакта среднепалеолитического облика были обнаружены в обнажении пролювиально-склоновых отложений - кусок тестированного сырья и небольшой леваллуазский нуклеус для отщепов (Рис. 2, 4).

Пункт 44 (37°52'22,2" с.ш., 55°49'13,2" в.д., 175 m.a.s.l.). Небольшой верхнепалеолитический комплекс (4 экз.), состоящий из пластины, фрагмента пластины, пластинчатого отщепы и отщепы. Единственное орудие представлено простым резцом.

Пункт 45 (37°34'47,8" с.ш., 55°47'31,2" в.д., 450 m.a.s.l.). Два кремневых артефакта среднепалеолитического облика (отщепы) были найдены в экспонированном контексте в осыпи многометрового лессового обнажения. Условия обнаружения позволяют предположить ассоциированность данных изделий с одной из погребенных почв.

Проведенные разведочные исследования северной и северо-восточной части Ирана показали высокую перспективность данной территории для более детального изучения древних этапов каменного века, особенно периодов среднего и верхнего палеолита. Наличие выходов качественного каменного сырья, благоприятные климатические условия, многочисленность скальных навесов и пещер, а также хорошая сохранность плейстоценовых отложений в долинах небольших рек (особенно в провинции Мазандаран) позволяют надеяться на открытие непотревоженных и высокоинформативных палеолитических объектов в стратифицированном контексте.

Благодарности

Авторы выражают свою признательность за помощь в организации и проведении полевых исследований директору Исследовательского центра

Иранской организации по охране культурного наследия и развитию туризма (ICHTO) доктору Сейеду Таха Хашеми, директору Иранского центра археологических исследований (ICAR, ICHTO) доктору Хасану Фазели Нашли, сотруднице международного отдела ICAR ICHTO госпоже Мошгон Сейедин, а также другим иранским коллегам, оказавшим неоценимую административную поддержку, особенно заместителю директора ICHTO провинции Ардебиль господину Недае, научному сотруднику ICHTO провинции Гилян господину Вали Джахани и заместителю директора ICHTO провинции Мазандаран господину Изади.

Отдельную благодарность за непосредственное участие в разведочных исследованиях хотелось бы выразить академику РАН И.М. Стеблин-Каменскому, магистрантам Тегеранского университета господину Амиру Бешкани и госпоже Моно Джами-ал Ахмади, научным сотрудникам ICHTO провинции Ардебиль господам Джафару Канбарзаде и Хасану Йозефи, директору археологического проекта “Тохар-тепе” господину Али Махфрузи (провинция Мазандаран) и директору археологического проекта “Великая Стена Горгана” господину Хамиду Омрани (провинция Гулистан).

Примечания

Дервянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология. – 2005. №2 (22). – С. 22-36.

Дервянко А.П., Зенин В.Н., Анайкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 43-64.

Biglari F., Abdi K. 1999 “Paleolithic Artifacts from Cham-e Souran, Islamabad Plain, Central Western Zagros Mountains, Iran”, *Archaologische Mitteilungen aus Iran and Turan* 5/31: 1-8.

Biglari F., Heydari S. 2001 “Do-Ashkaft: A Recently Discovered Mousterian Cave Site in the Kermanshah Plain, Iran”, *Antiquity* 75: 487-488.

Biglari F., Heydari S., Shidrang S. 2004 “Ganj Par: The First Evidence for Lower Paleolithic Occupation in the Southern Caspian Basin, Iran”, *Antiquity* 78, No. 302, Project Gallery.

Biglari F., Nokandeh G., Heydari S. 2000. A recent find of a possible Lower Paleolithic assemblage from the foothills of the Zagros Mountains. *Antiquity* 74: 749-750.

Gabunia L., Joris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelishvili A., Nioradze M., Swisher C.C. III, Vekua A., und Mitarbeit von Bosinski G., Ferring R.C., Majsuradze G., Tvaltchrelidze M. 1999 “Neue Hominidenfunde des Altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) im Kontext Aktueller Grabungsergebnisse”, *Archaologisches Korrespondenzblatt* 29: 451-488.

Otte M., Biglari F., Alipour S., Naderi R., Hossein J. “Earliest Human Occupations in Central Asia: An Iranian Look” // Археология и палеоэкология Евразии. - Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - С. 279-282.

*А.П. Деревянко, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев,
А.И. Кривошапкин, М. Зайди*

**ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА (АРДЕБИЛЬ):
РАЗВЕДОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2006 ГОДУ***

Особое место в решении проблемы древнейших этапов расселения человека отводится Юго-Западной Азии, и в частности территории современного Ирана, являвшейся транзитным маршрутом миграционных волн древнейших человеческих популяций из Африки в Евразию. История раннепалеолитической эпохи современного Ирана вплоть до настоящего времени остается “белым пятном”. В то же время, накопленные за многие десятилетия исследований, данные по раннему палеолиту Ближнего Востока, Кавказа, Центральной Азии позволяют предполагать существование на территории северо-западного Ирана памятников древностью более 1 млн. лет назад.

Основной целью работ Российско-Иранской археологической экспедиции в 2006 г. являлся поиск раннепалеолитических памятников, позволивших бы прояснить историю первичного расселения древнего человека из Африки и начальные этапы освоения Евразии. Исходя из ландшафтных и природно-климатических характеристик, наиболее перспективным районом для достижения поставленной цели была признана провинция Ардебиль, расположенная на северо-западе Ирана на границе с Азербайджаном, на территории которой сохранились протяженные участки древних (раннеплейстоценовых) морских террас, в большинстве случаев не перекрытых чехлом средне- и позднечетвертичных отложений. Несмотря на ограничения, накладываемые иранским законодательством на проведение разведывательных работ, за небольшой интервал времени было обнаружено 34 местонахождения каменного века с различной концентрацией экспонированных на поверхности артефактов.

Пункт 1 (39°23'59,4" с.ш., 47°28'28,4" в.д., 260 m.a.s.l.). Скопление артефактов (29 экз.) было обнаружено в долине реки Кара-Су в 4 км от деревни Торар (по дороге в деревню Ахматау). Каменные изделия, выполненные из кремня, яшмы и халцедона, представлены кусками тестированного сырья (3 экз.), нуклеусами (2 экз.), нуклевидными обломками (2 экз.), техническим сколом, пластинами (3 экз.), пластинчатыми отщепами (4 экз.) и

* Работа выполнена (проекты РФФИ № 04-06-80018 и № 04-06-80017, проект РГНФ № 05-01-01356, Интеграционный проект СО РАН №7.3, Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

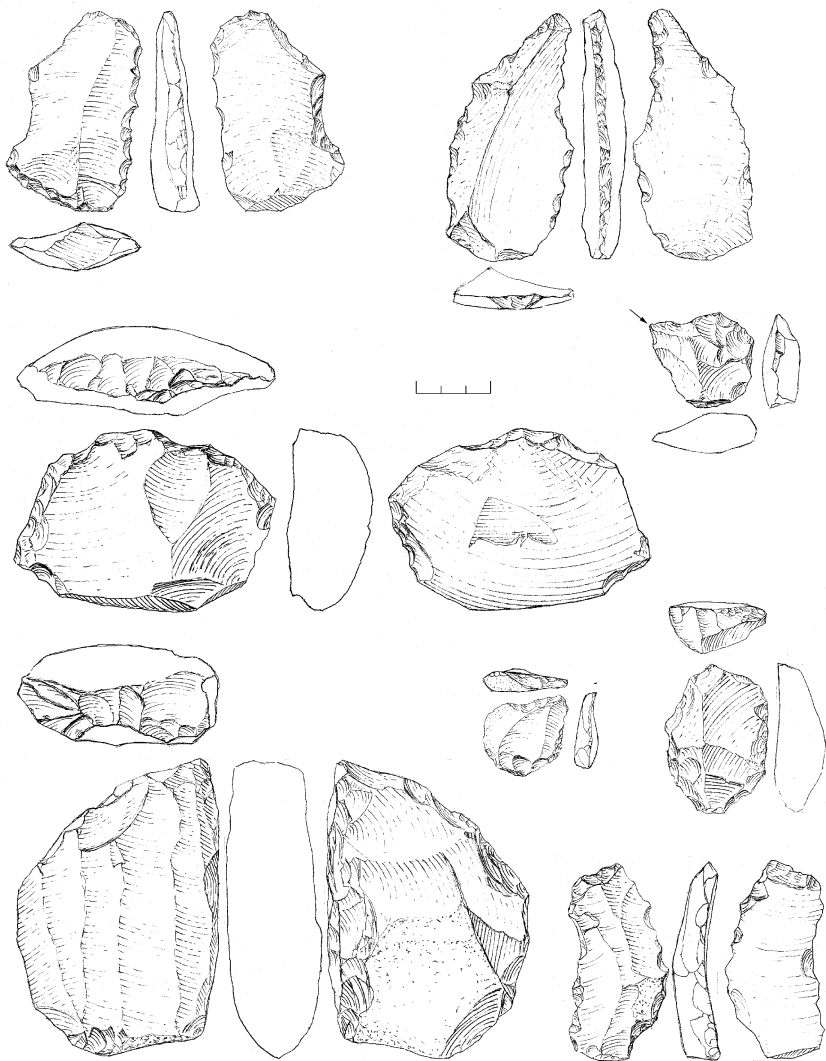

Рис. 1. Каменные артефакты пункта 14.

отщепами (14 экз.). Два отщепа были классифицированы как орудия: отщеп с ретушью и проколка. Основываясь на технологических и типологических характеристиках, данный комплекс был отнесен к раннему верхнему палеолиту.

Пункт 2 (39°33'34,2" с.ш., 47°48'29,9" в.д., 210 м.а.с.л.). На поверхности древней морской террасы была обнаружена палеолитического облика пластина среднего размера.

Пункт 3 (39°24'45,1" с.ш., 47°24'56,7" в.д., 215 m.a.s.l.). Во время осмотра правого берега в нижнем течении реки Кара-Су было найдено шесть каменных артефактов, выполненных из обсидиана, кремня и тонкозернистого песчаника. Вся коллекция, представленная микронуклеусами (2 экз.), тестированными гальками (2 экз.), пластинчатым отщепом и отщепом (модифицированным в концевой скребок высокой формы) может быть отнесена к эпохе бронзового века.

Пункт 4 (39°21'44,7" с.ш., 47°26'24,2" в.д., 230 m.a.s.l.). На экспонированной поверхности древней морской террасы было обнаружено скопление (34 экз.) каменных артефактов, изготовленных из кварцита, изверженных пород, кремня, халцедона и тонкозернистого песчаника. Сильнодефлированные кварцитовые изделия, представленные расколотой галькой, модифицированной в скребло, и тремя отщепами (один из которых послужил заготовкой массивного зубчатого орудия), могут быть отнесены к раннему палеолиту. Остальная часть коллекции - ретушированный остроконечник, нуклевидные обломки (2 экз.), нуклеусы (5 экз.), отщепы (20 экз., один из которых был модифицирован в массивное поперечное скребло), пластина и кусок тестированного сырья могут быть отнесены к позднему этапу среднего или к раннему этапу верхнего палеолита.

Пункт 5 (39°24'47,2" с.ш., 47°26'30,8" в.д., 224 m.a.s.l.). Небольшой обсидиановый отщеп был найден среди рассеянного скопления фрагментов керамики бронзового (?) века.

Пункт 6 (39°24'27,0" с.ш., 47°27'08,5" в.д., 235 m.a.s.l.). Небольшая коллекция (6 экз.) артефактов, выполненных из кремнистого сырья, песчаника и кварцита, была обнаружена в окрестности деревни Торар. Каменные изделия представлены куском тестированного сырья, нуклеусами (3 экз.), отщепом и техническим сколом поджигания и могут быть отнесены к позднему этапу среднего или к раннему этапу верхнего палеолита.

Пункт 7 (39°26'11,9" с.ш., 47°24'47,5" в.д., 155 m.a.s.l.). Три артефакта (расколотые кремневые желваки) были найдены около основного моста в устье реки Кара-Су.

Пункт 8 (39°07'42,5" с.ш., 47°32'06,0" в.д., 350 m.a.s.l.). Был обнаружен удлиненный отщеп, связанный с первичным этапом оформления нуклеуса (значительная часть дорсальной поверхности покрыта желвачной коркой), выполненный из тонкозернистого песчаника.

Пункт 9 (39°05'26,0" с.ш., 47°31'29,6" в.д.). Шесть обнаруженных артефактов, выполненных из песчаника и кремня - куски тестированного сырья (3 экз.) и нуклевидный обломок - могут быть отнесены к среднему (или даже раннему) палеолиту.

Пункт 10 (39°03'22,7" с.ш., 47°56'54,8" в.д., 760 m.a.s.l.). Был обнаружен пластинчатый отщеп, выполненный из кремнистой породы и имеющий палеолитический облик.

Пункт 11 (38°33'11,7" с.ш., 47°45'01,5" в.д., 980 m.a.s.l.). Серия каменных артефактов (34 экз.), выполненных из кремня и халцедона, была най-

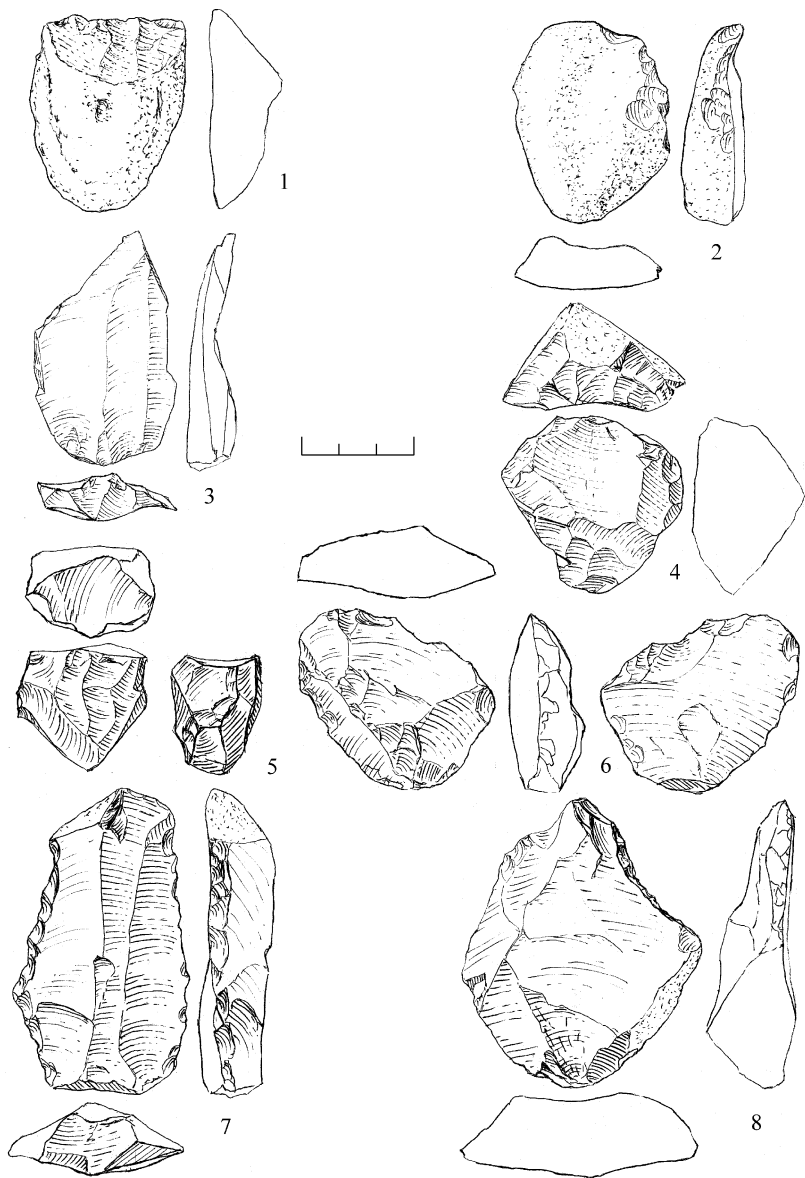

Рис. 2. Каменные артефакты пункта 28.

дена на поверхности внутри небольшого безымянного скального навеса. Внутри навеса обнаружен грабительский шурф аморфной формы, вскрывший рыхлые отложения на видимую глубину в 1 м. Категории первичного расщепления представлены отщепами (24 экз.), нуклеидным обломком,

микронуклеусом, пластинчатым отщепом, техническими сколами (5 экз.) и фрагментами пластинок (2 экз.). Орудийный набор состоит из концевых скребков (3 экз.), ретушированного отщепа и зубчатого орудия. Основываясь на технико-типологических характеристиках, культурная принадлежность комплекса не может быть древнее верхнего предела финального палеолита.

Пункт 12 (38°33'11,7" с.ш., 47°44'40,7" в.д., 1010 m.a.s.l.). Было обнаружено два кремневых артефакта: пластинчатый отщеп и отщеп. Оба изделия были модифицированы в орудия - концевые скребки. Основываясь на технико-типологических характеристиках, культурная принадлежность комплекса не может быть древнее верхнего предела финального палеолита.

Пункт 13 (38°28'12,6" с.ш., 47°33'24,1" в.д., 1090 m.a.s.l.). Смешанный комплекс (21 экз.), содержащий как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические артефакты, представлен отщепами (11 экз.), пластинчатыми отщепами (2 экз.), пластиной, пластинкой, нуклеидным обломком и нуклеусами различных типов (5 экз.). Орудийный набор состоит из мустьерского остроконечника, концевых скребков (2 экз.), слаборетушированной пластины и пластинчатого отщепа с ретушью.

Пункт 14 (38°28'46,8" с.ш., 47°31'59,4" в.д., 950 m.a.s.l.). Данное местонахождение представляет собой интенсивную мастерскую по первичной обработке каменного сырья на его выходах (кремневые желваки). Вся коллекция (64 экз.) может быть отнесена к позднему среднему/раннему верхнему палеолиту (Рис. 1). Категории первичного расщепления представлены отщепами (25 экз.), пластинами (6 экз.), фрагментами пластин (5 экз.), пластинчатыми отщепами (5 экз.), кусками тестированного сырья (2 экз.), нуклеидными обломками (5 экз.) и нуклеусами различного типа (14 экз.). Орудийный набор состоит из частичного бифаса, орудия "с носиком", ретушированного отщепа, пластинчатых отщепов с ретушью (2 экз.), ретушированной пластины, концевого скребка и зубчато-выемчатых орудий (6 экз.).

Пункт 15 (38°29'00,3" с.ш., 47°31'29,9" в.д., 925 m.a.s.l.). Коллекция артефактов палеолитического облика (5 экз.) представлена пластинчатым отщепом, отщепами (2 экз.) и нуклеусом. Оба отщепа были оформлены в продольные скребла.

Пункт 16 (38°28'51,6" с.ш., 47°30'29,0" в.д., 890 m.a.s.l.). Среднепалеолитического облика коллекция артефактов, выполненных из кремня и песчаника, состоит из отщепов (2 экз.), удлинённого остроконечника и нуклеусов (2 экз.) Один из отщепов был модифицирован в поперечное скребло, а удлинённый остроконечник послужил основой для изготовления продольного скребла.

Пункт 17 (38°23'51,4" с.ш., 47°22'44,6" в.д., 1050 m.a.s.l.). Три кремневых артефакта верхнепалеолитического облика представлены нуклеусами для производства пластин/пластинок.

Пункт 18 (38°21'56,6" с.ш., 47°26'35,4" в.д., 1200 m.a.s.l.). Был обнаружен массивный, выполненный из эффузива, пластинчатый отщеп палеолитического облика.

Пункт 19 (38°25'29,0" с.ш., 47°43'14,0" в.д., 1410 m.a.s.l.). Коллекция верхнепалеолитических артефактов, выполненных из кремня и окремненного известняка, представлена отщепом и нуклеусами для производства пластин/пластинок (3 экз.).

Пункт 20 (38°27'52,2" с.ш., 47°46'38,2" в.д., 1370 m.a.s.l.). Два артефакта среднепалеолитического облика были обнаружены на выходах кремнистого сырья низкого качества (комбинаторный нуклеус и оббитая плитка).

Пункт 21 (38°29'14,9" с.ш., 47°30'58,6" в.д., 894 m.a.s.l.). Небольшой набор палеолитических артефактов (6 экз.), выполненных из кремня, эффузива и халцедона, был собран в окрестности деревни Урами. Коллекция состоит из отщепов (4 экз.) и нуклеусов для производства пластинчатых отщепов (2 экз.). Два отщепа были модифицированы в орудия - отщеп с ретушью и концевой скребок.

Пункт 22 (38°30'51,6" с.ш., 47°31'01,7" в.д., 842 m.a.s.l.). Небольшая коллекция палеолитических артефактов (6 экз.) была найдена на выходах кремнистого сырья в окрестностях деревни Конжад (Сарханлу). Категории первичного расщепления представлены небольшими осколками (2 экз.), отщепами (2 экз.), нуклевидным обломком и нуклеусом для производства пластинчатых отщепов. Единственное орудие представлено ретушированным отщепом.

Пункт 23 (38°30'53,5" с.ш., 47°31'01,7" в.д., 815 m.a.s.l.). Два артефакта (финальный верхний палеолит/ранний голоцен) были найдены в отвале грабительского шурфа, выкопанного внутри грота Сарханлу. Небольшой кварцитовый отщеп был слегка ретуширован. Второй артефакт представляет собой кремневый микронуклеус.

Пункт 24 (38°30'57,8" с.ш., 47°29'10,2" в.д., 964 m.a.s.l.). Небольшая концентрация кремневых позднепалеолитических (?) артефактов (16 экз.) была обнаружена на высоком горном перевале. Коллекция представлена нуклевидным обломком и небольшими отщепами (15 экз.), два из которых были слегка ретушированы.

Пункт 25 (38°28'45,5" с.ш., 47°32'40,4" в.д., 949 m.a.s.l.). Коллекция палеолитических кремневых артефактов была найдена в окрестностях деревни Дамирада. Первичное расщепление представлено нуклеусом для производства отщепов и пластин, пластинчатыми отщепами (2 экз.) и массивными отщепами (4 экз.). Орудийный набор представлен отщепами с ретушью (2 экз.), выемчатым орудием и комбинированным орудием, сочетающим рабочие элементы кариноидного скребла и зубчато-выемчатого изделия.

Пункт 26 (37°25'25,8" с.ш., 48°35'05,1" в.д., 2014 m.a.s.l.). В окрестностях города Хэльхаль был найден кремневый концевой скребок, который может быть отнесен к эпохе верхнего палеолита.

Пункт 27 (38°28'19,6" с.ш., 47°33'02,3" в.д., 987 m.a.s.l.). Серия кремневых артефактов (10 экз.) была найдена в концентрации. Набор представлен пластинчатыми отщепами (3 экз.), отщепами (2 экз.) и нуклеусами

различного типа (5 экз.), основываясь на технико-типологических характеристиках, данный комплекс может быть отнесен к позднему среднему/раннему верхнему палеолиту.

Пункт 28 (37°26'35,2" с.ш., 48°16'07,1" в.д.). Двадцать пять артефактов, отнесенных согласно технико-типологическим признакам к раннему палеолиту (доашельской стадии) состоят из многогранников (5 экз.), апробированных кусков породы (2 экз.), массивных коротких отщепов (5 экз.), грубых скребел (2 экз.), чопперов (2 экз.), дисков (3 экз.), нуклевидных изделий с узкой плоскостью снятия отщепов (5 экз.) и шиповидного орудия (Рис. 2).

Пункт 29 (37°37'24,3" с.ш., 48°33'33,0" в.д.). Было обнаружено два верхнепалеолитических артефакта (отщепы), один из которых был слегка ретуширован.

Пункт 30 (37°37'09,9" с.ш., 48°30'22,3" в.д., 1870 m.a.s.l.). Смешанный верхнепалеолитический комплекс состоит из нуклевидных обломков (9 экз.), пластины, пластинчатых отщепов (3 экз.) и отщепов (7 экз.).

Пункт 31 (37°37'09,0" с.ш., 48°30'22,3" в.д., 1825 m.a.s.l.). Коллекция слабодетализированных среднепалеолитических артефактов состоит из отщепов (6 экз.), пластинчатого отщепа и нуклевидных обломков (9 экз.). Единственное орудие представлено поперечным скреблом на отщепе.

Пункт 32 (37°37'09,9" с.ш., 48°30'22,0" в.д., 1880 m.a.s.l.). Небольшая коллекция кремневых артефактов (9 экз.) состоит из пластинчатых отщепов (2 экз.), отщепов (2 экз.), нуклевидного обломка и нуклеусов различного типа (4 экз.). Орудийный набор представлен конвергентным концевым скребком и конвергентным скреблом. Коллекция может быть отнесена к позднему среднему/раннему верхнему палеолиту.

Пункт 33 (37°32'44,8" с.ш., 48°21'53,2" в.д., 1570 m.a.s.l.). Было обнаружено два кремневых артефакта верхнепалеолитического облика - отщеп и нуклевидный обломок.

Пункт 34 (37°36'26,1" с.ш., 48°32'33,4" в.д., 1815 m.a.s.l.). Коллекция верхнепалеолитических артефактов была обнаружена в выемке дорожного полотна. Каменные изделия представлены нуклеусом для пластин, нуклевидным обломком, пластинами (3 экз.) и отщепами (6 экз.).

Проведенное обследование провинции Ардебиль показало наличие на ее территории значительного количества палеолитических памятников различной хронологической и культурной принадлежности. Несмотря на то, что большинство обнаруженных местонахождений было зафиксировано в экспонированном на поверхности контексте, наличие в районе брекчийных раннеплейстоценовых отложений морских террас дает основание предполагать обнаружение в дальнейшем и стратифицированных памятников.

Большой интерес вызывают местонахождения, атрибутированные технико-типологически как принадлежащие к раннему палеолиту. Обнаружение серии артефактов доашельского облика (близких по морфологии

каменным орудиям из Дманиси, Грузия) подтверждает высказанную одним из авторов гипотезу о наличии на территории Ирана археологических объектов значительной древности.

Благодарности

Авторы выражают свою признательность за помощь в организации и проведении полевых исследований директору Исследовательского центра Иранской организации по охране культурного наследия и развитию туризма (ICHTO) доктору Сейеду Таха Хашеми, директору Иранского центра археологических исследований (ICAR, ICHTO) доктору Хасану Фазели Нашли, а также другим иранским коллегам за непосредственное участие в разведочных исследованиях.

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1 В 2006 ГОДУ*

Начиная с 2004 года, стратиграфические исследования стоянки Дарвагчай-1 в Южном Дагестане производились с разной степенью детализации в зависимости от состава участников экспедиций и доступности профильных разрезов [Дервянко и др., 2004; 2005; 2006]. Раскопки 2006 года позволили получить серию поперечных и продольных разрезов левого борта долины Дарвагчая на месте расположения стоянки. Данные разрезы и два обнажения на прилегающих к раскопу участках явились основой для детальных стратиграфических исследований отложений и установления условий залегания культурных материалов.

Ниже приводится сокращенное описание стратиграфического разреза стоянки (раскоп и прилегающие участки) от кровли морских тонко-слоистых отложений вверх.

1. Тонко-, горизонтально-слоистые отложения прибрежно-морского генезиса (предположительно, переходная зона между шельфом и побережьем). Представлены слоями глинистого алевролита (более 80 % объема отложений) и тонко-зернистого буро-коричневого песка. Отложения очень плотные, однако, при выветривании становятся трещиноваты, крошатся и образуют мелкокомковатую отдельность. Местами встречаются обломки тонкостенных раковин моллюсков. Нормальное (горизонтальное) положение осадков нарушено при неотектонических движениях. Видимая мощность (В.м.) слоя более 2,6 м. Непосредственно кровля (до 2 см) сцементирована до алевролита. Отложения, по-видимому, с разрывом перекрыты вышележащими образованиями.

2. Конгломерат с примесью валунов. Обломки, в основном, плоских и эллипсоидных форм состоят из карбонатного разнозернистого песчаника, единично – кремня. Заполнителем выступает тонко-, мелкозернистый песчаник с примесью гравия. Обломки весьма хорошо окатаны. Слои невыдержан по простиранию – в южном направлении уменьшается в мощности и, возможно, даже выклинивается. Вблизи южного края раскопа цемента-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» при поддержке РГНФ № 05-01-01373а, 06-01-18068е.

ция слоя отсутствует – он размыт и представлен отдельными валунами, между которыми (и даже часто под них) внедряются вышележащие алевроиты и пески слоя 3, а также ракушняки слоя 4. Слой имеет небольшое падение в сторону севера. Отложения, по-видимому, были сформированы при морской абразии уже существующих аллювиальных образований и последующем их переносе, главным образом, в бурной зоне пляжа или, возможно, в верхней части предфронтальной зоны. Максимальная в.м. – 0,15 – 0,2 м. Кровля слоя неровная, волнистая. Отложения, по-видимому, со стратиграфическим несогласием перекрыты вышележащими образованиями.

3. Тонкозернистый, тонко-слоистый песок. Верхняя половина насыщена обломками тонкостенных раковин моллюсков. Непосредственно подошва слоя представлена тонким невыдержанным прослоем светлого алевроита. Алевроит покрывает нижележащие валуны и гальку, внедряясь между обломками до подошвы отложений слоя 2. Отдельные крупные валуны остаются непокрытые алевроитом, что может говорить о кратковременности осадконакопления или локальном размыве и, соответственно, скрытом перерыве в седиментации. Данный гранулометрический состав осадков характерен для переходной зоны, расположенной ниже базиса волны (обычные глубины - 8 - 15 м). Этот факт, вероятно, говорит о резком увеличении глубины бассейна. Текстура основной части слоя - горизонтально-слоистая, местами – линзовидная. Максимальная в.м. слоя - 0,35 м, но в южном направлении (в пределах раскопа) слой местами выклинивается и отложения «смешиваются» с перекрывающимися. Отложения, вероятно, с перерывом перекрыты вышележащими.

4. Органогенно-обломочный известняк (ракушняк) с большим количеством хорошо окатанных гравия и гальки. Состав обломков тот же, что и в слое 2. Сортировка средняя – более крупный материал, в основном, расположен в нижней части слоя (часто в «подвешенном» состоянии). В отложениях много целых раковин двусторчатых моллюсков, а также их отпечатков. Подошва слоя очень ровная, четкая, со слабым падением (до 5°) в северном направлении. Кровля также очень четкая, волнистая – представляет собой крупную асимметричную и, в меньшей степени, симметричную рябь волнения, образованную в предфронтальной зоне. Длина волн направленно уменьшается по азимуту ~ 40° от 0,9 до 0,6 м и даже до 0,5 – 0,45 м. Высота волн уменьшается в том же направлении с 0,1 до 0,05 м, что связано с изменением формы гребней от округлой до плоской. Обе выявленные формы гребней с очевидностью указывают на переработку ряби при временном осушении побережья. В.м. слоя от 0,1 (в точке перегиба) до 0,22 м (на вершинах волн). Отложения с явным перерывом перекрыты вышележащими образованиями. На локальных участках (южная и средняя часть раскопа) в слое выявлены редкие палеолитические материалы.

5. Тонко-слоистые глинисто-песчаные отложения с прослоями ракушняка. Представлены слоями карбонатного тонко-, мелкозернистого песка с

обломками раковин моллюсков. Цвет песка светло-серый до светло-коричневого. Глина серо- и зеленовато-коричневая залегает практически только в понижениях подошвы – между гребнями ряби волнения – в виде тонко-слоистых линз со слойками ракушнякового детрита. В средней и верхней частях слоя невыдержанно прослеживаются прослой и линзы ракушнякового детрита, которые в южной части раскопа фациально переходят в прослой очень плотного ракушняка (в.м. до 0,2 м). Данный прослой уже залегает в подошве слоя, а местами налегает прямо на слой 4 и сливается с ним в единую толщу. Кровля ракушняка представлена крупной рябью волнения. Прослой выклинивается вниз по течению современного Дарвагчая и вглубь склона (в северном направлении). В.м. слоя ~ 0,2 м. В северной части раскопа в прослое ракушнякового детрита выявлены редкие палеолитические артефакты. На южном участке раскопа встречаются текстуры смятия и перемешивания отложений, возникшие при сползании по склону крупных плитчатых блоков и глыб ракушняка слоя 6 к основанию берегового вала. Отложения, вероятно, с перерывом и, возможно, размывом перекрыты вышележащими образованиями.

6. Органогенно-обломочный известняк (ракушняк) – очень плотный, монолитный, массивный. Слой невыдержан по простиранию - представляет собой погребенный древний береговой вал, который был частично разрушен при последующем подъеме уровня моря. По всему слою (северный участок раскопа) встречаются палеолитические артефакты. Единичны обломки костей и зубов млекопитающих плохой сохранности. В подошве слоя четко выделяется прослой (0,1 – 0,15 м) галечно-гравийного материала (вероятно, бурунная зона пляжа). Максимальная в.м. слоя ~ 1,4 м. Отложения сильно разбиты трещинами, в результате чего представлены серией разорванных блоков, между которыми внедряются вышележащие породы. Разрушение берегового вала, большей частью, проходило в субаквальных условиях (одновременно с седиментацией слоя 7) и, поэтому, на основной части раскопа он представлен сползшими в понижения древнего дна глыбами. В теле вала в процессе затопления, по-видимому, протекали и карстовые процессы с образованием ниш и небольших тоннелей, в которых накопились отложения слоя 7. Выявленный береговой вал соответствует классическим образованиям морских побережий и поэтому в максимум своего развития, вероятно, имел высоту 2 - 4 м при ширине в несколько десятков метров. Несмотря на то, что на большей части изученной площади слой сильно разрушен и имеет минимальное распространение, прослой гравелита в подошве сохранился во многих участках и, тем самым, со стратиграфическим несогласием подстилает непосредственно отложения слоя 7.

7. Сложно построенные прибрежно-морские отложения. Представлены ритмичным чередованием тонко-, волнисто-, горизонтально-слоистых песков, глинистых алевролитов с примесью раковинного детрита и прослоев, состоящих из обломков и глыб ракушняка слоя 6. Поверхности напластований между прослоями не всегда четкие, но ясные, всегда неровные

(«рваные») с затеками и внедрениями, текстурами конседиментационных деформаций (оползания, внедрения, смятия и т.п.). Четко выделяется не менее 5-и прослоев.

Прослой 1. Алеврито-песчаные тонко-, волнисто-слойчатые и линзовидные отложения с большим содержанием раковинного детрита. Местами ясно читается мелкая симметричная рябь волнения с шевронной текстурой. Внутри прослоя встречаются линзы (в.м. до 0,1 м) плотного ракушняка, в которых также читается рябь волнения. Прослой невыдержан по простиранию - выклинивается в южном направлении в результате смятия и денудации при формировании прослоя 2. Максимальная в.м. 0,5 – 0,55 м. Кровля более-менее четкая, ровная, слабоволнистая, за исключением участка выклинивания. Подошва нечеткая, неровная.

Прослой 2. Обломочно-глыбовые отложения. Глыбы представлены ракушняком, оторванным от берегового вала (слой 6), имеют остроугольную или слабо окатанную форму. Однако, границы между обломками ввиду последующей частичной цементации в отдельных случаях нечеткие. Некоторые глыбы при перемещении по склону вала смяли нижележащие отложения и частично в них внедрились до образования характерных текстур оползания и выдавливания с типичным изгибанием и гофрированием слоев. В отложениях выявлены палеолитические артефакты и редкие обломки костей млекопитающих плохой сохранности. Максимальная в.м. прослоя – 0,4 м. Кровля весьма неровная.

Прослой 3. Алеврито-песчаные отложения, по генезису, гранулометрическому составу и цвету аналогичные породе прослоя 1. Отличие заключается в наклонном залегании и отсутствии горизонтальных слоев. Преобладающие текстуры – оползания, смятия и т.п. В нижней части, в основном, залегает разнородный песок в виде линз. Подошва очень неровная (происходит заполнение ям в кровле прослоя 2). Максимальная в.м. – 0,55 м (прослой выклинивается в южном направлении). Кровля неровная, волнистая (размытая), нечеткая, но ясная.

Прослой 4. Отложения, аналогичные по генезису и составу породам прослоя 2. Отличие заключается в меньшем размере обломков: в основном, встречается щебень ракушняка (с единичными глыбами до 0,6х0,2 м в плане стенок раскопа), местами сцементированный до брекчии. Прослой выклинивается как в северном, так и в южном направлениях. Максимальная в.м. – 0,2 м. Подошва и кровля очень неровные.

Прослой 5. Песчано-алевритовые отложения, по генезису аналогичные осадкам прослоев 1 и 3. Отличие заключается практически в полном отсутствии песка и пятнистой текстуре, образованной из-за сплошного нарушения первичного залегания при смятии отложений. Прослой в северном направлении сливается с прослоем 3, в южной части раскопа – с резким контактом (фациально?) примыкает к конгломерату слоя 8. Изредка встречаются мелкие обломки костей млекопитающих плохой сохранности. Максимальная в.м. прослоя от 0,6 м (восточная стенка раскопа) до 0,8 м (западная).

Кровля прослой 5 и слоя в целом также неровная, волнистая – отложения постепенно (по мере увеличения глубины древнего бассейна) выравнивают все неровности ложа. В самой южной части восточной стенки раскопа в кровле слоя выделяется линза (прослой 6?) гравелита со щебнем и единичными глыбами (до 0,7×0,25 м в плане стенки) ракушняка – генетический аналог отложений прослоев 2 и 4. Данные отложения частично перекрывают образования слоя 8. В.м. всего слоя ~ 1,4 м (по западной стенке раскопа). Поверхность напластования слоя нечеткая, но ясная – постепенный переход к перекрывающим образованиям (прослой светло-серого алевролита в слое 9).

8. Конгломерат, в заполнителе – разнозернистый песок и гравий. Сортировка материала практически отсутствует, однако плоские обломки залегают горизонтально. Состав обломков аналогичен подстилающим образованиям (более 90 % - карбонатный разнозернистый песчаник). В основании встречаются крупные глыбы ракушняка (до 0,7×0,4 м в плане стенки), однако, исходя из весьма активной геодинамики прибрежной зоны, можно рассматривать их и как фрагменты разрушенных подстилающих отложений. Отложения невыдержанны по простиранию - залегают в виде крупной линзы (максимальная в.м. на восточной стенке ~ 0,5 м) и прислонены к образованиям слоя 7, возможно, фациально в них переходят. Причем, контакт вертикальный и очень неровный (зигзагообразный) с внедрением прослоев и линз слоя 7 в толщу конгломерата. В слое присутствуют редкие обломки костей млекопитающих плохой сохранности. Таким образом, данные осадки, также содержащие палеолитические артефакты, могут отражать бурунную зону пляжа или более молодой береговой вал / бар. Следовательно, отложения слоев 8 и 7, по-видимому, согласно перекрываются образованиями слоя 9.

9. Тонко-, волнисто- и горизонтально-слоистые отложения. Состав: разнозернистые светло-коричневые пески, светло-серые и светло-коричневые, местами с голубоватым оттенком, алевролиты. Соотношение песков и алевролитов в толще слоя обратно пропорционально – в подошве, в основном, пески, в кровле – алевролиты. Характер текстур и гранулометрический состав отложений очевидно указывает на постепенное увеличение глубины бассейна. В.м. слоя более 2,7 м. С уровня ~ 2,7 м выше подошвы - задернованный участок истинной мощностью (и.м.) ~ 1,7 – 2 м, поэтому, взаимоотношения с перекрывающими породами неясны.

10. Разнозернистый светло-коричневый сильно карбонатный песок. Много обломков тонкостенных раковин моллюсков (пелеципод и гастропод). В интервале ~ от 2 до 3 м ниже кровли слоя порода сцементирована до песчаника и содержит примесь гравия и мелкой гальки. Текстура в целом массивная, но в середине видимой части слоя, на уровне ~ 1,2 – 1,4 м ниже кровли – линза (в.м. до 0,4 м) и слойки темно-серого (до черно-серого) разнозернистого песка, местами сцементированного до песчаника. Ниже линзы отложения светлые серо-коричневые, выше – светлые розова-

то-коричневые. Генезис отложений можно предварительно оценить как склоновый (коллювиально-делювиальный?). В.м. слоя более 3 м. Контакт с подстилающими породами скрыт под мощной толщей современных склоновых отложений. В кровле слоя – прослой (~ 0,3 м) светло-коричневого глинистого песка с массивной текстурой и большим множеством обломков тонкостенных раковин моллюсков. Отложения без видимого перерыва перекрыты вышележащими образованиями.

11. Слоистый светло-серый с голубоватым оттенком суглинок с редкими слойками светло-коричневого песка. И.м. слоя от 1 до 1,2 м. Генезис отложений склоновый (наблюдается падение на юго-запад под углом до 5°). Кровля четкая, неровная (волнистая). Отложения с размывом перекрыты вышележащими образованиями.

12. Гравийно-галечниковые отложения с примесью валунов и глыб различной степени окатанности. Сортировка материала практически отсутствует, но наиболее крупные обломки заполняют глубокие промоины в подстилающих отложениях, в результате чего местами обнаруживается линзовидное строение нижней части слоя. Заполнителем между крупными обломками выступает разнозернистый песок. Встречены раковины гастропод и фрагмент длинной трубчатой кости (Ø 2 см) травоядного млекопитающего очень плохой сохранности и редкие палеолитические материалы. Генезис отложений сложный – вероятно, ведущую роль в седиментогенезе играли пролювиально-делювиальные процессы. В.м. более 1,7 м (внутри склона увеличивается). Кровля неровная, нечеткая – отложения с перерывом перекрыты образованиями слоя 13.

13. Современный почвенный горизонт – супесь коричневато-серая с примесью разнозернистого песка, гравия и редкой гальки. Генезис отложений элювиально-делювиальный. В.м. слоя ~ 0,2 м.

Все отложения описанного разреза имеют положительную реакцию с 5 - 10 % HCl.

Стратиграфические наблюдения со всей очевидностью указывают на приуроченность палеолитических материалов стоянки преимущественно к отложениям древнего каспийского побережья (слои 4 – 8). На основании ранее полученных биостратиграфических данных время их образования приходится на первую половину раннего неоплейстоцена. Являясь крайне динамичной системой, прибрежно-морские отложения демонстрируют цикличность осадконакопления, многочисленные перерывы, размывы и переотложение материала, включая оставленные в периоды осушения береговых участков палеолитические артефакты и фаунистические остатки. Индустрии слоев 4 – 7 по морфологии, типологическим характеристикам, сырью, размерности и сохранности артефактов фактически не имеют существенных различий, предполагающих их самостоятельный статус и, возможно, представляют единую культурно-индустриальную традицию. Ее дальнейшее развитие демонстрирует индустрия слоя 8, характеризующаяся появлением крупных галечных и рубящих орудий. Существенный

хронологический перерыв (отраженный формированием слоев 9 – 11) отделяет перечисленные индустрии от палеолитических материалов в слое 12. С отложениями этого слоя, по-видимому, следует сопоставлять подъемные палеолитические находки в окружении Геджухского водохранилища, включая комплексы местонахождения Чумус-Иниц [Деревянко и др., 2005 б].

Примечания

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., часть I. – С. 65-69.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Чепалыга А.Л. Палеолитическое местонахождение бакинского времени Дарвагчай 1 (предварительные данные). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005а. – Т. XI., часть I. – С. 68-73.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы местонахождения Чумус-Иниц // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. – Т. XI., часть I. – С. 54-58.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии: сб. ст. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 43-64.

**ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ГОБИЙСКОГО
АЛТАЯ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ – ГОЛОЦЕНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ЧИХЭН)***

Анализ и реконструкция палеогеографической обстановки, в частности ландшафтных и климатических условий, является основой для оценки возможностей появления, эволюции и диффузии культуры человека в различных регионах, для разработки моделей адаптационного поведения, а также для определения направления миграций сообществ древнего человека. Изучение многочисленных археологических памятников континентальных районов Центральной Азии, представляющих интерес с указанной точки зрения, часто затруднено тем, что артефакты в них залегают непосредственно на поверхности. В связи с этим изучение немногочисленных стратифицированных археологических объектов приобретает особую важность. Одним из таких объектов является многослойная пещерная стоянка Чихэн, в отложениях которой фиксируются культурные остатки, относящиеся к началу верхнего палеолита – концу мезолита [Археологические..., 1998; 2000; Деревянко и др., 2001].

Ранее были опубликованы результаты изучения педогенных признаков отложений памятника Чихэн, полученные для ряда зачисток разных лет, проведена диагностика типа древнего почвообразования и реконструкция биоклиматических условий времени формирования отложений на качественном уровне [Дергачева, Феденева, 1998, 2000; Деревянко, Дергачева и др., 2006]. Получение дополнительных данных по характеристикам гуминовых кислот, выделенных из осадков, позволило перейти на количественную реконструкцию параметров палеоклимата.

В настоящее время район расположения памятника Чихэн – южный склон Гобийского Алтая – характеризуется резко континентальным климатом со среднегодовыми температурами воздуха 3-4 °С, суммой биологически активных температур 2600-2800 °С, глубиной промерзания почва более 1,8 м, среднегодовым количеством осадков около 100 мм [Гаврилова, 1974; Почвенный покров..., 1984; Гарьдхуу, 1992]. Наиболее распространенными современными ландшафтами являются сухие и опустыненные степи и пустыни [Юннатов, 1974]. Основным фоном

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 04-06-80439; проект № 04-04-49852 (получение материалов по составу гуминовых кислот и их обработка).

современного почвенного покрова исследуемой территории являются бурые пустынно-степные почвы резко континентальной фации [Ногина и др., 1977; Почвенный покров..., 1978; 1984; Глазовская, 1983; Глазовская, Геннадиев, 1995].

В изученных отложениях морфологически выделено три стратиграфических слоя – 1, 2 (2а), 3 [Археологические..., 1998; 2000]. Проведенная ранее диагностика направленности почвообразовательного процесса и типа палеопочв позволяет предполагать, что формирование слоя 3 происходило в условиях сухостепных ландшафтов под разнотравно-злаковыми растительными сообществами. Климат времени формирования рассматриваемой части отложений характеризовался семиаридными чертами, значительными амплитудами колебаний всех параметров в годовом и суточном режиме, отрицательными среднегодовыми температурами (минус 3-2°C), коротким безморозным периодом (100-110 дней), глубоким проникновением мерзлоты в профиль почвы (до 3 м), среднегодовым количеством осадков до 350 мм. При этом от нижней части слоя 3 вверх происходило постепенное уменьшение влагообеспеченности, хотя ландшафты не выходили за пределы сухих степей.

Большая часть изученной толщи – верхняя часть слоя 3, слой 2 (и 2а) – по своим педогенным свойствам соответствует современным темно-каштановым почвам района исследований. Формирование этих почв также было связано с ландшафтами сухих степей с разреженным разнотравно-злаковым (попынно-злаковым) травостоем, что согласуется с результатами палинологического анализа отложений пещеры [Кулькова, 2000]. Резко континентальный аридный климат времени образования рассматриваемых отложений имел следующие параметры: среднегодовая температура воздуха была меньше нуля (минус 2-0), среднегодовое количество осадков 250-300 мм, продолжительность безморозного периода составляла не более 130 дней, глубина промерзания почв достигала более 2 м.

Таким образом, условия формирования изученных отложений пещеры Чихэн были неоднозначны, происходило постепенное снижение атмосферной влагообеспеченности, что постепенно привело к современному господству высокоаридных ландшафтов. Так, нижняя часть слоя 3 сформировалась при относительно более влажном климате, когда почвообразование шло по черноземному пути, формировались черноземы южные резко континентальной фации. Далее увлажнение территории незначительно уменьшилось, и преобладающими почвами стали каштановые. В целом биоклиматическая обстановка времени формирования осадков памятника Чихэн была более благоприятна по сравнению с суровыми современными условиями, что может служить объяснением интереса древнего человека к территории расположения пещеры на протяжении финала позднего плейстоцена – голоцена.

Примечания

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж и др. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 344 с.

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997 – 1998 гг. / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.

Гаврилова М.К. Климатические факторы формирования и развития многолетнемерзлых горных пород // Геокриологические условия Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1974. – С. 12-30.

Гарьдхуу Ж. Почвенные ресурсы Монгольской Народной Республики: Дисс. ... д-ра биол. наук. – Улан-Батор, 1992. – 286 с.

Глазовская М.А. Почвы зарубежных стран. – М.: Высшая школа, 1983. – 312 с.

Глазовская М.А., Геннадиев А.Н. География почв с основами почвоведения. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 400 с.

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Вещественный состав отложений пещер // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж и др. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Приложение 3. – С. 316-325

Дергачева М.И., Феденева И.Н. Верхнечетвертичные отложения памятника Чихэн и условия их формирования // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997 – 1998 гг. / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Приложение 2. – С. 371-378.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25-39.

Деревянко А.П., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Нохрина Т.И. Экология древнего человека и палеопедогенез в позднем плейстоцене на территории Гобийского Алтая (по материалам исследований отложений памятника Чихэн) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. Археолог. Съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. 1. – с. 114-116.

Кулькова И.А. Палинологическая характеристика отложений пещеры Чихэн // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997 – 1998 гг. / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Приложение 1. – С. 366-370.

Ногина Н.А., Евстифеев Ю.Г., Уфимцева К.А. Почвы низкогорных и равнинных степей и пустынь Монголии (систематика, диагностика) // Аридные почвы, их генезис, геохимия, использование. – М.: Наука, 1977. – С. 165-195.

Почвенный покров основных природных зон Монголии. – М.: Наука, 1978. – 276 с.

Почвенный покров и почвы Монголии. – М.: Наука, 1984. – 191 с.

Юнатов А.А. Пустынные степи северной Гоби в Монгольской Народной Республике. – Л.: Наука, 1974. – 130 с.

*А.П. Деревянко, Д. Цэвэндорж, Д. Олсен, С.А. Гладышев,
Е.П. Рыбин, Я. Цэрэндагва, Т.Т. Чаргынов, Ц. Болорбат*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТОЛБОР-4 В 2006 ГОДУ*

В июне – августе 2006 г. Монгольский палеолитический отряд продолжил раскопки многослойного палеолитического памятника Толбор-4, расположенного в долине р. Их-Тулбэрцийн-Гол, правого притока р. Селенги (Северная Монголия). Раскопки производились согласно плану работы совместной Российско-Монгольско-Американской археологической экспедиции. С монгольской стороны в полевых исследованиях принимали участие студенты Улан-Баторских ВУЗов под руководством с.н.с. отдела каменного века Института археологии Монгольской академии наук, к.и.н. Я. Цэрэндагвы и н.с. этого же института Ц. Болорбата. В этом сезоне к прошлогоднему раскопу было добавлено еще 18 м². Прирезка шла в северном и западном направлениях. Сейчас общая вскрытая площадь на памятнике составляет 67 м². Стратиграфическая картина, зафиксированная в предыдущие годы, в целом не изменилась [Деревянко и др., 2004, с.87-89; Деревянко и др., 2005, с.85-95]. Всего в 2006 г. получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая 7829 предметов.

В дерне обнаружено 262 изделия. Это смешанная коллекция, которая содержит материалы лежащие на поверхности и находки, лишь слегка углубленные в грунт. Артефакты, извлеченные непосредственно из грунта, анализировались нами вместе с находками I горизонта.

Коллекция I горизонта состоит из 180 артефактов. В нее входят нуклеусы, орудия, отщепы, пластины и микропластины. Ядрища делятся на клиновидные для получения микропластин, одноплощадочные монофронтальные с продольной ориентацией скалывания, одноплощадочные монофронтальные с поперечной ориентацией скалывания и двухплощадочные монофронтальные с продольно-поперечной ориентацией скалывания крупных размеров. Орудийный реестр состоит из скребков, проколов, скребел, шиповидных изделий, выемчатых орудий, зубчато-выемчатых орудий, пластинок с пригупленным краем, ретушированных отщепов. В качестве заготовок в большинстве случаев использовались отщепы и их фрагменты.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-01-00527а, и интеграционного проекта фундаментальных исследований СО РАН по гуманитарным наукам «Становление и эволюция палеолитических культур Северной, Центральной и Юго-Западной Азии» (№ 73).

Во 2 горизонте обнаружено 1215 артефактов. Первичное расщепление представлено преформами, нуклевидными обломками и нуклеусами. Последние делятся на монофронтальные одноплощадочные - «плоскостной» вариант нуклеарного расщепления, призматические одноплощадочные и призматические двухплощадочные. Среди орудий выделяются скребки, скребла, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, проколки, пластинки с притупленным краем, шиповидные изделия, отщепы и пластины с ретушью.

В 3 горизонте найден 661 каменный предмет. Среди ядрищ самую представительную группу составляют одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с продольной ориентацией скальвания, которые делятся на «плоскостной» и «объемный» варианты. Остальные типы нуклеусов представлены единичными экземплярами. Типологический список орудий 3 горизонта достаточно обширен, а в количественном отношении преобладают скребки, скребла, выемчатые и зубчато-выемчатые инструменты, шиповидные орудия и отщепы с ретушью.

В 4 горизонте найдено 1441 экз. каменных артефактов. Нуклеусы делятся на радиальные двухсторонние ядрища, ортогональные изделия, подпризматические нуклеусы для получения пластинок, одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с продольной ориентацией скальвания, одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с поперечной ориентацией скальвания, одноплощадочные монофронтальные торцовые нуклеусы, одноплощадочные бифронтальные нуклеусы, двухплощадочные монофронтальные нуклеусы продольно-встречного принципа скальвания и двухплощадочные бифронтальные нуклеусы. Орудийный реестр 4 горизонта достаточно обширен. Наиболее представительные группы составляют шиповидные орудия, скребки, выемчатые инструменты, скребла, зубчатые изделия, зубчато-выемчатые орудия, резцы и острия с притупленным краем.

Пятый горизонт дал коллекцию из 1960 каменных предметов. Первичное расщепление представлено преформами, нуклеусами, нуклевидными обломками, отбойниками и ретушерами. Самый многочисленный тип нуклеусов: монофронтальные плоскостные одно- и двухплощадочные параллельного принципа скальвания. Затем идут торцовые нуклеусы, подпризматические двуплощадочные с выделенным ребром, подпризматические двуплощадочные нуклеусы, ортогональные кубовидные, монофронтальные одно- и двухплощадочные плоскостные микронуклеусы параллельного принципа скальвания. Остальные типы ядрищ представлены единичными экземплярами. Среди орудий наиболее представительную группу составляют различные вариации скребков, шиповидные орудия, пластины и их фрагменты с ретушью, сколы с ретушью и выемчатые инструменты. Менее представительна группа скребел, комбинированных изделий и зубчато-выемчатых орудий. Остальные орудийные типы представлены единичными предметами.

Из 6 горизонта получена коллекция каменных изделий, насчитывающая 2110 экз. К продуктам первичного расщепления относятся подпризма-

тические двухплощадочные нуклеусы, подпризматические двухплощадочные нуклеусы с выделенным ребром, монофронтальные плоскостные одно- и двухплощадочные нуклеусы параллельного принципа скальвания и торцовые нуклеусы. Остальные группы ядрищ малочисленные: монофронтальные одноплощадочные нуклеусы начальной стадии расщепления, многоплощадочные ортогональные нуклеусы, поперечные нуклеусы для снятия укороченных отщепов и монофронтальные одно- и двухплощадочные плоскостные микронуклеусы параллельного принципа скальвания. Большую часть орудийного комплекса 6 горизонта составляют скребки, выемчатые изделия, шиповидные орудия, пластины с ретушью и комбинированные орудия.

Настоящей сенсацией этого полевого сезона было обнаружение в 5 горизонте украшений. Это две просверленные бусины, выполненные из скорлупы яиц ископаемых страусов. Подобные находки были сделаны французским археологом Жаком Жобером на палеолитическом памятнике Доролж-1, расположенном на р. Эгийн-Гол, недалеко от ее впадения в р. Селенгу. Причем, расстояние от этого объекта до стоянки Толбор-4 составляет всего около 40 км по прямой [Деревянко и др., 2006, с.17-42]. Кроме того, в 6 горизонте, в кв. И-1/ было найдено шило, изготовленное из кости. Острый конец орудия заострен строганием, а на поверхности его видны поперечные бороздки. Скорее всего, это следы погрызов предмета грызунами. Это шило является также первой находкой изделия из кости на территории Монголии в слоях палеолитического времени.

Помимо стационарных раскопок отрядом проводились и разведочные работы в окрестностях памятника. Согласно плану работ, было произведено детальное исследование долины р. Нарийн-Тулбэрийн-Гол. Это также правый приток р. Селенги, расположенный к западу через хребет от р. Их-Тулбэрийн-Гол, в долине которой находится стоянка Толбор-4. Долина р. Нарийн-Тулбэрийн-Гол мало освоена человеком, там находятся только летние кочевья и никакого постоянного жилья. Поэтому дороги в эту долину практически нет. Туда можно попасть или со стороны бригады Уньт (истоки р. Нарийн-Тулбэрийн-Гол), или от ее устья – места впадения в р. Селенгу, через перевал. Только в этих двух точках сохранились остатки автомобильной дороги. В среднем течении р. Нарийн-Тулбэрийн-Гол сохранились фрагменты второй и третьей террас. На поверхности и у подножия террас были собраны каменные артефакты. По своему облику эти находки близки изделиям, полученным при раскопках памятника Толбор-4. Более чем вероятно, что на этих террасах имеются стратифицированные объекты. Но их обнаружение требует постановки разведочных шурфов. Еще один многослойный стратифицированный палеолитический памятник был найден совсем рядом со стоянкой Толбор-4, примерно в 1,5 км к югу от нее. Во время подсыпки дороги от аймачного центра Булган до оз. Хубсугул, бульдозером срезали часть второй террасы р. Их-Тулбэрийн-Гол. В разрезе террасы Е.П. Рыбиным были обнаружены каменные арте-

факты, которые залежали в нескольких уровнях (горизонтах). Изделия, выпавшие из разрушенного культурного слоя, сделаны из галечного субстрата. В свете вышеизложенных фактов, дальнейшие археологические исследования в долинах притоков р. Селенги, представляются весьма перспективными. Уже сейчас имеется новый стратифицированный многослойный палеолитический памятник, который ждет своего изучения.

Археологические исследования в Монголии в 2006 г. проводились в рамках институтской программы 29.1. «Антропогенез и проблемы становления человечества. Освоение человеком Евразии», проект 29.1.1. «Древнейшие этапы заселения Южной Сибири и Центральной Азии».

Примечания

А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, А.А. Цыбанков, Т.Т. Чаргынов. Археологические исследования российско-монгольско-американской экспедиции в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2004 г.). – Новосибирск, 2004. – Т. X.

А.П. Деревянко, Д. Цэвэндорж, Д. Олсен, Б. Гунчинсүрэн, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев, Е.П. Рыбин, А.А. Цыбанков, Т.Т. Чаргынов, А.В. Кандыба. Раскопки многослойного поселения Толбор-4 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2005 г.). – Новосибирск, 2005. – Т. XI.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор). // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск, 2006.

**К ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ВЕРХНЕЙ ТОЛЩИ РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ
СТОЯНКИ КАРАМА***

Раннепалеолитическая стоянка Карамы в северо-западной части Алтая в настоящее время является наиболее древним свидетельством проникновения первобытного человека на территорию Северной Азии. Стоянка расположена на левобережном склоне долины Ануя, на отметках 50–60 м над уровнем реки. В строении разреза плейстоценовых отложений стоянки выделены 14 литологических подразделений, выполненных покровными склоновыми и пролювиально-аллювиальными осадками. Покровные субэральные отложения (слои 1–6 мощностью 2,5 м) представлены толщей лессовидных суглинков с горизонтами погребенных почв, время формирования которой соответствует второй половине среднего – позднему плейстоцену. Ниже по разрезу с отчетливо выраженным седиментационным перерывом залегают отложения пролювиального и аллювиального генезиса (слои 7–14 мощностью 8,5 м), датированные по совокупности признаков ранним плейстоценом [Деревянко и др., 2005]. В границах литологических подразделений 7, 8, 11, 12 обнаружены следы обитания раннепалеолитического человека с доашельской галечной индустрией.

Верхняя часть раннеплейстоценовых отложений (слой 7 мощностью 2,5 м) образована грубообломочной толщей с плохо сортированным сильноглинистым суглинисто-песчаным заполнителем характерного красновато-коричневого цвета. Среди грубообломочного материала некоторые глыбы гранита подверглись интенсивному выветриванию. В кровле толщи значительная часть небольших плоских глыб разложилась до дресвы или до состояния серой глины. Особенности гранулометрического состава указывают на пролювиальное происхождение отложений, хотя в нижней части толщи отмечены включения хорошо окатанного сильновыветрелого мелкогалечного и гравийного материала. При детальном литологическом изучении красноцветные осадки слоя 7 можно расчленить на два стратиграфических подразделения.

7.1. Валунно-глыбовый горизонт с суглинистым, сильно одресвяненным заполнителем базального типа. Проективная площадь обломков глыбовой фракции составляет около 50 %. Преобладают валуны и глыбы 0,2–0,3 м в поперечнике, редко до 1 м и более, преимущественно крупнозернистые

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 04-01-00537.

граниты и сферолитовые эффузивы. Значительная часть крупных валунов и глыб, особенно уплощенных, залегает субгоризонтально, согласно простиранию слоя. Гранитные валуны 1–2-го класса окатанности (сглажены вершины, иногда ребра), единичные мелкие валуны – до 3-го класса (оглажена одна или несколько граней). Большая часть гранитных глыб (до 60 %) подверглась интенсивному физическому выветриванию до состояния сапролита. Эффузивы оглажены хуже, до 1-го класса, при преобладании острогранных, сильно растрескавшихся обломков. В щебнистой фракции возрастает доля эффузивов. Материал щебнистой фракции преимущественно острогранный, ориентирован хаотически. Вероятно, основная часть щебня образована при фрактолитизации крупных глыб. Заполнитель представлен суглинками легкими и средними, красновато-бурых тонов, сильно одресвяненными за счет минеральных агрегатов из разрушившихся гранитов. Нижняя граница условная, маркируется уплощенными субгоризонтально ориентированными мелкими глыбами.

7.2. Валунно-глыбовый горизонт с легкосуглинистым заполнителем. Представлен двумя различными по гранулометрическому составу и степени окатанности материала фациями осадка. В верхней части преобладают крупные плохо окатанные обломки гранитов и сферолитовых эффузивов, часто изометричной формы, хаотически ориентированные. Они в меньшей степени, чем материал вышележащего слоя, подверглись физическому выветриванию – проективная площадь сапролитизированных разностей составляет около 30 %. Заполнитель базального типа, представлен суглинками средними, красновато-коричневыми, одресвяненными.

В нижней части слоя резко уменьшается количество валунно-глыбового материала. Преобладает мелкий и средний щебень с включениями крупных обломков и мелких растрескавшихся глыб эффузивов и гранитоидов. Встречаются гранитные валуны 2–3-го класса окатанности. Содержание сапролитизированных гранитоидов составляет около 10 %. Появляются массовые включения ожелезненных эффузивов зеленовато-оливкового и ярко-табачного цветов, в различной степени подвергшихся химическому выветриванию. Отмечена галька 2-го класса окатанности, колотая, сильно-выветрелая, в основном алевролитового и сланцевого состава. Заполнитель порового типа, представлен суглинками легкими, красновато-коричневых и буровато-охристых тонов, с обильным включением гранитной дресвы. Нижняя граница отчетливо выражена резким изменением цвета и гранулометрического состава отложений, местами имеет эрозионный характер – подчеркивается слабо заметной щебнисто-дресвянистой отмыткой.

Слой 7 венчает толщу отложений субаквального генезиса и соответствует, видимо, финальным стадиям одной из фаз стабилизации эрозии в долине пра-Ануя. Следует отметить, что в связи с пролювиальным генезисом этого слоя, решающее значение для формирования вещественного состава, структуры и текстуры осадка имели локальные гидродинамические

характеристики палеопотока и петрографические особенности пород в пределах его водосборного бассейна, а влияние климатических условий играло подчиненную роль.

По результатам палинологического исследования установлено, что накопление отложений слоя 7 происходило во время двух различных в климатическом отношении палеогеографических этапов раннего плейстоцена – осадки нижней и средней частей слоя формировались в теплых условиях межледниковья, а образование верхней части – в начальные фазы последующего похолодания ледникового ранга [Болыховская, Шуньков, 2005].

Судя по строению разреза плейстоценовых отложений Карамы и характеру реконструированных сукцессий растительности и климата, несовпадение литостратиграфических и климатостратиграфических границ обусловлено неполнотой имеющейся геологической летописи, связанной с длительными перерывами в осадконакоплении.

Состав палиноспектров и динамика участия в них пыльцы и спор термофильных, бореальных, аркто-альпийских и других таксонов свидетельствуют, что отложения нижней и средней части слоя 7 формировались в условиях развития межледниковых лесостепей термогигротической стадии. На протяжении этого теплого и более влажного, чем предшествовавший, периода (палинозоны 3.4 – 3.6) происходили неоднократные изменения в структуре доминировавших формаций.

В начальную фазу термогигротической стадии (палинозона 3.4) в растительном покрове преобладали грабовые леса из граба обыкновенного *Carpinus betulus*, граба сердцелистного *C. cordata* и грабинника *C. orientalis*. В их древостое участвовали также дуб, вяз мелколистный *Ulmus pumila* и ольха *Alnus glutinos*, а в кустарниковом ярусе – калина, бузина и лианы хмеля *Humulus*. Встречались березовые колки. На участках лугово-степной растительности доминировали злаково-разнотравные группировки.

В следующую фазу развития растительного покрова (палинозона 3.5) в лесостепных ландшафтах господствовали широколиственные леса, в которых значительно сократилась доля граба обыкновенного. Наряду с грабом сердцелистным превалировали липа сердцелистная *Tilia cordata* и липа маньчжурская *T. Mandshurica*. Произрастание граба в качестве создателя свидетельствует об умеренно теплом и относительно влажном климате во время формирования вмещающих отложений, со среднегодовой температурой не ниже 3 – 5°C и количеством осадков от 600 до 950 мм в год.

Отметим, что эти две фазы термогигротической стадии межледниковья отличаются от всех других интервалов, реконструированных для длительного периода формирования рыхлых отложений разреза Карамы, наибольшим участием в составе лесной растительности термофильных элементов дендрофлоры. Содержание их пыльцы в спектрах составляет 27 – 33 %.

В последнюю фазу развития межледниковой растительности (палинозона 3.6) продолжали доминировать лесостепные ландшафты. Однако в структуре лесных ценозов произошли значительные изменения. Начавше-

еся похолодание климата повлекло заметное сокращение площади широколиственных лесов – доля пыльцы широколиственных деревьев в спектрах уменьшилась до 4 %. Из состава неморальной дендрофлоры исчезли граб и некоторые виды липы. В число доминантов лесных биотопов вошли пихта и ель, в том числе *Picea sect. Omorica*. Вместе с тем среди термофильных деревьев появился хмелеграб *Ostrya* sp. В это время преобладали смешанные широколиственно-пихтово-еловые леса с участием *Tilia mandshurica* и *Ostrya* sp. В качестве примеси в них произрастали ольха и разные виды берез – *Betula pendula*, *B. Pubescens*, а также виды из секции *Costatae*. На участках, занятых лугово-степной растительностью, доминировали разнотравно-злаковые сообщества. Заметно возросла роль маревых, что, возможно, указывает на увеличение площади эродированных и слабо задернованных местообитаний. В составе этого семейства определена пыльца *Chenopodium album*, *Ch. Aristatum* – видов, имеющих ныне обширные ареалы. Первый из них произрастает на слегка влажных, суглинистых и глинистых почвах, а вместе с *Chenopodium aristatum* встречается на каменистых и песчаных почвах степных участков, на обнажениях и береговых галечниках, или по окраинам боров [Моносзон, 1973].

Отложения верхней части слоя 7 (палинозона 4), согласно палинологическим данным, формировались в начальные фазы наступившего похолодания климата, которое сопровождалось усилением роли бореальных и пустынно-степных элементов флоры и исчезновением теплолюбивых видов деревьев. Основные площади занимали перигляциальные ландшафты, представленные, главным образом, степными и лугово-степными ассоциациями. Среди травяно-кустарничковой растительности преобладали злаковые, разнотравно-злаковые, марево-полынные и папоротниковые сообщества. В луговых папоротниковых группировках доминировали гроздовники – простой *Botrychium simple*, ланцетный *B. lanceolatum* и др. Небольшие участки лесов представляли редколесья, состоящие в основном из лиственницы, видимо, *Larix sibirica*, кедровидной сосны *Pinus sibirica* и ели. В качестве примеси в них произрастали пихта, сосна обыкновенная и береза.

Результаты климатостратиграфического расчленения слоя 7 и полученные палеоклиматические реконструкции достаточно хорошо согласуются с литостратиграфическими особенностями этих отложений. Литологическое изучение разреза показало, что от нижней к верхней границе этого слоя заметно возрастает степень выветрелости валунно-глыбового материала. Относительно большое количество сапролитизированных (выветрелых до состояния дресвы) гранитных валунов в верхней части слоя свидетельствует о возросшей роли физического, а именно морозного выветривания (расширения трещин под действием замерзающей воды) во время его формирования. Установлено, что при морозном выветривании решающее значение имеет не столько абсолютный минимум температур, сколько содержание влаги в породе и частота переходов через порог замерзания, который

для капиллярных и поровых вод в породе близок к 0°С [Ершов, 1990]. Таким образом, сапролитизация гранитов в верхней части слоя 7 происходила в условиях, скорее всего, умеренно холодных зим при не глубоком промерзании грунта.

Примечания

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карамы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005, – № 3. – С. 34–51.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Ершов Э.Д. Общая геокриология. – М.: Недра, 1990. – 559 с.

Монозон М.Х. Определитель пыльцы видов семейства маревых. – М.: Наука, 1973. – 96 с.

ИЗУЧЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Археологические исследования в Денисовой пещере в 2006 г. проводились в восточной галерее (сектор 6), где раскопами предыдущих лет были вскрыты отложения эпохи голоцена и частично верхняя часть плейстоценовой толщи [Деревянко и др., 2004, 2005]. Для уточнения стратиграфической и планиграфической ситуации залегания культурных остатков верхнего палеолита была произведена метровая прирезка к раскопу прошлого года в юго-восточном направлении, вскрывшая литологические слои 9 и 11.

В границах слоя 9 выделено три разновидности осадка.

9.1. Суглинки легкие, коричневые со слабым палевым оттенком, рыхлые, пористые, не карбонатные. Залегают в кровле плейстоценовой тощи в центральной части разреза в виде линзы мощностью около 0,05 м и протяженностью до 0,25 м. Структура мелкозернистая, переходящая в пылеватую. Насыщены белесыми мучнистыми новообразованиями предположительно фосфатного состава в виде равномерно рассеянных тонких субгоризонтальных прослоев протяженностью от 5 до 20 мм. Верхняя граница резкая, денудационного типа, местами гофрированная. Нижняя граница четкая, слабоволнистая, выделена по изменению оттенка заполнителя.

9.2. Суглинки легкие, палевые и светло-палевые, с мелкозернистой и пылеватой структурой. Залегают в виде разрозненных линзовидных фрагментов мощность до 0,15 м с сильной латеральной изменчивостью осадка по окраске, включениям и степени развития фосфатных новообразований. В пристенных зонах возрастает количество дресвы и карбонатов в осадке за счет продуктов разрушения коренных известняков, которые придают ему розоватую и белесую окраску. Отмечены редкие, субгоризонтально залегающие включения сильновыветрелой мелкой сланцевой гальки. Верхняя граница четкая, инволюционно-затечная, со следами денудации кровли слоя. Нижняя граница слабоволнистая, подчеркнута переходом к более темному заполнителю подстилающих отложений.

9.3. Суглинки легкие, темно-бурые, плотные, слабопластичные, с зернистой структурой. Залегают вдоль северо-восточной стенки галереи в виде линзовидного пятна неправильной формы мощностью до 0,05 м и

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 04-01-00537.

протяженностью около 0,2 м. Отмечены непрочные зерна древесного угля размером до 3–5 мм, единичные белесые новообразования. Границы резкие, четкие, выделены по изменению цвета при переходе к вмещающим отложениям.

Границу между легкосуглинистыми отложениями слоя 9 и подстилающей грубообломочной толщей слоя 11 маркирует хорошо выраженная мелкощепнистая отмостка с интенсивным развитием белесых новообразований фосфатного состава, не реагирующих с соляной кислотой. Отмечены отдельные обломки известняка с пятнами марганцевых новообразований на поверхности. Отмостка свидетельствует о достаточно длительном седиментационном перерыве между слоями 11 и 9, сопровождавшимся частичным выносом мелкоземистого заполнителя.

Рентгеноструктурный анализ образцов белесых стяжений, отобранных к.г.-м.н. Н.А. Кулик, показал преобладание в их составе фосфата кальция в форме образовавшегося в гипергенных условиях брусита. Как химическое соединение дигидрат гидрогенфосфата кальция образуется в слабокислых (рН 6,5–6,8) растворах при достаточной для его осаждения концентрации кальция и фосфатов. Очевидно, что в пещере кальций в избытке поступал вместе с продуктами механического разрушения известняковых стен. Источником фосфорсодержащих кислот, скорее всего, являлись экскременты животных и людей. Примечательно, что вещество слоя 9 в восточной галерее в отличие от центрального зала пещеры (сектор 4) почти полностью декарбонатизировано. Поэтому наибольшее количество фосфатов осело на кровле насыщенных известняковым щебнем отложений слоя 11, выступавших в роли геохимического барьера.

В кровле отложений слоя 11, в центральной части разреза, вдоль продольной оси галереи выявлено антропогенно-биогенное переуглубление в виде траншеи шириной 1,1 м и глубиной 0,3 м, заполненной стратиграфически нерасчлененными отложениями слоев 9 и 11. Борты «траншеи» ровные, крутые (уклон более 45°), их четко маркирует отмостка из щебня, цементированной мощной коркой фосфатных новообразований. Днище – субгоризонтальное, отчетливо прослежено благодаря многочисленным крупным (до 0,1–0,15 м) плотным стяжениям белесого мучнистого вещества фосфатного состава в буроцветном легкосуглинистом заполнителе базального типа. У некоторых крупных стяжений в центре сохранилось ядро из оглаженного известнякового щебня. Заполнитель имеет мелкозернистую структуру, пятнистую окраску в виде хаотически расположенных пятен суглинков коричневых и бурых тонов, переходящих друг в друга без четких границ. Во включениях отмечены обломки костей различной степени сохранности. Предполагаемый генезис осадка – сильно измененное от взаимодействия с органическими кислотами вещество слоя 11. Об этом свидетельствуют щебнистые и костные включения, характерные для слоя 11, а также слабая остаточная карбонатность заполнителя.

Слой 11 включал три литологических подразделения.

11.1. Щебнистый горизонт с заполнителем порового типа. Залегает вдоль северо-восточной стенки галереи в виде прослоя мощностью до 0,25 м. Щебень известняковый, неоглаженный, преимущественно средний и мелкий, с единичными включениями крупного. Средний и крупный щебень ориентирован субгоризонтально в кровле, в нижней части – со слабым (около 10–15°) падением к осевой линии галереи. Мелкий щебень расположен хаотически. Заполнитель – суглинки легкие, коричневые со слабым бурым оттенком, пористые, с крупнозернистой прочной структурой, одресвяненные, непластичные, активно вскипающие с соляной кислотой. Во включениях отмечены многочисленные обломки прочных невыветрелых красновато-охристых костей крупных млекопитающих и птиц. Нижняя граница условная, проведена по изменению оттенка заполнителя (переход к суглинкам серых тонов).

11.2. Щебнистая толща с включением единичных мелких глыб. Залегает вдоль северо-восточной стенки в виде изометричного фрагмента мощностью 0,5–0,6 м. Крупный щебень, как правило, имеет уклон к осевой линии галереи под углом 10–15°, на границе с переуглублением ориентирован субвертикально. Мелкий щебень расположен хаотически. Заполнитель порового типа, представлен суглинками легкими, серыми с коричневым оттенком, одресвяненными, пористыми, слабопластичными, с крупнозернистой прочной структурой. Во включениях присутствуют крупные светло-желтые кости. Нижняя граница нечеткая, проведена по изменению цвета заполнителя, подчеркнута уплощенными щебнистыми включениями.

У юго-западной стенки фациально-стратиграфическим аналогом этого горизонта является щебнистый прослой мощностью до 0,6 м с единичными мелкими глыбами и немного отличающимся по цвету суглинистым заполнителем. Щебень средний и мелкий, в основном острогранный, редкие слабооглаженные фрагменты покрыты тонкой белесой реактивной каймой. Заполнитель – суглинки легкие и средние, серых, коричневато-палевых и красновато-бурых тонов, пористые, с разнозернистой структурой. В пристенной части количество среднещебнистых включений возрастает, заполнитель приобретает поровый характер и интенсивный серый цвет за счет, скорее всего, многочисленных включений мелких (до 2–3 мм) частиц угля.

11.3. Щебнистый горизонт с заполнителем базального типа. Залегает вдоль северо-восточной стенки в виде прослоя мощностью 0,1–0,15 м; облекает стенку и под углом около 30° падает в направлении продольной оси галереи. Щебнистый материал невыветрелый, острогранный. Заполнитель – суглинок средний, коричневый с охристо-желтым оттенком, слабо одресвяненный, умеренно пористый, аструктурный. Во включениях отмечена частично выветрелая дресва известняка, большое количество костного материала ярких красновато-охристых тонов.

Согласно данным относительной геохронологии плейстоценовых осадков в центральном зале пещеры [Деревянко и др., 2003], период формирования отложений слоя 9 соответствует изотопной стадии 2, а накопление

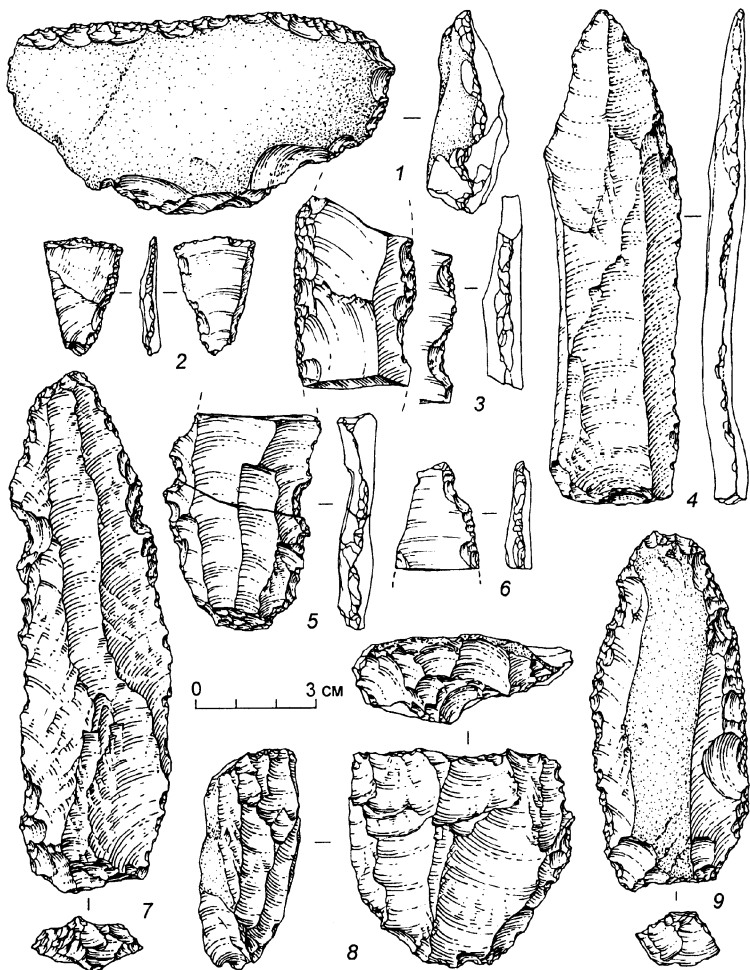

Рис 1. Каменный инвентарь из слоев 9 и 11
в восточной галерее Денисовой пещеры.

1 – слой 9; 3, 5–9 – слой 11; 2, 4 – переуглубление. 1, 9 – скребла;
2 – отщеп с ретушью; 3, 6, 7 – ретушированные пластины; 4 – острие на пластине;
5 – фрагментированная пластина. 8 – нуклеус.

слоя 11 происходило в первой половине изотопной стадии 3. По органическим остаткам из отложений слоя 11 в южной галерее получены две ^{14}C (AMS)-даты: для нижней части слоя – $48650 \pm 2380/-1840$ л.н. (KIA 25285 SP 553/D19) и для его кровли – 29200 ± 360 л.н. (AA-35321).

Коллекция археологических находок из слоя 9 включает более 150 каменных артефактов, в том числе два нуклеуса и четыре орудия. Среди ско-

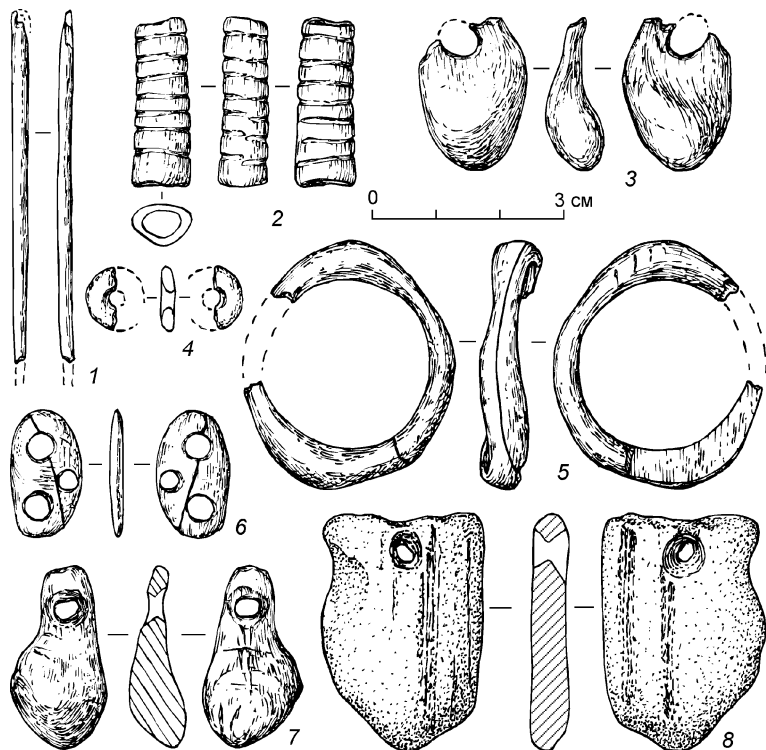

Рис 2. Изделия из кости и подделочного камня из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.

1 – 7 – кость; 8 – камень. 1 – игла; 2 – пронизка; 3, 6–8 – подвески; 5 – кольцо.

лов преобладают отщепы средних и крупных размеров, пластины малочисленны. Один нуклеус двуплощадочный, монофронтальный, для параллельного скалывания пластин; второй – истощенный, аморфной формы. Изделия с вторичной обработкой представлены скреблами и зубчато-выемчатыми орудиями. Скребла поперечные, одинарные (рис. 1, 1). У одного изделия, помимо оформления лезвия, специальной подтеской удален ударный бугорок.

В границах переуглубления в кровле слоя 11 найдено более 70 артефактов. Среди них радиальный нуклеус и восемь орудий – леваллуазские остроконечники, острое на пластине (рис. 1, 4), угловые скребки, нож с обухом-гранью и ретушированный отщеп (рис. 1, 2).

Из основной, залегающей *in situ*, части слоя 11 получено более 700 артефактов. Среди нуклеусов выделены параллельные одноплощадочные моно- и бифронтальные ядрища для скалывания отщепов и пластин (рис. 1, 8), а также аморфные формы с негативами коротких и укороченных сколов. Примечателен четырехплощадочный бифронтальный нуклеус

квадратной формы, уплощенный в сечении, с тщательно оформленными ударными площадками. Среди сколов доминируют отщепы, пластины малочисленны. Типологический список инвентаря составляют сколы леваллуа, продольные скребла (рис. 1, 9), резцы, зубчатые и выемчатые формы, шиповидные орудия, нож с обушком-гранью, проксимальный фрагмент пластины с вентральной подтеской, ретушированные отщепы и пластины (рис. 1, 3, 6, 7). Одна пластина преднамеренно фрагментирована с помощью двух противоположащих краевых ретушированных выемок, определивших направление слома (рис. 1, 5).

Особый интерес в коллекции слоя 11 представляет набор разнообразных изделий из кости и поделочного камня. В составе украшений пронизки (рис. 2, 2), бусины (рис. 2, 4), подвески (рис. 2, 3, 6–8), фрагменты кольца (рис. 2, 5), соединяющиеся между собой и с фрагментом из раскопа прошлого года [Деревянко и др., 2005]. Также найдена костяная игла с просверленным ушком (рис. 2, 1). Следует отметить, что почти все украшения, кроме трех фрагментов крупного кольца, обнаружены в пределах одного квадрата у юго-западной стенки раскопа.

В целом коллекция из верхнепалеолитических слоев в восточной галерее несколько отличается от материалов одновременных слоев в центральном зале пещеры, главным образом, за счет заметной доли развитых леваллуа-мустьерских форм. Вместе с тем в этих индустриях четко прослеживается верхнепалеолитический компонент, который представлен резцами, скребками, острием на пластине, костяной иглой с ушком и набором украшений.

Примечания

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.И., Черников И.С. Исследование голоценовых слоев в Денисовой пещере // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X., ч. I. – С. 250 – 254.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В., Ульянов В.И., Черников И.С. Исследования в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI., ч. I. – С. 100 – 105.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В 2006 г. археологический отряд Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева провел разведочные работы в окрестностях г. Канска, на высоких террасах левобережья р. Кан.

Первые археологические исследования в окрестностях г. Канска проведены в 1909 г. археологами университета г. Казани А.Е. Ермолаевым и Е.А. Поповым [Ермолаев, 1912]. В 70 – 90-е гг. XX века разведочные и раскопные работы в долине р. Кан проводились экспедициями и отрядами Иркутского государственного университета (ИГУ) [Абдулов, 1985; Генералов, 1978, 1982, 2000]. В середине 90-х гг. XX в. стационарные раскопки стоянки на окраине с. Бражное, возле сельского кладбища, провел отряд ИГУ под руководством А.Г. Генералова [Генералов, Воробьева, Мухарамов, 1995]. В 1985 г. отряд по паспортизации археологических памятников КГПИ при выполнении работ на территории Канско–Рыбинской котловины, в Канском район, провел обследование ранее выявленных памятников у с. Бражное. На стоянках Бражное – 1, 2, 3 была собрана коллекция каменного инвентаря, представленного готовыми изделиями и предметами первичного расщепления. Была обнаружена новая стоянка каменного века – Бражное-4 [Артемьев, Макулов, 1998].

Работы 2006 г. отряда ЛАПСС ИАЭТ СО РАН и КГПУ заключались в предварительном археологическом обследовании территории ряда районов Канско-Рыбинской котловины и привели к обнаружению новых археологических памятников с поверхностным залеганием артефактов.

Бражное – 3. Стоянка находится на левобережной древней террасе р. Кан, высотой до 40 м, в 2,3 км ЮЗ с. Бражное и имеет географические координаты 56°02'37" с.ш. и 095°50'07" в.д. На поверхности террасы, которая длительное время распахивалась, а в настоящее время используется под выпас, собрана большая коллекция археологического материала, представленная каменным инвентарем. Материал фиксируется на площади размером 450×200 м.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 99 экз. Первичное раскалывание характеризуется:

– нуклеусами параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 13 экз. Среди них выделяется довольно яркая группа ядрищ с элементами леваллуазской техники (веероидное снятие загото-

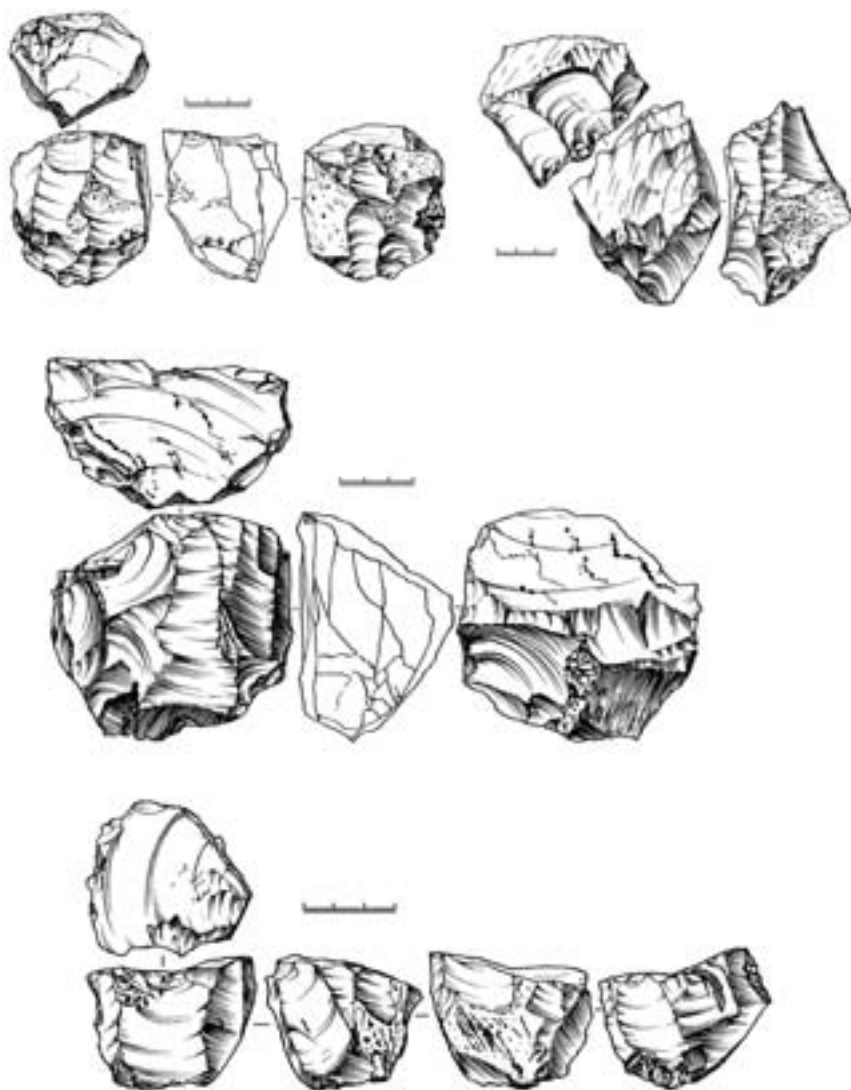

Рис. 1. Нуклеусы местонахождений Канско-Рыбинской котловины
 №№ 1-3 – м. Бражное 3; 4 – м. Бражное 4

вок, технологическое выделение *shareau de gendarme*, и т. д.) – 5 экз.;
 – торцовыми нуклеусами крупных и средних размеров – 2 экз.;
 – нуклеидными желваками – 10 экз.

Заготовки представлены отщепами и сколами (с эпизодической вторичной преимущественно дорсальной ретушью) – 35 экз. Орудийный набор составляют скребла и скребловидные формы – 29 экз.

Бражное – 4. Местонахождение расположено в 2,8 км ЮЗ от с. Бражное, в 0,4 км от р. Кан; географические координаты 56°02'38,6" с.ш. и 095°49'50,2" в.д. Памятник приурочен к отметкам 50–метровой террасы, поверхность которой полого понижается в северном и северо-восточном направлениях, разрезана небольшими логами. В 0,3 км СВ находится местонахождение Бражное-3. Археологический материал располагается на площади 150×300 м.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 174 экз. Первичное расщепление характеризуют:

- нуклеусы радиального принципа расщепления – 11 экз.;
- нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 39 экз.;
- нуклевидные изделия – 34 экз.;
- торцовые нуклеусы – 23 экз.;
- микропластинчатые нуклеусы – 3 экз.

Заготовки представлены отщепами и сколами с эпизодической вторичной преимущественно дорсальной ретушью) – 36 экз. и мелкими пластинчатыми сколами и микропластинами – 28 экз.

Бражное – 5. Местонахождение обнаружено расположено в глубине 80 – 90 – метровой левобережной террасы р. Кан, на ее высших отметках, в 1,1 км от р. Кан и в 1 км СЗ стоянки Бражное-3 и имеет географические координаты 56°02'59" с.ш. и 095°49'21" в.д. Материал фиксируется на площади размером 380×1300 м, что характерно для данного района.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 88 экз. Первичное раскалывание характеризуется нуклевидными желваками, очевидно, использованными в качестве получения крупных сколов и отщепов, либо в качестве опробывания сырья – 18 экз.

Заготовки представлены отщепами и сколами, включая относительно небольшую долю пластинчатых форм – 58 экз. 49 экз. имеют вторичную обработку на маргиналах в виде регулярной и эпизодической полукрутой и крутой ретуши на дорсальной поверхности

Выемчатые орудия на отщепках и пластинчатых сколах – 10 экз. Клювовидные орудия с технологически выделенным высоким «клювом», оформленным крутой дорсальной ретушью средних размеров.

Чечеул – 1. Местонахождение расположено на ЮВ окраине п. Чечеул, на террасовидной поверхности, полого понижающейся к руслу р. Кан, который протекает в 4 км севернее, в подножии граничит с широкой древней поймой и имеет географические координаты 56°07'35,1" с.ш. и 095°43'29,3" в.д. Археологический материал зафиксирован на поверхности террасы, на пашне. Коллекция археологического материала представлена отщепом средних размеров с эпизодической нерегулярной ретушью на дорсальной поверхности и фрагментом пластинчатого скола.

Чечеул – 2. Местонахождение расположено вблизи ЮВ окраины п. Чечеул, в 250 м ЮВ местонахождения Чечеул – 1; географические координаты

56°07'28,1" с.ш. и 095°43'32,5" в.д. Поверхность террасы относительно ровная, полого понижается в северном направлении, используется под пашню и частично занята небольшими лесными массивами. Археологический материал зафиксирован на поверхности террасы, на границе пашни и опушки леса. Археологический материал представлен отходами каменной индустрии (3 экз.).

Чечеул – 3. Местонахождение расположено на ЮВ окраине п. Чечеул, в 200 м ЮЗ местонахождения Чечеул – 2, на террасовидной поверхности; географические координаты 56°07'25,1" с.ш. и 095°43'23,2" в.д. Поверхность террасы ровная, полого понижается в западном направлении, используется под выпас скота и частично занята небольшими лесными массивами. Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 5 экз. Первичное расщепление представлено нуклеусом параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок и нуклеидными желваками – 4 экз.

Чечеул – 4. Местонахождение расположено в 1,8 км ЮВВ п. Чечеул, географические координаты 56°06'54,5" с.ш. и 095°44'30,6" в.д. Археологический материал обнаружен на пашне и приурочен к террасе однотипной той, на которой расположены местонахождения на окраине п. Чечеул. Археологический материал представлен фрагментом пластинчатого скола.

Ашкаул – 2. Стоянка расположена в 3 км южнее п. Ашкаул, на древней террасе р. Кан, географические координаты 56°05'30,8" с.ш. и 095°48'05,2" в.д. Относительно ровная поверхность террасы полого понижается в северном направлении, разрезана мощным древним логом, в котором протекает ручей. Борта лога обрывисты, высотой до 24 м. На одном из правобережных участков лога разрабатывается карьер. В обнажении борта карьера, в подошве гумусового слоя был зафиксирован культурный слой. В слое обнаружен крупный нуклеус. Изделие характеризуется относительно крупными размерами (высота фронта составляет 24, 5 см, толщина – 16,7 см.). Нуклеус параллельного принципа расщепления и соотносится с ядрищами пирамидального морфотипа. Площадка оформлена со стороны фронта.

Степняки – 1. Стоянка находится в 7, 7 км ЮЮЗ с. Бражное, географические координаты: в сочетании южной и восточной границ - 55°59'45,4" с.ш. и 095°48'35,1" в.д.; северная граница - 55°59'58,8" с.ш. и 095°48'51,1" в.д.; западная - 56°00'06,0" с.ш. и 095°47'53,8" в.д. Площадь распространения археологического материала составляет 1,1 км×0,5 км. Памятник приурочен к 80 – 90- метровой левобережной террасе р. Кан.

Коллекция археологического материала представлена каменными артефактами в количестве 163 экз. Первичное расщепление характеризуют:

- нуклеусы радиального принципа – 6 экз.;
- нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия пластинчатых заготовок – 14 экз.;
- торцовые нуклеусы крупных и средних размеров – 8 экз.;
- нуклеидные желваки – 25 экз.

Заготовки представлены отщепами, сколами и пластинчатыми сколами - 84 экз. Отходы производства – 25 экз.

Группа из семи местонахождений обнаружена западнее автодороги Красноярск – Канск (СЗЗ п. Чечеул), южнее г. Канска. Местонахождения расположены на террасе, однотипной террасам, на которых выявлены стоянки у п. Чечеул. Единичные артефакты обнаружены на поверхности террасы на расстоянии 150 – 200 м друг от друга. Это позволяет говорить о необходимости проведения археологических исследований этой территории.

Выявленные в ходе работ местонахождения имеют много сходных показателей: поверхностный характер залегания артефактов; однородный сырьевой материал; широкое пространственное размещение местонахождений. Таким образом, исследованные археологические объекты образуют своеобразный, отличный от известных памятников тип. В качестве рабочего варианта мы предлагаем рассматривать описанные археологические объекты, как памятники, образующие единый техносырьевой комплекс (сырьевой технокомплекс). В этом случае выделенный новый тип археологических объектов образуется по наличию большого количества общих показателей (условия дислокации, единые техно-типологические показатели, и т. д.).

Примечания

Абдулов Т.А. Итоги и перспективы изучения мезолита Канско-Рыбинской котловины” Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока.- Иркутск, 1985 .

Артемьев Е.В., Макулов В.И. Комплекс местонахождений-мастерских у с. Бражное как источник изучения технологии древнейшего населения в палеолите” Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края. Материалы краеведческих чтений. Г. Красноярск 2-3 декабря 1997 г. - Красноярск, 1998. - С. 29-33.

Генералов А.Г. Проблема хронологии и периодизации неолита Красноярско-Канской лесостепи ” Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978.

Генералов А.Г. Новые памятники эпохи неолита и бронзы Канской котловины ” Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – ИГУ, Иркутск.-1982.

Генералов А.Г. Опыт выделения геоархеологических объектов Канско-Енисейского региона” Архаические и традиционные культуры Северо-восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Международ. науч. семинар, апрель 22-28, 2000. Мат-лы докл. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 2000. – С. 37-49.

Ермолаев А.Е. К археологии окрестностей г. Канска Енисейской губернии ” Сибирский архив, № 4, 1912.

Генералов А.Г., Воробьева Г.А., Мухаррамов Ш.З. Новые материалы в исследовании археологических местонахождений Стрижовая Гора и Бражное (долина р.Кан) ” Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 1995. - С. 181-183.

*К. Есида, Л.А. Орлова, Г.И. Медведев, Е.О. Роговской,
С.П. Таракановский, В.М. Новосельцева, С.А. Козай*

**ЧЕРЕМУШНИК I, II – ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ
ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ
В ДОЛИНЕ РЕКИ БЕЛОЙ. (ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ ИЗУЧЕНИЯ)**

Топонимом «Черемушник» до 50-х гг. XX в. жители Усольского района Иркутской области обозначали местность северо-восточнее с.Бадай на левом берегу р.Белой, в 2,3 км выше ее впадения в р.Ангару. Наименование Черемушник сохранилось только в сфере геоархеологической научной практики. Местонахождение открыто М.М.Герасимовым в 1928 г., возможно, в совместном маршруте с Г.Ф.Мирчинком и В.И.Громовым. Разведочные и масштабные земляные работы проводились в 1959-62 гг., 1966, 1969-1971 [Герасимов, 1940; Медведев, Георгиевский, Лежненко и др., 1971; Лежненко, 1974]. Новый цикл работ состоялся в 2001-2006 гг.

В 30-60-е годы XX в. Черемушник был известен как местонахождение культуры финального палеолита – мезолита. В 70-90-е гг. местонахождение представлялось уже двумя участками сосредоточения материалов финального палеолита – мезолита – Черемушник I и Черемушник II, соответственно, восточное крыло и западное, разделенные молодым оврагом с водотоком технического происхождения, оккупировавшим распадок с естественным источником. На Черемушнике II и за условными пределами объекта в разрезах шурфов были фиксированы артефакты, заключенные в отложения раннего сартана и досартанские образования верхнего плейстоцена. Работы 2001-2006 гг. составили новую портретную характеристику Черемушника. В сегодняшнем региональном геоархеологическом знании Черемушник документирует сложную композицию последовательностей геологических и палеотехнологических отложений плейстоцена. Эта композиция сосредоточена в толще песчано-суглинистых субазральных образований, организующих террасовидную форму склонового рельефа юго-восточного фаса ступени низкого Ангаро-Бельского водораздела. Фронт означенного 11-25-метрового террасовидного уступа амфитеатром обрамляет левобережную Бельскую приустьевую излучину. Разделенная выемкой распадка – оврага на два Черемушника эта форма может быть названа топографическим ансамблем геоархеологических образований, маскирующих уступ коренных пород и кроющих скальный нижнекембрийский цоколь галечников юрского времени. На Черемушнике I эта зона проходит с востока на запад через относительные отметки 20-25 м. Здесь разведанная, но не пройденная полностью толща супесей, суглинков, кластического материала превы-

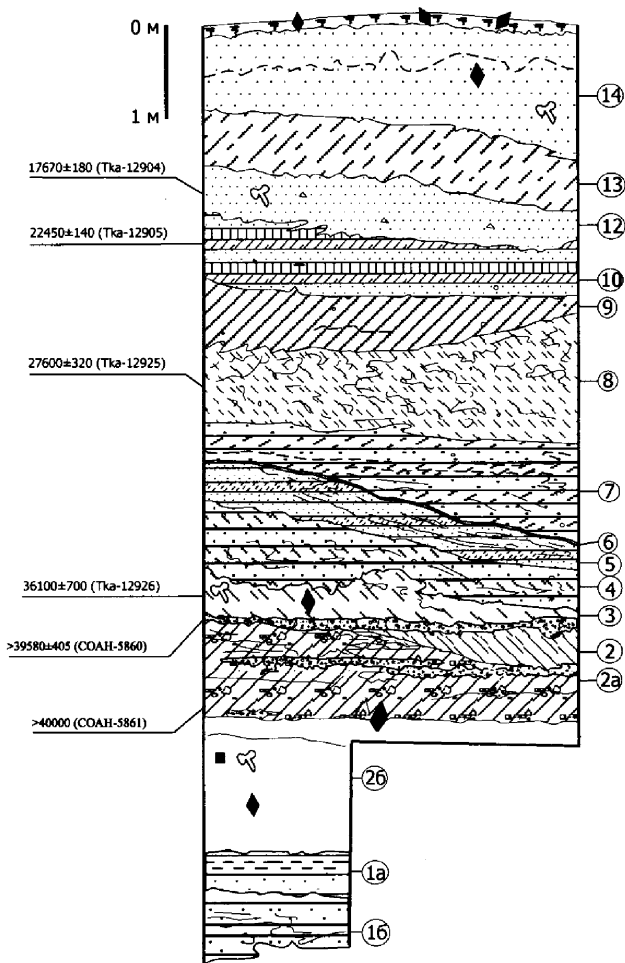

Рис.1. Сводный стратиграфический разрез местонахождения Черемушник

шает 17.5 м. Это – территории будущих раскопок. Работы, начатые в 2002 г. производились в борту оврага юго-юго-западной экспозиции на отметках относительного превышения уровня водохранилища 10-13 м. Разрез отложений в этом участке геоморфологического тела Черемушника I представлен 11-метровой колонкой, описанной Е.Б.Ощепковой и Е.А.Слагодой (рис.1) и сопровождается радиоуглеродными датами, выполненными в г. Новосибирске и г. Токио.

Археологические материалы слоев 2а, 3, фиксированные в медальонах галечно-кластического материала, выше них и по их основаниям, принадлежат индустрии микрорасщепления специфических форм. Они уже были отнесены предварительно к некоррадированной пескоструйным воз-

Таблица 1. Описание стратиграфического разреза местонахождения Черемушник.

Слой	Горизонт	Мощность м	Описание пород
17	Q _{IV}	0,2-0,4	Почвы. Супесь бурая с сероватым оттенком. Рыхлая. Много живых корней
16	Q _{IV}	0-0,5	Пески белесоватые, карбонатные
15	Q _{IV}	0,3	Пески коричнево-серые, карбонатные
14		0,7	Пески белесоватые, карбонатные
13		0,5	Супесь белесовато-серая, пылеватая, пористая, уплотнённая, карбонатная. Артефакты из камня.
12	Q _{III} Sr?	0,3-1,1	Песок желтовато-бурый с темноватыми пятнами и разводами за счёт гумуса, разнородный, рыхлый, сильно карбонатный, слегка влажный, с пятнами оглеения. Много живых корней, следы червей. Редкие каменные включения размером до 1 см
11		0,4-2,1	Супесь коричневая с пятнами светло-серого цвета. Кровля мелко волнистая, подчёркнутая концентрированной светлого-серых карбонатов. В теле оползня выделены линзы с концентрированной слюды 12-15 см и гнезда до 3-5 см. Вдоль фронта оползня прослеживается трещина длиной 40 см, сложенная более рыхлым сизым материалом. Общая ширина оползня составляет не менее 37 м.
10		0,5-1	Переслаивание лёсса палевого, плотного, пылеватого, песка и суглинка буровато-коричневого плотного. Под телом оползня отложения спрессованы, деформированы с отчётливой слабоволнистой слоистостью. Вне зоны фронта оползня слоистость становится нечёткой. Далее по простиранию слой выделяется плохо из-за нечёткого контакта с нижележащими слоями. Представлен серыми песчаными супесями карбонатными, сильно слюдыстыми, с многочисленными пятнами оглеения. Отложения рыхлые, трещиноватые. Артефакты из камня.
9		0,2-1,3	Суглинок палевый с коричневым оттенком. Плотный, ожелезнённый, карбонатный, содержит много марганца. Есть отдельные каменные включения размером до 0, 5 см, слабо окатанные. При высыхании приобретает белесо-серый табачный цвет. Слоистость нечёткая, линзовидная. В юго-восточном направлении слой становится более песчаным с нечёткой линзовидной слоистостью.

8	Q _{III} кг?	0-0,8	Супеси палевые с розоватым оттенком с белёвыми неправильными разводами. Внутри слоя наблюдается пloyчатая слоистость, смятая в фестоначатые складочки.
7	Q _{III} кг?	0,2-0,7	Переслаивание песка палевого среднезернистого, рыхлого и супеси коричневой с розоватым оттенком. Слоистость наклонная линзовидная, смешанная.
6	Q _{III} кг?	0,1-1	Песок палевый среднезернистый, рыхлый с большим содержанием гальки. В юго-восточном направлении слой становится более глинистым и представлен деформированными табачными супесями.
5		0,3-1	Переслаивание песка палевого среднезернистого, супеси коричневой с буроватым оттенком и песка жёлто-бурого среднезернистого, рыхлого. Слоистость чёткая, волнистая. Включения дресвы, гальки. Линзы сыпучего песка с чёткой наклонной слоистостью, в северо-восточном направлении слоя разорваны трещинами. Контакты трещин ровные. Смещение по кровле слоев составляет 35 см. Помимо крупной трещины есть более мелкие, смещающие линзу на 1-2 см. общая высота взброса будет составлять 40-50 см. Кровля слоя размыта.
4		0,2-0,7	Суглинок коричневато-бурый с прослоями плотной супеси коричневой с серо-зелёным оттенком и единичными включениями гальки. Слоистость нечёткая, линзовидная. Выделяется линза пёстрой, буровато-коричневой супеси.
3		0,06-0,5	Супесь буровато-жёлтая, плотная, с новообразованиями карбонатов, ожелезнена. В слое выделены отторженцы песков ромбовидной формы с перевёрнутой тонкой частой слоистостью.
2	Q _{III} кг?	0,5-1,5	Песок ржавый, разнозернистый, рыхлый с включением дресвы, гальки, плиток доломита. Артефакты из камня.
2a	Q _{III} кг?	0,3-0,5	Переслаивание суглинка тёмно-коричневого с оливковым оттенком, плотного, влажного и песка мелкозернистого, палевого с ржавым оттенком. Слоистость тонкая слабоволнистая. Артефакты из камня.

26	Q_{II} – Q_{IIIkz} ?	1,8	Песок розоватый, табачно-серый с прослоями супесей и включениями рассеянной гальки. Артефакты (?) из камня.
1а		0,55	Супеси серовато-оливкового цвета. В нижней части частое переслаивание зеленовато-табачно-серых глин, супесей, песков. Выделены две линзы палевого крупно-зернистого песка с неровной ожелезненной границей. В кровле концентрируется галька.
16	N_2 – Q_{II} ?	> 0,2	Частое пологоволнистое переслаивание песков среднезернистых, глин голубовато-сероватых, плотных, охристых. Прослой песков имеют повторяющиеся раздувы мощностью от 2-3 см до 10-12 см. верхняя граница резкая, подчёркнута плотным скоплением железа и марганца.

действием пустынных обстановок фации «макаровского пласта» [Като, Когай, Липнина и др., 2004]. Найденные артефакты значительно древнее 40 000 лет и достаточно уверенно могут быть отнесены к муруктинскому времени верхнего плейстоцена. Собственно, они заключены в эти отложения. Несомненно, Черемушник I и Черемушник II содержат еще более древние отложения артефактов.

Работы, выполненные на Черемушнике I в поле и аналитические опробования разреза в борту оврага являются введением в исследование местонахождения древних литотехнологий. Но даже этот малый объем данных свидетельствует о реальной стратегической роли ансамбля геологических и палеотехнологических образований не только в масштабах региональной изученности.

Примечания

Герасимов М.М. Позднепалеолитические стоянки р.Белой // БКИЧП. – М.; Л. – 1940. - № 6-7. – С.122-124.

Като Х., Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Жеглова Т.Г., Роговской Е.О. О географии, возрасте и терминологии форм микрорасщепления пластин в плейстоцене Востока Северной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. – С.105-111.

Лежненко И.Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1974. – Вып.1. – С.127-138.

Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Лежненко И.Л., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Памятники мезолита Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1971. – Ч.1. – С.27-30.

**ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОСТИ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА
ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)***

Пещера Каминная расположена в 28 км юго-западнее села Черный Ануй и в 7 км северо-западнее д. Каракол Усть-Канского района Республики Алтай, в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол, впадающей в р. Ануй. В орографическом отношении район расположения памятника принадлежит среднегорному ландшафту южно-сибирской горной области Алтае-Саянской горной страны. Высота пещеры над уровнем моря составляет 1100 м. Пещера приурочена к левому борту Пещерского лога, ориентированного по направлению восток-запад, по дну которого протекает одноименный ручей. В пещере зафиксирована многослойность археологических материалов, занимающих интервал в археологической периодизации от эпохи мустье до этнографической современности (Проблемы палеоэкологии..., 1998). Здесь нас интересуют прежде всего находки из слоев раннего неолита-энеолита (5, 6, 7, 9 и 10а). В перечисленных слоях предметный комплекс каменной индустрии в основном представлен следующими категориями инвентаря: пластины, пластинки и микропластинки с ретушью и без нее, резцы, долотовидные орудия, скребки, проколки, острия, ножи, наконечники стрел, отщепы с ретушью. Встречены здесь и фрагменты керамической посуды, относящейся к различным эпохам. Однако кроме изделий из камня и керамики здесь были выявлены и предметы искусства, о которых и пойдет речь в данной работе. Наша коллекция изделий из кости и рога получена в основном работами 1994 года при разборке литологических подразделений, перекрывающих плейстоценовую толщу объекта.

Нами было учтено 43 экземпляра предметов неутилитарного назначения или искусства из раскопок С.В. Маркина (табл. 1). К сожалению, часть артефактов, дошла до нас лишь в обломках. В предлагаемой нами сводной таблице учтены также колечки из кальцитовый корочки, а не только из кости, поскольку ранее они трактовались нами как перламутровые изделия. Всего встречено 17 экз. подобных колечек различного диаметра и цвета (рис. 1-2,3).

Костяные колечки вырезались из цельного фрагмента кости, а затем в них просверливалось отверстие. Совсем недавно был выявлен и описан

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00528а).

Таблица 1. Распределение изделий из кости и рога по голоценовым слоям пещеры Каминная

№	Наименование предмета/слой	5	6(гор1)	6(гор2)	6(гор3)	7	9	10а	Всего
1.	Колечки	11	4	-	-	-	-	2	17
2.	Иглы	2	1	-	-	1	3	4	11
3.	Пробойник	1	-	-	-	-	-	-	1
4.	Орнаментированная кость	2	1	1	1	-	2	-	7
5.	Костяные нашивки	-	2	-	-	1	3	-	6
6.	Подвески	-	-	-	-	1	-	-	1
	Итого	16	8	1	1	3	8	6	43

комплекс украшений эпохи неолита–энеолита Горного Алтая и его северных предгорий (Постнов, Ефремов, 2004). В него вошли следующие предметы: перламутровые кольца, кольца, низки, рыбки, «восьмерки», резцы сурка (там же, с.88). Данный набор полностью или частично был встречен в следующих памятниках: Чарышский навес, Денисова пещера, погребение в пещере Каминная, а также в погребальных комплексах северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Большой Мыс), которые датируются IV–III тыс. до н. э. (Деревянко, Молодин, 1994; Маркин, 2000; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000). Вероятнее всего к этому же времени относятся и памятники, при разборке слоев которых встречены перечисленные изделия, пусть и в единичном количестве. Это что касается набора украшений. Переходим теперь к описанию других предметов неутилитарного назначения.

Так, в слое 5, найдена орнаментированная кость с насечками в двух мелких фрагментах, представляющая собой обломки сферической трубочки с геометрическим орнаментом в виде двойных прорезанных линий. Это, судя по всему, остатки игольника, находки, широко распространенной в Сибири еще с эпохи палеолита. Данный предмет также в обломках встречен в слоях 9 и 6 (горизонты 1 и 2). Для изготовления подобных изделий использовалась полая внутри кость, а затем на внешнюю поверхность предмета наносился орнамент. Собственно рисунки на костях выполнены кремневыми инструментами техникой прочерчивания в виде зигзагообразных, прямых параллельных линий, ритмичных нарезок. Можно сказать, что орнамент представлен сложными композициями из ромбов, треугольников, прямых и ломаных линий.

Тем не менее, одной из самых массовых находок из кости встреченных на пещере Каминная, являются игольнички с отверстием в ушке по типу современных (рис.1–4). На данном объекте они известны со времени палеолита, что позволяет говорить о преемственности технических традиций на

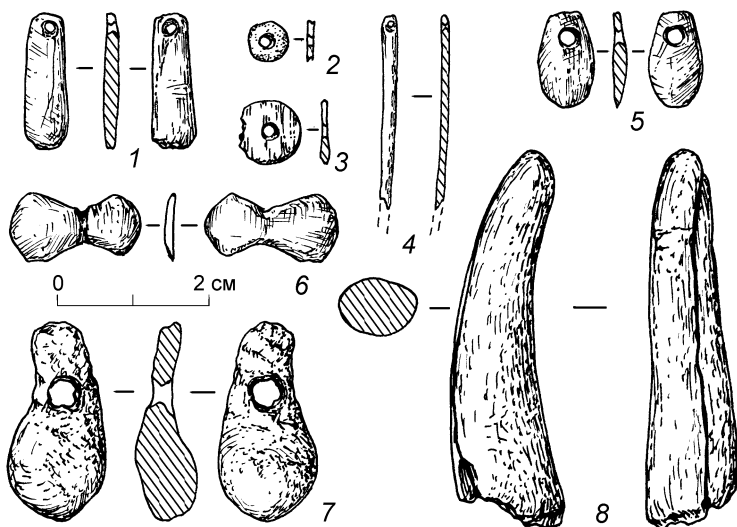

Рис. 1. Предметы из кости и рога из слоев раннего неолита-энеолита:

- 1 – костяная щитковая нашивка вытянутой формы;
 2, 3 – колечки из кости и кальцитовая корочка; 4 – костяная игла; 5 – костяная округлая нашивка щитковой формы; 6 – «восьмерка» из кости;
 7 – костяная каплевидная подвеска с отверстием; 8 – роговой пробойник.

памятнике в изготовлении костяного инвентаря, от более раннего времени к позднему. Всего их выявлено в рассматриваемых слоях 11 экз. Они представляют собой обломки изделий различной степени сохранности. Целых предметов практически не выявлено. Однако из слоя 9 происходит изделие, обломанное лишь в месте ушка, сохранившееся во всю длину. Поверхность иглочек заполирована. Нельзя сказать, что все иглочки были стандартными. Здесь у нас имеются фрагменты от изделий различного размера, что, несомненно, демонстрирует глубокую специализацию подобных предметов неутилитарного назначения.

В бытовую сферу обитателей пещеры Каминной эпохи энеолита (слой 5) встречен достаточно сработанный роговой пробойник, изготовленный из цельного фрагмента рога (рис. 1-8). При его изготовлении древними мастерами использовалось естественное острие предмета. Подобные находки известны также в материалах курганов афанасьевской культуры Южной Сибири. В целом же бытование данных предметов не ограничено временными либо территориальными рамками, поскольку их первое появление относится к эпохе древнего камня.

Литологические подразделения эпох неолита-энеолита Каминной содержали и всевозможные нашивки и подвески к одежде. Так из слоя 7 происходят каплевидная подвеска с отверстием (рис. 1-7) и щитковая нашивка

с отверстием вытянутой формы (рис.1-1), а в слое 9 зафиксировано три данных предмета щитковой формы (рис.1-5) и одна нашивка с перехватом или, как ее принято называть, «восьмерка» (рис.1-6). В слое 6 (горизонт 3) встречена щитковая нашивка со слегка вытянутым отверстием. Нашивки изготавливались путем вырезания из цельного фрагмента кости с последующей подтеской и заполировкой готовых изделий.

Как видно, при изготовлении изделий из кости и рога использовались характерные неолитической эпохе приемы: вырезание, подтеска, сверление, полирование. В целом, необходимо отметить высокий уровень косторезного дела, уникальность и своеобразие коллекции, не имеющей прямых аналогов. Однако, вместе с этим представленный в коллекции пещеры Каминной набор предметов неутилитарного назначения выглядит стандартным для своих территориальных и хронологических рамок.

Примечания

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Ч. I. – Новосибирск: ВО «Наука». – 1994. – 262 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета. – 2000. – 116 с.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. - № 3. – С.53-64.

Постнов А.В., Ефремов С.А. Чарышский навес – новый памятник с украшениями эпохи неолита на Алтае. // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы – Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета – 2004. – С. 88-91.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 312 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ В 2006 ГОДУ*

Проблемы первоначального заселения Евразии и перехода от среднему в позднему палеолиту являются одними из важнейших в современном палеолитоведении. Особый интерес исследователей связан с территорией Центральной Азии и в первую очередь Алтайского региона. В настоящее время комплекс археологических памятников Горного Алтая, прежде всего в долинах рек Ануй и Урсул, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга, является наиболее полно изученным применительно к Северной и Центральной Азии. Комплексные археологические исследования на территории Горного Алтая, направленные на изучение древнейшей истории региона, позволили получить свидетельства о том, заселение данной территории происходило от ранней до заключительной стадии палеолита. Планомерное изучение многослойных палеолитических объектов позволило проследить процесс становления и пути развития палеолитических культурных традиций, реконструировать условия обитания первобытного человека на протяжении четвертичного периода. В тоже время еще не в полной мере изучена территория Западного Алтая, отражены пути миграции древнейшего населения на данную территорию, определены адаптационные стратегии древнего населения. Уникальные материалы многослойного палеолитического памятника пещера Страшная, мощность отложений которого превышает 10 м и расположенного на пограничной с Казахстаном территории, дают возможность не только проследить преемственность культуросодержащих горизонтов и динамику эволюции индустрии, но и являются своеобразным связующим звеном между западными и восточными регионами Центральной Азии.

Пещера Страшная известна как один из древнейших археологических памятников на территории Алтая, в отложениях которого обнаружены изделия леваллуа-мустьерского облика и остатки фауны четвертичных млекопитающих. Пещера расположена в пределах северо-западного Алтая в

* Авторы выражают свою благодарность российским фондам, поддерживающим полевые и лабораторные исследования (проект РГНФ № 06-01-18076; Интеграционный проект СО РАН №7.3; Програма фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»).

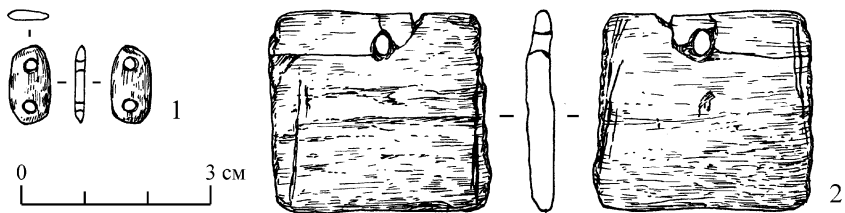

Рис. 1. Костяные изделия из плейстоценовых отложений пещеры Страшная

среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), близ впадения в неё р. Тигирек. Координаты пещеры следующие: северная широта $51^{\circ}10'26,0''$, восточная долгота $83^{\circ}01'42,6''$, высота над урезом реки составляет 45 м. Место слияния этих рек находится на высоте 470 м над уровнем моря. В 300 м выше по течению в р. Тигирек впадает ручей Страшной (левый приток), от которого происходит название пещеры. От входа пещеры, обращенного на юго-юго-запад, открывается панорама обширной котловины долины р. Иня при впадении в неё р. Тигирек. Эта расширенная часть долины р. Иня с севера, востока и запада обрамлена круглыми скалистыми горами, а с юга — лесистыми северными склонами Тигирецкого хребта. Днище этого расширения плоско, занято пойменной поверхностью, прорезанной многочисленными староруслицами. По строению пещера простая горизонтальная, протяжённостью около 20 м. Средняя ширина хода составляет 2 м, а в дальней части значительно расширяется, при этом увеличивается и высота потолка. Пол пещеры земляной, относительно ровный с плавным понижением к входу. Пред-входовая площадка шириной 10 метров ограничена с боковых сторон вертикальными скальными стенами, что делает пещеру доступной только со стороны реки.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 года, когда спелеологи из Томского университета обнаружили на предвходовой площадке наличие культурного верхнепалеолитического слоя. В 1969-70 годах сотрудником Института истории, филологии и философии СО АН СССР Н. Д. Оводовым проводились исследования условий залегания культурных и фаунистических остатков. Шурф, заложенный во входовой части пещеры, пройден до глубины 9,6 м, но скальное основание достигнуто не было. В ходе этих работ были получены значительные результаты, накоплен обширный археологический и фаунистический материал.

В 1989 - 1994 гг. было предпринято предварительное изучение пещерных осадков и археологического материала, которое проводилось в двух направлениях. В первую очередь рассматривались процесс и условия осадконакопления путем выделения литологических подразделений и установления их основных характеристик (Зенин, 1994; Проблемы палеоэкологии..., 1998). Другим направлением явилось изучение условий залегания археологических и фаунистических материалов в пещерных отложениях,

выявление культурных горизонтов и определение степени их сохранности. В ходе исследований было установлено, что археологические материалы, как правило, находятся в неповрежденном состоянии и приурочены к горизонтам обитания. Анализ археологических материалов по горизонтам обитания свидетельствует об их четкой дифференциации, при этом выделяются как верхнепалеолитические (Деревянко, Зенин, 1995), так и мустьерские комплексы. Предварительные результаты исследований пещеры Страшная свидетельствуют о том, что уникальные материалы данного многослойного палеолитического памятника иллюстрируют хорошую стратиграфическую последовательность и дают возможность проследить преемственность культуросодержащих горизонтов и динамику эволюции индустрии. В значительной мере они связаны с решением проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту и становления ранних верхнепалеолитических традиций в Центральной Азии (Derevianko, Zenin, 1997). Эти данные подкреплены серией радиоуглеродных датировок. Следует отметить, что исследования проводились на небольшом участке и фактически не затронули нижней части рыхлых отложений.

В 2006 году исследования в пещере Страшная были продолжены. Работы проводились во внутренней части пещеры и затрагивали верхнюю часть рыхлых отложений. Полевые исследования, в которых принимали участие специалисты в области палеонтологии (Васильев С.К., Мартынович Н.В., Сердюк Н.В.), геоморфологии (Ульянов В.А.) и петрографии (Кулик Н.А.), носили комплексный характер и были направлены на детализацию хронологических определений культурных слоев, уточнение условий залегания археологических и фаунистических материалов в пещерных отложениях, выявление культурных горизонтов и определение степени их сохранности. В результате проведенных работ были получены уникальные данные по фауне позднего неоплейстоцена, что позволяет сопоставить полученные результаты с имеющимися данными по территории Горного Алтая и реконструировать природно-климатическую и палеоэкологическую обстановку в эпоху среднего и верхнего плейстоцена для всего Алтайского региона.

При проведении раскопочных работ пристальное внимание было уделено процессу и условиям осадконакопления пещеры, характера залегания литологических подразделений. Отмечено возрастание мощности рыхлых отложений на изучаемом участке, что позволило провести более детальный анализ условий формирования культурных горизонтов. В результате проведенных работ была получена яркая в типологическом отношении коллекция каменных артефактов, при этом отмечается увеличение численности артефактов в средней части пещеры. Особое место среди археологических материалов занимают украшения из кости, относящиеся ко второму горизонту слоя 31а (Рис. 1, 1) и второму горизонту слоя 33 (Рис. 1, 2). Последнее изделие тем интереснее, что каменная индустрия этого слоя по своим технико-типологическим характеристикам, по всей вероятности, относится к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту.

Особое внимание было уделено петрографическому анализу сырья, использовавшегося при изготовлении каменных артефактов, применительно к каждому культурному горизонту. Петрографическое изучение индустрии пещеры Страшной показало, что на всем протяжении формирования ее культурных отложений использовалось местное галечное сырье, которое из-за окварцевания и сильной скрытой трещиноватости нельзя отнести к сырью хорошего технологического качества. Лишь в материалах финальной стадии палеолита отмечаются элементы импорта сырья из других источников. Судя по размеру артефактов с галечной поверхностью, нерасколотых или частично обколотых галек, использовался материал крупногалечника – мелковалунника. Такое использование и явное предпочтение менее окварцованных пород свидетельствует о совершенно сознательном и целенаправленном отборе сырья. Одновременное присутствие в пределах слоя крупных и мелких обломков, включая чешуйки, означает, что обработка принесенного галечного сырья в значительном объеме производилась в пещере.

Дальнейшее изучение уникального археологического объекта Алтая – пещеры Страшная позволит значительно расширить эмпирическую базу исследования проблем перехода от среднего к верхнему палеолиту и первоначального заселения этого региона Евразии. В первую очередь это связано с обнаружением в отложениях пещеры Страшная зубов древнего человека, по предварительной оценке специалистов относящихся к неандертальцу. Планируется сконцентрировать усилия на детализации хронологических определений культурных слоев, содержащих антропологические материалы. Техничко-типологические аналогии каменных индустрий указывают на принадлежность среднепалеолитических комплексов Алтая, Центральной Азии и Ближнего Востока к единому культурному пространству. Комплексное изучение археологических материалов Западного Алтая, относящихся к среднему и верхнему палеолиту, создают предпосылки для выяснения генезиса древнейших культур Центральной Азии, процессов первоначального освоения человеком данной территории. Обработка результатов типологического, технологического и планиграфического анализа археологических находок из пещеры Страшная, в контексте их геохронологической позиции, поможет решить проблему вариативности древних палеолитических индустрий, выявить возможный культурный компонент, создать общие модели адаптации древних людей в предгорных районах Алтая.

Примечания

1. **Проблемы** палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

2. **Зенин А.Н.** Многослойный палеолитический памятник в пещере Страшная (Западный Алтай) - специфические элементы процесса осадконакопления // Все-

российское совещание по изучению четвертичного периода. Тезисы докладов. - М, 1994. – С. 96.

3. **Деревянко А.П., Зенин А.Н.** Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Вып. VI. – С. 24 – 26.

4. **Derevianko A.P., Zenin A.N.** The Mousterian to Upper Paleolithic Transition though the Example of the Altai Cave and Open air Site // Suyanggae and Her Neighbours. - Chungju, 1997. - P. 241-255.

*Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, В.П. Семибратов,
К.Ю. Кирюшин, А.В. Шмидт*

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-6

В связи с возрождением проекта строительства Алтайской ГЭС археологами Алтайского государственного университета были возобновлены аварийные исследования поселения Тыткескень - 6.

Памятник расположен в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуня в 0,1 км выше места их слияния. Поселение занимает участок второй надпойменной террасы реки Катуня высотой 15-20 м. Основание террасы сложено валунно-галечным конгломератом, перекрытым эоловыми песками и несколькими гумусовыми горизонтами общей мощностью от 0,1 до 3,0 м. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескень-6. Южный край поселения вдоль левого берега реки разбит старым Чуйским трактом. Северный участок памятника частично разрушен курганами скифского, гунно-сарматского и тюрского времени, большинство из которых было раскопано в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. В этот же период в раскопе, площадью около 200 кв. м. на поселении были получены материалы РЖВ, бронзового века, энеолита и раннего неолита [Кирюшин, Кунгуров, 1994].

В 2006 году на поселении были продолжены аварийные археологические раскопки, в ходе которых серией раскопов вписанных в единую систему была вскрыта оставшаяся часть поселения (около 1500 кв. м.). Вокруг раскопов была выполнена серия шурфов, которые дали единичные находки, или оказались вообще без таковых, подтвердив то, что изучение поселенческого комплекса Тыткескень-6 было полностью закончено.

Вместе с материалами эпохи, энеолита, бронзы, РЖВ и средневековья (см. статьи в настоящем издании), был получен представительный комплекс, относящийся к эпохи неолита, предварительному анализу которого и посвящена данная публикация.

Неолитический горизонт прослежен на всей площади раскопа. В южной части он залегает на глубине 0,3-0,7 м. Своей подошвой упираясь в галечную аллювиальную толщу. Эоловые песчаные отложения в южной части раскопа отсутствует вовсе, либо представлены тонкой прослойкой до 0,1 м. Мощность неолитического горизонта здесь составила 0,2-0,3 м. К северу поверхность террасы плавно повышается, перепад высот на кра-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а

ях раскопа, составляет три с лишним метра. Неолитический горизонт в северной части раскопа погружается на глубину 0,8-1,1 м. от современной поверхности налегая на значительную толщу золотых супесчаных отложений. Несколько уменьшается к северу мощность культурного горизонта, составляя 0,1-0,25 м.

Планиграфия памятника такова, что остатков конструкций, которые можно было бы интерпретировать, как следы жилищ в неолитическом горизонте не зафиксировано. Однако некоторые скопления каменных артефактов можно интерпретировать как площадки-мастерские, на которых происходило изготовление орудий. Здесь обнаружено большое количество (до нескольких сотен на квадратный метр) готовых изделий, заготовок и отходов каменной индустрии. Обращает на себя внимание и большое количество ям различной хозяйственной направленности.

Исходя из анализа находок, каменную индустрию слоя можно назвать микролитической. Она носит преимущественно призматический характер и ориентирована на получение ровных двух-трехгранных пластин (рис. 1 – 11), основная масса которых, по всей видимости, использовалась для производства вкладышей составных орудий. Большинство нуклеусов, зафиксированных на поселении, одноплощадочные. Снятие пластин осуществлялось по всему периметру ударной площадки (рис. 1 – 1, 2, 8, 9), в редких случаях древние мастера оставляли на ядрище узкий контрфронт (рис. 1 – 7). Пластины преимущественно мелких размеров. Ширина многих из них составляет всего 2-3 мм. Такую же величину имеют негативы снятий на сработанных нуклеусах, что подчеркивает микролитичность техники расщепления. Обращает на себя внимание большой процент обработки пластин при достаточно разнообразном характере их вторичного оформления. В слое зафиксирована большая серия концевых скребков, выполненных на крупных пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 1 – 4, 12, 13). У некоторых при оформлении рабочей грани использованы принципы призматического расщепления (рис. 1 – 12). Отщепы, в основном, шли на производство скребков (рис. 1 – 14), скобелей и резцов (рис. 1 – 10). В материалах горизонта обнаружено несколько орнаментов, изготовленных из сланцевых плиток. Изделия хорошо зашлифованы, одно из них имеет зубчатую грань (рис. 2 – 3). Помимо орнаментов, из сланцевых плиток изготавливали «дисковидные» скребла различных типов (рис. 1 – 3; 2 – 5). Зафиксировано широкое использование галечных форм, прежде всего крупных галек в качестве наковален и ретушеров-отбойников. Интереснейшим открытием является обнаружение в слое нескольких орнаментированных галек. Все они небольших размеров (4-5 см в диаметре), уплощенных очертаний с заполированной поверхностью. Рисунок состоит из линий, образующих взаимно проникающие треугольники (рис. 1 – 5). Интересной находкой является стерженек крупного составного рыболовного крючка. Изделие хорошо зашлифовано и имеет выемку в нижней части, предназначенную для крепления жальца (рис. 1 – 6). Похожее изделие уже

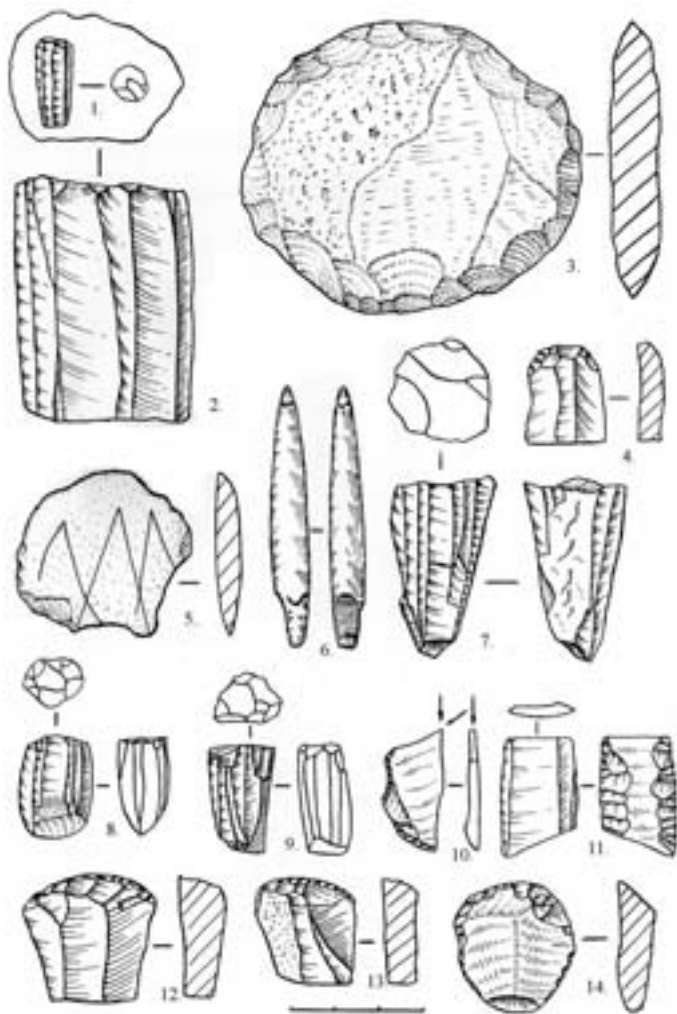

Рис. 1. Неолитические материалы поселения Тыткескень-6.

было обнаружено на данном поселении в 1991 г. [Кирюшин, Кунгуров, 1994].

Судя по обнаруженным в горизонте фрагментам керамики, неолитическая посуда представлена горшками с высокой горловиной с плавным переходом от шейки к плечикам. Срез венчиков прямой, либо слегка приостренный. Толщина стенок 5-6 мм. Большая часть фрагментов керамики не орнаментирована. В ряде случаев по краю сосудов фиксируются защипы пальцами и насечки по срезу венчика (рис. 2 – 2,4), в ряде случаев под горловиной нанесен ряд вертикально поставленных оттисков гладкого штам-

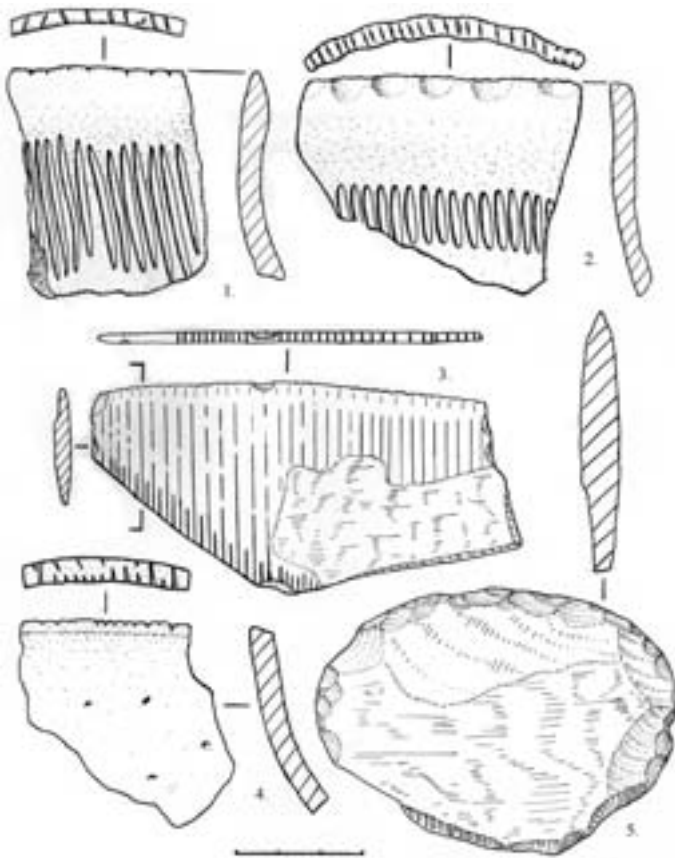

Рис. 2. Неолитические материалы поселения Тыткескень-6.

па (рис. 2 – 1, 2). Причём необходимо отметить, что оттиски гладкого штампа, также как и защипы пальцами и насечки по срезу венчика, скорее всего, связаны с техникой формовки сосудов.

Для анализа техники расщепления и характеристики состава орудийного набора слоя потребуется тщательная камеральная обработка полученных материалов. Предварительно можно отметить, что большинство категорий каменного инвентаря находят аналогии в коллекциях от раннего до финального неолита поселения Тыткескень-2, расположенного напротив Тыткескень-6, на противоположной стороне речки [Кирюшин К.Ю., 2004]. То же касается и керамического комплекса, неорнаментированная посуда представленная горшками с высокой горловиной с плавным переходом от шейки к плечикам, встречается во всех неолитических горизонтах поселения Тыткескень-2 от раннего неолита (конец VII - начало VI тыс. до н.э.) до финального неолита (последняя треть IV тыс. до н.э.).

Отмечая большое количество тождественных элементов в индустриях комплексов Тыткескень – 2 и Тыткескень -6 следует отметить определенные различия, касающиеся планиграфии комплексов. В неолитических слоях поселения Тыткескень-2 фиксируются либо остатки долговременных жилищ (четвёртый горизонт), либо лёгких наземных (горизонты 7, 6 и 4-А). Основная масса находок сосредоточена вокруг очагов и прокалов, число которых достигает иногда нескольких десятков. На поселении Тыткескень-6 очаги и прокалы не зафиксированы, зато в большом количестве встречены хозяйственные ямы, которые на поселении Тыткескень-2 встречены в небольшом количестве в четвёртом горизонте и горизонте 4-А. Планиграфические особенности комплекса также как и каменный и керамический материал требуют дальнейшего серьёзного анализа с целью уточнения хозяйственной специфики и хронологии памятника Тыткескень -6 в ряду неолитических комплексов Горного Алтая.

Примечания

Глушков И.Г., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Специфика формовочных операций в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Древности Алтая. №12. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. С. 3-6.

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Неолит Горного Алтая // История республики Алтай. Том 1. Древность и средневековье. Горно-Алтайск, 2002. С. 85–97.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111-123.

*С.А. Козай, Е.А. Липнина, Г.И. Медведев, В.М. Новосельцева,
Е.Б. Ощепкова, Е.О. Роговской, С.П. Тарakanовский*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ЗОНАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ**

В полевой сезон 2006 года Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии выполняла работы связанные с реализацией крупных региональных и федеральных промышленных проектов. Особенность работ – выполнение масштабных экспертных и спасательных работ в чрезвычайно сжатые сроки. Исследования проводились на разных участках южного и среднего Приангарья. Местонахождения, на которых проводились исследования, имеют разные хронометрические показатели: средневековья и раннего железного века до начала верхнего палеолита.

1. Экспертные археологические работы производились по трассе проектируемой дороги «Кутулик – разрез Головинский» в Аларском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. В археологическом отношении эта часть территории Аларского района была совершенно не исследована. Участок, на котором выполнялись шурфовочные работы, расположен на площади последних километров проектируемой дороги, в районе подхода к головинскому угольному разрезу, 100-150 м юго-западнее околицы д. Кирюшина. В геоморфологическом отношении участок представляет собой край юго-восточного фаса водораздельного плато, расчлененного по периметру падами, выходящими устьями в более крупные долины и синклинали. Шурфы были заложены на конусе выноса, ограниченном с запада и востока падами, выходящими в долину р. Ерма. Гипсометрические отметки, на которых были заложены археологические выработки, 550-555 м. (УМО), 30-35 м. (от р. Ерма). В шурфе № 9, на глубине 0,8 м. был зафиксирован нуклеус для пластин из среднезернистого светлосерого кварцита. Нуклеус одноплощадочный, однофронтальный, выполнен на массивном сколе. Ударная площадка глубокая, препарированная, угол с контрфронтom - 115°. Нуклеус фиксирован *in situ* во фрагментах почвенного горизонта, предварительно определенного возрастом позднего каргинского интерстадиала. В соседнем шурфе № 4, в тех же отложениях был обнаружен палеонтологический материал. Отличительной чертой местонахождения является его удаленность от крупных современных водных артерий и дислокация на водораздельном плато в стратифицированном положении. Абсолютный радиоуглеродный возраст, полученный по кости (бизон) из шурфа № 4, 28230±340 л. н. (СОАН - 6438).

2. Первый участок спасательных работ – местонахождение Костомаха, открытое в 2005 году при проведении археологических экспертных изысканий под строительство газопровода Ковыктинское газоконденсатное месторождение – Саянск – Иркутск. Объект находится на правом берегу Братского водохранилища в 3 км на юг и выше по течению от с. Уда-Уда. Гипсометрические отметки – 439-442 м (УМО), 80-90 м (от уреза Ангары до затопления), 40 м от зеркала Братского водохранилища. Объект находится от береговой кромки на расстоянии 1 км. Общая расчетная площадь объекта – более 40000 м², площадь вскрытия 2700 м². Археологический материал фиксируется в переотложенном состоянии в пачке маломощных верхнеплейстоценовых отложений средних и тяжелых суглинков на глубине от 0,4 м до 1,7 м. Материал преимущественно из кварцита, слабо корродирован. В реестре форм – нуклеусы терминально-краевые, плоско-фронтальные, скребла (плоские, дежете), унифасы, бифасы, скребки и др. Совокупность признаков позволяет отнести материал к «макаровскому» пласту.

3. Осенью 2006 года археологические спасательные работы проводились на территории, испрашиваемой под строительство трассы нефтепроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан в зоне перехода через Усть-Илимское водохранилище (р. Ангара), на правом берегу. На предварительном этапе работ было определено, что трасса проходит по территории местонахождения Адорма. Объект Адорма был открыт сотрудниками ИГУ в 1990 г. (Е.О. Роговской, С.П. Таракановский, Е.М. Инешин). В дальнейшем местонахождение исследовалось в 1996 г. (С.А. Дзюбас, О.В. Задонин, А.В. Луньков). Анализ картматериалов и рельефа дна показал, что уже ко времени работ 1990 года большая часть местонахождения была разрушена волно-прибойной деятельностью Усть-Илимского водохранилища в полосе протяженностью 100-120 м и шириной 25-30 м. На сегодняшний день приблизительная площадь объекта составляет 28000 м².

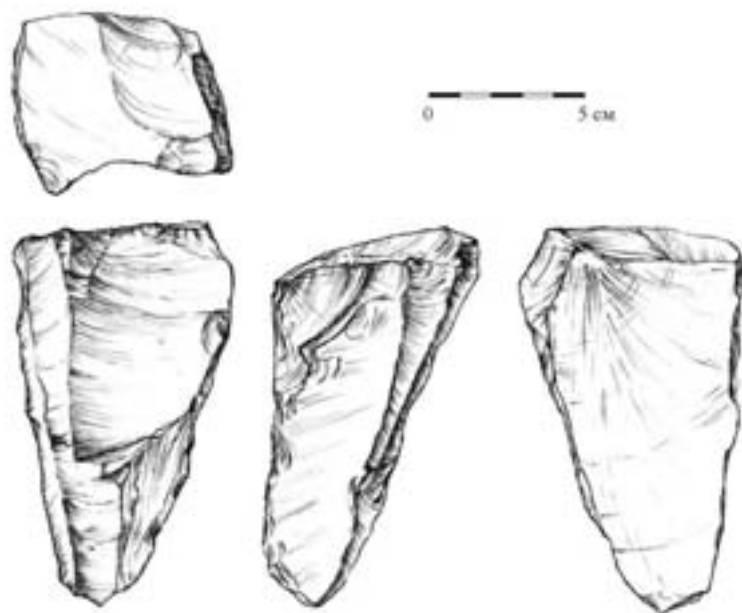
В геоморфологическом отношении участок представляет полого-наклонную поверхность, ограниченную с юга северными склонами хребта, образующими Дубынинский порог. С западной стороны граница обследуемой территории маркируется кромкой размыва Усть-Илимского водохранилища, с востока – западными отрогами водораздела Мудорма-Адорма. Абсолютные гипсометрические отметки участка от 307 м на восточном краю до 310 на западном. В простирании север-юг абсолютные гипсометрические отметки колеблются от 305 до 307 м. Относительные гипсометрические отметки от русла р. Ангара до затопления водохранилища – 20-25 м. Современные относительные отметки от зеркала Усть-Илимского водохранилища у кромки берегового обнажения составляют 12-15 м. Археологический объект Адорма вмещен в супесчаное мультислойчатое тело, заполняющее депрессию коренных пород ордовикского времени, которые обрамляют его с севера, юга и востока.

В процессе работ было заложено 7 раскопов общей площадью 1785 кв. м. на глубину до 1 м. Археологическими выработками выявлена следующая стратиграфическая ситуация:

1 - Кирюшино; 2 - Костових; 3 - Адрия

Рис. 1. Карта мест археологических экспертных и спасательных работ.

Кварцевый нуклеус из местонахождения Кирюшино

1. Темно-серый, почти черный дерновый горизонт, супесь, насыщен корнями растений. Мощность от 0.08 до 0.15 м.

2. Светло-серая с легким коричневатым оттенком супесь, угольки, корни растений, граница с нижележащим горизонтом ясная, отбивается горизонтами железистых стяжек. Мощность 0.2 – 0.3 м.

3. Светло-коричневая супесь, в слое – горизонты железистых стяжек, окраска неоднородная, местами с сизоватым оттенком. Мощность 0.35 – 0.45 м.

4. Сизовато-серая с легким коричневатым оттенком супесь, карбонатизированная, граница с вышележащим слоем ясная, карбонатные новообразования. Мощность 0.45 – 0.6 м.

В слойчатых отложениях, подстилающих слой 4, артефактов не обнаружено.

I культуросодержащий горизонт зафиксирован в средней и нижней части почвенно-растительного слоя. Археологический материал представлен изделиями из железа (нож, наконечники стрел, щипцы), фрагментами гладкостенной тонкостенной керамики с тонкими налепными валиками и мелкими отщепами, и относится к железному веку (XVI-XVII вв - I тыс. л. н.). В I культуросодержащем горизонте зафиксировано одиночное погребение в бересте с сопроводительным инвентарем (ножницы, бронзовый колокольчик, серебряная орнаментированная пластинка, костяной игольник).

II культуросодержащий горизонт, содержащий наиболее многочисленный материал, относится ко второму литологическому слою. В составе археологического материала – многочисленные фрагменты разнообразно орнаментированной керамики, развалы сосудов; каменный материал представлен различными теслами и их заготовками, топорами, ретушированными пластинами, скребками, нуклеусами и отщепами. Культурно-хронологическая принадлежность – бронзовый век (1.5-3тыс.л.н.).

III культуросодержащий горизонт фиксируется в верхней части третьего литологического слоя. Археологический материал представлен фрагментами “шнуровой” керамики и «сетка-плетенка» и и каменными артефактами, среди которых выделяются скребки, нуклеусы, микропластины. Предварительная оценка возраста – ранний бронзовый век - поздний неолит (3-4 тыс. л. н.).

Обширные по площади местонахождения плейстоцен-голоценового возраста в Северном Приангарье известны вне зон акваторий Братского и Усть-Илимского водохранилищ (Берямба, Боковушка, Шаманка, островные местонахождения). Масштабных исследований на них не проводилось. Значение проведенных широкомасштабных спасательных археологических работ заключается в том, что они позволяют представить строение подобных местонахождений.

**ОРУДИЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ПАМЯТНИКА ОРХОН 7
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОГО РАСКОПА)***

Памятник Орхон-7 расположен в отложениях второй надпойменной террасы левого берега р. Орхон, в семи километрах выше по течению от капитального моста в с. Харахорин. Рыхлые отложения, вскрытые тремя раскопами площадью по 50 кв.м., делятся на четыре крупных культурных подразделения, относящихся к мезолиту-финалу верхнего палеолита, к начальному верхнему палеолиту, к среднему палеолиту и к финальной стадии среднего палеолита. Материалы ранневерхнепалеолитического (третьего) культурного подразделения датируются в интервале от 31 тыс. л.н. до 38 тыс. л.н. [Деревянко, Петрин, 1990, С. 163; Деревянко, Николаев, Петрин, 1992, С. 43].

Каменная индустрия насчитывает 1739 экз., из них 25 галек, включая колотые, 38 нуклеидных изделий и 1676 сколов.

Нуклеидные изделия представлены одно- и двуплощадочными монофронтальными плоскостными, двуплощадочными монофронтальными подпризматическими, двуплощадочными бифронтальными, ортогональными торцовыми, радиальным нуклеусами и нуклеидными обломками (6 экз.). Изделия, как правило, истощенные. Согласно данным ремонтажа, основной целью расщепления было получение стандартизированных пластинчатых заготовок двумя, технологически близкими, способами [Славинский, Цыбанков, 2006].

Индустрия сколов включает пластины (284 экз.), отщепы (681 экз.), технические сколы (104 экз.), обломки (115 экз.) и чешуйки (462 экз.).

Орудийный набор

Орудийный набор составляет 42 экз. Наиболее представительными типами орудий являются скребла, скребки, зубчатые орудия и шиповидные изделия.

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 05-01-01356; 06-01-00527а, РФФИ № 04-06-80017, 04-06-80018, 04-06-80439а, гранта интеграционных проект СО РАН по проекту № 1.6 ПСО № 21.1 «Эволюция поведенческих и адаптационных систем древнего человека во время перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Центральной Азии»; гранта интеграционных проект СО РАН фундаментальных исследований по гуманитарным наукам №73 «Становление и эволюция палеолитических культур Северной, Центральной и Юго-Западной Азии»; INTAS YSF 04-83-2680, НШ-7646.2006.6, а также молодежного проекта Президиума СО РАН, грант № 146.

Скребла – 6 экз. Угловатое – 1 экз., продольные одинарные – 3 экз. (прямые – 2 экз., вогнутое – 1 экз.), обушковое – 1 экз., поперечное прямое – 1 экз. Скребла отличаются от остальных предметов орудийного набора наиболее тщательной, сильномодифицирующей и морфологически выраженной обработкой. Обушковое продольное выпуклое скребло, оформленное на краевом латеральном сколе, по левому продольному краю обработано постоянной дорсальной среднемодифицирующей полукрутой однорядной чешуйчатой ретушью с размером фасеток от 2 до 4 мм (см. рис. 6). Угловатое скребло на отщепе обработано по правому продольному и дистальному краям постоянной дорсальной сильномодифицирующей крутой однорядной равнофасеточной параллельной ретушью. Оба участка на орудии, имеют одинаковые характеристики, что позволяет рассматривать их в совокупности (см. рис. 1). Прямое одинарное скребло на обломке гальки оформлено постоянной крутой постоянной среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью. Угол наклона рабочего края был задан случайным изломом. Простое продольное одинарное скребло образовано на краевом полупервичном сколе с пластинчатыми пропорциями. Правый продольный край, обработан постоянной дорсальной сильномодифицирующей крутой крупнофасеточной однорядной чешуйчатой ретушью (см. рис. 10). Продольное вогнутое скребло было оформлено на крупной пластине. Левый продольный край обработан постоянной дорсальной сильномодифицирующей крутой чешуйчатой ретушью, образующей вогнутый контур. Поперечное прямое скребло обработано в дистальной зоне постоянной дорсальной крутой сильномодифицирующей многорядной ступенчатой ретушью с заломами (см. рис. 9).

Скребки – 5 экз. Концевые – 2 экз., угловые – 3 экз. Угловой скребок, изготовлен на асимметричном вторичном отщепе. Скребковое лезвие оформлено на углу между левым продольным и дистальными краями. Оно обработано постоянной крутой дорсальной мелкофасеточной среднемодифицирующей субпараллельной ретушью. Дистальный и продольный край несут на дорсальной поверхности следы постоянной сильномодифицирующей крутой разнофасеточной чешуйчатой ретуши с гораздо более крупными фасетками, чем на скребковом лезвии. Два угловых макроскребка созданы на массивных отщепах. Рабочие лезвия созданы на углах заготовок эпизодической среднемодифицирующей крутой дорсальной субпараллельной ретушью (см. рис. 4, 13). Концевой скребок, оформленный на полупервичном латеральном сколе обработан постоянной отвесной дорсальной среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью. Основной рабочий край второго скребка обработан эпизодической дорсальной отвесной сильномодифицирующей чешуйчатой ретушью с заломами.

Долотовидное орудие – 1 экз. Двухлезвийное долотовидное орудие тщательно подготовлено на обушковой заготовке. Заготовкой послужила галька подпрямоугольной формы, с обеих широких поверхностей которой была частично удалена галечная корка. Прямые лезвия были оформлены при по-

мощи сильномодифицирующей пластинчатой двусторонней подтески и ретуши. Одно лезвие имеет крутой угол между своими плоскостями и дополнительно обработано ступенчатой унифасиальной ретушью; второе полукрутое лезвие подрабатывалось постоянной тщательной бифасиальной ретушью, с одной плоскости фасетки которой имеют чешуйчатую конфигурацию, с другой – ступенчатую (см. рис. 2).

Зубчатые орудия - 3 экз. Заготовками для зубчатых орудий служили: первичные сколы декортикации с пропорциями отщепов – 2 экз., отщеп – 1 экз. Поперечное зубчатое орудие, созданное на отщепе, обработано по дистальному краю постоянной среднемодифицирующей дорсальной крутой ретушью, образующей зубчатый рабочий край. Массивное зубчатое орудие с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра образовано на крупном массивном первичном сколе. Оба продольных и дистальный края оформлены при помощи обивки и ретуширования. Они несут на дорсальной плоскости крупные фасетки постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой крутой ретуши, образующей зубчатый рабочий край (см. рис. 12). Продольное одинарное зубчатое орудие, создано на первичном отщепе посредством нанесения на вентральную плоскость левого продольного края постоянной среднемодифицирующей полукрутой чешуйчатой зубчатой ретуши. Выемчатые орудия – 4 экз. Обычно не подвергались тщательной обработке. В большинстве случаев, кроме анкоша они несут на своих поверхностях лишь свидетельства функциональной ретуши. Заготовками послужили: первичный отщеп – 1 экз., полупервичный латеральный скол – 1 экз., мелкая пластина – 1 экз., и отщеп – 1 экз. Основными рабочими элементами орудий данной группы являются анкоши. В большинстве случаев они оформлялись на вентральной плоскости (см. рис. 3). Одно орудие с вентральным ретушированным анкошем по дистальному краю обработано постоянной крутой дорсальной среднемодифицирующей чешуйчатой равнофасеточной ретушью.

Двойное продольное зубчато-выемчатое орудие – 1 экз., оформлено ретушью по обоим продольным краям. Левый продольный край в дистальной зоне обработан постоянной чешуйчатой полукрутой дорсальной ретушью, образующей зубчатый край. Правый продольный край, несущий дорсальный ретушированный анкош, по всему своему протяжению обработан вентральной постоянной полукрутой чешуйчатой зубчатой ретушью.

Ретушированные отщепы – 14 экз. Орудия могут быть причислены в разряд неформальных орудий, использовавшихся для разовых операций. В качестве заготовок использовались крупные и средние отщепы, а также технические сколы (в основном сколы декортикации). Обычно на заготовке в локальной зоне эпизодической ретушью оформлялся рабочий участок. В качестве отличительной особенности следует указать на частое использование вентральной плоскости скола, особенно в случае, когда в качестве заготовки использовался отщеп с галечной коркой на дорсальной плоскости. Большую часть данной группы орудий составляют сколы с непредна-

меренной прерывистой разнофасеточной ретушью утилизации. Особого внимания заслуживает орудие на крупном первичном отщепе. Продольные края оформлены альтернативной ретушью. Правый продольный край несет фасетки постоянной полукрутой слабомодифицирующей дорсальной чешуйчатой однорядной ретуши с заломами. Левый продольный край в медиальной зоне подработан вентральной эпизодической среднемодифицирующей чешуйчатой полукрутой ретушью (см. рис. 11).

Ретушированные пластины - 2 экз. Одно орудие обработано по обоим продольным краям постоянной дорсальной средне- и слабомодифицирующей дорсальной полукрутой чешуйчатой ретушью (см. рис. 7). Второе изделие несет на вентральной поверхности правого продольного края следы прерывистой немодифицирующей ретуши утилизации.

Шиповидные орудия – 4 экз. Заготовками выступают полупервичные отщепы – 3 экз. и скол треугольной формы – 1 экз. Шиповидные элементы оформлялись эпизодической среднемодифицирующей ретушью, с учетом естественного контура скола. Шиповидный элемент на острие оформлен на дистальном конце эпизодической среднемодифицирующей крутой дорсальной чешуйчатой ретушью.

Проколка - 1 экз. Острый рабочий элемент оформлен на дистальном конце отщепе мелкой дорсальной крутой среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью (см. рис. 8).

Нож – 1 экз. Нож изготовлен на обушковом первичном отщепе. Рабочее лезвие оформлено на левом продольном краю постоянной плоской дорсальной слабомодифицирующей чешуйчатой ретушью (см. рис. 5).

В целом вторичная обработка на памятнике представлена приемами ретуширования, оббивки, подтески и создания анкоша. Основным способом оформления орудий является ретушь, имеющая следующие характеристики: ретушь на орудиях располагалась на продольных краях и, в значительной мере в дистальной зоне заготовок. При расположении на продольном краю, ретушь располагалась по всему краю, либо локализовалась в медиально-дистальной зоне. Обычно фасетки распространялись на $\frac{1}{4}$ часть периметра заготовки и менее. По расположению на плоскости, это, прежде всего, дорсальная обработка, количество преднамеренной вентральной ретуши крайне невелико. По углу наклона превалирует ретушь с крутым углом наклона, несколько меньше орудий с полукрутым. По характеру нанесения большинство орудий с постоянной ретушью, несколько меньше – с эпизодической. Параметр степени силы формообразования не показал явного паритета какого-либо признака. По форме фасеток преобладает ретушь с чешуйчатой формой, следом за ней идет ступенчатая. Фасетки с субпараллельной и параллельной формой редки. Обычно на орудии оформлялся один рабочий элемент. Дополнительные участки ретуши, анкош, либо фасетки ретуши утилизации встречаются достаточно редко.

В данной орудийной индустрии велико количество неформальных орудий, к которым относятся сколы с ретушью, зубчатые и выемчатые орудия,

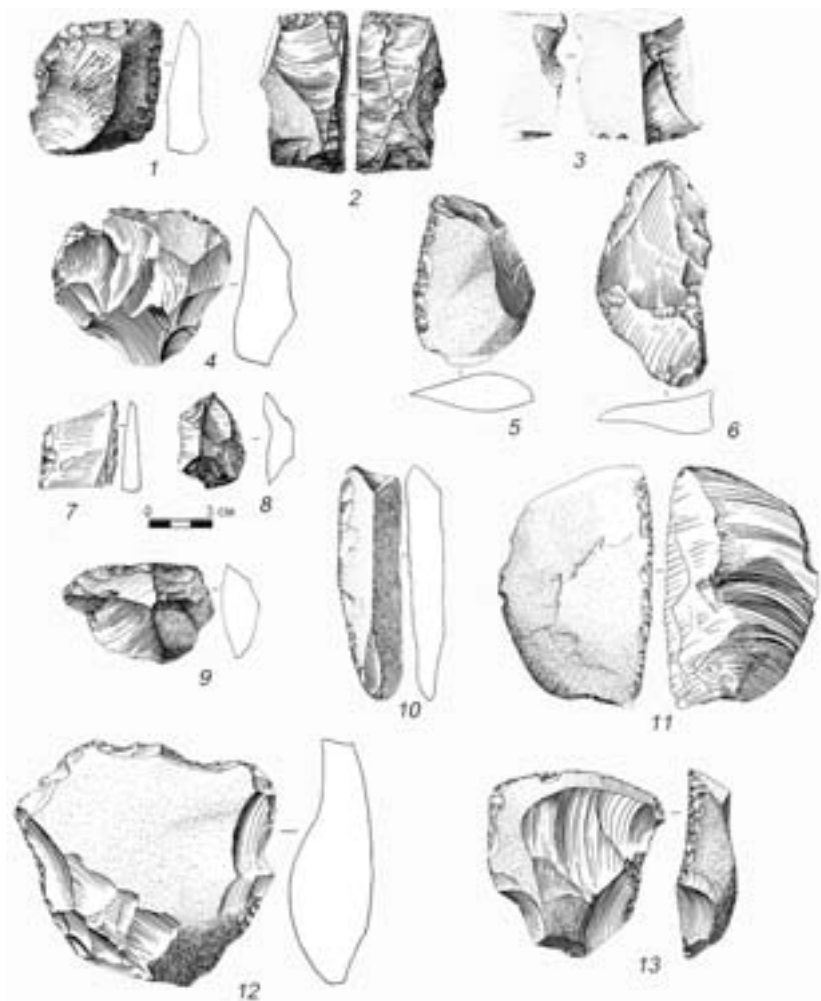

Рисунок. Орудия из коллекции четвертого культурного горизонта первого раскопа.

нож и шиповидные орудия. Исключение составляет массивное зубчатое орудие, оформленное при помощи обивки и ретуши на $\frac{3}{4}$ части периметра, которое было отнесено к орудиям формального типа. К формальным орудиям принадлежат долотовидное орудие, скребла и скребки. Общий процент неформальных орудий в наборе памятника составляет 66 %.

Функциональный тип памятника

Для более полного понимания поведенческих особенностей древнего человека на стоянке нами вводятся следующие соотношения категорий инвентаря [Рыбин, Колобова, 2005]. В расчеты включались только данные

по численности нуклеусов, орудий и сколов. Исключались данные по количеству колотых галек, чешуек и обломков. Показатель эффективности утилизации нуклеусов (соотношение нуклеусы/орудия) показал, что в среднем, с одного ядрища снималось только одно орудие. При этом (соотношение орудия/неретушированные сколы и нуклеусы) на одно орудие приходится более 27 предметов дебритажа. Кроме того, по нашим данным, с одного нуклеуса получалось более 30 сколов, из которых, соответственно, отходы производства составляли 29 экз.

Таким образом, по подсчетам получается, что расщепление на памятнике представляется крайне неэкономичным и неэффективным. Если только не допустить одного варианта – а именно того, что подавляющее большинство целевых сколов-заготовок экспортировалось с территории стоянки.

По данным ремонтажа, целью первичного расщепления была пластина. Общая численность пластин на памятнике – 284 экз., из которых только 31 экз. целых. Все остальные предметы видимо были фрагментированы в процессе первичного расщепления. Они не могли быть сломаны при их модификации в орудия или при утилизации, поскольку отсутствуют как следы вторичной обработки, так и следы работы. Из всех пластин на стоянке преднамеренно в орудие было переоформлено только одно (два других изделия на пластинах несут следы ретуши утилизации). Это говорит о том, что эти оставшиеся пластины и их фрагменты выбраковывались в процессе производства и не рассматривались как вероятные заготовки.

Чешуйки, обнаруженные при раскопках (462 экз.) в большинстве своем принадлежат отходам первичного расщепления, и являются техническими сколами удаления острых кромок пересечения ударной площадки и фронтальной поверхности; и кромок пересечения фронтальной поверхности и латералей нуклеусов [Славинский, Цыбанков, 2006].

Изготовление орудий на памятнике было скорее вспомогательным процессом. В пользу этого свидетельствует их малая доля (2.4 %), невыразительная вторичная обработка, отсутствие устойчивых типологических серий и явное преобладание монофункциональных неформальных или ситуационных форм. Заготовками для орудий служили не целевые сколы, на получение которых был направлен процесс первичного расщепления, а случайные заготовки, удовлетворяющие сиюминутным требованиям для выполнения непродолжительных трудовых операций – отщепы, сколы декортикации, технические сколы.

Не смотря на то, что орудия не образуют устойчивых типологических наборов, значительное присутствие в коллекции таких верхнепалеолитических типов как скребки и долотовидное орудие, в совокупности с данными по первичному расщеплению указывают на ранневерхнепалеолитический возраст памятника.

Все перечисленные факты указывают на явную принадлежность памятника к стоянкам мастерским, основанным на местном сырье, на которых

основная деятельность была направлена на получение заготовок для орудий, которые впоследствии уносились с территории памятника. Остальные виды деятельности на памятнике имели подчиненный второстепенный характер.

Примечания

Дервянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск, 1992. - 60 с. - (Препринт).

Дервянко А.П., Петрин В.Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) //Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз. - Новосибирск, 1990. - С. 161-173.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.- С. 380-395.

Славинский В.С., Цыбанков А.А. Реконструкция технологии расщепления камня технокомплекса Орхон 7 (раскоп 1), Южный Хангай (по данным ремонтажа) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 151-166.

*А.И. Кривошапкин, У.И. Исламов, К.А. Колобова,
К.И. Милютин, А.Г. Мухаммадиев, Н.Е. Белоусова*

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
КАМЕННОГО ВЕКА УЗБЕКИСТАНА
В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2006 ГОДА***

Согласно “Договору о сотрудничестве” между Институтом археологии АН РУз (г. Самарканд) и Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) международная археологическая экспедиция по изучению каменного века Узбекистана продолжила в полевом сезоне 2006 года (июнь-август) раскопки палеолитических стоянок, расположенных на территории Ташкентской области Республики Узбекистан. Помимо узбекских и российских специалистов в работе экспедиции принимали участие ученые из Бельгии, Италии и Израйля.

Исследования грота Оби-Рахмат

Одним из основных направлений работы экспедиции было продолжение полевого изучения стоянки Оби-Рахмат (Бостанлыкский район, Ташкентская область). Данный памятник, индустрия которого относится к эпохе перехода от среднего палеолита к верхнему палеолиту, был обнаружен в 1962 году и исследовался с различной степенью интенсивности вплоть до начала 80-х гг. 20-го века. В конце 90-х гг., из-за появления новых данных, отодвинувших время первоначального появления и распространения человека современного типа на территории Евразии в более глубокую древность, интерес к переходным культурам материка среди мирового научного сообщества значительно возрос. В связи с этим было принято решение о возобновлении работ на археологическом памятнике Оби-Рахмат, в первую очередь для уточнения абсолютного возраста появления верхнего палеолита на территории Узбекистана (и Центральной Азии в целом), а также для реконструкции среды обитания древнего человека в данном регионе. За время работы экспедиции (с 1998 года) помимо представительной серии полученных датировок, презентативной коллекции фаунистического материала (позволившей установить предпочтительные для охоты древнего человека виды животных), значительного объема полученной естественно-научной информации для реконструкции палеоэкологической динамики региона и обширной коллекции археологического материала, в 2003 году были обнаружены костные останки древнего человека, связанные с переходной от среднего к верх-

* Проекты РФФИ № 04-06-80018 и № 04-06-80017, проекты РГНФ № 05-01-01356 и 06-01-00527).

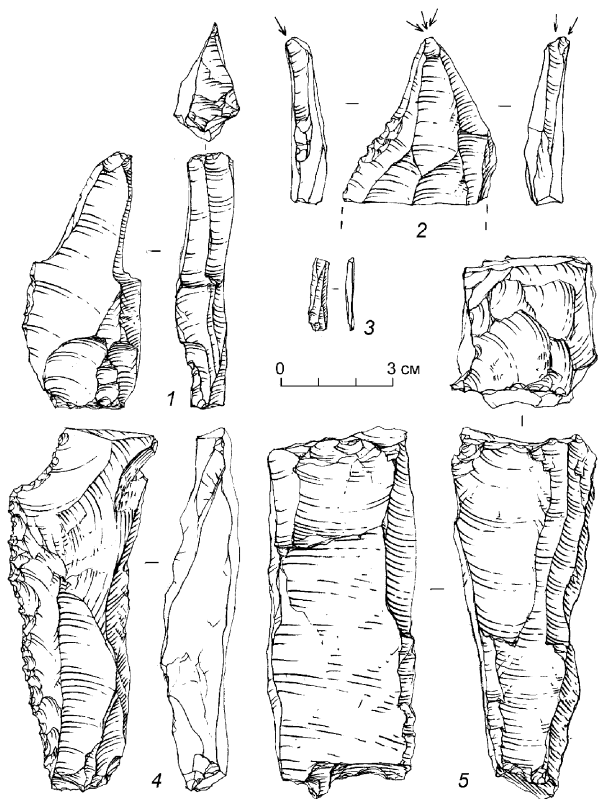

Рисунок 1 Грот Оби-Рахмат. Каменные артефакты из слоев 14 - 15.

нему палеолиту культурой, существовавшей на территории Средней Азии в хронологических рамках между 90 и 40 тысячами лет назад. На настоящее время данные костные останки являются единственными в мире находками, позволяющими соотнести переходные индустрии с конкретным биологическим типом человека, и аргументировано говорить о взаимоотношениях человека современного типа с предшествовавшим неандертальским населением данной территории.

Учитывая значение указанных выше находок, в задачи полевого сезона 2006 года входило расширение площади раскопа и исследование культурных отложений слоя 16 (культурного горизонта, в котором и были обнаружены в 2003 году остатки гоминида). В результате проведенных исследований была пополнена коллекция археологического и фаунистического материала из культурных слоев памятника (слои 14-16; Рис. 1), и, самое главное, были обнаружены дополнительные фрагменты черепа, принадлежавшие древнему индивидууму, найденному в 2003 году. Полученные дан-

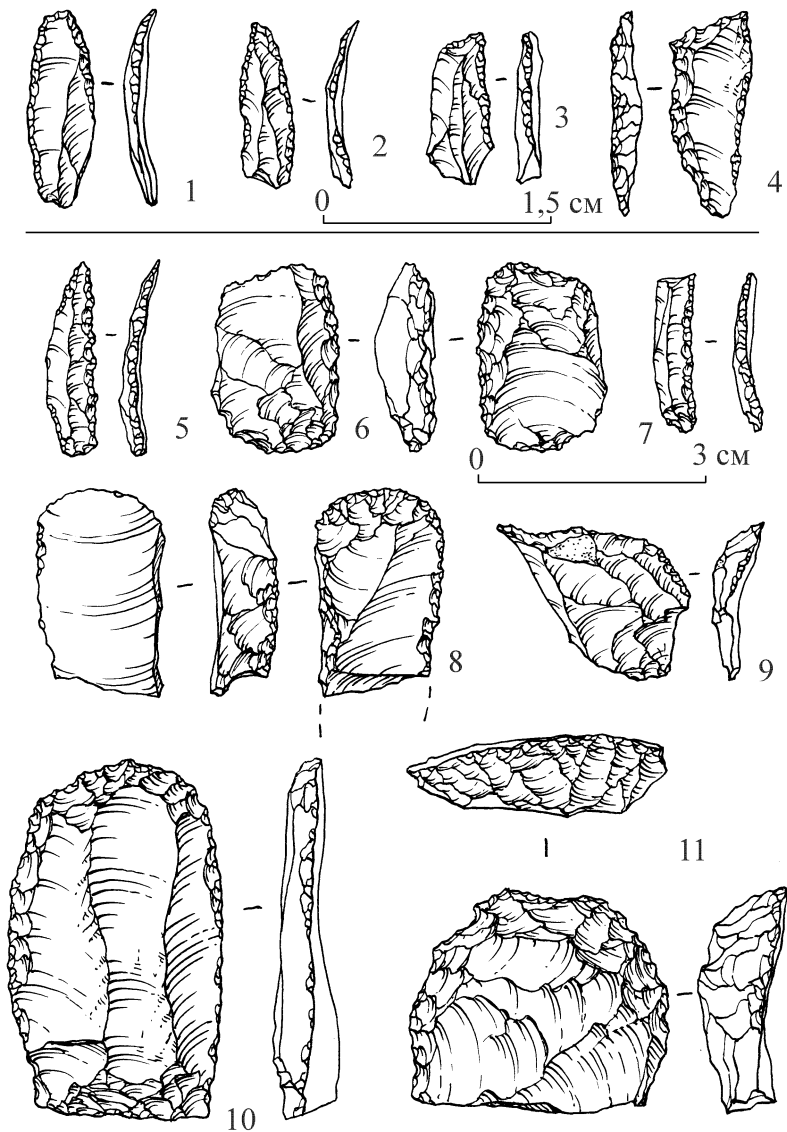

Рисунок 2. Додекатым 2. Каменные артефакты.

ные, как мы надеемся, позволят в лабораторных условиях более полно восстановить и изучить облик обирахматского человека.

Исследования памятника Додекатым

Другим направлением работ отряда являлось начало стационарного исследования верхнепалеолитической стоянки Додекатым, расположенной в

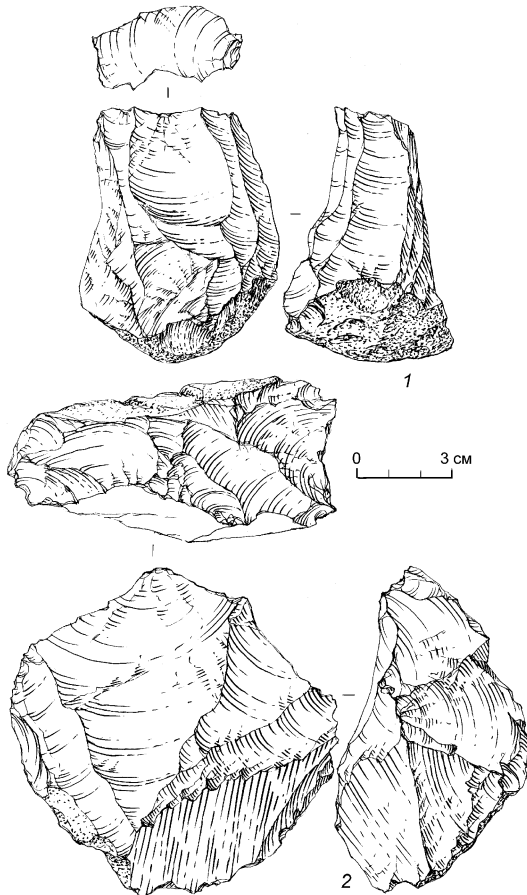

Рисунок 3. Ката-сай 1. Каменные артефакты.

среднем течении р. Пальтау и обнаруженной экспедицией в 2005 году. Результаты предварительного исследования полученной в прошлом году археологической коллекции позволили отнести памятник к средней поре верхнего палеолита, а выполненные в США (радиоуглеродная лаборатория Аризонского университета) определения абсолютного возраста (21-23 тыс.л.н.) указали на значительно более раннее формирование микролитической традиции в Центральной Азии, чем предполагалось ранее. В 2006 году было начато стационарное изучение памятника, рассчитанное на многолетние исследования. Разведочный шурф 2005 года был расширен и на данной площади был вскрыт самый верхний (из 8-ми горизонтов, выделенных на памятнике) культурный слой. Полученные материалы оказались неожиданными, учитывая определения абсолютного возраста - были обнаружены микролитические орудия, традиционно связываемые на территории

Узбекистана с гораздо более поздней (мезолитической) эпохой, что свидетельствует о наличии на территории Узбекистана раннего очага формирования мезолитической культуры (Рис. 2). Дальнейшие планируемые исследования позволят более обоснованно говорить о времени и характере данной индустрии, возможно, позволив выделить на территории Узбекистана древнейший для региона очаг культурогенеза.

Разведочные работы

Помимо стационарных исследований, экспедицией был осуществлен ряд разведочных маршрутов с целью обнаружения новых палеолитических памятников, в частности, в бассейне реки Пскем. В ходе археологической разведки был обнаружен ряд артефактов среднепалеолитического возраста, что свидетельствует о раннем заселении древним человеком данной территории. Полученные в ходе предварительного изучения результаты свидетельствуют о перспективности продолжения исследований в указанном районе, что и будет осуществлено в последующие годы.

Международное сотрудничество и перспективы исследований

Одним из важных итогов работы экспедиции 2006 года стоит назвать установление плодотворного сотрудничества с радиоуглеродной лабораторией Института им. Вейцмана (г. Реховот, Израиль) и Королевским историческим музеем Бельгии. Участвовавшими в работе экспедиции иностранными специалистами были отобраны образцы для определения абсолютного возраста с памятников Оби-Рахмат и Додекатым, а также были взяты образцы с ключевого для региона памятника Куль-Булак. В ходе посещения палеолитического памятника Куль-Булак, участниками экспедиции был обнаружен ряд новых хорошо стратифицированных стоянок каменного века, относящихся (согласно предварительному анализу) к эпохе раннего верхнего палеолита (Рис. 3), т.е. к периоду, наименее изученному для территории Узбекистана.

Таким образом, помимо интереснейших результатов, полученных в 2006 году, итогом работы экспедиции стала выработка научной программы исследований на последующие годы (обеспеченной ранее известными и обнаруженными в ходе работ экспедиции археологическими объектами), осуществление которой позволит реконструировать древнейшую историю Узбекистана (и Средней Азии в целом), начиная с эпохи раннего палеолита и заканчивая финальными этапами верхнего палеолита.

Благодарности

Авторы выражают свою благодарность российским фондам, поддерживающим полевые и лабораторные исследования изучаемых памятников (проекты РФФИ № 04-06-80018 и № 04-06-80017, проекты РГНФ № 05-01-01356 и 06-01-00527). Особую признательность хотелось бы выразить ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Абдульмановой А.В. за прекрасные иллюстрации каменных изделий.

**ПЕТРОГРАФИЯ АРТЕФАКТОВ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЪЕКТА ШАБАРАК-УСУ (ЮЖНАЯ МОНГОЛИЯ)***

Местность Шабарак-Усу (“Глинистая вода,” координаты приблизительно 44° с.ш, 104° в.д, современное название Баин-Дзак, аймак Умнеговь) расположена около хр. Гурван Сайханы - Нуруу в западной части котловины (рис. 1). В 1925 г. участники центрально-азиатской экспедиции Музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса обследовали территорию Монгольского Алтая в районе Гурван-Сайхан [Nelson, 1926; Berkey, Nelson, 1926; Walter A., Jr., 1993]. Здесь в местности Шабарак-Усу геологами Берки и Моррисом, а также археологом Н. Нельсоном как на поверхности, так и в рыхлых отложениях были найдены артефакты. Часть из них Н. Нельсон объединил в шабаракскую культуру. В 1949 г. в местности Шабарак-Усу побывал А.П. Окладников [1951; Ларичев, Волков, 1964]. С поверхности им был собран археологический материал.

Культурные остатки из местности Шабарак лишь частично введены в научный оборот. Комплексный характер исследований геoarхеологических объектов Южной Монголии включает изучение специфики каменного сырья, применяемого населением региона на различных временных отрезках, для чего необходим петрографический анализ. Ранее подобная работа проведена для индустрии грота Чихэн [Кулик, Нохрина, Милютин, 2005].

Для петрографического анализа было отобрано 275 артефактов - нуклеусы, орудия, среди которых как массовые изделия, например, скребки, пластинки, орудия на пластинках, так и относительно редкие типы (двусторонне обработанные). Сравнение индивидуальных особенностей распределения цвета, включений и узора камня позволяет установить идентичность породы различных артефактов, а зачастую их принадлежность к одному и тому же камню, что лучше всего подтверждается их аппликацией. Так, из 46 нуклеусов и нуклевидных сколов 13 имеют соответствие по материалу в орудиях.

Четверть всего материала (55 артефактов) имеет остатки галечной поверхности с характерными трещинками соударения в водном потоке, в том числе: 20 нуклеусов из 37; 9 нуклевидных из 14 и 4 нуклевидных скола из 9. Это означает, что существенная часть сырья для индустрии памятника

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 04-06-80439

Петрографический состав представленной выборки однообразен: 163 экз. (59,3 %) сделаны из кремня, 110 (40 %) – из халцедона. Порода двух артефактов не диагностирована.

Среди кремней определено преобладают разности коричневых и красных тонов (табл. 2), составляя 68 % (111 экз. из 163); 19 % цветных кремней окрашены в желтый и охряно-желтый цвет (31 экз.), меньше – 13 % (21 экз.) - серых, преимущественно светло-серых, кремней, кремней светлой (желтоватой, розоватой) окраски и белых. В 55 случаях распределение окраски носит пятнистый характер. В 28 кремнях заметна полосчатость, иногда резкая за счет изменения зернистости в исходной до окремнения породе – большинство кремней образовано явно по осадочным породам - песчаникам, алевролито - песчаникам, алевролитам и пелитовому материалу, реже – мелкозернистым гравелитам. В некоторых полосчатых кремнях по алевролито-песчаникам наблюдается закономерное ритмичное увеличение зернистости в песчаных прослоях, характерное для флишевых отложений; 29 кремней по осадочной породе обнаруживают брекчиевую текстуру, обломочки брекчии не окатаны, некоторые из них тонкослоистые. В 23 кремнях присутствуют черные дендриты гидроксидов марганца, особенно выделяются охряно-желтые кремни нуклеусов № 761, № 395 и производных от них (или другого куска той же породы) изделий, в которых количество дендритов порой так велико, что кремень кажется темным зеленоватым. В 13 артефактах внутри кремня наблюдаются бурые гидроксиды железа в виде хлопьев, тонкой равномерно диспергированной взвеси, губчатых образований, заместивших мелкие обломочки. Последнее особенно примечательно в том отношении, что означает пребывание брекчированной породы в окислительной среде до окремнения, что свидетельствует о близповерхностном ее образовании. В 15 артефактах из кремней присутствуют окремненные палеонтологические остатки в виде стерженьков длиной до 0,8 мм и до 0,4 мм в поперечнике, со щелевидным каналом внутри, хорошо заметным и в поперечных круговых сечениях.

Халцедоны, в отличие от кремней, имеют преимущественно светлую окраску (90 экз., 81, 82 %); 14 из них бесцветны и полупрозрачны, 9 изделий из молочно-белого до голубовато-белого просвечивающего или фарфоровидного халцедона, похожего на кахолонг, но в отличие от опала более твердого (H=7). Среди серых преобладают светло-серые. Ярко-желтые до охряно-желтых халцедоны составляют 10 % (11 экз.), коричневые разных оттенков и интенсивности – 8,18 % (9 шт.). В 31 артефакте содержатся мембранные трубки, характерные для халцедонов, образующихся в пустотах, в 25 присутствуют гидроксиды железа, которые изредка образуют тонкодисперсную взвесь (3 экз.), чаще же наблюдаются в виде хлопьевидных (7) выделений; в 15 артефактах гидроксиды железа дают мочалковидные переплетения нитей, моховидные и дендритовые агрегаты, росшие в геле кремнезема с оттеснением его в промежутки между ветвями дендритов и последующей кристаллизацией халцедона, реже - совместные с халцедо-

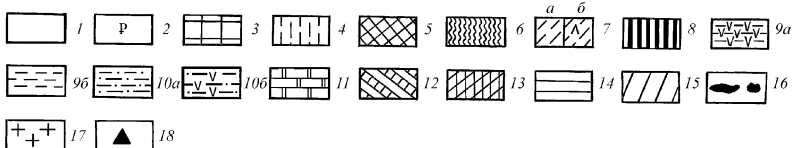
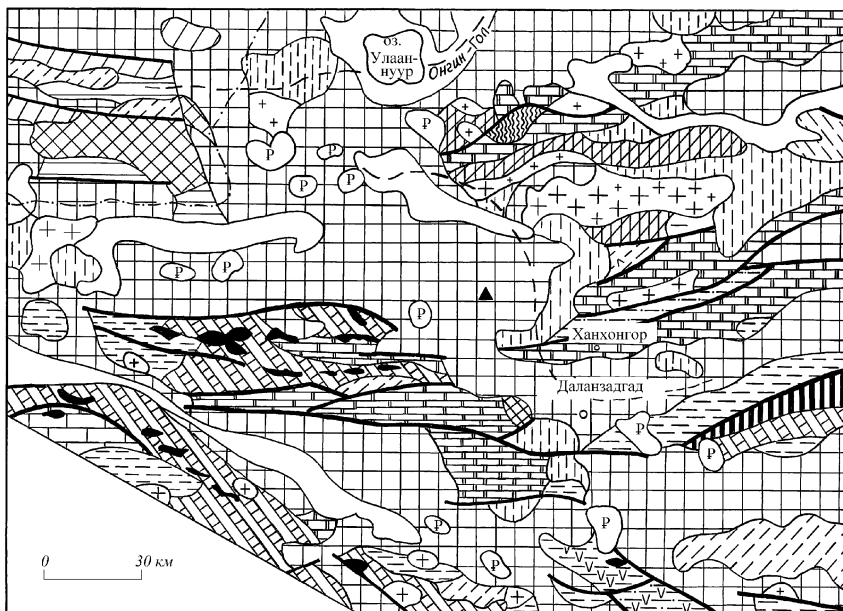

Рис. 2. Схема геологического строения территории в районе Шабарак-усу.

Условные обозначения:

1 – Q, красноцветные и пестроцветные терригенные песчано-щебнистые и песчано-галечниковые отложения; 2 – P (палеоген), щелочные базальты; 3 – K 2 – Kz, красноцветные и пестроцветные терригенные песчано-щебнистые и песчано-галечниковые отложения; 4 – K 1, континентальные осадочные отложения: песчаники, гравелиты, конгломераты, осадочные брекчии, в том числе угленосные; 5 – J 3 – K 1, 6 – J 1-2, континентальные осадочные отложения; 7 – P 2, (а - континентальные осадочные отложения; б – базальты, риолиты); 8 – C3 – P1, континентальные андезиты, андезитобазальты; 9 – C, (а – андезитобазальты; б – морские терригенные и кремнисто-терригенные отложения – яшмово-кремнисто-терригенная формация (кремнистые сланцы, яшмы, аргиллиты, алевролиты, песчаники); 10 - C 1, (а – угленосные континентальные отложения; б – андезито-базальты); 11 - D 1-3, 12 – S - D1, 13 – S, 14 – O2 –S, морские терригенные и кремнисто-терригенные отложения – яшмово-кремнисто-терригенная формация (кремнистые сланцы, яшмы, аргиллиты, алевролиты, песчаники); 15 – V – E1(кембрий), морские базальты и андезитобазальты; 16 – тела зеленокаменноизмененных гипербазитов; 17 – гранитоиды;

18 – местонахождение Шабарак-усу.

ном микросферолитовые агрегаты, узор которых свидетельствует об одновременном начале кристаллизации обоих минералов и более позднем ее завершении халцедоном. Аналогичные включения гидроксидов железа и окислов марганца описаны в халцедонах (агатах) Арц-Богдо, Далан-Туру и некоторых других районов Монголии [Годовиков и др., 1987]. Дважды, благодаря побелению сколовых поверхностей артефактов, в бесцветном халцедоне проявлено концентрически-зональное (агатовое) строение, внутри других халцедонов такое же концентрически-зональное строение наблюдается в многочисленных мелких жездках, центральная часть которых нередко выполнена мелкодрозовым кварцем. Лишь в одном артефакте (скребок № 513) в желтоватом полупрозрачном халцедоне наблюдались палеонтологические остатки – в виде белой окремненной веточки, длина утончающегося к одному концу стволика которой достигает 1,5 см при максимальной толщине до 2-х мм, с отходящими от нее очередными боковыми побегам, окруженными листовыми пластинками. Здесь же видны частично размочаленные на волоконца бесцветные обрывки тех же побегов. По предварительному определению В.А. Лучининой (ИГиМ СО РАН) остатки принадлежат высшему растению, несомненно постпалеозойского возраста.

Галечная поверхность со следами соударений в водном потоке наблюдается у 9 артефактов, и 8 из них – нуклеусы и нуклевидные формы; благодаря слабой окатанности (ОК=1-2), они сохраняют сложную форму пустот, выполнявшихся халцедоном, а иногда и зернистые остатки вмещающей породы или негативные отпечатки покрывавших стенки пустот сферолитов пластинчатых расщепленных кристаллов. В то же время, на такой слабо окатанной галечной поверхности нередко заметно избирательное побеление и ветровая заполировка, что свидетельствует об экспозиции части халцедоновых желваков на поверхности уже после окатывания в водном потоке.

Слабая окатанность желваков халцедона с сохранением сложных извилистых контуров полостей, которые они выполняли, подтверждает близость их источника. Исходя из диспозиции георхеологического объекта Шабарак-Усу можно утверждать, что ближайшим (удаление около 30-40 км) первичным источником кремневого сырья для индустрии являлись выходы девонских пород яшмово-кремнистой терригенной формации южного склона массива Ханхонгор (рис. 2). Поскольку там же породы этой формации размываются рекой, а галечный материал этого вида сырья слабо окатан, можно утверждать, что источником сырья для индустрии памятника были местные мел – кайнозойские аллювиально - пролювиально - делювиальные отложения, в которых обломочным материалом служили разновозрастные породы яшмово-кремнисто-терригенной формации южного и восточного окаймления денудационной равнины [Национальный атлас МНР., с., 43]. Очевидно, что в составе пролювиальных и делювиально-пролювиальных отложений окружения памятника, а также в составе аллювия реки

халцедоны могли находиться в большом количестве. Связь халцедонов памятника с молодым вулканизмом подтверждается включением в одном из артефактов фрагмента несомненно постпалеозойского растения.

Примечания

Годовиков А.А., Рипинен О.И., Моторин С.Г. Агаты. - М: Недра, 1987. - 368 с.

Ларичев В.Е., Волков В.В. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер-сомон, Сулат Хэрэ-обо) // Археология и этнография дальнего Востока. – Новосибирск: редакционно-издательский отдел СО АН СССР, 1964. – С. 147-189 (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь, Вып. 1).

Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Милютин К.И. Петрография артефактов индустрий палеолита и мезолита Гобийского Алтая (по материалам археологических объектов Сууж и Чихэн) // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые факты, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во Института археологии, этнографии и антропологии СО РАН, 2005. – С. 97-103.

Национальный атлас Монгольской Народной Республики (проблематика и научное содержание) /Б.М. Ишмуратов, К.Н. Мисевич, И.Л. Савельева и др. – Новосибирск: наука, 1989. – 240 с.

Национальный атлас: Монгольская Народная Республика. – Улан-Батор: ГУГК МНР; М.:ГУГК СССР, 1990. – 144 с.

Окладников А.П. [Рецензия] // ВДИ. – 1951. - № 4. – С. 162-174. – Рец. на кн.: Maringer J. Contribution to the Prehistory of Mongolia // Publication 34. VII. Archaeology. 7. Stockholm, 1950. - 216 pp.

Эндрьюс Р.Ч. По следам первобытного человека. Экспедиция в Центральную Азию / Р.Ч. Эндрьюс - Л.: П.П. Сойкин, 1927. - 111 с. - (Природа и люди. Прил. к журн. «Вестник знания»).

Berkey Ch. P., Nelson N. C. Geology and Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert // American Museum Novitates. – 1926. – No 222. - P. 1-16.

Fairservis Walter A., Jr. Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. - Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 1993. - 253 p.

Nelson, Nels C. The dune dwellers of the Gobi // Natural History. – 1926. — Pp. 28-32.

Nelson, Nels C. Notes on the archaeology of the Gobi // American Anthropologist. – 1926. – Vol. 28. – No. 1.

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЮЖНОСИБИРСКОЕ ВРЕМЯ

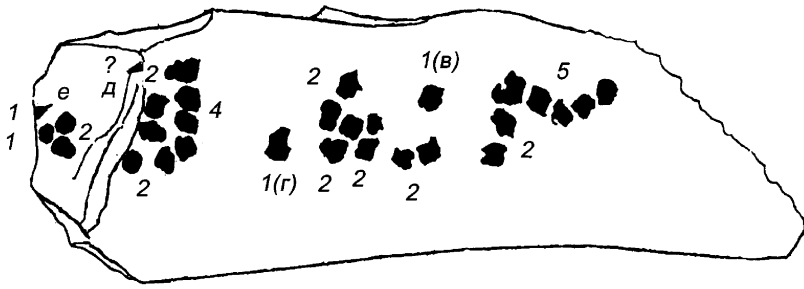
Вводные замечания. «Прочтение» числовых и знаково-образных записей, а также символов на разного вида объектах искусства плейстоценовой эпохи засвидетельствовало высокий уровень астрономических знаний творцов культур палеолита Евразии, отстоящих от современности \approx на 28–20 тысячелетий. Это обстоятельство, а также открытие столь же древних пещерных святилищ со сложно структурированными художественными панно и уникальных погребальных комплексов Сунгири положило начало пересмотру оценок уровня развития интеллекта ранних *Homo sapiens*.

Постановка проблемы. Фундаментальная смена палеолитоведческих парадигм выдвинула на первый план решение новых задач. Одна из них – выявление и введение в научный оборот объектов искусства малых форм, датировка которых выходит за пределы границ XXX-го тысячелетия и восходит к началу появления в Евразии *Homo sapiens*. Такие, пока малочисленные и, часто, фрагментарные материалы обеспечивают, тем не менее, начало изучения истоков его художественного творчества.

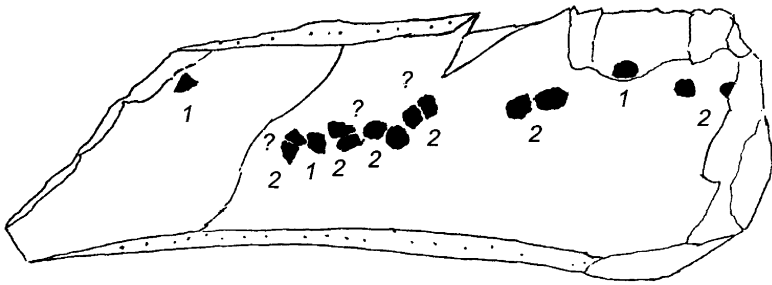
Источники и характерные особенности их. Программная цель исследования. Предметы искусства малых форм с числовыми знаковыми записями, датированные эпохой начала становления *Homo sapiens*, относятся к редкой категории находок. В пределах России известны только два памятника с подобного типа объектами – на севере европейской части, прямо на линии Полярного круга (!) – Мамонтова курья (по радиоуглероду – 35–40 000 лет назад), а на юге азиатской – Малая Сья (по радиоуглероду – 34 500 \pm 450; 33 060 \pm 300).

В докладе представлен результат расшифровки числовых знаковых записей на одной из пластин Малой Сьи.

Вторая пластина со знаковой записью. Технология оформления лунок. Презентация подразделений текста и тестирование чисел, зафиксированных посредством знаков. Массивная, с зауженным дистальным концом пластина была сколота с плоской гальки (незатронутые обработкой участки ее сохранились на краях; образная идентификация изделия затруднительна; см. рис. 1). На вентральной (брюшко; рис. 1, а) и дорсальной (спинка, рис. 1, б) поверхностях размещаются скопления лунок. Они не высверлены и не выколочены, а представляют собой следствие точно расчи-

а

б

Рис. 1. Вторая пластина Малой Ссы;

а – вентральная поверхность (30 знаков); б – дорсальная поверхность (15 знаков); группировка знаков по единицам и двойцам.

танного, сильного и кратковременного (мгновенного) нажима на поверхность, в результате чего от пластины отскакивал микроотщеп, массивный в центре и бритвенно тонкий по краям. Значительная углубленность каверн в точке нажима подтверждает сказанное. На краях отдельных лунок просматриваются тонкие линейные насечки, сделанные, возможно, до начала операции нажима. Поблизости от скошенного края дистального конца пластины просматриваются несколько округлых фигур, исполненных легким процарапыванием. Не исключено, что это следы предварительных разметок участков, где предполагалось размещение лунок. Поверхности части каверн красновато-коричневые по цвету (надо полагать, *следствие преднамеренной окраски их охрой*). Точная фиксация контуров лунок затруднительна вследствие изменений очертаний их при разных углах освещения (см. на рис. 1 а и б знаки вопросов около отдельных лунок).

Большее количество лунок размещено на вентральной поверхности – 30 (рис. 1, а). Они образуют *четыре отдельных скопления*, в каждом из

которых наличествуют одиночные каверны, обособленные от других, образующие пары или иные числовые группы (5, 4; см. на рис. 1, а соответствующие цифры). На дорсальной поверхности лунок вполовину меньше – 15 (рис. 1, б). Из них 9, размещенных в центре, образуют плотное скопление, а остальные – одиночные или парные. В группе из 9 лунок выделяются 4 пары и одна одиночная, объединяющая две левые пары каверн. Одна одиночная лунка размещена в значительном отдалении от других – около края дистального конца пластины (надо полагать, – *факультативный знак*).

Количество лунок на той и другой поверхности и, естественно, общее число их на пластине календарно-астрономически значимо, ибо они кратны синодическому (смещение светила относительно Солнца) обороту Луны:

$$\begin{aligned} 30 \text{ сут.}: 29,5306 \text{ сут.} &= 1,0158 \approx 1 \text{ син. мес.}; \\ 15 \text{ сут.}: 29,5306 \text{ сут.} &= 0,5079 \approx \frac{1}{2} \text{ син. мес.}; \\ (30 + 15 \text{ сут.}): 29,5306 &= 1,5238 \approx 1 \frac{1}{2} \text{ син. мес.} \end{aligned}$$

Подтверждают такое заключение и примечательные особенности группировок лунок на вентральной поверхности пластины (рис 1 а). Если не учитывать единичные (обособленные) каверны в и г в обеих правых группах, то количество оставшихся составит числа 7 и 8, кратные синодическому обороту Луны (в первом случае – с легкой недостачей, а во втором – с легким превышением):

$$\begin{aligned} 7 \text{ сут.}: 29,5306 \text{ сут.} &= 0,2370 \approx \frac{1}{4} \text{ син. мес.}; \\ 8 \text{ сут.}: 29,5306 \text{ сут.} &= 0,2709 \approx \frac{1}{4} \text{ син. мес.} \end{aligned}$$

Третья, размещенная в зоне проксимального конца, группа составлена из 8 лунок и, следовательно, тоже календарно-астрономически значима. Что касается обособленных лунок *в*, *з*, *д*, *е* и группы из 3-х лунок у края проксимального конца, то и они заключают в себе календарно-астрономическую информацию – 1 есть базовое число любой счетной системы времени (сутки, единение двух резко отличных половин – дня и ночи), а 2 (или 3) есть знаменательный период в лунном цикле – количество суток новолуния (ненаблюдаемости светила), когда оно совмещается с Солнцем.

Лунки дорсальной поверхности (рис. 1, б) образуют компактную группу лишь в центральной зоне – 9. Это число кратно *сидерическому* (смещение светила относительно звезд) обороту Луны:

$$9 \text{ сут.}: 27,32 \text{ сут.} = 0,3294 \approx \frac{1}{3} \text{ сид. мес.}$$

Остальные лунки представляют знаки обособленные (единицы) или сгруппированные попарно (двоицы).

Как представляется, доказательств календарно-астрономической информативности записей на обеих сторонах пластины приведено достаточно, чтобы приступить к расшифровке всего текста.

Реконструкция порядка «прочтения» записей. Проигрыш возможных вариантов позволил установить оптимальный (см. рис. 2, а и б): счисление следует начинать с групп лунок вентральной поверхности (а), считывая их справа налево, а затем продолжать его по лункам дорсальной

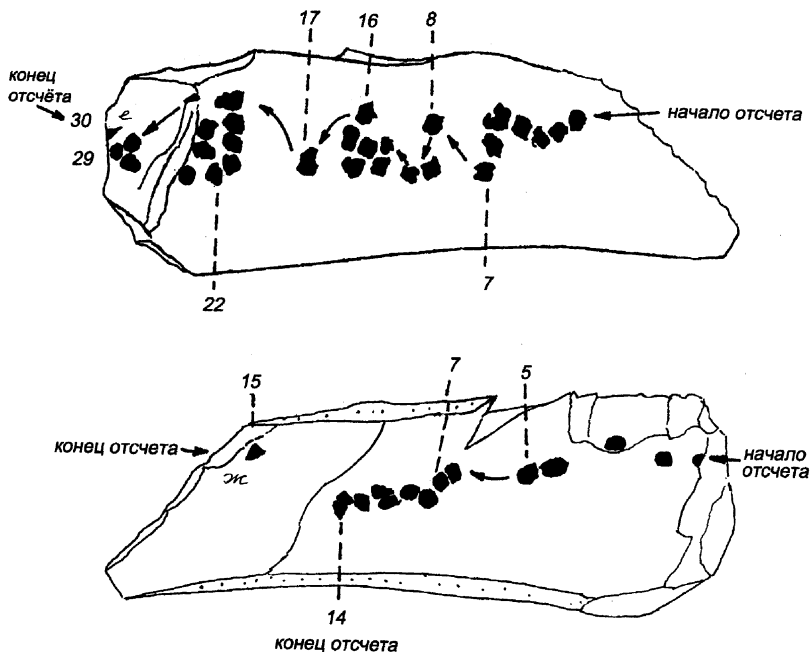

Рис. 2. Порядок считывания знаков второй пластины (указано стрелками). Цифры отражают ключевые моменты синодического цикла.

поверхности (б), считывая знаки в том же направлении – справа налево. В таком случае фазовую значимость обретут лунки 7 и 8 (*единичная!*) – временная граница появления в небе *первой четверти*, если счисление начинать с *новолуния*; 16 – третий (и последний) день наблюдения *полнолуния*; 17 (*единичный знак!*) – начало ущерба диска после трехдневного периода полнолуний; 22 – появление в небе *последней четверти*; 29 или 30 – *новолуние* – завершение синодического цикла. На дорсальной поверхности *первая четверть* очередного месяца придется на первую пару лунок группы 9 (см. число 7), а полнолуние – или на *последнюю пару* той же группы (см. число 14), или на *единичную лунку* 15.

Предложенная реконструкция подтверждает вывод о календарно-астрономической информативности текста и позволяет приступить к восстановлению систем счисления лунного и лунно-солнечного годов.

Реконструкция системы счисления лунного года. Проблема новогодия. После *шестикратного* прохода по 44 лункам текста (*исключается факультатив* – *единичный (периферийный!) знак ж дорсальной поверхности*; см. рис. 2, б) в установленном порядке, *дважды* считывались все 45 лунок, что и вывело на рубеж окончания лунного года:

$$(44 \text{ сут.} \times 6) + (45 \text{ сут.} \times 2) = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Поскольку любые из пар «месяцев» $44 \rightarrow 44$ или $44 \rightarrow 45$ составляют цикл, близкий продолжительности осени (≈ 89 сут.), то новый год начинался в день осеннего равноденствия. Если, однако, первый сезон определяли «месяцы» $45 \rightarrow 45$, то новогодие приходилось на зимнее солнцестояние (зима длится около 90 сут.). Эти предположения верны лишь при допуске того же, что и теперь, позиционирования на эклипике соответствующих точек равноденствий и солнцестояний.

Реконструкция системы выравнивания лунного трехлетия с трехлетием солнечным. После счисления *трех лунных лет* в установленном порядке, в счетную систему вводился *интеркалярный* – 29 лунок вентральной поверхности, не учитывался знак е (см. на рис. 2, а) и 5 лунок дорсальной (см. на рис. 2, б число 5; *эта группа лунок отделена от остальных свободным от знаков пространством*), что и выводило на рубеж окончания солнечного трехлетия, а значит, и *приводило к выравниванию лунного потока времени с потоком времени солнечного*:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + 29 + 5 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,000750 \approx 3 \text{ солн. года.}$$

Возможно, использовался также иной вариант счисления *интеркалярия* – *двукратный проход* по 17 лункам вентральной стороны (*17-й знак четко выделен в записи* – см. на рис. 1, а литеру г или на рис. 2 а число 17). Результат будет тот же:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + (17 \text{ сут.} \times 2) = 1096 \text{ сут.}$$

Второй вариант системы счисления лунного года. Запись на вентральной поверхности пластины (см. рис. 2, а) периода, близкого продолжительности синодического месяца (30 или 29 суток, когда не учитывался знак е), позволяла считать лунный год иначе – без привлечения записи на дорсальной ее стороне. Для этого следовало *отсчитывать время по парам месяцев, принимая длительность их то за 30 суток, то за 29*. Шестикратный проход по таким парам позволял выйти на рубеж окончания лунного года:

$$(30 \rightarrow 29 \text{ сут.}) \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Возможность использования именно такого варианта счисления годового лунного цикла подтверждает числовая система еще одного «объекта искусства» Малой Сьи.

Краткие итоги поиска. Обнаруженные при раскопках Малой Сьи четыре «объекта искусства» со знаковыми записями (один из которых публикуется впервые) представляют вариации разработанной, видимо, по единым правилам и установкам системы счисления времени по Луне и одинаковыми приемами выравнивания лунных годовых циклов с циклами солнечными (*интеркаляция в конце лунного трехлетия 34-х суток*). Во всех знаковых текстах из Малой Сьи четко отражено стремление их создателя выделить периоды фазовых эволюций Луны. Примечательно, что *они отслеживались по весьма архаической, характерной для ашеля и мустье однирично-двоичной системе счета* (сведения о том – в печати).

Введение в научный оборот очередного «объекта искусства» Малой Сии, с числовыми знаковыми текстами, подтверждает сделанные ранее выводы об овладении *Homo sapiens* раннего этапа верхнего палеолита Сибири знаниями по арифметике, геометрии и астрономии, которые позволили ему разработать оптимально удобные системы счисления времени по Луне и Солнцу, ни в чем существенном не уступающие календарным системам восточно- и западноевропейских палеолитических сообществ той же древности. Эти протонаучного характера документы, *предшествующие мальтинским и ачинскому текстам того же содержания* ($\approx 24\text{--}18\ 000$ лет назад), свидетельствуют о сохранении информационных традиций в культурах ледниковой эпохи Северной Азии на протяжении, по меньшей мере, 15-и тысячелетий. Юг Сибири, близкий на юге и западе Центральной и Средней Азии, а через них связанный с Индией и Средним Востоком – регионами, как считается, раннего зарождения интереса к Небу и светилам, входил в зону распространения азиатских культур, творцы которых приравнивали свое земное бытие к временным ритмам бытия Верхнего мира – Неба.

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИХ ОТЛОЖЕНИЙ КАРГИНСКОГО
ВОЗРАСТА РАЗРЕЗА БОЛЬШОЙ ЗАНГИСАН
(ТУНКИНСКАЯ КОТЛОВИНА, ВОСТОЧНЫЕ САЯНЫ)***

В геоморфологическом отношении территории исследования представляет собой серию озеровидных расширений, заполненных песчаными отложениями сложного аллювиально-эолового генезиса. Котловины разделены сужениями, образованными отрогами хребтов Хамар-Дабан и Тункинских гольцов. В предгорьях развиты субаэральные лессовые комплексы четвертичного возраста, определенных как перспективные для поиска палеолитических местонахождений. Большой Зангисан является природным разграничителем Тункинской и Туранской зон. Местонахождение Большой Зангисан ($51^{\circ} 40' 03''$ северной широты и $101^{\circ} 49' 39''$ восточной долготы) находится в 8,5 км на восток от с. Туран, или в 2 км от устья реки Бол. Зангисан (правый приток р. Иркут). На относительных отметках 20-25 м, в нижней части лессовидных отложений зафиксированы прослой погребенного гумуса, предположительно каргинского времени.

Объект был обнаружен в 1983 году, в карьере дорожного строительства, заложенного в большом массиве шлейфа лессовых образований северного склона Хамар-Дабана. В последующие годы были произведены археологические работы, в результате которых, на вскрытой площади были обнаружены археологические материалы в двух позициях: верхний (гл. 0,5-1.0 м) с признаками мезолитической морфологии и нижний, в каргинской (?) почве, верхнепалеолитического облика [Федоренко, 1985, 1987].

Реконструкции палеосреды обитания человека юга Средней Сибири, в частности Восточного Саяна, в период времени, относящегося к каргинскому межстадиалу по-прежнему остается недостаточно изучена. По радиоуглеродным и геоботаническим данным на юге Восточной Сибири рядом авторов для каргинского диапазона установлено пять этапов в изменении палеогеографической обстановки: три потепления и соответственно два похолодания [Кинд, 1974; Белова, 1985; Архипов, 1997; Архипов, Волкова, 1994]. На юге Восточной Сибири, для каргинского межстадиала, было выявлено существование мезофитных разнотравных горно-степных группы

* Работы выполняются при поддержке грантов РФФИ №04-06-80355; Программы РАН 21.1., проект 1.5; Интеграционного проекта СО РАН №73; НИИ №-7646.2006.6

ровок с придолинными смешанными темнохвойно-светлохвойными лесами [Белова, 1985].

Время формирования основания разреза по морфологическим характеристикам педокомплекса отнесено к каргинскому межстадиалу, морской изотопной стадии 3 (MIS3). Мощность всего разреза составляет 5 метров. Отложения каргинского горизонта вскрыты на глубине 500- 430 см (по разрезу 2006г.), вмещенные в шестое литологическое подразделение разреза и представленные темно и светло-коричневой оглиненной супесью в пятичленном строении. Обработка образцов для целей палинологического анализа производилась по стандартной методике [Грачев и др., 1997], с детальностью опробования каждые 5 см. Полученные результаты свидетельствуют об общей закономерности снижения концентрации пыльцы и спор от нижней части разреза вверх и незначительном ее увеличении в верхней части диаграммы.

Анализ полученного материала позволил выделить пять крупных фаз изменения растительности прошлого, что отражает общую направленность изменения климата этого отрезка времени и внутри них девять более мелких флуктуаций, что выделено в палинозоны, соответствующих разным этапам формирования растительности.

Зона I (495-487 см) Poaceae, compositae, Cariophilaceae, selaginella, diphazium, eqvisetum. Формирование СПС (Спорово-пыльцевых спектров) происходило в условиях холодного и сухого климата и близкого залегания вечной мерзлоты. Похолодание климата в нижней части разреза привело к тому, что доминирующими становятся степные ценозы, местами островными участками сохранялись лесотундровые ландшафты. Растительность представлена в основном злаково-разнотравными ассоциациями. Содержание пыльцы древесных пород незначительно.

Зона II (487-475см.) Piceae, P.Sibirica, P. Silvestris, Populus, Larix, Tsuga P.Pumila, Cariophilaceae, Hepatic. Температурный оптимум каргинского межстадиала, время господства елово - лиственнично - сосновой тайги. Тополь получает максимальное развитие. Значительную роль в древостое занимает кедр. Кустарниковый ярус представлен кедровым стлаником и ивой. Этой зоне соответствует максимальная концентрация пыльцевых зерен, спор и процентного содержания пыльцы древесных. Пыльца тсуги встречается в небольшом количестве. Климат этого отрезка времени характеризовался как теплый и влажный.

Зона III (475-467см) P. Sibirica, Piceae, P.Silvestri, sBetula S.A. P. Pumila, Compositae, Cariophilaceae, Ophioglosaceae. Аридизация и похолодание климата привели к сокращению площадей занимаемых темнохвойной тайгой. Усилилась роль березы и лиственницы. Получили наибольшее развитие степные злаково-разнотравные группировки.

Зона IV (467-462 см) Piceae, P. Silvestris, P. Sibirica, P. Pumila, Hepatica, Ophioglosaceae. Восстановление тундровых и степных ландшафтов. Сокращение роли древесных пород наряду с понижением концентрации СПС

на фоне усиления роли кедрового стланика, осок и мхов, климат характеризуется как влажный и холодный.

Зона V (462-457 см) *P. Silvestris*, *P. Sibirica*, *Piceae*, *Betula*, *P. Pumila*, *Betula S.N.*, *Poaceae*, *Compositae*, *Ophioglossaceae*. Усиление аридизации климата привело к увеличению доли лиственницы и доли степной растительности, основу которой представляли злаки и сложноцветные. На хорошо дренируемых участках по долинам рек произрастали ельники. Влажные склоны гор занимали кедровые леса, а на склонах южной экспозиции сосновые леса с березой. Кустарниковый ярус представлен кедровым стлаником и березкой древовидной.

Зона VI (457-447 см) *P. Silvestris*, *P. Sibirica*, *Piceae*, *Compositae*, *Eqvisetu*, *Ophioglossaceae*. Потепление климата привело к расширению площадей занимаемых лесными ландшафтами представленные сосново-кедровыми лесами с примесью ели.

Зона VII (447-442 см) *P. Silvestris*, *P. Sibirica*, *Piceae*, *Betula S.A.*, *Piceae*, *Populu*, *Larix*, *P. Pmila*, *Betula S.N.*, *Artemisiae*, *Ranunculaceae*. Кратковременная незначительная аридизация климата способствовала расширению степных ценозов. В структуре лесного покрова отмечается расширение ареала лиственничных лесов. Сухие склоны и окраины леса заселили березняки. Высокие участки пойм занимают тополевики.

Зона VIII (442-437 см) *P. Sibirica*, *P. Silvestris*, *Larix*, *Piceae Salix*, *Poaceae*, *Ranunculaceae*, *Diphasium*. Увеличение атмосферного увлажнения, привело к расширению площадей занимаемых кедровыми лесами. Увеличилась доля лиственницы.

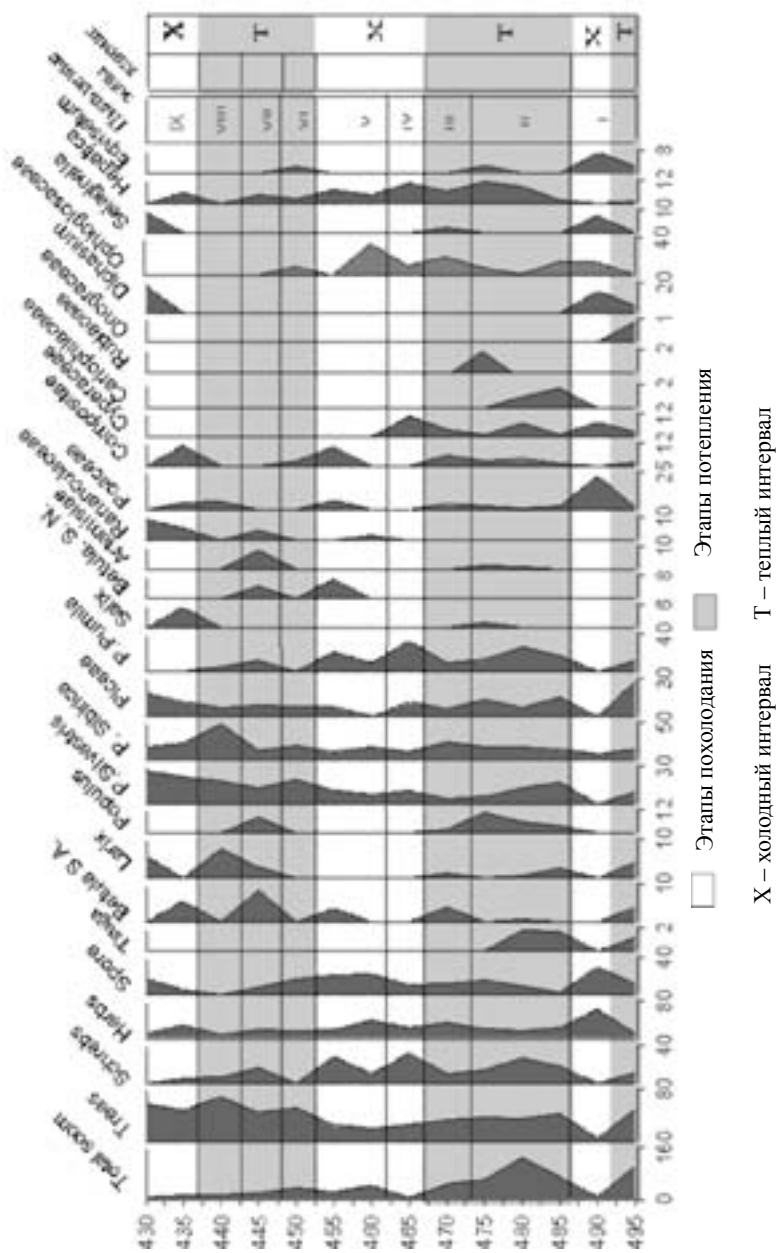
Зона IX (437-430 см) *P. Silvestris*, *Piceae*, *Larix*, *P. Sibirica*, *P. Pmila*, *Poaceae*. СПС отражает похолодание и увлажнение климата, которое имело место на границе сартанского и каргинского периодов.

Анализ полученного материала позволяет говорить о направленности изменения климата в этот промежуток времени, от теплого и влажного климата к холодному и сухому. Похолодание и усиление увлажнения отмечается по СПС в верхней части разреза, с глубины 435 см.

Данные нижней части разреза отражают изменения климата от теплого (495 см) к холодному (490 см). СПС до глубины 487 см формировались в условиях холодного и сухого климата (ермаковского времени - ?). Растительность была представлена, в основном, тундровыми ландшафтами.

С глубины 487 см вверх формирование растительности отражает резкое потепление климата с температурным оптимумом в конце зоны. Время господства темнохвойной елово-кедрово-лиственничной тайги. Высокое процентное содержание ели говорит о ее широком распространении, даже на склонах южной экспозиции, интенсивно инсолируемых, но хорошо увлажненных за счет таяния вечной мерзлоты. Подобные ландшафты в наше время встречаются на территории Якутии [Тимофеев, 2003]. На сухих склонах произрастала сосна и лиственница. Высокие участки пойм рек по мере накопления песка и ила были заселены тополевыми. В небольшом

Словно-пыльцевая диаграмма разреза Зангисан

количестве встречалась тсуга. Кустарниковый ярус представлен кедровым стлаником и ивой. Этой части разреза соответствует максимальная концентрация пыльцевых зерен, спор и процентного содержания пыльцы древесных. Климат был близок к современному и характеризовался как теплый и влажный.

Похолодание климата в средней части разреза (467-452 см) приводит к частичному восстановлению в горах ландшафтов тундрового и лесотундрового облика, широкому развитию на равнинных участках степных сообществ. Хорошо фиксируется, в этот период, два максимума похолодания в образцах соответствующих глубинам 465 см. и 455 см. С глубины 455 и до 437 см. климат становится мягче, но холоднее современного. Верхняя часть диаграммы отражает, по всей вероятности, климатическую обстановку на границе каргинского межстадиала и начала сартанского оледенения с умеренно-холодными влажными условиями. Время господства еловых и сосновых лесов. В целом каргинский межстадиал был холоднее современного межледниковья (голоцен). Климат в этот отрезок времени неоднократно претерпевал ряд изменений. Вопрос о восстановлении климатической обстановки этого времени остается открытым в силу ряда причин, в числе которых отсутствие непрерывных, хорошо датированных разрезов, содержащих полноценный информационный материал.

Определение фаунистических остатков позволило установить наличие фрагмента ребра шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (?), верхних коренных зубов и фрагмента плюсны лошади *Equus* sp., пястной кости благородного оленя *Cervus elaphus*, пяточной кости и фрагмента локтевой кости дзерена *Procapra gutturosa*, костей голеностопного сустава крупного парнокопытного *Bovidae* gen. indet. Найдено было также несколько десятков неопределимых фрагментов костей.

Дзерен и лошадь являются обитателями степей; шерстистого носорога традиционно также относят к видам, связанным с открытыми пространствами. Особенностью палеоклимата зимнего периода можно считать небольшую глубину снежного покрова (не более 15-20 см) для добывания корма дзереном и носорогом. Вполне вероятно, что этому способствовали сильные ветры, обусловившие азральный генезис отложений в бассейне Большого и Малого Зангисанов [Выркин, 1998]. Благородный олень трофически связан с древесной растительностью; хотя имеются исторические сведения о распространении этого оленя в степи [Кириков, 1955]. В восточной части ареала маралы и изюбри отдают предпочтение травянистым кормам [Гептнер и др., 1961], что можно считать реликтовой особенностью, сохранившейся с плейстоцена. На костях крупного полорогого имеются морфологические признаки, свидетельствующие о его приспособлении к быстрому бегу (который возможен и нужен только при обширном открытом ландшафте). Хотя, с учетом возможных стратегий охоты можно предполагать освоение человеком различных биоценозов.

Примечания

Архипов С.А. Хронология геологических событий позднего плейстоцена Западной Сибири // Геология и геофизика, 1997, т.38, №12, С.1862-1885.

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994, С. 36-82

Белова В.А. Растительность и климат позднего кайнозоя юга Восточной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1985, С.68-82

Выркин В.Б. Современное экзогенное рельефообразование котловин байкальского типа. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН. – 1998. – 175 с.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. - Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. – М.: Высшая школа, 1961.- 776 с.

Грачев М.А., Лихошвай Е.В., Воробьева С.С. и др. Сигналы палеоклиматов верхнего плейстоцена в осадках озера Байкал// Геология и геофизика.-1997.-Т. 38, № 5. С. 957-980.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука, 1974, 240 с.

Кириков С.В. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII-XIX веках. Сообщение 3-е // Известия АН СССР, сер. геогр. – 1955, № 1. С. 32-40.

Тимофеев П.А. Леса Якутии. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.- 194с.

Федоренко А.Б. Каменный век Тункинской долины и Центрально-Саянского плоскогорья (проблемы и перспективы) // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез.докл. XXV археологической студенческой конференции. – Иркутск, 1985. – С.108-109.

Федоренко А.Б. Полевые исследования Тункинского отряда // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987. – С.142-143.

**СРЕДА И КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА***

Финальную стадию верхнего палеолита региона представляют сартанские стоянки, организованные в условиях пещер (слои 9 в центральном зале и 6, 5 на предвходовой площадке Денисовой; 14б, 14а, 13, 12, 11г, 11б, 11в, 11а Каминной; 5б и, возможно, 4в Искры) и открытых пространств (слои 4 – 2 Усть-Каракола I, горизонты 1 – 5 Ануя 2), районированные в долине р. Ануй и Каракол. Сартанские отложения в пещерах - это легкие лессовидные или тяжелые пластичные суглинки с продуктами дезинтеграции коренных пород. Отложения открытых стоянок - это легкие лессовидные суглинки, незначительно обогащенные обломочным материалом, иногда образующие глыбово-щебнистые фрагменты разреза, демонстрирующие покровный комплекс 9 – 11 метровых террас.

Хронология объектов основана на датах абсолютного возраста и относительном залегании литологических тел в толщах разрезов, в которых установлена последовательность ландшафтно климатических изменений неоплейстоцена [Деревянко, Шуньков, Агаджанян, 2003; Болиховская, Маркин, 2002]. Вместе с тем, учитывая седиментационные перерывы, зафиксированные в разрезах некоторых стоянок, следует признать, что корреляция ряда объектов с климатостратиграфическими подразделениями сартанского оледенения [Кинд, 1974], произведена с долей условности (табл. 1).

По сравнению с каргинским, начало сартанского времени в регионе, связано с общим ухудшением природной обстановки. По спорово-пыльцевым данным из разреза Ануя 2 в развитии растительности, в связи с первой волной похолодания, происходит регрессивный процесс, выразившейся в существенном снижении верхней границы темнохвойных лесов. В последующий кратковременный период по спорово-пыльцевым спектрам и фаунистическим остаткам из Денисовой и Каминной реконструированы холодные и сухие условия, способствовавшие продолжению деградации лесной растительности и увеличению площади нивальных и степных биоценозов. При таких условиях доминируют разнотравно-злаковые сообщества и кустарниковая флора. В последующую ньяпанскую стадию сартанского времени, по данным из Каминной, на начальном этапе происходит

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 04-01-00528а)

Табл. 1. Хронология стоянок сарганского времени Северо-Западного Алтая

климато-стратиграфические подразделения (Кинд, 1974, 1982) *	Денисова пещера, сл.	Каминная	пещера С14 даты	Искра пещера	Ануй 2 сл.	Усть-Каракол I, сл.
норильская стадия ? 11500-10500 л.н.	11а 11б	10310±330 10860±360	4в ? 5б ?			
таймырское потепление ? 11800-11500 л.н. похолодание ?						
кочеревское потепление ? 13000-12000 л.н.	11в	12160±225				2
ньяпанская стадия ? 15000-13000 л.н.	11г 12 13 14а	13550±140 13870±390 14120±95 14550±230				3 ? 4 ?
интерстадиал ? 16000-15000 л.н.	14б	15350±240				
гыданская стадия ? 22000-16000 л.н.					3 4 5	21280±440 21502±584

* Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. - Тр. ГИН АН СССР, вып. 257, М., 1974
 Кинд Н.В. Некоторые проблемы палеогеографии позднего плейстоцена и голоцена Северной Евразии и Америки. - Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). М., 1982

незначительное смягчение климатических условий, при которых хотя и продолжают доминировать ландшафты с преобладанием разнотравно-злаковых ценозов, происходит незначительное сокращение площади кустарниковых сообществ. При этом комплекс литологических, палеоботанических и фаунистических данных, указывает на достаточно холодные условия накопления отмеченной части разреза Усть-Каракола. Последующая климатическая осцилляция – кокоревский интерстадиал – отражает развитие горно-степных биоценозов на фоне некоторого увеличения влажности климата (по данным из Усть-Каракола) и условия развития перегляциальных лесостепей (по данным из Каминной). В это время существовали открытые степные участки из разнотравно-злаковых сообществ, сочетающиеся с лесными массивами (на более увлажненных местообитаниях) и сухими каменистыми степями (на выходах скальных пород и каменных россыпях). В последнюю норильскую стадию сартана реконструируется следующая последовательность ландшафтно-климатических изменений. Начало похолодания способствует формированию перегляциальных степей в условиях господства открытых злаково-разнотравных, ксерофитных полынных и кустарниковых ценозов. Далее палиноспектры отражают две кратковременные, отличающиеся по сухости и влажности, субстадии – термоксеротическую, при которой, условия способствовали образованию межстадиальных степей и термогигротическую, отразившую расширение площади лесных массивов и развитие лесостепей. На конец норильской стадии в регионе приходится формирование пояса перегляциальных горно-лесных ландшафтов. Остатки мегафауны для второй половины сартанского времени отражают развитие ландшафтов холодных и малоснежных степей [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006].

Искусственные сооружения представлены лишь в горизонтах 4 и 3 стоянки Ануй 2. Это простые, размерами до 1 м, овальные очаги.

Распределение археологического материала на вскрытых участках большинства объектов не образует зон особой концентрации. Лишь в некоторых слоях Каминной зафиксированы отдельные скопления (?) немногочисленных ядрищ, и более выраженные скопления мельчайших сколов, что предполагает наличие специализированных участков по расщеплению сырья и дальнейшей отделке заготовок.

Сырьем для производства технокомплексов сартанского времени преимущественно служил местный материал из русловых галечников р. Ануй и его притоков. Об этом свидетельствуют остатки корочного покрытия на артефактах стоянок и аналогичные породы, встреченные в разрезах аллювия и современных пляжных поверхностей [Деревянко, Шуньков, Агаджанян, 2003; Кулик, Маркин, 2001, 2005]. Это – алевролиты, песчаники, эффузивы, роговики и др. Вместе с тем на памятниках отмечены яшмоиды, объемы которых невелики. Это самое высококачественное сырьем по прочностным характеристикам и восприимчивости к обработке. Отметим, что на долю яшмоидов приходится наибольшее количество мелких пластин в

коллекциях Каминной. Представляется, что сургучные яшмоиды отражают направленный характер отбора сырья. Их нет в галечном материале бассейна Ануя. Вместе с тем, установлена идентичность яшмоидов породам кремнисто-вулканогенно-терригенной засурьинской свиты кембро ордовика, ближайшие выходы которых встречены на высоких значительно удаленных от стоянок поверхностях. К примеру, от Каминной пещеры они отстоят, по меньшей мере, на 30 километрах. И, наконец, при сравнении индустрий Каминной пещеры с другими сартанскими комплексами региона отмечается их грубость, обусловленная большим использованием порфировых разностей вулканических пород. По своим петрофизическим свойствам это отнюдь не лучшее сырье в следствии скрытой трещиноватости и большой угловатости. Достоинства породы - высокая твердость и вязкость, обеспечивающие повышенную прочность артефакта.

Палеолитические технокомплексы северо-западного Алтая, распределенные по стадиям сартанской эпохи, при всей вариабельности инвентаря, выраженной в объемах категорий артефактов, обладают рядом общих особенностей. Техника раскалывания основана преимущественно на параллельном и призматическом расщеплении горных пород, включая микропластинчатые технологии. Последние выражаются в торцовых и в меньшей степени клиновидных ядрищах. В качестве заготовок для большинства орудий стоянок низкогорной части региона в основном использовались пластины и пластинки неправильных очертаний. Если для пещер Искра и Денисова, а также стоянки Усть-Каракол I обычна пластинчатая направленность технокомплексов, то для материалов Каминной, высота которой переходит в среднегорные значения Алтая, удлиненные заготовки менее характерны. Подобную вариабельность, следует отнести за счет качества используемого сырья, которое в Каминной несомненно было хуже. В орудийных наборах стоянок характерно сочетание верхнепалеолитических и архаичных образцов артефактов, что свойственно сартанскому палеолиту Южной Сибири и Центральной Азии. Здесь представлены различные разновидности скребел (продольные одинарные и двойные, поперечные, диагональные, конвергентные), зубчатые орудия, одинарные и ретушированные анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обушками, образованные различным способом, шиповидные орудия и изделия с клювовидной рабочей частью. Значительные объемы набора орудий формируют ретушированные пластины и отщепы, скребки (боковые, концевые, стрельчатые), резцы (угловые, поперечные, реже двухгранные), разнообразные долотовидные одинарные изделия, проколки, редкие овальные, листовидные бифасы и орудия с черенком. Для многих индустрий региона характерен микроинвентарь, прежде всего, в виде пластинок с притупленным прямым или слегка дугообразным краем, реже притупленным концом. В слое 9 Денисовой пещеры обнаружен единственный для палеолита Алтая, если не всей Северной Азии образец геометрического микролита в виде асимметричного сегмента. На ряде памятников обнару-

жены изделия из кости. Так в Денисовой пещере представлены иглы с ушком, проколки, подвеска из зубов оленя, пластина эмали бивня мамонта с искусственным отверстием, пронизки цилиндрической формы из трубчатых костей птиц, кольца из скорлупы яиц страуса, пластины с рядом симметричных поперечных нарезок. Обработанная кость из пещеры Каминная включает иглы овального и округлого сечения, орудия с уплощенным основанием, образцы украшений из клыков животных. В материалах пещеры Искра известны костяные подвески, выполненные из просверленных зубов лисицы, а также пластинка трубчатой кости с субпараллельными нарезками.

Далеко не простой задачей представляется реконструкция региональной хозяйственной и в первую очередь охотничьей деятельности ископаемого человека. Основная масса остатков мегафауны поступила из пещерных толщ. Прежде всего, это животные открытых ландшафтов – лошадь (здесь представлены две ее формы – крупная с кабаллоидными признаками и мелкая – с архаичными признаками в строении зубов и метаподий), далее шерстистый носорог, бизон, архар, сайгак, байкальский як и другие. В Каминной пещере широко представлены кости сибирского горного козла – обитателя скальных биотопов. Таежных обитателей (соболь) не так много. Такие представители мегафауны, как лось, марал, косуля, остатки, которых немногочисленны, предпочитают скорее полуоткрытые лесостепные ландшафты. Вместе с тем, заметное место в тафоценозе пещер занимает пещерная гиена и реже пещерный лев. Высокая степень раздробленности костей, присутствие на многих крупных фрагментах следов погрызов, наличие капролитов, многочисленных костей и зубов со следами кислотной коррозии является результатом пищевой активности пещерной гиены и других хищников. Отделить такие материалы от остатков разделки охотничьей добычи не представляется возможным. Тем не менее, на ряде фрагментах трубчатых костей отмечены тонкие порезы искусственные порезы, что свидетельствует об участии первобытного человека в пещерной аккумуляции остатков костей. Следовательно вправе предположить, что основными объектами охотничьей деятельности являлись массово представленные виды животных - горные козлы, архары, сайгаки, бизоны, лошади, добываемые в условиях ландшафтной мозаичности, характерной для горных стран.

В целом материалы заключительной стадии верхнего палеолита региона свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии ранних технокомплексов, существовавших в этой части Алтая в интервале 28 – 23 тыс. л. н. Речь идет о стоянке Ануй 2, в 6 м – 12 м горизонтах которой обнаружены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, выразительные серии микроострий, пластинок с притупленным краем и ретушным усечением концов [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998]. Подобное обстоятельство свидетельствует, что на значительном отрезке верхнего палеолита северо-западного Алтая

сохраняется устойчивая культурная традиция древнего социума. Последствия развития культуры финального палеолита региона наблюдаются в раннеголоценовой культуре, представленной в Искре, Каминной и Денисовой пещерах.

Примечания

Болиховская Н.С., Маркин С.В. Климатостратиграфическое расчленение отложений стоянки Каминная и позднеледниковые этапы развития растительности северо-западного Алтая // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Материалы совещания. - Смоленск, 2002.

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих сарганского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминная) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. - № 2 (26), с. 2 – 22.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск, ИАЭ СО РАН, 1998.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2001.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрографический состав индустрии финального палеолита из пещеры Искра (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2005.

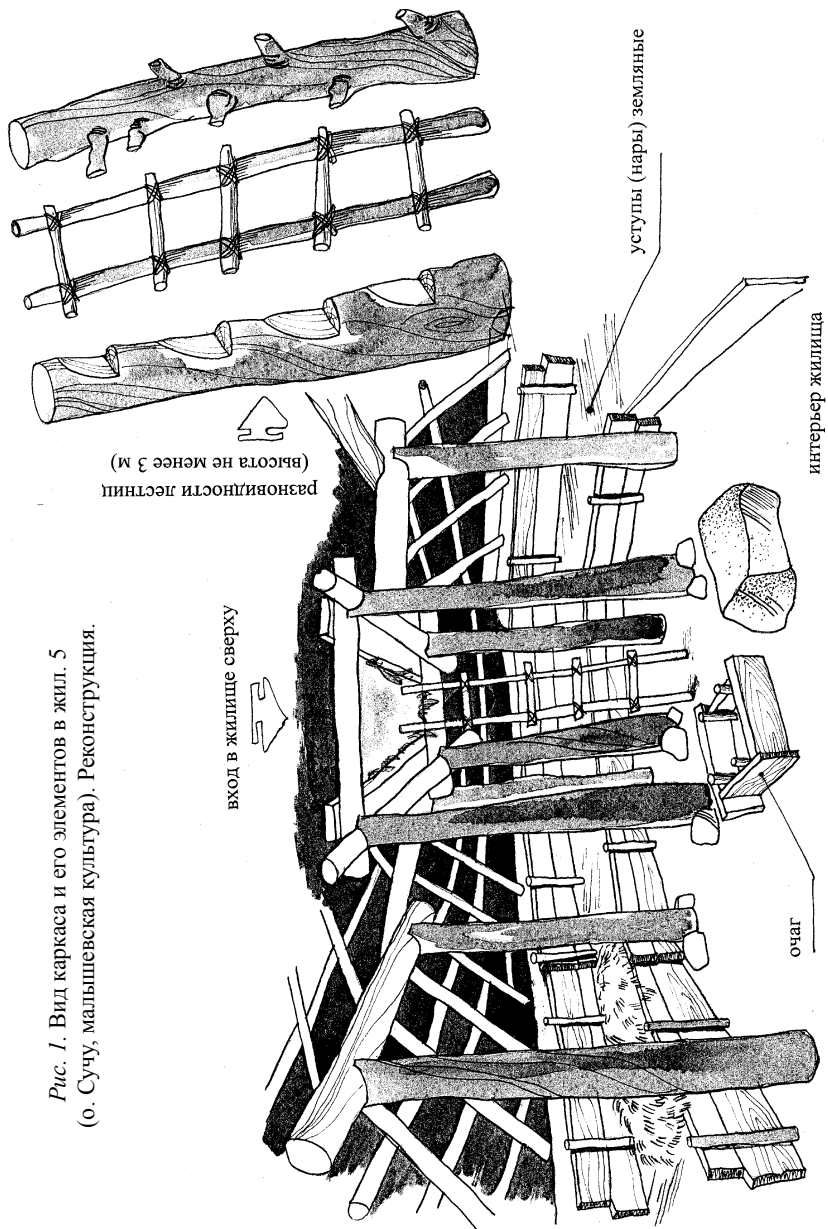
О ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЖИЛИЩ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И ИХ ПРИЧИНАХ (НИЖНЕЕ ПРИАМУРЬЕ) □

В настоящее время в Нижнем Приамурье известны пять культур, отнесенных к неолитическому времени: осиповская (начальный неолит), мариинская (ранний), малышевская (ранний средний), кондонская (средний, частично ранний), вознесенская (поздний). Всего в регионе исследовано около пятидесяти жилых неолитических комплексов. Основным типом долговременных жилищ данной эпохи в Приамурье являются заглубленные своими основаниями в грунт полуземлянки или, реже, землянки. Глубина основания-котлована полуземлянки чаще не более 0,8–1,0 м, а землянки – порой до 1,5–2,0 м. О существовании долговременных жилищ нет пока бесспорных данных лишь по двум культурам – осиповской и мариинской.

Среди пятнадцати раскопанных жилищ малышевской культуры (главным образом на о. Сучу) выделяются строения в основном округлой, иногда округло-вытянутой или четырехугольной с закругленными углами формы. Котлованы, преимущественно полуземляночных, жилищ глубиной, в основном, до 0,6–0,9 м, есть также землянки, впущенные в грунт на 1,5 м и более. Размеры жилищ (от 30–60 м² до 150–180 м²). В центральной части пола жилищ, как правило, располагался очаг (в некоторых случаях 2–3). В большинстве жилищ пол ближе к стенам котлована повышается, образуя ступенчатые уступы, служившие основой для нар или лежанок. Стены котлованов были обшиты плахами или бревешками. В полу жилищ, чаще вдоль стен, обычно много ям от столбов, которые поддерживали наземную деревянную конструкцию. По своему внешнему виду жилище представляло собой уплощенный, сильно усеченный конус или усеченную пирамиду. Ни в одном из малышевских жилищ не обнаружен вход. Их обитателям в качестве входа, видимо, служило дымовое отверстие, к которому была приставлена лестница или бревно (рис. 1–2).

Жилища-полуземлянки кондонской культуры конструктивно близки к малышевским жилым комплексам. Котлованы девяти полностью раскопанных жилищ в поселении Кондон (Почта) в основном в форме окружности, изредка овала. По внешнему периметру резко ограниченных вертикальными стенами котлованов располагались ямы от столбов с интервалом 1–1,5 м. Крупные жилые комплексы (свыше 100–110 м²) на памятнике отсутствовали. Жилища здесь только малых и средних размеров. Уступы

Рис. 1. Вид каркаса и его элементов в жил. 5
(о. Сучу, мальшевская культура). Реконструкция.

вдоль стен в них не обнаружены. Есть еще одна особенность большинства кондонских жилых сооружений: в них зафиксированы от двух до пяти очагов, располагавшиеся на полу. Характерно, что один из очагов (основной) более крупных размеров размещался в центре жилища, остальные – рядом

или в стороне от него. В одном из жилищ основной очаг, возможно, был оформлен деревянной обкладкой [Окладников, 1983, с. 37].

Создатели вознесеновской культуры строили свои стационарные жилища, основываясь в значительной степени на архитектурно-планировочных приемах, выработанных их предшественниками. Раскопанные вознесеновские жилища количественно превосходят аналогичные комплексы всех других культур региона. Всего изучено около 20 жилищ в поселениях: Сучу, Кондон (Почта), Кольчем 3 и других памятниках. Подземной частью жилищ служили вырытые в грунте котлованы глубиной чаще 0,5–1,0 м. Вдоль стен большинства котлованов сделаны уступы – основа нар или лжанок. Очаги располагались обычно в центре жилищ, иногда – у стен.

Наряду с жилищами, во многом схожими со строениями аналогичного назначения более ранних культур, при раскопках вознесеновских жилищ на о. Сучу выявлены новые неизвестные до этого конструктивные элементы. Так, в жилище № 83 (круглой формы площадью 66 м² и глубиной в материке до 2,1 м) отвесные стены котлована в свое время имели обшивку в виде каркасно-столбовых панелей, состоящих из нетолстых бревен, положенных горизонтально полу. В центре жилища в яме располагался мощный очаг. Вокруг него точно по странам света размещались 4 ямы подпрямоугольной с закругленными углами и овальной формы, заполненные супесью с мелкими древесными угольками. Все ямы длиной в среднем 2,65 м, шириной 0,8–1,5 м и глубиной 0,35–0,45 м.

Столь необычное расположение вокруг очага практически одинаковых по форме, размерам и, надо полагать, назначению ям, занимающих значительную площадь пола жилища, дает основание говорить о нетрадиционном использовании его обитателями этого очажно-ямного комплекса. Ямы могли служить, вероятнее всего, местом для сна. В зимнее время люди прогревали своеобразные спальные ямы углями из очага и укладывались в них на ночевку [Деревянко, Чо, Медведев и др., 2003, с. 396, 435]. По углю, собранному на полу жилища, получена серия радиоуглеродных дат в интервале 3645±75 л.н. (СОАН–4873 – 3455±85 л.н. (СОАН–4872)). Следовательно, жилище функционировало в середине II тыс. до н.э.

В другом жилище (№ 84) с округлым котлованом размерами 13,2×15,0 м и глубиной до 2,0 м от дневной поверхности древних выявлены два пола – нижний и верхний. В центре нижнего пола размещался углубленный в плотную глину очаг-топка овальной формы с предочажной ямой. Вокруг очага-топки располагались остатки сгоревшей конструкции – отопительной системы типа примитивного кана. Кан был сделан из плашек и жердей, обмазанных глиной. Конструкция представляла собой нечто похожее на вытянутые ящикообразные трубы, служившие в качестве дымоходных каналов, по которым шел теплый воздух, дым из очага-топки. Кан просуществовал, судя по всему, недолго и после того как сгорел в огне был засыпан слоем супеси толщиной до 0,6 м. На насыпанном уплотненном грунте образовался верхний пол. На нем обитатели жилища соорудили мощный

очаг, который размещался в центре жилого комплекса точно над очагом-топкой кана. Очаг необычной для региона конструкции – в виде массивного каменного ящика прямоугольной формы. К СВ и ЮЗ от очага, вдоль уступов жилищного котлована в форме овальных полудуг отмечены две ямы длиной до 2,7 м, шириной 0,8–1,2 м и глубиной 20–30 см. Ямы без каменной обкладки. Они были заполнены черным углистым грунтом с зольными пятнами, на дне – прокал [Медведев, 2001, с. 271]*. Эти ямы по месту расположения в жилище, размерам, форме, глубине, а также характеру их заполнения во многом соответствуют «спальным ямам» в жилище № 83. Таким образом, в жилище № 84 ранее на нижнем полу был сооружен древесно-глиняный кан, а позже, на верхнем полу, – с двух сторон от очага – «спальные ямы».

Как показали радиоуглеродные даты по углю из кана и очага-ящика, жилище № 84 существовало во второй четверти II тыс. до н.э. (ряд датировок в диапазоне 3825 ± 80 л.н. (СОАН-4112)– 3620 ± 120 л.н. (СОАН-4114)). То есть в целом несколько раньше, чем жилище № 83. Здесь следует обратить внимание на факт присутствия в обоих жилищах «спальных ям», и в то же время отсутствие кана в построенном позже жилище № 83. Видимо, неудачный опыт сооружения ранее кана в жилище № 84 заставил отказаться от его возведения обитателями жилища № 83, кстати, располагавшегося рядом с ним.

Каковы же причины, приведшие к появлению в жилищах вознесенской культуры на о. Сучу глубоких жилищ-землянок, отопительной системы типа кан, а также «спальных ям»? Что касается побудительных причин вообще, то уже в самом определении конструкций в известной степени подразумевается ответ. В районах с холодным климатом человек с глубокой древности с помощью огня обогревал место своего проживания, ночлега. Очаг, огонь в жилище ассоциировался с теплом и уютом (кстати, и с местом термической обработки продуктов питания). Обеспечение жилища типа полужемлянки или землянки необходимым теплом при наличии, напр., одного очага и одинакового объема топлива зависит от ряда факторов: размеров жилого сооружения, его места расположения, характера грунта, в который врыто его основание. С точки зрения перечисленных условий, рассматриваемые жилища к числу оптимальных отнести нельзя. Прежде всего, это относится к жилищу № 84 – это самое большое по площади древнее сооружение среди всех раскопанных в регионе (его площадь вместе с уступами составляет 152 м^2). Следующий признак, неблагоприятно влияющий на сохранение тепла, – неудачное расположение жилищ в самой высокой точке острова (около 40 м над уровнем Амура), где господство ветра неотвратимо. Жилищные котлованы вырыты в песчаном грунте, который трудно назвать удобным для подобного рода построек.

* Первоначально, до раскопок на о. Сучу жилища № 83, автор в 1999 г. принял названные ямы в жилище № 84 за очажные.

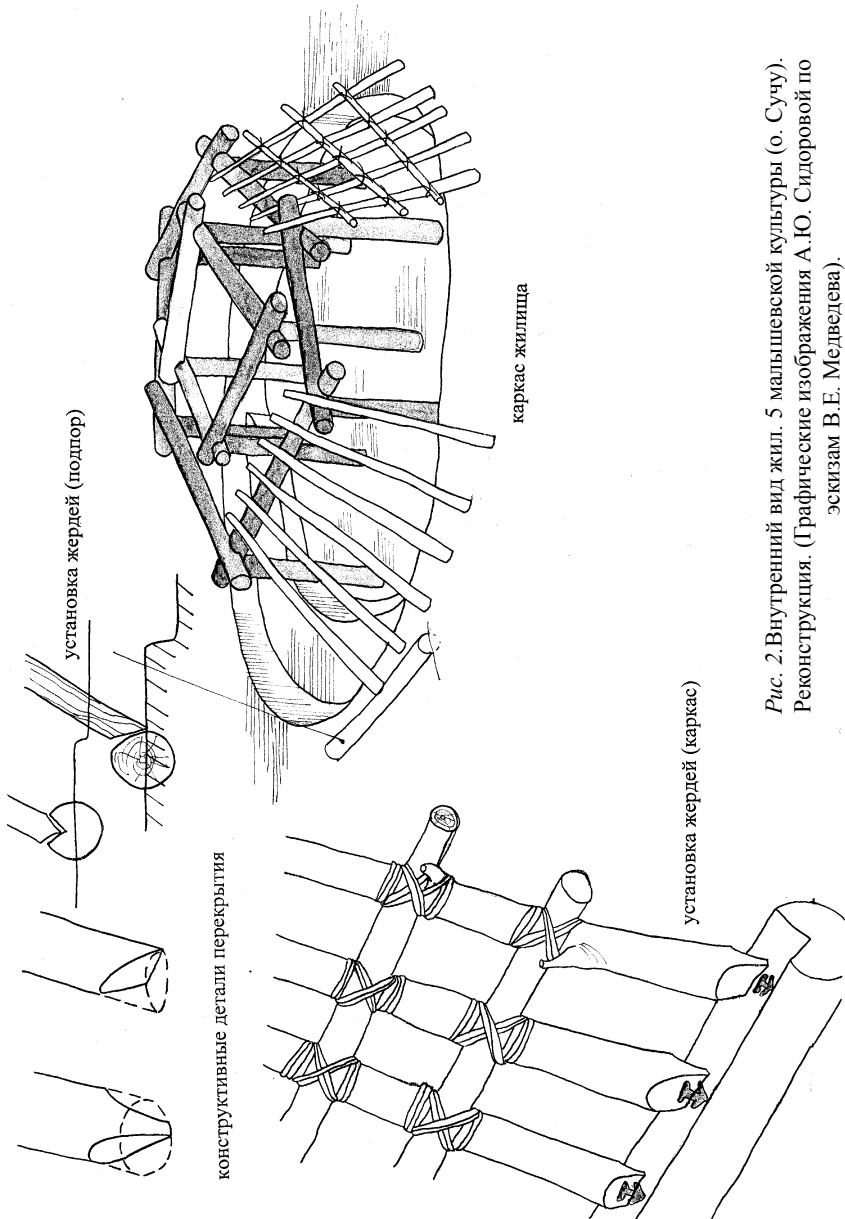

Рис. 2. Внутренний вид жил. 5 мальшевской культуры (о. Сучу). Реконструкция. (Графические изображения А.Ю. Сидоровой по эскизам В.Е. Медведова).

Воздействие этих неблагоприятных факторов обитатели жилищ, надо полагать, сразу ощутили на себе. Поэтому вполне возможно, что естественное стремление людей в достаточной степени обогреть и сделать сухим свое жилье при сравнительно небольших затратах топлива привело их к созданию принципиально нового отопительного устройства, когда из

очага-топки теплый воздух, дым рачительно направлялись по дымоходным каналам [Медведев, 2002, с. 21]. Когда же выяснилось, что древесно-глиняный кан не отличается надежностью (он просто сгорел), соорудившие его люди засыпали кан, весь пол жилища супесью и создали на втором, верхнем, уровне мощный очаг-ящик, а рядом с ним – утепленные горячими углями «спальные ямы». Использовать «спальные ямы» стало, настолько удобно, что некоторое время спустя они были сделаны в соседнем жилище. При этом нельзя не обратить внимание, на то обстоятельство, что все это конструировалось в жилищах с необычайно глубокими котлованами, значительно превышающими рост обитавших в них людей, которые по сути жили под землей.

В данном случае крайне важным представляется, что в соответствии со свидетельствами палеогеографии, время существования вознесеновской культуры приходится на суббореальный период голоцена (4600–3200 л.н.) – более холодный по сравнению с предшествующим атлантическим периодом (около 7500 – 4600 л.н.) [Хотинский, 1996, с. 10, 16]. Конечно же, возникает вопрос: не подтолкнули ли ухудшившиеся климатические условия носителей вознесеновской культуры сделать свои жилища более глубокими, к поиску нового, альтернативного обычному очагу обогревательного устройства (кана), а также к появлению прогреваемых углями своеобразных «спальных ям». Вероятнее всего, именно так и происходило. Будущие раскопки неолитических поселений на нижнем Амуре (прежде всего, на о. Сучу) и, возможно, в соседних районах позволят получить дополнительные свидетельства о существовании в позднем неолите весьма глубоких землянок со «спальными ямами» и, может быть, канами.

Примечания

Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Неолитические поселения в низовьях Амура. Отчет о полевых исследованиях на о. Сучу в 1999 и 2002 гг.: В 3 т. – Сеул: Гос. институт культурного наследия Респ-ки Корея; ИАЭТ СО РАН, 2003. – 1117 с. (на рус. и кор. яз.).

Медведев В.Е. Раскопки на Амуре // Археологические открытия 1999 года. – М.: Наука, 2001. – С. 270 – 271.

Медведев В.Е. Древнейший кан и вопрос поиска оптимального способа обогрева неолитических жилищ Приамурья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – Вып.3. – С.14 – 23.

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.

Хотинский Н.А. Природные условия в неолитическую эпоху // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 10 – 17.

**НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ РЕВНЕВОЙ
(РУДНЫЙ АЛТАЙ)**

В 2004 - 2006 г. Геологический музей НГУ производил работы по отбору образцов для коллекции в различных районах Алтайского края. В ходе работ автором статьи, приглашенным в качестве сотрудника отряда, был сделан ряд наблюдений, касающихся характера распространения каменного сырья, пригодного для обработки древним человеком, а в Змеиногорском районе обнаружен ряд интересных каменных изделий, относящихся к эпохе палеолита.

Изделия были найдены в верховьях р. Логовушки (правый приток реки Малой Белой), берущей начало на водоразделе рек Алея и Белой, в Кипешных горах.

Исток р. Логовушки находится в седловине, образованной г. Ревнюха (1110 м) и соседней с ней скалистой вершиной. Последняя служит прекрасным ориентиром, поскольку ее скальный выход возвышается над водоразделом. Слагающие его граниты представлены на склоне и в седловине курумами, по глыбам которых и течет река в верховье. В русле ее встречаются так же валуны темно-серого мелкозернистого песчаника, послужившего сырьем для изготовления одного из изделий на данном местонахождении. Источником валунов, видимо, служили коренные выходы этой породы, расположенные выше по течению. Однако осмотреть выходы у истока не удалось, так как берега реки покрыты густой таежной растительностью. После выхода из седловины река течет по сравнительно широкой долине, где до 1954 г. по сообщению местных жителей располагалась деревня Борцовка. На этом участке и был собран подъемный материал. Затем каскадом небольших водопадов река входит в узкое ущелье, где прорезает коренной выход породы, получившей широкую известность под названием «ревневской яшмы». Здесь с 1789 г. производилась добыча камня Колыванской шлифовальной фабрикой, основанной в 1786 г. [Родионов, 1987, с. 62, Горная энциклопедия, 1987, с. 62]. О масштабах работ говорит тот факт, что здесь была добыта глыба весом 1200 пудов, из которой изготовлена в 1820-1843 гг. овальная чаша, получившая название «Царица ваз» [Ферсман, 1954, с.144, Родионов, 1987]. Хотя сама каменоломня с начала прошлого века практически не используется, возле нее и ниже по течению сбор подъемного материала невозможен, так как в русле реки и по берегам встречается множество отщепов и обломков кам-

ня, полученных во время добычи и транспортировки блоков вниз по течению к реке Белой.

На участке от выхода реки из седловины до каменоломни в ущелье и были собраны каменные артефакты. Они проецируются на выходы галечника и валунов, среди которых достаточно много отдельностей мелкозернистого песчаника, представляющего наряду с «ревневской яшмой» прекрасное сырье для изготовления каменных орудий. Наличие дороги поблизости заставило провести жесткий отбор изделий во время сбора подъемного материала. Для данной публикации из собранного материала отобраны три артефакта с глубоким химическим выветриванием поверхности («патиной»), имеющие следы систематической обработки.

Сразу после выхода из седловины р. Логовушка принимает правый приток - безымянный ручей, прорезающий террасовидную площадку, на которой располагались дома бывшей деревни Борцовка. В его устье было найдено простое массивное скребло на отщепе, снятом с плитки, естественная поверхность которой частично сохранилась на его спинке. Орудие (78×89×21 мм) массой 200 гр изготовлено из серого кварцита. Поверхность орудия имеет характерную светлую «патину», часть изделия повреждена более свежими сколами. Протяженное выпуклое лезвие на дистальном конце округлого в плане отщепе оформлено крутой крупнофасеточной лицевой регулярной ретушью. Ретушь, видимо, покрывала и другие края изделия, однако сколы позднейших повреждений не дают возможности судить о ее характере. Кварцит, из которого изготовлено скребло в данном месте не обнаружен. Аналогичный материал широко распространен примерно в 5 км южнее, на водоразделе рек Алея и Белой, где на коренном месторождении сырья, получившего название белоречит, добыча его велась карьерами, начиная с конца XVIII до 70-х гг. прошлого века. Материал из коренных выходов выносится рекой Белой и ее притоками и встречается ниже по течению до района села Бугрышиха в гальке и валунах. Следует отметить, что участок естественной поверхности на дорсальной стороне орудия не окатан, что говорит о происхождении заготовки из коренного выхода. Интересно, что «кварцитовая пластина темно – коричневого цвета» обнаружена в Верхнечинетинской пещере [Дашковский, Кунгуров, 2003, с 62]. Данный вид сырья так же характерен для указанного выше месторождения белоречита.

Второе изделие - массивный монофронтальный двуплощадочный леваллуазский нуклеус для пластин весом 2800гр (165×140×90 мм) поднят ниже по течению на правом берегу реки, где дорога подрезала край террасы. Основная ударная площадка нуклеуса прямая, фасетирована по краю после образования ее снятием крупного отщепя. Противолежащая ей вспомогательная ударная площадка гладкая, слегка скошенная. Фронт скалывания подготовлен короткими центростремительными снятиями с латералей и вспомогательной ударной площадки, после чего с основной площадки были сняты две крупных пластины. Негатив снятия последней имеет раз-

меры 140×50мм. Латерали нуклеуса - четкие ребра, оформленные крупными сколами как ударные площадки для снятия с фронта скалывания отщепов подготовки. Контрфронт в центре сохранил участок галечной корки. Заготовкой для нуклеуса послужил слабо окатанный валун песчаника, принесенный течением из коренных выходов у истока реки. Как уже говорилось, такая порода встречается в русле реки и на галечных выходах.

Из другого местного сырья – «ревневской яшмы» изготовлен второй нуклеус, поднятый на галечных выходах на левом берегу реки ниже по течению. Заготовкой для него послужила плитка, поверхности которой ограничивают фронт скалывания с боковых сторон в качестве необработанных естественных латералей. Нуклеус двуплощадочный монофронтальный параллельного принципа расщепления. С двух противолежащих ударных площадок снимались правильные пластины во встречных направлениях. Ударные площадки фасетированные, одна прямая, другая скошенная. Данный нуклеус выглядит не столь архаично, как два предыдущих изделия. Понимая всю предварительность выводов, его можно отнести к более позднему периоду палеолита.

Таким образом, можно предположить, что в описанном местонахождении встречены изделия среднего палеолита - скребло и леваллуазский нуклеус и верхнего - нуклеус со встречнопараллельным расщеплением.

Изделия из «зеленой полосчатой ревневской яшмы» встречены и в Верхнечинетинской пещере [Дашковский, Кунгуров, Смирнова,], расположенной в 50 км. от г. Ревневой. Не исключено, что сырье изделий Верхнечинетинской пещеры (кварцит и «ревневская яшма»), находящейся в Чарышском карстовом районе, происходит из долины реки Белой.

Район г. Ревневой и в целом водораздел рек Алей и Белой интересен тем, что является своеобразной орографической зоной, богатой выходами сырья, промежуточной между бассейном реки Алей, где обследован целый археологический микрорайон и бассейном реки Чарыш, где так же выявлены и исследуются археологические памятники [Кунгуров, 2004б, с. 122].

Дальнейшие петрографические наблюдения над видами сырья древних каменных изделий и уточнение мест выходов горных пород позволит решить вопрос о конкретных путях освоения сырьевых ресурсов группами палеолитических охотников Рудного Алтая [Кунгуров А.Л., 2004, с.20].

Обнаружение у г. Ревневой каменных артефактов показывает, что наряду с уже известными источниками сырья в долине р Алей, где на коренных выходах функционировали палеолитические мастерские, водораздельные участки являются уже со времени палеолита освоенным источником сырья для изготовления каменных изделий.

Достаточно крупные и хорошо изученные в настоящее время коренные месторождения и проявления поделочного камня служили уже в палеолите источниками сырья, и по распространению изделий из него можно проследить связи между отдельными памятниками, пути миграции древних охотников во время хозяйственного цикла.

Примечания

Горная энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1987, -т.3.

Дашковский П.К., Кунгуров А. Л. Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (Средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003, - Т.9, Ч.1, С. 59 – 62.

Дашковский П.К., Кунгуров А. Л., Смирнова Л.В. Археологические находки в окрестностях с. Чинета (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005, -Т.11, Ч.1, С. 291 – 293.

Кунгуров А. Л. К вопросу о «горной» социальной группе палеоантропов Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004а, С. 19 – 21.

Кунгуров А. Л. Итоги исследования палеолитических памятников предгорной зоны Алтая в 2000 – 2004 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004б, -Т.10, Ч.1, С. 121 – 124.

Родионов А.М. На крыльях ремесла (Повествовательная хроника камнерезного дела на Алтае с 1786 года и до наших дней). – М.: Современник, 1988.

Ферсман А.Е. – Очерки по истории камня. - М.: Изд-во АН СССР, Т.1, 1954.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ГРОМАТУХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНИГОВКА НА РЕКЕ ЗЕЕ*

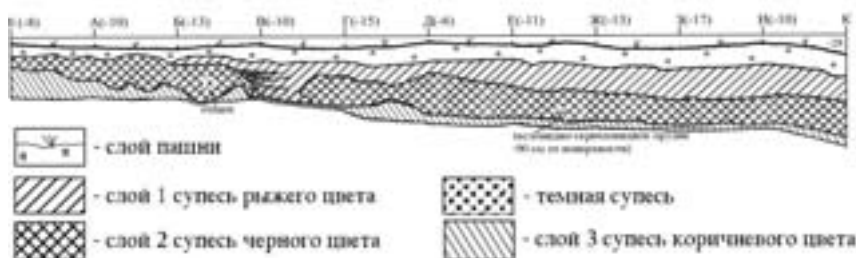
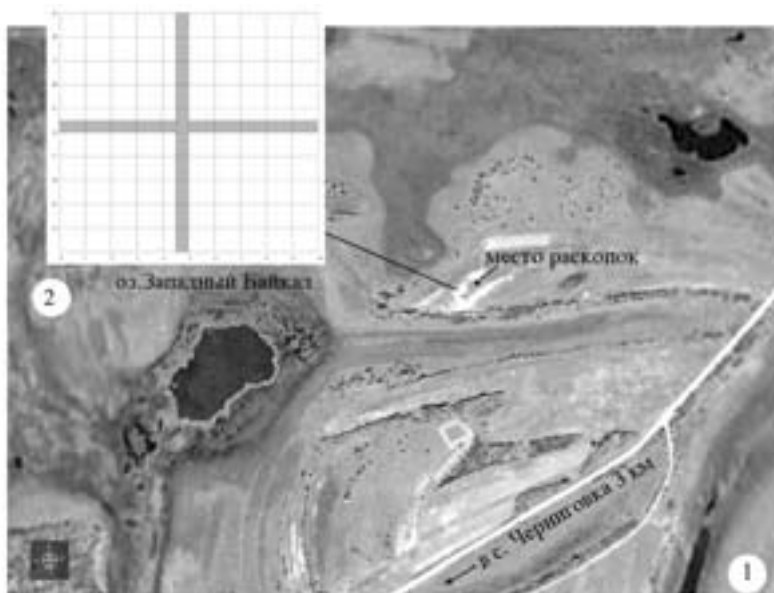
Археологический памятник, получивший при паспортизации название *Черниговка, поселение 1*, был найден в 2005 г. во время проведения разведок отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области». Он расположен в 3 км северо-восточнее с. Черниговка Свободненского района на песчаной рёлке, протянувшейся длиной осью в направлении северо-востока на юго-запад, на высоте 8 м над современным уровнем сырой низкой поймы безымянного ключа. Поверхность рёлки имеет незначительный уклон в юго-западном направлении. Почти все ее склоны пологие, но юго-восточный круто спускается к низине. По северо-западному краю возвышенности произрастает подлесок из монгольского дуба и осины, по юго-восточному краю располагается роща из монгольского дуба, проходит полевая дорога. В 3,3 км к северо-востоку от памятника находится высота 160,1. В недалеком прошлом поверхность релки распахивалась.

Размеры памятника определены по распространению подъемного материала и особенностям рельефа: по оси северо-восток – юго-запад – 520 м; по оси северо-запад – юго-восток – 125 м (рис. 1, 1). Археологический материал в большом количестве встречен на поверхности релки. Поставленный на юго-западной оконечности возвышенности шурф (N 51° 29,156' E 128° 16,978') позволил зафиксировать два культурных слоя, артефакты из которых были отнесены к громатухинской культуре. Кроме того, среди подъемного материала присутствовали незначительные по количеству фрагменты керамики раннего железного века и средневековья [Зайцев, 2006].

В 2006 г. силами Приамурского археологического отряда Института археологии и этнографии СО РАН в месте закладки шурфа на площади 100 кв. м были проведены раскопки. Раскоп (10 × 10 м) был ориентирован сторонами по странам света, примерно, поперек рёлки (рис. 1, 2). На современной поверхности, слабо заросшей полынью и мышинным горошком, сохранились следы вспашки в виде углубленных полос, идущих в меридиональном направлении. На поверхности западин не наблюдается.

В результате раскопок были получены шесть стратиграфических разрезов бровок и стенок раскопов. Разрезы, ориентированные с юга на север

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06–01–00436а

3

Рис. 1. Исследования на памятнике Черниговка-на-Зее в 2006 г.:

- 1 - снимок местонахождения памятника на местности севернее с. Черниговка;
 2 - план раскопа; 3 - стратиграфический разрез западной стенки раскопа

показали, что в современном состоянии перепад между нулевым пикетом и пикетом К составляет 20 см. Однако в древности он был в три раза больше. Поверхность стерильного слоя 3 коричневой супеси между данными точками составляла 64 см (рис. 1, 3). В тоже время разрезы с запада на восток представлены относительно параллельно залегающими слоями. В северном направлении мощность слоев возрастает.

Верхний слой террасы, представляет собой слабо задернованную *пашню*, интенсивно подвергающуюся ветровой и водной эрозии. По сути - вер-

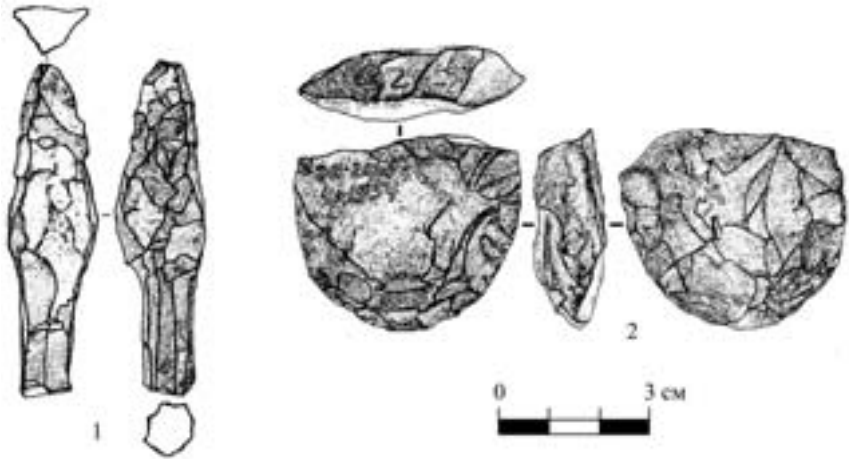

Рис. 2. Каменные орудия из слоя 2 памятника Черниговка-на-Зее:
1 - дротик; 2 - обломок бифаса-дротника

хний горизонт археологического слоя 1. В результате его разрушения часть артефактов оказалась переотложенной. Находки представлены тесловидно-скребловидными орудиями (ТСО), многочисленными отщепами - отходами от изготовления ТСО и других орудий; нуклеусами, фрагментами керамики с травой в тесте черепка, а также немногочисленными обломками керамики раннего железного века (урильской культуры) и раннего средневековья (мохэ). Не разрушенная вспашкой часть **слоя 1** (супесь рыжего цвета) на меридиональных разрезах выклинивается в южном направлении, а подстилающий его **слой 2** (супесь черного цвета), а иногда и слой 3 у южной стенки раскопа залегают сразу под пашней. Мощность слоев возрастает в северном направлении: слоя 1 до 30 - 40 см, слоя 2 до 40 - 50 см. В тоже время, судя по разрезу стенки по линии 10, мощность слоев уменьшается в восточном направлении.

Характер залегания слоев по линиям юг-север и запад-восток могут свидетельствовать о том, что в древности наиболее высокое место («бугор») занимало южную часть рёлки. Севернее данного бугра имелось естественное лагунообразное понижение, которое плавно переходило в низкую пойму. Древнее население, проживавшее на возвышенности, видимо, использовало его для выброса мусора и отходов от производства каменных орудий, сломанные или сработанные вещи и инструменты. Поэтому наибольшая концентрация артефактов наблюдается сразу по древним бугром, с его северной стороны.

Предварительный анализ коллекций из слоев 1 и 2 показывает, что по составу орудийного набора они практически одинаковы. Это - многочисленные тесловидно-скребловидные орудия (скребки по шкурам, по данным д.и.н. П.В. Волкова [1987, с. 82 - 85]) из песчаника и кремния (в мень-

шей степени); тесла; керамика с травой в тесте; конусовидные и клиновидные нуклеусы для снятия микропластин. Несмотря на наличие соответствующих нуклеусов, микропластин встречено мало. Более крупные пластины также малочисленны и чаще всего сломаны.

Однако в слое 2 встречены три каменных артефакта, которые в слое 1 отсутствуют. Одно из них представляет собой черешковый наконечник с треугольным сечением пера (кв. К – 6, -111 см). Грани пера оформлены встречными сколами. Острие притуплено сколом. Черешок образован снятием микропластин по кругу. Общая длина орудия 7,6 см, пера 4,7 – 4,8 см, черешка примерно 2,7 – 2,8 см. Наибольшая ширина грани пера составляет 1,8 – 2 см, Диаметр черешка около 1 см. Его нижняя часть уплощена (рис. 2, 1). Назначение орудия пока не ясно, но не исключено, что это черешковый наконечник дротика. Изделие явно не было закончено и представляет производственный брак, поэтому оно оказалось в мусорной яме. Два других подобных изделия – бракованные заготовки. Найдены также обломки, которые являются фрагментами треугольного в плане пера и округлого в сечении черешка. В материалах неолитических культур на территории Западного Приамурья данные орудия встречены впервые.

Керамика в культурных слоях 1 и 2 представлена, в основном, незначительными фрагментами и скоплениями мелких обломков (например, слой 2, кв. В - 3). В тесте черепков хорошо видна примесь травы. Встречены фрагменты неорнаментированных стенок. Донышки и венчики редки. По краю одного из венчиков нанесены вдавления.

Судя по тесловидно-скребловидным орудиям и керамике с травой в тесте, исследованный участок поселения *Черниговка-на-Зее* можно отнести к раннеолитической громатухинской культуре. Но в отличие от материалов эпонимного памятника Громатуха, расположенного примерно в 80 км севернее, здесь пока не встречены широкие рыбные ножи и наконечники стрел. Рыболовные грузила из плоских галек с искусственными выемками-сколами на противоположащих сторонах тоже не найдены. Но в слоях обнаружены небольшие уплощенные галечки с естественными выемками (1 экз.) и желобками (2 экз.), которые предположительно можно отнести к рыболовным грузилам. Найденный в слое пашни небольшой треугольный в плане наконечник стрелы из халцедона относится к эпохе раннего железного века (урильской культуре). Общее количество артефактов из раскопок составило 7640 единиц.

В результате исследования памятника Черниговка-на-Зее были получены материалы, сочетание которых характеризует раннеолитическую громатухинскую культуру Западного Приамурья. Этот комплекс включает тесловидно-скребловидные орудия различных форм; конические и клиновидные микронуклеусы и микропластинки; бифасы (рис. 2, 2); острия с черешком и треугольным в сечении пером (дротики?); керамика с травой в тесте в качестве отошающей примеси; отпечатки колотушки с намотанной веревкой на внутренней и внешней поверхности сосудов. Встреченный на

памятнике наконечник стрелы на пластине, аналогичный наконечникам с памятника Новопетровка-III, позволяет предварительно датировать Черниговку-на-Зее 8500 – 9350 л.н. [Нестеров и др., 2005, с. 170] Возможно, данный «чистый» комплекс позволит вычленить артефакты громатухинской культуры из слоя 2 стоянки Громатуха, содержащего материалы других неолитических культур.

Примечания

Волков П.В. Тесловидно-скребловидные орудия громатухинской культуры // Древности Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, - 1987. - С. 82 - 85.

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Свободненском, Мазановском, Серышевском, Белогорском, Завитинском, Михайловском, Бурейском, Архаринском, Шимановском районах Амурской области в 2005 г.//Архив ИА РАН.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Канг Чан Хва, Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Иمامура М., Сакамото М. Результаты радиоуглеродного датирования эпонимных памятников громатухинской и новопетровской культур Западного Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 168 – 172.

*В.М. Новосельцева, Е.В. Безрукова, Е.Б. Ощепкова, А.Б. Федоренко,
А.А. Абзаева, П.П. Летунова, Х. Като, М. Есида*

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИГЕТЕЙСКИЙ ЛОГ III. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ 2005 ГОДА

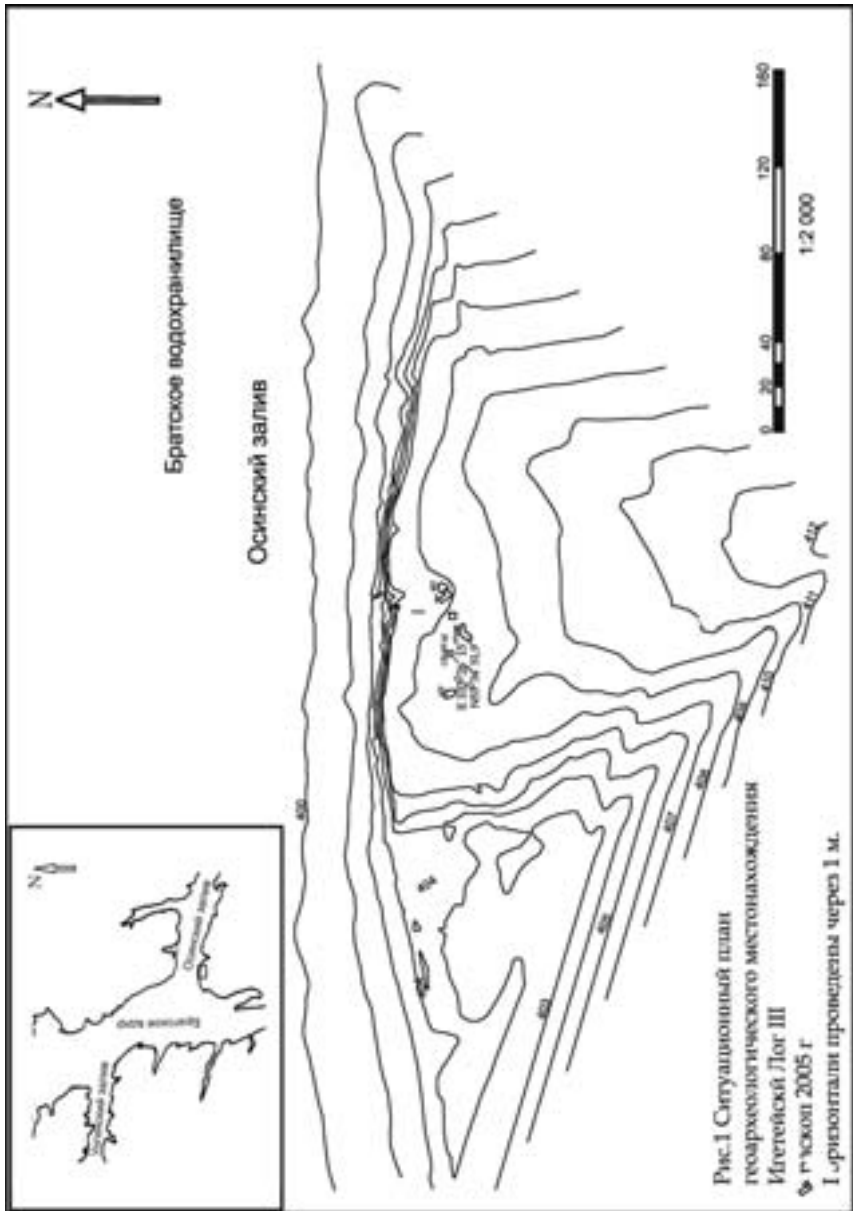
Местонахождение Игетейский Лог III территориально принадлежит Игетейскому геoarхеологическому полигону, входящему в состав Игетейский геoarхеологический район оперативного изучения (рис. 1). Игетейский исследовательский полигон, включающий местонахождения Игетейский Лог I, II, III, Игетейский пляж I – IV, гора Игетей I, находится на южном берегу Осинского залива Братского водохранилища в 206 км от г. Иркутска и в 266 км от истока р. Ангары. Местонахождение Игетейский Лог III находится в 700 – 800 м восточнее Игетейского Лога I с гипсометрическими показателями 6 – 7 м от уровня Братского водохранилища и 36 – 40 м от бывшего уреза р. Ангары (407 м от УМО). Местонахождение Игетейский Лог III было открыто в 1970 г Н.И. Дроздовым и Г.И. Медведевым и значилось Игетейским пляжем III.

Летом 2005 г на мысовидном участке правого борта Игетейского Лога III был заложен постоянный репер № 1 с координатами N – 53°34'51.9" E – 103° 26' 15". Проведены топографическая съемка и профилирование участка, выполнены раскопные работы. Раскоп 2005 г., площадью 16 м² был заложен в 3 м восточнее шурфа 1988 г, на запад-северо-запад от раскопа в 12 м выполнена зачистка восточной стенки траншеи 1990 г, площадью 4,5 м² и на выходе траншеи 1990 г в современную стенку размыва и на удалении 20 м от раскопа заложена береговая врезка площадью 6 м². Средняя вскрытая глубина составила 4,20 – 4,50 м. Из раскопа, зачистки и врезки были взяты образцы и керн на абсолютное датирование, палинологический анализ и гранулометрию.

Вскрытые отложения в раскопе представлены в следующем виде (рис. 2):

Мощность в м

1. Почвенно-дерновый горизонт (Н1 2)	0,3-0,4
2. Светло-бурый суглинок (Н1 1)	0,3-0,4
3. Гумусированный суглинистый горизонт серо-бурых тонов границы плейстоцен-голоцена (аллеред, кокоревский интерстадиал). Границы достаточно отчетливые. Нижняя граница деформирована инволюциями	0,1-0,3
4. Лессовидные пылеватые серые суглинки. Пористые, сильно карбонатизированные (Sr ₂)	0,4-0,5
5. Пачка слоистых субэдральных средней и мелкой зернистости песков	

и супесей палево-бурых оттенков с оглееными прослоями, с карбонатными слоями и затеками, границы четкие, с карбонатными стяжками и включениями окислов железа. Верхняя граница изобилует мелкими и средних размеров трещинами (Sr_3) 0,9-1,0

б. Пачка палево-бурых суглинков. Граница кровли отмечена карбонатным прослоем мощностью 0,02 -0,03 м. пачка сложена оглееными суглин-

ками палево-серого цвета с включениями карбонатов и окислов железа в средней и нижней части пачки. В нижней части суглинки слабогумусированы. Границы кровли и подошвы четкие 0,3-0,4

7. Пески слоистые субаэральная средней и мелкой зернистости с прослойками супесей палево-серого цвета. Карбонатизированные с включениями окислов железа ($Sr_{2,1}$) 0,3-0,6

8. Суглинки средние лессовидные палево-бурые, карбонатизированные с железистыми примазками. В подошве зафиксированы артефакты из камня и осколки кости. Границы четкие, волнистые ($Sr_1-Kr_3?$) 0,2-0,3

9. Суглинки слоистые гумусированные средние и тяжелые от темно-бурого до розовато-бурого цветов. В подошве зафиксирован один артефакт и фаунистические остатки по всей мощности пачки. Нижняя граница нечеткая, разорванная. Солифлюцированная почва (Kr_2) 1,5-2,0

10. Суглинки средние, лессовидные однородные, палево-бурые розоватые, карбонатизированные. Нижняя граница нечеткая ($Kr_{2,1}$) 0,2-0,5

11. Суглинки средние палево-красные, лессовидные ($Kr_{2,1}$). Видимая мощность до 1,2

Профиль не пройден до конца и раннекаргинские суглинки ниже 4,50 м не вскрыты. К почвенному профилю можно отнести слои 8–11. Мощность видимой части резко уменьшается в северном направлении и фактически выклинивается к береговому обнажению. В зачистке № 2 мощность почвы составляла 0,2 м.

Коррадированный археологический материал был зафиксирован переложением в горизонте 8 и представлен 21 экземпляром: 19 артефактов и кластический материал – 2 экз. Кластический материал представлен кремнем, все артефакты выполнены из кварцита. В составе 19 артефактов: 11 – сколы, 1 – нуклеус, 2 – оббитые гальки, 2 – фрагменты пластин, 2 – фрагменты неопределимых изделий, 1 – чешуйка.

На пляже были собраны предметы в количестве 10 экземпляров: 3 нуклеуса, 4 скола, 1 скол с ретушью, 2 скребка. Нуклеусы оформлены на гальках кварцита, одноплощадочные, однофронтальные (3 экз.). Скребки – 3 экз. оформлены на кварцитовых сколах.

Методом палинологического анализа исследованы 12 образцов из почвенных отложений, возраст которых может быть отнесен к каргинскому мегаинтерстадиалу – временному аналогу морской изотопной стадии 3 (в дальнейшем МИС 3). Образцы для целей палинологического анализа подвергались процедуре химической обработки согласно методике для экстракции пыльцы из бедных органической составляющей отложений, рекомендованной PALE (1995). Из 12 образцов только 6 содержали репрезентативные спорово-пыльцевые спектры (СПС) с достаточным количеством микрофоссилий (больше 100), необходимым для проведения реконструкций облика палеорастительности и климатических условий ее существования.

В целом, в составе СПС определены пыльца и споры 42 таксона растительности разного ранга. Из этого разнообразия выделены наиболее информативные индикаторы палеоклимата.

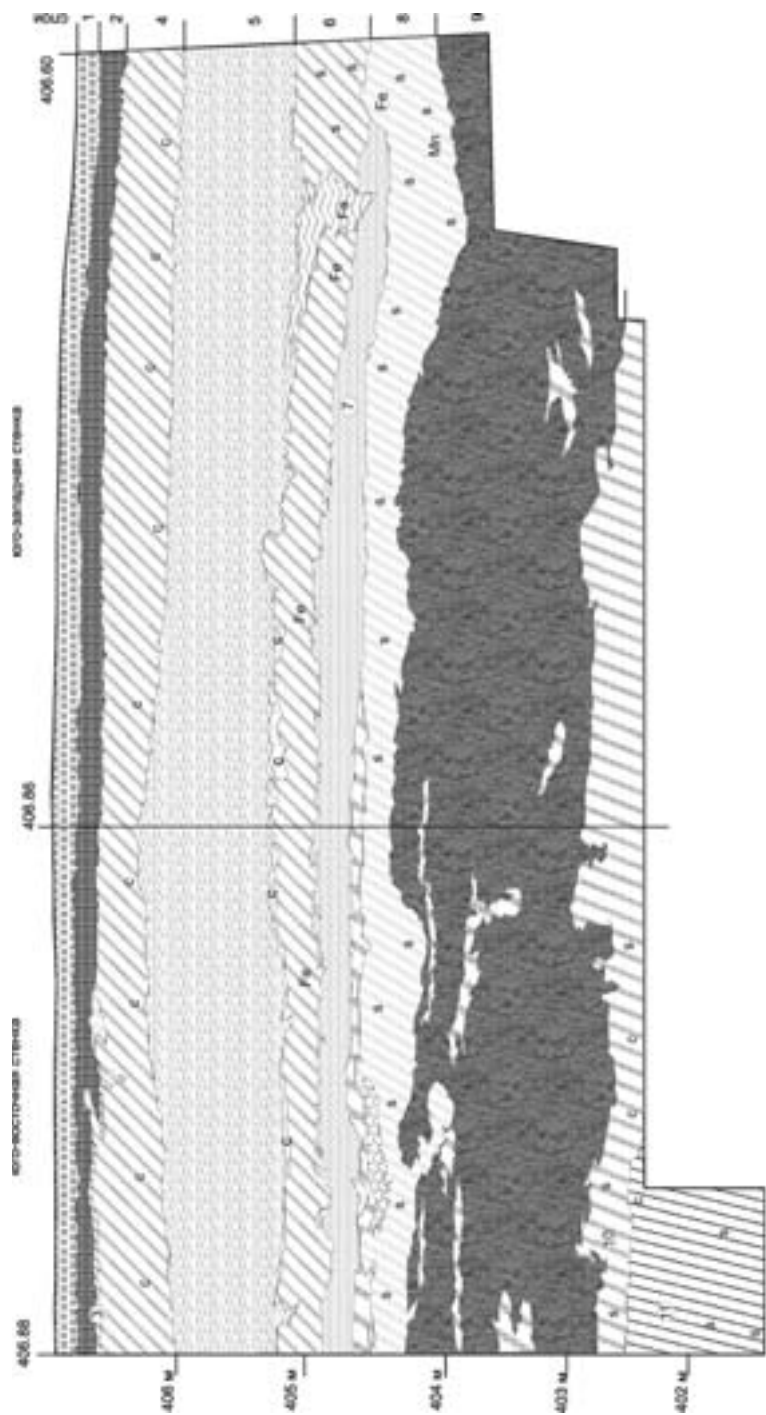

Рис. 2. Местный Лор III. Стратиграфический разрез № 2. - 2005 г.

Поскольку материал в предыдущие и в этом году был зафиксирован в одном относительно стратифицированном положении, а также учитывая то, что, относительно стратифицированный археологический материал и экспонированный на пляже несут на поверхности однозначно следы корразии и могут быть рассмотрены суммарно в одном реестре морфологического описания. Морфологическое описание археологического материала обнаруженного в 2005 г соответствует реестрам прошлых сборов, но коллекция значительно меньше по численности и, соответственно, беднее формами. Стратиграфическое положение артефактов в 1988 – 90 гг. привязано к прослоям 2-й части почвы. В 2005 г почва была вскрыта мощностью до 1,5 – 2,0 м, материал был зафиксирован в надпочвенном горизонте, один артефакт был зафиксирован в теле почвы датируемой каргинским временем ($Kr_{1,3}$). Поскольку весь археологический материал коррадирован, его следует относить к муруктинскому времени (Mг). Во время солифлюкционно-делювиальных склоновых процессов времени почвообразования склона археологический материал интенсивно переносился, и почва в виде останца могла выступать своеобразным буфером, и каменный материал транспортировался через неё. Задача следующих лет - установить и зафиксировать наличие археологического материала в отложениях докаргинского времени (Mг).

Согласно особенностям изменения состава СПС выделено 3 локальные палиностратиграфические зоны, соответствующие этапам изменения растительности и природной среды изученной территории. В СПС зоны 3 в общем составе преобладает пыльца древесных растений, среди которых доминирует пыльца ветроопыляемых растений – сосны обыкновенной *Pinus sylvestris* и сосны сибирской *Pinus sibirica*. Для территории Восточной Сибири установлен факт рассеивания пыльцы обоих таксонов воздушными потоками на значительные расстояния. Пыльца этих растений характеризует облик региональной растительности. С другой стороны известно, что пыльца ели сибирской, относительное обилие которой в СПС этой зоны изменяется от 8 до 18%, не обладает подобными свойствами и может рассматриваться как компонент локальной растительности, произраставшей вблизи изученного разреза. То же относится и к спорам папоротника рода чистоуст *Osmunda* и рода плаунов *Lycopodium*. Еще более слабыми свойствами к рассеиванию и сохранению в ископаемом состоянии обладает пыльца рода лиственницы *Larix*. На основе состава СПС облик растительности времени аккумуляции отложений, охарактеризованных СПС зоны 3, представляется следующим образом. На месте разреза существовали елово-лиственничные ассоциации с примесью кедра сибирского, возможно облика современной лесотундры. Распространение сообществ папоротников рода чистоуст и лесных видов плаунов индицирует наличие холодных и переувлажненных заболоченных мест обитания. Надежным подтверждением существования не просто переувлажненного субстрата, а скорее, зарастающего водоема служит пыльца водно-болотных растений – рогоза и, особенно, водокраса.

Спектры зоны 2 имеют состав, отличный от такового для СПС предыдущей зоны. В них доминирует пыльца наземных лугово-степных трав, преимущественно семейства сложноцветных, злаковых, гвоздичных, что позволяет реконструировать господство степных ландшафтов. При этом высокое относительное обилие спор папоротников рода гроздовник *Botrychium* свидетельствует о наличии локальных влажных мест обитания. Климатические условия этого периода были сухими и умеренно холодными.

СПС зоны 1 не позволяют надежно восстановить характер растительности времени формирования вмещающих отложений. Судя по присутствию пыльцы растений преимущественно аркто-бореальной флоры (кустарниковых березок, лиственницы, полыней, маревых, спор сфагновых мхов), можно предполагать, что в составе растительности могли господствовать преимущественно тундровые и степные ландшафты в условиях сухого и холодного климата.

Практически во всех образцах, особенно из отложений СПС зоны 3, много деформированной темной, потерявшей структурные признаки, пыльцы хвойных древесных растений, идентификация которой невозможно даже до родового уровня. Все образцы высококарбонатные. В сумме подсчитанных пыльцевых зерен и спор учтены только те, которые удалось определить достаточно надежно, и которые могут быть инситу. В целом осталось много сомнений по поводу массы деформированных зерен – это переотложение или деформация в процессе фоссилизации. Мы склоняемся к идее переотложения.

**ПОЗДНЕАНТРОПОГЕНОВЫЕ ЗАЙЦЫ СИБИРИ.
К ВОПРОСУ О ФИЛЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
ВНУТРИ РОДА LEPUS**

*Образование нового вида представляет
основной, или элементарный, момент
эволюционного процесса.*

А.А.Борисяк (1947)

Проблема процесса видообразования на основе изучения изменчивости признаков, вероятно, самая захватывающая по интересу для биологов, и, в частности, для палеотериологов. Общие принципы и конкретные примеры её решения приведены во многих работах: Д.Г.Симпсон (1948), В.О.Ковалевский (1956), А.В.Яблоков (1966), И.И.Шмальгаузен (1968), Э.Майр (1974), Н.В.Тимофеев-Ресовский, Н.Н.Воронцов, А.В.Яблоков (1969), С.С.Шварц (1980), Н.Н.Воронцов (2005). По словам Эрнста Майра (1968, с. 35): «...в природе можно найти много популяций, которые прошли лишь часть пути, ведущего к статусу вида. Если бы от всех популяций сохранялись ископаемые остатки, то наличие промежуточных популяций между сменяющимися друг друга видами было бы нормальной ситуацией в палеонтологии. На самом же деле пробелы в палеонтологической летописи так многочисленны, что лишь в очень немногих случаях удастся восстановить все звенья цепи и получить непрерывную линию, связывающую хорошие виды».

Что можно сказать относительно зайцев в свете выраженной Э.Майром мысли? В свое время известный палеотериолог, мой бывший учитель проф. Н.К.Верещагин, касаясь проблемы происхождения современного зайца-беляка, безответно задал вопрос: «Спрашивается, однако, где же был в это время (финал плейстоцена, - Н.Ов.) предок зайца трусливого – ведь со времени существования донского зайца прошло всего 10-12 тыс. лет» (Верещагин, 1977, с. 12-13). Теперь, кажется, можно дать ответ.

Донской заяц (*Lepus tanaiticus* Gureev) для науки «молодой» вид, - его остатки описал 40 лет назад А.А.Гуреев (1964) по материалам из слоёв Костёнковских палеолитических стоянок с берегов р. Дон. Ко времени позднего плейстоцена ареал донского зайца занимал, по-видимому, значительную часть северной половины бывшего СССР, биотопически соседствуя в западных районах с зайцем-русаком. Существенный вклад в изучение этого вида, обитавшего на территории Сибири, внёс А.О.Аверьянов (1995).

Касаясь вопроса появления современных арктических зайцев (*Lepus timidus*) Евразии, этот автор категорично пишет, что они «не могли происходить от *L. tanaiticus*» (Аверьянов, 1995а, с.595). Для решения этой проблемы желательно и необходимо иметь достаточно многочисленный хронологически выстроенный материал от позднплейстоценового времени до современности и по-возможности с ограниченной территории.

Материалом для настоящего сообщения послужили остатки донских зайцев из палеолитических стоянок Лиственка (раскопки Е.В.Акимовой), Караульный Бык (раскопки Н.П.Макарова) и Афонтова Гора III (раскопки Н.К.Ауэрбаха с коллегами), расположенных в окрестностях г. Красноярска (коллекция Красноярского краеведческого музея и Гос. пед. университета). Голоценовые кости зайца-беляка собраны мной за 30-летний период в пещерах Алтая, по югу Средней и Восточной Сибири.

Сравнение скелетных элементов плейстоценового донского зайца и голоценового беляка (таблица 1, измерения сделаны автором) указывают, что за редчайшим исключением последний в размерах проигрывает донскому зайцу в массивности туловища (конечностей) и головы, что отмечал в своих работах и А.О.Аверьянов. Находясь в меньшей «весовой категории», голоценовый беляк легче передвигался по снегу и соответственно был более проворен, спасаясь от хищников. Особо заметны отличия в размерах и форме черепных элементов обоих зайцев, в частности, это относится к внешнему радиусу кривизны резцов, на что раньше зоологи не обращали внимание.

По мнению первоописателя донского зайца А.А.Гуреева (1964, с. 188): «Крупные размеры угловой лопасти нижней челюсти указывают на значительное развитие жевательных мышц, а высокие коронки коренных зубов и короткая, круто изогнутая вверх резцовая часть нижней челюсти позволяют предположить, **что пищей этому виду служили преимущественно грубые корма, особенно в зимнее время**» (выделено мной, - Н.Ов). Однако, учитывая пологий радиус резцов легче и правильней представить донского зайца, питающегося не только летом, но и зимой в значительной мере травянистой растительностью. Именно эти анатомическая и этологическая особенности донских зайцев, по-видимому, явились на фоне перестройки состава фауны основной причиной вымирания рассматриваемого вида.

Многим, очевидно, не только по литературе известно, что даже в малоснежных районах скотоводы выгоняют на пастбища овец вместе с табуном лошадей, тебенюющих снег. Аналогичную картину не сложно перенести в эпоху позднего плейстоцена Северной Азии, когда популяции растительноядных млекопитающих: мамонтов, диких лошадей, носорогов, бизонов, разгребали снег в поисках жухлой травы и низких кустарничков, давая зайцем вслед за тем возможность кормиться травой. С гибелью «мамонтной фауны», совпавшей по времени в течение нескольких тысячелетий с полным вымиранием донского зайца, выжили те «наследники», будущие твердые *Lepus timidus*, которым в силу полезных мутаций удалось укор-

Таблица 1. Различия в размерах костей скелета донского зайца и современного беляка (мм)

п	Донской заяц	п	Голоценовый беляк
Череп			
3	25,3-26,77-28,0	18	22,7-25,70-27,6
78	19,0-22,49-25,2	37	18,5-20,35-22,3
30	13,8-18,22-20,0	32	15,0-18,22-19,8
66	19,4-20,53-22,1	71	17,9-19,41-21,9
78	13,5-16,0-18,8	37	11,7-13,32-14,3
61	16,9-18,33-21,0	35	15,0-17,55-19,4
19	15,0-19,37-22,0	12	10,0-11,04-12,0
42	27,0-34,48-44,0	26	14,0-16,46-22,0
107	4,0-4,44-5,2	37	3,8-4,09-4,6
Лопатка			
123	6,7-7,67-8,7	77	5,6-6,86-7,9
100	13,0-14,49-16,4	73	11,3-12,92-14,4
101	10,9-11,98-13,0	75	9,7-10,96-12,4
Плечо			
4	106,3 – 110,3	90	90,9 – 102,49- 111,5
27	15,3-16,08-17,1	99	12,5-14,72-18,2
100	5,3-6,08-7,4	144	4,4-5,59-7,5
69	12,0-12,94-14,1	147	10,1-11,74-13,3
27	20,1-20,98-22,1	104	16,5-18,58-20,3
85	5,4-6,15-8,6	139	4,8-5,91-8,1
67	8,5-9,44-10,7	143	7,5-8,61-10,5

Наименование промера

Диастема верхней челюсти
 Диастема нижней челюсти
 Длина верхнего ряда зубов
 Длина нижнего ряда зубов
 Высота перед P/3
 Высота после M/1
 Внешний радиус верхнего резца
 Внешний радиус нижнего резца
 Длина P/3

Длина шейки
 Длина суставной впадины
 Поперечник суставной впадины

Полная длина
 Ширина проксимального эпифиза
 Ширина диафиза
 Ширина дистального эпифиза
 Поперечник проксимального эпифиза
 Наименьший поперечник диафиза
 Поперечник дистального эпифиза

Длина	Душ	100,2-107,86-115,0	56	99,0-108,41-117,8
Ширина проксимального эпифиза	100	8,0-9,15-10,0	79	7,3-8,45-9,3
Ширина диафиза	113	5,7-6,01-8,6	88	5,0-6,0-6,9
Ширина дистального эпифиза	63	8,2-10,39-11,4	88	6,9-9,26-11,1
Поперечник проксимального эпифиза	103	5,4-6,17-8,2	66	5,0-5,72-6,5
Поперечник диафиза	115	3,1-3,74-4,8	89	2,8-3,68-4,4
Поперечник дистального эпифиза	63	5,3-6,28-7,0	64	4,8-5,77-6,5
Газ				
Длина кости	32	86,5-95,34-101,0	52	79,5-89,23-99,0
Длина запирательного отверстия	64	19,9-21,64-24,5	71	17,8-20,23-22,3
Ширина запирательного отверстия	9	15,8-16,14-16,5	57	12,3-14,36-16,5
Диаметр вертлужной впадины	169	11,3-12,62-13,7	107	9,4-11,21-12,4
Высота шейки os iii	180	10,0-11,07-12,0	107	8,4-10,35-11,9
Бедро				
Полная длина	1	114,3	68	113,7-127,65-139,2
Ширина проксимального эпифиза	33	24,5-26,78-29,2	104	20,8-24,15-26,7
Ширина диафиза	79	7,2-9,54-10,9	131	7,1-8,74-10,7
Ширина дистального эпифиза	45	9,7-20,15-21,4	128	16,7-19,11-20,9
Передне-задний диаметр головки	67	9,7-10,53-11,4	115	8,4-9,67-10,9
Поперечник диафиза	77	6,3-7,89-9,4	132	6,7-7,29-8,6
Голень				
Ширина верхнего эпифиза	33	19,4-20,58-22,5	104	17,1-19,25-21,4
Ширина диафиза наименьшая	83	6,3-7,43-8,9	129	6,3-7,45-9,0
Ширина нижнего эпифиза	104	12,5-14,03-15,8	121	10,4-13,31-15,3

37	20,4-21,77-24,3	107	16,8-19,58-22,0
67	5,6-6,27-7,8	130	5,2-6,68-8,5
73	8,7-10,13-10,8	120	6,6-9,31-10,7
Пятка			
116	30,7-32,61-35,0	19	

Поперечник верхнего эпифиза

Поперечник диафиза наименьший

Поперечник дистального эпифиза

Длина пяточной кости

тить радиусы резцов, превратив их в «кусачки» для эффективного питания ветками и корой. О том же свидетельствует уменьшенная площадь жевательной поверхности щёчных зубов у голоценовых беляков. Процесс совершенствования резцового аппарата позволил белякам, обитающим нынче на территории Байкало-Ленского заповедника, подгрызать и валить деревья с диаметром ствола до 4,5 см (Мельников, 2003). К сожалению, зоологи отловили этих «инакодействующих» прогрессивных животных, оборвав зарождающуюся ниточку эволюционного процесса.

Постепенность реального процесса укорочения радиуса резцов удалось проследить на материалах раскопок нижних слоёв рыхлых отложений пещеры Еленева (окрестности Красноярска), обеспеченной 49 радиоуглеродными датами в пределах от 1050 до 13665 лет (Оводов, Мартынович, Орлова, 2003). Интересно проверить насколько чётко размер радиуса резцов донских зайцев, коррелирующий по времени с вымиранием плейстоценовой мегафауны на Среднем Енисее, будет проявляться в других регионах. Думаю, отнюдь не всегда картина будет столь же стройная, какая проявилась на памятниках окрестностей Красноярска. В частности, остатки донского зайца обнаружены мной в слоях культурного мезолитического слоя стоянки Усть-Шилка-2 (раскопки П.В.Мандрыки), расположенной на берегу Енисея в 200 км ниже Красноярска. Фаунистический материал этой стоянки имеет почти целиком яркий голоценовый облик (Мандрыка, Оводов, 2005).

Вместо резюме: Э. Каляева, отдавая дань памяти своему учителю талантливому биологу Н.Н.Воронцову (1934-2000 гг.), рано оценившему направление и результаты работ Т.Д.Лысенко, захватившего власть на генетической ниве СССР, пишет (Каляева, 2005) по поводу лекций, читанных 20-летним Николаем Николаевичем московским юным биологам: «Всё это коренным образом отличалось от школьной программы по биологии, где в те годы господствовали взгляды академика Т.Д.Лысенко, который допускал превращение одного вида в другой в результате изменения состава пищи. Типичный пример – утверж-

дение Т.Д.Лысенко, что если пеночку кормить мохнатыми гусеницами, из её яиц выведутся кукушата». Можно ли в таком случае считать, что в «истории» с зайцами мы имеем чистую лысенковщину, хотя она касается не межродовых бредовых идей, а эволюционно последовательных изменений внутри рода *Lepus*, приведших к появлению нового вида?

Примечания

Аверьянов А.О. [1995] Позднеплейстоценовый заяц, *Lepus tanaiticus* (Lagomorpha, Leporidae) Сибири // Труды Зоологического института РАН. Т. 203: Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим. – М., 1995. – С. 121-162.

Аверьянов А.О. [1995а] Происхождение современных арктических зайцев // Первое международное мамонтовое совещание: Тез. докл. – СПб, 1995. – С. 595.

Борисяк А.А. Основные проблемы эволюционной палеонтологии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 78 с.

Верещагин Н.К. Некоторые проблемы истории формирования териофаун // Фауна и флора антропогена северо-востока Сибири. Труды Зоологического института АН СССР. Т. 63. – Л.: Наука, 1977. – С. 6-17.

Воронцов Н.Н. Постепенное или внезапное видообразование // Воронцов Н.Н. Эволюция. Видообразование. Система органического мира: Избранные труды. – М.: Наука, 2005. – 365 с.

Гурев А.А. Фауна СССР. Млекопитающие. Зайцеобразные (Lagomorpha). Труды Зоологического института АН СССР. Том III, вып. 10. – М.; Л.: Наука, 1964. – 276 с.

Каляева Э.С. Слово об учителе // Воронцов Н.Н. Эволюция. Видообразование. Система органического мира: Избранные труды. – М.: Наука, 2005. – С.342-345.

Ковалевский В.О. Об *Anchiterium aurelianense* Cuv. И о палеонтологической истории лошадей // Ковалевский В.О. Собрание научных трудов. Том II. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 7-144.

Мандрыка П.В., Оводов Н.Д. Археология и фауна мезолитического комплекса Усть-Шилка-2 на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С.157-162.

Майр Э. [1968] Зоологический вид и эволюция. – М.: Мир, 1968. – 597 с.

Майр Э. [1974] Популяции, виды и эволюция. – М.: Мир, 1974. – 460 с.

Мельников Ю.И. Особенности зимнего кормового поведения зайца-беляка на фазе пика численности // Труды Государственного природного заповедника “Байкало-Ленский”. Вып. 3. – Иркутск, 2003. – С.124-125.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А. Зайцы в меню древних сибиряков // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С.151-154.

Симпсон Д.Г. Темпы и формы эволюции. – М. Изд-во Иностранной литературы, 1948. – 358 с.

Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. – М.: Наука, 1969. – 407 с.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции. – М.: Наука, 1968. – 451 с.

Шварц С.С. Экологические закономерности эволюции. – М.: Наука, 1980. – 278 с.

Яблоков А.В. Изменчивость млекопитающих. – М.: Наука, 1966. – 363 с.

НОВЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОРОВЬХ АНТИЛОП (MAMMALIA, ALCELAPHINAE) ИЗ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Родина коровьих антилоп, - Африка с её саванными ландшафтами, основными представителями этого подсемейства еще в плиоцене. Позднее, вплоть до финала плейстоцена некоторые виды, объединяемые в группу *Alcelaphinae*, распространились на территорию Индии и даже на север, в Забайкалье. Современные эти животные достаточно крупные, - высотой в холке до 130 см. Особенность черепа коровьих антилоп, украшенного рогами, как у самцов, так и у самок, заключена в специфическом его строении. Мозговая полость черепа заканчивается сразу за основаниями рогов, то есть отсутствует так называемая зароговая часть, в отличие от черепов других антилоп.

В 1931 году В.И.Громова опубликовала описание поздне-плейстоценового(?) фрагмента черепа своеобразной антилопы из южного Забайкалья (регистрационный номер в коллекции ЗИН, - 15034), отнеся её к новому роду и виду (*Parabubalis capricornis* V. Gromova), входящему в состав подсемейства коровьих антилоп. Событие это примечательно ещё и тем, что за прошедшие с того времени 70 с лишним лет подобную находку в Северной Азии никому не удавалось сделать, хотя, как известно, антилопы, в отличие от оленей, животные стадные, и, следовательно, имеющие большую возможность после своей гибели занять место в тафоценозах. К сожалению, Вера Громова (1931), изложив основные морфологические особенности черепа, необходимые для установления систематического статуса антилопы и опубликовав две качественные фотографии, дала описание столь редкой находки недостаточно полно и без необходимых промеров. Последующие упоминания о ней в монографии И.И.Соколова (1953) и в «Основах палеонтологии» (1962) не добавили необходимых деталей.

В своё время Н.К.Верещагин (1956) высказал предположение, что антилопа, близкая к парабубалу, дожила на Алтае до исторического голоцена, на что, по его мнению, указывают вырезанные из дерева фигурки голов копытных, найденные в Пазырыкских курганах, опубликованные С.И. Руденко и отнесённые им к сайгакам. С этим мнением Н.К.Верещагин частично согласился, но вместе с тем указал на реалистично выполненные фигурки голов антилоп, лишённые выступающей назад зароговой части головы. Этот факт, по мнению Н.К.Верещагина, указывает, что скифы были знакомы с внешним обликом особой антилопы, скорее всего близкой

к объединенным в подсемейство Alcelaphinae животным. Единственное, что вызывает несогласие с мнением Н.К.Верещагина, -эти головки всё-таки очень напоминают сайгаčky. У сайгака «морда сильно вздута и вытянута в небольшой хобот, который несколько свешивается вниз» (Гептнер и др., 1961, с. 458). У коровьих антилоп, как известно, передняя часть морды, в отличие головы сайгаков, не обладает столь выраженной горбоносостью. Представление Н.К.Верещагина (Верещагин, Мельникова, 1958, с. 387) о том, что «дальнейшие археологические исследования в крае могут дать и документальное подтверждение этому в виде костных остатков», пока не подтвердились результатами интенсивных на протяжении последних 40 лет исследований ископаемых и субфоссильных остатков млекопитающих из пещерных и других памятников Алтая и Монголии (пещера Цаган-Агуй, в которой обнаружены плейстоценовые остатки мелкой антилопы оронго, - *Pantolops* sp.).

Тем не менее, в поддержку идеи Н.К.Верещагина можно предложить изображения парнокопытных на «плите из Озёрного» (Молодин, Погожева, 1990). Среди небольшой серии мастерски выполненных на ней фигур животных, в том числе горного барана, марала, домашних быков, привлекает внимание четыре однотипно изображенных иных копытных, напоминающих антилопу. Датировка плиты с изображениями животных довольно проблематична, поскольку прямых аналогий не существует. Однако авторы статьи по косвенным признакам склонны отнести время её изготовления к середине – второй половине II тысячелетия до нашей эры (Окуневская культура). Поскольку художник в точности воспроизвёл на фигурах такие детали, как рога, глаза, уши, ноздри, разрез рта, копыта и притом соблюдал пропорции тел, можно сопоставить размеры фигуры предполагаемой антилопы с таковой марала (рис. 1).

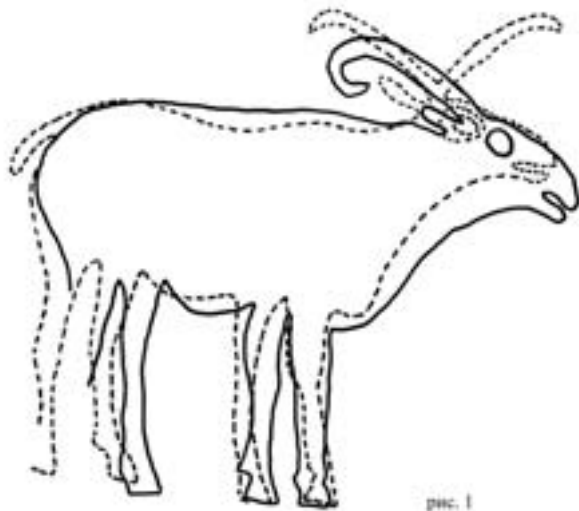

рис. 1

По мнению ныне покойного зоолога Н.Н.Воронцова, - это не марал, а северный олень (Молодин, Погожева, 1990, с. 171). Представляя, что автор рассматриваемого панно должен был лично и многократно видеть изображаемых животных, отмечу, что северный олень, - вид не характерный для Центрального Алтая, к которому относится и изначальное местонахождение плиты. В пользу вероятного незнакомства древнего художника с северными оленями может свидетельствовать полное отсутствие их в голоценовых слоях разных алтайских памятников. К тому же современный ареал северного оленя, включая данные по XIX веку, существенно удалён к востоку от Онгудайского района и не переходит на левобережье Бии и Чулышмана (Соколов, 1959; Гептнер и др., 1961). Из внешних (контурных) признаков обращает на себя отсутствие «сильной оброслости» шеи, относительно высокая постановка головы в статической позе и удлинённые ноги, - признаки, скорее свойственные маралу (не даром, его называют благородным оленем), а не северному оленю. Впрочем, для цели сопоставления фигуры антилопы с таковой марала (или северного оленя) доскональное выяснение видовой принадлежности оленя не играет особой роли. Ясно, что размеры предполагаемой антилопы не уступали им.

Известно, что высота в плечах у самца марала составляет 140-150 см, следовательно, такого же размера, судя по рисунку, могла быть и антилопа, что не противоречит возможному отнесению её к подсемейству *Alcelaphinae*. Впрочем, художественные творения древних обитателей Алтая есть только намек на фактическое существование здесь экзотичной антилопы.

Вероятно, под влиянием вышеназванных статей Н.К.Верещагина идею долговременного обитания в Сибири козерожьего парабубала развил териолог М.Н.Смирнов. По представлениям этого автора, не владеющего палеонтологическим материалом, бубалообразная антилопа обитала в Южной Сибири не только в плейстоцене, но и в мезолит-неолите, бронзовом веке и «древнем» железном веке (Смирнов, 1994, 2006). Под пером этого автора, ссылающегося в данном случае на собственные работы, такая же и более долгая «судьба» коснулась тигра, снежного барса, красного волка, дзерена, джейрана, байкальского яка. Каждый из этих видов удостоился неперменного присутствия на огромных просторах Южной Сибири с позднего палеолита вплоть до средневековья и нового времени.

Перейдём к рассмотрению наших конкретных находок.

Материал. Несколько лет назад на правом берегу Енисея в 5-6 км ниже окраины города Красноярска в местечке, известном под названием Няша (Дроздов и др., 1998) удалось обнаружить на отмели обломок черепа копытного среднего размера. По всей видимости, он был в своё время захоронен в русловом аллювии, о чем ярко свидетельствует заклиненная в затылочном отверстии со стороны мозговой полости кварцевая галька.

Позже, в 1999 году на противоположном, левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в пределах известного Куртацкого археологического района (Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005) на береговой отмели был под-

Рис.2

нят фрагмент черепа подобного строения и по стадии развития также принадлежавший взрослой особи. Оба образца имеют светло-серый цвет, причём, первый выглядит более древним по наличию железистых «примазок» и некоторых других признаков. Каждый из фрагментов черепа, изрядно разрушенных временем, как бы дополняет друг друга, давая при своей минимальности (рис.2) тем не менее, надежные свидетельства их принадлежности к коровьим антилопам. На них отчётливо фиксируется крайне укороченная зароговая часть.

Правобережная находка сохранила 5-сантиметровой длины часть левого рогового стержня, затылочную кость с большим отверстием (foramen magnum) и со стертыми в процессе перезахоронения до основания мышелками. Левобережный образец представляет собой правую половину как бы отсечённую по сагиттальной плоскости. При этом сохранился один мыщелок, часть затылочной кости и 10-сантиметровый участок расщеплённого вдоль рогового стержня.

Морфологическая характеристика и сравнение. Чешуя затылочной кости (*squama occipitalis*) и затылочная часть теменной кости взаиморасположены под углом 140° (у забайкальского парабубала – 162°). Ширина мыщелок – около 7,2 см. Диаметры большого затылочного отверстия – 2,7 и 2,1 см. Отношение наибольшей ширины затылочной чешуи (9,3 см) к высоте по средней линии (6,7 см) составляет 139%. Роговые стержни довольно массивны и отходят от черепа с лёгким наклоном наружу при этом почти в одной плоскости с затылком (фото 1), в то время как у восточного представителя подсемейства, судя по фотографии, они существенно отклонены назад. Уцелевшая часть одного из них у основания имеет радиус около 3,5-4 см. Задний край стержня в отличие от громовского парабубала соприкасается с чешуёй затылочной кости (там участок теменной кости, судя по снимку, составляет не менее трёх сантиметров). Говорить о достоверной форме поперечного сечения рога сложно; возможно, что это был не круг, а овал. Скрученность стержня гомонимная, как и у забайкальской антилопы. Пространство между основаниями рогов в отличие от забайкаль-

ского черепа, насколько можно судить по остатку, отсутствовало (у описанного В.И. Громовой образца такое равно 2,7 см). Расстояние между наружными краями оснований роговых стержней около 12 см. Существенное отличие енисейского парабубала от забайкальского, - явная пневматизация роговых стержней в виде округлых ячеек диаметром до 10-20 мм во всяком случае на первых десяти сантиметрах от лобных костей. Basioccipitale, слегка расширенная в средней части и уплощенная в передней, имеет длину 6,5 см. Вентральная поверхность её вдоль оси в каудальной половине имеет глубокий фигурный жолоб; мускульные валикообразные шероховатости, ограничивающие его с боков, практически не заметны. Переход от базиокципитале к базисфеноиду в виде хорошо заметного излома. Ярёмные отростки напоминают притупленные бугорки.

Систематическая часть

Отряд Artiodactyla Owen, 1848

Семейство Bovidae Gray, 1821

Род Parabubalis V. Gromova, 1931

Вид Parabubalis pneumacornis Ovodov, sp.n.

Название виду дано по причине особого внутреннего строения роговых стержней этого представителя коровьих антилоп, обладающего в отличие от описанного В.И. Громовой забайкальского Parabubalis capricornis поллой, ячеистой структурой и рядом других признаков.

Голотип. КККМ (Красноярский краеведческий музей) о/ф № 11840/1, Обломок затылочной части черепа с частью рогового стержня. Новосёловский район Красноярского края, левобережье Енисея. Возраст: средний (?) плейстоцен.

Паратип. Обломок затылочной области черепа. Местонахождение: Няша. Правый берег Енисея в 5 км ниже гор. Красноярска. КККМ о/ф № 11840/2.

Диагноз. Зароговая часть черепа предельно укорочена. Рога несут признаки гомонимного скручивания. Их основания по всей вероятности находятся в непосредственной близости друг от друга. Задние края оснований роговых стержней соприкасаются с чешуёй затылочной кости.

Промеры типовых экземпляров: доступные измерения приведены в тексте.

Примечания

Верещагин Н.К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахстанских и центрально-азиатских степей // Зоологический журнал. – 1956. – Том 35. – № 10. – С.1541-1553.

Верещагин Н.К., Мельникова Н.Н. Зоогеографические открытия археологов в Восточном Казахстане и в Алтайском крае // Известия Всесоюзного геогр. общества. – 1958. – № 4. – С. 385-387.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. Том 1. Парнокопытные и непарнокопытные. – М. Изд-во Высшая школа, 1961. – 776 с.

Громова В.И. О новой ископаемой антилопе (*Parabubalis capricornis* n. Gen. et n. sp.) из Забайкалья // Ежегодник Зоологического музея. Т. XXXII. – Л., 1981. – С. 127-134.

Дроздов Н.И., Зыкина В.С., Орлова Л.А., Чеха В.П. Многослойный археологический памятник Средней Сибири Няша: реконструкция природной среды голоцена // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 355-368.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – 110 с.

Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озёрного (Горный Алтай) // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 167-177.

Основы палеонтологии: Справочник для палеонтологов и геологов. Том 13: Млекопитающие. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 421 с.

Смирнов М.Н. Крупные промысловые млекопитающие Южной Сибири (история формирования видового состава, ресурсы, экологические основы использования и охраны): Дисс. ... д-ра биол. наук в форме науч. доклада. – М., 1994. – 68 с.

Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири. Часть 1. Красноярск, 2006. – 249 с.

Соколов И.И. Опыт естественной классификации полорогих (*Bovidae*) // Труды Зоологического института. Том XIV. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 295 с.

**ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ
ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ УСТЬ-КАНСКОЙ И
ЯБОГАНСКОЙ КОТЛОВИН В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ.***

В полевом сезоне 2006 г. Усть-Канский отряд экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, возглавляемой академиком А.П. Деревянко, продолжил стационарные комплексные исследования в Усть-Канском районе Республики Алтай. Отряд продолжил изучение многослойной стоянки первобытного человека в Усть-Канской пещере, и провел разведки новых местонахождений эпохи камня. В результате многолетних работ на этой территории стало известно около десятка памятников эпохи камня, расположенных на различных гипсометрических уровнях. Однако до сих пор события позднего неоплейстоцена на этой территории были недостаточно изучены. Геологическая съёмка [Уваров, Кузнецов, Гладких и др., 2001; Лашков, Канона, Адаменко, 1961], не отмечена в публикациях по геоморфологии и геологии Горного Алтая. По этим данным в пределах котловин реконструкция обстановок палеосреды охарактеризована как озёрно-болотная седиментация в голоцене и склоновое перераспределение обломочного материала с подчинённой ролью слабых речных потоков в ходе позднего неоплейстоцена-голоцена. В гольцовой зоне горного обрамления закартированы следы аккемского (позднеюрмского) оледенения (gIII₄). Поэтому одной из основных задач исследований 2006 г. стало изучение осадков в разрезах Усть-Канской и Ябоганской котловин в ходе которого были описаны несколько десятков разрезов четвертичных отложений. Опорные разрезы вынесены на рисунок 1.

Усть-Канская и Ябоганская котловины представляют собой расширенные участки долин рек Кан и Ябоган, превышающие в поперечнике 10-15 км (рис.1). Обе котловины заболочены и на своих бортах имеют «сглаженный» полого наклонный рельеф среднегорного обрамления, на скальном обрамлении не обнаружено абразионных уступов. Это поставило вопрос о размерах и возрасте палеоозера, ответ на который могло дать только исследование разрезов.

Наиболее ярким свидетельством озёрной седиментации является песчаный карьер в 3 км у юго-западу от пос. Яконур (рис. 1, №1). Общее строение разреза показано на рисунке 2 А. Сверху вниз от бровки вскрываются:

* Работа выполнена при поддержке РФФИ № 05-05-64221; РФФИ № 05-06-80305; междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 2.

Рис. 1 Район исследований. Условные обозначения: № - номера разрезов;

слой 1 - современная почва мощностью до 0,5 м; слой 2 - переветанный песок мощностью до 1 м; слой 3 - палеопедагокомплекс мощностью до 0,7 м, представленный двумя палеопочвами, которые разделены песком; слой 4 - переветанный песок мощностью до 0,5 м; слой 5 - горизонт карбонатизированного песка мощностью 0,2 м, сформировавшегося на этапе высыхания озёрных осадков; слой 6 - озёрный тонко-параллельно субгоризонтально слоистый песок мощностью 4, 1 м; слой 7 - озёрный песок видимой мощностью до 7,1 м с менее выраженной, чем в перекрывающем слое слоистостью и с белёватой полосой в кровле. Одиннадцатиметровая мощность и текстурная однородность озёрной толщи указывает на устойчивость условий и значительную глубину при её формировании. Наличие над озёрными песками трёхметровой эоловой пачки с двумя палеопочвами даёт основания предположить докаргинский (раннеюрмский) возраст палеозера.

Полевыми маршрутами установлено повсеместное наличие на днище котловин песчаных и алевропесчаных отложений в насыпках, силосных ямах и придорожных выбоинах, что свидетельствует о более широком распространении озера в прошлом, нежели это считалось ранее. Озёрная толща перекрыта эоловыми отложениями практически повсеместно. Наряду с переветанными песками достаточно часто встречаются навейные алевро-

пески или супеси (лёссы), что наблюдалось в Шивертском карьере (рис. 1, №2). На рисунке 2 Б показано строение этого разреза, где из под современной почвы (слой 1) вниз обнажается суперфлювиальная пачка, представленная двумя лёссами (слои 2 и 3) общей мощностью до 2,5 м, которая со структурным несогласием ложится на субпараллельно слоистые озёрные алевро-пески (слой 4).

В ходе полевых работ в четвертичных разрезах были выявлены свидетельства двух процессов морфолитогенеза, которые ранее не описывались исследователями Усть-Канской и Ябоганской котловин. Они вскрыты, например, двумя карьерами Усть-Канской свалки (рис. 1, №3), которая расположена на правом берегу р. Кан, на северо-восточной окраине посёлка Усть-Кан. Первый карьер показан на рис. 2 В. Здесь сверху вниз из-под современной почвы в стратиграфической последовательности вскрываются: слой 1 – лёсс мощностью до 0,4 м; слой 2 – щебне-песчано-алевритовый миктит мощностью до 1 м; слой 3 – щебне-песчано-алевритовый миктит мощностью до 1,5 м; слой 4 – щебенники косослоистые мощностью до 4,5 м с редкими тонкими (20-30 см) песчаными прослоями.

Толща 4 представляет линзы и косые серии, типичные для быстротекущих мощных водных потоков. Специфичность этих отложений заключается в том, что флювиальные отложения представлены не окатанным валуно-галечным материалом, а остроугольным щебнем и даже отломами. Тем не менее, щебенники толщи 4 уложены в косо и волнисто-слоистые, срезающие друг-друга пачки; хорошо промыты, содержат в заполнителе дресву и песок, включают на границе слоистых пачек маломощные линзы и прослои средне-крупно зернистого хорошо промытого песка. Вместе с тем, материал слоя 4 – местный, заимствован с обрамляющих скальных склонов. Дальнепринесённый и экзотический компоненты фактически отсутствуют. Нами генезис толщи 4 трактуется как паводковый поток эпохи спуска озера, когда по берегам котловин в движение водных масс вовлекался местный обломочный материал. Показательно, что разрез свалки находится близко к «горловине» обоих котловин, где флювиальные процессы на стадии спуска озера должны были быть особенно интенсивными.

Не менее интересным является и генезис слоёв 2 и 3, а также их аналогов, которые достаточно широко распространены в котловинах. На рис. 2 Г показан фрагмент стенки соседнего карьера, находящегося в 80 м от первого. Здесь обнажены отложения, представляющие собой смесь щебня и дресвы с алевропесчаным заполнителем, в которой отмечены дислоцированные алевропесчаные линзы и прослои. Среди текстур преобладают многопорядковые лежачие складки волочения и течения. Нами генезис этих щебне-дресвяно-алевро-песчаных миктитов трактуется как подводно-оплывневой, завершающий стадию спуска озера. При снижении уровня воды в озере и прекращении интенсивного стока озёрной воды с берегов оплывает переувлажнённый грязекаменный материал, поступающий в остаточные лужи – озёра, расположенные в мелких западинах рельефа. Особенно

впечатляющими являются текстуры конвективных потоковых текстур грязекаменного селя (рис. 2 Д), которые вскрыты в карьере (4 на рис. 1), расположенном в 4 км восточнее пос. Ябоган. Описанные два литогенетических типа: катафлювиальный и селево-оплывневой приурочены к верхней части озёрных отложений и сформировались на завершающем этапе жизни палеозера, затоплявшего котловины в раннем Вюрме.

Таким образом, вопросы о масштабности, глубине, примерном возрасте и скорости спуска палеозера благодаря новым геологическим данным становятся более ясными, чем раньше, но остаётся открытым вопрос о причине возникновения палеозера. Представление о причинах подпруживания котловин даёт обнажение на правом берегу р. Чарыш в центральной части пос. Усть-Кан (рис. 1, №5), высотой до 3 м и протяжённостью более 100 м. Здесь на коренных породах - сланцах залегает бурый до коричнево-рыжего диамиктон, мелкозём которого представлен средним суглинком (пескоаллевропелитом), а грубозём - валунами, щебнями и дресвой. В слое диамиктона, достигающего по видимой мощности 2,5 м отмечаются плитчативные дислокации. На рис. 2. Е показан фрагмент обнажения, который даёт представление об особенностях внутреннего строения Усть-Канского диамиктона и его взаимоотношениях с подстилающей толщей. Прежде всего, отметим, что диамиктон залегает на структурном элювии по палеозойским сланцам. При этом контакт является неровным. В кровле сланцев видны диапиры, глубоко проникающие в тело диамиктона. В самой левой части рис. 2 Е видно, что диапиры частично срезаны сверху (по-видимому пологим надвигом), а их срезанные части перемещены по горизонтали на разные расстояния. Более того, в толще диамиктона на расстоянии от 0,8 до 1,2 м от его подошвы содержится отторженец сланцев толщиной от 10 до 30 см и протяжённостью около 16 м (верхняя часть рис. 2 Е). Вокруг основного тела отторженца сгруппированы более мелкие тела уплощённой формы с «размазанными» очертаниями.

Все эти дислокации могут найти объяснения только с позиций гляциального плакинга и сквизинга. Другой механизм (селевый, оползневой, солифлюкционный и т.п.) для объяснения диапиров, отторженцев и шарьяжей по палеозойским сланцам вряд ли адекватен. В пользу гляциальной трактовки свидетельствуют также и ледогранники валунно-глыбовой размерности, содержащиеся в диамиктоне. Значительная их часть представлена крупнолейстовыми порфиритами, которые согласно [Лашков, Кано-на, Адаменко, 1961] имеют на данной территории коренное залегание только в долине реки Кутергень. Утюгообразные валуны и глыбы крупнолейстовых порфиритов распространены на территории всего посёлка и на первые километры за его пределами, оконтуривая границу палеоледника. С исчезновением морены ниже по течению реки Чарыш в рельефе появляются четыре надпойменные аллювиальные террасы, которые не фиксируются в долинах рек Кан и Чарыш и др. выше по течению от Усть-Канского моренного комплекса [Уваров, Кузнецов, Гладких и др., 2001]. В 7 км ниже

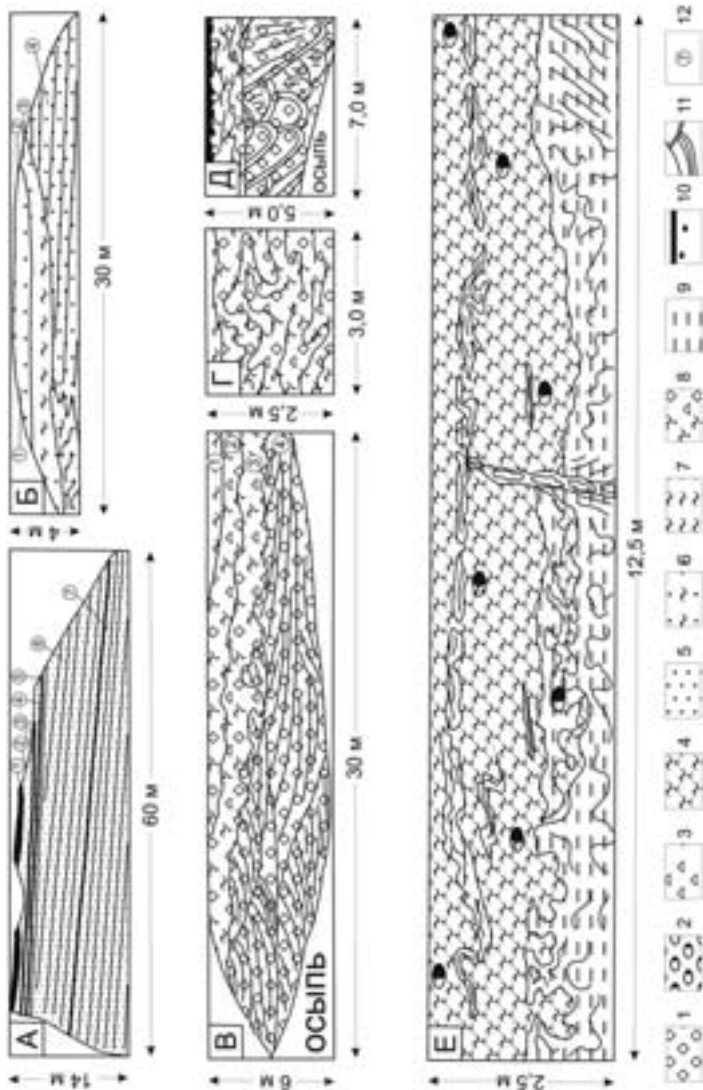

Рис. 2 Геологические свидетельства процессов морфогенеза эпохи существования палеозера и этапа его спуска.
 Условные обозначения: 1 – щебень; 2 – валуны; 3 – дресва; 4 – пескоалевропелит (средний суглинок); 5 – песок; 6 – алевропесок; 7 – алеврит; 8 – щебне-дресвяно-алевропесчаный миктит; 9 – коренные сланцы; 10 – палеопочвы и крошечные; 11 – текстурные особенности отложений; 12 – номера слоев в разрезе.

по течению от пос. Усть-Кан, обнажаются косослоистые валунно-галечники мощностью до 3-4 м. Эту толщу следует трактовать как паводковые отложения, связанные со спуском подпрудного озера.

Таким образом, есть основания для реконструкции обстановки жизнеобитания древнего человека в позднем неоплейстоцене на территории котловин. Настоящими исследованиями выявлены:

- существование палеозера в раннем Вюрме за счёт ледниковой плотины в районе пос. Усть-Кан;
- ледниковый генезис Усть-Канского диамиктона, подтверждаемый гляциодислокациями по палеозойским сланцам;
- геологические свидетельства селей и гигантских паводков при спуске озера;
- широкое распространение в среднем-позднем Вюрме эоловых процессов и процессов педогенеза.

Следовательно, теперь можно объяснить, почему интенсивность заселения Усть-Канской пещеры (54 м над современным урезом воды) приходится на ранневюрмское (ермаковское) время, и почему на более низких отметках нами найдены только позднеледниковые и более молодые комплексы. Очевидно, что 100-50 тысяч лет назад в эпоху ранневюрмского (ермаковского) оледенения территория Усть-Канской котловины и нижняя часть её склонов заполнялась подпрудно-ледниковым озером. Человек жил в пещерах на горных склонах над подпрудными озёрами и ледниками. После дегляциации и спуска подпрудного озера освободились склоны и значительная часть днища котловин. В каргинское время здесь были более лучшие условия существования для древнего человека. Об этом, в частности, свидетельствуют две палеопочвы. Оптимальные условия для расселения по днищу котловины существовавшие в каргинское время сменились несколько более суровыми условиями в сартанское время (23-10 тысяч лет назад). Здесь оживились эоловые и мерзлотные процессы. Однако, оледенением была захвачена только зона гольцов и подпрудного озера в сартанское время не было. Озёра существовали в виде остаточных водоёмов, и не исчезают, до сей поры. Необходимость для древнего человека подниматься в высокие пещеры и селиться там, в эти периоды отпала. И мы наблюдаем резкую «потерю интереса» в верхних слоях Усть-Канской пещеры по малочисленности находок.

Примечания

Лашков Е.М., Канона В.В., Адаменко О.М. Геологическая карта СССР масштаба 1 : 200 000. Серия Алтайская. Лист М-45-VII. Объяснительная записка. М.: Гостеолтехиздат. 1961.- 117 с.

Уваров А.Н., Кузнецов С.А., Гладких Л.А., Родченко С.А., Юрьев А.И. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1 : 200 000. Изд. 2-е. Серия Алтайская. Лист М-45- VII (Усть-Кан). Объяснительная записка. СПб.: Изд-во СПб картфабрики ВСЕГЕИ, 2001. 171 с.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МИНУСИНСКИХ МЕЖГОРНЫХ ВПАДИН

Палеолитические стоянки и местонахождения Минусинских впадин приурочены, как правило, к долине Енисея. Реже они обнаруживаются по крупным притокам Енисея (реки Абакан, Туба, Дербина и др.), а также в долине Чулыма - правого притока Оби. Распределение памятников палеолита неравномерное. По наибольшей концентрации памятников этой эпохи выделяются Западно-Саянский, Северо-Минусинский районы (Чеха, 2000).

Западно-Саянский район. Располагается в зоне, переходной от гор к Южно-Минусинской впадине. Памятники располагаются группами по долине Енисея и в приустьевых частях притоков на участке длиной около 7 км. Здесь известно 10 стоянок, около 13 местонахождений. Все они открытого типа и приурочены к II (16-18 м), III (25-28 м) террасам. Культурные слои находятся либо в песчаном перигляциальном аллювии (II терраса), либо в покровных лессовидных образованиях на террасах. Памятники часто многослойные, опорной среди них является Майнская стоянка. Радиоуглеродный возраст стоянок 10-16 тыс. лет (Палеолит Енисея, 1991).

Южно-Минусинская впадина. Ландшафты представлены преимущественно степями. Здесь известно более 20 местонахождений, рассредоточенных по всей впадине и не образующих скоплений. Местонахождения приурочены к II, III, IV террасам Абакана и Енисея, отмечаются по берегам древних долин и озер, на склонах и вершинах холмов. Ввиду разрушительного действия ветра почти все местонахождения имеют смешанный характер с примесью неолитических форм. Бесспорно палеолитических пунктов не обнаружено (Абрамова, 1975).

Сыда-Ербинская впадина. Сходна в ландшафтном отношении с Южно-Минусинской. Здесь обнаружено восемь местонахождений позднего палеолита в верхнем ярусе долины на отмелях Красноярского водохранилища. Они образовались за счет размыва сартанского (поздневульмского) лессовидного покрова. К аллювию I террасы были

приурочены две позднепалеолитические стоянки Бузуново I, II (Громов, 1948), ныне затопленные водохранилищем. В предгорьях Кузнецкого Алатау, в 30 км от Енисея, известен карстовый грот Двуглазка с мустьерскими и позднепалеолитическими культурами.

Северо-Минусинский район. Расположен в Северо-Минусинской впадине и отличается высокой плотностью палеолитических памятников,

на порядок превосходящий этот показатель не только для впадин Минусинского межгорного прогиба, но и по отношению к другим районам. Памятники приурочены исключительно к долине Енисея, где на протяжении около 100 км известно 35 стоянок и свыше 60 местонахождений разных эпох палеолита (Палеолит Енисея, 1991; Хроностратиграфия..., 1990). Северо-Минусинский район, по сравнению с более южными впадинами, в позднем плейстоцене был, как и ныне, менее засушливым. Благоприятными являлись морфоструктурный и ландшафтный факторы. На всем протяжении впадины Енисей протекает в пограничной между впадиной и Восточным Саяном зоне, разделяя горные таежные и лесостепные, степные ландшафты. Такое положение определяло и действие известного в экологии «эффекта краевых границ». Важным для человека следствием этого эффекта могли быть повышенные концентрации и видовое разнообразие животных, а также сосредоточение миграционных потоков крупных млекопитающих в пограничной зоне.

Наиболее распространенными являются стоянки и местонахождения позднего палеолита. Плотность заселения людьми в эту эпоху была неравномерна. Места максимальной концентрации стоянок известны под названием Таштыкской, Кокоревской, Новоселовской групп (Цейтлин, 1979); Куртакского археологического района (Хроностратиграфия..., 1990). Во всех случаях они приурочены к краевым частям низкогорных и холмистых массивов, прорезаемых Енисеем. Это Батеневский кряж и зона, переходная от кряжа к впадине (Таштыкская группа), северное крыло Кокоревской антиклинали, выраженное в виде холмистого, сильно расчлененного массива, подступающего к пойме Енисея (Кокоревская группа), юго-западное окончание Новоселовского низкогорного и холмистого поднятия (Новоселовская группа), юго-восточный склон того же поднятия (группа позднепалеолитических памятников в Куртакском районе). Очевидно, что на таких участках было благоприятное для человека сочетание геоморфологических, гидрологических, ландшафтных факторов.

Культурные слои позднепалеолитических стоянок располагаются чаще всего в перигляциальном супесчаном аллювии I или по СМ. Цейтлину (1979) II террасы высотой 10-12 метров. Мощность аллювия обычно составляет около 2-3 м, иногда уменьшаясь до 0,7 м (Кокорево IV), либо увеличиваясь до 5-7 м (Кокорево II). Радиоуглеродный возраст стоянок 16-13 тыс. лет. Покровные лессовидные образования на I террасе имеют мощность 2-3 м, стоянки в них редки, возраст памятников от 13 до 10,3 тыс. лет (Цейтлин, 1979). Иногда кратковременные поселения людей позднего палеолита отмечаются в лессовидных покровах III и IV террас.

После создания Красноярского водохранилища (1972 г.) в его береговой зоне над уровнем затопленного Енисея 40-70 м стали обнаруживаться позднепалеолитические памятники, впоследствии отнесенные к группе «памятников высоких террас» (Палеолит Енисея, 1991). Но связь с террасами здесь неоднозначна. В одних случаях ее можно предполагать по наличию

рассеянных галечников и валунов (служивших, кстати, сырьем для производственной деятельности человека на высоких уровнях), по выровненным площадкам, как цоколям древних террас (Разлив, Афанасьева гора, Аешка IV). В других случаях такая связь проблематична (Елань, Каштанка, Куртак III). Более определенно намечается ассоциация с долинами небольших притоков Енисея. Вследствие изложенного для рассмотренной группы палеолитических стоянок было предложено название «памятники верхнего яруса долины Енисея» (Дроздов, Чеха, 2003).

Отложения террас, логов нижнего яруса долины Енисея, включающие основную часть памятников позднего палеолита, изучены достаточно подробно (Громов, 1948; Цейтлин, 1979). Этого нельзя сказать о покровных четвертичных отложениях с позднепалеолитическими стоянками в верхнем ярусе долины. По данным наших исследований на участках позднепалеолитических стоянок и местонахождений (на отрезке от Батеневского кряжа до п. Новоселово) покровные четвертичные отложения в верхнем ярусе долины Енисея часто залегают непосредственно на коренных породах, либо на продуктах древних кор выветривания. Мощность их относительно невелика — до 8 м, редко больше. В возрастном отношении они преимущественно сартанского возраста и сопровождаются комплексами артефактов позднего палеолита, остатками фауны позднепалеолитического комплекса. В обнажениях преобладает супеси, в верхних частях разрезов имеющие характерные признаки лессов.

Культурные слои в сартанских отложениях верхнего яруса долины имеют пока единичные радиоуглеродные даты, которые укладываются в тот же интервал, что и для стоянок на низких террасах - от 11,6 тыс. лет до 16,9 тыс. лет. (Палеолит Енисея, 1990). Относительный возраст может определяться стратиграфией покровных образований. Более древние стоянки располагаются в нижней толще глинистых супесей с коричневатой окраской (Тарачиха, Дивный I, Куртак III). Финальнопалеолитические стоянки обнаруживаются на глубине до 1 м в толще серых лессовидных супесей (Чегерак, Первомайское I). Но местные особенности разрезов, как отмечалось, могут затушевывать эту картину. Так, стоянка конца позднего палеолита Аешка III располагается в красноцветных суглинках, завершающих разрез покровных поздневюрмских образований. Причиной этого является наличие вблизи стоянки выходов выветрелых до глин вишневых алевролитов и аргиллитов девона.

Сартанские отложения в верхнем ярусе долины Енисея, в Северо-Минусинской впадине, а также на стоянке Малая Сья подстилаются ископаемым почвенным комплексом каргинского времени (средний вюрм). В районе он получил местное название куртакский почвенный комплекс (Хронография..., 1990, Дроздов, Чеха, 2003). Строение его сложное. В верхней части это комковатые пористые буровато-серые, буровато-коричневые суглинки с включением линз, полос черных суглинков. Последние группируются в один-два прерывистых горизонта. Имеются следы солиф-

люкционного течения. Внизу повсеместно фиксируются остатки вероятно черноземных почв с инволюционными, солифлюкционными текстурами и следами других мерзлотных явлений. В почвенном комплексе отмечаются две генерации псевдоморфоз по жильным льдам. Морфология и строение псевдоморфоз позволяют говорить о наличии во время формирования жильных льдов многолетней мерзлоты. В верхней части куртацкого почвенного комплекса обнаружены позднепалеолитические стоянки Каштанка, Куртак IV. Радиоуглеродный возраст первой стоянки 20,8 - 24,8 тыс. лет, второй - 23,5 - 24,2 тыс. лет. На стоянке Каштанка в нижней части почвенного комплекса с возрастом (C^{14}) 29,4 тыс. лет обнаруживаются единичные артефакты. Они представляют, очевидно, остатки разрушенного мерзлотными процессами более древнего культурного слоя. Для стоянок среднего вюрма, также как и для сартанских, отмечается приуроченность к древним эрозионным формам. Так, стоянка Каштанка была расположена на отлогом склоне большого древнего лога, в 2 км от его прежнего устья (Археология, геология и палеогеография..., 1992).

Примечания

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Артемьев и др. Красноярск: ПИК «Офсет», 1992. 130 с.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 521 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Геологическая хронология и периодизация позднего палеолита Енисея: подходы и проблемы // Археол., этногр. и антропол. Евразии. 2003, № 1 (13). С. 2-10.

Муратов В.М., Оводов Н.Д., Паньчев В.А. и др. Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии // Археол. Сев. Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 48-54.

Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев и др. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаукин и др. Новосибирск: Наука, 1990. 185 с.

Цейтлин СМ. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 158 с.

Чеха В.П. Археологические культуры позднего палеолита Средней Сибири - пространственные закономерности // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Сев. Азии и сопред. территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 386-395.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЫМЫАХТАХСКОГО ВОИНА ИЗ МЕСТНОСТИ КЁРДЮГЕН

Погребение, из которого происходит анализируемый палеоантропологический материал, было расположено в местности Кёрдюген, в долине речки Татта (левого притока р. Алдан) на территории республики Саха (Якутия). Датируется погребение финалом ымыяхтахской культуры позднего неолита XIV-XIII вв. до н.э. С погребённым мужчиной обнаружены щит и доспех из костяных пластин, свидетельствующие о его воинском статусе [Алексеев, Жирков, Степанов и др., 2006].

В погребении находился, практически полный скелет. Отсутствовали только правая бедренная кость и часть фаланг пальцев рук и ног. Состояние костей удовлетворительное, однако, отсутствуют многие эпифизы, а компактное вещество сильно повреждено в результате почвенной эрозии.

Возраст погребённого относится к интервалу 40-50 лет. Охарактеризуем морфологические особенности черепа, на фоне краниологических материалов эпохи неолита, происходящих с территории Якутии (таблица, 1). Мы имеем возможность сравнить кёрдюгенский череп с материалами ымыяхтахской культуры - краниологической серией из могильника Диринг-Юрях [Гохман, Томтосова, 1992] и черепом из погребения на р. Бугачан (низовья р. Лены) [Якимов, 1950], а также с единичными черепами из местонахождений предшествующей ей белькачинской культуры (III тыс. до н.э.): со стоянок Родинка-II на Нижней Колыме [Гохман, Томтосова, 1992] и Джикимда на Олёкме [Томтосова, 1977] и могильника Туой-Хая в верховьях Вилноя [Дебец, 1956].

Кёрдюгенский череп, как и вся краниологическая коллекция якутского неолита, характеризуется крупными горизонтальными диаметрами мозговой коробки, но превосходит все экземпляры этой коллекции по высоте черепа. Наименьшим отрезком сагиттальной дуги его черепного свода является лобный, тогда как на других черепах якутского неолита лобная часть сагиттальной дуги доминирует. Соотношение затылочного и теменного компонентов сагиттальной дуги на черепе из Кёрдюгена очень низкое, типичное для экземпляров в составе европеоидных серий, но встречающееся, однако, и на черепах арктических монголоидов. Широкие параметры лобной кости минимальны на фоне якутских неолитических материалов, а вертикальный профиль лба наиболее прямой. Надглазничный рельеф массивный.

Таблица 1. Краниометрические характеристики неолитического палеоантропологического материала с территории республики Саха (Якутия).

Признаки	Кёрдоген	Диринг-Юрях	Бугачан	Туой-Хая	Родинка-II
Пол	муж.	муж.	муж.	муж.	жен.
1. Продольный диаметр	193,0	187,8(5)	193,0	188,0	187,0
8. Поперечный диаметр	148,0	153(5)	150,0	157,0	138,0
8:1. Черепной указатель	76,7	81,5(5)	77,7	83,5	73,8
17. Высотный диаметр от базиона	142,0	132(4)	131,0	131,0	132,0
20. Высотный диаметр от порионов	122,0	121,2 (5)	115,0	112,0	117,0
5. Длина основания черепа	107,0	105,5(4)	108,0	109,0	105,0
9. Наименьшая ширина лба	93,7	98,8(6)	96,0	102,0	96,0
10. Наибольшая ширина лба	118,0	123,8(4)	118,0	-	115,0
9:8. Лобно-поперечный указатель	63,3	65,0(5)	64,0	65,0	69,6
25. Сагитальная дуга,	391,0	377,5(4)	-	-	353,0
26. Лобная дуга	129,0	138,8(5)	-	-	122,0
27. Теменная дуга	137,0	107,8(5)	-	-	118,0
28. Затылочная дуга	125,0	128,8(4)	-	-	113,0
26:25. Лобно-сагитальный указатель	33,0	36,9(3)	-	-	34,6
27:25. Теменно-сагитальный указатель	35,0	28,6(3)	-	-	33,4
28:25. Затылочно-сагитальный указатель	32,0	34,6(3)	-	-	32,0
28:27. Затылочно-теменной указатель	91,2	121,3(3)	-	-	95,8
Угол поперечного изгиба лба	141,4	137(5)	-	-	140,0
45. Скуловой диаметр	148,0	147,8(5)	143,0	152,0	139,0
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	100,0	96,7(5)	95,3	96,8	100,7
40. Длина основания лица	105,0	104(3)	106,0	108,0	105,0
40:5. Указатель выступания лица	98,1	98,1(3)	98,1	99,1	100,0
48. Верхняя высота лица	80,0	80(5)	73,0	71,0	74,0
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	56,3	61,2(4)	55,7	54,2	56,1
55. Высота носа	58,6	60,3(4)	58,0	53,0	54,0
54. Ширина носа	29,4	26,8(4)	30,0	27,9	22,0
51. Ширина орбиты от mfl.	42,8	44,4(5)	-	46,8	45,0
52. Высота орбиты	37,4	35,1(5)	34,0	30,1	40,0
Назомаллярный угол	147,4	145(5)	-	149,0	141,8
Зигмаксиллярный угол	136,7	143,5(5)	-	144,0	141,8
SC. Симогическая ширина	3,6	-	-	7,4	-
SS. Симогическая высота	1,1	2,9(3)	-	2,3	2,2
DC. Дакриальная ширина	24,4	-	-	25,5	-
DS. Дакриальная высота	10,4	-	-	11,0	-
32. Угол профиля лба от назииона	84,0	79(5)	77,0	77,0	82,0

GMFH. Угол профиля лба от глабеллы	72,0	-	-	-	-
72. Общий угол профиля лица	83,0	89(4)	88,0	88,0	84,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	77,0	79,8(4)	-	-	76,0
75(1). Угол выступания носа	-	16(3)	-	18,0	7,0

Скуловой и височный диаметры лицевого отдела очень большие, аналогичные величинам, наблюдаемым в краниологической серии из Диринг-Юряха. Череп из Кёрдюгена и черепа из Диринг-Юряха характеризуются также сильным выступанием верхних челюстей вперёд (альвеолярным прогнатизмом). Большая высота лица отличает черепа ымыяхтахской культуры от черепов белькачинцев, а альвеолярный прогнатизм, возможно, является общей чертой неолитического населения Якутии.

По величинам и соотношению углов горизонтального профиля лица кёрдюгенский череп отличается от остальных черепов якутского неолита, которые характеризуются практически одинаковыми высокими значениями верхнего и среднего углов горизонтального профиля, что является специфической особенностью байкальской расы. Однако, черепа якутского неолита не характеризуются полным морфологическим комплексом байкальской расы. В.П. Алексеев и И.И. Гохман отмечали их крайне своеобразный, специфический морфологический комплекс, в котором как бы совмещены в исходной слабо дифференцированной форме черты основных рас Восточной Сибири (арктической, байкальской и центральноазиатской) [Алексеев, Гохман, 1984, с.34]. Череп же из Кёрдюгена отличается более гармоничным сочетанием морфологических признаков, близким к комплексу арктической расы.

В одну группу со сходным комплексом морфологических признаков, с преобладанием черт арктической расы могут быть объединены черепа из Кёрдюгена, Диринг-Юряха и Родинки-II. В другую группу, характеризующуюся в морфологическом отношении более целостным комплексом байкальской расы могут быть объединены черепа из Бугачана, Туой-Хая и фрагменты из Джикимды. Ареалы формирования байкальского и арктического морфологических комплексов монголоидной расы, вероятно соприкасались на территории современной Якутии. Возможно, что отмеченная В.П.Алексеевым и И.И.Гохманом «недифференцированность» морфологического комплекса неолитических черепов явилась следствием смешения носителей двух разных расовых комплексов на территории перекрывания двух ареалов расообразования. Этот процесс не исключает перманентного либо импульсного распространения отдельных групп арктического населения за периферию своего ареала. Тот факт, что мужчина из Кёрдюгенского погребения охарактеризован археологами как воин, подтверждает предположение, основанное на антропологических данных.

На основании размеров длинных костей скелета вычислена длина тела кёрдогенского воина – 165, 3 см, которая характеризует мужчину как среднерослого. На костях посткраниального скелета фиксируются несколько травматических повреждений, полученных данным индивидом еще при жизни. Их описание может послужить для дальнейшей реконструкции элементов военного дела Ымыяхтахского общества.

На правых большой и малой берцовых костях хорошо заметны зажившие переломы (рис. 1). На большой берцовой кости перелом находится в нижней трети, а на малой – в верхней трети. Оба перелома хорошо зажившие, однако в обоих случаях при сращивании произошло смещение. На большой берцовой кости заметны следы воспалительного процесса (рис. 2 – 2,3), сопровождавшего заживление, которые локализируются выше костной мозоли (рис. 2 – 1). Схожая картина наблюдается и на малой берцовой кости. Мы предполагаем, что оба перелома произошли одновременно. Причиной мог стать сильный удар по выпрямленной ноге. Вероятнее всего, имело место неудачное приземление при прыжке с большой высоты. К сожалению, правая бедренная кость отсутствует, и мы не можем судить о состоянии ее суставов. Судя по проксимальному суставу большой бедренной кости, где фиксируется заживший компрессионный перелом, подобную картину можно было наблюдать и на дистальном суставе бедренной кости. Кроме того, вертлужная впадина правой подвздошной кости несет следы компрессионного перелома, последовавшего в результате удара об нее головки бедренной кости. На наш взгляд, все эти повреждения взаимосвязаны и, как уже было отмечено выше, являются результатом неудачного приземления на выпрямленную ногу.

Травмированы, также, оба локтевых и плечевых сустава. Повреждения фиксируются на дистальных суставах правой (рис. 3, 5) и левой плечевых костей, на проксимальных суставах правой локтевой и лучевой костей (рис. 5), а также левой локтевой и лучевой костей (рис. 6). Повреждения представляют собой компрессионные переломы на головчатом возвышении правой плечевой кости (рис. 3 – 1). К сожалению, дистальный эпифиз левой локтевой кости сильно поврежден из-за почвенной эрозии, поэтому патологические изменения на нем не столь заметны. Однако, судя по практически одинаковым следам некротических изменений на суставных площадках правой (рис. 5 – 1) и левой (рис. 6 – 1) локтевых костей, можно предположить наличие одинаковых травм на обоих локтевых суставах. Данные травмы сопровождались деструктивными изменениями на суставных поверхностях плечевых, локтевых и лучевых костей. Воспалительный процесс, начавшийся впоследствии в суставных сумках, привел к образованию внутри них и по краям новой костной ткани (рис. 3 – 3), а также, возможно, к окостенению ее части в локтевых ямках (рис. 4 – 1). Повреждение хрящевой ткани суставов привело, в дальнейшем, к формированию краевых разрастаний на всех суставах на плечевых (рис. 4 – 2), локтевых (рис. 5 – 2; 6 – 2), лучевых (рис. 5 – 3; 6 – 3) костей. Кроме того, данная

Рис. 1.

Рис. 2.

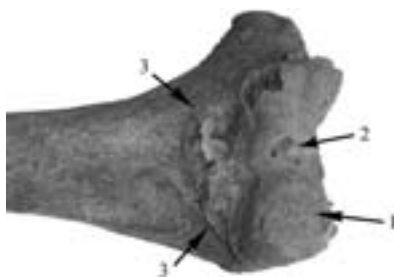

Рис. 3.

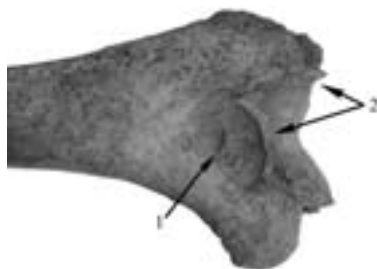

Рис. 4

Рисунок 1. Правые большая и малая берцовые кости. Стрелками обозначены зажившие переломы.

Рисунок 2. Правая большая берцовая кость. Дистальная треть.

1. Костная мозоль. 2. Следы воспалительного процесса. 3. Отпечаток кровеносного сосуда.

Рисунок 3. Правая плечевая кость. Дистальный конец. Вид спереди.

1. Заживший компрессионный передом на головчатом возвышении. 2. Некротические изменения на блоке плеча. 3. Новообразованная костная ткань.

Рисунок 4. Правая плечевая кость. Дистальный конец. Вид сзади.

1. Новообразованная костная ткань в локтевой ямке. 2. Краевые разрастания на блоке плеча.

травма фиксируется и на краях суставных впадин правой и левой лопаток. Происхождение данной травмы также, на наш взгляд, связано с сильным ударом по выпрямленным рукам. Вполне возможно, она была получена одновременно с травмой правой ноги.

На основании анализа мышечного рельефа костей можно выдвинуть ряд предположений об образе жизни данного человека. Несмотря на умеренные размеры костей, мышечная масса плечевого пояса, а также пред-

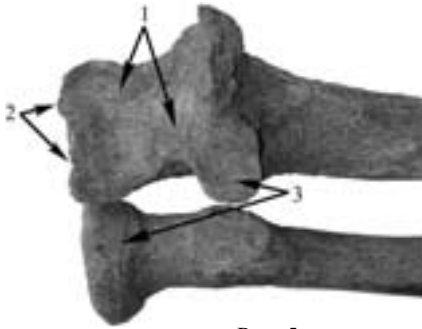

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рисунок 5. Правые локтевая и лучевая кости. Проксимальная треть.

1. Краевые разрастания на локтевом отростке полулунной вырезки. 2. Некротические изменения на поверхности полулунной вырезки. 3. Повреждения в луче-локтевом суставе.

Рисунок 6. Левые локтевая и лучевая кости. Проксимальная треть.

1. Некротические изменения на поверхности полулунной вырезки. 2. Краевые разрастания на локтевом отростке полулунной вырезки и лучевой вырезке. 3. Разрастание на головке луча.

Рисунок 7. Правая плечевая кость. Проксимальный конец. Вид спереди. Стрелкой обозначено повреждение костной ткани в месте крепления широчайшей мышцы спины.

плеча и, вероятно, груди и спины была хорошо развита. Скорее всего, данный индивид был правой рукой, поскольку кости правой руки более массивны в сравнении с левой, а мышечный рельеф на них развит сильнее. На правой плечевой кости хорошо фиксируется дефект костной ткани (рис. 7), который связан с чрезмерной нагрузкой и отделением надкостницы в месте крепления широчайшей мышцы спины. Ее основной функцией является вращение плечевой кости кнутри, опускание поднятой и отведение назад опущенной руки. Кроме того, рядом с данным дефектом хорошо заметны места крепления большой круглой мышцы, а также большой грудной мышцы. На обеих ключицах в местах крепления реберно-ключичной связки заметны повреждения, связанные с постоянным перенапряжением соединительной ткани в этом отделе. Крупные костные разрастания отмечаются, также, на внутренней поверхности дистальных суставов первой и

второй костей правого пястья. Возможно, это также связано с высокими нагрузками на ладонь и пальцы. На костях левой руки таких изменений нет.

Учитывая обряд погребения и сопроводительный инвентарь, который свидетельствует о том, что данный мужчина был воином [Алексеев, Жирков, Степанов и др., 2006], можно предположить, что чрезмерное развитие костей плечевого пояса, в особенности правой стороны, и костей предплечий связано с использованием оружия, например, натягиванием лука. Вместе с тем, нужно отметить, что полученные травмы могли сильно затруднять движение, что, скорее всего, в посттравматический период не позволяло данному индивиду в полной мере участвовать в военных столкновениях.

Примечания

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.К., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген. // Археология, этнография и антропология Евразии. - № 2 (26). Новосибирск: Изд-ва ИАЭТ РАН, 2006. – с. 45-52.

Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка. // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1992. - Стр.105-124.

Дебец Г.Ф. Древний череп из Якутии // КСИЭ. - Вып. 25. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. - Стр.60-63.

Якимов В.В. Череп человека бронзового века из Якутии // Окладников А.П. Ленские древности. - Вып.3. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Стр.189-195.

Томтосова Л.Ф. Череп человека из древнего погребения на Олёкме. – Советская этнография. - № 3. – М.: Наука, 1977. – С. 133-136.

**АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В УСТЬЕ РЕКИ СИБИРКИ

Основной целью разведочных работ в устье р. Сибирки, расположенной в Тобольском районе Тюменской области в 17 км от города Тобольска (вверх по течению реки Иртыш), было обследование состояния городища Искер и сбор подъемного материала. Проведенные работы показали, что городище интенсивно размывается и от верхней площадки столицы Сибирского ханства осталась полоса шириной всего не более 4 метров. Большая часть оставшейся площадки уже исследована раскопами А. П. Зыкова 1988 и 1993 годов и постоянно подвергается самовольной шурфовке «черных» археологов.

В то же время в логу, отделяющем площадку городища от террасы и по которому проходила линия обороны города, все еще остается большое поле деятельности для исследований. Раскопы А. П. Зыкова по краю террасы уже обвалились и в обнажении прослеживается мощный культурный слой, достигающий до 3,5 м, исследование которого позволит дополнить наши весьма скудные знания о городище.

На отмели вдоль береговой линии р. Иртыш с помощью металлоискателя было обнаружено более двадцати интересных изделий. Прежние сборы без металлоискателя позволяли найти только единичные находки в этом же месте. Собранные предметы существенно пополнили коллекцию с городища. На сегодняшний день самая большая коллекция сборов М. С. Знаменского хранится в Финляндии. Второй по значимости является коллекция Тобольского музея-заповедника, составленная из раскопок В. Н. Пигнатти в 1915 г. [Пигнатти, 1915], сборов различных краеведов конца XIX – начала XX вв. и исследований А. П. Зыкова.

Понятно, что коллекция вещей, собранная нами, позволит расширить представления о замечательном памятнике, уже практически уничтоженном.

В 2005 г. были найдены изделия из кости, железа, меди, глины, камня и стекла. Изделия из кости представлены одним наконечником стрелы ромбического сечения, выполненным достаточно небрежно (рис. 1,1) и обломком костяной петли от колчана, украшенным циркульным орнаментом (рис. 1,8).

Изделия из железа представлены двумя наконечниками стрел, один из которых листовидный (рис. 1,3), а другой боеголовковый (рис. 1,2).

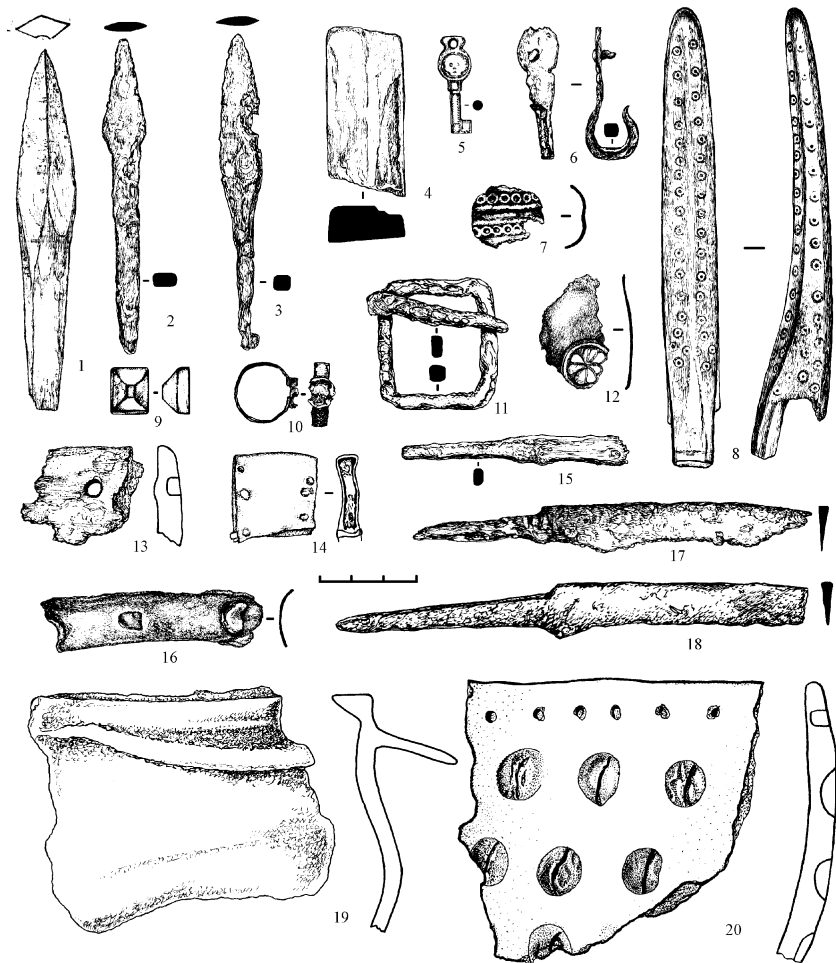

Рис. 1. Находки с городища Искер.

1, 2 - кость; 2, 3, 6, 11, 15, 17, 9, 12, 14, 16 - железо; 4 - камень; 5, 7, 9, 10, 12, 14, 16 - медь; 13, 20 - керамика.

Из других железных изделий нужно отметить два ножа: один с односторонней заточкой (рис. 1,17), а другой с двухсторонней (рис. 1,18). Обнаружен обломок железной петли, возможно, от металлического котла (рис. 1,6), а также несколько фрагментов от достаточно больших чугунных котлов, один из которых с ручкой (рис. 1,19). Такие котлы широко использовались вплоть до двадцатого века и их много среди этнографических экспонатов Тобольского музея-заповедника. Кроме того, были найдены обломок железного шила (рис. 1,15) и прямоугольной пряжки (рис. 1,11). Для заточки ножей использовались каменные точила (рис. 1,4).

Изделия из меди и бронзы представлены многочисленными обломками медных котлов (рис. 1,16) и, вероятно, фрагментом орнаментированного медного блюдечка (рис. 1,12), а также небольшой бронзовой пирамидкой (рис. 1,9), разновесом для весов (?), медной обкладкой деревянного сосуда (рис. 1,14), небольшим ключиком (рис. 1,5). Украшения представлены медным перстнем со вставкой, которая не сохранилась (рис. 1,10), обломком бронзовой пуговицы (рис. 1,7) и светло-голубой бусиной, аналогии которой широко представлены на Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2004].

Очень интересными оказались два фрагмента от керамических сосудов ручной лепки. Один из них (рис. 1,13) можно с уверенностью датировать не ранее начала II тыс. н.э., а значит, на удобном мысу, на котором располагалась столица Сибирского ханства, человек поселился задолго до основания Искера и вывод А. П. Зыкова «... что никаких ранних «дотатарских» культурных напластований городище не содержит» [Зыков, 2000, с. 23] нужно признать несколько поспешным тем более, что р. Иртышем, только с XVIII в. было смыта полоса террасы шириной не менее 100 м. Наши находки подтверждают и сборы Пигнатти, среди которых есть как сузгунская так и потчевашская керамика (Пигнатти, 1915, табл. I). Другой фрагмент баночного сосуда с рядом ямочных вдавлений по верхнему краю и пальцевидными вдавлениями по тулову (рис. 1,20) можно датировать временем существования Искера. Он изготовлен в керамических традициях тюркских позднесредневековых памятников Западной Сибири тех районов, где сохранялось собственное керамическое производство [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 21, Плетнева, с. 100]. Единичность таких находок на Искере, а в Тобольском музее хранится только еще один фрагмент подобного сосуда и большое число обломков медной и чугунной посуды свидетельствует об упадке собственного керамического производства, вытесненного доступными привозными котлами.

Если городище Искер расположено на правом берегу р. Сибирки, то на левом берегу разведочными работами были зафиксированы остатки старой русской деревни. На Генеральном плане Абалакской волости Тобольского округа за 1879 г. в этом месте указана деревня Выходцева [ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 154. оп. 21. д. 124]. Наиболее раннее упоминание об этой деревне встречаем в «Дозорной книге» 1623 г., где вписана «деревня на старой Сибири на Яру», состоящая из одного двора, принадлежавшего служилым людям «Демке да Павлуку Выходцевым» [Дозорная книга..., 2001]. Деревня прекращает свое существование в конце XIX – начале XX вв., поскольку в «Списке населенных мест Тобольской губернии» за 1904 г. она не упоминается [Список..., 1904]. Таким образом, датировать д. Выходцеву представляется возможным началом XVII – концом XIX вв. Это место уже давно привлекает «черных» копателей, добывающих с помощью металлоискателя монеты в основном XVIII в. Памятник также осыпается, и на берегу Иртыша была собрана коллекция предметов, представленная гончарной керамикой, медным нательным крестом, железными изделиями.

Собранный керамический материал позволяет выделить две основные категории посуды: горшки и миски (рис. 2). По размерам горшки можно подразделить на малые (диаметр горла 10–15 см) и средние (диаметр – 16–22 см), количественно преобладающие. Взяв за основу качество отделки и форму профилей верхних частей сосудов можно также выделить две группы.

К первой группе относятся 19 фрагментов венчиков горшков (рис. 2, 10, 11). Эту группу составляет грубая толстостенная (0,8–1,2 см) керамика с низкой, иногда слабо выделенной, шейкой, плавно переходящей в округлое плечико, верхняя часть венчика имеет подовальную или приостренную форму. Характерным признаком этой группы является то, что следы формирования на гончарном круге прослеживаются только в зоне шейки, а зоны плечика и тулова достаточно грубо обточены (обструганы). Кроме этого, на ряде собранных фрагментов придонных частей прослеживаются следы ручного обстругивания боковой поверхности. Аналогичные следы обтачивания А. А. Бобринский объяснял желанием гончара уменьшить толщину стенок сосуда [Бобринский, 1978].

Вторую группу образуют 23 фрагмента венчиков (рис. 2, 8, 9). От предыдущей группы эти находки отличаются меньшей толщиной стенок (0,4–0,7 см), (известен только один фрагмент с толщиной около 1 см), а также более высокой и лучше профилированной шейкой. Верхняя часть венчика также имеет подовальную или приостренную форму, часто дополненную валиком по внешней кромке.

Найденная керамика орнаментировалась сравнительно редко. Отмечен орнамент, образованный беспорядочным лощением на черной и серой керамике (2 экз.), а также орнамент в виде волнистой линии на фрагментах коричневой и серой керамики (3 экз.).

Собранные фрагменты посуды находят аналогии среди гончарной керамики г. Тобольска. Горшки и миски здесь также являются наиболее распространенной категорией посуды, но отличаются большим разнообразием форм и размеров. Следует отметить, что горшки первой группы в материалах города практически не представлены, что позволяет сделать предположение об их «сельском» происхождении, в то время как изделия второй группы могут, вероятно, относиться к привозной продукции. В целом, собранная керамика типологически и по характеру орнаментации находит достаточно широкие аналогии в материалах русских памятников Сибири XVII–XVIII вв. [Артемьев, 1999, Карлова, Мельников, 1999].

Единственным найденным предметом меднолитейного производства является четырехконечный нательный крест (рис. 2, 6). Его размеры составляют 6,8×3,4×0,2 см. Крест двусторонний, с прямоугольными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия. Оглавие имеет вид плоского ушка. На внешней стороне находки помещено рельефное изображение Галгофского креста, а также несколько монограмм под титлами, из них уверенно читаются ЦРЬ (верхняя оконечность) и IC, XC (боковые оконечности). Обратная сторона полностью покрыта лигатурами, которые, веро-

Рис. 2. Находки с д. Выходцева.
1 - 3, 4, 7 - железо; 6 - медь; 5, 8 - 12 - керамика.

ятно, образуют текст какой-то молитвы. Близкие аналоги найденному кресту позволяют датировать его периодом XVII–XIX вв. [Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003; Из глубины столетий, 1998]

К изделиям из железа относятся кованые гвозди, половина конской подковы с двумя шипами, удила (рис. 2,2). Ленточная корабельная скобка (рис. 2,3) в форме буквы «Л» относится к 1 типу по классификации Г. Е. Дубровина [Дубровин, Огороков, Старков, Черносивтов, 2001, с. 133]. Аналогичные скобки широко распространены на памятниках Русского Севера [Дубровин, Огороков, Старков, Черносивтов, 2001, с. 263], встречены они в материалах Западной Сибири – на Лозьвинском городке [Пархимович,

1986], в Мангазее [Белов, Овсянников, Старков, 1980], в Надымском городке [Кардаш, 2000]. Нож (рис. 2,7) с широким лезвием, частично обломанным, возможно, вторично использовался в качестве пробы, поскольку черешок загнут в кольцо, лезвие имеет следы заточки по линии слома. Железные вещи имеют широкий круг аналогий в русских памятниках Европейской России и Сибири [Артемьев, 1999].

Среди обнаруженных на отмели вещей выделяются небольшой железный серп с частично обломанным лезвием (рис. 2,1), втульчатое тесло с ярко выраженными выступающими плечиками (рис. 2,4), обломок керамического пряслица (рис. 2,5). И серп, и тесло имеют прямые аналогии в материалах с городища Искер [Пигнатти, табл. IV,2,3]. Обломок пряслица также аналогичен пряслицам сибирских татар, широко представленных в материалах Искера. Такие пряслица, как и вообще глиняные пряслица, не встречаются в находках из раскопов г. Тобольска. Комплекс этих находки явно свидетельствуют о том, что д. Выходцева была основана на месте поселения сибирских татар, возможно, одновременного Искеру.

Таким образом, даже разведочные работы расширили наши знания о столице Сибирского ханства Искере и его ближайших окрестностях, о материальной культуре ранних сибирских деревень.

Примечания

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1999.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазее. Мангазейский морской ход. Ч. 1. – Л.: Гидрометеиздат, 1980.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978.

Визгалов Г. П. Пархимович С. Г. Мангазее. Археологические открытия в заполярном городе. Екатеринбург: 2004.

ГУТО ГА (Государственное Учреждение Тюменской области Государственный Архив) в Тобольске. Ф. 154. оп. 21. д. 124. Генеральный план Абалакской волости, Тобольского округа.

Дозорная книга 1623 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. С. 19 – 75.

Дубровин Г. Е., О कोरोков А. В., Старков В. Ф., Чернозитов П. Ю. История северорусского судостроения. – СПб.: Алетейя, 2001.

Зыков А. П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000.

Из глубины столетий. – М.: Музей истории города Москвы, 1998.

Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение севера Западной Сибири в XVII веке (по материалам археологических исследований) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000.

Карлова Н. Р., Мельников Б.В. Керамика Черталинского поселения и некоторые вопросы изучения гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI-XVII вв. //Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. - Новосибирск: Наука, 1999.

Молодин В. И., Соболев В.И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск, 1990.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье. – Томск, 1990.

Пигнатти В. Н. Искер // Ежегодник Тобольского Губернского Музея. – 1915. – Вып. 25.

Пархимович С. Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI – XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: УрГУ, 1986.

Переписная книга 1710 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. С. 76 – 171.

Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X-XX веков из частных собраний.- М.: «Раритет», 2003.

Список населенных мест Тобольской губернии. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ РЕКИ ШИЛКИ*

В полевые сезоны 2004–2006 гг. Благовещенский археологический отряд ИАЭТ СО РАН и отряд отдела археологии Читинского областного краеведческого музея осуществили несколько разведочных маршрутов по восточным и юго-восточным районам Читинской области. Одной из целей совместной работы, на решение которой направлен проект, является изучение динамики этнокультурного развития региона Западного Приамурья в древности и раннем средневековье. В то время, когда за последнее десятилетие в Амурской области исследованиями Приамурского и Благовещенского археологических отрядов ИАЭТ СО РАН получены новые материалы по археологии неолита, раннего железного века и раннего средневековья, сопредельные территории Читинской области в пределах означенного региона по ряду причин объективного порядка выпали из зоны активного внимания исследователей.

В августе 2006 г. нами проведена разведка археологических памятников в среднем и нижнем течении реки Шилка, а также и на одном из её притоков – речке Чёрной в Сретенском районе Читинской области. Основной задачей являлось обследование раннесредневековых городищ, предположительно принадлежащих мохэской культуре. Кроме того, велась разведка новых археологических памятников, причем основное внимание уделялось поиску объектов каменного века.

Палеолитические местонахождения.

До настоящего времени палеолит Шилки и Аргуни – рек, образующих Амур, остаётся малоисследованным. В их бассейнах велись стационарные археологические раскопки нескольких объектов, наиболее известные из которых – поселения Сохатино-4 и Арта – 2, стоянки Танга и Амагалон [Кириллов, Рижский, 1973, с. 26-31; Черенщиков, 1992, с. 12]. Они расположены на рр. Ингода и Онон - левой и правой составляющих р. Шилка и характеризуют начальный период верхнего палеолита Забайкалья [Конс-

* Исследования проводятся в рамках проекта «Комплексное археологическое и генетико-антропологическое изучение материалов Троицкого могильника в Западном Приамурье» (РФФИ №06-06-80468) и проекта РНП 2.2.1.1.2183 при поддержке Рособразования.

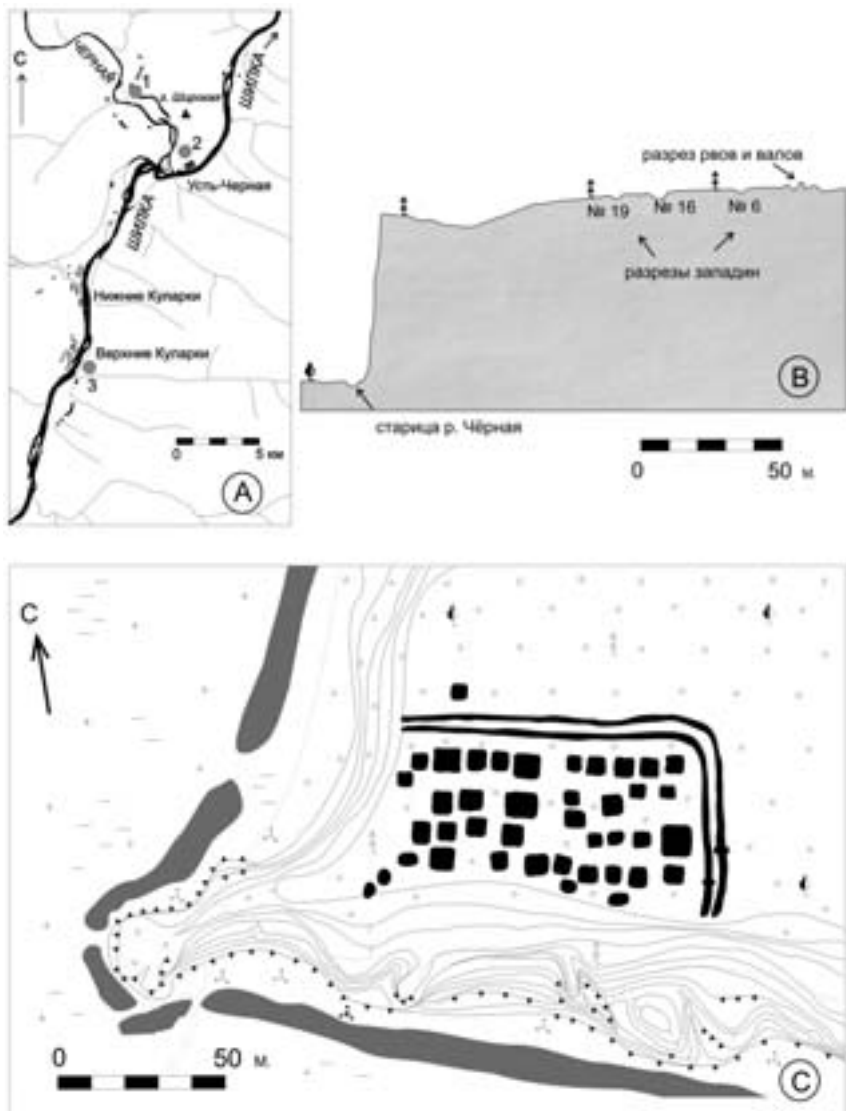

Рис. 1. А – схема расположения средневековых городищ на отрезке р. Шилки от с. Верхние Куларки до с. Усть-Чёрная:
 1 – на Чудейском утёсе, 2 - у с. Усть-Чёрная, 3 - напротив с. Верхние Куларки;
 В – профиль Чудейского утёса с сечением по территории городища;
 С – топографический план городища на Чудейском утёсе.

тантинов, 1994, с. 34]. Пункты сборов подъёмного палеолитического материала здесь также немногочисленны. Очевидно, что данная территория, представляющая большую часть Восточного Забайкалья и имеющая
 250

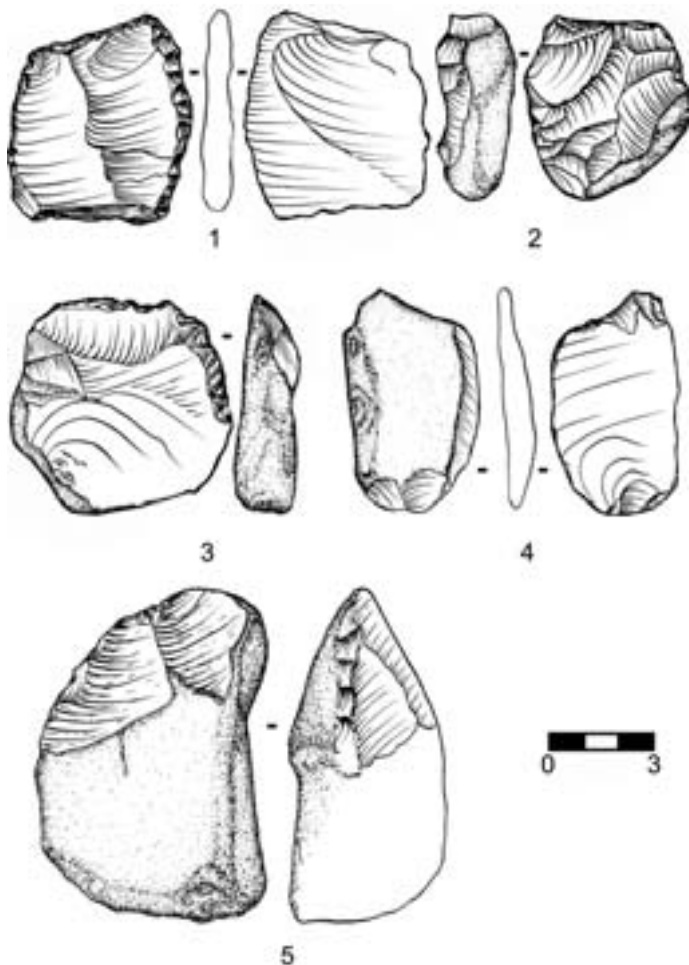

Рис. 2. Археологический материал разведки 2006 г.

Подъёмные сборы: 1, 3, 4 – местонахождение 1 на Чудейском утёсе;
 2 – нуклеус из слоя 3 шурфа на местонахождении 1 на Чудейском утёсе;
 5 – местонахождение вблизи городища у с. Усть-Чёрная.

площадь более 250 тыс. кв. километров, должна представить большее количество палеолитических объектов. Причинами подобной диспропорции явились труднодоступность большинства участков, преимущественно водный характер археологических разведок, а также наличие исследовательского стереотипа, при котором разведки производились на сравнительно невысоких уровнях, в непосредственной близости от русел рек.

Целенаправленный поиск на участках с высокими отметками позволил нам выявить в 2004-2006 гг. ряд перспективных археологических объектов. Это палеолитические местонахождения у с. Кайластуй на р. Аргунь, у с. Ломы и с. Усть-Чёрная на р. Шилка. Их характерной особенностью явилась приуроченность к отметкам на высоте 60-80 метров от уровня реки, на достаточном удалении от их русел. Так, два местонахождения на р. Чёрная обнаружены вблизи территорий средневековых городищ (рис. 1, А), которые занимали преимущественные высотные позиции в долине.

Сборы на пункте 1, расположенном в 300-350 м. юго-восточнее ранне-средневекового городища на Чудейском утёсе представлены несколькими выразительными орудиями, оформленными в основном на отщепях и крупных сколах. Одна из находок представляет собой фрагмент крупной ретушированной пластины (рис. 2, 1). Исходным сырьём являлась не только речная галька, но и обломки местных скальных пород. Поверхности большей части обнаруженных на местонахождениях каменных изделий дефлированы. Шурфовка в площади палеолитического местонахождения позволила зафиксировать привязку археологического материала к слою серых суглинков с дрсевой, находящемуся в контакте с зоной дезинтеграции коренных пород, на глубине 50-60 см. В нём обнаружен подпризматический нуклеус на гальке (рис. 2, 2) и мелкие фрагменты трубчатых костей.

Второй пункт сбора подъемного материала отмечен в 50-100 метрах восточнее городища, расположенного у с. Усть-Чёрная. Здесь на пашне собрано несколько артефактов палеолитического облика (рис. 2, 5).

Открытые объекты предварительно датируются нами начальным этапом верхнего палеолита. При этом в районе исследования сохраняется перспектива обнаружения более древних местонахождений.

Раннесредневековые городища.

В связи с началом в 2004 г. работ Благовещенского отряда на Троицком могильнике (Ивановский район Амурской области) намечено новое направление в изучении культуры троицких мохэ – поиск их памятников в Восточном Забайкалье, т.е. в районах Верхнего Амура.

Как известно, троицкая группа памятников (VII-XII вв.) была выделена из мохэской культуры по характерной лепной керамике на материалах раскопок в Амурской области и, прежде всего, по данным Троицкого могильника на р. Белой (бассейн р. Зеи). Опорный памятник троицкой группы – Троицкий могильник – изучался на протяжении нескольких полевых сезонов Е.И. Деревянко в 60-70-е гг. прошлого века [Деревянко Е.И., 1977].

За десятилетия, прошедшее с открытия и первого этапа раскопок Троицкого могильника, в Западном Приамурье и на сопредельной территории Маньчжурии было открыто немало материалов троицкого типа. В последние годы активно обсуждается гипотеза о миграции групп средневекового населения в Приамурье из Маньчжурии. Возможно, южно-маньчжурские

племена мохэ, или шире – бохайские мохэ, в конце VIII-IX вв. появились в Приамурье: среди них к западу от Малого Хингана были племена троичской группы памятников, к востоку – амурские чжурчжэни. С ними в Приамурье появился комплекс вещей, который не был характерен для автохтонной михайловской культуры северной группы шивэй и найфельдской группы хэйшуй мохэ [Нестеров, 1998].

Для выяснения причин и направления миграции, определения различий в культуре различных групп мохэского населения, а также внутренней хронологии истории мохэ в Приамурье было признано необходимым предпринять шаги к расширению источниковой базы по памятникам на территории Западного Приамурья. В 2004 г. возобновлены исследования Троицкого могильника [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006]. Комплексный анализ археологических и антропологических материалов, полученных при изучении Троицкого могильника и других памятников этой культуры, корреляция этих данных с материалами из Восточного Забайкалья должны расширить возможности для решения частной проблемы миграции из внутренних районов Маньчжурии в Западное Приамурье мохэского населения (сумо мохэ средневековых китайских письменных источников), их расселения и хозяйственной адаптации в новых условиях, а также для решения более общей проблемы происхождения тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока. Очевидно, что работа в бассейне Шилки может позволить прояснить спорные проблемы формирования этнокультурной ситуации в Приамурье не только в раннее средневековье, но и в другие эпохи [см.: Нестеров, Алкин, 2003].

Средневековые городища в долине Шилки впервые были описаны в 1915-1916 гг. [Черенщиков, 1992, с.8]. В 1953 -1954 гг. исследования в этом районе проводила Дальневосточная археологическая экспедиция ЛО ИИМК [Окладников, Ларичев, 1999; Деревянко Е.И., 1972]. Были составлены планы некоторых из них, заложены разведочные раскопы и траншеи. В 90-е годы прошлого века на отдельных объектах исследования были продолжены О.Ю. Черенщиковым. В августе 2006 г. нами обследовано городище на Чудейском утесе, где впервые произведена инструментальная топографическая съёмка, тщательная фотофиксация и сбор подъёмного материала.

Городище на Чудейском утесе расположено на поверхности одноименного мыса горы Широкой (высота 60 м.) на левом берегу притока Шилки р. Черной на расстоянии около 7 км выше устья. Площадь городища более 6000 кв. м. (Рис. 1).

Обследованием поверхности памятника было установлено, что на нём имеется 41 котлован жилищ-полуземлянок. Все западины, кроме одной, расположены внутри системы фортификационных сооружений. Она представляет собой двойной ров и валы, ограничивающие городище с восточной и южной сторон. Вход располагался с южной стороны, где имеются перемычки во рвах, идущие на уровне межровного вала. Сохранность памятника хорошая. Несколько западин имеют следы шурфовки.

Памятник входит в систему городищ на Шилке и её притоках, которые могут быть датированы концом I – началом II тыс. н.э. В ходе разведки 2006 г. было также осмотрено городище близ с. Усть-Черная, дислокация которого на высоком утёсе и организация жилого пространства и фортификационная архитектура и в целом аналогичны городищу на Чудейском утёсе. Кроме того, было установлено местоположение городищ напротив сёл Верхние Куларки и Лужанки.

По всей видимости, на определенном этапе развития культуры троцкого типа началось продвижение мохэсцев в западном направлении от основного ареала их расселения вверх по течению Амура. Хорошо укрепленные поселения на Шилке и Чёрной свидетельствуют о том, что местное бурхотуйское население (монголоязычные шивэйцы китайских исторических хроник) сопротивлялось экспансии, что потребовало от пришельцев устройства городков на труднодоступных утесах высотой до 60 метров над уровнем реки и возведения сложных фортификационных сооружений в виде системы рвов и валов.

Совместная работа Благовещенского археологического отряда ИАЭТ СО РАН и ЧОКМ им. А.К.Кузнецова по изучению археологии бассейна р. Шилка будет продолжена.

Примечания

Алкин С.В., Фэн Эньсюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 году // Вестник НГУ. – Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2006. – Т. 5. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 132-134.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: Читинск. педагог. институт, 1972. – С. 81-89.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита, 1973. – 138 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ, Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. – 180 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Забайкальское направление связей талаканской культуры раннего железного века Западного Приамурья // Забайкалье в геополитике России: Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С.82-84.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. Выпуск второй. - Издательство АмГУ, - Благовещенск, 1999 г., С.4-29.

Черенщиков О.Ю. Очерки древней истории Шилки. – Сретенск: б/изд., 1992. – 34 с.

СЕРЬГИ ИЗ ЗАРЕЧНО-УБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Курганный могильник Заречно – Убинское – 1 находится в Убинском районе Новосибирской области с юго-западной стороны с. Заречнoубинское на северо-западном берегу оз. Убинское [Соболев, Малиновский, 1995, с. 91]. Курганный могильник представляет собой три курганные группы: Заречно – Убинское – 1 А, Заречно – Убинское – 1 Б и Заречно – Убинское – 1 В (далее ЗУ – 1А, ЗУ – 1Б, ЗУ – 1В). Каждая группа состоит из разновременных насыпей содержащих материал с раннего железного века по эпоху позднего средневековья.

Комплекс украшений Заречно – Убинского могильника весьма разнообразен и представлен серьгами, перстнями, подвесками, браслетами, бусами, бисером, раковинами каури. Даная работа посвящена одной из категорий украшений Заречно - Убинского могильника – серьгам.

Все серьги, обнаруженные в Заречно – Убинском могильнике, выполнены из бронзы. По форме они разделяются на два типа, дополнительные признаки определяют варианты. Тип I – в виде знака вопроса, тип II – кольчатые. Серьги I типа выполнены из проволоки, серьги II типа проволочные и цельнолитые. Всего в погребениях Заречно – Убинского (1Б, 1В) могильника обнаружено 14 экземпляров целых серег и ряд фрагментов.

Тип I.1. Серьги без дополнительных украшений. 2 экз. (ЗУ – 1Б, к. 15, п. 1; рис. 1. 1, 2).

Тип I.2. Стерженьки серег украшены нанизанными бусами. 2 экз. (ЗУ – 1Б, к. 13, п. 1; ЗУ – 1Б, к. 23, п. 1; рис. 1. 3, 4)

Тип I.3. Стерженек серьги окантован тонкой бронзовой проволокой. 1 экз. (ЗУ – 1Б, к. 1, п. 1; рис. 1. 5).

Тип I.4. Серьги этого типа более изящны, выполнены из тонкой проволоки, стерженек, отходящий от кольца более длинный, украшен обвитой вокруг него проволокой и бусинами в разном исполнении. Окончание стерженька замкнуто и образует петельку. 5 экз. (ЗУ – 1Б к. 37, п. 1, ЗУ – 1Б, к. 23, п. 1, ЗУ-1В, к. 15, п. 1; рис. 1. 6 – 10).

Судя по расположению находок, можно предположить, что к петлям серег из к. 23 подвязывались две нити из разных бус, а концы нитей соединялись внизу оловянной подвеской.

Тип II.1. Серьга из проволоки, витая на половину и заканчивающаяся небольшим крючком. 1 экз. (ЗУ – 1В, к. 2, п. 1; рис. 1. 11).

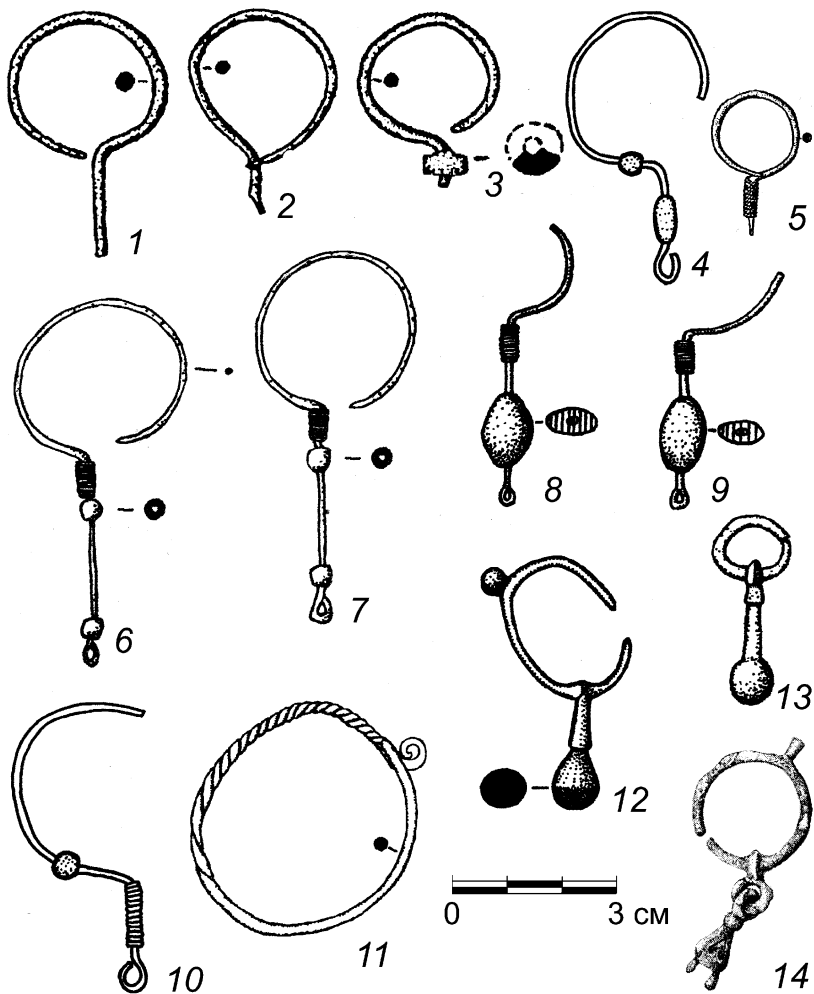

Рис. 1. Серьги из могильника Заречно – Убинское.

1, 2 – Серьги из бронзовой проволоки в форме знака вопроса без дополнительных украшений (Тип I.1.); 3, 4 – Серьги из бронзовой проволоки в форме знака вопроса с нанизанными бусами (Тип I.2.); 5 – Серьга виде знака вопроса, стержень серьги окантован тонкой бронзовой проволокой (Тип I.3.); 6 – 10 – Серьги в виде знака вопроса с нанизанными бусинами и обвитыми проволокой (Тип I.4.); 11 – Серьга в форме сомкнутого кольца (Тип II.1.); 12 – Кольцевидная цельнолитая серьга с боковым отростком виде шарика, стерженьком и каплевидным окончанием на нем (Тип II.2.); 13 – Кольцевидная цельнолитая серьга с длинным стерженьком и шарообразным окончанием на нем (Тип II.3.); 14 – Массивная кольцевидная серьга с лапчатыми подвесками (Тип II.4.).

Тип II.2. Массивная цельнолитая серьга с боковым отростком в виде шарика, стерженьком и каплевидным окончанием на нем. 1 экз. (ЗУ – 1В к. 24, п. 1; рис. 1. 12).

Тип II.3. Цельнолитая серьга с длинным стерженьком и шарообразным окончанием на нем. 1 экз. (ЗУ – 1В к. 17, п. 1; рис. 1. 13).

Тип II.4. Массивная серьга с лапчатыми подвесками. 1 экз. и фрагменты. (ЗУ – 1В, к. 24, п. 1; ЗУ – 1В к. 17, п. 1; рис. 1. 14).

Аналогии типу I.1. серег находятся в памятниках Томского Приобья – Козюлинском курганном могильнике, к. 8 [Плетнева, 1990, С.47] (см. таблицу).

Серьги типов I.2, I.3, I.4. в разном исполнении зафиксированы в памятниках тюркского времени (2 пол. VIII – нач. IX вв. н. э.) Новосибирского Приобья – могильнике Преображенка – 3 [Молодин, Савинов, Елагин, 1988, С. 85]; в позднесредневековых памятниках (XVI - XVIII вв.) [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, С. 84]. Обилие серег данных типов представлено в Кыштовском могильнике [Молодин, 1979, С. 178]. Подобные серьги обнаружены в Козюлинском курганном могильнике Томского Приобья [Плетнева, 1990, С. 63, 71].

В Варнинском курганном могильнике (Республика Удмуртия) зафиксированы серьги аналогичные II.1. типу. Автор датирует такие серьги I – V веками [Иванов, 1999, С. 45]. Подобная серьга найдена в Елунинском курганном могильнике – I (Алтайский край). Она изготовлена из тонкой бронзовой проволоки согнутой в кольцо, один конец которой представляет собой небольшой крючок. Памятник относится к раннему железному времени [Кирюшин, Фролов, 1998, С. 135].

Серьги II.2, II.3. типов характерны для тюркского времени и были широко распространены на территории Новосибирского Приобья. Они прослежены в могильниках Юрт – Акбалык – 8, Умна – 3, Красный Яр – 1, Чингис – 2, Крохалевка – 13, Крохалевка – 23, Черное Озеро – 1, Каменный Мыс [Троицкая., Новиков, 1998]. На территории Томского Приобья аналогичные изделия встречены в Тимирязевском курганном могильнике – I, II, [Беликова, Плетнева, 1983] и в могильнике Релка [Чиндина, 1991]. В Горном Алтае – в могильнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965], в Кузнецкой котловине – Саратовка [Илюшин, 1999], Сапогово [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992], Шестаки – II.

Кроме того, подобная по форме серьга «салтовского типа» найдена в погребении №1 Хусаиновского кургана №12 (Южный Урал). Однако она более миниатюрна и изготовлена из серебра [Мажитов, 1981, с. 52]. В Варнинском могильнике погребении 433 среди прочих украшений находилась кольчатая серьга с имитациями бусин на стерженьке [Шутова, 1990 – 1991 с.231].

Серьги II.4. типа были широко распространены в степях Евразии в VIII – IX вв. [Средняя Азия..., 1999]. Подобная серьга с лапчатой подвеской зафиксирована в могильнике Ваганово – I (Кузнецкая котловина) [Васютин, 1997]. Ее следует датировать тюркским временем.

Таблица. Распространение типов бронзовых серег выделенных по материалам Заречно – Убинского могильника.

Тип, вариант	Аналоги (памятники, регион)	Датировка
I.1	Козюлинский курганный могильник (Томское Приобье)	XVI-XVII вв.
I.2; I.3; I.4.	Преображенка – 3 (Обь-Иртышское междуречье). Кыштовский могильник (Обь-Иртышское междуречье). Козюлинский курганный могильник (Томское Приобье)	2 пол. VIII – нач. IX вв. XVI-XVIII вв. XVI-XVII вв.
II.1	Варнинский курганный могильник (Республика Удмуртия) Елунинский курганный могильник – I (Алтайский край).	I – V вв. I-V-III вв. до н. э.
II.2; II.3	Юрт – Акбалык – 8, Умна – 3, Красный Яр – 1, Чингис – 2, Крохалевка – 13, Крохалевка – 23, Черное Озеро – 1, Каменный Мыс (Новосибирское Приобье) Тимирязевский курганный могильник – I, II. Релка (Томское Приобье) Кудыргэ (Горный Алтай) Саратовка, Сапогово, Шестаки – II. (Кузнецкая котловина)	V-X вв. VI-VIII вв. VIII – IX вв.

	Варнинский курганный могильник (Республика Удмуртия)	V-X вв.
П.4.	Ваганово – I (Кузнецкая котловина)	V-IX вв.

Таким образом, рассмотренные серьги были широко распространены на территории Сибири в тюркское время. Серьги П.1. типа использовались, начиная с первых веков н. э. Представляется вероятным, что более массивные кольчатые серьги и серьги в виде знака вопроса были характерны больше для тюркского времени (VIII – IX вв.), а серьги из тонкой бронзовой проволоки были популярны в более позднее время вплоть до XVII – XVIII вв.

Примечания

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V – IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины: Сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 5 – 35.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. – Л, 1965. – 144с.

Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Сборник научных статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – С. 6 – 53.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск, 1992. – 128 с.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун - та, 1998. – С. 110 – 136.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. Москва: Изд-во Наука, 1981. – 163 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. - Новосибирск: Изд - во Наука Сиб. отд - ние, 1979. – 180 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Изд-во Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 175 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд - ние, 1990. – 260 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. – Томск. Изд - во Томского ун - та, 1990. – 134.

Средняя Азия в раннем средневековье. – Москва: Изд-во Наука, 1999.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998. – 152с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). – Томск, 1991 – 181 с.

Шутова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990 – 1991 гг. // Пермский мир в раннем средневековье. – Сборник научных статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – С. 210 – 231.

РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ДИСПЕРСИОННОГО АНАЛИЗА КЛАССИФИКАЦИИ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Для реконструкции типологического разнообразия средств индивидуальной металлической защиты воинов средневековых кочевых государств Центрально-Азиатского региона важное значение имеет процедура классифицирования основных элементов защитного покрытия доспехов - панцирных пластин. В прошлом, при классифицировании предметов защитного вооружения исследователи обращали основное внимание на общую форму пластин и систему их крепления и по-разному обозначали выделенные типы панцирей [Кирпичников, 1971, С. 17-18; Хазанов, 1971, С. 53; Горелик, 1983, С. 251]. Однако, в археологических памятниках средневековых кочевнических культур Центральной Азии находки полностью сохранившихся панцирей достаточно редки. Значительно чаще в процессе раскопок находят отдельные панцирные пластины, или фрагменты доспехов. Исследователями предложены различные по степени дробности схемы классифицирования панцирных пластин. Одним из авторов настоящей статьи в основу типологической классификации панцирных пластин были положены следующие формальные признаки: материал изготовления, способ крепления и расположения в составе доспеха, сечение и форма пластин [Борисенко, Худяков, 2002, С. 30-31]. Другая, более дробная схема включает шесть признаков, характеризующих особенности пластин в иной последовательности: материал изготовления, структуру набора, направление длинных сторон пластин, систему расположения отверстий и их назначение, форму и пропорции пластины, количество и взаиморасположение отверстий [Горбунов, 2003, С. 33]. Результаты распределения вещественных источников по ячейкам классификации и возможности их использования в процессе дальнейшего анализа непосредственно зависят от того, насколько обоснованно выделены и ранжированы формальные признаки в рамках классификационной схемы. Предложенная ранее четырехчленная схема в дальнейшем была неоднократно апробирована на материалах по вооружению различных древних и средневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии [Худяков, 1980; Худяков, 1986; Худяков, 1991; Худяков, 1997]. Шестичленная классификационная схема, ввиду своей многоступенчатости, подвержена сбоям. Она больше пригодна для демонстрации существующих формальных различий.

* Работа выполнена погранту РФФИ № 04-06-80248

Для проверки обоснованности выделения формальных признаков и внутренней неприворочивости классификационных схем может быть применена современная математическая методика распознавания образов.

Для проведения классифицирования панцирных пластин был привлечен значительный массив археологических находок из раскопок и сборов на памятниках номадов хунно-сяньбийского времени и средневековья с территории Южной Сибири и Центральной Азии. В процессе классификационного анализа металлических деталей доспехов было выяснено, что по материалу изготовления все находки панцирных пластин относятся к одному классу – железных. По способу крепления и расположения пластин в составе этого класса было выделено десять отделов. Они выделены в зависимости от горизонтального, или вертикального расположения пластин и соединения их между собой с помощью металлического, или ремennого крепления, пришивания, или прикрепления заклепками к подкладке, или матерчатому покрытию. По сечению большинство пластин в составе этих отделов относится к группе плоских. Лишь в для некоторых отделов были присущи выгнутые пластины, пластины со сферическими выступами, ступенчатыми и ребристыми краями. В составе первого, второго, пятого – восьмого отделов выделено по одной группе. В третьем и четвертом отделах выделено по две группы, а в составе десятого отдела – три. По форме пластин в составе десяти отделов и шестнадцати групп выделяется 37 типов. Большая часть пластин имеет прямоугольную форму и округлый край. Среди пластин есть прямоугольные с зубчатой стороной, овальные, полуовальные, подквадратные, стреловидные и другие формы. Количество пластин, относящихся к разным типам существенно различается. В составе некоторых типов представлены единичные экземпляры, к другим типам относится по две-три сотни пластин [Борисенко, Худяков, 2002, С. 31-43]. Расклассифицированные детали доспехов относятся к разным панцирям. В состав панцирных наборов входили различные по форме пластины, которые составляли части защитного покрытия. Некоторые типы пластин были распространены очень широко и входили в состав ламеллярных и чешуйчатых панцирей, которые применялись в течение всей эпохи средневековья, другие формы появились на определенных этапах развития защитного вооружения и использовались только в пластинчатых, или пластинчато-нашивных панцирях в развитии и позднем средневековье. По распространению типов пластин можно судить об особенностях развития защитного вооружения у разных этнических групп центрально-азиатских номадов в средние века. Применение современных математических методов для анализа типологического разнообразия деталей защитных доспехов открывает возможность для выявления и группировки существенных параметрических характеристик панцирных пластин в пределах изучаемых комплексов средств индивидуальной металлической защиты средневековых номадов Центральной Азии. Изучение имеющихся данных о формах металлических панцирных пластин относится к кругу задач, для решения которых использование методов мон-

гомерной статистики не всегда приносит существенные результаты, поскольку набор характеристик, выбранных для описания объектов, являющихся единицами классификации, включает и количественные, и качественные параметры. Для такого разнотипного пространства необходимо введение метрических свойств, на использовании которых основаны классические методы многомерного статистического анализа. Из-за различной степени сохранности находок предметов защитного вооружения в памятниках культуры средневековых кочевников на территории Центральной Азии часть значений характеристик отсутствует. Объем имеющихся данных не позволяет проверить статистические гипотезы, на которых базируются классические методы анализа. Поэтому необходима разработка новых методов, учитывающих специфику рассматриваемой задачи анализа типологического разнообразия защитных средств. Результаты могут быть представлены в виде логических высказываний, отражающих причинно-следственные связи между характеристиками объектов. Одним из наиболее перспективных методов для анализа разнотипных данных являются математические методы, основанные на классе логических решающих функций [Лбов, Бериков, 2005]. Отличительной особенностью этих методов является возможность построения логико-вероятностной модели изучаемых объектов, представленной в виде логических закономерностей. Применение этих методов позволяет производить анализ форм защитного покрытия, представленных в массиве изученных объектов, относящихся к культурам средневековых кочевников Центральной Азии. Параметрические данные панцирных пластин, применявшихся для изготовления доспехов средневековыми кочевниками в разные хронологические периоды, образуют устойчивые сочетания нескольких признаков. Для панцирей чешуйчатого и ламеллярного способов соединения пластин между собой с помощью проволочной, или ременной вязки, были характерны конструктивные детали прямоугольной формы с округлым краем. Пластины разных типов, свойственные для обособленного расположения в составе защитного покрытия, характеризуются иными пропорциями и габаритами. Пластины от пластинчатых и пластинчато-нашивных доспехов имели, преимущественно, прямоугольную форму, крупные размеры и большую толщину. Им было свойственно боковое расположение заклепок, что давало возможность свободно перекрывать своими сторонами соседние металлические детали. Распределение пластин по сочетанию признаков соответствует их принадлежности различным по конструкции панцирным наборам, относящимся к разным этапам эволюции средств индивидуальной металлической защиты средневековых кочевников. Это распределение является одним из важных критериев обоснованности выделения формальных признаков и их ранжирования по ячейкам классификации, проведенных в рамках предложенной схемы типологической классификации. В результате применения указанных выше методов для анализа расклассифицированного эмпирического материала удалось выявить некоторые особенности его распределения по изучаемой территории

Центральной Азии. Непараметрический дисперсионный анализ показал, что для ряда форм наиболее характерным значимым фактором является их распределение по трем районам в пределах изучаемого региона. Среди пластин, относящихся к панцирям ламеллярной и чешуйчатой системы соединения, выделилось три территориальных группы. Для объектов, обнаруженных на территории Алтая, была характерна толщина пластин в пределах средних значений от 0,16 до 0,22 см. Толщина пластин, найденных на территории Казахстана, колеблется в диапазоне – 0,14 – 0,20 см. Пластины, обнаруженные на остальной территории Северной и Центральной Азии соответствуют толщине в диапазоне 0,10 – 0,18 см. Выявленные районы распределения пластин, вероятнее всего, соответствуют определенным технологическим центрам изготовления защитных доспехов в кочевом мире в эпоху средневековья.

Применение современных математических методов для анализа обоснованности классификационных построений на материалах защитного вооружения имеет важное значение для последующего изучения функциональных свойств разнотипных деталей панцирных доспехов. Результаты такого исследования важны для целенаправленного отбора исходных данных с целью их функционального анализа, определения защитных свойств и эффективности. Они могут стать основанием для выбора форм пластин для проведения испытаний их прочностных характеристик.

Примечания

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Опыт типологической классификации деталей панцирного доспеха средневековых кочевников Центральной Азии // Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – С. 28-58.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – 174 с.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 230-258.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX– XIII вв. Л.: Наука, 1971. – Вып.3. – 140 с. (Свод археологических источников, Вып. Е 1- 36).

Лбов Г.С., Бериков В.Б. Устойчивость решающих функций в задачах распознавания образов и анализа разнотипной информации. – Новосибирск: Изд-во Ин-та математики, 2005. – 220 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. – 171 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 160 с.

**КОНСКИЙ ПОЛУДОСПЕХ
В СОПРОВОДИТЕЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ КРЕМИРОВАННОГО
ПОГРЕБЕНИЯ X В. ИЗ КУРГАНА № 8 МОГИЛЬНИКА ОЗЕРКИ I
(КАЛТЫШИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН)**

Публикации предметов защитного вооружения имеет чрезвычайно важное значение, ввиду их малочисленности, особенно это касается раннесредневекового конского доспеха, специфика которого остается малоизученной [Горелик, 1993]. В этой связи, новые материалы из раскопок кремированного погребения № 3 представляет значительный интерес.

Курганный могильник Озерки I по культурно-хронологическому и ландшафтному признакам входит в состав погребальных памятников IX-XI вв. н.э. Калтышинского археологического микрорайона (Промышленновский район Кемеровской области), выделенного в степном микроучастке на северо-западе Присалаирской лесостепи Кузнецкой котловины [Бобров, Васютин, Васютин, 2005].

В этом панцирном наборе насчитывается более 392 панцирных пластин и 23 детали наременной гарнитуры общим весом 2 кг 800 г. Типологические условные группы панцирных пластин выделены по ширине и конфигурации их общих форм, а варианты по деталям внешнего оформления и структуре отверстий, отражающей способ и систему крепления пластин, а также их возможного месторасположения в составе панцирного набора (рис. 1). Всего по форме и ширине панцирных пластин выделено 7 условных типологических групп и 30 вариантов, по особенностям оформления внешнего контура и поверхностей пластин, структуре отверстий. Наиболее многочисленны группы V и VII, они составляют основу панцирного набора. Остальные типологические группы панцирных пластин, вероятно, использовались для бронирования наиболее рельефных и уязвимых участков, особенно это касается малочисленных групп I, II, и VI, отличающихся своей нестандартностью форм и наличием умбончиков.

В существующих классификациях евразийских доспехов раннего железного века и средневековья еще не выработаны признаки идентификации их видовой принадлежности [Горелик, 1987; 1993; 1995; Худяков, 1986; Худяков, Соловьев, 1987; Шульга, Горбунов, 2002; Кубарев, 2002; Горбунов, 1998; Горбунов, 2003 и др.].

На основании данных по человеческим доспехам и ряду вещественных находок отдельных деталей частей конской брони [Овчинникова, 1990; Горелик, 1993; Кубарев, 2002] можно выделить ряд прямых и косвенных признаков для идентификации рассматриваемого панцирного набора.

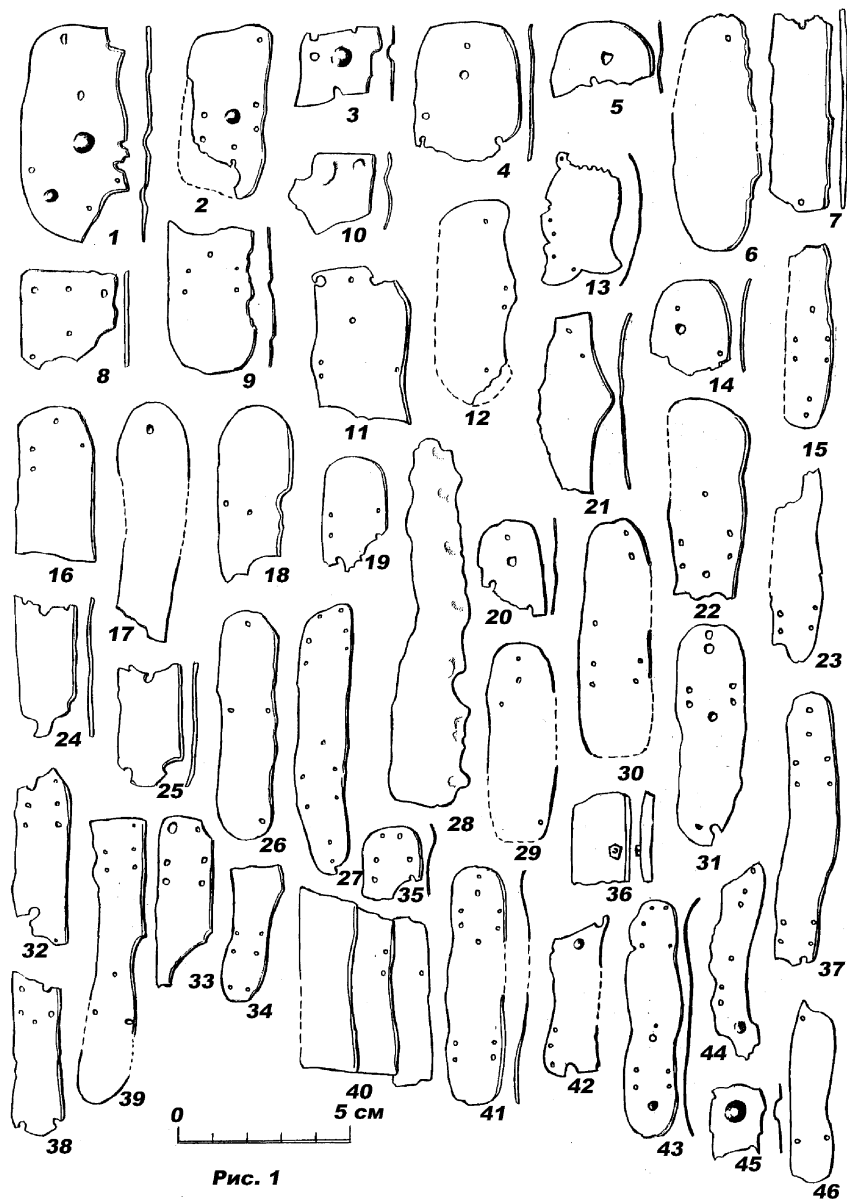

Рис. 1. Озерки I, курган № 8, погребения № 3. Типологическая группировка панцирных пластин для конского полудоспеха:
 1-3 – группа I; 4-6, 9, 10 – группа II; 11-13, 21 – группа III;
 14, 16-20, 22, 28-31 – группа IV; 24-26, 32-36, 38-41 – группа V; 42-45 – группа VI;
 7, 15, 23, 37, 46 – группа VII; 1-9, 11-46 – железо; 10 – бронза

Существующие реконструкции панцирных конских доспехов по петроглифам дают только общее представление о составе конских доспехов и структуре его брони, являясь в определенной степени только возможными реконструктивными моделями.

Для идентификации рассматриваемой коллекции панцирных пластин привлекаются также наблюдения, полученные из анализа саяно-алтайских материалов, касающиеся определенных типов панцирных пластин, количества их в наборе, структуре брони и ее внешнего оформления [Овчинникова, 1990; Кубарев, 2002; Горбунов, 2003]. К таким идентификационным признакам можно отнести ряд прямых и косвенных данных: а). условия находки (обрядовый контекст), когда тот или иной панцирный набор или его фрагмент найден совместно с костяком лошади [Овчинникова, 1990] или связан по месту находки с деталями конской амуниции [Горелик, 1993]; б). размеры реконструированного панцирного набора, превышающие аналогичные параметры человеческих доспехов [Овчинникова, 1990; Кубарев, 2002]; в). форма, размеры и система отверстий панцирных пластин и их внешнее оформление могут указывать на их принадлежность к отдельным частям конского доспеха, это касается лицевых поверхностей брони, защищающей грудь лошади [Горбунов, 2003].

В этой связи особый интерес представляет групп широких пластин с умбончиками, известны в материалах археологических культур Северной и Центральной Азии [Худяков, Соловьев, 1987], видовая принадлежность которых не всегда определена. Прямых аналогов в материалах по человеческим доспехам группа I не имеет, но вполне сопоставима по оформлению лицевой поверхности с массивными алтайскими панцирными пластинами с умбонами из отдельного набора панцирной полосы от предполагаемого конского нагрудника [Горбунов, 2003].

Таким образом, совокупность признаков, содержащихся в рассматриваемом панцирном наборе и сопровождающем его комплексе изделий конской амуниции по условиям находки (компактное скопление, одинаковое состояние поверхностей панцирных пластин, все со следами высокотемпературного воздействия), их периферийное месторасположение в составе погребального комплекса (с внутренней стороны рамы-обкладки в ногах у погребенного, на западной стенке и на борту могилы), явно облегченный вес очень тонких, профилированных и типологически разнообразных пластин, часть из которых не имеет аналогов в человеческих доспехах (широкие и узкие пластины с фигурно-овальными краями и полусферическими выпуклинами-умбонами), совместное нахождение с многочисленными деталями конской амуниции (массивными Т-видными тройниками-распределителями ремней, накладными бляхами, обоймами, массивными пряжками, одна из которых явно подпружная), позволяют рассматривать их как часть конского доспеха, которая идентифицируется нами как нагрудник.

Примечания

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 212-218.

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма – 1993. – С. 149-179.

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1995. – С. 359-430.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. - С. 102-128.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 174 с.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 88-111.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990. – 223 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 231 с.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135-163.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В 2006 ГОДУ

В 2006 г. Кузбасской археологической экспедицией Института экологии человека СО РАН (руководитель д.и.н., профессор В.В. Бобров) совместно с Западно-Сибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции (руководитель академик В.И. Молодин), были продолжены полевые исследования поселения Автодром-2 в Венгеровском районе Новосибирской области, ведущиеся на протяжении нескольких лет. Одной из сложнейших проблем и в предшествующие годы, и в отчетном году являлось выяснение стратиграфии памятника, особенно на участке, расположенного ближе к краю террасы (южная и юго-западная часть). Организация жилого сооружения в песке, высокая степень его вымывания, как осадочными, так и паводковыми водами, затрудняют определение границ и пола жилища, выявления конструктивных особенностей и т.д. Эти же трудности были в период полевого сезона 2006 года.

Первоначально планировалось провести работы к северу от жилища 45, раскопанного в 2005 г., т.е. продолжить старый раскоп и получить более обширную, чем ранее, планиграфическую ситуацию. Более того, на плане памятника здесь было зафиксировано жилище 46. Исследования показали, что на этом месте располагалось, скорее всего, сооружение сезонного характера. По крайней мере, понижение на уровне материка (слой глины красного цвета) не имело вид, близкий к какой-либо геометрической форме. Стратиграфия на этом участке представляла собой следующее: 1 дерн - мощностью до 0,02 м (сохранился не везде); 2 супесь темно-серого цвета, мощностью до 0,2 м; 3 - песок белого цвета в верхней части и красноватого цвета в нижней - мощностью до 0,28 м; 4 - материк, представленный слоем глины красно-коричневого цвета.

В слое гумусированной супеси темно-серого цвета было обнаружено множество мелких фрагментов тулова керамических сосудов (или одного сосуда). В пользу последнего говорит локализация основного скопления фрагментов на довольно небольшой площади и их идентичность по ряду характеристик. Все фрагменты тонкостенные, из плотной, без крупных примесей, керамической массы. Цвет теста на изломе колеблется от светло-коричневого до темно-серого, почти черного. Обрез венчика чаще всего скошен внутрь. На некоторых фрагментах зафиксирован орнамент, представленный рядом или рядами небольших «жемчужин» выполненных

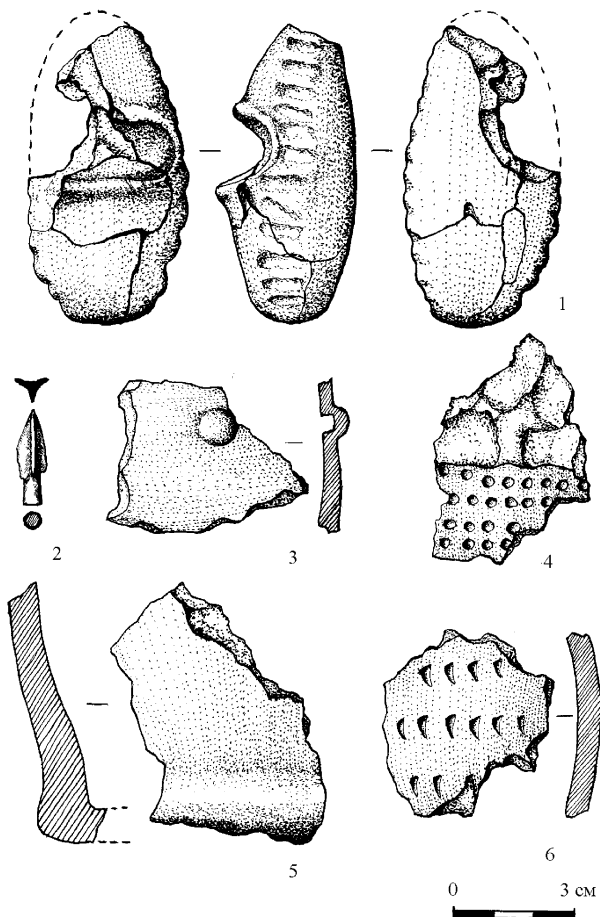

Рис. 1. Находки с поселения Автодром-2.

1 – керамический «утюжок» из заполнения жилища № 50; 2 – бронзовый наконечник стрелы из заполнения жилища № 47; 3, 4 – керамика новочекинской культуры из слоя; 5, 6 – керамика боборыкинской культуры со дна жилища № 50.

вдавляниями с внутренней стороны сосуда (Рис. 1, 3). Один фрагмент орнаментирован горизонтальными рядами близко расположенных мелких круглых вдавлений (Рис. 1, 4). Восстановить форму сосуда не представляется возможным. Наиболее близкие аналогии данным фрагментам прослеживаются в материалах новочекинской культуры раннего железного века [Полосьмак, 1987]. На этом же уровне был зафиксирован слегка углубленный в материк очаг, также, по всей видимости, относящийся раннему железному времени. Слой песчанистой почвы белого цвета содержал немногочисленные находки неолитического облика. Наиболее массово представлены предметы каменной индустрии – отщепы, пластины, вкладыши, миниатюр-

ные скребки, выполненные на отщепях. Единична находка скола с нуклеуса из сливного песчаника. Также в единственном экземпляре найден небольшой продолговатый абразив трапезиевидной формы из плотного мелкозернистого песчаника, со следами сильной сточенности, как на гранях, так и на широких плоскостях. Керамика из этого слоя представлена лишь несколькими мелкими неорнаментированными фрагментами очень плохой сохранности. Насыщенность культурного слоя на данном участке памятника оказалась незначительной.

К западу от прошлогоднего раскопа была расположена западина от жилища 47. Дважды её поверхность была нарушена противопожарной лесозащитной полосой. В ходе работ установлено, что жилище 47 представляет собой углубленную в материк конструкцию, округлой формы, общей площадью около 30 м², глубиной, относительно уровня материка – до 0,70 м. Плечики котлована пологие. Стенки очень крутые, но не отвесные. Каких-либо остатков столбовых ямок, очагов и входа на площади жилища зафиксировать не удалось. Стратиграфия объекта: 1- дерн - мощностью до 0,03 м; 2 – гумусированная почва темно – серого цвета, мощностью до 0,18 м; 3 - слой белого песка различной степени ожелезненности, с возрастанием последней по мере приближения ко дну котлована; 4 – материк - глина красно-коричневого цвета. Находки содержались преимущественно в третьем слое.

Говоря о находках из заполнения котлована этого жилища, следует особо отметить обнаруженный в верхней его части миниатюрный бронзовый наконечник стрелы (Рис. 1, 2). Он относительно хорошей сохранности и представляет собой тип трехлопастных наконечников с втульчатым насадом. Длина наконечника - 2,3 см, шириной пера – 0,8 см, а диаметром втулки – 0,5 см. Наконечники подобного типа характерны для южно-таежных культур второй половины – конца I тыс. до н.э., в частности для новочекинской [Полосьмак, 1987].

Найденные в заполнении котлована изделия из камня представлены скребками различного размера (от миниатюрных до средних), пластинами, отщепами. Часть пластин ретуширована с дорсальной стороны. В количественном отношении преобладает притупляющая ретушь. К числу единичных находок относится абразив из плотного мелкозернистого песчаника подпрямоугольной формы, со слабой степенью изношенности. Керамический комплекс представлен небольшим количеством фрагментов от трёх сосудов. Все фрагменты располагались в верхних горизонтах заполнения. Один из сосудов представлен фрагментами тулова, толщиной до 0,7 см, с плотным тестом, темно-серого цвета на изломе, орнаментированными волнистыми рядами отступающей палочки подтреугольной формы, чередующимися с небольшими ямочными вдавлениями. Второй сосуд представлен фрагментами тулова, толщиной до 1 см, с плотным тестом черного цвета на изломе. Некоторые из этих фрагментов орнаментированы горизонтальными рядами проташено-отступающих оттисков лопаточки. Керамика с

аналогичной техникой нанесения орнамента и композицией типична для эпохи неолита. Третий сосуд также представлен несколькими фрагментами тулова. Судя по ним, сосуд был относительно тонкостенный (до 0,6 см), с плотным тестом темно-серого цвета на изломе. Ни один из фрагментов этой группы орнамента не имеет. Определить более конкретную культурно-хронологическую атрибуцию жилища достаточно сложно.

В центральной части памятника в ямах для забора песка местными жителями выявлен относительно насыщенный культурный слой. На этом участке был заложен раскоп, который позволил выявить ещё одно жилое сооружение, не нанесенное на общий план, и следующую стратиграфию: 1- дерн - мощностью до 0,06 м; 2 - гумусированная супесь темно-серого цвета, мощностью до 0,15 м; 3 - песок белого цвета с многочисленными железистыми включениями коричневатого и серого цветов (0,4 м); 4 – материк - глина красно-серого цвета.

Жилище № 50 также представляло собой углубленную в материк конструкцию округлой формы, общей площадью около 22-23 м² и глубиной, относительно уровня материка, до 0,60 м, с крутыми, почти отвесными стенками. Плечики покатые. Форму северо-восточной части жилища достоверно установить сложно, так, как она практически полностью уничтожена современным хозяйственным перекопом. Остатков столбовых ям обнаружить не удалось. На дне жилища были зафиксирован очаг открытого типа. Культурным является третий слой, преимущественно и содержащий все найденные артефакты. В заполнении жилища были найдены многочисленные фрагменты нескольких керамических сосудов и предметы каменной индустрии, с преобладанием пластин. Орудийный набор представлен скребками, вкладышами, абразивами. На дне жилища были найдены два сильно истощенных нуклеуса. Также на дне жилища, в непосредственной близости от очага, было расчищено компактное скопление фрагментов двух керамических сосудов. Некоторые из них являются фрагментами тулова относительно тонкостенного сосуда (до 0,5 см), орнаментированными в отступающе-накольчатой манере (Рис. 1, 6). Примечателен также фрагмент придонной части другого сосуда (Рис. 1, 5). Судя по нему, сосуд был плоскодонный, с толщиной стенок в придонной части до 1,2 см. Это позволяет соотнести данные фрагменты с материалами боборыкинской культурой и датировать жилище в пределах середины IV - начала III тыс. до н.э. [Косарев, 1996; Зах, 2003, 2005]. Приблизительно на полу жилища №50 сделана уникальная находка – т.н. «утюжок» (Рис. 1, 1). Выполненное из керамики изделие имеет примерно 7 см в длину и до 4,5 см в ширину. Точные размеры «утюжка» установить трудно в силу его частичной разрушенности. В центральной части имеется поперечный желобок, шириной до 1,6 см. Боковые грани орнаментированы вертикальными оттисками гладкого штампа, шириной до 0,4 см. Внутри некоторых из них имеются тонкие прочерченные линии. Края желобка, сохранившиеся лишь частично, покрыты многочисленными выщерблинами. Некоторые из них,

возможно, являются остатками орнамента. Как известно, подобные предметы имеют достаточно широкое распространение на территории Евразии в течение длительного времени, хотя точное их назначение не известно [Усачева, Нохрина, 2004, С. 107-113]. В обобщающем труде И.В. Усачевой, посвященной взаимосвязи наличия в культуре подобных изделий и её хозяйственным типом, было прослежено то обстоятельство, что все «утюжки» практически всегда присутствуют только в культурах с присваивающим типом хозяйства [2005, С. 22]. По морфологическим характеристикам изделие с Автодрома-2 практически идентично другим подобным предметам, найденным на территории Западной Сибири. Время бытования «утюжков» на данной территории укладывается в период конца IV – начала II тыс. до н.э. [Усачева, 2005, С.22; рис. 5]. Подобная датировка не противоречит, и даже подтверждает ту, что следует из особенностей керамического комплекса.

Таким образом, в ходе полевых работ было произведено существенное уточнение общих сведений о планиграфии поселения, пополнено новыми данными знание о характере культурного слоя населения и времени его бытования. Находки характерной керамики вкупе с бронзовым наконечником позволяют выделить на поселении культурно-хронологический комплекс, связанный, по всей видимости, с носителями новочекинской культуры раннего железного времени. Скорее всего, он отражает временный характер освоения новочекинцами местонахождения памятника. Зафиксированные особенности конструкции обоих жилищ пополняют корпус источников о домостроительстве населения Западной Сибири в эпоху неолита. Материалы, полученные в результате исследования жилища № 50, могут существенно прояснить картину неолитического периода существования поселения.

Примечания

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2003.

Зах В.А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып.6.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: «Наука», 1996.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987.

Усачева И.В., Нохрина Т.И. Об одной категории изделий // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. - Вып. 5.

Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып.6

*В.В. Бобров, А.В. Фрибус, А.Г. Марочкин,
П.Г. Соколов, С.В. Баитанник*

**ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ИСТОК
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)**

Летом 2006 года Кузбасская археологическая экспедиция завершила полевые исследования памятника Исток, начатые в 2005 году. Памятник Исток располагается на релке, в пойме правого берега р. Исток в Промышленновском районе Кемеровской области недалеко от озера Танай (юго-западная часть Кузнецкой котловины, предгорья Салаирского кряжа).

В целом за два года полевых работ было исследовано 2 260 м² площади. В течение двух полевых сезонов на памятнике были изучены зольник, 2 жилища, 47 объектов хозяйственного назначения, 9 погребений и культовое место.

Материалы памятника относятся к нескольким культурно-хронологическим периодам: эпохе поздней бронзы, переходному от бронзы к железу времени, раннему железному веку и эпохе средневековья.

Большая часть исследованных объектов и обнаруженного материала относится ирменской культуре эпохи поздней бронзы. С большой долей уверенности можно сказать, что с пребыванием ирменцев на этом памятнике связано два жилища, основная часть материалов зольника и, по всей вероятности, большинство хозяйственных ям.

Оба жилых сооружения были подпрямоугольной формы наземного каркасно-столбового типа. Площадь жилища 1 приблизительно 104,8 м², а жилища 2 – 116,1 м². Максимальная глубина котлованов соответственно 0,45 м и 0,3 м. В жилище выявлены очаги, комплекс столбовых и хозяйственных ям, в одном жилище колодец.

В юго-восточной части памятника был исследован достаточно большой зольник (из-за разрушения его площадь установлена ориентировочно не менее 100 м²), основная масса находок которого представлена костями животных и керамикой ирменской культуры. Он представлял собой однородную золистую супесь, в профиле читающуюся как линза мощностью до 0,4 м. Каких-либо стратиграфических и планиграфических особенностей распределения находок в зольнике выявлено не было. Ко времени существования ирменской культуры также можно отнести большинство хозяйственных конструкций, представленных, главным образом, ямами округлой формы различной глубины и размеров.

Предметный комплекс ирменской культуре памятника Исток, представлен остатками многочисленных сосудов, с характерным для ирменского

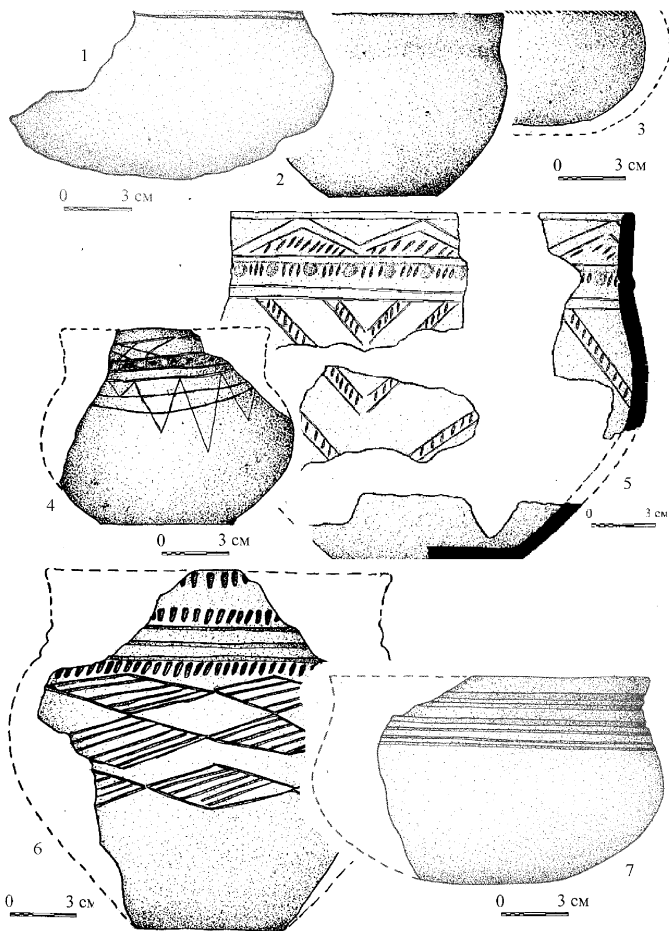

Рис. 1. Керамика с памятника Исток.

времени орнаментом (рис. 1; 1-3, 4, 7). Большинство сосудов декорированы в зоне венчика. Основным мотивом декора являются заштрихованные треугольники, обращенные вершиной вверх или вниз. Шейки сосудов, как правило, украшены жемчужником, чередующимся с ямками, реже только ямками. Плечики и тулово орнаментированы заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, лестничным мотивом, формирующим зигзаг, горизонтальной елочкой.

Достаточно представительным на Истоке является комплекс находок, относящийся к постандроновскому времени. Они в основной массе представлены остатками керамической посуды (рис. 1; 5, 6). В большинстве это тулова сосудов, реже венчики. Орнаментация представляет собой различные сочетания косой сетки, горизонтальной елочки, рядов оттисков гре-

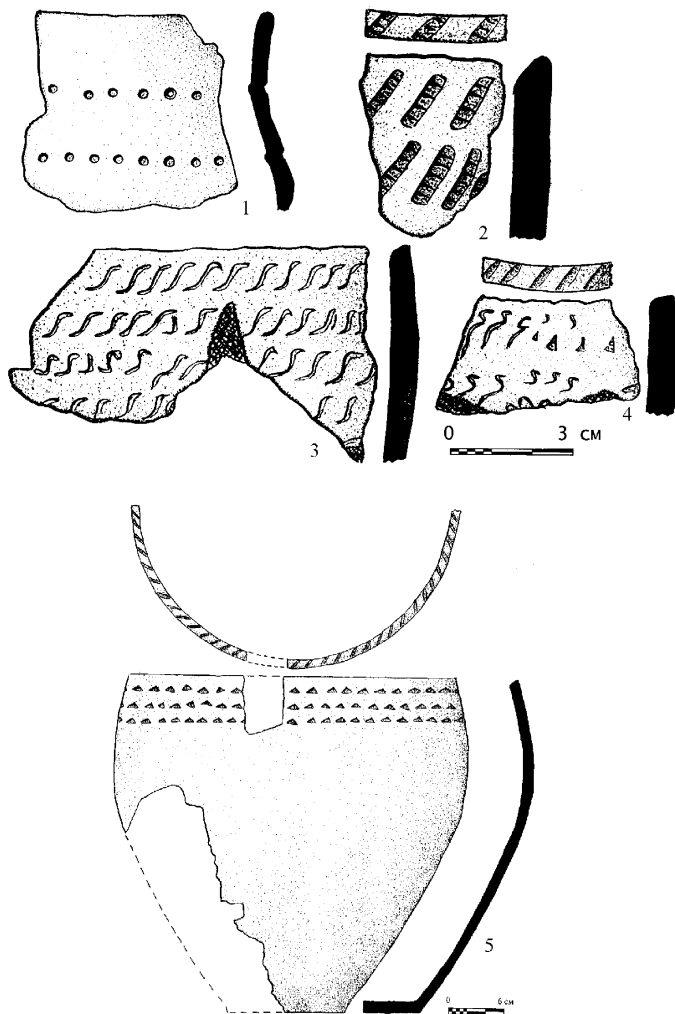

Рис. 2. Керамика с памятника Исток.

бенчатого или гладкого штампа с наклоном вправо, жемчужника и ямок. При этом соблюдается деление орнаментального поля на пояса. Постандроновская керамика встречалась как в культурном слое, так и в некоторых закрытых комплексах. К этому времени относится посуда как бытового, так и ритуального характера. В основном материалы локализованы в северной и северо-восточной части памятника. Однако постандроновское (корчажкинская культура?) население проживало на этом памятнике продолжительное время. Об этом может свидетельствовать то, что по крайней мере в семи хозяйственных объектах была обнаружена керамика этой эпо-

хи. К постандроновскому времени относится один фрагмент сосуда молчановской культуры.

Отчетливо выделяется на памятнике комплекс керамики, связанный с переходным от бронзы к железу временем и ранним железным веком.

Вероятно, к переходному от бронзы к железу времени относится развал керамического сосуда, состоящий из 6 фрагментов (рис. 2; 1). Все найденные фрагменты располагались компактно, на одном уровне. Венчиковая часть представлена 2 фрагментами, верхняя часть тулова – 3, место соединения стенок с дном – 1. Судя по крупным фрагментам, сосуд был слабо-профилирован, с почти прямым венчиком и плоским дном. Верхний срез венчика закруглен. Толщина края венчика составляет 0,5 см. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 0,8 см. Орнамент представлен параллельными рядами вдавлений круглой палочки, идущими по верхней части тулова.

На поверхности котлована жилища №1 был расчищен развал керамического сосуда раннего железного века, который удалось реконструировать (рис. 2; 5). Все найденные фрагменты располагались вперемешку с мелкими обломками жженных костей животного, на одном уровне на площади около 8 м². Тесто плотное, без крупных примесей. Цвет внутренней и внешней поверхности неравномерен, от темно-коричневого до светло-оранжевого. Цвет теста на изломе – темно-серый. Сосуд представляет собой банку закрытого типа, с незначительно выраженным поддоном. Верхний срез венчика сильно скошен внутрь. Высота сосуда составляет 37 см, диаметр устья – 36 см, максимальный диаметр тулова – 39 см, диаметр дна – 13 см. Толщина стенок, практически одинаковая на всех участках, составляет около 1 см. Орнамент представлен тремя рядами оттисков прямо поставленного треугольного штампа, нанесенных по самому верху тулова в непосредственной близости от венчика. Верхний срез венчика украшен по диаметру широкими косыми насечками. Такая техника нанесения орнаментации распространена довольно широко. Она встречается в Томском и на севере Новосибирского Приобья [Плетнева, 1973; Троицкая, Бородовский, 1994]. Необходимо также отметить, что процент большебереченской керамики достаточно велик в кижировских памятниках. Однако в кижировских комплексах большебереченская посуда отличается характерными признаками. В частности, Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский [1994], основываясь на форме, орнаментации, выделке и обжиге посуды, выделили в кижировских памятниках Дубровинский Борок-1 и Каменный Мыс большебереченскую керамику, доля которой составила 12% и 17% соответственно. В нашем случае ближайшие аналогии сосуду с Истока находятся на ряде поселений бийского этапа большебереченской культуры, таких как Ордынское-9, Ближние Елбаны-1 и др. [Грязнов, 1956]. К данному времени также можно отнести фрагмент венчика сосуда, орнамент которого выполнен рядами многозубой гребенки (рис. 2; 2). Помимо Истока на территории Кузнецкой котловины находки керамики бийского этапа известны по находкам с поселения Лачиново-2 в среднем течении Томи [Мартынова, Новгородченкова, 1986; Окунева, 1990].

Во время раскопок были обнаружены несколько фрагментов сосудов кулайской культуры (рис. 2; 3, 4). Размеры фрагментов невелики. Орнамент во всех случаях выполнен штампом в виде уточки. Подобная посуда имеет широкий круг аналогий в Новосибирском и Томском Приобье [Троицкая, 1979; Чиндина, 1973; Плетнева, 1973 и др.]. Значительно реже кулайская посуда встречается на территории Кузнецкой котловины. В настоящее время ее единичные фрагменты известны на поселениях Люскус, Лачиново-2 и Сосновка-4 [Бобров, 1979; Окунева, 1990]. Появление керамики с подобной орнаментацией традиционно связывают с миграцией из северных районов в последние века до нашей эры кулайского населения. Неясным остается вопрос о характере подобного переселения. В литературе высказываются мнения как о тотальной экспансии, связанной с активными военными действиями [Рыкун, 1999], так и точка зрения, согласно которой переселение осуществлялось в виде локальной инфильтрации мелких экзогамных групп [Ширин, 2001].

На восточной периферии памятника исток найдено 2 фрагмента небольшого сосуда с выпуклым туловом. Внешняя поверхность его содержит характерные вертикальные бороздки. Такой технический прием впервые появляется на посуде хунну, и продолжал существовать в культурах раннего средневековья на широком пространстве. На территории Кузнецкой котловины подобная керамика найдена впервые. Её предварительно можно отождествлять с влиянием культуры хунну.

Незначительный комплекс керамики раннего средневековья находит аналогии в памятниках конца первого тысячелетия н.э.

Таким образом, при исследовании памятника были выявлены материалы нескольких культурно-исторических периодов: эпохи поздней бронзы, переходного от бронзы к железу времени, раннего железного века и эпохи средневековья. В результате полевых работ удалось значительно пополнить фонд источников по переходному от бронзы к железу времени и раннему железному веку Кузнецкой котловины.

Примечания

Бобров В.В. Поселение на р. Люскус (Предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979.

Бобров, В.В., Фрибус, А.В., Корепанов, К.С., Марочкин, А.Г., Соколов, П.Г. Комплекс раннего железного века на памятнике Исток в Танайском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). – Т. XI. – Ч. I. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. // МИА. – №48. – М.-Л., 1956.

Мартынова Г.С., Новгородченкова И.В. Раскопки поселения Лачиново II // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986.

Окунева И. В. Поселения среднего Притомья (ранний железный век и средневековье). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 26.

Плетнева Л.М. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа // Из истории Сибири. – Вып. 7. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977.

Рыкун М.П. О Характере травматических повреждений мужского населения Каменской культуры (по материалам могильника Новотроицкое-I) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999.

Троицкая Н.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье – Новосибирск: Наука, 1979.

Чиндина Л.А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. – Вып. 7. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973.

Ширин Ю.В. Кондомо-Томские предгорья в конце I тыс. до н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001.

ОСОБЕННОСТИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ СЯНЬБИ*

Вопросам происхождения конского снаряжения, в том числе оголовья, седел и стремян в мировой и отечественной исторической, археологической и этнографической науке посвящена обширная литература. У археологов, изучавших памятники кочевнических культур Южной Сибири и Центральной Азии, сложились разные представления о развитии конского снаряжения и времени появления панцирной конницы в армиях кочевых объединений. Важное место в дискуссиях археологов и этнографов занимал вопрос о появлении седел с жестким остовом и стремянами, необходимых для жесткой посадки всадника. В свое время предположение об использовании таких седел носителями таштыкской культуры в Минусинской котловине высказывал С.В. Киселев [Киселев, 1951, С. 517-518]. В дальнейшем эту гипотезу поддержал Л.Р. Кызласов. Он отнес к данной культуре случайные находки на Среднем Енисее миниатюрных стремян [Кызласов, 1960, С. 140]. Однако, форма этих находок соответствует эпохе позднего средневековья. И.Л. Кызласов высказал предположение о том, что широкое применение седел со стремянами началось уже в скифское время, в IV – III вв. до н.э. Отсутствие их находок он объяснил тем, что стремяна изготавливались из органических материалов и не сохранились в памятниках раннего железного века [Кызласов, 1973, С. 31]. Согласно другой точке зрения, высказанной в середине 1960-х гг. С.И. Вайнштейном, жесткое седло со стремянами появилось на рубеже эпохи раннего средневековья [Вайнштейн, 1966, С.62-74]. В дальнейшем А.К. Амброз уточнил, что новый тип седла с жесткой основой впервые появился в Китае и получил распространение в Корее и Японии в IV – V вв. н.э. [Амброз, 1973, С.81-86]. Изучение материалов с территории Северного Китая позволило выяснить, что наиболее ранние изображения жестких седел с односторонними подножками и стремянами относятся к III – IV вв. н.э. [Крюков, Мальян, Софронов, 1979, С.166]. Подобные находки были обнаружены в сяньбийских памятниках. Деревянный остов седла с односторонней подножкой был найден в сяньбийском захоронении в Аньяне IV в. н.э. [Вайнштейн, Крюков, 1984, С.124]. Позднее миниатюрное железное стремя было обнаружено при раскопках таштыкского склепа на Арбанском могильнике в Минусинской котловине. Д.Г. Савинов датировал эту находку VI в.н.э.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00535

[Савинов, 1996, С.16-20]. Согласно В.П. Никонорову, жесткие остовы седел появились раньше подножек и стремян. В римской и парфянской армиях такие седла появились у панцирной кавалерии в конце I тыс. до н.э. [Никоноров, 2002, С.21-23]. Это подтвердила находка деревянного остова седла без стремян в могильнике булан-кобинской культуры Яломан II в Горном Алтае [Тишкин, Горбунов, 2003, С.491]. Для решения вопросов об эволюции конского снаряжения в кочевом мире в хуно-сяньбийское время важное значение имеет изучение таких материалов в памятниках сяньбийской культуры, исследованных на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии.

Предметы конского снаряжения в захоронениях на могильниках сяньбийской культуры, исследованных на территории северо-восточного Китая, датированных со II в. до н.э. по III в.н.э. не многочисленны. Каких-либо остатков деревянных седел в них не обнаружено. В отдельных погребениях на памятниках Иминь II, Чжалайноэр I, Лабудалинь и Лаохэшэнь были найдены предметы конской упряжи. Как правило, они встречались в тех мужских погребениях, в которых в могилу в качестве символического сопроводительного захоронения верхового коня была помещена его голова вместе с оголовьем. Наиболее разнообразный набор принадлежностей конского убранства был обнаружен в составе сопроводительного инвентаря захоронений могильника Лаохэшэнь, где были найдены железные удила, бронзовые, железные и роговые псалии, бронзовые бляшки, колокольчики и бубенчики от уздечных ремней. Железные удила и их обломки были выявлены в составе сопроводительного инвентаря погребений на памятниках Иминь II, Лабудалинь и Лаохэшэнь. В могилах на памятниках Иминь II и Лабудалинь обломки железных удил были обнаружены в челюстях черепа коня. Судя по этим находкам, символические сопроводительные захоронения верховых коней помещались в могилы взнузданными. В могильнике Лаохэшэнь удила найдены в некоторых мужских захоронениях. Вместе с другими принадлежностями конской упряжи они были положены в ногах погребенных. По форме все удила, обнаруженные в сяньбийских памятниках северо-восточного Китая, однотипны. Все они были двусоставными, состоявшими из двух звеньев, соединенных между собой кольчатыми петлями, с однокольчатыми окончаниями. В окончание звеньев некоторых удил были продеты железные пластинчатые зажимы с прорезями для продевания ремешков, или продолговатые и овальные дополнительные кольца для повода (Рис.1,1,5,6,9,10,11). Часть удил сопровождалась стержневыми двудырчатыми псалиями. Псалии найдены в составе принадлежностей конского убранства в большей части захоронений с удилами на памятнике Лаохэшэнь. На могильнике Чжалайноэр I были найдены костяные псалии с железными кольцами от окончаний удил. Эти псалии прямые, с двумя отверстиями на концах для продевания уздечных ремней. Роговые стержневые псалии с отверстиями были обнаружены в составе принадлежностей конской сбруи на могильнике Лаохэшэнь.

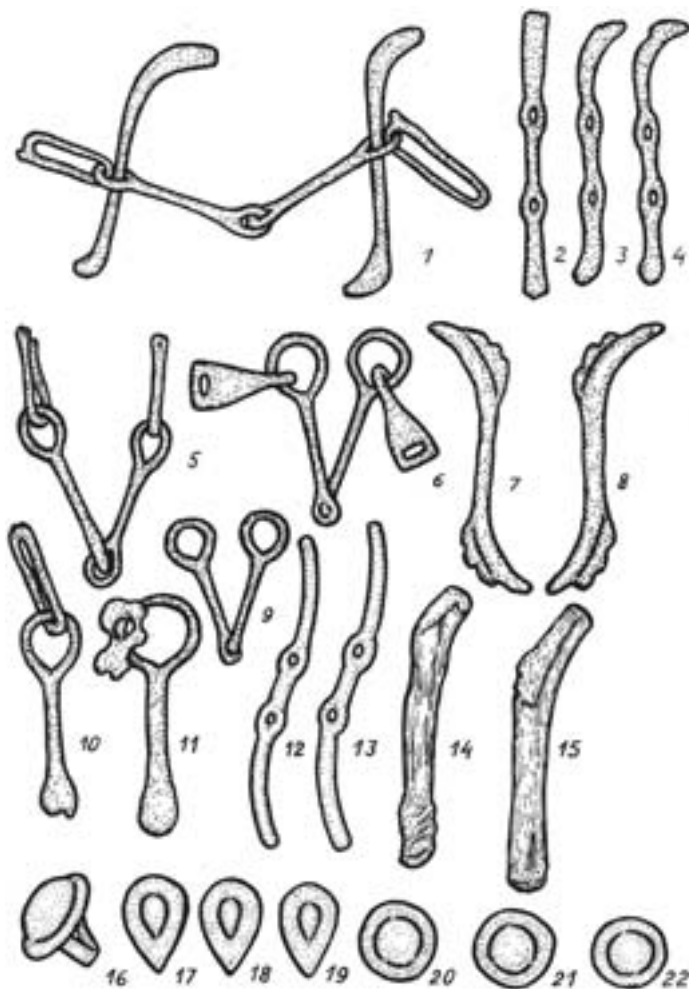

Рис. 1. Принадлежности конской сбруи сянби:
 1, 5, 6, 9, 10, 11 – удила; 2-4, 7, 8, 12-15 – псалии; 16-22 – бляшки.

На этом же памятнике были найдены бронзовые и железные стержневые псалии. Бронзовые псалии были эсвидными, слабоизогнутыми с сужающимися окончаниями и двумя отверстиями для продевания уздечных ремней. Среди железных трензелей имеются прямые двудырчатые псалии с уплощенными заостренными окончаниями, пропеллеровидные псалии с расширенными уплощенными окончаниями, оформленными в виде гребешков, эсобразные слабоизогнутые псалии с утолщениями на концах, эсвидные псалии с заостренными концами [Юйшу Лаохэшэнь, 1987, С. 72-73; XXVIII, XXXII] (Рис. 1, 2-4, 7, 8, 12-15). Некоторые сянбийские

удила и псалии аналогичны хуннским [Давыдова, 1985, С.48]. Сяньбийские вадники иногда украшали уздечные ремни бронзовыми бляшками. Такие украшения обнаружены вместе с удилами и псалиями на могильнике Лаохэшэнь. Среди бронзовых бляшек выделяются плоские округлой формы, сферические округлые и сердцевидные. На тыльной стороне бляшек находились петли для крепления уздечным ремням [Юйшу Лаохэшэнь, 1987, С. 75-76; Табл. XXXVIII] (Рис. 1, 16-22). Подобные бляшки были характерны и для хуннов [Коновалов, 1976, С.181]. В составе инвентаря захоронений на сяньбийских могильниках Ваньгун II и Синлуншань были обнаружены бронзовые колокольчики. Они имеют кольцевую петлю и конусовидную форму, с расширением к нижнему краю. На них имеется по два, или четыре треугольных отверстия. Подобные колокольчики были обнаружены в хуннских памятниках на территории Забайкалья и Монголии, где они встречались с бронзовыми сферическими бляхами. Они могли применяться в качестве украшений не только уздечных, но также и седельных, нагрудных и подхвостных ремней сбруи [Коновалов, 1976, С.181]. В составе сопроводительного инвентаря сяньбийского памятника Лаохэшэнь были найдены бронзовые бубенчики, которые также относятся к конской сбруе. Они изготовлены из бронзы и позолочены. Бубенчики имеют шарообразную форму с двумя, или четырьмя вертикальными прорезями. В верхней части бубенчиков имеются петли для их подвешивания к кожаному ремню. Ряд исследователей относит к числу принадлежностей конской сбруи сяньбийцев продолговатые рельефные пластины с петлями на тыльной стороне, считая их «конскими налобниками» [Юйшу Лаохэшэнь, 1987, С. 74]. Основанием для этого послужило обнаружение этих предметов на памятниках Иминь II и Лаохэшэнь в ногах погребенных вместе со сбруей. Подобные находки из Китая и Кореи были интерпретированы в качестве конских налобников. На внешней поверхности некоторых пластин нанесены изображения двух переплетенных драконов и птиц [Рец, Юй Су-Хуа, 1999, С.42-43]. Однако, с утверждением, что «эти скобы не мешали самому использованию пластин в качестве налобников», поскольку «под металлические пластины покладывалась тостая подкладка из мягких материалов – об этом свидетельствуют мелкие скобочки и кнопки-шипы на обороте многих экземпляров», трудно согласиться [Рец, Юй Су-Хуа, 1999, С. 43]. В хуннском захоронении на р. Толе был обнаружен подобный предмет, в петлях которого сохранились ремешки, но нет остатков «толстой прокладки» [Рец, Юй Су-Хуа, 1999, Рис.1,8-9]. Присутствие в сяньбийском оружейном наборе ударных копий, длинных мечей и палашей, панцирей и шлемов свидетельствует о необходимости прочной посадки всадников [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, С.40-41]. Вероятно, потребность в широком употреблении жестких седел возникла в период завоевания сяньбийскими племенами северных районов Китая.

Изучение предметов конского убранства из памятников сяньбийской культуры на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии до-

полняет имеющиеся представления об участии сяньби в процессе появления и распространения жестких седел со сременами, изобретение которых сыграло значительную роль в развитии панцирной кавалерии. Судя по имеющимся данным, до III в. н.э. в предметном комплексе культуры сяньби подобных седел не было. Появление таких седел у сяньбийских всадников было связано с развитием панцирной кавалерии. Вполне вероятно, что именно сяньбийцы в процессе завоеваний способствовали быстрому распространению этого новшества в Восточной Азии.

Примечания

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV – VIII вв.) // Советская археология. – 1973. - № 4. – С.81-99.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. – 1966. - №3. – С.60-81.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // Советская этнография. – 1984. - №6. – С.114-130.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 111 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальныи памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. – 220 с., илл.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979, - 327 с.

Кызласов И.Л. О происхождении стремян // Советская археология. – 1973. - №3. – С.24-36.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. – 197 с.

Никонов В.П. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – С.21-27.

Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 42-55.

Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 1996. – С. 16-20.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в центральном Алтае // проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.IX, Ч.I. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 488-493.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. - №5. – С. 37-48.

Юйшу Лаохэшэнь (Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987.

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА ПЛОСКОГОРЬЕ УКОК (АЛТАЙ)*

Исследования процессов функционирования древних обществ сегодня невозможны без анализа территориальной организации последних. Одной из составляющих такой организации является система расселения, под которой понимается «территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность поселений» (Лаппо, 1997, с. 173). Первым этапом формирования данной системы, а также ее исследования, является сеть поселений. Однако изучение подобных сетей сопряжено с рядом трудностей. Одной из них является неполная инвентаризация археологических памятников для многих территорий, в т.ч. и Алтая. Лишь в последнее время стали появляться работы, характеризующие совокупность памятников в рамках отдельных микрорайонов [Молодин и др., 2004], поэтому речь может идти о реконструкции лишь локальных сетей расселения.

При анализе древних систем расселения на Алтае возникает также трудность, обусловленная хозяйственно-культурным типом существовавших здесь обществ. Как правило, это были кочевые народы, не оставившие фиксируемых сегодня следов поселений. Возникает необходимость поиска возможных индикаторов населенных пунктов кочевников. Одним из них, на наш взгляд, могли бы служить погребальные сооружения. Несмотря на существование других мнений, мы считаем, что, по крайней мере, для пазырыкской культуры эпохи раннего железа (VI – III вв. до н.э.) этот вывод обоснован [Быков, Быкова, 2004; Быков, Быкова, Слюсаренко, 2004]. Главным аргументом здесь выступает совпадение местоположения сезонных типов могильников с сезонными типами кочевий, фиксируемых по этнографическим и современным данным. Такой вывод был получен в основном по результатам анализа могильников бассейна р. Чуи. Публикация же свода археологических памятников Укока [Молодин и др., 2004] позволяет приступить к анализу расселения здесь древнего населения. Территория

* Исследования выполнены при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00470а «Древние кочевники Алтая: структура, функционирование и развитие систем расселения (I тыс. до н.э.)» и программы «Интеграция СО РАН», проект № 2 «Взаимодействие человека и окружающей среды: природные процессы в голоцене и их влияние на расселение и жизненный уклад древнего человека (Бараба и Монгольский Алтай)»

плато Укок была выбрана в качестве модельной в силу ее компактности, сопровождаемой большим количеством зафиксированных здесь, и что особенно важно, раскопанных памятников.

Одним из индикаторов расселения является плотность населения. Она позволяет судить о неравномерности заселения территории. В локальных системах расселения плотность населения может свидетельствовать о положении центральных мест, то есть главных населенных пунктов данной системы, которые управляют ею или имеют в ней важное функциональное значение. Поскольку мы исходим из тезиса «где жили, там и хоронили», можно предположить, что карта плотности курганов на исследуемой территории, отражающая отношение количества объектов к единице площади, будет близко передавать особенности размещения здесь древнего населения. На это же указывает связь между числом курганов и числом погребенных в них людей [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 83].

Для построения карт плотности курганов нами использовался метод скользящего кружка [Червяков, 1998, с. 139]. Данный метод позволяет перейти от дискретного восприятия действительности к непрерывному через создание изолинейных карт. Как показал наш опыт, изменения величины шага между соседними изолиниями существенно меняют рисунок распределения. На карте, имеющей большее число изолиний (рис. 1), отчетливо видно 11 мест повышенной концентрации курганов. Вероятно, именно в них чаще всего возникали сезонные поселения древних кочевников. Таким образом, данные точки повышенной плотности курганов можно рассматривать как узлы опорного каркаса локальной системы древнего расселения. Однако вес каждого из этих узлов разный. Наибольшая плотность отмечается на левом берегу р. Ак-Алахи между устьем Кальджина и урочищем Кутургунтас. Данный узел можно определить как населенный пункт 1 ранга. Далее можно выделить 4 населенных пункта второго ранга: три из них находятся на левом берегу Ак-Алахи между устьями рр. Калгуты и Чолок-Чад, а один в районе р. Аргамджи. Три узла можно отнести к населенным пунктам 3 ранга: два в районе р. Аргамджи и один выше устья р. Чолок-Чад (на правом берегу Ак-Алахи). Остальные узлы слабо выражены. Соотношение «ранг-размер населения древнего населенного пункта» на Укоке удивительным образом напоминает оптимальное распределение городов в региональных системах расселения, которое характерно для сформировавшихся систем расселения [Лаппо, 1997, с. 179].

Ближайшие расстояния между местами повышенной концентрации курганов составляют от 8 до 22 км (чаще всего 8 км). Таким образом, можно предположить, что в зону влияния каждого узла входила территория в радиусе не менее 4 км (50 км²). При средней плотности кочевого населения для Юго-Восточного Алтая (1 чел./км²) в каждом узле могло проживать до 50 человек, а в целом на Укоке до 500-600 человек. Однако реальная численность населения, вероятнее всего, была меньше по двум причинам. Во-первых, потому что из указанной выше площади необходимо исключить

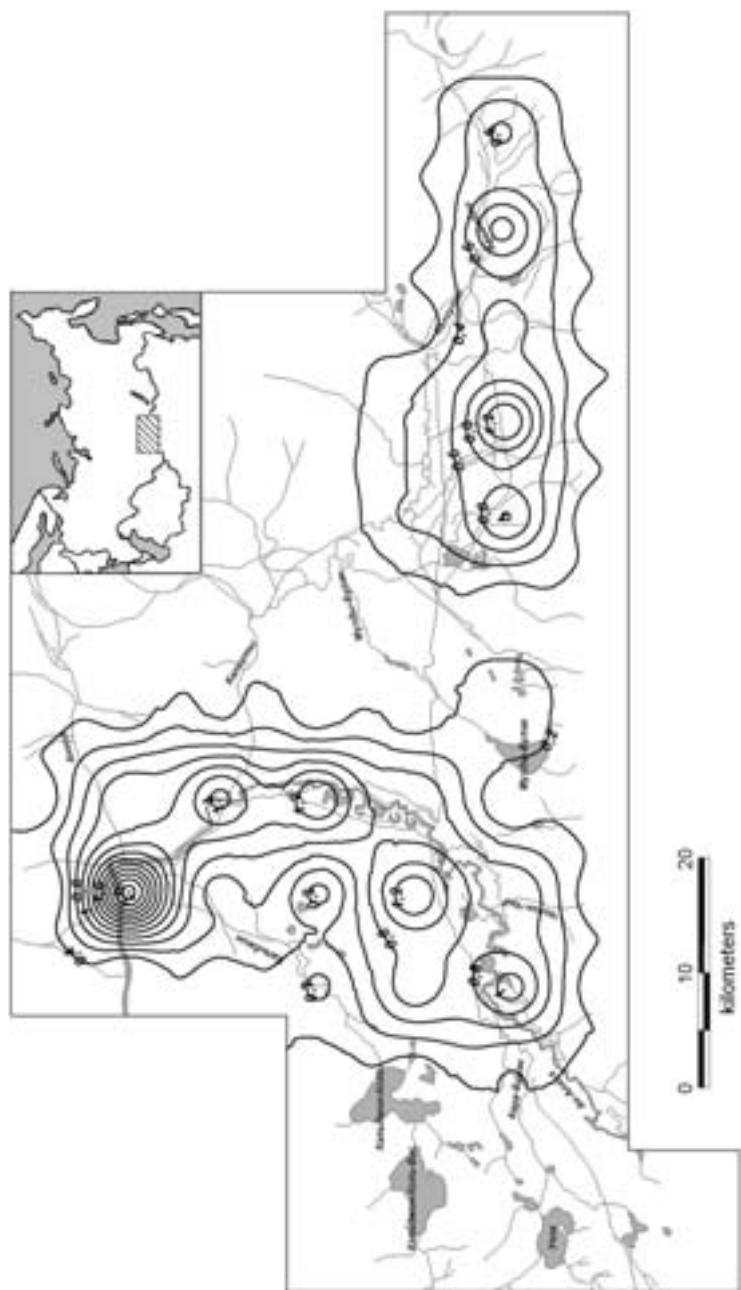

Рис. 1. Карта плотности курганов плоскогорья Укок (изодепсы проведены через 0,2).

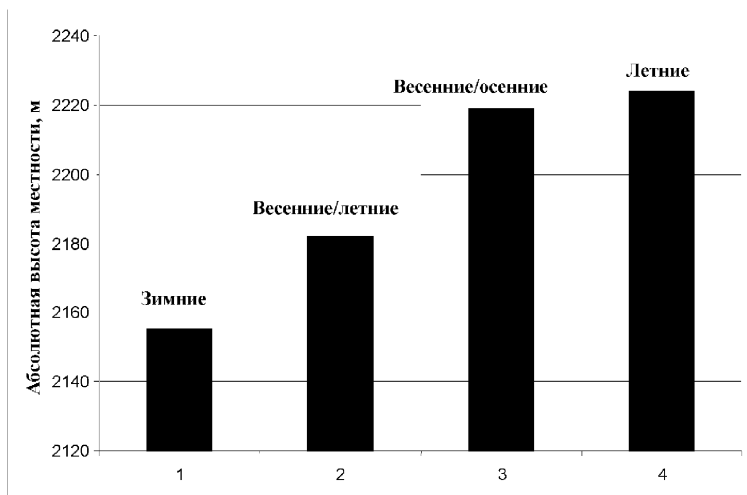

Рис. 2. Распределение сезонных типов пазырыкских могильников по высоте (средние значения).

неиспользуемые земли (водоемы, болота, скальные поверхности). Во-вторых, выявленные узлы были сезонно обитаемыми.

Анализ карты плотности курганов с меньшим числом изолиний, т.е. более обобщенной, позволяет сделать вывод о двух главных больших ареалах расселения древнего населения на плоскогорье Укок. Первый из них охватывает долину р. Ак-Алаха с ее верхней части на юго-западе до урочища Кутургунтас на севере, а также долину р. Кальджин и нижние течения рр. Калгуты и Аккол. Второй ареал находится на востоке: в районе рр. Аргамджи и верхнего течения р. Калгуты. Априори, можно предположить, что эти ареалы отражают ареалы сезонного кочевания.

Дальнейшее изучение системы древнего расселения возможно с использованием геодезическо-астрономического метода, который позволяет устанавливать сезон сооружения курганов и могильников. Сегодня применять данный метод более или менее достоверно мы можем только в отношении памятников пазырыкской культуры. Главным посылом здесь является предположение, что скифское население Алтая для ориентации могильной цепочки, могильной камеры, сруба и погребённого использовало точку восхода Солнца. Данное предположение неоднократно высказывалось многими учёными и подтверждается нашими исследованиями [Быков, Быкова, Слюсаренко, 2004]. Однако установление сезонного типа могильника не всегда возможно однозначно из-за того, что ориентация объектов может указывать на две сезонные даты, а они часто не укладываются в один период сезонного кочевания (табл. 1). В этой связи мы, кроме летних и зимних типов могильников, выделили весенние/осенние и весен-

ние/летние. В последних двух типах могильников установление истинного сезона захоронения возможно при дополнительных исследованиях в будущем*.

В некоторых могильниках их сезонный тип подтверждается другими данными. Например, в кургане №1 могильника Ак-Алаха-3 весенний или раннелетний характер погребения подтверждают результаты анализа содержимого желудка лошади [Феномен..., 2000, с. 253-254]. На то, что погребения могли совершаться весной или летом, указывают годичные кольца на бревнах срубов из курганов могильников Верх-Кальджин – I и II [Феномен..., 2000, с. 259]. Однако следует признать, что для ряда могильников, несмотря на вычисленные сезонные даты захоронений, мы, тем не менее, затрудняется определить их сезонный тип, поскольку эти даты находятся на границе сезонов.

Анализ полученных результатов показал, что по высоте могильники распределяются так, что зимние располагаются на меньших, а летние – на больших высотах (рис. 2). Для ареала расселения в районе рр. Аргамджи, к сожалению, установлен сезонный тип только у одного могильника – Богдо-Ула – I (весенний/осенний). Однако здесь зафиксированы могильники пока неопределенной культурной принадлежности, цепочки которых ориентированы по линии СЗ-ЮВ. Поэтому можно предполагать, что возникновение в данном ареале сезонных поселений связано с летними кочеваниями.

В долинах Ак-Алахи и Кальджина обнаруживаются все типы могильников. Однако значимость тех или иных типов в различных узлах расселения неодинакова. В главном центре (вблизи устьев рек Кальджин и Аккол) преобладают зимние могильники, хотя выявлены также летний и весенний/летний. Населенный пункт в урочище Бертек представлен лишь зимними могильниками. Такая же ситуация наблюдается в узле расселения, находящемся выше по течению Ак-Алахи на 8 км от предыдущего (памятники Уюк-2,3,4). Однако следующее сосредоточение памятников (с индексами Ак-Алаха- и Уюк-) характеризуется преобладанием летних, весенних/летних и весенних/осенних могильников, хотя здесь обнаружен и один зимний могильник (Уюк-46). Только весенние, летние и осенние могильники выявлены в узле расселения, находящемся по левому берегу Ак-Алахи выше и ниже устья р. Чолок-Чад. Слабо выраженные узлы расселения в долине р. Кальджин представлены летними, весенними/летними и весенними/осенними могильниками.

Неравномерность размещения населения можно объяснить действием нескольких факторов – природного, исторического, демографического и социально-экономического. Учет демографического фактора позволяет понять большую концентрацию курганов в узлах с зимними типами мо-

* Данный вид анализа показывает, кроме всего прочего, насколько важна максимально корректная фиксация ориентации объектов при полевых исследованиях и ее отражение в отчетах и публикациях.

гильников. Вероятно, она связана с повышенной смертностью населения в зимние месяцы. Природными факторами объясняется сосредоточение зимних могильников в местностях с более низкими абсолютными высотами, поскольку здесь теплее и ближе к лесной зоне, которая может служить источником топлива. Несомненно, что одним из природных факторов, влияющих на расположение могильников, является освещенность. Могильники, как правило, размещены с таким расчётом, чтобы продлить солнечное освещение, особенно утром и вечером. Поэтому зимние устраивали в местностях максимально открытых в юго-восточном и юго-западных направлениях, а для летних могильников выбирались склоны северных экспозиций.

В тех случаях, когда в одном узле находятся и летние, и зимние могильники как фактор размещения выступает удаленность от реки. При этом зимние могильники располагаются в среднем дальше от нее, чем летние. Можно предположить, что такая картина складывается по двум причинам. Во-первых, в зимнее время поселения менее зависимы от водоснабжения (есть снег), во-вторых, размещению зимних могильников вблизи реки, возможно, мешали наледи, широко развитые здесь и сегодня.

В холодные и многоснежные периоды кочевники, вероятно, покидали плоскогорье. А при медленном потеплении климата летние населенные пункты создавали первоначально ниже, чем обычно. Вероятно, именно этим можно объяснить наличие в устье р. Аккол единичных летних и весенних/летних могильников.

Несмотря на долю допуска, в наших построениях вырисовывается вполне определенная картина расселения кочевников скифской эпохи на плато Укок, отражавшая его природные особенности и специфику годового хозяйственного цикла кочевников. К сожалению, на сегодня нельзя представить полную картину пазырыкского расселения на Укоке, поскольку многие могильники не идентифицированы. По мере проведения новых раскопок данная картина будет совершенствоваться, и в этом плане наибольший интерес представляют исследования в районе рр. Аргамджи.

Примечания

Быков Н.И., Быкова В.А. Индикация расселения населения на Алтае в скифскую эпоху // Геоэкология Алтае-Саянской горной страны / Ежегодный Международный сборник научных статей. Выпуск 1. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. – С. 33-35.

Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю. Индикационные возможности ориентационных свойств курганов и могильников скифской эпохи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, ч. II. – С. 195-202.

Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 256 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000 - №4 (4). – С.66-87.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 320 с.

Червяков В.А. Количественные методы в географии: учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 259 с.

ПОГРЕБЕНИЕ Е9 ИЗ БОЛЬШОЙ МОГИЛЫ УГУАНЬЦУНЬ В АНЬЯНЕ С «КАРАСУКСКИМ» НОЖОМ И «МОДЕЛЬЮ ЯРМА»

Раскопки в районе деревни Угуаньцунь проводились весной 1950 г. Руководил работой Го Баоцзюнь, из известных впоследствии специалистов участвовали Ань Чжиминь (будущий директор Института археологии АОН КНР) и Ма Дэчжи. Посещал эти раскопки и член-корреспондент АН СССР С.В.Киселев, находившийся в это время в Китае [Го Баоцзюнь, 1951, С.3]. В тот сезон было исследовано свыше 20 жертвенных захоронений и одна большая могила царского ранга, получившая индекс WKGM1. Расположена она ровно в 1 км к северу от деревни Угуаньцунь.

Большая могила WKGM1 делится на погребальную камеру, северный и южный дромосы (рис.1:1). В центре прямоугольной в плане погребальной камеры располагался саркофаг, внутри которого находился гроб, уничтоженный в результате неоднократных ограблений большой могилы, и поэтому в ходе раскопок не зафиксированный. Под гробом вырыт яо-кэн (по-японицки яма) для закладной жертвы. При сооружении большой могилы WKGM1 сначала были выкопаны в материке дромосы и погребальная камера, потом в ее центре венец за венцом выкладывались стены саркофага, собранные из больших деревянных плах [Го Баоцзюнь, 1951, С.10-12]. По мере их сборки пространство между внешними стенами саркофага и стенами погребальной камеры заполнялось слоями трамбованной земли (*хан-ту*). Всего от дна погребальной камеры до высоты крышки саркофага и начала дромосов было уложено девять слоев трамбованной земли, образующих уступ (*эр-цэн тай*), в который и впускались сопроводительные захоронения, 24 с западной и 17 с восточной стороны погребальной камеры (рис.1:2).

Приведем основные размеры составных частей большой могилы WKGM1 [Го Баоцзюнь, 1951, С.7]. Погребальная камера: длина по устью с севера на юг 14 м, ширина с запада на восток 12 м, глубина 7,2 м, ориентация по азимуту 7,5 градусов. На уровне уступа и крышки саркофага, на глубине 4,7 м длина погребальной камеры 13 м, ширина 10,5 м. На уровне дна, на глубине 7,2 м длина погребальной камеры 12,6 м, ширина 9,7 м. Саркофаг: длина с севера на юг 6,3 м, ширина с запада на восток 5,2 м,

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183 и РГНФ, проект № 07-01-00444а.

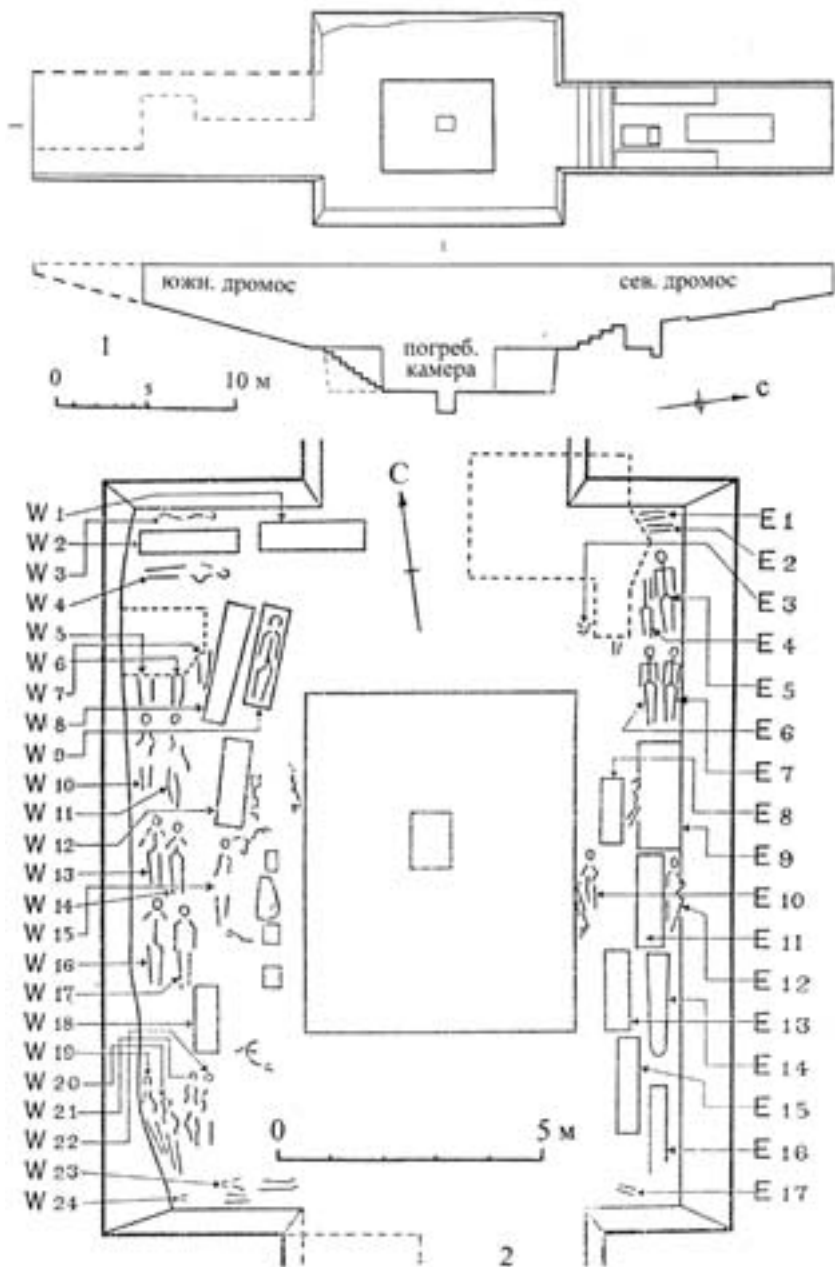

Рис. 1. План большой могилы в Угуаньцунь.
 1 – план и разрез большой могилы в Угуаньцунь; 2 – план погребальной камеры большой могилы в Угуаньцунь.

высота от дна погребальной камеры 2,5 м. Саркофаг несколько раз грабили в древности и в наши дни. Внутри найдены обломки нефритовых и бронзовых изделий и фрагменты резной кости и белой керамики. Яо-кэн: длина с севера на юг 1,0 м, ширина с запада на восток 0,8 м, глубина 1,2 м. Дно яо-кэна находится на глубине 8,4 м от поверхности земли, внутри в качестве закладной жертвы захоронен один человек. Северный дромос: длина по верху с юга на север 15 м, ширина с запада на восток 5,2 м, глубина южного конца, где дромос примыкает к погребальной камере – 4,7 м. В северном дромосе обнаружено три ямы с лошадьми, всего 16 особей и множество деталей сбруи, а также яма с двумя сопогребенными людьми. Южный дромос: Длина 15,5 м, ширина 6,1 м, глубина 4,7 м. В южном дромосе обнаружены две ямы с лошадьми, всего 7 особей и множество деталей сбруи, а также один сопогребенный человек. Но южный дромос раскопан не полностью из-за частично перекрывающих его современных могильных курганов (рис.1:1).

Поскольку гроб и вообще весь саркофаг большой могилы полностью разграблены, а сопроводительные захоронения на уступе по бокам погребальной камеры – в основном нет, они и представляют для нас наибольший интерес. Особенно выделяется в этом плане погребение Е9. Это самое важное из сопроводительных захоронений, совершенных с восточной стороны погребальной камеры. Его длина 2 м, ширина 0,8 м; дно находится на глубине 4,5 м от современной поверхности земли. Костяк уже сгнил, бронзовый сопроводительный инвентарь включал один клевец *гэ* в головах, и два клевца *гэ* в ногах умершего. Сосуд гуй, фляжка ю, кубок гу, бокал цзюе располагались там же, в ногах, бронзовый нож и «модель ярма» (ПНН) справа от умершего, кости собаки – слева от него. Погребение Е9 по количеству инвентаря превосходит все остальные сопроводительные захоронения с восточной стороны погребальной камеры. Кратко опишем этот инвентарь [Го Баоцзюнь, 1951, С.33-35].

Бронзовый «карасукский» нож найден в Е9 с правой стороны. У него выпуклая дугообразная спинка, вогнутое лезвие; конец рукояти увенчан большим кольцом. По центру рукояти проходит выпуклое ребро, острие лезвия сильно сточено, похоже, что нож долго использовался. Общая длина 23 см; длина рукояти 8,9 см; ширина 2,2 см; диаметр кольца 3,5 см. Бронзовая «модель ярма» (ПНН) найдена в Е9 тоже с правой стороны. Длинная центральная пластина сверху выпуклая, снизу вогнутая, в центре расширяется, к концам сужается, оба конца завершаются изогнутыми дугами, на конце каждой из дуг по прорезному круглому бубенчику, издающему при движении звон. Изделие украшено личиной тао-те, размещенной прямо посередине центральной пластины с ориентацией верх-низ. Это означает, что «модель ярма» должны были использовать только в горизонтальном положении, то есть так, как мы и предлагали в своей реконструкции [Варенов, 1984, С.46]. Длина центральной пластины 22,4 см; об-

щая длина ПНН с двумя дугами – 40 см; максимальная ширина пластины – 3,5 см; диаметр бубенчиков на дугах – 1,3 см.

Один черешковый прямообушный клевец э9 найден в северном конце Е9. Он без бородки и прорезей, обух с круглым отверстием с обеих сторон украшен инкрустированным бирюзой узором восьмилепесткового цветка. Тяжелое и толстое оружие практического применения. Прямой и ровный боек сохранил большую полосу отпечатка ткани, похоже, использовавшейся в повседневной жизни для обертывания конца лезвия. Полная длина 24,8 см; длина бойка 17,6 см; ширина бойка 5,8 см; длина обуха 7,2 см; ширина обуха 4,5 см; толщина 0,8 см. Другой прямообушный клевец гэ, найденный в южном конце Е9, по форме полностью аналогичен вышеописанному, только обух у него без орнамента, да ширина бойка различается. Полная длина 24,6 см; длина бойка 17,6 см; ширина бойка 6,5 см; длина обуха 7 см; ширина обуха 4,7 см; толщина 0,9 см. Проушной клевец э9 тоже найден в южном конце Е9. Обух у него украшен узором восьмилепесткового цветка, тыльная сторона бойка также сохранила большой отпечаток ткани. Толстое и тяжелое оружие практического применения. Общая длина 24,6 см; длина бойка 17,8 см; ширина бойка 6,4 см; длина обуха с проухом 6,8 см; ширина обуха 3,5-4,1 см; внутренний диаметр проуха 3,1 × 2,0 см; толщина 0,7 см.

Бокал цзюе с длинным сливом, коротким «хвостом», короткими столбиками близ основания слива. Район шейки украшен узором семи банановых листьев: одного спереди, одного сзади, двух слева (там, где крепится ручка) и трех справа. Кольцевой поясок орнамента на тулове с узором обращенных в разные стороны двух личин тао-те на фоне меандров, с выпуклыми глазами и носом-ребром, представляющим собой литейный шов, выступает над поверхностью сосуда. Шляпки столбиков украшены узорами спиралей. Надпись размещена внутри тулова. Высота сосуда 17,7 см; глубина тулова – 9,3 см; высота столбиков – 2,4 см; высота ножек – 10,5 см; длина устья (его максимальный диаметр) – 18,6 см; ширина устья 8 см.

Кубок гу с широким огубленным устьем, узким горлышком, пузатым туловом и круглой кольцевой ножкой. На шейке нанесен узор в виде четырех банановых листьев, узких, но длинных. Поверхность барабана тулова украшена двумя смотрящими в разные стороны личинами тао-те, с четырьмя выступающими выпуклыми глазами и двумя литейными ребрами – носами. Ножка украшена узором четырех закрученных в кольцо драконов куй, а выше и ниже пузатого барабана тулова есть еще по пояску S-видных меандровых узоров из тонких линий. Надпись расположена внутри ножки. Высота изделия 24,0 см; глубина тулова 16,8 см, высота барабана тулова 4 см; высота ножки 8,6 см; диаметр устья 14,7 см; диаметр барабана тулова 4 см; диаметр ножки 8,7 см.

Фляжка ю с узким длинным горлышком, пузатым туловом, круглой кольцевой ножкой. Максимальный диаметр тулова – близ дна. Устье закрыто крышкой, на плечиках расположены ушки, к которым крепится ду-

гообразная ручка. Ручка и крышка соединены связкой-пермычкой, которая может свободно двигаться. На горлышке и ножке пояски сплошного меандрового узора, на горлышке, кроме того, есть две простых личины тао-те, с четырьмя глазами и двумя ребрами-носиками (литейными швами), глядящие в разные стороны. По окружности крышки четыре группы взаимопроникающих треугольных S-видных узоров меандра. Шляпка столбика на крышке украшена узором водоворота. По ручке расположен узор ромбов, завершающийся на двух ее концах звериными головками, соединяющими ручку с двумя ушками на самом сосуде. Надпись расположена на доньшке ножки. Высота сосуда с крышкой 25,4 см; высота по устью 20,8 см; высота ножки 1,9 см; диаметр устья 7 см; диаметр тулова 10,5 см, диаметр ножки 9,1 см.

Сосуд для проса *гуй* с выпуклыми стенками и круглой кольцевой ножкой. Устье его слегка отогнуто наружу, крышки и ушек нет, орнаментальный поясик на шейке делится на три сегмента. Прямо в центре каждого сегмента есть выпуклая зооморфная личина и четыре изображения драконов куй, расположенных по два справа и слева от нее. Форма для отливки стенок сосуда состоит из трех частей, места их стыков находятся как раз там, где стыкуются сегменты орнамента на тулове сосуда. В районе стыка кольцевой ножки с туловом сосуда также есть маленькое отверстие, совпадающее с местом стыка литейных форм. Считается, что трехсегментный бронзовый сосуд *гуй* без ушек является особенностью раннего периода существования Иньского городища в Аньяне. Поясок на ножке заполнен S-видными узорами. Снизу доньшка нанесен решетчатый узор. Надпись находится на доньшке тулова. Высота сосуда 14,3 см; высота ножки 2,8 см; диаметр устья 20,7 см; диаметр ножки 14,8 см.

Четыре вышеописанных сосуда с одинаковыми надписями найдены вместе. Го Баоцзюнь считал, что это – один иероглиф, означающий имя человека, погребенного в Е9 или имя мастера, отливавшего сосуда [Го Баоцзюнь, 1951, С.15]. По его мнению, надпись-эмблема представляет собой сочетание изображений щитка – мишени для стрельбы, или древка штандарта, клевца *э* и двух человек [Го Баоцзюнь, 1951, С.35]. Сейчас считается, что эти надписи состоят не из одного, а из двух-трех иероглифов, и читаются, в зависимости от взаимного расположения элементов, «Цзай Бэй Шань» или «Бэй Шань (Цзай)» [Шан-чжоуские бронзы, 1981, С.45, 217-220]. «Бэй» означает «север»; «Шань» используется в географических названиях, то есть является топонимом; а «цзай» - глагол «ранить», причем древнекитайский, позднее III в. н.э. он не употреблялся. В целом надпись должна означать «Ранен в Северном Шань (на севере, в Шань)» или «Ранен Северное Шань (Север в Шань)».

Что касается датировки Е9, то о ранней дате трехсегментных сосудов *гуй* без ушек мы уже писали. Бронзовый черешковый клевец *э* общей длиной 22 см, прямой обух которого украшен восьмилепестковым цветком, а общий контур тот же, что и у аналогичного оружия из Е9, хранится в Хэ-

наньском провинциальном музее. Он был найден в марте 1953 г. при раскопках, проходивших в Народном парке г. Чжэнчжоу, в могиле С7М18, датированной ранним периодом эпохи Шан, то есть до-аньянским временем [Шан-чжоуские бронзы, 1981, С.15, 70]. Десять дугообразнообушковых ножей с кольцевым навершием и ребром по центру рукояти, очень похожих на нож, обнаруженный в Е9, встречены в могиле Фу-хао (М5) в Аньяне [Могила Фу-хао, 1980, С.102]. Только уступ при переходе клинка в рукоять выражен у этих ножей не так сильно, и обушок клинка изогнут слабее. Возможно, тому причиной их меньшие абсолютные размеры – в среднем 13,5-14 см общей длины, а не 23 см, как у ножа из могилы Е9. Могила Фу-хао датируется рубежом XIII-XII вв. до н.э. Крупное круглое кольцо навершия правильной формы также считается относительно ранним признаком.

Примечания

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С.42-51.

Го Баоцзюнь. Отчет о раскопках Иньского городища весной 1950 г. // Чжунго Каогу сюэбао. – Т.5. – 1951. – С.1-61, Илл. I – XLV. (на кит. яз.).

Могила Фу-хао на Иньском городище [Иньсюй Фу-хао му]. – Пекин: Вэньу, 1980. – 242 с. (на кит. яз.).

Шан-чжоуские бронзы, найденные в Хэнани [Хэнань чуту Шан-Чжоу цинтун ци]. – Т.1. – Пекин: Вэньу, 1981. – 16, 296, 62, 4 с. (на кит. яз.).

**ТУАНЬЦЗЕ – СЯНЬБИЙСКИЙ МОГИЛЬНИК
НА СЕВЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ
БЛИЗ ГРАНИЦЫ С ЗАБАЙКАЛЬЕМ***

В августе 2001 года китайский крестьянин Ли Евэй в ходе полевых работ в 0,5 км к западу от родной деревни Туаньцзе, что расположена в 20 км к востоку от города Хулуньбэйэр (Хулун-Баир) Хайларского округа автономного района Внутренняя Монголия КНР, обнаружил несколько разрушенных погребений. Археологи, проводившие в течение 20 дней охранные раскопки, исследовали семь захоронений [Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзинсун, Ли Минчжун, 2004, С.3]. Могильник находился на пологом склоне небольшой возвышенности, на террасе южного берега р. Хайлар. Несколько погребений было уничтожено карьерами глубиной до 2 м, из которых брали грунт для строительства и ремонта земляной дамбы, предназначенной для защиты сельхозугодий от наводнений. На площади нетронутых участков могильника были разбиты два раскопа, получившие порядковые номера НТТ1 (10 м × 4,15 м) и НТТ2 (10 м × 5 м). В первом из них вскрыто 4 погребения (обозначенные как НТМ 1–4). Во втором раскопе исследовано одно погребение (НТМ5). Кроме того, за пределами раскопов удалось обнаружить еще два захоронения – НТМ6 и НТМ7. Последнее оказалось практически полностью разрушено. Кратко опишем исследованные могилы.

Погребение 1 (НТМ1) расположено в северо-восточной части раскопа НТТ1. Размеры прямоугольной в плане могильной ямы 2,3 × 0,58 м, глубина 0,87 м, ориентация по азимуту 307 градусов. На дне могилы находилось погребение мужчины в возрасте около 50 лет, лежащего на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад, лицом на юг. Под костяком умершего была подсыпка из плотной земли высотой 15 см, в изголовье сооружен небольшой земляной уступ высотой 25 см и шириной 20 см (рис.1:4). В погребении обнаружен керамический кувшин гуань, стоявший на уступе у головы умершего и три сильно коррозированных железных предмета в районе его тазовых костей. Плоскодонный кувшин украшен по плечикам рассеченным валиком, а ниже отогнутого венчика имел пару небольших ушек (рис.2:3).

Погребение 2 (НТМ2) находилось в 1,6 м к западу от погребения НТМ1. Размеры прямоугольной в плане могильной ямы 2,3 × 0,8 м, глубина 0,9 м,

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183 и РГНФ, проект № 04-01-00535.

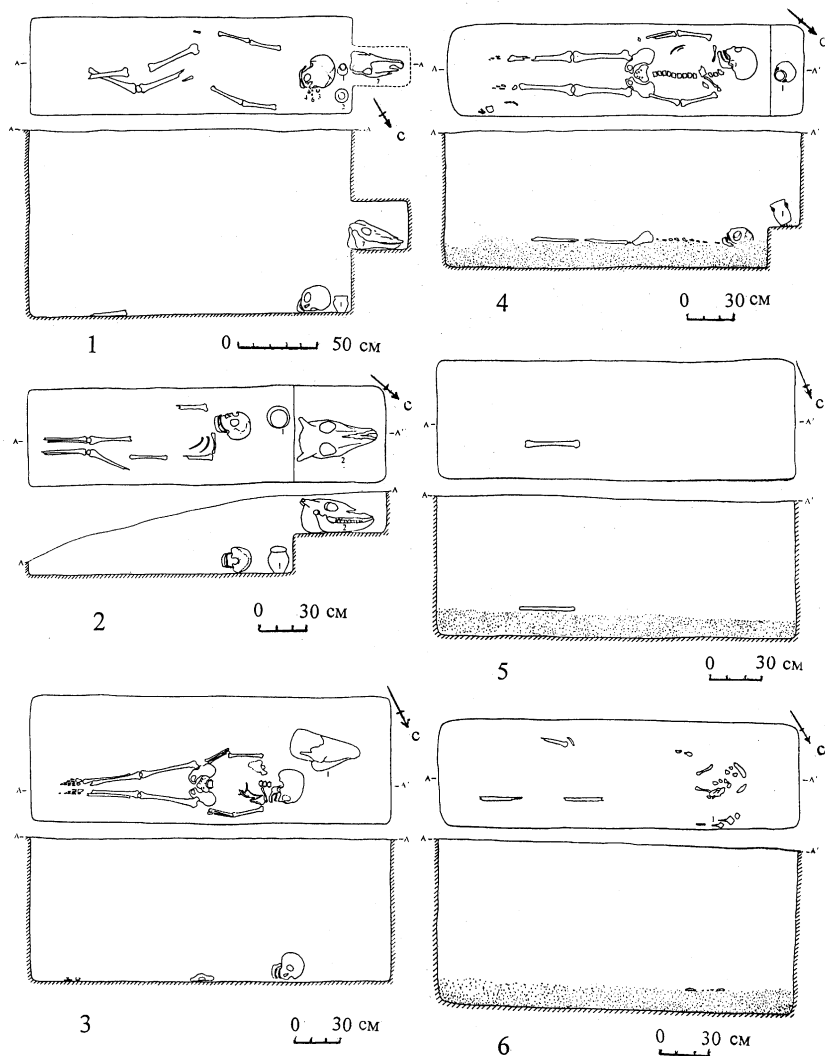

Рис. 1. Планы и разрезы погребений могильника Туаньцзе.

1 – погребение НТМ5, 2 – погребение НТМ6, 3 – погребение НТМ2, 4 – погребение НТМ1, 5 – погребение НТМ4, 6 – погребение НТМ3.

ориентация по азимуту 298 градусов. На дне могилы находилось погребение женщины в возрасте около 40 лет, лежащей вытянуто на спине, с руками на тазовых костях, головой на северо-запад, лицом на северо-восток. Справа от головы погребенной, за ее затылком был уложен лошадиный череп (рис. 1:3).

Погребение 3 (НТМ3) открыто в 1,4 м к югу от НТМ2. Размеры прямоугольной в плане могильной ямы $2 \times 0,6$ м, глубина 0,9 м, ориентация по азимуту 303 градусов. На дне могилы находился плохо сохранившийся скелет взрослого человека, скорее всего, лежащего на спине с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Под костяком была сделана подсыпка из земли толщиной до 15 см. Справа от черепа обнаружено несколько сильно корродированных обломков железных предметов, в том числе проржавевшее ромбовидное изделие с черешком, напоминающее железный наконечник стрелы (рис. 1:6).

Погребение 4 (НТМ4) раскопано в 1,8 м к юго-западу от погребения НТМ3. Размеры могильной ямы $2,1 \times 0,7$ м, глубина 0,8 м, ориентация по азимуту 292 градуса. В погребении найдена только одна берцовая кость человека, лежащая на подсыпке из земли толщиной до 15 см. (рис.1:5).

Погребение 5 (НТМ5) зафиксировано в раскопе НТТ2, примерно в 27 м к югу от НТМ4. Размеры прямоугольной в плане могильной ямы $2,05 \times 0,6$ м, глубина 1,16 м, ориентация по азимуту 305 градусов. На дне могилы на спине со слегка согнутыми в коленях ногами погребена женщина в возрасте около 45 лет. В торцовой стенке могильной ямы, в головах погребенной, на высоте 41 см от дна, сооружена ниша высотой 30 см, шириной 24 см и глубиной 36 см (рис.1:1). Внутри ниши находился череп быка, в заполнении могильной ямы, на глубине 15 и 30 см от поверхности земли – два бычьих копыта. У головы погребенной стояло два керамических сосуда, у левого виска обнаружена бронзовая серьга и три бусины. Кроме того, у доньшка сосудов и слева от руки умершей найдены железные наконечники стрел, но из-за сильной коррозии их форму и количество установить не удалось. Бронзовая серьга диаметром 1,4 см, несомкнутая, изготовлена из плоской проволоки (рис. 2:14). Бусины из янтаря (рис.2:11), лазурного флюорита (рис.2:12) и стекла (рис.2:13). Керамика в НТМ5 представлена плоскодонным горшком гуань, украшенным по плечикам рассеченным наlepным валиком (рис.2:2) и плоскодонным кувшином *гуань* с пузатым туловом и отогнутым венчиком, также украшенным по плечикам рассеченным наlepным валиком (рис.2:1).

Погребение 6 (НТМ6) расположено в 38 м к северо-западу от НТМ1. Размеры прямоугольной в плане могильной ямы составляли $2,23 \times 0,6$ м, глубина 0,5 м, ориентация по азимуту 320 градусов. В могиле в вытянутом положении на спине похоронен взрослый мужчина. Верхняя часть могилы разрушена, ее южная стенка уцелела лишь до высоты 5 см. В головах погребенного, в материке вырыт уступ высотой 25 см и шириной 60 см, на который помещен череп быка (рис.1:2). Погребальный инвентарь представлен плоскодонным керамическим горшком *гуань* с отогнутым устьем, стоявшим выше головы умершего, перед уступом (рис 2:5).

Погребение 7 (НТМ7) выявлено в 2 м к западу от захоронения НТМ4. Погребение НТМ7 очень сильно разрушено, форма и размеры могильной ямы не ясны. Лишь в ее торцовой стенке (видимо, на уступе или в нише) на

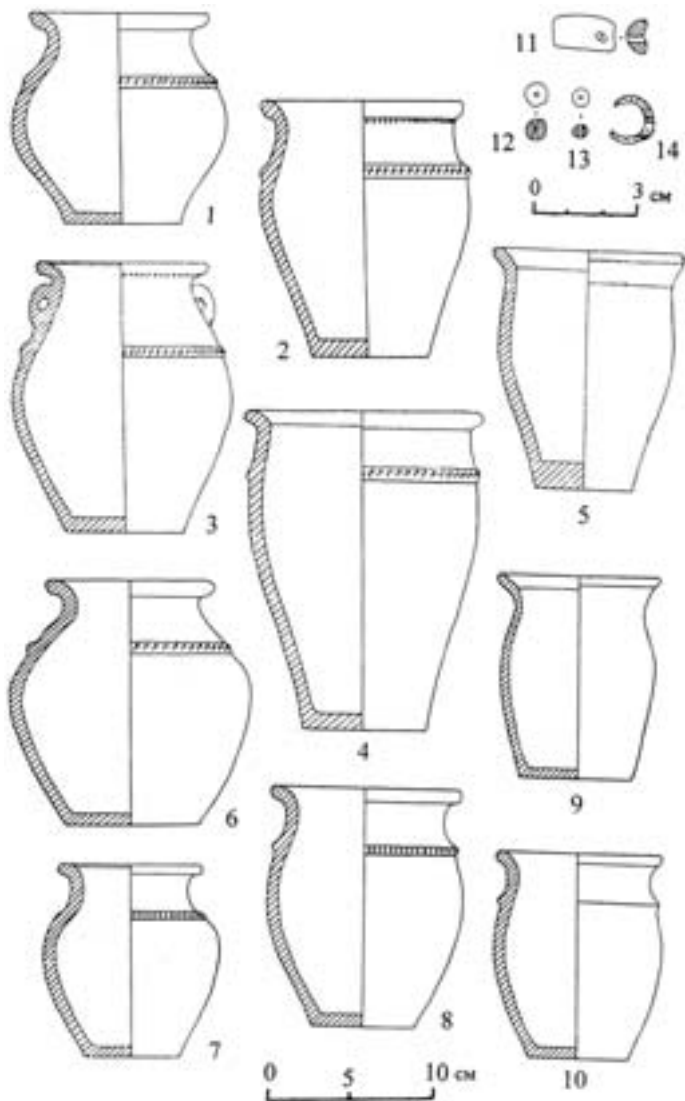

Рис. 2. Инвентарь могильника Гуаньцзе.

1, 2, 11-14 – из погребения НТМ5; 3 – из погребения НТМ1; 4 – из погребения НТМ7; 5 – из погребения НТМ6; 6-10 – подъемные сборы. 1-10 – керамика, 11 – янтарь, 12 – флюорит, 13 – стекло, 14 – бронза. 1-10 и 11-14 – один масштаб, масштабирование выполнено А.В.Вареновым.

глубине 80 см от поверхности земли был найден плоскодонный керамический горшок *гуань* с отогнутым устьем, украшенный по плечикам рассеченным налепным валиком (рис. 2:4), а в 20 см от него череп барана.

В ходе обследования территории памятника на площади разрушенных участков могильника было собрано еще пять керамических сосудов. Все они, так же, как и керамика из погребений, плоскодонные, ручной лепки, изготовлены из сильно песчанистого теста черно-бурого цвета, с довольно низкой температурой обжига и носят следы использования в виде копоти и нагара на поверхности. Найдено три горшка *гуань* с отогнутым устьем (рис.2:8-10), в том числе один, украшенный по плечикам рассеченным налепным валиком (рис.2.:8) и два кувшина *гуань* с пузатым туловом, украшенным по плечикам рассеченным налепным валиком (рис.2:6,7). Китайские археологи делят небольшой по количеству экземпляров керамический комплекс могильника Туаньцзе на два типа: горшки с отогнутым венчиком и широким устьем и кувшины с пузатым туловом. Однако, как нам представляется, это разделение довольно условно, поскольку можно выявить и переходные формы.

Китайские специалисты считают, что по особенностям погребального обряда, составу и характеру инвентаря, прежде всего по керамике, могильник Туаньцзе имеет сходство с могильниками Лабудалинь [Чжао Юэ, 1990], Иминьхэ [Чэн Даохун, 1982] и Чжалайноэр [Отчет о раскопках, 1994], принадлежность которых сяньби не вызывает у них сомнений [Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзинсун, Ли Минчжун, 2004, С.12]. Сосуды этих с памятников имеют близкую форму, состав черно-бурого глиняного теста с примесью песка, способ изготовления и орнаментацию. По мнению китайских археологов, наибольшее число аналогий для керамики Туаньцзе присутствует в материалах могильника Иминьхэ и не исключено, что могильник Туаньцзе сформировался одновременно или чуть ранее Иминьхэ. Заметим, правда, что в других сяньбийских могильниках значительная часть (в Лабудалинь до 50%, а в могильнике Чжалайноэр 100%) захоронений умерших совершены в деревянных или берестяных гробах, внутри которых рядом с покойным, либо сверху деревянного перекрытия которых встречаются жертвоприношения скота в виде лошадиных и бычьих черепов. Возможно, что в Туаньцзе деревянные внутримогильные конструкции просто не сохранились (зачастую, там даже сохранность костяков не идеальная). Китайские археологи датировали Туаньцзе начиная от среднего периода существования государства Восточное Хань (т.е., II в. н.э.) и более поздним временем [Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзинсун, Ли Минчжун, 2004, С.14].

Со своей стороны заметим, что для погребальных комплексов могильника Туаньцзе характерен ряд устойчивых признаков. Все семь исследованных погребальных сооружений являются прямоугольными грунтовыми ямами с вертикальными стенками, часто с уступами или с нишами в торце, в районе головы умерших. Погребения совершены по обряду труположения, на спине с вытянутыми конечностями, головами на северо-запад. В качестве вариантов можно выделить могилы с земляной подсыпкой под костяком и могилы с черепами животных, уложенными на уступы, в ниши

или на дно могилы в головах умерших. Два этих признака (что ускользнуло от внимания китайских археологов) находятся в дополнительной дистрибуции. То есть, если череп животного в головах умершего присутствует, то подсыпки под костяком нет (3 или 4 случая). Если же умерший захоронен без черепа животного, то обязательно на земляной подсыпке под костяком (тоже 3 случая). Конечно, статистика могильника Туаньцзе мала, но достаточно красноречива.

Следует отметить, что биритуализм могильника Туаньцзе не коррелируется с двумя основными типами керамики, выделенными китайскими археологами – горшками с отогнутым венчиком и кувшинами с пузатым туловом (кувшины есть и в погребении с подсыпкой НТМ1, и в погребении с черепом НТМ5; в том же НТМ5 вместе встречены и горшок, и кувшин). Не коррелируется биритуализм могильника Туаньцзе и с полом погребенного (черепа животных встречены и в мужских – НТМ6, и в женских – НТМ2, НТМ5 – захоронениях). Видимо, о одновременности или разноэтничности двух вариантов погребений речь идти также не может, поскольку расположены они на территории памятника не изолированно, а поблизости друг от друга и даже вперемешку. Да и керамика в захоронениях с обоими вариантами погребального обряда, как уже отмечалось, одинаковая. Возможно, в явлении биритуализма погребального обряда могильника Туаньцзе нашла свое отражение дуально-родовая организация древнего коллектива, оставившего данное кладбище. Укажем, что биритуализм погребального обряда характерен и для чуть более раннего (относящегося к I в. до н.э.) сюннуского могильника Даодуньцзы. Там встречены и ниши в торцовых стенках могильных ям в головах умерших, куда помещались керамические сосуды, и выкладки из черепов домашних животных на дне могильных ям [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1988].

Примечания

Отчет о раскопках могильника Чжалайноэр в 1986 г. // Сборник статей по археологии Внутренней Монголии [Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи]. – Вып. I. – 1994. (на кит. яз.).

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Даодуньцзы – сюннуский могильник в уезде Тунсинь в Нинся // Каогу сюэбао. 1988 № 3. С.333-356. (на кит. яз.).

Чжао Юэ. Сяньбэйское погребение, открытое в Лабудалинь аймака Эю во Внутренней Монголии // Каогу. 1990. № 10. (на кит. яз.).

Чэн Даохун. Сяньбэйский могильник в районе Иминьхэ // Нэймэнгу вэньу каогу. 1982. № 2 (на кит. яз.).

Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзиньсун, Ли Минчжун. Могильник Туаньцзе в городе Хулуьньбэйэр (Хулун-Буир) // Открытия и исследования сяньбийских захоронений в районе Внутренней Монголии. Пекин, 2004. – С. 3-15. (на кит. яз.).

НОВЫЕ ГОРОДИЩА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе работ по инвентаризации и паспортизации памятников археологии Архаринского района Амурской области в 2004 году отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» было открыто несколько памятников, относящиеся к укрепленным поселениям.

Одно из городищ расположено на вершине мыса первой надпойменной террасы р. Амур. Высота мыса относительно уровня поймы 60 - 70 м. С северо-восточной и восточной стороны у подножья мыса протекает река, с северной и северо-западной сторон его омывает ключ, именуемый местными жителями «*Сохатиным*». Склоны мыса крутые, задернованы, покрыты зарослями маньчжурского дуба и лещины. Центральная часть ровная, имеет незначительный уклон к краям крутых склонов. Она так же задернована и занята монгольским дубом и лещиной.

Границы городища очерчены контурами мыса. Протяженность его с северо-востока на юго-запад достигает 500 м, с северо-запада на юго-восток 200 м, площадь поверхности примерно 9,7 га (рис. 1). Подпрямоугольное в плане городище с северо-восточной, юго-восточной и южной части имеет ров, ширина которого составляет в настоящее время 2 - 2,5 м, глубина 0,5 м. С юго-восточной и южной сторон дополнительно возведен вал шириной у основания 3 - 4 м и высотой 1,5 м относительно дна рва. С юго-западной стороны городище укреплено рвом таких же размеров, как и ров на северо-восточной и юго-восточной стороне. Северо-западная часть памятника защищена склонами мыса, крутизна которых увеличена подработкой. Городище имеет два входа: с северо-восточной и с юго-западной стороны. Входы обозначены разрывом во рвах, ширина которых от 4,5 до 5 м.

На территории городища отмечено более 100 западин округлой формы диаметром 6, 12, 15 м и глубиной от 0,5 до 1,5 м. Они расположены по обе стороны центральной части мыса. Свободная от западин площадка примыкает к входам. В северо-западной части крупные западины, доходящие вплотную до крутого, искусственно эскарпированного склона мыса, расположены двумя рядами среди хаотично разбросанных маленьких. С юго-восточной стороны углубления в основном небольшие, расположены бессистемно и доходят до рва, проходящего по краю мыса. Помимо части укрепленной фортификационными сооружениями, Три западины отмечены

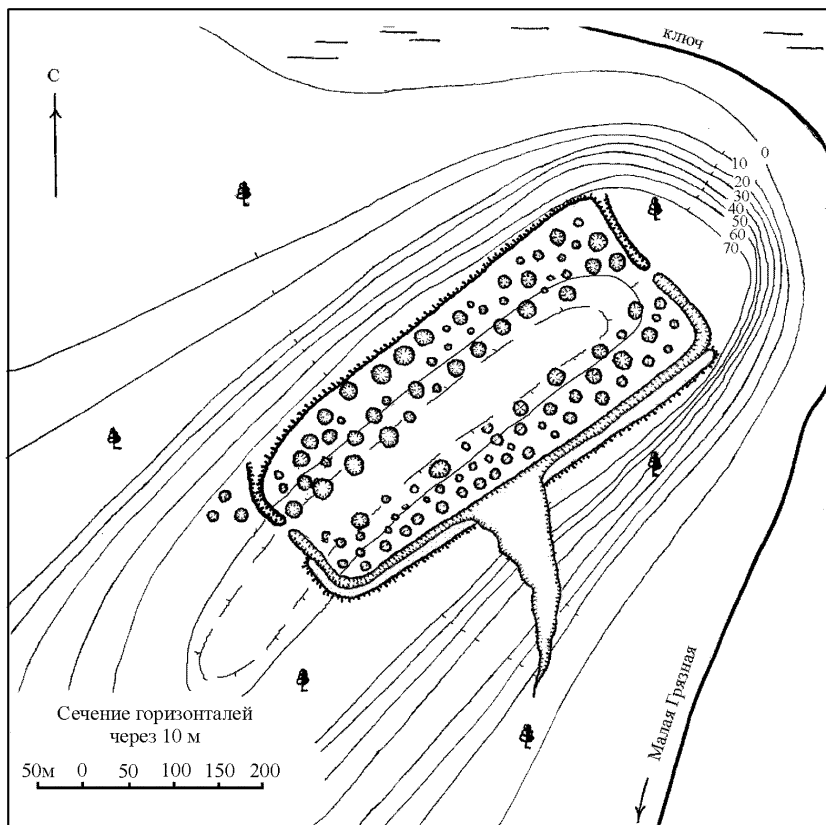

Рис. 1. План городища на ключе Сахатином.

ны вне пределов городища в юго-западной части памятника. Западины округлой формы, диаметром 8 м и глубиной до 0,7 - 0,9 м.

Второе городище расположено на мысовидной террасе, выступающей в пойму *р. Чесночиха* в северном направлении. Высота террасы относительно современного уреза воды в ручье 30 м. Крутые склоны мыса и его поверхность задернованы, покрыты маньчжурским дубом. Вершина имеет незначительный уклон в юго-восточном направлении. Памятник ограничен с западной, северной, восточной сторон склонами мыса, с южной – склонами следующей террасы.

Городище имеет в плане квадратную форму (150×150 м), площадь укрепленной части достигает примерно 1 га. Фортификационные сооружения представлены двумя валами и двумя рвами. Внутренний основной вал защищает городище по периметру и имеет ширину у основания 4 м и высоту до 1 м относительно внутренней поверхности. С северной стороны в восточном и южном углах он прерывается, образуя входы во внутреннюю

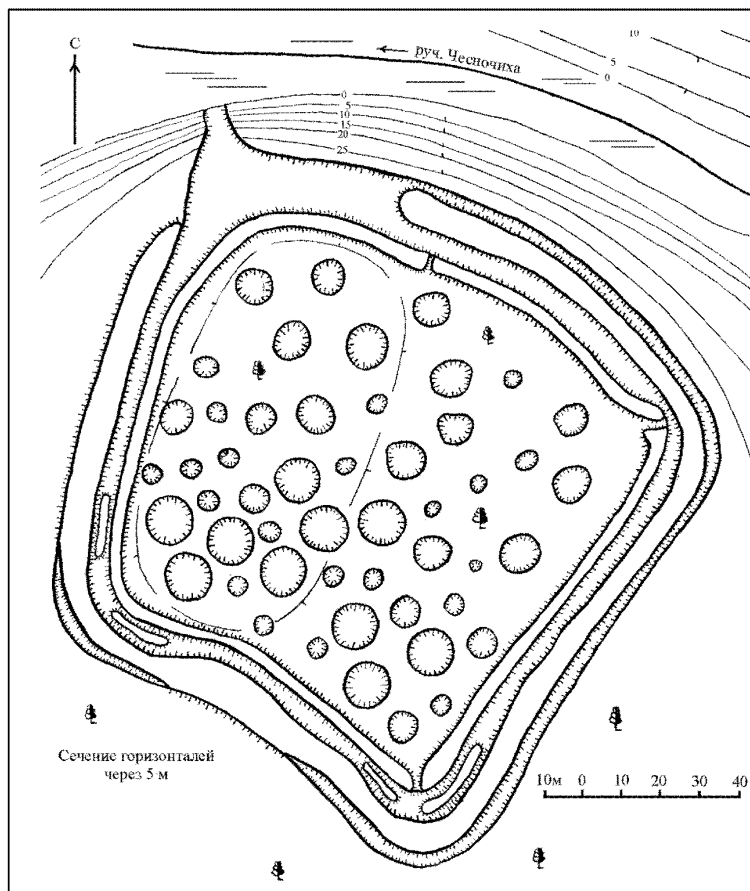

Рис. 2. Городище на ручье Чесночиха.

часть. Первый ров имеет ширину от 5 до 7 м и глубину до 1,5 м. В северной части он выходит в глубокую промоину, спускающуюся к ручью. В южном и западном углах рва расположены небольшие по высоте и длине дополнительные валы.

Внешний вал, шириной от 8 до 10 м у основания, повторяет форму основного и оконтуривает городище практически со всех сторон, за исключением северного угла. Здесь он прерывается, выходя к промоине на северном склоне террасы. По высоте вал равномерен по всему периметру и лишь в юго-западной широкой его части плавно понижается до уровня поверхности мыса. Внешний ров прослеживается с южной, юго-восточной – северо-восточной сторон, ширина его достигает 4 м, глубина 0,7 - 0,8 м (рис. 2).

Городище имеет три входа: в северо-восточной части основного вала и в его восточном и южном углах. Входы шириной до 2 м обозначены разрывом вала до уровня внутренней поверхности. Южный вход дополнительно укреплен валами, расположенными во рве, высотой до 1,5 - 2 м относительно дна рва и шириной у основания 2 - 2,5 м.

Внутренняя поверхность городища ровная, с незначительно приподнятой площадкой в северо-восточной части. На ней выявлено 46 западин округлой формы диаметром от 6 до 12 м, глубиной до 0,7 м, расположенных рядами на близком друг к другу расстоянии.

Датировка обоих памятников затруднена в виду отсутствия подъемного археологического материала. Западины, подобные выявленным на городищах, ранее были встречены на поселении Осинное Озеро в окрестностях с. Войково, Константиновского района Амурской области. Раскопки одной из них позволили датировать обнаруженное под ней жилище периодом раннего средневековья [Дервянко, 1975, с. 40]. Городище с фортификационными сооружениями, как на памятнике Сохатиный Ключ, известно в Благовещенском районе Амурской области [Сапунов, Зайцев, 1990, с. 45 - 48]. Оно также относится к средневековью. Таким образом, обнаруженные в Архаринском районе городища (по размерам западин, их форме, особенностям расположения на местности) можно предварительно датировать периодом раннего средневековья.

Примечания

Дервянко Е.И. Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1975. – 249 с.

Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Средневековое городище у оз. Утесное Амурской области // Проблемы краеведения Дальнего Востока и сопредельных территорий: Тезисы докладов участников региональной научной студенческой конференции. – Благовещенск, 1990. – С. 45 - 48.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ИЗ ЖИЛИЩА 17 ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО-1

Трехлетние работы на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 (НСО) [Мыльникова и др., 2003; 2004; 2005] позволяют включить данный памятник в список одного из раскопанных широкими площадями (ок. 3000 кв.м). Одна из особенностей поселения – наличие большого количества каменных артефактов, что не характерно для памятников данного хронологического отрезка. Поэтому особый интерес представляет функциональный анализ изделий из камня.

Для исследования было представлено 33 каменных артефакта, полученных в результате раскопок жилища № 17 [Мыльникова и др., 2003].

Функциональные исследования артефактов базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Семенов, Коробкова, 1987; Korobkova, 1999 и др.] и опыта синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999]. При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе, дополнительно, использовался специализированный микроскоп МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением.

В итоге трасологического обследования поверхностей изделий была определена функция утилизированных орудий коллекции. Результаты анализа могут быть представлены в виде небольшой таблицы (табл. 1).

Кроме перечисленных орудий в коллекции отмечено два карандашевидных нуклеуса и 5 сколов/отщепов без следов их использования в качестве рабочего инструмента.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты №№ 04-01-00048а, 05-01-01363а, Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». НШ-6568.2006.6

Таблица 1 Состав инструментария из жилища № 17

Функция орудия	Обрабатываемый материал	Количество
скобель	кость-рог	13
скребок	шкура	3
лощило	шкура	3
скобель	дерево	2
вкладыш ножа	мясо	1
отбойник-наковаленка	камень	1
наковаленка	камень	1
топор	дерево	1

Таблица 2

орудия для переработки продуктов охоты

орудия для работы с деревом и камнем

При статистическом разделении утилизированных орудий на категории инструментария, связанные с основными отраслями производства, были получены следующие результаты (табл. 2):

Основная часть инструментария представлена в коллекции скобелями для обработки сравнительно твердых органических материалов — рога и кости

Микроследы использования орудий этого типа сохраняется преимущественно на выступающих участках рабочей поверхности, часто на уцелевших, после характерной и интенсивной «ступенчатой» микровыкрошенности, фрагментах первоначальной кромки лезвия. Отмечается существенная деформация рабочих участков. В зоне интенсивного износа микрорельеф значительно разрушается. Одной из наиболее характерных черт износа следует назвать локальность, ограниченность микрозаполировок в виде своеобразных «пятен» на выступающих, приподнятых площадях микрорельефа рабочего края орудия. «Линейные следы» - короткие, прямые, умеренно глубокие, четко локализованные. На участках интенсивного износа иногда можно проследить линейность общей структуры мик-

роповерхности. Общим же для всех инструментов является их скребковая кинематика и назначение – обработка относительно твердых органических материалов.

Доля орудий этого типа составляет в категории орудий охоты и обработки ее продуктов около 53%. Рабочий край орудий выпуклый, обработан притупляющей ретушью. Каменные артефакты, вероятно, вставлялись в рукоять, о чем косвенно свидетельствует наличие аккомодационных снятий у обушка большинства артефактов.

На основании изучения каменных артефактов, собранных на территории жилища, можно дать и предварительное определение хозяйственной активности его обитателей. Доминирующим занятием людей на изучаемой территории являлась обработка продуктов охоты. Особенно интенсивно работа велась с такими органическими материалами как рог и кость.

Следов рыболовства не обнаружено. Работа со шкурами, вероятно, производилась на открытом пространстве. Обработка камня не носила здесь интенсивного характера. Этому роду деятельности обитатели уделяли в жилище минимальное внимание.

Дальнейшее функциональное изучение материалов поселения Линево-1 позволит провести сравнительный анализ хозяйственной активности его обитателей как в других, выявленных в ходе раскопок, жилых конструкциях, так и на производственных площадках под открытым небом.

Примечания

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О. //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. Сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г., посв. 95-летию со дня рожд. Акад. А.П. Окладникова).- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.-Т. IX.- Ч. I.- С. 459-453

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С. Археологическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская обл.) //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. X.- Ч. I.- С. 390-393

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Паринов Р.О. Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.- Т. XI.- Ч. I.- С. 431-436

Семенов С.А. Первобытная техника. — М.- Л.: Наука, 1957.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. — Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1983.

Korobkova G.F. Narzedzia w pradziejach.— Torin, 1999.

РАБОТЫ РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ

Бухта Саган-Заба находится на побережье оз. Байкал, в 12 км к ЮЗ от устья р. Анги и в 13,5 км к ЮЮВ от пос. Еланцы Ольхонского района Иркутской области. С севера в бухту выходит узкая и длинная падь, по дну которой протекает ручей; с запада - 2 распадка. Склоны бухты и пади – крутые, обрывистые, поросшие сосной и лиственницей. К Байкалу падь выходит конусом выноса, подрезанным абразионным уступом высотой: в западном конце бухты 1,0-1,5 м, в восточном 3,0-4,0 м над уровнем Байкала. Поверхность конуса выноса прорезана четырьмя сухими руслами. Два из них (западных) сливаются при выходе к побережью Байкала. Пляж сложен валунно-галечными отложениями. Экспозиция бухты юго-восточная.

В ЮЗ конце бухты на отвесном мраморном утесе находятся знаменитые наскальные изображения бронзового – железного веков, открытые в 1881 г. Н.Н. Агапитовым. В 100-120 м к востоку от рисунков отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (А.П. Окладников) в 1972 г. была обнаружена древняя стоянка – Саган-Заба II [Окладников, 1974]. Ее I культурный слой датируется поздним железным веком, II слой – бронзовым. Дальнейшие исследования этой бухты, проведенные тем же отрядом в 1974-1975 гг., позволили выявить в восточной ее части стратифицированное многослойное поселение [Окладников, 1975]. Площадь вскрытия – 40 кв. м. В разрезе выделено 5 культурных слоев, датируемых поздним железным веком – неолитом без керамики (финальным мезолитом) [Асеев, 2003, с. 51]. В 1986 г. объединенным отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ (Г.А. Воробьева, О.И. Горюнова, Г.И. Медведев) на поселении проведены стратиграфические работы. Выполнено более дробное расчленение стратиграфического разреза и выделено большее количество культуросодержащих слоев. В связи с этим было отмечено, что многослойное поселение Саган-Заба перспективно для дальнейших комплексных исследований. Реализовать эти работы стало возможным в 2006 г. в связи с совместными исследованиями Российско-Канадской археологической экспедиции. Основная цель работ - междисциплинарное

* Работа выполнена при поддержке грантов: Совета общественных наук и гуманитарных исследований Канады № 421-2000-1000; РГНФ № 04-01-0048а; РФФИ-Байкал № 05-06-97208; полевого гранта Президиума СО РАН.

изучение поселения Саган-Заба, более детальное его исследование и датирование, основанное на комплексном использовании традиционных археологических методов и новых методов естественных наук.

В результате работ 2006 г. изучено строение рыхлых отложений на разных участках бухты; определены наиболее перспективные площади для раскопок; заложены и вскрыты контрольные раскопы; получены интересные материалы по археологии и зооархеологии; отобраны образцы на радиоуглеродное датирование, почвенно-литологический анализ, минералогию, карпологический анализ и др. Фиксация археологических материалов каждого слоя проводилась в трехмерном измерении с применением электронно-лазерного теодолита. Отработанная почва подвергалась просеиванию и промывке.

Основные раскопы заложены на конусе выноса первого (от побережья) распадка западного борта бухты. Коренные породы в районе распадка представлены мраморами. Раскоп № 2 расположен в правой периферийной части конуса, раскоп № 1 - вблизи его осевой части на слиянии с конусом выноса из основной пади. Высота размещения раскопов 7-8 м над современным уровнем Байкала. Вскрытая мощность рыхлых отложений более 2,5 м. Наиболее полно стратиграфический разрез представлен в раскопе № 1. Здесь выделено 8 культурных слоев (их нумерация взята за основу при корреляции слоев двух раскопов). Сводный стратиграфический разрез в месте раскопов имеет следующее строение.

Нижняя толща. В основании разреза вскрывается плейстоценовая кора выветривания мраморов, представленная белой мраморной крошкой, в кровле она приобретает палево-желтую окраску за счет гидроксидов железа, вымытых из вышележащих толщ. Вскрытая мощность – до 1 м.

Средняя толща. Делювий сартанского возраста, представленный буровато-желтыми дресвянистыми супесями с включениями (за счет криотурбационных процессов) хаотичных скоплений мраморной крошки. В составе средней толщи раскопа № 1 присутствуют скопления голубоватого щебня кристаллических сланцев, транспортируемых по основной пади. Кровля толщи разбита криогенными трещинами – клиньями (вертикальные размеры 0,4-0,5 м, горизонтальные – до 0,3 м). Мощность толщи – 0,4-0,6 м.

Верхняя толща. Делювий голоценового возраста, представленный переслаиванием дресвянистых супесей и дресвяно-щебнистых отложений. Дресвянистый материал представлен в основном белесой мраморной крошкой, щебнистый – голубоватыми кристаллическими сланцами. Мраморная крошка транспортируется в основном по распадку, обломки кристаллических сланцев – вдоль основной пади.

В строении раскопов № 1 и 2 хорошо выражены позднеголоценовые отложения, тогда как ранне- и среднеголоценовые отложения имеют незначительную мощность. Это свидетельствует о том, что в раннем и среднем голоцене рассматриваемые участки бухты Саган-Заба находились в облас-

ти делювиального транзита. Аккумуляция ранне-среднеголоценового делювия шла на более низких отметках рельефа.

В позднем голоцене максимальная активизация делювиальных процессов, судя по обилию грубообломочного материала, пришлось на интервал между временем образования III и II культурных слоев. Супесчаные слои, обедненные обломочным материалом, сформированы в фазы ослабления делювиальных процессов. Они имеют разную гумусированность и окраску: от светлой буроватой до серой и темно-серой. Большинство культурных слоев приурочено к темным гумусированным супесям. Мощность верхней толщи в раскопе № 1 – 1,5 м, в раскопе № 2 – 0,6 м.

Археологический материал пачки I – IV культурных слоев однороден в культурно-хронологическом отношении. В слоях зафиксированы кострища, шлаки и куски обожженной глины (возможно, от печей). Керамика представлена толстостенными фрагментами сосудов с гладкой поверхностью. Орнамент состоял из рассеченного налепного валика, пояса ямочек, подковообразного штампа и ногтевых вдавлений. Изделия из камня: призматические пластины, пластинчатые сколы, отщепы. Отмечено большое количество костей животных (часть из них – жженная). Одна трубчатая кость – со следами обработки. Из определимой фауны: кости лошади, косули, крупного копытного, нерпы, рыб. Предварительная датировка – ранне-монгольское время – поздний железный век.

Материал V культурного слоя малочислен; представлен: фрагментами керамики с негативами грубого шнура, украшенными волнистым налепным валиком; призматической пластиной; отщепом, неопределимой битой костью. Подобная керамика характерна для переходного периода к железному веку.

Керамика VI культурного слоя с гладкой и штриховой поверхностью. Орнамент представлен, в основном, горизонтальными линиями, выполненными отступающей лопаточкой (с зубчатым, подтреугольным, овальным концом) или оттисками штамповых вдавлений (овальный, округлый). Венчики сосудов, как правило, украшены насечками. Один сосуд (из раскопа № 2) простой закрытой формы (дно не сохранилось). Его поверхность – штриховая. Орнамент тулова – в виде ромбической решетки, выполненной прочерченными линиями (в верхней части сосуда). По венчику – крестом пересекающиеся насечки. Аналогичная керамика найдена в комплексах бронзового века Приольхонья: 8 слой Листвяной губы и погребение № 28 Хужир-Нугэ XIV. Изделия из камня представлены: концевым скребком, отщепом с ретушью, призматическими пластинами, пластинчатыми сколами, отщепами. В слое – большое количество битой неопределимой кости. Датировка VI культурного слоя – бронзовый век.

Находки VII культурного слоя составляют фрагменты гладкостенной и штриховой керамики. Орнамент – в виде горизонтальных рядов, выполненных: зубчатой отступающей лопаточкой, прочерченными линиями, пунктирным штампом. Выделяются фрагменты от двух гладкостенных со-

судов, украшенных пояском крупных ямочек (диаметр до 1 см), ниже которых, в одном случае, прочерченная линия, во втором – прочерченный горизонтальный зигзаг. Подобная орнаментация отмечена на керамике из IX слоя Тышкинэ III. В раскопе № 2 отмечен развал гладкостенного сосуда сложной закрытой формы. По верхней плоскости венчика нанесены наклонные зубчатые насечки; по боковой – два горизонтальных валика, украшенных наклонными линиями пунктирного штампа. Ниже проходят горизонтальные ряды, выполненные тем же штампом. Подобная керамика характерна для слоев развитого неолита Приольхонья: IX слой Улан-Хады, III слой Берлоги, VIII слой Тышкинэ III и позднесеровских комплексов погребений: Сарминский Мыс, Хужир-Нугэ VI и др. В составе изделий из камня: концевой скребок на пластинчатом сколе, вкладыш на призматической пластине с краевой ретушью, обломок призматического нуклеуса, призматические пластины, первичный и пластинчатые сколы, отщепы (часть из них – с ретушью). Датировка слоя – развитый неолит.

Комплекс VIII культурного слоя не содержит керамики. В его составе: скребки на отщепках, скобель, проколка на пластинчатом сколе, отщепы с ретушью и с подтеской, призматические пластины (часть из них – микро), пластинчатые, краевые и первичные сколы, отщепы, торцовый призматический нуклеус, галька-отбойник. Комплекс относится к мезолиту; более точная датировка пока затруднительна.

В целом, раскопки 2006 г. в бухте Саган-Заба показали перспективность дальнейших исследований территории бухты, не ограничиваясь береговым обнажением. На конусе выноса небольшого распадка выявлено 8 культурных слоев, датируемых от раннемонгольского времени до мезолита. Многочисленные образцы, отобранные для анализов, в настоящее время находятся в работе. В дальнейшем планируются исследования, направленные на корреляцию материалов, полученных в 2006 г. и из береговых раскопов.

Примечания

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 208 с.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятник древней культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 125 с.

Окладников А.П. Отчет о раскопках многослойного неолитического памятника в бухте Заган-Заба в 1974 г. // Архив ИА АН СССР; Р-1, № 5567. – 60 с. – (Новосибирск, 1975).

**ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ЧИНЕТИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
КОМПЛЕКСЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)**

В 2006 г. совместная экспедиция Алтайского госуниверситета и Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН проводила плановое изучение археологических объектов на территории Чинетинского микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета (Красношековский район Алтайского края) [Тишкин, Дашковский, 2002; 2003; Дашковский, 2004; Дашковский, Тишкин, Тур, 2005а–б; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005]. Исследования были предприняты в рамках выполнения проектов РГНФ (№06–01–18013е; №06–01–60105а/Г), РГНФ–МинОКН Монголии (№06–01–91809а/Г) и гранта Президента РФ (МК–1973.2005.6.). Основная цель работ заключалась в изучении погребально-поминальных комплексов Ханкаринский дол и Чинета-II для реконструкции этнокультурной ситуации, социально-экономического и мировоззренческого развития кочевников Алтая в раннем железном веке и средневековье.

Некрополь Ханкаринский дол зафиксирован на второй надпойменной террасе левого берега Ини в 1,2 км к ЮЮВ от с. Чинета. Его основу составляют две параллельные микроцепочки курганов, расположенных по линии Ю–С. В предшествующий период были исследованы три кургана (№1–3) в западной цепочке, а также четыре (№4–6, 8) – в восточной. В этом полевом сезоне было продолжено изучение курганов восточной цепочки, в ходе которых раскопаны три объекта (№7, 9, 10).

Курган №7 зафиксирован ближе к центральной части некрополя. Диаметр насыпи, сложенной в 1–4 слоя камней, составлял 12 м. Высота сооружения достигала 0,8 м. В центре кургана прослеживался участок без камней, являющийся результатом просада насыпи в могильную яму. По периметру кургана зафиксирована кольцевая каменная выкладка (крепида). Под каменной наброской обнаружена могила, имеющая размеры 3,7×2,7×2,3 м. Могильная яма оказалась ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри нее, вдоль восточной и южной стенок, на глубине 2,1 м выявлены остатки, вероятно, прямоугольной рамы, сверху перекрытой продольными плахами. У южной стенки деревянной конструкции обнаружены костные останки мужчины в возрасте 35–40 лет. Они располагались на выделявшемся древесном слое, который имел подпрямоугольную форму длиной 0,8 м и шириной 0,25 м. Возможно, такая «подстилка» являлась остатками деревянного щита, хотя нельзя исключать наличие в погребальной камере

деревянного пола. Умерший лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮВ. Вдоль северной стенки могилы находился скелет лошади. Сопроводительное животное разместили на животе с подогнутыми ногами и ориентировали головой в ту же сторону, что и человека. В погребении обнаружен следующий предметный комплекс: кинжал с остатками ножен, гривна, раковины каури, аппликации из золотой фольги, серьга, чекан, подпружная пряжка из рога, железный нож, удила и керамический кувшин. Кроме этого зафиксированы остатки «мясной пищи» в виде костей овцы и лошади.

Курган №9 вплотную примыкал с юга, но не перекрывал курган №8. Насыпь, сложенная в один слой из камней, имела диаметр с Ю на С – 10,75 м, с С на В – 10,25 м, высоту до 0,3 м. В центре ее камни отсутствовали из-за провала их в могильную яму. По периметру кургана зафиксирована кольцевая выкладка из более крупных камней. Могильная яма, выявленная под насыпью кургана, имела размеры 4×2,55×2,05 м. Она была ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В могиле выявлены остатки деревянной конструкции в виде рамы (?) длиной 2,5 м и шириной 1,5 м. Вдоль южной стенки деревянной конструкции обнаружено погребение мужчины 55–65 лет, под останками которого прослежены следы органического тлена, возможно, от войлока (?). Умерший был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на ЮВ. Вдоль северной стенки могильной ямы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади. Животное располагалось так же, как в кургане №7. Из погребального инвентаря найдены следующие предметы: бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой, два железных ножа, аппликации, керамический сосуд. Обнаружены кости овцы – остатки «мясной пищи».

Курган №10 являлся самым северным объектом изучаемой цепочки. Он располагался в 2 м от кургана №4. Диаметр насыпи, сложенной в один слой из камней, оказался с Ю на С 7 м, а с С на В – 7,5 м. Высота сооружения – 0,2 м. По периметру кургана прослеживались отдельные более крупные камни, хотя целостная кольцевая выкладка не зафиксирована. В центральной части насыпи камни отсутствовали. Они просели в могилу. Под насыпью в центральной части объекта обнаружена могила размерами 3,1×2,15×1,87 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри могилы выявлена обкладка ее южной, западной и восточной стенки камнями в 2–5 слоев. Северная же стенка конструкции отделяла от основного погребения сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована, как и человек, головой на ЮВ. Такая каменная конструкция была, вероятно, перекрыта деревянными плахами, фрагменты которых зафиксированы в процессе исследования могилы. Внутри каменного сооружения выявлены костные останки подростка в возрасте 11–13 лет, которые располагались на деревянном настиле. Из сопроводительного инвентаря найдены фрагменты золотой фольги, керамический сосуд, железный нож. Зафиксированы и ос-

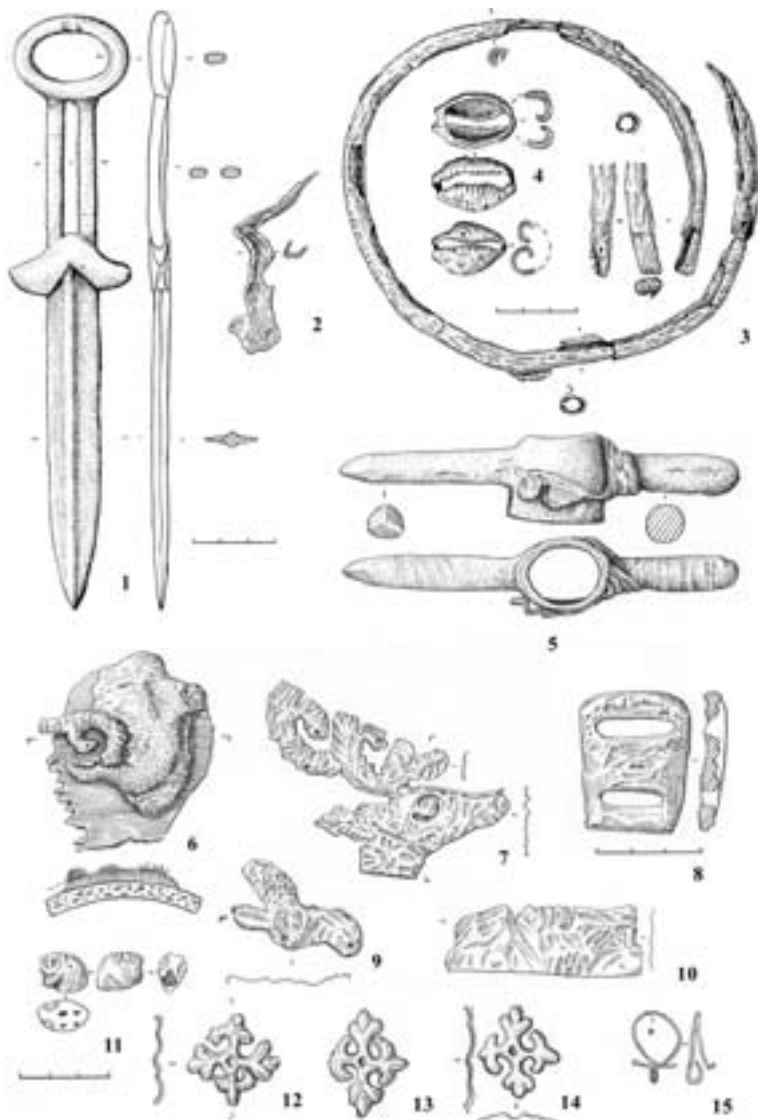

Рис. 1. Ханкаринский дол. Предметный комплекс из кургана №7.
 1, 5 – бронза; 2 – кожа; 3 – бронза, золотая фольга; 4 – раковины; 6 – кость, органика, золотая фольга; 7, 9, 10, 12–14 – золотая фольга; 8 – рог; 11 – дерево, бронза; 15 – цветной металл

татки «мясной пищи», которые, как и предыдущих случаях, по-видимому, лежали на деревянном блюде.

Объект №15 выявлен в западной части некрополя Чинета-II, расположенного на второй надпойменной террасе Ини в 1 км к ЮЮВ от села. Он

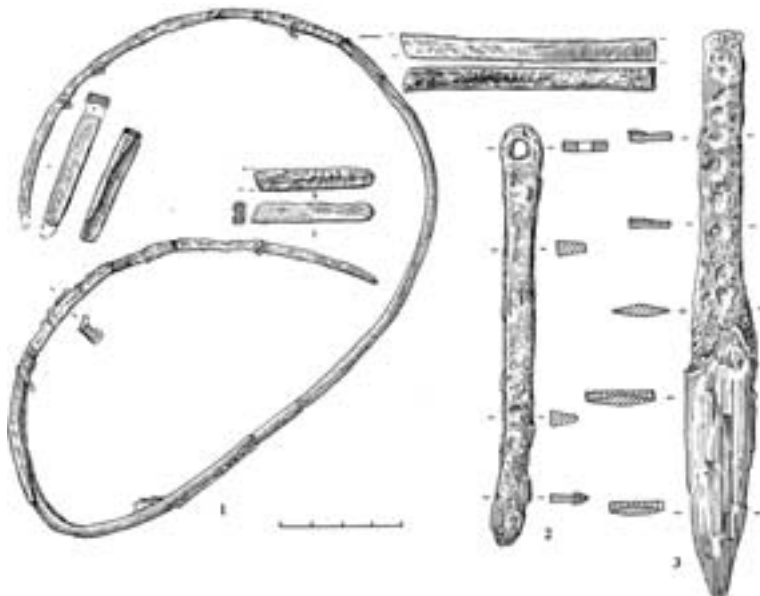

Рис. 2. Ханкаринский дол. Предметный комплекс из курганов №7 (2) и №9 (1, 3).
1 – бронза, золотая фольга; 2–3 – железо

представлял собой подквадратное сооружение – оградку, заложенную внутри преимущественно в один слой камней плоской формы. Северная и южная стороны оградки имели длину 2,9 м, а западная и восточная – 2,8 м. По периметру находились более крупные плоские камни, маркирующие форму и границы сооружения, высота которого достигала 0,4 м. Под каменной насыпью обнаружены зубы лошади. Никаких дополнительных конструктивных элементов и находок не выявлено.

Курган №16 расположен в восточной части могильника Чинета-II. Диаметр насыпи, сооруженной из камней в 1–3 слоя, с Ю на С составлял 6,25 м, а с З на В – 6 м. Высота конструкции достигала 0,5–0,65 м. Под курганной насыпью зафиксирована могильная яма, размеры которой составили 3,35×1,7×1,75 м. Внутри могилы вдоль южной стенки выявлена деревянная плаха, вероятно, служившая частью рамы. Погребенная женщина в возрасте 25–30 лет была уложена в вытянутом положении на спину и ориентирована головой на З. Из сопроводительного инвентаря обнаружен керамический сосуд. Зафиксированы также остатки «мясной пищи» в виде костей животных.

Курганы №7, 9, 10 могильника Ханкаринский дол, судя по особенностям погребального обряда и сопроводительному инвентарю, могут быть датированы IV в. до н.э. и отнесены, как и ранее исследованные объекты этого некрополя, к пазырыкской культуре. В ходе исследования этого па-

мятника отобрались пробы на радиоуглеродный анализ. Девять результатов получены в двух российских лабораториях (СОАН–5046, 5338, 5339, 5345, 5346; Le–7419–7422). Калиброванные показатели имеют широкий диапазон данных в пределах 2-й половины I тыс. до н.э. Скифо-сакским временем следует датировать и курган №16 могильника Чинета-II. Более обстоятельно вопрос об этнокультурной атрибуции данного захоронения можно будет рассматривать после изучения серии подобных курганов, находящихся в отдельной цепочке. Оградка №15 памятника Чинета-II в определенной мере маркирует северо-западную границу распространения объектов тюркского времени на Алтае и наряду с ранее изученными памятниками сросткинской и кыргызской культур отражает интенсивный процесс распространения и взаимодействия кочевых этносоциальных образований на территории Северо-Западного Алтая не только в раннем железном веке, но и в эпоху средневековья.

Примечания

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // XIII Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция «Научное наследие В.Н. Чернецова и проблемы культуурогенеза народов Западной Сибири». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 145–147.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. – С. 34–37.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 62–68.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Памятник пазырыкской культуры Ханкаринский дол в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. – Т. XI. – С. 294–296.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, ч.1. – С. 494–498.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 410–415.

**О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ПАМЯТНИКАХ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ
ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ***

На территории Приобья и Барабинской лесостепи на сегодняшний день большими площадями раскопано 6 памятников переходного времени от бронзы к железу (Чича-1, Омь-1, Завьялово-5, Туруновка-4, Линево-1, Мыльниково), которые могут считаться базовыми для характеристики эпохи [Зах, 1986; Молодин, 1985; Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, Парцигер, Гаркуша, 2004; Мыльникова и др., 2003; 2004; 2005; Мыльникова, Чемякина, 2002; Сидоров, 1987; Папин, Шамшин, 2005]. На основе изученных материалов исследователями выявлены особенности хозяйственной деятельности населения этой территории. Она представляется комплексной и многоотраслевой. Как правило, в хозяйственный комплекс вводят скотоводство, охоту, рыболовство, бронзолитейное и керамическое производство [Зах, 1997, с. 106; Молодин и др., 2001, с. 158-159; 2004, с. 284-285; Папин, Шамшин, 2005, с. 55-60]. Некоторые авторы в этот же список включают земледелие [Мжельская, 2005, с. 130-131; Сидоров, 1986; Троицкая, Новиков, 2004, с. 59; Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 111; Чемякина, Дергачёва, 2005, с. 194-205].

Таким образом, основные направления развития хозяйства переходного периода от бронзы к железу выделены. Однако анализ вещевого материала и планиграфии позволяет предположить, что не во всех изученных памятниках выделенные отрасли экономики развиты одинаково.

Хозяйство поселения Линёво-1 является многоотраслевым. Osteологический материал свидетельствует о том, что основу хозяйства составляло развитое скотоводство [Васильев, Мыльникова, 2005, с. 264]. Скопление шлаков, всплесков, фрагментов литейных форм и тиглей указывает на наличие развитого металлообрабатывающего производства [Дураков, Мыльникова, 2004, с. 208-209]. Прослежены так же следы гончарного и косторезного дела.

Выявленные отрасли хорошо представлены находками, однако в вещевых материалах памятника фиксируется преобладание каменных скребков. Эта особенность поселения уже была отмечена ранее [Зах, 1997, с. 106],

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 05-01-01363а, программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», НШ-6568.2006.6

однако масштаб дисбаланса в орудийном комплексе стал ясен только после вскрытия всех визуально фиксируемых сооружений поселения и значительной части межжилищного пространства в результате работ 2003-2005 гг. Трасологический анализ орудий, проведённый П.В. Волковым и Г.Ф. Кобковой, указывает на их использование в кожевенном и косторезном производствах, деревообработке. Планиграфический анализ расположения находок выявил значительную концентрацию скребков в сочетании с бронзовыми и костяными шильями, проколками, иглами в жилых камерах жилищ 15, 16а, 17, а так же возле сооружений 1 и 2 межжилищного пространства. На места концентрации этих орудий приходятся и скопления резцов бобров. Кости бобра здесь, по сравнению с другими памятниками этого времени (Омь-1, Чича-1), представлены исключительно обильно [Васильев, Мыльникова, 2005, с. 262]. Прослеженная закономерность позволяет выделить производственные площадки по обработке шкур (кожи и меха), а их количество на территории памятника – поставить вопрос о специализации всего поселения. Так как масштабы и интенсивность данного производства, судя по прослеживаемым остаткам, явно превышали потребности населения посёлка в коже и шкурах, то излишняя часть продукции предназначалась, очевидно, для вывоза за его пределы.

Таким образом, для поселения Линёво-1 при развитости всех жизнеобеспечивающих отраслей, фиксируется специализированное кожевенное производство.

Дисбаланс в отраслях производственной деятельности прослеживается также на городище Завьялово-5. Анализ материалов по каждой из основных областей его хозяйства позволяет усомниться в многоотраслевом характере его экономики.

Остеологический материал памятника, несмотря на то, что большая часть его изучена, представлен очень незначительной серией. В среднем 0,41 на 1 кв. м. Для сравнения этот показатель на городище Чича-1 – 22,65 на 1 кв. м, а на Линёво-1 – 8,72 на 1 кв. м.

Скотоводство прослеживается только по остеологическим материалам и, судя по их количеству (274 фрагмента на 1000 кв. м), значительной роли в жизнеобеспечении посёлка не играло. Встречаемость костей домашних животных на городище - 0,27 на 1 кв.м, при этом в это количество включаются и кости собак, которых здесь, по всей видимости, употребляли в пищу. На синхронных памятниках встречаемость костей домашних животных в десятки раз больше. Например, на Линёво-1 – 2,28 на 1 кв. м, а на Чиче-1 - 2,74 на 1 кв.м.

Стойловое содержание скота в Завьялово-5 следует признать невозможным исходя из особенностей планировки городища. Дело в том, что расстояние между котлованами жилищ составляет 1 м и меньше. Проходы при этом многократно поворачивают на 90 градусов, в некоторых местах сужаясь до 0,3 м. В таком лабиринте передвижение по территории посёлка крупных животных затруднено, т.к. они не могли бы развернуться в тесном

проходе или преодолеть несколько близко расположенных поворотов. Кроме этого, на городище отсутствует свободная площадка или хозяйственное строение, в котором можно было бы разместить животных. Исходя из этого, логично было бы предположить, что мясо домашних животных поступало в Завьялово-5 извне либо с содержащегося в каком-то другом месте собственного стада, либо путём обмена из других населённых пунктов.

Охота также явно не играла значительной роли в экономике городища, на что указывают как крайне незначительное количество костей диких животных, так и практически полное отсутствие охотничьего инвентаря: не смотря на практически полное исследование, найден всего один костяной наконечник стрелы. При этом значительную роль в экономике городища играло рыболовство [Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 112-114; Сидоров, 1989, с. 37]. Оно документируется остатками ихтиофауны и большим количеством разнообразных грузил. В материалах городища их насчитывается более 100 экземпляров [Сидоров, 1989, табл. 3], среди них - грузило весом более 2 кг. Е.А. Сидоров считал его лодочным якорем [Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 113].

Таким образом, Завьялово-5 – посёлок рыболовов со слабым развитием остальных отраслей жизнеобеспечивающего производства, что предполагает приток извне какой-то части необходимой продукции.

Хозяйство городища Чича-1 определено как комплексное и многоотраслевое [Васильев и др., 2000, с. 267-268]. Исследователями уже отмечена специализация по различной хозяйственной направленности населения отдельных зон городища [Молодин и др., 2004, с. 284-285; Молодин, Парцингер, 2006, с. 54]. Представляется, что одним из основных видов хозяйственной деятельности городища являлись транзитные перевозки в направлении запад-восток и север-юг. Использование водной системы Каргат - Мыльные Чаны – Большие Чаны – отмечено исследователями [Молодин и др., 2004, с. 288]. Расположение на удобных путях сообщения – одна из предпосылок возникновения и успешного развития протогородских центров. Косвенным признаком привлекательности местонахождения памятника для населения являются следы перестроек и расширения городища [Молодин, Парцингер, 2006, с. 50-51]. Свидетельства торговой деятельности довольно сложно уловить на археологическом материале. Выводы приходится делать на основании анализа комплекса косвенных признаков. 1) В керамическом материале прослеживаются обширные северо-западные и западные связи, позволяющие выявить керамику западного облика [Молодин и др., 2004, с. 266; Молодин, Мыльникова, 2003, с. 147 - 150]. 2) Анализ каменного инвентаря показал его прииртышское происхождение, что также указывает на направление транспортных связей [Молодин и др., 2004, с. 281]. 3) Южные контакты оставили свидетельство в керамическом и остеологическом материале. Так в коллекции присутствуют рога сайгака [Там же, табл. 20, с. 284]. 4) На городище фиксируется масштабное бронзолитейное производство. Планиграфически на раско-

панной части памятника выявляются несколько производственных участков, связанных с обработкой цветных металлов. Большинство из них концентрируются в группы, занимающие большие площади (в ЮЗ и ЮВ частях памятника), и связаны не с отдельными жилищами, а со всем городищем в целом, т.к. располагались на общественной территории: либо в заброшенных рвах, либо на специально выделенной и включённой в планировку городища обширной производственной зоне. Найден обломок кассетной формы для отливки слитков для хранения и транспортировки черновой меди. Подобные изделия широко встречаются, начиная с эпохи бронзы на Кавказе, Сев. Причерноморье, Приуралье [Абибулаев, 1965, рис. 2, 1; Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1968, рис. 4, 3]. Спектральный анализ бронзового инвентаря зафиксировал преобладание изделий из чистой меди [Молодин и др, 2004, с. 278, табл. 19]. Такой состав не характерен для данной эпохи и не встречается на сопредельных территориях. Очистка меди от примесей, видимо, производилась непосредственно на городище путем многократных переплавок. На данное предположение наталкивает явное количественное преобладание тиглей и ошлакованной керамики над формами.

Таким образом, Чича – транзитный центр, коммуникационный узел, центр обменных операций и металлообработки, судя по масштабам, направленной не только на обслуживание городища, но и территорию вне его.

Комплексный анализ, включающий стратиграфические, планиграфические наблюдения, изучение коллекций (планиграфическое и функциональное) позволяет поставить вопрос о производственной специализации отдельных поселений в переходное время на определенном виде деятельности, выражающемся в получении отдельного вида продукта в количестве, превышающем потребности населения поселка

Примечания

Абибулаев О.А. К вопросу о древней металлургии в Азербайджане//МИА, № 125.- 1965

Васильев С.К. Бенеке Н., Парцингер Г., Молодин В.И., К реконструкции хозяйственной деятельности населения памятника Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.VI. - Новосибирск: ИА и Э СО РАН. 2000. –С.263-268.

Васильев С.К., Мыльникова Л.Н. Результаты предварительного анализа остеологических материалов с поселения Линёво-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИА и Э СО РАН. 2005. -Т.XI.- Ч. I. – С.260-264.

Дураков И.А., Мыльникова Л.А. Изделия из металла поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск: ОмГУ, 2004. – С.207-210.

Зах В.А. Линево-1 - памятник переходного времени от бронзы к железу // Скифская эпоха Алтая. Тез. докл. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. - С.94-95.

- Зах В.А.** Эпоха бронзы Присалаирья. - Новосибирск: Наука, 1997. -130 с.
- Махмудов Ф. А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г.** О древнейшей металлургии Кавказа // СА.- 1968.- № 4.- С. 16-26
- Молодин В.И., Колонцов С.В.** Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Западной Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1984. -С.69-86.
- Молодин В.И.,** Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: «Наука», 1985. – 199 с.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.** Бинокулярная микроскопия керамики городища Чича-1//Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье).- Кемерово, 2003.- С. 147-151
- Молодин В.И., Парцингер Г.** Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр.- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.- Т. 1.- С. 49-55
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фасбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г.** Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. - Новосибирск: ИА и Э СО РАН. 2001. -240 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А.** Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. - Новосибирск-Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. 2. – 336 с.
- Мжельская Т.В.** Хозяйство населения Верхнего Приобья в переходное время от бронзового века к железному // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. - Новосибирск: НГПУ, 2005.- Том. 1. – С. 126-132.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О.** //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. Сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г., посв. 95-летию со дня рожд. Акад. А.П. Окладникова).- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.-Т. IX.- Ч. I.- С. 459-453
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С.** Археологическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская обл.) //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. X.- Ч. I.- С. 390-393
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Паринов Р.О.** Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. Год. сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.- Т. XI.- Ч. I.- С. 431-436
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.** Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. - 199 с.
- Папин Д.В. Шамшан А.Б.** Барнаулское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: монография /под ред. Ю.Ф. Кирюшина.- Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005.- 202 с.
- Сидоров Е.А.** О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск, 1986.

Сидоров Е.А. Раскопки городища Завьялово V // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1987. - С.8-10.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. - С. 16-40.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. - С. 16-40.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. - С.103-116.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск, 2004. -136 с.

Челякина М.А., Дергачёва М.И. О существовании земледелия в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы – переходного времени от бронзы к железу // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – Т. 1. – С. 194-2005.

**ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ В 2006 ГОДУ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)**

В 2006 г. отрядом лаборатории археологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева были произведены исследования в Нижнем Приангарье в зоне затопления проектируемой Мотыгинской ГЭС. Участниками отряда были произведены разведочные работы на русловом участке р. Ангара от п. Мотыгино до с. Манзя Мотыгинского и Богучанского районов Красноярского края. Целью отряда являлось выявление и обследование петроглифов и других археологических памятников, попадающих в зону затопления. На протяжении более 120 км обследованы ранее известные памятники, уточнены имеющиеся данные, выявлена в их границах новая информация, открыты новые местонахождения. Основной акцент исследований был направлен на изучение памятников наскального искусства.

Мотыгино. Петроглифы-1, 2, 3 (писаница Кокуй-1, 2, 3) (N- 58° 15' 24, 7" E- 095° 02' 43,0") обнаружены в 1996 г. [Дроздов и др., 1996; Заика и др., 1996], расположены на правом берегу р. Ангара, в 20 км к СВ от п. Мотыгино, в 5 км к СВ от бывшей дер. Кокуй, на утёсе с названием «Мешки», выше устья руч. Мешковой. Рисунки выполнены красной охрой розового и грязно бордового оттенка на высоте 8-12 м, 13,5 м от уреза воды. Встречаются изображения животных, знаковые символы в виде прямых крестов, свастик. Наиболее доступная плоскость-1 (длина 3,5 м, высота 1,5-2 м) обращена на ЮВ (азимут 45 гр.), находится на высоте 8 м от уреза воды. На её поверхности выявлены сложные конфигурации линий. По стилистическим признакам петроглифы относятся к I тыс. до н.э. - I тыс.н.э.

Орджоникидзе. Петроглифы-4, 5, 6 (Выдумский Бык-1, 2, 3) (N- 58° 19' 16, 8" E- 095° 13' 01,5") открыты в 1996 г. [Дроздов и др., 1996; Заика и др., 1996], расположены на правом берегу р.Ангара, в 20 км к ЮЗ от п.Орджоникидзе, между бывшими д. Бык и Новый Бык, на скальном массиве Выдумский Бык, напротив шиверы Выдумский Бык, в 0,7 км ниже устья руч. Быковский. Рисунки выявлены на высоте 7-15 м от уреза воды. Рисунки выполнены охрой или путем прочерчивания минеральным карандашом, выявлены на восточной стороне скальных обнажений, обращенных к реке (плоскости 1-8) Плоскости 9-17 находятся на южных фризах скалы, уходящих вглубь берега. Выявлены изображения людей, животных, всадников, птиц, знаковые символы. Обнаружены антропоморфные фигу-

ры в масках-личинах. По стилистический и иконографическим признакам петроглифы охватывают широкий временной интервал (3 тыс. до н.э. - I тыс. н.э.).

Писаница Пай – 1 (N- 58° 17' 58,2" E- 95° 11' 01,4") открыта в 2006 г., расположена на левом берегу р. Ангары, в 1 км выше устья р. Пай, на локальном выходе скальных пород (известняк). На высоте 9 м от октябрьского уреза воды выявлены 4 плоскости на наклонном широком фризе скалы. Экспонированы рисунки на северо-запад. Представлены: фигура всадника на звероподобном животном; фрагменты личины, глаза которой оформлены в виде концентрических кругов; фрагменты древовидной фигуры и линейного изображения животного; крестовидный знак. Рисунки выполнены красной охрой различных расцветок. Рисунки покрыты современными надписями, датировка их пока не ясна.

Орджоникидзе. Петроглифы-1, 2, 3 (писаница Шунтары-1, 2, 3) (N- 58° 31' 56,2" E- 95° 37' 59,4") открыты в 1996 г [Дроздов и др., 1996; Заика и др., 1996]. На правом берегу р. Ангары, в 13 км к СВ от п. Орджоникидзе, в 70м выше устья руч. Лонтак на скальном массиве «Столбы» выявлены рисунки, выполненные красной охрой. На высоте 10м от сентябрьского уреза воды находятся две плоскости, ориентированные на ЮВ. Выявлены крестовидные знаки, фрагменты прямых линий. Предварительно петроглифы датируются I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В 4,5 км к ЮЗ от писаницы-1 на скальном массиве «Утесы Хомантичи», на высоте 10-11,5м от уреза воды, на трех плоскостях выявлены рисунки, выполненные красной охрой (N- 58° 30' 55,5" E- 95° 36' 14,9"). Плоскости под разным углом наклона обращены на юг и ЮВ. Представлена многофигурная композиция с участием антропоморфных фигур в масках-личинах, фрагменты трудноопределимых фигур. По стилистическим и иконографическим особенностям петроглифы относятся к 4-2 тыс. до н.э.

В 0,5 км к СЗ от писаницы-2 на северной оконечности горы Конинный Хвост выявлены рисунки на широкой плоскости отвесного утеса, на высоте 11м от сентябрьского уреза воды (N- 58° 30' 46,1" E- 95° 36' 04,1"). Плоскость с рисунками отрицательная, обращена на восток. Представлены: зооморфная фигура, ряд вертикальных линий, солярный знак, фрагменты трудноопределимых изображений. По стилистическим признакам петроглифы относятся к I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Писаница Каменка - 1 (петроглифы-6) (N- 58° 33' 02,8" E- 95° 51' 37,7") известна с 1888 г., обследована в 1937 г. А.П. Окладниковым [Окладников, 1966], расположена на правом берегу р. Ангары, в 0,3 км к востоку от д. Каменка на стенах берегового утеса в устье р. Каменка, на высоте 12-20 м от уреза воды. На стенах утеса со стороны рек Ангары и Каменки выявлено 25 плоскостей с рисунками, обращенных на юг, ЮВ, восток, СВ, север и СЗ. Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков и путем неглубокой частой выбивки. Выявлены фигуры животных, людей, лодок, знаков, птиц, изображения антропоморфных личин фантастического

облика. Представлены культовые сцены, сюжеты охотничьего и скотоводческого характера.

По сюжетным и стилистическим характеристикам петроглифы охватывают широкий временной интервал от эпохи неолита до раннего средневековья и датируются 4 тыс. до н. э. -1 тыс.н. э.

Писаница Каменка - 2 (петроглифы-7) (N- 58° 33' 05,8" E- 95° 51' 08,7") открыта в 1997 г. [Заика и др., 1997], расположена на правом берегу р.Ангары, в 0,5 км к востоку от д.Каменка, в 0,2 км к ЮВ от левого берега р.Каменка (приток Ангары), на мысовидном скальном выходе с задернованной вершиной. На северных и западных стенах утеса выявлено 14 плоскостей с рисунками, выполненных красной охрой. Экспонированы рисунки на север, СЗ, запад. Зафиксированы знаки, фигуры людей, животных, птиц, всадник. Рисунки относятся к 1 тыс.до н. э.-1 тыс.н. э.

Писаница Каменка - 3 (петроглифы-3) (N- 58° 33' 08,8" E- 95° 51' 09,7") открыта в 1998 г. [Заика и др., 1998], расположена на правом берегу р.Ангары, в 1 км к востоку от д.Каменки и в 0,3 км к ЮВ от левого берега р.Каменки, на северной стороне скальных выходов, на высоте 35-40 м от уреза воды. Рисунки выполнены охрой красного цвета, нанесены на плоскости, обращенные на север и СЗ. Представлены одиночные изображения знаковых символов различных конфигураций, выполненные в линейном стиле. Присутствуют знаки в виде свастик, "уточек", крестовидные знаки и др. По стилистическим признакам рисунки относятся к 1 тыс.до н. э. - 1 тыс.н. э.

Писаница Каменка - 4 (петроглифы-4) (N- 58° 33' 08,6" E- 95° 53' 36,7") открыта в 1937 г. А.П. Окладниковым [Окладников, 1966], расположена на правом берегу р. Ангары, в 5 км к ЮВ от д. Каменка, на восточной оконечности скального массива, в 1 км выше устья руч. Зергулей, на высоте 15-17,5 м от уреза воды. Рисунки выполнены охрой различных оттенков, выявлены на 10 плоскостях, обращенных на ЮЗ. ЮВ, юг, восток. Зафиксированы антропо- и зооморфные фигуры, солярные знаки, личины. Представлены охотничьи и скотоводческие сюжеты, культовые сцены.

По сюжетным и стилистическим характеристикам, учитывая случаи палимпсеста, рисунки относятся к 3 тыс.до н. э. -1 тыс.н. э.

Писаница Каменка - 5 (петроглифы-5; «Зергулей-1») (N- 58° 33' 09,7" E- 95° 54' 19,6") открыта в 1998 г. [Заика и др., 1998], расположена на правом берегу р.Ангары, в 5,6 км к ЮВ от д.Каменки, в 630 м к востоку от петроглифов-4, в 190 м к западу от петроглифов-8, на высоте 17 м от уреза воды, в 31 м к северу от берега реки. Рисунки выявлены на двух смежных плоскостях скалы. На вертикальной, под отрицательные углом обращенной на юг плоскости, обнаружены две силуэтные фигуры лошадей, выполненных охрой вишневого цвета. В подножии ее, на горизонтальной наклонной плоскости выявлена линейная фигура трудноопределимых очертаний, выполненная охрой "кирпичного" оттенка.

Изображения на памятнике разновременные и охватывают широкий хронологический интервал от 5 тыс. до н.э. до 1 тыс. н.э.

Писаница Каменка - 6 (петроглифы-8; «Зергулей-2») (N- 58° 33' 08,9" E- 95° 54' 32,3") открыта в 1998 г. [Заика и др., 1998], находится на правом берегу р.Ангары, в 5,8 км к ЮВ от д.Каменка, в 190 м к востоку от петроглифов-5, на высоте 17 м от уреза воды, в 23 м к северу от берега реки. Рисунки выявлены на плоскости, под отрицательным углом обращенной на восток. Рисунки выполнены красной охрой "кирпичного" оттенка. Зафиксированы прямые кресты и другие знаки. По аналогии с других местонахождений региона, петроглифы относятся к III в. до н.э. - IV в. н.э.

Манзя. Петроглифы 1, 2, 3 (Писаница Манзя) (N- 58° 29' 56,8" E- 95° 13' 38,3") открыты в 1937 г. А.П. Окладниковым [Окладников, 1966], расположены на правом берегу р.Ангары, в 1,6 км к СЗ от п.Манзя, на южной оконечности скального массива, на высоте 12-25 м от уреза воды. Рисунки выполнены красной охрой, выявлены на 8 участках скалы, экспонированы на восток и ЮВ. Зафиксированы антропо- и зооморфные фигуры, знаковые символы. Представлены охотничьи и скотоводческие сюжеты, сцены культового характера. По сюжетным и стилистическим характеристикам петроглифы относятся к 3 тыс. до н. э. - 1 тыс. н. э.

Манзя. Петроглифы 4, 5, 6 (Ивашкин Ключ-1, 2, 3) (N- 58° 31' 28,2" E- 96° 02' 21,9") обнаружены в 1995 г. [Дроздов и др., 1996; Заика и др., 1996], расположены на правом берегу р.Ангары в 13 км к СЗ от п.Манзя, в 0,4 км выше устья ручья Ивашкин Ключ, на южном берегу обнажении скального массива Ивашкиной горы, на высоте 13-20 м от уреза воды. Рисунки выполнены красной охрой "кирпичного" оттенка, красящим пигментом черного цвета и росчерками минерального карандаша. Они выявлены на четырех (пункт-1), 25-ти (пункт-2), трех (пункт-3) отрицательно наклонных плоскостях, обращенных на юг и юго-запад.

Выявлено более 150 изображений в виде антропо- и зооморфных фигур, лодок, птиц, всадников, знаковых символов. Наибольший интерес представляют антропоморфные личины фантастического облика. Многообразие стилей и сюжетов, техник исполнения, частые случаи интенсивного палимпсеста предполагают широкие хронологические рамки петроглифов (3 тыс. до н.э. - 1 тыс. н.э.).

Результаты исследований показали, что при всех специфических особенностях обследованных памятников, между ними хорошо прослеживается "эстафетная" преемственность изобразительного материала в плане сюжетов, стиля и иконографии. Это может объясняться как территориальной близостью, так и устойчивой изобразительной традицией, характерной для данного "культурного слоя" в наскальном искусстве региона. Вместе с тем, скопления петроглифов у шивер Шунтарская, Выдумский Бык, напротив д. Кокуй несут в себе ярко выраженные индивидуальные черты, что в значительной степени затрудняет работы по определению культурно – хронологической принадлежности рисунков. Поэтому стало

очевидным ориентировать дальнейшие работы не только на более детальное обследование известных писаниц, но и на выявление потенциально сопряженных с петроглифами других видов археологических объектов (могильники, жертвенники и др.). Также, по нашему мнению, возникает необходимость акцентировать внимание не только на русловых участках р. Ангары, но и глубинных районах Нижнего Приангарья.

Примечания

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Макулов В.И., Заика А.Л. Наскальное искусство Северного Приангарья // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат. Вып. 1. 1995.- С. 46-47.

Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Древнее искусство нижнего Приангарья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири.- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996.- С. 91-96.

Заика А.Л., Емельянов И.Н. Писаницы Нижней Ангары // Археология, палеоэкология, и этнография Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч.2.- С. 25-29.

Заика А.Л., Каява А.В., Емельянов И.Н. Новые петроглифы нижней Ангары // Дуловские чтения. - Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1997.- С. 122-126.

Заика А.Л., Емельянов И.Н., Березовский А.П. Новые данные по наскальному искусству Нижней Ангары //Вестник САИПИ.- 1998.- Вып. 1.- С. 16-17.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.- Л.: Наука, 1966. -322 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ В 2005-2006 ГОДАХ

Летом 2005-2006 гг. археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического университета (далее КГПУ) были продолжены исследования Шалаболинской писаницы на территории Курагинского района Красноярского края [Заика и др., 2004]. Участниками отряда производились работы на локальной территории Шалаболинской писаницы (участок № 4), которая подвержена интенсивным разрушительным процессам. Цель основных работ заключалась в выявлении петроглифов, погребенных под мощными скальными осыпями, их копировании, топосъемке и фотофиксации открывшихся фризів скалы. Для проведения раскопочных работ была выбрана западная оконечность данного участка протяженностью с юго-запада на северо-восток 164 м (от кам. 1 до кам. 20 по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову).

В результате работ на расчищенной площади около 430 кв. м, на глубине 3-5 м было обнаружено 78 плоскостей, расположенных на различных уровнях (высота 0,8-3,7 м от уреза воды) нижнего яруса скальных обнажений. Представлены многофигурные композиции с участием зоо- и антропоморфных образов. Рисунки выполнены путем выбивки, протирки, гравировки. В рамках данной работы представляется возможным дать характеристику некоторым плоскостям с петроглифами.

Плоскость – 6 ($53^{\circ} 53' 19''$ N $92^{\circ} 11' 05''$ E) выявлена на высоте 3 м от августовского уреза воды, вертикальная, обращена на ВСВ (аз. 345°), с севера ограничена глубокой скальной нишей. На немного выпуклой ровной поверхности плоскости выявлена батальная сцена. Рисунки выполнены путем выбивки. В верхней части представлены противостоящие всадник и пеший воин, вооруженные чеканами. Пеший воин одной рукой держит голову человека, показанного вверх ногами. Ниже зафиксирован вертикальный ряд из трех воинов, вооруженных булавой и мечами (?) (рис.1). Судя по изобразительным аналогиям других местонахождений Среднего Енисея (Тепсей, Суханиха) рисунки относятся к тагарской культуре и датируются 7-2 вв. до н.э.

Плоскость – 8а несколько выпуклая, имеет протяженность 2,5 м, ориентированна на ЮВ (аз. 55°). Изобразительное пространство охватывает

* Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

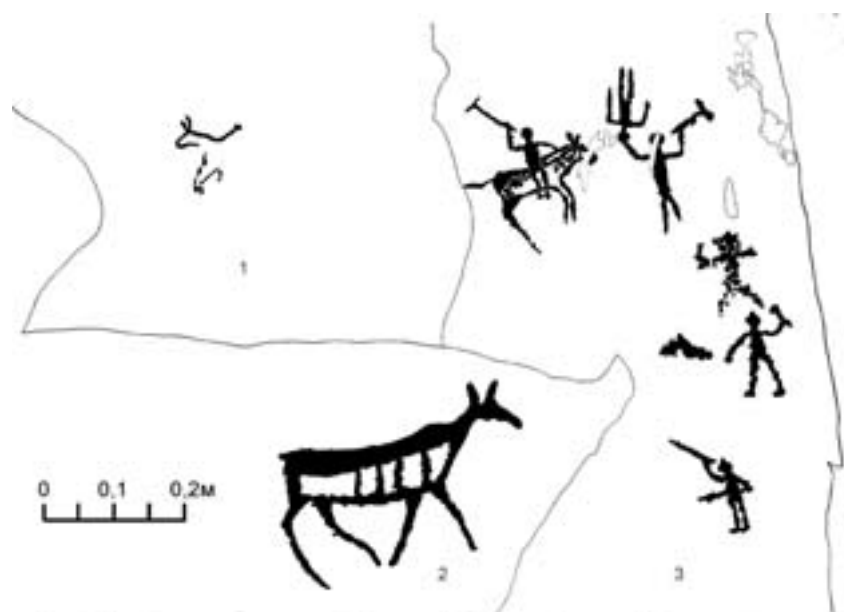

Рис. 1. Шалаболинская писаница Участок - 4. Восточный сектор. Копии рисунков. Рис. 1. Плоскость - 5а. Рис. 2. Плоскость - 5б. Рис. 3. Плоскость - 5.

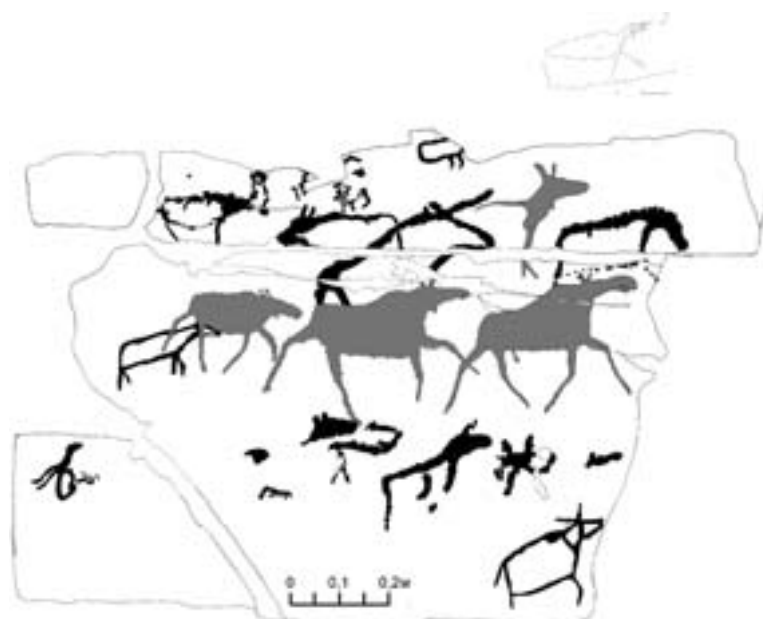

Рис. 2 Шалаболинская писаница Участок-4. Плоскость - 8.

площадь $1,3\text{ м} \times 0,9\text{ м}$. Центральную часть занимает ряд из трех силуэтных фигур лосей, выполненных в «ангарском» стиле (рис. 2). Над ними показаны более ранние контурные изображения быка, маралов, лошади. Ниже выявлены рисунки двух быков, марала, фрагменты голов животных. В общем плане рисунки соотносятся с эпохой неолита.

Плоскость – 10 продолжает общий скальный фриз, находится за границей скальной ниши (ширина $0,5\text{ м}$), имеет протяженность $2,7\text{ м}$ и ширину $0,8\text{–}0,9\text{ м}$, разделена вертикальной трещиной, которая условно разграничивает участки «а» и «б» (рис. 3).

Плоскость – 10а ($1,5 \times 0,8\text{ м}$) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной трещиной. В верхней части плоскости изображены контурные фигуры лосей, маралов, быка, силуэтная фигура лося, волка, выполненных в «ангарском» и «минусинском» стиле. Между фигурами животных помещены фронтальные и профильные изображения людей, фрагмент лодки.

В нижней части плоскости находится крупное контурное изображение лося, которое перекрывает силуэтные рисунки людей, контурное и силуэтное изображения копытных животных. У одной профильной антропоморфной фигуры показан гравированный многолучевой головной убор. Слева от фигуры лося находится силуэтный рисунок лося, выполненный в «ангарском» стиле. Изображение выполнено поверх фронтальной фигуры человека в «рогатом» головном уборе, контурного рисунка быка. Справа от фигуры лося выявлены силуэтные фронтальные антропоморфные изображения, голова животного, линейная фигура копытного животного. По ниж-

Рис. 3. Шалабынская пещера. Участок 4. Восточный сектор.
1 - плоскость 10а; 2 - плоскость 10б; 3 - плоскость 10в.

нему срезу плоскости (край облома скальных пород) видны фрагменты рисунков лосей, быка, лодки. Большинство изображений выполнено в неолитическое и окуневское время.

Плоскость – 10б (1,1×0,9м) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной и диагональной трещинами. В верхней части плоскости виден фрагмент лодки с 6 «пассажирами», неполные контуры маралов и лосей, силуэтная фигура быка, ориентированная, в отличие от других животных, в левую сторону. Привлекает внимание контурное изображение оленя с ветвистыми рогами. В центральной части плоскости помещены поверх других рисунков силуэтные изображения двух лосей, выполненных в «минусинском» стиле. Они перекрывают фронтальные фигуры людей, силуэтные и контурные изображения животных. Над ними показаны контурные фигуры лосей, фрагменты нижней части антропоморфных фигур. Под изображениями лосей выявлены контурные фигуры маралов, лосей, хищника (медведь?), ориентированные в правую сторону. В противоположную сторону обращено животное, выполненное в «скелетном» стиле путем гравировки. Большинство изображений выполнено в неолитическое и окуневское время (3-2 тыс. до н.э.).

В целом обнаруженные в 2004-2005 гг. петроглифы охватывают широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности (5-6 тыс. до н.э. – 3-я четверть 2-го тыс. н.э.).

К эпохе неолита относятся реалистичные фигуры лосей, быков (?), маралов, изображения лодок. Вызывают интерес динамичные образы в виде “рогатых” антропоморфных фигур с “хвостами” и неестественно короткими верхними конечностями. В случаях палимпсеста их перекрывают крупные фигуры лосей, выполненные в “ангарском” стиле.

К эпохе энеолита и ранней бронзы относятся антропоморфные образы в круглых масках-личинах, ряд изображений животных. Выявлен не характерный для писаницы изобразительный пласт карасукских рисунков в виде изображений лошадей с характерными «шариками» на уровне копыт. Эпохе раннего железа и средневековья соответствуют многочисленные батальные, скотоводческие и две эротические сцены. Этнографические рисунки представлены тамбовидными знаками, изображениями «знамен», которые сочетаются в композициях с рисунками христианских крестов.

В процессе расчистки скальных осыпей, в нишах были обнаружены два безинвентарных человеческих захоронения. Предварительно погребения датируется серединой 1 тыс. н.э. Подобные случаи скального захоронения уже были зафиксированы в 2004 г. [Заика и др., 2004]. По всей видимости, мы встречаемся с фактом ритуального человеческого жертвоприношения на территории древнего культового комплекса, каким является исследуемая Шалаболинская писаница.

Дальнейшие исследования памятника позволят более конкретно определить культурно-хронологическую принадлежность изображений, их семантическую нагрузку, в определенной степени разобраться в тех сложных

этно-культурных процессах, которые происходили на территории Южной Сибири в древности.

Примечания

Зайка А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Журавков С.П. Шалаболинские петроглифы (итоги исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 259-260.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНДРОНОИДНОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЕЛОВСКИЙ-2 И СТАРЫЙ САД)*.**

Используемые нами материалы могильников Еловский – 2 в Томском Приобье и Старый Сад в Центральной Барабе относятся к двум различным андронидным культурам Западной Сибири – еловской и культуре эпохи поздней бронзы. В последнее время все чаще поднимается вопрос о степени близости различных андронидных культур, а также о сходстве или различии основных компонентов, входящих в их состав [см. напр. Бобров, 2002]. Анализ демографической структуры населения, оставившего эти могильники, и их сравнение с другими культурами эпохи бронзы может стать дополнительным аргументом в пользу сходства или различия данных культур между собой.

Демографическая структура могильника Старый Сад была проанализирована Т.А. Чикишевой [2000]. Всего в нем погребено 48 человек. Из них 20 человек (41,7 %) – мужчины, 15 (31,3%) – женщины, 13 (27%) – дети. Могильник Еловский-2 был изучен автором, на основе половозрастных определений, опубликованных в монографии В.И. Матющенко [2004]. К еловскому комплексу в нем относятся 111 погребенных, из них 99 использовались для общего демографического анализа и 79 для построения таблиц дожития. Среди погребенных 35 человек – дети (35,4%), 38 - женщины (38,4%), 26 - мужчины (26,3%).

Средний возраст смерти для всего населения, оставившего могильник Старый Сад – 28, 2 года, для взрослых – 36, 9 лет. В могильнике Еловский – 2 общий возраст смерти составляет примерно 26,75 года, для взрослых - 37,16 года. Для мужчин и женщин показатели среднего возраста смерти неодинаковы. Средний возраст смерти погребенных в могильнике Старый Сад мужчин - 38 лет, женщин – 36,1. В Еловском могильнике он составляет 35,2 года и 38,1 года соответственно.

Облик кривых мужской смертности в обоих могильниках, несмотря на различие в регионах их местонахождения, очень похожи. Они демонстрируют один пик смертности в 36-40 лет, до которого показатели практически идентичны. Кривые женской смертности отличаются друг от друга: в могильнике Старый Сад пик приходится на 40 - 44 года, в Еловском могильнике наиболее высокие значения женская смертность проявляет на промежутках 16-20, 26-30 и 50-60 лет.

При сравнении кривых мужской смертности этих могильников с могильником ирменской культуры Журавлево-4, выяснилось, что обладают

Таблица 1.

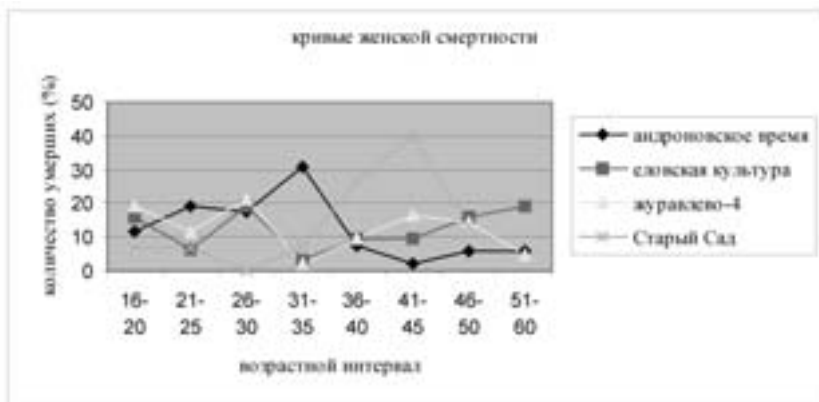
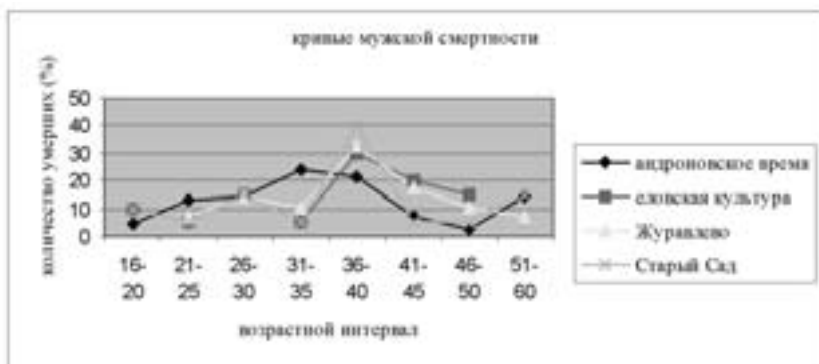

Таблица 2.

значительным сходством, совпадая на основных пиках. Первые два пика смертности женщин из Еловского-2 также аналогичны ирменским группам, различаются только показатели женского населения, дожившего до преклонного возраста: до промежутка 50-60 лет у еловцев доживает почти 20% женщин, в могильнике Журавлево – 4 – 5%. Кривая женской смертности из могильника Старый Сад имеет ряд существенных отличий. На ней отсутствуют пики смертности в 16-20 и 26-30 лет. До возраста 50-60 лет не дожила ни одна женщина.

Определенный интерес представляет наблюдаемое в данных могильниках численное соотношение мужских и женских групп. В могильнике Еловский – 2 на 26 мужчин приходится 38 женщин; в могильнике Старый Сад – на 15 женщин – 20 мужчин. При поиске аналогий среди древних культур Западной Сибири, обнаружилось, что преобладание численности женского населения над мужским достаточно распространенное явление.

Преобладание женского населения над мужским зафиксировано Т.А. Чикишевой в могильнике Журавлево-4 [1993, с.99], а также в пазырыкских сериях из долин рек Барбургазы и Бугузун, долины р. Чуя и в группе из могильника Юстыд [Чикишева, 2003, с. 70, табл. 1]. Н.П. Матвеевой оно было отмечено в могильниках, относящихся к ранним этапам каменной культуры Кирилловка – 3, Елунино – 1 и Быстровка - 1 [Матвеева Н.П., 2002, с.153]. В могильнике Журавлево-4 к 30 годам умирало 50% одновременно родившихся женщин. Данных о половозрастной структуре популяций, оставивших могильники эпохи раннего железного века, отсутствуют, но в силу того, что средний возраст смерти женщин в них уступал мужскому почти 10 лет, можно с большой долей уверенности предположить, что здесь, как и в ирменском могильнике, преобладание женского населения здесь было заложено в биологическую программу популяций, как необходимое для поддержания численности населения.

В могильнике Еловский-2 выживаемость и мужского и женского населения достаточно высокая, так что наиболее вероятным объяснением причин преобладания женского населения над мужским является наличие в прошлом экстремальной ситуации, потребовавшей в будущем быстрого восстановления численности популяции. Для выяснения возможности ее появления нами было проведено исследование демографической структуры предшествующей популяции данного могильника, относящейся к андроновскому времени.

При проведении анализа выяснилось, что андроновское население Томского Приобья находилось в крайне неблагоприятной демографической ситуации. Прежде всего, в его структуре наблюдается значительное (почти в 1,5 раза) преобладание мужского населения над женским, причем пики смертности в мужской группе соответствуют эпохальным тенденциям, но наступают на 5 лет раньше, чем в других сравниваемых могильниках. Очень высока смертность женщин. Подтверждением того, что численность населения данной популяции заметно снижалась являются показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, которая ниже, чем средний возраст смерти в популяции.

Следствием такой ситуации, видимо, стало привлечение женщин из других коллективов, о чем говорит наличие в данном могильнике ряда промежуточных захоронений со смешанными, «андроновско-еловскими» признаками, и формирование на андроновской основе еловской культуры.

Поскольку трансформация этих коллективов проходила естественным путем в течение длительного времени, то при анализе демографических процессов, происходящих в популяции, относящейся к еловской культуре мы не наблюдаем таких показателей смены населения как миграционный кризис и преобладание более молодого населения. Основным проявлением культурных перемен становится резкий всплеск рождаемости (коэффициент репродуктивности – 2,05), резкое увеличение числа женщин и, в силу

произошедших хозяйственных изменений, приближение облика кривой женской смертности к показателям ирменской культуры.

Что касается могильника Старый Сад, то, теоретически, наблюдаемое соотношение мужчин и женщин в группе должно было дать катастрофический упадок рождаемости. Но на тот момент, когда могильник полностью сформировался, такого эффекта еще не наблюдается, о чем говорит общее состояние популяции, близкое к стационарности и демонстрирующее даже небольшой рост (коэффициент репродуктивности – 1,86, ожидаемая продолжительность жизни при рождении выше среднего возраста смерти). Возможно, недостаток женщин первой половины репродуктивного периода в данной группе компенсировался за счет более благоприятной, чем в других популяциях, социальной ситуации, которая способствовала тому, что до 40 лет в группе из Старого Сада доживало больше женщин, чем в большинстве коллективов эпохи бронзы. Вследствие этого, видимо, большое количество детей рождалось женщинами более поздних возрастных категорий [Чикишева, 2000, с. 141] и демографический спад происходил медленнее.

Анализ демографической структуры популяций, оставивших еловский комплекс могильника Еловский-2 и могильник Старый Сад позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, оба памятника оставлены группами, находящимися в стадии роста. Мужская смертность этих популяций демонстрирует соответствие эпохальной тенденции, при которой она обуславливалась исключительно соответствием биологических возможностей человеческого организма выбранной модели социально-экономического развития. Показатели женской смертности в могильниках различаются, причем под влиянием трех групп факторов – биологических, культурной модели и локальных. Биологические законы определяют уровень воспроизводства населения в различных условиях (в наших могильниках ими определяются показатели соотношения женского и мужского населения); культурная модель, а именно тип хозяйства и социальное положение женщины, определяет уровень рождаемости характерный для данной культуры, облик кривых и положение пиков смертности женского населения; локальные факторы формируют отклонения от нормы в лучшую или худшую сторону.

Несмотря на то, что рост численности населения наблюдается в обеих исследуемых нами группах, популяция могильника Еловский-2 демонстрирует демографический подъем, ее биологическая программа направлена на увеличение численности населения. Группа из Старого Сада находится ближе к стадии спада, что, видимо, обуславливается различными этапами существования популяций, оставивших эти могильники.

По культурной модели облик кривой женской смертности еловской популяции ближе к ирменским коллективам, а популяция из Старого Сада отличается от всех рассмотренных групп. По качественной характеристике кривой смертности (один ярко выраженный пик во второй половине репродуктивного периода) она сближается с населением андроновского време-

ни, оставившим захоронения в могильнике Еловский-2. По возрастному положению этого пика она ближе к ирменской группе из Журавлево-4. Близость женского населения могильника Старый Сад к андроновским племенам была выявлена Т.А. Чикишевой и на краниологическом материале, так что возможно некоторое сходство женской демографической модели с андроновской, а мужской – с ирменской, говорит о меньшей трансформации андроновских традиций в обществе, созданном носителями культуры эпохи поздней бронзы, по сравнению с еловским.

Примечания

Бобров В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул 2002, с. 9-13.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево – 4. Н. 1993. 157с.

Матвеева Н.П. Некоторые палеодемографические характеристики каменной культуры лесостепного Приобья. // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень, ИПСО СО РАН, 2002, вып. 4, с. 149-161.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. ч.2. Томск, 2004.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии 2(2) 2000, с. 131-147.

Чикишева Т.А. Палеодемографическая характеристика населения пазырыкской культуры // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. Под ред. В.И. Молодина. Н. Изд-во СО РАН, 2003, с. 69-73.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники большемысской культуры занимают огромную территорию, они известны в Барнаульско-Бийском Приобье (до границ Кемеровской и Новосибирской области), в Горном Алтае (на Средней Катунь), на юго-западе - верховья Алея, на северо-западе - район Бурлы [Кирюшин, 2002, с. 38, рис.1]. Это разные природно-географические районы (лесостепной, степной, горный и предгорный Алтай). Однако на всей этой территории найдена большемысская керамика, которая имеет свои характерные признаки и легко узнаваема. Отличают большемысскую керамику от керамики других культур, прежде всего, способы нанесения орнамента, а также фрагменты мусковита на поверхности сосудов. По поводу большемысской культуры, как и о большинстве других, можно сказать, что с ней связано еще много загадочного и неясного. Одна из загадок – керамика, которая является одним из основных признаков этой культуры. Внешне очень похожие сосуды находят в местах, удаленных друг от друга на сотни километров. В связи с этим возникает много вопросов, решение которых невозможно без технико-технологических исследований.

Цель данной работы представить первые результаты исследования технологии изготовления большемысской керамики. Для изучения были выбраны фрагменты венчиков и тулова от 75 обычных большемысских сосудов с 9 поселений (Костенкова Избушка, Коровья Пристань-1 и 3, Комарово-1, Озерки Восточные, Малый Дуган, Усть-Кулом (раскопки Е.М.Берс) и др.). С перечисленных памятников получены разные по численности коллекции, а исследованные образцы не соотносятся в процентном отношении с количеством сосудов, найденных на этих памятниках. Памятники расположены в разных природно-географических районах – на оз.Иткуль, в окрестностях Барнаула, в Горном Алтае. Были выбраны фрагменты сосудов с характерной для большемысской культуры орнаментацией. Различаются они по толщине стенок – от 3-4 до 7-8 мм, по цвету, который связан с обжигом (в изломе одноцветные – темные, серые, красновато-коричневые или 2-3 цветные).

Исследования проводились по методике, разработанной А.А.Бобринским. На основании анализа навыков труда в гончарстве А.А.Бобринским были выявлены закономерности поведения навыков при стабильных и нестабильных условиях существования гончарных производств [Бобринский, 1978; 1980; 1999].

Основная задача сводилась к анализу формовочных масс, чтобы выявить специфику культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). В рамках этой задачи рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; выявления местных и неместных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; признаки смешения этих традиций. Все образцы исследованы с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Изучались свежие изломы и поверхности. Для определения сортности глин все образцы были дополнительно нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°C. Изучались отличительные черты исходного сырья, использованного при изготовлении посуды, устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, случаи использования одной или двух глин. Анализ формовочных масс включал определение качественного состава минеральных и органических примесей, вводившихся в глину искусственно, их концентрации и размерности.

Изучение исходного сырья показало, что использовались пластичные глины, которые различаются по естественным примесям и по ожелезненности. Предпочтение отдавалась ожелезненным глинам, хотя сосудов из слабоожелезненных глин также достаточно много. Кроме того, в ряде случаев шамот был из слабоожелезненного исходного сырья. На Комарово-1 один сосуд изготовлен из неожелезненной (белой) глины. Анализ исходного сырья показал, что на каждом памятнике использовались глины из нескольких источников, что, возможно, свидетельствует, что происходило не только освоение новых территорий, но к сырью могли предъявляться разные требования.

Из минеральных примесей применяли дресву (искусственно дробленый камень) и шамот. Органика зафиксирована во всех образцах, но, как правило, характер ее трудно определить. В нескольких случаях она была добавлена в формовочные массы в жидком состоянии. По минеральным примесям выделяются рецепты - глина+дресва, глина+дресва+шамот. Преобладает первый рецепт, но он подразделяется на варианты в зависимости от размерности частиц (от 0,5 до 2-3 мм) и их концентрации (от 1:1 до 1:3-4, но преимущественно 1:1-2). Дробили граниты, в которых в большом количестве содержались частицы мусковита. Количество мусковита колеблется, что свидетельствует о том, что использовались разные камни, а сосуды были из разных замесов и изготавливались в разное время, в том числе и с одного памятника. Тем не менее, во всех случаях содержание мусковита достаточно велико. Блестящие частички на поверхности глиняных изделий придавали особую нарядность и являются одним из признаков большемысской керамики.

Рецепты, в которых помимо дресвы содержится и шамот, зафиксированы на поселениях Костенкова Избушка, Комарово-1, Малый Дуган, т.е. на

всех памятниках, с которых было взято больше 5 образцов. Как правило, в шамоте зафиксирована мелкая дресва. Шамот отличается по ожелезненности от сосудов, в которые он добавлен, и, кроме того, по ожелезненности также подразделяется на ожелезненный и слабоожелезненный. Чистых рецептов с шамотом нет, за исключением двух случаев с Костенковой Избушки, где концентрация дресвы очень незначительна и частицы могли попасть в формовочную массу из шамота, поэтому нельзя утверждать, что в формовочную массу были введены обе добавки, а не только шамот. В остальных фрагментах, где есть шамот, это смешанные рецепты, свидетельствующие о смешении культурных традиций, т.к. дресва и шамот выполняют одинаковую технологическую задачу [Бобринский, 1978, с.90]. Смешение культурных традиций свидетельствует и о смешении населения, т.к. навыки в изготовлении посуды передавались контактным путем [Бобринский, 1978, с.89].

Полученные результаты представляют большой интерес по ряду причин. Одна из них – применение в качестве основной искусственной минеральной добавки дробленого гранита. Известно, что граниты использовали не только большемысские гончары, но нигде это пока не зафиксировано в таком количестве и не было устойчивой традицией. В тех местах, где находятся большемысские поселения Костенкова Избушка, Комарово-1, Коровья Пристань-1 и III, нет поблизости выходов камня. Тем не менее, использование гранитов характерно для большемысцев этого микрорайона (мусковит хорошо виден на поверхности сосудов и без микроскопа, как правило, его определяют как слюду). Большемысцы предпочитали доставлять камень из отдаленных мест для того, чтобы добавлять его в формовочные массы, хотя вместо него могли использовать шамот, свойства которого им были известны. Использование шамота, которое характерно для равнинной местности, оказалось не характерным для большемысцев с оз.Иткуль. Это свидетельствует об особых традициях, которые большемысцы стремились сохранить и на тех территориях, где не было поблизости камня. Возможно, в дальнейшем это наблюдение поможет при решении вопросов происхождения и исторических судеб этой культуры. В данном случае представляют интерес результаты изучения еще одного большемысского сосуда с Тузовских Бугров-1. Этот сосуд отличается не только тем, что происходит с памятника значительно удаленного от остальных здесь учтенных, но и тем, что в нем была зафиксирована, добавленная в формовочную массу в большой концентрации, шерсть животного. Эта традиция известна на ряде памятников эпохи неолита и бронзы Горного Алтая, Казахстана и некоторых районов Алтая [Кирюшин Ю.Ф., Степанова, 1998; Шевнина, 2004; Степанова, 2005; Семибратов, Степанова, 2006 и др.]. Однако пока ни разу не была зафиксирована в большемысской керамике. Очевидно, что эта традиция не характерна для большемысской посуды и может свидетельствовать о контактах населения, скорее всего, большемысского с неолитическим. В настоящее время результаты изуче-

ния керамических комплексов большемысской культуры позволяют говорить о неоднородности состава населения, однако какого уровня были эти различия говорить пока преждевременно. Для этого нужны дальнейшие исследования.

Примечания

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М: Наука, 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смещения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. - М., 1980.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). - Самара, 1999.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.

Семибратов В.П., Степанова Н.Ф. Керамические комплексы поселения Усть-Бийке-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. - Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2006.

Степанова Н.Ф. Некоторые результаты изучения формовочных масс керамических комплексов поселений эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Т. XI. Ч. I. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Шевнина И.В. Керамика с эталонных памятников маханджарской культуры // Хабарлары Известия. Серия общественных наук. Вып. 1. - Алматы, 2004.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА В 2006 ГОДУ

Летом 2006 г. в рамках полевого гранта Президиума СО РАН, проекта РГНФ №05-01-01183а Алтайским госуниверситетом и Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН были продолжены аварийные археологические исследования на поселении Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края. Информация о результатах предыдущих раскопках на указанном объекте ежегодно публиковалась в материалах Итоговых сессий ИАиЭ СО РАН [Кирюшин, Грушин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; 2004; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1998; 1999; 2000; 2001; 2002]. В данной работе представлены основные результаты археологических работ на памятнике в прошедший полевой сезон.

В 2006 году на поселении были продолжены мероприятия в аварийной зоне памятника. Данный участок культурного слоя приурочен к кромке правого берега р. Алей, поэтому интенсивно размывается, особенно в период весеннего половодья, когда уровень воды превышает уровень залегания культурных отложений.

Конкретные исследовательские процедуры включали сбор подъемного материала в береговой линии на участке разрушения культурного слоя; снятие аллювиальных отложений, сформировавшихся в весенний период, мощностью до 0,3 м, которые перекрывают культурный слой в раскопе №3; выборка культурных отложений в зоне непосредственного разрушения памятника (северный участок раскопа №3).

Раскоп №3 площадью 700 кв. м. был разбит к западу от раскопа №1 (1997-1999 гг.), вдоль береговой линии [Кирюшин, Грушин, 2005]. В результате раскопок на этом участке была исследована центральная часть котлована жилища №5. По всей площади котлована расчищены различные объекты хозяйственного назначения, столбовые ямы, зольники. Особо необходимо отметить открытие и исследование трех разновременных очагов, в центральной части жилища, которые последовательно перекрывали друг друга, особенности этого процесса удалось зафиксировать стратиграфически и планиграфически. Вокруг очагов с северной, западной и юго-западной сторон раскопаны три зольника, «грушевидной» формы. Они были углублены в материк на 1,5 м. Так как исследована только часть жилища, реальные его размеры пока не известны, но длина раскопанной части по линии запад-восток составила около 25 м. В западной части раскопа час-

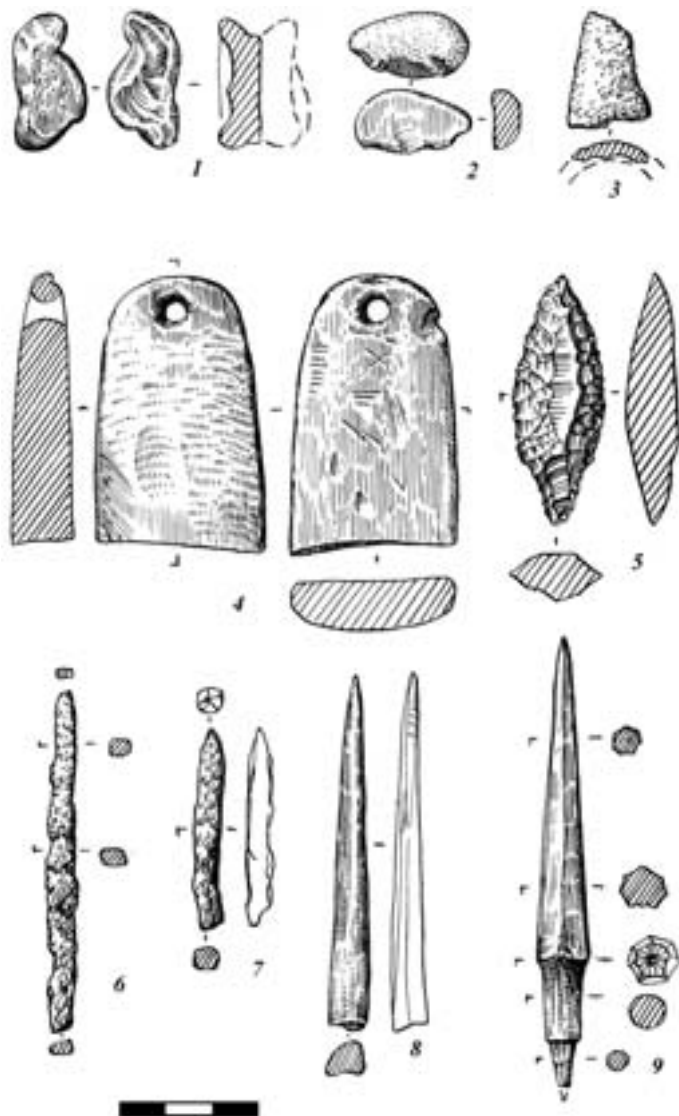

Рис. 1. Находки из раскопа №3 поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука:
1, 8, 9 – кость; 2, 4, 5 – камень; 3, 6, 7 – бронза.

точно исследована хозяйственная постройка, глубиной от уровня древней погребенной почвы – 1,5 м. В ее заполнении обнаружены кости КРС in situ – передние ноги с лопатками (?).

В результате работ было найдено большое количество фрагментов орнаментированной керамики. На поселении обнаружены каменные орудия,

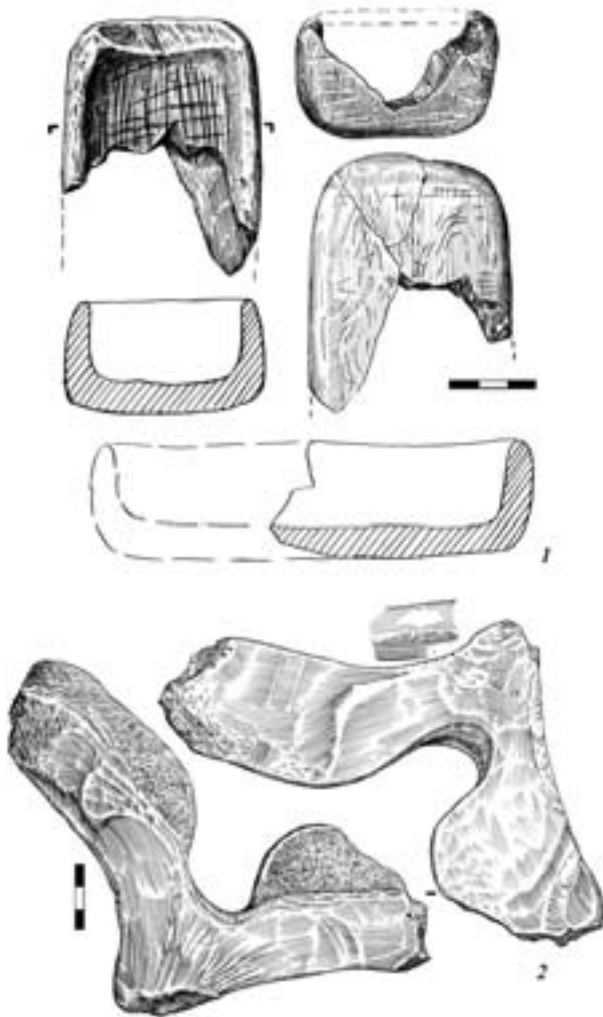

Рис. 2. Находки из раскопа №3 поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука:
 1 – обломок каменной «ступочки»; 2 – костяной тупик.

в том числе черешковый наконечник стрелы (рис. 1.-5), обломок «ступочки», выполненной из камня черного цвета (рис. 2.-1), оселок или подвеска с одним отверстием (рис. 1.-4). Костяные изделия с поселения представлены тупиками (рис. 2.-2), ложилами, проколками (рис. 1.-8), костяными черешковыми наконечниками стрел (рис. 1.-9), изделиями из астрагалов (рис. 1.-1). Коллекцию предметов из металла составляют шилья (рис. 1.-6, 7), обломок втулки (рис. 1.-3) пластинки, кусочки руды и шлака. В одном из

зольников, обнаружена целая стенка керамического сосуда, которая впервые за все время раскопок поселения Березовая Лука позволяет судить о форме сосуда. Здесь же найден костяной гребенчатый орнаментир и каменная наковальня или зернотерка (?).

Комплекс поселения Березовая Лука в результате полевых работ в 2006 году пополнился новыми материалами. Этот комплекс достаточно надежно культурно идентифицируется с погребальными памятниками елунинской археологической культуры (конец III – первая четверть II тыс. до н. э.). Полученный материал расширяет источниковую базу по изучению эпохи ранней бронзы предгорно-равнинной зоны Алтая и определяет дальнейшие перспективы исследования на рассматриваемом археологическом объекте. В перспективе, в следующий полевой сезон планируется продолжить выборку культурного слоя в раскопе №3.

Примечания

Кiryushin Ю.Ф., Грушин С.П. Исследование памятника Березовая Лука в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I.

Кiryushin Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Археологическое изучение памятника Березовая Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII.

Кiryushin Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Археологическое изучение памятника Березовая Лука в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I.

Кiryushin Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Окончание работ в раскопе №2 памятника Березовая Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., часть I.

Кiryushin Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.

Кiryushin Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных терри-

торий. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологическое изучение памятника Березовая Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г.). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. - Т. VIII.

*Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов, А.Б. Шамшин,
Д.В. Папин, А.А. Редников, А.С. Федоров*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСЕЛЕНИИ КАЛИНОВКА II*

В сезон 2006 года было продолжено исследование поселения эпохи поздней бронзы в восточной Кулунде Калиновка II. Этот памятник находится в 5 – 6 км на северо – восток от с. Черная Курья Мамонтовского района, на участке между опушкой ленточного Касмалинского бора и большим болотом Чугуново, отделяющим в этом месте бор от степи. Поселение расположено на мысу, возвышающемся над болотом на 2–3 метра, с трех сторон окруженном болотом, с четвертой – сосновым лесом. Открыто Г.Е. Ивановым в 1983 году и исследовалось им же в 1987–1988 гг., а в 2004–2005 гг. авторами настоящей статьи. На памятнике площадь распространения находок составляет 10–13 тыс. кв. м. [Иванов, 2000а; Иванов, 2000б; Кирюшин, и др., 2004, 2005].

На данный момент собрано большое количество артефактов из камня, бронзы, глины, кости. На поселении выявлено несколько этапов обитания, включая разные периоды эпохи бронзы. Но особенно многочисленны материалы переходного времени от развитой к поздней бронзе и позднебронзового периода.

Ранний этап заселения памятника представлен находками прошлого года, в частности, костяным навершием посоха в виде абстрактной головы ворона. Что характерно, оно было найдено рядом с раннебронзовой керамикой под стерильной прослойкой, что могло говорить о некоем временном промежутке, когда поселение пустовало, либо здесь в древности был разрушен могильник [Кирюшин, и др., 2005]. Так как эти выразительные материалы были найдены в траншее 2005 года, то в этом году к ней была прирезана линия квадратов, однако, в этом году обнаружено лишь несколько кусочков керамики, относящихся к раннебронзовому периоду.

Следующий этап представлен переходным временем от развитой к поздней бронзе. Здесь в основном найдена керамика черкаскульско-позднефедоровской группы. В этом году мы еще раз убедились, что она преобладает на участке раскопа прилегающем к водоему (болоту).

Саргаринско–алексеевская керамика встречена единично. Это объясняется тем, что исследование памятника проводилось в прибрежной части

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-01-00378а

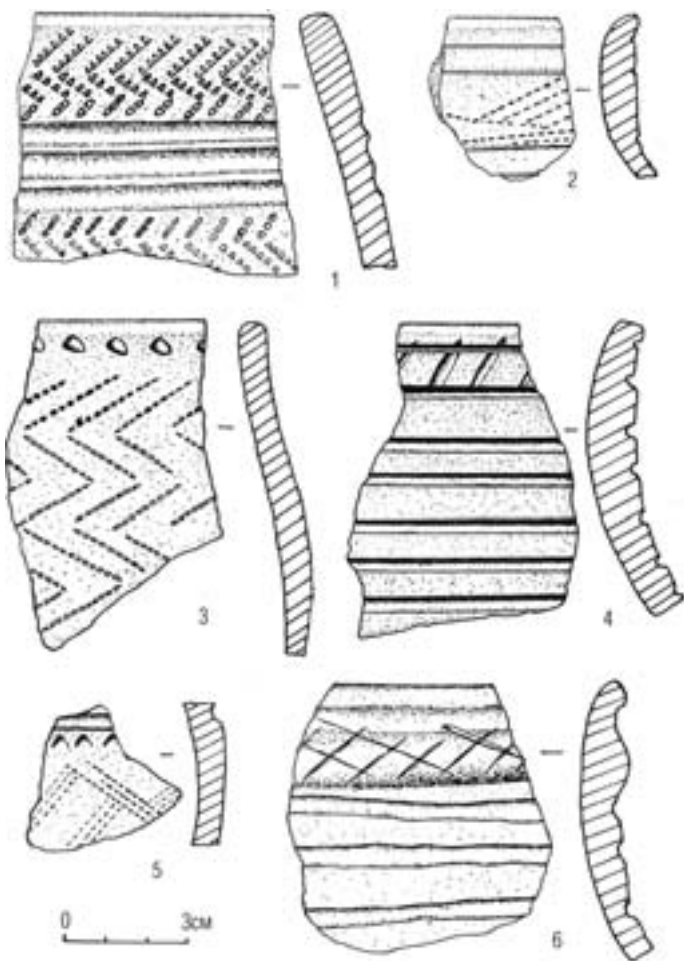

Рис. 1. Керамика с поселения Калиновка II.

мыса, где, как уже говорилось, преобладает более ранняя посуда. Обнаружен обломок литейной формы, по-видимому, использовавшийся для выплавки тонких предметов, возможно, ножей. Также, как и в прошлые годы, были найдены обломки каменных терочников и пестов, свидетельствующие о существовании на поселении бронзолитейного производства.

В этом году на поселении вскрыто 256 кв. м. площади, на которой изучена часть жилища и производственная площадка с расположенным на ней длинным коридорообразным сооружением и большим запасом глиняного теста для формовки сосудов, смешанным с крупнозернистым песком. Рядом обнаружено скопление колотых костей животных длиной 5–8 см., насчитывающее более 1000 экземпляров. Толщина скопления составила 45 см., диаметр 156 см. Вероятное предназначение костей – топливо для обжига

керамики. В данном скоплении обнаружены фрагменты позднефедоровской керамики, которая практически монополюно встречалась как во фрагментах, так и в скоплениях по всему раскопу.

Черкаскульская керамика (рис. 1) представлена сосудами баночных и горшечно-баночных форм, орнаментированных в верхней половине, а иногда и полностью. Основные элементы орнамента – елочка, выполненная гребенчатым или гладким штампом, ряды горизонтальных узких желобков, семечковидные, подтреугольные и каплевидные вдавления под венчиком. Иногда орнаментирован и венчик.

Создается впечатление, что черкаскульская и позднефедоровская посуда в нижней части раскопа разделяется планиграфически, концентрируясь возле разных жилищных котлованов. Примечательно, что в отличие от прошлого года, в раскопе практически не обнаружено керамики и изделий более раннего времени. Очевидно, что данный памятник расположен далее к северу от раскопа и в 2005 году была вскрыта его южная периферия.

Итогом наших работ за последние три года стала возможность четкого определения планиграфического расположения поселков в пределах эпохи поздней бронзы. Однако, потенциал памятника далеко не исчерпан [Кирюшин, и др., 2005]. В частности, это выявление и разработка раннебронзовых материалов, что даст возможность четко подтвердить, либо опровергнуть предположение о наличии здесь могильника. Актуальной остается проблема формирования и развития черкаскульско-позднефедоровского комплекса поселения. Не менее важным является генезис саргаринско-алексеевской традиции, представленной на поселении Калиновка II как саргаринским, так и донгальским комплексами. Кроме того, материалы памятника являются важным источником для выяснения вопросов формирования культур раннескифского круга в Кулундинской степи.

Примечания

1. **Иванов Г.Е.** Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка 2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000а.

2. **Иванов Г.Е.** Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000б.

3. **Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С.** Предварительные итоги исследования поселения Калиновка 2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X., часть I.

4. **Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С.** Исследования в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI., часть I.

**ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТ
НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ
ТЫТКЕСКЕНЬ-VI**

В 2006 г. после многолетнего перерыва Катунской археологической экспедицией АлтГУ были возобновлены аварийные работы на известном погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI, попадающим в зону строительства Алтайской ГЭС. В данном исследовании также принимали участие сотрудники Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН, НИИ гуманитарных исследований и Горно-Алтайского университета.

Раскопки осуществлялись большими площадями на территории левобережной террасы Катунки, примерно в 1 км югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай, около устья р. Тыткескень. Для Горного Алтая исследованный некрополь остается по-прежнему самым крупным по числу изученных курганов рядового населения скифо-сакского времени, большая часть материалов которых издана в монографиях [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003].

Раскопки предполагали вскрытие пространства между ранее исследованными объектами. Перед проведением работ была сделана тахеометрическая съемка памятника, которая позволила связать между собой новые и ранее исследованные участки. По итогам очередного обследования было заложено шесть раскопов общей площадью около 1400 кв.м. В раскопе №1 исследованы курганы №81–84 и выкладка №82а, в раскопе №2 – выкладки №86–87, в раскопе №3 – курганы №88–93 и поминальник №89а, в раскопе №4 – курган №94, в раскопе №5 – выкладки №75–79 и курган №80, в раскопе №6 – курганы №74, 85 и выкладка №85а. Еще два сооружения (№96, 97) оказались на территории поселения, по соседству с ранее изученными курганами №55 и 56 [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 9; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 9]. Нумерация объектам давалась по порядку их исследования. В результате в 2006 г. на могильнике Тыткескень-VI оказалось изучено 26 погребальных и ритуальных памятников скифо-сакского времени, большинство из которых принадлежит пазырыкской общности, а меньшая часть – бийкенской культуре.

Все пазырыкские курганы (№80–84, 88–94) практически входили в состав одной макроцепочки и располагались по линии Ю–С с разными отклонениями от нее. Они имели полусферические, реже плоские наброски из рваного и окатанного камня диаметром до 6,5 м, высотой до 0,5 м.

По периметру нескольких насыпей (№80, 89, 90, 92, 93) фиксировались кольцевые крепиды. Все курганы оказались неграбленными. Под насыпями располагалась одна могила прямоугольной или овальной формы, ориентированная в широтном направлении. Ямы были с отвесными стенками, длиной и шириной в пределах 2–2,7 и 1,1–1,8 м соответственно, глубиной от 1 до 2 м. Погребальные камеры представлены деревянными рамами с перекрытием (№81, 84, 89–93), иногда в обкладке из валунов, каменными ящиками (№83, 88) или простыми ямами (№80, 82). Погребения совершены в основном по обряду одиночной ингумации. В одном случае отмечено парное (№92), а в другом – коллективное (№89) захоронение. Почти все они содержали остатки ритуальной мясной пищи (пояснично-крестцовую часть овцы). Умершие люди укладывались почти всегда на правый бок с согнутыми ногами, иногда в сильно скорченной позе, головой на В. Для коллективной могилы отмечена ориентация людей головами в восточный и западный секторы, а также положение на левом боку. В кургане №94 зафиксировано «труположение на животе». В исследованных погребениях найден разнообразный сопроводительный инвентарь: бронзовые миниатюрные чекан (рис. 1.-19), кинжал (рис. 1.-1) и колчанной крюк (рис. 1.-2); костяные трехгранные черешковые (рис. 1.-1, 12) и втульчатые (рис. 1.-13, 14) наконечники стрел; серебряная и бронзовая восьмерковидные серьги (рис. 1.-8, 16), бронзовые ворворка (рис. 1.-3), пронизь (рис. 1.-4), поясная обойма (рис. 1.-5), фрагмент колокольчика (рис. 1.-6), железное изделие (рис. 1.-15), круглые и плоские бусы-нашивки с гладкой и рифленой поверхностью из стекла и камня (рис. 1.-9, 10); бронзовые медалевидные зеркала с прорезной рукоятью (рис. 2.-3), бронзовые и железные коротколезвийные ножи (рис. 2.-4–7), каменная курильница. Кроме этого обнаружена разнообразная по форме, размерам и орнаментации керамическая посуда (рис. 2.-1–2), представленная целыми экземплярами (обычно плоскодонные горшки, кувшиновидные сосуды, кринки с наклепными «ушками», реже с рассеченным валиком) и развалами. Сопроводительных захоронений лошадей не было.

Курганы бийкенской культуры (№74, 85, 96, 97) имели мощные насыпи из рваного камня, диаметром до 8 м, высотой до 1 м, в одном случае (№85) с крепидой в основании, вертикально вкопанным камнем к юго-западу, очагом-прокалом в северо-восточной части. В центре сооружений №74, 85 вскрыто по одному каменному ящику из массивных плит, возведенных на уровне древнего горизонта. Внутри камер находились одиночные, сильно скорченные захоронения людей на левом боку, ориентированные головами на З и ЗСЗ (в одном случае череп отсутствовал). Сопроводительный инвентарь погребенного человека в кургане №74 представлен каменным курантом. В погребальной камере отмечены фрагменты керамики. По всей поверхности этих объектов бийкенской культуры и в толще кладки обнаружена большая серия фрагментов керамики (судя по орнаментации и толщине черепков от нескольких сосудов), глиняные диски, многочисленные кости

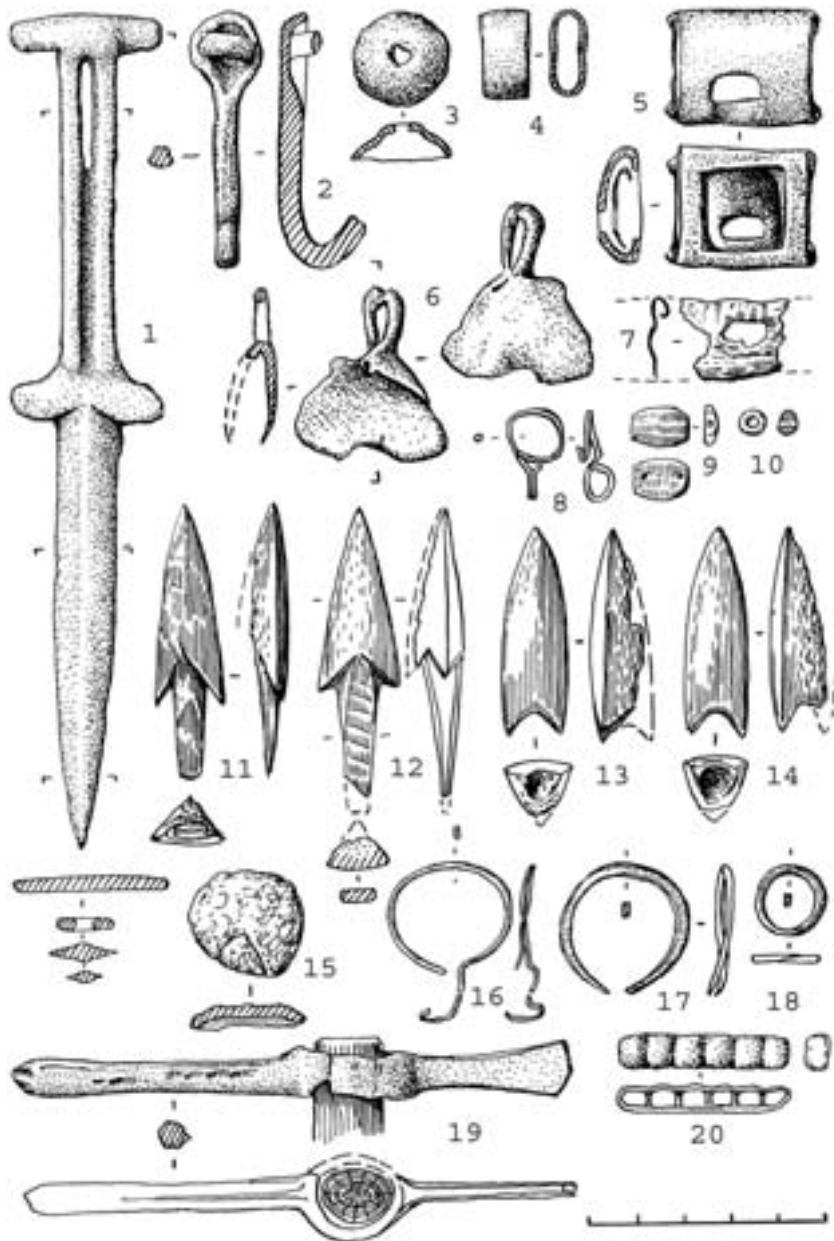

Рис. 1. Тыткесень-VI. Предметный комплекс из курганов скифо-сакского времени. 1-7 - курган №89; 8 - курган №91; 9, 10 - курган №82; 11, 13, 14, 19 - курган №88; 15 - курган №84; 16 - курган №94; 17, 18, 20 - курган №97. 1-6, 8, 17, 18, 20 - бронза; 11-14 - кость; 9, 10 - камень, паста; 15 - железо; 16 - серебро; 19 - бронза, дерево; 7 - кожа.

Рис. 2. Тыткескень-VI. Предметный комплекс из курганов пазырыкского времени.

1, 5 – курган №84; 2 – курган №89; 3 – курган №94; 4 – курган №93;

6 – курган №89; 7 – курган №82. 1, 2 – керамика; 4–7 – бронза; 3 – бронза, кожа.

животных. Под насыпью кургана №85 зафиксированы обломки глиняной посуды бронзового века, происходящей, по всей видимости, из культурного слоя поселения. Под рядом находящейся выкладкой №85а обнаружен прокол, а также собрана большая коллекция фрагментов керамики, в том числе и эпохи бронзы.

В кургане №96 исследована каменная выкладка диаметром до 2,5 м с остатками разрушенного погребения на уровне погребенной почвы. Вещевой комплекс в нем отсутствовал. При расчистке и разборке кургана №97 были найдены бронзовые серьги (рис. 1. -17, 18), обойма (рис. 1. -20) и орнаментированный фрагмент керамики. Захоронения этот объект не содержал. Под юго-западной полкой насыпи выявлен небольшой зольник, где была обнаружена еще одна бронзовая обойма.

Группа поминальных сооружений скифского времени (№75–79, 82а, 89а) представлена каменными выкладками диаметром до 3 м, преимущественно с западной стороны от пазырыкских курганов. Рядом с некоторыми из них зафиксированы фрагменты керамики раннего железного века. В планиграфическом отношении выделялись объекты №86 и 87, находившиеся к востоку от ранее изученных захоронений раннего железного века. Под небольшими каменными выкладками зафиксированы небольшие ямы с черепами лошадей, обращенными лицевой частью на В и ЮВ. Подобные объекты были обнаружены на противоположном берегу Катуня на памятнике Бике-I рядом с курганом афанасьевской культуры [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990]. На Тыткескене-VI они имеют другой контекст.

Таким образом, в полевом сезоне 2006 г. Катунской археологической экспедицией получена новая серия материалов, дополняющих имеющийся корпус вещественных и антропологических источников из могильника Тыткескень-VI и создающих более цельное представление о его планиграфической структуре. В результате были изучены ранее не обнаруженные объекты, проведено сплошное обследование пространств на предмет наличия новых сооружений, осуществлено изучение последних в центральной и южной части цепочки пазырыкских курганов, на территории поселения, к северу от дороги, идущей вверх по течению р. Тыткескень.

Состав полученного вещевого комплекса позволяет датировать исследованные курганы пазырыкской культуры в рамках V–IV вв. до н.э., что согласуется с ранее предложенными для этого некрополя хронологическими выкладками [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 104–114; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 106–109]. Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря, они оставлены рядовыми скотоводами, являвшимися носителями особого (северо-алтайского или тыткескенского) локального варианта культуры скифского времени. Раскопанные памятники бийкенской культуры пока можно отнести к VIII–VI вв. до н.э.

Примечания

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 1997. – 232 с.: илл.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2003. – 234 с.: илл.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2004. – 292 с.: илл.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43–95.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ*

В полевом сезоне 2006 г. Центральнокулундинской экспедицией Барнальской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭт СО РАН было начаты исследования на комплексе памятников Жарково, расположенном в Баевском районе Алтайского края в 2,3 км к северо-западу от с. Покровка. Он состоит из двух поселений Жарково 1, Жарково 3 и курганного могильника Жарково 2. Поселение Жарково 1, находится к северу от заброшенного ныне с. Жарково, в 250 метрах к северо-северо-западу от кладбища с. Жарково, между жарковским бором и старицей р. Кулунда, на краю надпойменной террасы [Федорук, Шамшин, Иванов, Цивцина, Раиткин, 2005; Федорук, 2006]. Обнаружено директором покровской школы Н.Д. Брусником в середине 1980х гг. и исследовалось Кулундинской археологической экспедицией АлтГУ под руководством А.Б. Шамшина в 1987, 1989 гг. Полученные материалы относятся к эпохе поздней бронзы [Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990]. Памятники Жарково 2, Жарково 3 открыты Кулундинским археологическим отрядом АлтГУ в 2004 г. в ходе мониторинга современного состояния поселения Жарково 1. Курганная группа Жарково 2 находится в 0,3 км. к северу от поселения Жарково 1, в 1,3 км к западу от трассы Баево-Покровка, в 2 км к северо-западу от крайнего дома с. Покровка, около кладбища с. Жарково. Памятник состоит из семи визуально фиксируемых курганных насыпей округлой в плане формы, диаметром от 10 до 25,5 метров, пять из которых (№ 1-5) расположено цепочкой по линии север-юг [Федорук, Шамшин, Иванов, Цивцина, Раиткин, 2005; Федорук, 2006].

Поселение Жарково 3, находится в 150 м. к северу, около надпойменной террасы. Визуально фиксируется семь жилищных западин округлой в плане формы, размерами 100-300 кв. м., расположенных двумя рядами вдоль старицы р. Кулунда. В 2005 г. одним из авторов данной работы с целью определения культурной принадлежности памятника на юго-восточной окраине памятника, недалеко от раздува, была заложена разведочная траншея размерами 6×2 м. Обнаруженные материалы датируются андроновским временем.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 03-01-00378а

Раскоп 2006 г., размерами 12×8 м., был разбит рядом с траншеей 2005 г. Материал на площади раскопа располагался неравномерно, зафиксированы отдельные скопления камней, костей животных. Обращает внимание большое количество сильно утилизированных костных остатков, а также множество камней имеющих следы термического раскалывания.

В раскоп попали периферийная часть котлована жилищной конструкции, зольник, а также объект № 1, предположительно являющийся хозяйственной ямой. Жилище представляет собой конструкцию полуземляночного типа глубиной около 1 м. от современной поверхности. Заполнение котлована – супесь серого цвета, плотная, содержащая небольшое количество находок, большинство из которых находилось на дне конструкции, местами маркирующемся светло желтым материковым песком. Вдоль стен обнаружено семь ямок от столбов конструкции диаметром 10–40 см. и глубиной до 46 см. от дна жилища. Судя по разрезу, столбы стояли как вертикально, так и под углом к центральной части жилища. Очевидно, что светло желтый песок со дна котлована является выбросом из этих ямок. Зачисткой по дну жилища выявлен объект № 2 округлой в плане формы с четко выделяющимся более темным заполнением. При его выборке на глубине 1,28 м. от современной поверхности была обнаружена выкладка из глиняных кирпичиков. Возможно, данный объект использовался как очаг. Аналогии данному объекту широко известны в материалах эпохи бронзы Казахстана и Западной Сибири.

Вскрытая часть зольника, в отличие от жилищного котлована, имела более рыхлое заполнение рыжеватого оттенка мощностью около 1 м., различающееся по степени окраса на два слоя, обильно насыщенное археологическими материалами (костные остатки, керамика, глиняные шарики, камни). Интерес представляет обнаружение в центральной части раскопа выкладки из глиняных лепешек. Возможно, они являются отходами гончарного производства.

Наибольшая концентрация находок обнаружена в объекте № 1. Объект представляет собой яму округлой в плане формы, диаметром 2 м. и глубиной до 1,8 м. от современной поверхности. Расположен в 2 м. от края жилищного котлована. Заполнение объекта состояло из темной, обильно насыщенной органикой супесью, в которой четко читались прослойки из светлого песка. В результате разбора получено большое количество костей, фрагментов керамики и камней.

Керамическая коллекция поселения представлена фрагментами сосудов, относящихся к эпохе развитой и поздней бронзы. Эпоха развитой бронзы представлена немногочисленной серией фрагментов, орнаментированных различными треугольниками, меандровидными фигурами, елочкой и другими элементами орнамента, выполненными оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, горизонтальными прочерченными линиями (рис.1. – 9, 25–28) и относящихся к позднефедоровской культурной традиции. Основной комплекс, датирующийся эпохой поздней брон-

зы, представлен многочисленными фрагментами и отдельными развалами сосудов саргаринско-алексеевской (рис. 1. - 10-24), донгальской (рис. 1. - 1, 3, 4) и ирменоидной (рис. 1. - 2, 31, 32) культурных традиций.

Коллекция изделий, обнаруженных в ходе исследования памятника включает три сработанных альчика МРС (рис. 1. – 5-7), применявшихся для послелитейной доводки бронзовых изделий [Кунгурова, Удодов, 1997], черешком бронзового кинжала (рис. 1.-8), двумя фрагментами бронзовых изделий неясного назначения, каменным изделием. Важным стратиграфическим наблюдением является тот факт, что котлован не прорезает слой зольника, а наоборот, зольник, по всей видимости, формировался на заброшенном андроновском жилище.

Материалы памятника позволяют датировать его эпохой развитой – поздней бронзы (XIV-VIII вв. до н.э.). Преобладание посуды саргаринско-алексеевской культурной традиции позволяет предположить, что расцвет существования поселения Жарково 3 приходится на эпоху поздней бронзы.

Таким образом, проведенные на поселении Жарково 3 исследования позволили выяснить, что оно является незаурядным памятником эпохи поздней бронзы. Наличие мощного и насыщенного культурного слоя, следов архитектурно-планировочной застройки в виде двух рядов жилищ, зольника, свидетельств бронзолитейного производства выделяет это поселение из основной массы одновременных ему поселений степного Обь-Иртышья и ставит его в один ряд с такими крупными хозяйственно-культурными центрами региона, как поселение Рублево VI [Папин, 2001; Папин, 2003]. Дальнейшее исследование памятника предусматривает продолжение изучения жилища, зольника, выяснения связи поселений Жарково 1 и Жарково 3.

Примечания

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально – экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Райткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.

Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 49-51.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА РУБЛЁВО VIII В 2006 ГОДУ*

В полевом сезоне 2006 года Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН совместно с Алтайским государственным университетом при поддержке полевого гранта Президиума СО РАН и гранта РГНФ № 06-01-00378а были продолжены исследования, направленные на реконструкцию процессов этнокультурного и этногенетического взаимодействия в эпоху развитой и поздней бронзы Степного Алтая [Кирюшин, Папин, Шамшин, 2006]. Основной целью этих работ являлось изучение грунтового могильника Рублево VIII, расположенного в Михайловском районе Алтайского края. Мероприятия 2006 года включали работы на северо-западном и восточном секторах могильника. Это разделение было обусловлено тем, что в 2005 году было выявлено продолжение могильного пространства в направлении северо-запад, за пределы раскопов 1999-2001 года (условное обозначение раскоп № 2). Восточное же направление является продолжением общей сетки раскопа и включает в себя кроме линий квадратов, поисковую траншею, вписанную в сетку раскопа и имеющую размеры 56 x 4 м., целью которой являлось определение границ могильного поля.

Всего в текущем сезоне было выявлено восемнадцать погребений датированных эпохой развитой бронзы (андроновская культура) и поздней бронзы, а так же возможно переходного времени от бронзы к железу. Кроме того, на площади памятника зафиксированы отдельно стоящие сосуды и скопления керамики. Выявленные объекты планиграфически вписываются в выделенные ранние ряды могил, вытянутые по линии ЮЗ-СВ [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004]. Десять погребений найденных в основном раскопе относятся к андроновской культуре. В основном это детские погребения, совершенные на глубине до 0,8 м. от современной дневной поверхности. В тех случаях, когда сохранились кости умерших можно установить, что уложены они были скорченно на левом боку, головой на ЮЗ-З, из сопроводительного инвентаря присутствуют сосуды, различной орнаментации и форм (рис. 1-1, 4). Как было сказано выше, из десяти могил восемь это детские погребения, а две это кремации расположенные рядом друг с другом. Причем верхний

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 06-01-00378а

контур заполнения пятна читались как один для обеих могил. Кости были уложены компактными скоплениями в сопровождении керамических сосудов, в обоих погребениях присутствует деревянная обкладка. Особый интерес вызывает находка в могиле № 93, где на кремированных останках под фрагментом деревянного перекрытия сохранился фрагмент центральной части золотого нагрудного составного украшения, аналогично находке прошлого года с этого же могильника (рис.1-8) [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2006]. Керамика из детских погребений отличается от взрослых меньшими размерами и простотой орнаментальных схем. Большинство сосудов – банки открытого или закрытого типа, встречается слабопрофилированная посуда.

Если первый раскоп представлен материалами андроновской культуры, то во втором встречены погребения как андроновские (мог. 1, 4, 5, 8), так и эпохи поздней бронзы, а возможно и раннескифского времени (мог. 2, 3, 6, 7). Из четырех могил андроновского времени выделяется взрослое погребение № 4 (остальные детские), глубина этой могилы от дневной поверхности превышает два метра, причем нижний контур значительно меньше верхнего. Возможно, что над погребением в древности существовала земляная насыпь. Захоронение совершенно в подпрямоугольной могиле, прослежены следы деревянной обкладки, умерший лежал скорченно на левом боку головой на запад, колени сильно притянуты к груди, кости рук согнуты в локтях, за головой находился большой баночной формы сосуд орнаментированный вертикальной елочкой (рис.1-1). Расположение могил не нарушает в целом общей направленности могильного поля ЮЗ-СВ. По всей видимости, для периферийно части могильника характерна большая глубина взрослых андроновских могил.

Эпоха поздней бронзы представлена, четырьмя погребениями, отдельно стоящими сосудами и их развалами. Захоронения осуществлялись не глубоко, возможно, что и на уровне древней поверхности. В ряде случаев они перекрывают детские андроновские могилы. Как правило, анатомический порядок костей нарушен, а могила № 6 представляет собой скопление обожженных костей. Яркой чертой позднебронзовых погребений является керамика с каннелюрами и сеткой на сосудах с раздутым туловом (рис.1-2, 3, 5). Рядом с шестой могилкой располагалась погребение № 7, где в анатомическом порядке сохранились только кости нижних конечностей позволяющие предположить об обряде захоронения скорченно на правом боку головой на ЮЮЗ. В области пояса был найден бронзовый нож, с выделенной уступом рукоятью, слабо изогнутой спинкой и каплевидным отверстием на рукояти (рис. 1-7), что позволяет датировать его, скорее всего, в пределах VIII века до н.э.. Особенности погребального обряда, инвентаря и найденные здесь же фрагменты керамики, позволяют отнести это погребение к переходному времени от бронзы к железу, ранее на могильнике были уже встречены комплексы этого времени [Папин, 2000].

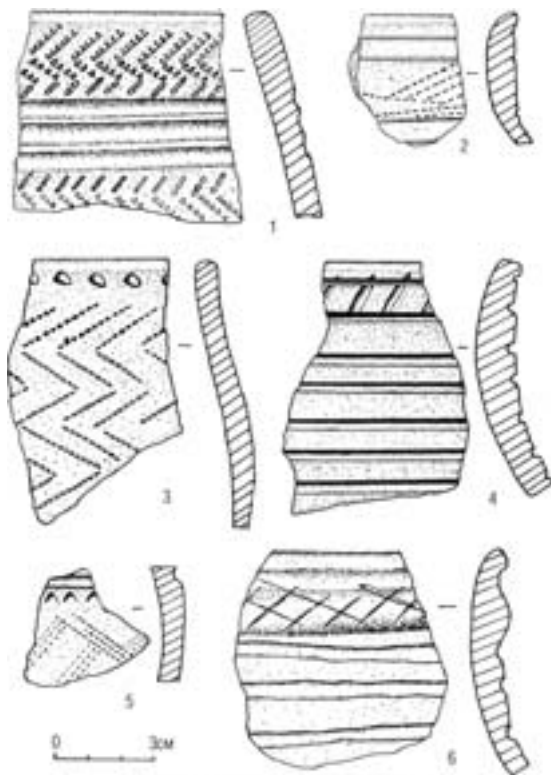

Рис. 1. Керамика с поселения Калиновка II.

Рис. 1. Материалы грунтового могильника Рублево VIII.

Таким образом, в результате работ на памятнике грунтовой могильник Рублево VIII, предварительно можно говорить о следующем. Могильное поле имеет форму эллипса, вытянутого по линии СЗ-ЮВ, выделяются участки группирования погребений как взрослых, так и детских, для периферийной части могильника характерна большая глубина могил, над андроновскими могилами возводились земляные насыпи, возможно, что позднебронзовые захоронения связаны с андроновскими надмогильными сооружениями.

Аналогии погребальному обряду андроновского комплекса встречаются довольно широко среди синхронных памятников родственных культурных образований. Но как уже отмечалось ранее, наиболее адекватные параллели керамическому комплексу происходят с территории Павлодарского Прииртышья и лесостепного Алтая. Обнаруженная в этом году в позднебронзовых могилах керамика (рис. 1-2, 3, 5, 6), аналогична находкам прошлых лет и соответствует третьей группе посуды поселения Рублево VI. Одной из актуальных проблем является характер соотношения

комплекса поздней бронзы и отдельных находок переходного времени от бронзы к железу, имеющееся в настоящее время данные не позволяют в полной мере раскрыть этот вопрос.

Примечания

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 33-44

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы. // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. Изд-во: АлтГУ, с. 62-85

Папин Д.В. Материалы финальной бронзы и раннескифского времени Кулунды // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 147–148.

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Бронзовый век является наименее изученным периодом в древней истории Горного Алтая. В связи с этим, появление нового материала расширяет наши представления о культуре населения, проживающего на обозначенной территории, позволяет судить о генезисе культурных традиций во II тыс. до н.э. Настоящая работа посвящена публикации предварительных итогов изучения материалов бронзового века на поселении Тыткескень-VI.

Памятник расположен в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуня в 0,1 км выше места их слияния. Левый берег Тыткескена представляет в этом месте 15-метровую катунскую цокольную террасу, сложенную валунно-галечным конгломератом, а в верхней части золотым песком и гумусовым отложением мощностью от 0,1 до 0,5 м. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескень-VI. Южный край поселения вдоль левого берега реки разбит старым Чуйским трактом. Северный участок памятника частично разрушен курганами скифского, гунно-сарматского и тюрского времени, большинство из которых было раскопано в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. В этот же период в раскопе, площадью около 200 кв. м. на поселении были получены материалы РЖВ, бронзового века, энеолита и раннего неолита [Кирюшин, Кунгуров, 1994].

В 2006 году на поселении были продолжены аварийные археологические раскопки, в ходе которых была вскрыта оставшаяся часть поселения (около 1500 кв. м.). Таким образом, полевое изучение поселенческого комплекса Тыткескень-VI было полностью закончено. Вместе с материалами эпохи неолита, энеолита, РЖВ и средневековья (см. статьи в настоящем издании), был получен интереснейший комплекс, относящийся к бронзовому веку.

Находки этого времени залегали равномерно на глубине 0,2-0,3 м, в целом выше энеолитических материалов (большемысская культура). Стратиграфически культурные слои этих периодов, и более поздних практически не разделены. Часть керамики была выявлена при разборке каменных насыпей курганов, при строительстве которых был потревожен культурный слой бронзового века. На поселении выявлено большое количество ям, часть из которых, несомненно, связано с поселением этого времени.

Основной комплекс бронзового века представлен фрагментами керамических сосудов. Судя по характеру обломков придонной части и венчиков, вся посуда плоскодонная, преимущественно баночной формы. На некоторых фрагментах хорошо фиксируются следы заглаживания, внутренней поверхности сосуда. В целом керамика бронзового века более толстостенная (около 1 см), чем посуда эпохи неолита и энеолита (около 0,5 см). Техника декорирования и орнаментальные мотивы на сосудах характеризуются большим разнообразием. В коллекции представлены фрагменты, украшенные в технике «гребенчатая качалка» (рис. 1.-1), «шагающая гребенка», гребенчатого (рис. 1.-1, 3) и гладкого штампа (рис. 1.-4, 5), сочетания прочерченных линий и оттисков зубчатого орудия (рис. 1.-1).

Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными лентами «шагающей гребенки» и «гребенчатой качалки», горизонтальными рядами вертикально (рис. 1.-2) или наклонно (рис. 1.-3) поставленного «гребенчатого штампа», горизонтальной «елочкой», выполненной гладким штампом (рис. 1.-5). Композиции на сосудах составляют сочетание нескольких орнаментальных мотивов, нередко выполненных с помощью различных приемов декорирования. Встречаются сосуды украшенные сплошным орнаментом от венчика до дна (рис. 1.-2, 3) и керамика с композиционным построением орнамента по зонам сосуда (рис. 1.-1). На керамике отмечена орнаментация среза венчика (рис. 1.-1, 5).

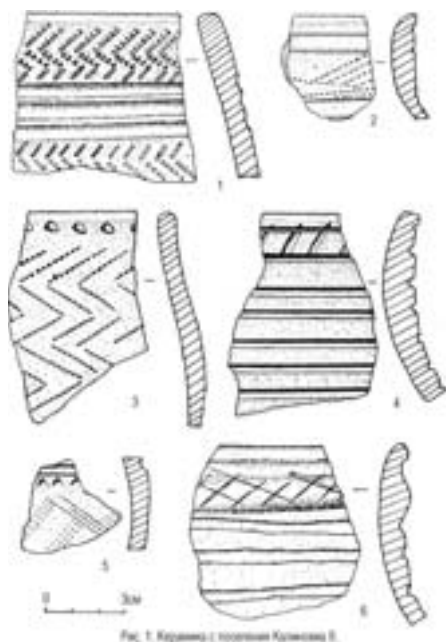

Рис. 1. Керамика с поселения Кривизна II.

Рис. 1. Керамика эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI.

На поселенческих памятниках Горного Алтая керамика бронзового века обнаружена на поселениях Кара-Тенеш [Погожева, Молодин, 1980], Балыктыюль [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982], Лебедь-I [Лапшин, Молодин, Петрин, 1982, с. 23], Усть-Куюм [Кунгурова, 1992], Сары-Бел [Кирюшин, Кунгуров, Долинин, Кирюшин, 1992], Малый Дуган [Степанова, 1990] и др. Керамический комплекс бронзового века с поселения Тыткескень-VI находит аналогии и на сопредельных территориях: в материалах елунинской культуры Лесостепного Алтая, окуневских памятниках Минусинской котловины. Вероятно, что основной керамический комплекс может быть связан с каракольской культурой, выделенной на территории Горного Алтая, по материалам погребальных комплексов. Однако это предположение требует дополнительной аргументации и проработки.

При исследовании поселения обнаружены обломки двух керамических курильниц, которые представляли собой небольшие сосудики (рис. 1.-6, 7). Одна из них (рис. 1.-6) имела поддон, и была украшена под венчиком, в придонной части и дну поясом из диагонально поставленных насечек, по срезу венчика, тулову, придонной части и дну – рядами отпечатков трубчатой кости птицы (?). В центральной части дна имелось слабое чашевидное углубление. У второго изделия (рис. 1.-7) сохранилась только верхняя часть, поэтому о характере дна судить сложно. Срез венчика украшен вдавлениями гладкого штампа, стенки – горизонтальной «елочкой». Особенностью данной курильницы является наличие сквозного горизонтального отверстия в стенке, которое вероятнее всего использовалась для подвешивания изделия.

Культурно-хронологическая характеристика обнаруженных керамических курильниц остается открытой. Такие изделия на территории Горного Алтая встречены пока только в афанасьевских комплексах. Об их афанасьевской принадлежности, может свидетельствовать открытие и исследование погребения этого времени (см. статью в настоящем сборнике), неподалеку от которого были обнаружены курильницы. С другой стороны, изделия, обнаруженные на поселении Тыткескень-VI значительно отличаются от афанасьевских. Курильницы известны в материалах окуневских комплексах Минусинской котловины. Эти обстоятельства не исключают возможность соотношения находок с бронзовым веком.

Одним из интереснейших результатов раскопок поселения Тыткескень-VI являлось открытие достаточно представительной серии (около трех десятков) небольших галек с различными гравированными рисунками, являющимися новым видом древнего искусства населения Горного Алтая. Для нанесения рисунков использовались гальки небольших размеров, в зависимости от характера изображений выбирался материал определенной формы (треугольные плоские, овальные), которые по своей форме соответствовали абрису человеческой фигуры. Гравировки наносились острым режущим предметом (ножом?). Рисунками покрывалась

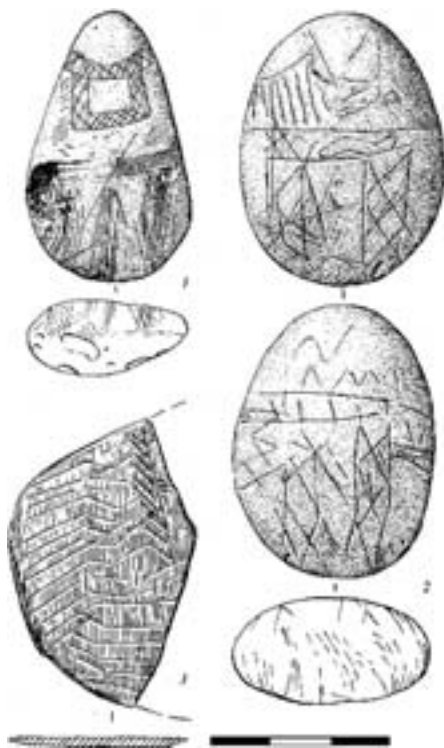

Рис. 2. Гравированные гальки с поселения Тыткескень-VI.

вся поверхность гальки с одной или с двух сторон. Большинство изображений сильно затерты в процессе использования и «читаются» с трудом. Можно выделить гальки с антропоморфным изображением (рис. 2.-1, 3), на которых проработано лицо, детали одежды и украшения. Другая группа изображений представлена геометрическим орнаментом, в различных вариантах исполнения, который не составляет какой-то определенный образ (рис.2.-3). Кроме изображений на гальках с поселения происходят орнаментированные сланцевые плитки (рис. 2.-3).

Орнаментированные гальки находят ближайшие аналогии в материалах поселения Торгажак, исследованного в Минусинской котловине. Данный памятник относится к эпохе поздней бронзы и датируется X-IX вв. до н.э. [Савинов, 1996, с. 46]. Нам представляется, что гравированные гальки с поселения Тыткескень-VI, связанные с, описанным выше, комплексом керамики раннего и развитого бронзового века, которая датируется окуневско-каракольским временем. Таким образом, есть основания говорить о зарождении торгажакской изобразительной традиции в Горном Алтае как минимум в первой половине II тыс. до н. э., откуда она распространилась в Минусинскую котловину.

Примечания

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-VI на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катунь // Проблему сохранения, использование и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье р. Куном // Материалы к изучению Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992.

Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-I в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки поселения Кара-Тенеш (1978) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакассии: Торгажак. – Спб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990.

*Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов, А.Л. Кунгуров,
Е.А. Тюрина, С.П. Грушин*

ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI

В августе 2006 г. в ходе аварийных работ в зоне строительства Алтайской ГЭС на поселении Тыткескень-VI, расположенного в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуня, в 0,1 км выше места их слияния, кроме поселенческих комплексов эпохи неолита, бронзового века была исследована каменная ограда афанасьевского времени. Объект располагался в центральной части террасы, левого берега Тыткескень и находился частично под насыпью кургана раннего железного века, при строительстве которого он был несколько разрушен. Тем не менее, общие характеристики сооружения удалось проследить в ходе полевого исследования.

Строение представляло собой каменную крепиду округлой формы, диаметром около 2,5 м (рис. 1.-1) состоящую из небольших камней-валунов. В ее центре над могильной ямой в восточной половине имела кладка из камней, примыкающая к крепиде. В юго-западном секторе кольца среди камней найден каменный пест (рис. 1.-4). К востоку от объекта зафиксировано небольшое скопление костей животных. Могильное пятно на глубине 0,25 м от современной поверхности имело округлую форму, его западный и восточный края совпадали с внутренними границами крепиды. На глубине 0,44 м пятно приобрело подпрямоугольную форму. Его размеры составили 2,07х1,4 м. В заполнении могильной ямы обнаружен кусочек охры, в восточном секторе отмечен деревянный тлен, возможно, остатки перекрытия.

На дне могильной ямы (1,2 м от современной поверхности) обнаружены останки человека, который, судя по положению скелета, был погребен на спине с согнутыми и поставленными вверх коленями ногами, головой тело было ориентировано на восток (рис. 1.-2). Возраст умершего человека, по предварительным определениям антрополога С.С. Тур, составил 11–13 лет. Погребенный был обильно обсыпан охрой, следы ее фиксировались и под костяком. Слева от черепа найден керамический остродонный сосуд, орнаментированный в верхней части «елочкой» (рис. 1.-3), несколько необработанных камней. Камни обнаружены у костей левого плеча и ступней ног умершего. Среди ребер найдены человеческие зубы, принадлежащие погребенному человеку. Возможно, они выпали при давлении нижней челюсти на верхнюю, а затем были смещены в область

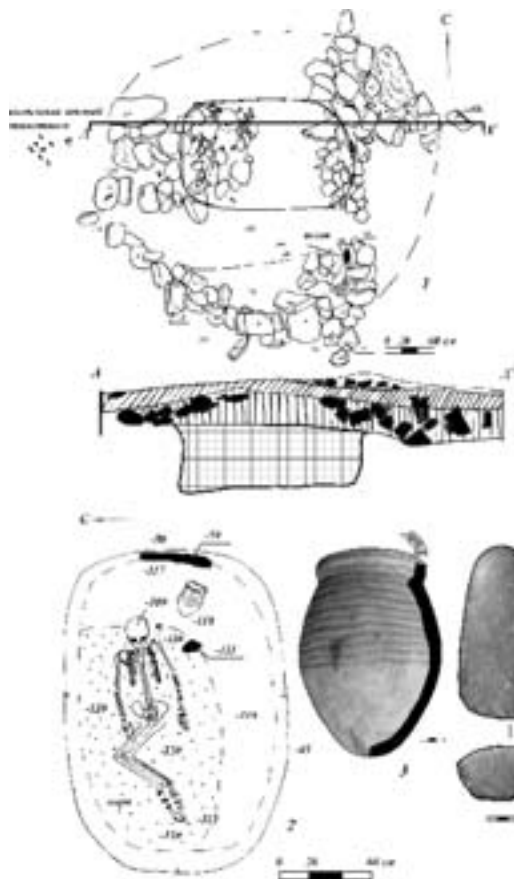

Рис. 1. Афанасьевский погребальный комплекс с поселения Тыткескень-VI.
 1 – план и разрез каменной ограды; 2 – план погребения;
 3 – керамический сосуд; 4 – каменный пест.

ребер грызунами. Компактность их расположения не исключает, что зубы преднамеренно были собраны в небольшой мешочек из органических материалов, например, кожи или войлока и положены вместе с умершим в могилу.

Ближайшими аналогиями полученным материалам, а также особенностям погребального обряда, зафиксированного при исследовании объекта на поселении Тыткескень-VI являются афанасьевские комплексы раскопанные в долине Катуня и за ее пределами: Бийка-I, II [Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 2001], Нижний Тюмечин-V [Абдулганеев, Славнин, 2004], Сальдыр-I [Ларин, 2005] и др.

Необходимо отметить, что на территории поселения Тыткескень-VI в 90-х гг. XX в. был раскопан курган №61, отнесенный к большемыской

культуре [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. По своим характерным элементам это сооружение схоже с афанасьевским захоронением, исследованным в 2006 году, поэтому вопрос о культурной принадлежности первого остаются открытым.

В связи с выявленными афанасьевскими погребальными комплексами и поселенческими материалами большемысской культуры в рамках одного памятника, правомерно поставить вопрос об их соотношении. Планиграфически поселенческие материалы располагаются южнее курганов, примыкая к кромке левого берега Тыткескена. Афанасьевские объекты сооружены в центральной части террасы. Тем не менее, представляется маловероятным сооружение погребальных оградок, в момент функционирования поселения большемысской культуры, расположенного вблизи. Стратиграфически погребальные сооружения, расположены несколько выше залегания поселенческих находок, что может свидетельствовать об их более позднем времени сооружения. Однако это предположение требует дополнительной аргументации и проверки.

Исследованные разновременные комплексы на памятнике Тыткескен-VI от неолита до средневековья позволят в дальнейшем приступить к разработке историко-культурной схемы развития населения на территории локального участка (микрорайона), расположенного в устьевой зоне Тыткескена.

Примечание

Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы у с. Ело // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике-I, II – погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуне // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая могильник Сальдьяр-I. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005.

О ТИБЕТСКИХ МЕГАЛИТАХ*

Мегалитические сооружения в Тибете отмечались многими европейскими путешественниками и исследователями. Например, вдохновенно писал о них Н. К. Рерих: «Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Транс-Гималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее Бонпо может быть как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов. ... Кроме менгиров и кромлехов, в области Шенза-Дзонга, тоже в Транс-Гималаях, нам удалось найти древние могилы, напомнившие алтайские погребения и могилы южных степей» [Рерих Н. К., 1991, с. 50]. Он не раз возвращался к этому открытию в других работах [Рерих Н. К., 1991, с. 64]) и даже посвятил ему одно из своих полотен («Менгиры в Гималаях», 1932 г.).

Более склонный к научному типу познания, Ю. Н. Рерих составил вполне точное описание памятника, который состоял из 18 параллельно расположенных рядов каменных плит, ориентированных по линии восток-запад, с кругом из камней (кромлехом) на западном конце каждого ряда. Перед вертикальными менгирами стояли каменные алтари; в восточной части сооружения выложена каменная стрела острием на запад. Ю. Н. Рерих отметил, что каменные сооружения продолжали служить объектом поклонения местному населению, которое считало их обителью божества, охраняющего данный маршрут и путников на нем [Рерих Ю. Н., 1995, с. 385].

В начале 1980-х гг. по следам экспедиции Рерихов прошел китайский археолог Тун Эньчжэн, подтвердивший наличие каменных конструкций на Тибетском плато, в районе Хора. По его описаниям, выкладки из камней или плиток располагались на южных склонах гор и имели овальную форму стандартных размеров (длина по оси восток-запад ок. 3 м, ширина 2, 75 м), с вертикальной каменной плитой у восточной оконечности кладки. Аналогичные конструкции описаны Дж. Туччи для предгорий хребта Гандисы (см.: [Гэлз, 2006, с. 126–128]).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01190а.

Идеи Рерихов о возможных связях каменных конструкций Северного Тибета с алтайскими материалами вполне сочувственно воспроизведены современными исследователями их творчества, в числе которых ведущий специалист по археологии Северной Азии, ак. В. И. Молодин, что придает данной концепции дополнительную историографическую основательность [Лазаревич, Молодин, Лабецкий, 2002, с. 51–53].

Данная проблема получила освещение в серии публикаций американского ученого Дж. Белезы, который обследовал памятники на территории Северного и Западного Тибета, в т. ч. в районе деятельности Центрально-Азиатской экспедиции 1920-х гг. На плато Чантан, на высоте 4500 м над уровнем моря он изучил стены, выложенные из камня, и определил их как жилища и храмы добуддистского населения, которое связал с государством и этносом шангшунгов. Также он выделил «древнее кладбище, состоящее из каменных кругов и небольших курганов, протянувшихся примерно на 1 км. Сооруженные вдоль длинного уступа, эти погребальные конструкции составляют в среднем 2–3 м в диаметре. Круги и насыпи напоминают захоронения, создатели которых, как правило, уже вступившие в железный век, принадлежали к различным центральноазиатским культурам, таким как хунны и скифы». В районе Черных гор им обнаружена вертикально стоящая стела, напоминающая оленные камни [Belezza, 1998, fig. 10]. В другой публикации Дж. Белеза фиксирует каменные столбы, расположенные у западной стенки каменных оградок. Местные жители называют их коновязью Гесэра. «Столбы возвышаются над землей на высоту 1,8 м и нередко выстроены рядами, в которые входит от 3 до 10 камней. Там, где столбов несколько, они нередко сделаны из камня контрастных цветов. Сами оградки первоначально наверняка были выше, но сейчас все они без исключения находятся на уровне земли». Преобладают квадратные сооружения со стороной 8 м. Среди добуддийских памятников в Западном Тибете выделяются также ровные ряды стоячих камней, образующие в плане четырехугольники. Их высота от 0,25 до 1,5 м, а количество в одном комплексе может исчисляться сотнями. Встречаются как необработанные, так и подвергшиеся обработке камни.

Наиболее крупное местонахождение менгиров Дж. Белеза обнаружил в 35 км к югу от оз. Дангра Юмцо. Местечко Сумбуг Доринг расположено напротив священной горы Тарго Гегэн. Там находится более 1000 стоячих камней, высотой от 0,3 до 1,5 м. Менгиры выстроены в два четырехугольника, один состоит примерно из 800 стел, другой, соответственно, из 200 камней [Bellezza, 1999a]. Подобные «поля менгиров» встречаются и в других местах, по соседству с руинами древних строений, с восточной стороны от зданий [Belezza, 1999b, fig. 25–30]. Еще несколько местонахождений менгиров обнаружено в ходе экспедиции по высокогорным долинам в уездах Ньима и Дронгпа. В местечках До Ланг Ньидрик и Джори Доринг стоячие камни заключены в прямоугольные оградки.

В Луг До Мон Дур Кунг вместе с большим количеством менгиров, выстроенных в двух направлениях, исследователь обнаружил разрушенные погребальные конструкции. В Цанг Донг Мондо стелы выстроены в трех различных направлениях, и также имеются погребальные сооружения [Bellezza, 2006].

Дж. Белеза отмечает, что использование стоячих камней в погребальных комплексах, распространенное в Северо-Западном Тибете, не встречается в центральных и восточных районах. Судя по обстоятельствам обнаружения, данная традиция тесно связана с древними погребальными обычаями Центральной Азии. «Эти столбы, а также петроглифы, нередко находящиеся поблизости от них, доказывают, что в эпоху железа государство Шангшунг имело тесные культурные связи с Монголией, Алтаем и Южной Сибирью» (см.: [An Introduction]). Еще в одной статье Дж. Белеза определяет отдельно стоящие камни как поминальные памятники и сравнивает их с тагарскими стелами [Бэй Лэша, 2004, с. 11]. Однако ранее он датировал менгиры в Сумбуг Доринг концом неолита – началом бронзы, в любом случае, ранее железного века, поскольку упоминания о почитании мегалитов отсутствуют в священных книгах религии бон [Bellezza, 1999a]. Можно видеть, что по вопросу о датах и истоках мегалитических сооружений существует много противоречий. С учетом того, что ни на одном из выше описанных памятников научные раскопки не проводились, высказанные соображения носят предварительный характер. Немногочисленные материалы, отнесенные ранее к «культуре шангшунгов», датируются периодом второй половины I тыс. (вероятно, III–II вв.) до н. э. [Комиссаров, 2002].

Если обратиться к семантике изваяний, то антропоморфность отдельных фигур позволяет соотнести их с антропогенетическими мифами. Мотив рождения человека из камня встречается у многих народов, но наибольшее распространение зафиксировано на островах Индонезии и Южных морей. На материке почитание больших камней (в форме человека или тигра) как предков описано у народа пуми Юньнани (язык которых относят к цянской ветви тибето-бирманской группы). Реминисценции на эту тему в китайской классической литературе (миф о рождении Юя и его сына Ци) связывается с древнецяньскими племенами [Ли Фуцин, 2001, с. 73, 74]. В Тибете также записана сказка о «каменном льве» (лев – явное влияние буддизма; первоначально, скорее всего, фигурировал каменный тигр, как у пуми), которому приносят жертвы (кормят) и у которого получают награду [Волшебное сокровище, 1997, с. 148–151].

Сложность состоит в том, что в культурах древних цянгов на территории Ганьсу-Цинхая следов мегалитических сооружений не обнаружено. И хотя юго-восточное происхождение данной традиции в Тибете, судя по приведенным данным фольклористики, полностью исключить нельзя, но исходя из концентрации памятников на северо-западе региона, более оп-

равданной представляется гипотеза центральноазиатских контактов, высказанная еще Рерихами. Для эпохи раннего железа наибольший интерес представляет традиция оленных камней. Ближайшее местонахождение памятников этого типа, состоящее из 10 изваяний – в Баоцзыдун (округ Аксу, Синьцзян) – находится как бы на полпути между основным районом их концентрации в Южной Сибири и Западной Монголии, с одной стороны, и зоной тибетских мегалитов, с другой [Комиссаров, Астрелина, 2005]. Однако вопрос о возможности прямого проникновения данной традиции в Тибет остается открытым. Его решение требует более тщательной публикации выявленных каменных стел и обязательных раскопок связанных с ними курганов и выкладок.

В заключение вернемся к упоминавшейся картине Н. К. Рериха. На ней «тибетский менгир» несет изображение кинжала, что характерно для оленных камней. Мы не можем сказать, рисовал ли Н. К. Рерих с натуры или объединил в художественном произведении различные исходные элементы, которые наблюдал на разных памятниках. Если камень с отмеченными деталями найдут в Тибете, то можно будет говорить о прямых контактах «цивилизации шангшунгов» с культурами скифо-сибирского круга. Пока же данное полотно служит своеобразным ориентиром в дальнейших поисках. Ведь известно, как часто интуиция художника прокладывала путь для научного исследования.

Примечания

Волшебное сокровище: Сказки и легенды Тибета / Сост. С. А. Комиссаров. – Новосибирск: Наука, 1997.

Комиссаров С. А. К вопросу о «цивилизации шангшунгов» // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – Т. 1.

Комиссаров С. А., Астрелина И. В. Оленные камни Восточного Туркестана (Синьцзяна) как свидетельство культурных контактов древних кочевников Евразии // XXXV науч. конф. «Общество и государство в Китае». – М.: Вост. лит., 2005.

Лазаревич О. В., Молодин В. И., Лабецкий П. П. Н. К. Рерих – археолог. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002.

Рерих Н. К. Сердце Азии. – Мн.: Университетск. изд-во, 1991.

Рерих Н. К. Восток–Запад. – М.: МЦР; Бисан-Оазис, 1994.

Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1995.

An Introduction to “The Zhang Zhung Kingdom”: Archaeological Discoveries of Ancient Tibet on the High Plateau // <http://www.zhangzhung.org/Intro02.htm>

Bellezza J. V. New Archaeological Discoveries in Tibet // Asian Arts (Santa Fe, 1998) // <http://www.asianart.com/articles/bellezza/index.html>

Bellezza J. V. Discovery of Shang Shung: The ancient civilization of Tibet (1999a) // <http://www.tibetarchaeology.com/article1.htm#c>

Bellezza J. V. Northern Tibet Exploration: Archaeological Discoveries of the Changthang Circuit Expedition 1999: (A Preliminary Report) // Asian Arts (Santa Fe; 1999b) // <http://www.asianart.com/articles/tibarcheo/index.html>

Bellezza J. V. Trip Report: Tibetan Ice Lakes Expedition (February 9 to March 8, 2006) // <http://www.tibetarchaeology.com/article1.htm#g>

Бэй Лэша, Юэхань Вэньсэньтэ [Джон Винсент Белеза]. В поисках утраченной культуры: Отчет по обследованию основных археологических памятников добуддийского периода в западной части Тибета (1992–2002) // Сицзан каогу юй ишу [Археология и искусство Тибета]. – Чэнду: Сычуань чубань цзитуань; Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004.

Гэлэ. Цзанцзу цзаоци лиши юй вэньхуа [Ранний период истории и культуры тибетского народа]. – Пекин: Шаньу иньшу гуань, 2006.

Ли Фуцин [Рифтин Б. Л]. Шэньхуа юй гуйхуа – Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзю яньцзю [Мифы и рассказы о духах – сравнительное изучение мифологических повествований аборигенов Тайваня]. – Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2001.

ИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ-1*

Археологические исследования поселения Берёзовый Остров-1 позволили собрать значительную коллекцию останков ихтиофауны. Все найденные материалы происходят из хозяйственной ямы (№ 9), расположенной у хорошо сохранившейся северо-восточной стенки каркасного жилища (строение № 1). В плане яма имела форму неправильной трапеции. Западная стенка – наклонная, южная, северная и восточная – отвесные. Дно неровное и слегка понижается к южной стенке. Размеры ямы – 1,6х1,15 м, глубина 0,25-0,3 м. Яма заполнена обломками черепа и трубчатых костей лошади, фрагментами баночного сосуда. Скопление рыбьих костей и чешуи прослежено ниже, ближе к дну ямы.

Найденные здесь ихтиологические материалы отличаются разнообразием. Проведенный анализ показывает наличие в коллекции 5 видов рыб. Все выявленные особи относятся к так называемым туводным (речным) породам.

Окунь (Perca fluviatilis). Сохранились костные останки этой рыбы, в частности, кости черепа (рис. 1, 2), рёбра, туловищные и хвостовые позвонки (рис. 1, 4), чешуя (рис. 2, 7, 12). Судя по склеритам чешуи, можно сказать, что в основном, отлавливались средние половозрелые особи ($\approx 3,5$ -4,5 года, весом \approx от 200 до 500 гр).

Щука (Esox lucius). Представлена чешуёй (рис. 2, 3 – 6, 10), костей мало, в основном, это рёбра, два позвонка и фрагмент черепа – парасфеноид (рис. 1, 6, 7). Как правило, в коллекции встречаются взрослые, крупные особи 6,5 – 7,5 лет и весом 3-7 кг.

Стерлядь (Acipenser ruthenus). Костные останки представлены достаточно большим количеством жаберных крышек (рис. 1, 1).

Сибирская плотва (Rutilus rutilus). Представлена чешуей (рис. 2, 8, 9, 11) и плоточными зубами (рис. 1, 5). В изученной коллекции встречена чешуя только от крупных старых особей возрастом до 10,5 лет (рис. 2, 8).

Язь (Leuciscus idus). Представлен только чешуей (рис. 2, 1, 2). Отсутствие в слое костей этого вида рыб предположительно объясняется тонкостью и хрупкостью, что могло привести к их полному разрушению.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 05-01-01363а, программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», НШ-6568.2006.6

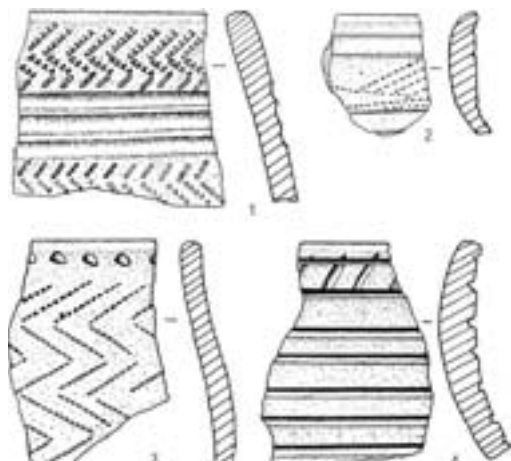

Рис. 1. Кости рыб поселения Берёзовый Остров-1.

1 – жаберные крышки стерляди; 2 – крышечные кости окуня; 3 – луч из первого колючего плавника; 4 – хвостовые позвонки окуня; 5 – глоточные зубы карповых; 6 – позвонок и рёбра щуки; 7 – часть парасфеноида черепа щуки; 8 – годовые кольца на чешуе плотвы.

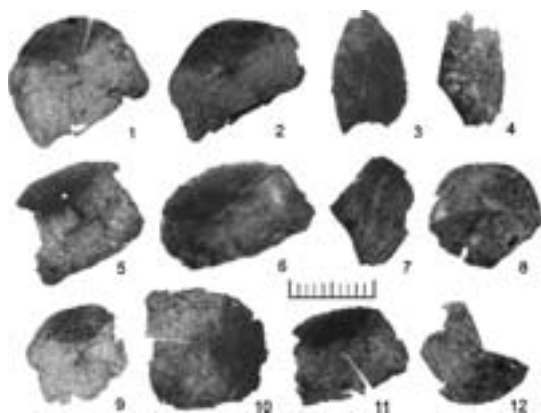

Рис. 2. Чешуя рыб с поселения Берёзовый Остров-1.

1, 2 –язь; 3 – 6, 10 – щука; 7 – 12 – окунь; 8, 9, 11 – сибирская плотва.

Ниже, в таблице представлен общий видовой состав рыбы с показателями определения и предполагаемыми возрастом и весом. Определение возраста проводилось по чешуе. Она промывалась в растворе до обнажения годовых колец, после чего подвергалась бинокулярному изучению. Размеры и вес рыбы выявлен исходя из размеров костей.

По количеству остатков в улове первое место занимал окунь (78% костей), второе – щука (10,7%), третье место принадлежит стерляди (8%), менее всего – сибирской плотвы (3,3%) и язя. Такое соотношение не ха-

Ихтиологические материалы поселения Берёзовый Остров-1

Вид рыбы	Показатель определения	Возраст, лет.	Вес, кг	Кости	Кол-во особей
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	Кости черепа, туловищные и хвостовые позвонки, ребра, чешуя.	3,5-4,5	0,2 – 0,5	213	8
Щука (<i>Esox lucius</i>)	Часть парасфеноида, позвонки, рёбра, чешуя	6,5 – 7,5	3 – 7	29	≥4
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	Чешуя	4,5 -12,5	0,9-1,5	-	≈3
Сибирская плотва (<i>Rutilus rutilus</i>)	Чешуя, зубы	10,5	0,08-0,1	9	≈5
Стерлядь (<i>Acipenser ruthenus</i>)	Жаберные крышки	-	0,5 – 1	22	≈5

рактерно для ихтиофауны рек Сибирского региона, где наиболее распространенным видом рыбы является сибирская плотва. Ситуация в период существования посёлка навряд ли значительно отличалась от современной, и слабое присутствие этого вида в кухонных остатках, видимо, объясняется особым способом или средствами лова.

Находки ихтиофауны стерляди может указывать на время года вылова рыбы. Её, по видимому, добывали по весне в Оби или в её протоках, устьях впадающих в неё рек, куда рыба заходила на галечные или песчаные косы.

Вылов остальной рыбы тоже следует отнести к весенне-летнему сезону. Так как последние годичные кольца чешуи большинства особей сформированы не полностью (рис. 1, 8А), можно заключить, что изученная рыба была выловлена в начале лета (май – июнь). По всей видимости, мы имеем дело с временным посёлком, население которого вело сезонный отлов рыбы. На временный характер поселения указывает и лёгкая каркасная конструкция жилища, к которому примыкает яма с остатками ихтиофауны. Их одновременность подтверждается наличием однотипного керамического материала.

Исходя из видового состава, предполагаемого веса и размера рыбы можно судить о способах ее лова. Так как основная часть коллекции представлена взрослыми крупными особями, а мелкая рыба отсутствует, то можно предположить, что лов производился при помощи крупнорешетчатой сети. Использование сети подтверждается и находкой на поселении обломка крупного каменного грузила со сверлёным отверстием для крепления.

ПЕТРОГЛИФЫ БИЛУУТ-ТОЛГОЙ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)

На территории национального парка «Тавын-Богдо-Ула», расположенном на границе с Китаем и Россией, в настоящее время известно более 10 крупных местонахождений наскальных изображений. Многие из них уникальны и содержат разнообразную информацию о кочевом быте, мифологии, культе священных животных и обрядах древних племен Монголии. Отдельные сюжеты или даже целые повествовательные сцены представляют собой, настоящие произведения искусства и становятся эталонными, каноничными в изобразительном творчестве населения Центральной Азии. К числу таких неординарных памятников, недавно открытых в акватории оз. Хотон-Нуур, относится и комплекс петроглифов в местности Билуут-Толгой. Он находится в 34 км от Арал-Толгой, вниз по северному берегу оз. Хотон-Нуур, в местности Узген и почти в устье р. Хайтун-Гол. Координаты памятника: 48° 39' 10,2" с.ш. – 88° 19' 50,5" в.д., высота над уровнем моря 2161 м. Скопления древних изображений (не более одной тысячи рисунков) отмечены на трех скалистых возвышениях, которые были условно обозначены как самостоятельные пункты: Билуут-Толгой – 1,2,3.

Значительная часть рисунков датируется эпохой бронзы. К этому периоду относятся изображения быков (рис.1, 1,2,4,6-10). Например, очень интересна ярусная композиция из семи фигур быков, ориентированных вправо. Изображения выполнены в одном стиле, но каждое животное отличается от другого оригинальным оформлением туловища (округлые пятна, квадраты или линии из чередующихся точек, и т.п.). Индивидуальность этих же быков подчеркнута и различной формой рогов (лировидная, серповидная, кольцевидная и т.д.). Рога отдельных животных сильно гипертрофированны, и надо полагать, что таким утрированным приемом, выражена их семантическая связь с небом и всем космосом. На других рисунках быков внимание художника было акцентировано на окончании хвостов. Оно представляет собой диск с короткими черточками-лучами, также явно свидетельствующий о принадлежности животного к небесной сфере. Ту же идею избранности, сакральной сущности священного животного, очевидно, передает и рисунок «клетчатого» быка. На его прямоугольном туловище можно насчитать 12 квадратов – священное число у многих азиатских народов.

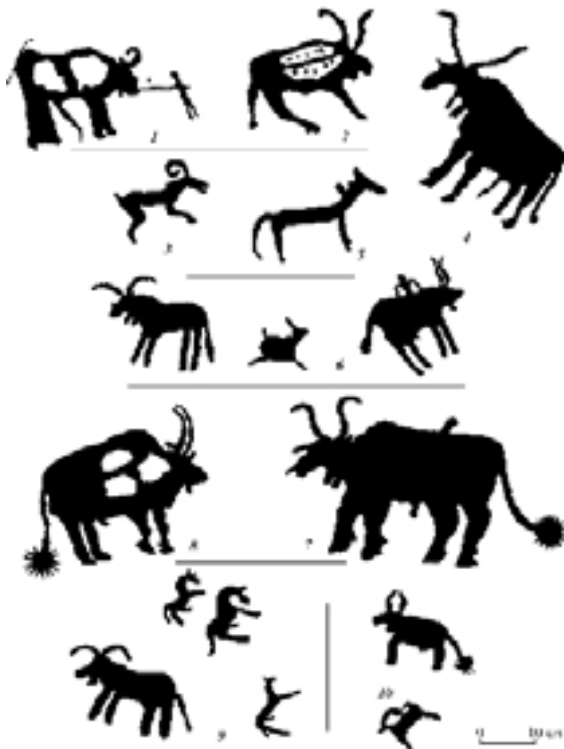

Рис. 1. Петроглифы Билуут-Толгой. Монгольский Алтай.

Возможно, локальным своеобразием памятника следует объяснить отсутствие в Билуут-Толгой изображений вьючных быков (за исключением одного эскизного рисунка), а ведь они присутствуют на многих местонахождениях петроглифов Монголии и Алтая. Тем не менее, и на данном памятнике, в редких композициях человек находится рядом с быком. В одном случае он ведет на привязи быка (см. рис.1, 1), в другом сидит на его спине (см. рис.1, 6). Есть и другие бытовые сцены с участием быков. Так, очень выразительны фигуры, противостоящих, реалистично исполненных быков, найденных в пункте Билуут-Толгой 3.

К бронзовому веку, очевидно, надо отнести рисунки лосей и оленей (маралов) с древовидными рогами. Этим же периодом датируются изображения лошадей, которые, как и другие животные, показаны в движении и ориентированы вправо. Обычно, это небольшой табун, от 3 до 8 особей, сопровождаемый волками или собаками. Отсутствие человека в таких сценах, дает основание предположить, что на рисунках отображены дикие животные. Но и среди них представляется возможным различить два типа изображений. Одни лошади достаточно реалистичны и грациозны. У них длинные ноги, длинная шея и маленькая голова. Вторые, – отличаются дру-

гой стилистикой: короткое туловище, короткие толстые ноги, короткая шея с большой головой, наклоненной вниз. Первый тип лошадей в Билуут-Толгой присутствует в контексте с изображениями быков и рисунков колесниц (ранняя и развитая бронза). Второй тип лошадей (см. рис. 1, 9), вероятно, датируется поздней бронзой (андроновская или карасукская эпоха) и в стилистическом отношении близок образу коня, воплощенному в петроглифах Казахстана [Самашев, Курманкулов, Жетыбаев, 2000, рис. 2-4]

Эпохой бронзы датируются несколько хвостатых лучников в серповидных головных уборах. Некоторые исследователи интерпретируют подобный головной убор, как прическу или нимб вокруг головы божественного героя, но две мужские фигуры из Билуут-Толгой имеют прическу в виде косы с «бантиком» или с узлом на конце, а серповидный головной убор нависает над их головами (рис. 2). Такое сочетание, опровергает первое предположение о пышной прическе антропоморфного персонажа. В том, что это головной убор убеждает еще один петроглиф. На одиночной фигуре мужчины, выбитой на небольшом валуне, обнаруженным в пойме р. Цагаан-Гол, традиционный головной убор или шлем (?) серповидной формы, подвязан ремешком под подбородком [Кубарев, 2005, табл. I, 16].

Рис. 2. Петроглифы Билуут-Толгой.
Монгольский Алтай.

Рис. 3. Петроглифы Билуут-Толгой. Монгольский Алтай.

Достаточно интересными (в плане сопоставления) являются небольшие фигурки изящных оленей: на высоких тонких ногах, с приподнятой головой и лосиными рогами. Идентичные олени, как по стилю, так и по размерам и характерной позе, известны на петроглифах Бага-Ойгура в Монголии [Кубарев, Цэвээндорж Якобсон, 2005, прил. 1, рис. 1064], на памятниках Бураты и Жалгыз-Тобе, в Российском Алтае. Непонятно только почему Л.С. Марсадов [1999, рис.1, 6, 7] определяет их, как изображения лосей.

Несколько, тщательно выбитых фигур всадников, коней и оленей, как предполагается, были созданы на аржано-майэмирском этапе древних кочевников. Изображения животных выполнены в декоративном протозверином стиле, характерном для отдельных изобразительных памятников Алтая и Тувы. Несколько «орнаментированных» изображений лошадей использованы вторично в раннесредневековый период. Так на одну лошадь весьма органично налегает фигура человека в треугольном шлеме с плюмажем, длинном халате и с копьём в руках (рис. 3). Тяжеловооруженному(?) всаднику противопоставлена миниатюрная и схематичная фигура пешего воина с копьём. Подобный сюжет несколько раз повторяется и на других петроглифах Билуут-Толгой. Фигуры воинов, как и в описанном рисунке, также выбиты поверх лошадей эпохи бронзы и раннескифского времени. Кроме таких палимпсестных рисунков тюркских воинов, на памятнике имеются изображения всадников древнетюркского периода. Они отличаются меньшими размерами рисунков, но по тщательности исполнения и проработке деталей упряжи не уступают прототипам раннескифской эпохи. Особенно впечатляют две большие фигуры всадников в пункте Билуут-Толгой 1, одна из которых в длину составляет более двух метров.

К числу редко встречаемых сюжетов на обследованном памятнике относятся колесницы (8 рисунков). Они сконцентрированы в определенном месте святилища (Билуут-Толгой 3) и выполнены сочетанием гравировки и выбивки. Одна колесница заключена в круг. Всего один рисунок верблюда обнаружен в пункте Билуут-Толгой 2. Надо сказать и о единственном изображении женщины. Распознать образ позволяет: анфасный ракурс фигуры, длинные косы до плеч и длиннополая одежда.

На скалах Билуут-Толгой нанесено несколько знаков-тамг в виде схематичной фигурки козла. Одна из них, предельно стилизованная, находит прямые аналогии в петроглифах Хар-Салаа и Бага-Ойгура [Кубарев, Цэвээндорж Якобсон, 2005, прил. 2, рис. 116, 15, 16]. Подобная тамга также известна на стенах в долинах рек Барбургазы и Кобдо [Кубарев, Якобсон, Цэвээндорж, 2000, с. 68, рис. 3а]. Другие знаки по начертанию близки тамге, вырезанной на памятной стеле, установленной в поминальном храмовом комплексе, в честь Кюль-Тегина.

Итак, приведен, далеко не полный перечень образов и сюжетов, известных на новом местонахождении, но работы по копированию рисунков в Билуут-Толгое только начинаются и их изучение, несомненно, следует продолжить в следующем полевом сезоне 2007 года.

Примечания

Кубарев В.Д. Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия». – Красноярск: РИО КГПУ им. В.И. Астафьева, 2005. – С. 172–175.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 64–77.

Марсолов Л.С. Художественные образы и идеи на великом степном пути Евразии в IX – VII вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 1999. – Том I. – С. 152–163.

Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 98–100.

МОНИТОРИНГ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

В прошедший полевой сезон 2006 года были продолжены исследования по международному проекту: «Изучение петроглифов Северо-Западной Азии и реконструкция первобытных мифологий», разработанному Ассоциацией исследователей наскального искусства Кореи (г. Сеул) и Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Главной целью, как и в предыдущие годы, являлось изучение и мониторинг петроглифов в одном из труднодоступных районов Монголии, на уникальных памятниках наскального искусства, расположенных в долинах рек Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Цагаан-Гол, Могойн-Гол, Хар-Салаа, в акватории озер Хурган-Нуур, Хотон-Нуур и Даян-Нуур (Баян-Улгэйский аймак Монголии). Параллельно основным исследованиям велись поиски, неизвестных ранее монументальных памятников древнего искусства: оленных камней и древнетюркских изваяний.

Маршрут Российско-Корейской экспедиции пролегал по высокогорной части Монгольского Алтая, в том числе по территории национального парка «Тавын-Богдо-Ула», то есть практически вдоль государственной границы с Россией и Китаем (рис.1). Длина маршрута составила более 2500 км.

У слияния рек Хар-Салаа и Цагаан-Салаа в очередной раз был предпринят мониторинг петроглифов, обнаруженных в районе горы Шивээт-Хаирхан, расположенной в 200 км от г. Баян-Улгэй. Последние исследования здесь проводились в 2004 году (Российско-Монголо-Американская экспедиция, проект «Алтай»). Сохранность рисунков на сегодняшний день оценивается как удовлетворительная. Рядом с петроглифами эпохи поздней бронзы и нередко прямо на них нанесены современные посетительские надписи. Они выполнены на русском, монгольском, и даже на плохом английском, языках. Надписи глубоко врезаны в скальную поверхность, при этом повредив некоторые уникальные рисунки. Появились они в течение последних двух лет, хотя считается, что гора Шивээт-Хаирхан находится в труднодоступной высокогорной зоне Монгольского Алтая. Подобное явление в настоящее время широко распространяется почти на все петроглифические памятники Монголии и Российского Алтая. Большая доля автографов и современной «живописи» в горах оставлена представителями местного населения. Суть явления кроется в низком образовательном уровне людей и в незнании древней истории своего края. Решение этой пробле-

Рис. 1.

мы видится в своевременной публикации, как научных материалов, так и научно-популярных статей в местных периодических изданиях. Они, несомненно, служат просветительским целям. Важную роль в этом процессе играют и местные краеведы.

У восточного подножия горы Шивээт-Хаирхан обнаружены и скопированы рисунки лошадей, предварительно датируемые эпохой бронзы (рис. 2).

На западном побережье оз. Хотон-Нуур обследовано, небольшое по площади, древнее святилище в местности Арал-Толгой. В его пределах открыто три оленных камня, один из которых вкопан головной частью в землю [Кубарев, Цэвээндорж, 2000, рис. 6, 2,3], несколько курганов эпохи бронзы и ранних кочевников с разрушенными каменными насыпями, две небольшие древнетюркские оградки и более 300 наскальных рисунков [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005]. При визуальном обследовании петроглифов, каких-то существенных

Рис. 2. Прорисовка изображений лошадей. Шивээт-Хаирхан

изменений (сохранность, рост лишайников на рисунках и т.д.) за прошедшие годы (памятник открыт в 1998 г.) не произошло.

В 34 км от Арал-Толгой, вниз по северному берегу оз. Хотон-Нуур, в местности Билуут-Толгой осмотрен петроглифический комплекс, открытый монгольским археологом Х. Эдильханом. Первые сведения об этом новом местонахождении наскальных рисунков были опубликованы в 2004 г., в лаконичном сообщении об исследованиях Монголо-Американско-Казахской экспедиции [Kortum et al., 2005]. Петроглифы Билуут-Толгой отличаются компактным расположением и локальным своеобразием, несмотря на сходство отдельных сцен и сюжетов, известных на других местонахождениях петроглифов Монгольского Алтая. Работы по копированию рисунков в этом новом пункте только начинаются и их изучение, несомненно, следует продолжить в следующем полевом сезоне. Таким образом, на карту археологических памятников Республики Монголия можно нанести ещё один, несомненно, ценный для исторической науки комплекс наскального искусства.

В исследованиях на Монгольском Алтае особое внимание уделялось картографированию памятников, определению или уточнению координат наиболее интересных, в научном плане, местонахождений наскальных изображений. Эти работы осуществлялись при помощи спутниковых навигационных приборов. Продолжено копирование петроглифов с применением различных методов фиксации. В общей сложности снято несколько десятков эстампажей отдельных сюжетов, в том числе одна крупная композиция (рис. 2). Использование цифровых фотоаппаратов и видеокамер позволило за короткий срок обработать и систематизировать большое число древних рисунков. Таким образом, существенно дополнен уже существующий фонд образцов древнего наскального искусства Монгольского Алтая, необходимый для дальнейшего изучения и планируемых публикаций. Результаты полевых работ 2006 года планируется опубликовать в коллективной монографии. Издание будет осуществлено в Южной Корее, в течение 2007-2008 гг. Таковы, вкратце, итоги работ международной экспедиции по изучению наскальных изображений Монгольского Алтая.

Примечания

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 48–56.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал толгойн. Монголия). – Улаанбаатар: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хурээлэн (Институт археологии Монгольской Академии наук), 2005. – 204 с.

Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan, Gambrell J. Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii ainag, Mongolia: Biluut 1, 2 and 3. // International Newsletter on Rock Art (INORA). – 2005. – No. 41. – P. 7 – 14.

КАРАКОЛ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ АЛТАЯ

В 1992 г. на территории средней школы с. Каракол (Онгудайский район республики Алтай) хозяйственными работами было разрушено одиночное погребение в каменном ящике. Оно находилось в 10–15 м, на юго-запад от ранее раскопанного афанасьевского кургана с тремя впускными погребениями эпохи бронзы*. В том же году сотрудники ГАНИИИЯЛ доследовали памятник и вывезли отдельные плиты с рисунками в г. Горно-Алтайск.

Судя по дневниковым записям, сделанным А.С. Суразаковым при проведении охранных работ, полностью сохранился только юго-западный угол склепа. Он представлял собой две вертикально поставленных плиты (впритык, под углом 90°), перекрытых на древней поверхности несколькими поперечно уложенными плитами. Возможно, эта часть гробницы была головной. На западной (торцевой) плите просматривались две человеческих фигуры, обведенных по контуру красной охрой. По верхней части этой же плиты была нанесена широкая горизонтальная полоса, выполненная краской того же красного цвета. В разрушенной могиле положение *in situ* также сохранила южная плита. На ней обнаружены гравированные «солнцеголовые» существа, которые располагались головой вниз. Ещё одна плита от северной стенки склепа лежала на дне могильной ямы. Её место четко устанавливается по характерному следу, оставшемуся в стенке могильной ямы. Вокруг траншеи, проложенной рабочими по восточной части погребения, были разбросаны обломки других плит от склепа.

По этим, достаточно скудным данным, представляется возможным восстановить некоторые детали погребальной конструкции и представить сам процесс захоронения. Итак, для умершего человека была вырыта могильная яма, глубиной 105 см и шириной 125 см. Длина ямы не устанавливается. На дне ямы был сооружен каменный ящик из тщательно отгесанных плит. Они установлены в вертикальном положении таким образом, чтобы верхние края плит находились на одном уровне с древней поверхностью земли. Внутренние стенки ящика, очевидно, полностью были покрыты гравированными рисунками и красочными росписями, большая часть которых утрачена при строительных работах и транспортировке плит в Горно-Алтайск. В гробнице был погребен человек, от которого сохранился только

* см. В.Д. Кубарев. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988, с. 9, рис. 3.

череп, тазовые кости, крестец и одна бедренная кость. Его положение и ориентация головой не устанавливаются. Очевидно, уже в процессе захоронения гробница была перекрыта толстым слоем бересты, придавленным сверху двойным плитовым настилом. Северная часть могильной ямы была дополнительно перекрыта слоем горизонтально уложенных плит, опиравшихся одним концом на плиты перекрытия каменного ящика с погребением, другим концом на древнюю материковую поверхность земли.

В погребении найден каменный сосуд баночной формы, с яйцевидным туловом и уплощенным дном (рис. 1). Его параметры: высота 21-22 см., диаметр средней части тулова 16 см., диаметр горла 12 см. Толщина стенок варьирует в пределах 0,5-1,3 см. Сосуд до помещения его в каменный ящик имел в тулове вертикальную трещину. Он был отремонтирован путем сверления стенок и заливки расплавленной бронзой двух отверстий, с перемычкой между ними. В результате получилась достаточно прочная скоба, которая почти устранила трещину в сосуде. Каменный сосуд в погребениях каракольской культуры найден впервые. Он позволяет синхронизировать каменные сосуды, найденные в погребениях эпохи бронзы из Аймырлыга в Туве [Стамбульник, Чугунов, 2006, с. 302] с единственным каменным сосудом в предгорно-степной зоне Алтая [Кирюшин, 2002, рис. 132-136]. Сходен и обычай, – ставить в могилы, отремонтированные каменные сосуды, отслужившие свой срок. Совпадает и технология ремонта: заливка расплавленным цветным металлом отверстий и стягивание трещин на каменных сосудах.

Рис. 1. Каменный сосуд из разрушенного погребения в с. Каракол. Алтай.

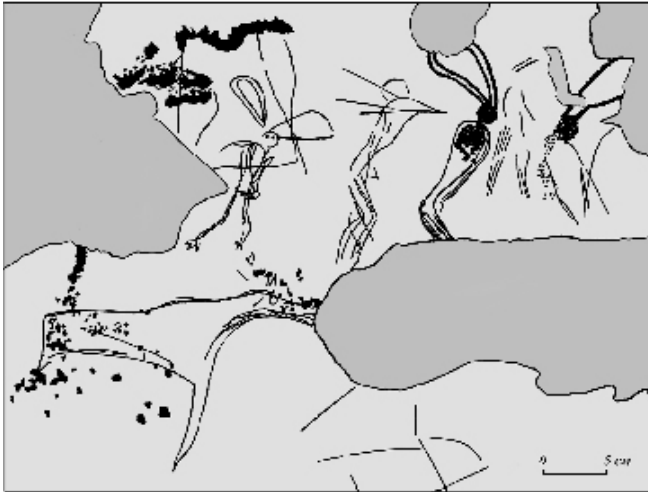

Рис.2. Фрагмент плиты с гравированными рисунками.
Каракол. Алтай

Наличие гравированных рисунков (рис. 2) и росписей красной охрой на стенках разрушенной гробницы в селе Каракол, а также вышеописанные, характерные черты погребального обряда, свидетельствуют о принадлежности захоронения носителям каракольской культуры Алтая.

Примечания

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 – 294 с.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – Спб: Изд-во Спб. ун-та, 2006. – С. 292–302.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДОК В УСТЬЕ ЧАГАНУЗУНА (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

В полевом сезоне 2006 года Чуйский и Дендрохронологический отряды Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН проводили совместные археологические работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Главным объектом исследования стали поминальные сооружения древних тюрков в местности Кызыл-Шин, находящейся в 2,5 км вверх по течению р. Чаганузун от одноимённого села, на левом берегу.

Данный погребально-поминальный комплекс уже почти 30 лет назад привлек внимание археологов, которые, однако, ограничились публикацией одного каменного изваяния [Елин, Зиняков, 1977, с. 202–203; Кубарев В.Д., 1984, с. 133, табл. XXI, изв. 126]. В прошлом году Чуйским отрядом были картографированы все археологические памятники в урочище Кызыл-Шин и исследована одна древнетюркская ограда под № 1. В её центре находился высокий лиственничный ствол [Кубарев Г.В., 2005, рис. 3,4].

В полевом сезоне 2006 года исследования оградок были продолжены. Для раскопок было выбрано пять древнетюркских оградок, которые получили следующие номера: 5,6,9,12,18. Три оградки (№ 5,6,18) ещё до начала раскопок имели вкопанные в центре лиственничные стволы и именно поэтому были выбраны для исследования. Ещё два поминальных сооружения (№ 9 и 12) находились в одной цепочке с двумя разрушенными, по-видимому, грабительскими раскопками, древнетюркскими оградками. Изучение этих оградок диктовалось требованием проведения охранных раскопок.

Исследованные оградки дополняют корпус поминальных памятников древних тюрков Алтая. Они принадлежат к наиболее распространенному типу оградок – яконурскому [Кубарев В.Д., 1984, с. 50]. Убеждает в этом их параметры (длина сторон от 2,7 до 3,6 м) и наличие в центре ям с лиственничным столбом. Оградки также объединяют в одну группу традиционные и характерные особенности поминального обряда алтайских тюрков. Например, наличие в западной части многих оградок, жертвенных ящичков, сложенных из деревянных дощечек или сланцевых плиток. Так, в жертвенной ямке оградки № 9 были обнаружены большое (длина 37 см) деревянное блюдо на четырех ножках, а также деревянное блюдо-лоток (длина 50 см).

Однако наиболее интересные находки были сделаны при исследовании оградки № 5. Приведем описание этого поминального сооружения.

Кызыл-Шин. Оградка № 5.

Оградка представляла собой сильно задернованное сооружение, сложенное из вертикально установленных плит и заполнения из мелких галек и рваного камня. Как выяснилось в результате его зачистки, нижний ярус кладки был сложен из массивных камней, а сверху заложен мелкими камнями и гальками. Углами оградка ориентирована по сторонам света. Сооружение далеко от классической квадратной или прямоугольной формы, т.к. длина его сторон заметно варьирует. Если северо-западная, юго-западная и северо-восточная стенки оградки почти одинаковы по длине (270–290 см), то длина юго-восточной стенки составляла 322 см. Высота насыпи оградки 20–30 см.

В центре этого сооружения возвышался лиственничный ствол, диаметр которого в нижней части составлял 30 см, а высота от современной поверхности достигала 64 см. В верхней части ствол дерева(?) был обрублен и расщеплен. Вплотную к юго-восточной стенке вкопана сланцевая плита-стела, замещающая изваяние. Её размеры: 37 x 18 x 7 см. Несомненно, что её верхняя часть сколота и первоначально была значительно выше.

Необходимо отметить, что данная оградка сохранилась лучше всех остальных в Кызыл-Шине и лишь некоторые камни, преимущественно мелкие, были выброшены из её заполнения. Наибольшие разрушения оградки прослежены у юго-восточной стенки, – рядом со стелой-изваянием. Здесь, за пределы плит ограждения выброшено несколько крупных камней и мелкая галька. В результате расчистки оградки от земли и дерна, выяснилось, что одна плита стенки отсутствовала, а другая была разбита. Удивляет то, что остальные плиты оградки, несмотря на тяжесть каменного заполнения, сохранились в первоначальном вертикальном положении. Тем более, что эти плиты тонкие и тщательно обработанные. Юго-западная стенка была сооружена из трех плит (длина 96, 92 и 88 см). Северо-западная стенка насчитывала четыре плиты (длина 138, 54, 42 и 100 см). При этом, одна небольшая плита прикрывала стык между двумя другими плитами. Наконец, северо-восточная стенка также состояла из четырех плит (длина 36, 76, 66 и 76 см). Длина сохранившейся плиты из юго-восточной стенки достигала 104 см.

После зачистки и разборки насыпи оградки, в 20 см на запад от лиственничного столба зафиксирован массивный камень размерами 64 x 45 x x 23 см. После его снятия, в 30 см от лиственничного ствола обозначилась жертвенная ямка размерами 56 x 36 см, из которой наружу выступали мелкие камни (рис. 1). Таким образом, камень служил перекрытием ямки. После выборки земляного заполнения и мелких галек, на глубине 20 см от уровня древней поверхности был расчищен настил из четырех сланцевых плиток. Под ним оказалась небольшая камера, в которую почти не проникла земля. Сланцевые плитки перекрытия опирались на три деревянные стенки небольшого ящичка. Он имел одну торцевую и две продольных стенки, которые образовывали подобие треугольника. Размеры деревянно-

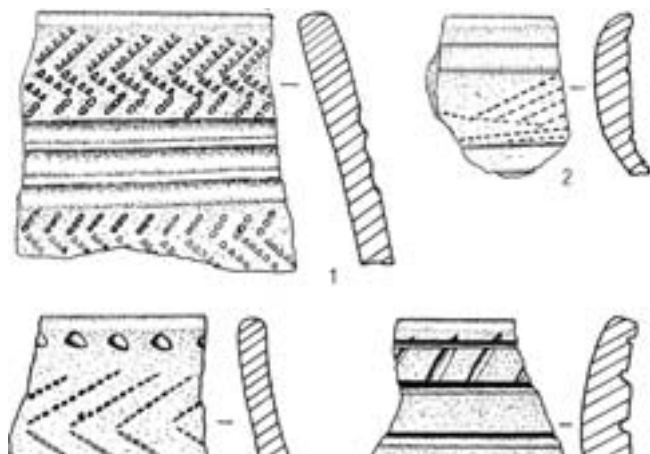

Рис. 1. Вид на оградку № 5 с выбранным заполнением и возвышающимся в центре лиственничным стволом в местности Кызыл-Шин.

го ящичка: 49 x 23-12 x 13 см. Деревянные дощечки отличаются прекрасной сохранностью. На них различимы следы обработки ножом и следы краски красного цвета.

В этом жертвеннике находилось достаточно массивное деревянное блюдо-лоток на ножках (размеры: 28,5 x 10 см), окрашенная красной краской деревянная палочка с утолщением и «наконечником» на концах (длина – 20,7 см, диаметр – 0,8-0,9 см). Не исключено, что это заколка для волос. В углу ящичка на блюде располагался миниатюрный деревянный сосудик в виде кувшина с ручкой (рис. 2). Его высота составляет 10,5 см, максимальный диаметр тулова – 6 см. Сосудик является вотивным изделием, т.к. он внутри не полый. Здесь же в блюде найдены крестцовые позвонки барана, а более мелкие косточки за его пределами. Эти позвонки свидетельствуют о том, что на блюдо была уложена наиболее почетная и вкусная, в понимании кочевников, часть барана – курдюк. В блюде также прослежены остатки хитиновых (?) оболочек от личинок червей, питавшихся мясом, и высохший, мумифицированный шмель.

К деревянному блюду «прикипел» фрагмент грубой домотканой ткани. Вдоль стенок ящичка также прослежен тлен от ткани или войлока. При дальнейшем углублении были найдены спекшиеся в два ряда панцирные пластины (размер фрагмента 11 x 5 см), небольшой железный нож и обломок железного насада стрелы. Глубина жертвенной ямки составила 31 см. Сохранность предметов из дерева объясняется наличием небольшой воздушной камеры. В верхней своей части предметы сохранились наиболее хорошо, в нижней – в месте контакта с землей – они значительно худшей сохранности. Несомненно, что сохранности дерева способствовала и сухая глинистая почва.

Лиственничный ствол возвышался над уровнем древней поверхности на 96 см. Верхняя, наземная его часть сохранилась отлично, средний,

закопанный в землю участок несколько худшей сохранности, тогда как низ ствола почти сгнил. Диаметр ямы, в которую был вкопан лиственничный ствол, составлял 40–45 см. Ствол был вкопан примерно на глубину 50 см и слегка забутован. Его общая высота составила 147 см.

Вдоль юго-западной стенки, за пределами оградки и на уровне древней поверхности была плашмя уложена массивная плита (размеры: 60 x 40 x 12 см). После снятия плиты под ней были зачищены несколько перекрещивающихся деревянных плашек.

Древнетюркские оградки в местности Кызыл-Шин привлекли наше внимание, прежде всего, возвышавшимися в центре лиственничными стволами. Благодаря сухому и холодному климату Чуйской котловины и прилегающих к ней долин стволы лиственниц более тысячи лет простояли вкопанными в центре оградок и при этом прекрасно сохранились. Как показали раскопки оградок, лиственничные стволы были вкопаны на значительную глубину и для устойчивости забутованы камнями. Это свидетельствует о том, что первоначально здесь были вкопаны высокие столбы, а возможно и деревья. Лишь позднее они были обрублены и стёсаны. Вывод о том, что в центре многих древнетюркских оградок вкапывались деревья, символизовавшие мировое или шаманское дерево, представляется нам более вероятным [Кубарев В.Д., 1984, с. 70–71; Войтов, 1996, с. 115–116].

Обнаруженная в оградках Кызыл-Шина деревянная посуда и некоторые другие предметы являются уникальными для погребально-поминальных древнетюркских памятников Алтая и сопредельных регионов. Следует отметить высокую степень сохранности и, как следствие этого, информативности этих материалов. И хотя остатки деревянной посуды не так уж редко фиксируются в древнетюркских погребениях и поминальных оградках [Кубарев Г.В., 2005, с. 67], целые экземпляры подобной посуды единичны. Хоро-

Рис. 2. Миниатюрный вотивный сосуд из дерева. Урочище Кызыл-Шин, оградка № 5.

шо сохранившиеся деревянные блюда на ножках и функционально близкие к ним лотки (с крышкой) найдены в некоторых древнетюркских памятниках Алтая (Табажек, поминальная ограда [Захаров, 1926, рис. 1, 3], Юстыд XII, курган 29 [Кубарев Г.В., 2005, с. 67, табл. 36, 1, 2], Чатыр, погребение [Худяков, Кочев, 1997, рис. III, 2]) и Тувы (Кокэль-2, -13, -23 [Вайнштейн, 1966, табл. I, 6; табл. IV, 8; табл. VII, 14]). Несомненно, такие находки значительно расширяют наши представления о собственно бытовой утвари, а также об её роли в погребально-поминальной обрядности древних тюрков.

Значение исследованных оградок в местности Кызыл-Шин с позиций датирования памятников определяется наличием и хорошей сохранностью листовидных стволов. В закопанной части они сохранились на всю первоначальную толщину, что позволит максимально точно зафиксировать год рубки деревьев. Взаимодополняющие друг друга радиоуглеродный и дендрохронологический методы позволят получить абсолютную дату сооружения этих археологических памятников. Учитывая, что существующая древесно-кольцевая хронология по древесине Алтая, полученная в Институте леса СО РАН [Овчинников, 2002], доведена сейчас от конца XX до середины VIII в. и имеет перспективу дальнейшего углубления, появляется наконец реальная возможность связать плавающие археологические дендрощкалы с абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологией, что поднимает качество датирования памятников на совершенно новый уровень.

Примечания

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. – 1966. – Т. II. – С. 292–348.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. Музей Востока, 1996. – 151 с.

Елин В.Н., Зиняков Н.М. Разведочные работы в Горном Алтае // АО 1976 г. – М., 1977. – С. 202–203.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири (раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.) // ТГИМ. – 1926. – Вып. I. – С. 71–107.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI. Часть I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – С. 368–374.

Овчинников Д.В. Реконструкция изменений климата гор Алтая дендрохронологическими методами: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Иркутск, 2002. – 18 с.

Худяков Ю.С., Кочев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 10–18.

**ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ
МОГИЛЬНИКА КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ)***

Могильник Курма XI находится в 310 км к СВВ от г. Иркутска и в 0,5 км к СВ от с. Курма Ольхонского района Иркутской области, на СЗ побережье Малого моря оз. Байкал. Комплексные раскопки древнего некрополя, проведенные Российско-Канадской археологической экспедицией в 2002-2003 гг., позволили получить богатый информативный материал по материальной и духовной культуре населения бронзового века Прибайкалья [Горюнова, Вебер, 2002]. Цель предлагаемого исследования – определение назначения вещи в системе погребального обряда. Для этого определено функциональное использование вещей в быту или процессе погребального обряда; выделены функциональные группы и их систематизация в погребениях.

Исследовано 325 каменных изделий из 20 погребений, содержащих сопроводительный инвентарь (всего вскрыто 27 могил). В их составе: украшения, орудия, продукты расщепления. Костяные вещи, несмотря на свою выразительность, оказались трасологически не определимы, поскольку структура кости подверглась разрушениям и изменениям. Изучение предметов проводилось на основе методики комплексного трасологического анализа, разработанной школой С.А. Семёнова ИИМК РАН с привлечением данных экспериментального моделирования [Семёнов, 1957; 1963; Kogobkova, 1999; Kungurova, 2005]. Метод исследования основывается на выявлении комплекса микро – и макро – признаков повреждений, образовавшихся на предметах в результате любых операций: прижизненном бытовом использовании и применении в ритуальных целях.

Сопроводительный инвентарь каждого погребения разнообразен по функциональному назначению, и не везде возможно уловить определённый смысл, закономерность в его составе. В некоторых погребениях помещены группы предметов одного назначения. Из всего состава исследованных погребений 11 могил (№ 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 19, 26) содержали наибольшее число находок из камня. Нами выделено 14 функциональных типов, среди которых самыми крупными по численности являются отще-

* Работа выполнена при поддержке грантов: Совета общественных наук и гуманитарных исследований Канады № 421-2000-1000; РГНФ № 04-01-0048а; РФФИ-Байкал № 05-06-97208.

пы без использования (31 %), оружие (35,7 %) – в основном наконечники стрел, и скорняжные инструменты (20,4 %).

Скорняжные инструменты

Скребки для обработки кожи – занимают одно из ведущих мест среди всего инвентаря погребений. Они хорошо сработаны в быту. Даже при увеличении в 28 крат легко распознавались признаки их использования: профильная скруглённость кромки, её заполированность, тонкие поперечные царапины как следствие проскабливания жёсткой поверхности кожи с остатками мездры. Скребками работали задолго до их помещения в могилу. Скопления скребков находились в погребениях № 3 (9 экз.), № 12 (5 экз.), № 26 (4 экз.). Основная часть скребков – типологически однородные образцы концевго типа. Определённую группу составляли скребки с прямыми смежными сторонами и угловыми переходами. Единичны скрёбла из сланцевых плиток (2 экз.).

Проколки (7 экз.) – все были использованы в быту. Распространены проколки с миниатюрными остриями. На рабочем конце заметны надломы, выщерблины (микрофасетки), у нескольких образцов кончики острий отломаны. Проколки сделаны из пластин. Две проколки совмещены со скребками (№ 3, 16); их рабочие лезвия размещены полярно. Миниатюрные проколки использованы для прокалывания отверстий в тонкой коже и, возможно, бересте.

Оружие представлено 56 наконечниками стрел и двумя вкладышами составного проникающего оружия. Наконечники либо отсутствовали в погребениях, либо лежали скоплениями в погребениях № 4 – 14 экз., № 7 – 20 экз., № 9 – 6 экз., № 10 – 14 экз., № 1 – 2 экз. Практически все наконечники не использовались по прямому назначению (при стрельбе – попадании). Всего один наконечник (погребение № 4) был повреждён в результате столкновения с твёрдым материалом и имел следы изломов. Часть наконечников выполнены как уменьшенные или искажённые формы. Выявляется закономерность, смысл которой – изготовление наконечников специально в целях помещения в погребения.

Проформы занимали до половины всего состава наконечников. В подработке проформ наконечников следует отметить неаккуратную ретушь и подшлифовку.

Инструменты для обработки дерева

Представлены: скобелями, инструментами для рубки и долбления, затёсывания. В качестве скобелей фигурируют только два инструмента – крупный разбитый струг – рубанок из кварцита и микроскобель из отщепа с первичными признаками использования.

Топорики (3 экз.) и долота-тёсла (4 экз.), изготовленные из нефрита, найдены в погребениях № 3, 4, 12, 13, 26. Эти орудия долгое время использовались в работе до того, как их положили в погребения. На их рабочих поверхностях видны царапины, распространённые участками, пучками. Их распространение и плотность зависит от контакта с деревянной по-

верхностью. Однако, следует отметить, что на большинстве инструментов на одной или двух сторонах была нанесена полоса шлифовки, которая сняла следы сработанности по краю инструментов. Два инструмента – топорик и тесло из погребения № 13 тщательно подготовлены шлифовкой, но никогда не использовались в быту. Таким образом, нефритовые топорики и тесла, помещённые в захоронения, частично использовались в быту и были подновлены шлифовкой, часть сделана внове и никогда не использовалась.

Скобели для обработки кости изготовлены из пластин и оформлены притупляющей ретушью, имеют изогнутую конфигурацию. Выявлены микроскобели на участках отщепов.

Инструменты для разделки мяса

В их числе 6 листовидных ножей, вкладыш и нож из пластины. Износ, характерный для использования ножей при разделке мяса, присутствует только на двух орудиях: ноже из пластины и одном ноже листовидной формы. По микротехнологическим и первичным признакам использования рабочие края прослеживаются и на остальных ножах. По микропризнакам технологического порядка у всех ножей выделяется рукояточная (черешковая) часть. Признаки использования листовидных ножей в быту трасологически не прослеживаются. Отмечены микроповреждения кромки лезвий от кратковременных операций формализованного (не бытового) характера перед актом захоронения.

В погребениях находились также вкладыши составных ножей для разделки мяса. Признаки длительного использования наблюдаются на пластине – вкладыше из погребения № 19. Пластина ретушью не обработана.

В погребении № 10 находился маленький нефритовый нож. Он шлифован, но никогда не использовался в работе.

Абразива

В коллекции два абразива из сланца (№ 13) и один абразив из узкой гальки-стержня длиной 14 см (№ 12). На последнем изделии линейные следы направлены вдоль оси и поперёк ее. Посередине имеется вогнутый участок от истирания. Абразива использовались для подправки и доводки поверхностей. Они могли использоваться как для шлифовки каменных предметов с широкой поверхностью, так и металлических изделий.

В погребения были положены заготовки инструментов – 7 экземпляров (4,7 %). Это отщепы с ретушью без использования, из них – 2 изделия из сланцевых плиток с прямым рабочим краем. Часто в погребениях находятся отщепы и апплицирующиеся сколы (№ 3), которые располагались индивидуально или в виде скоплений. Отщепы в быту не использовались.

Таким образом, на основании бинокулярного исследования каменных изделий, найденных в погребениях Курмы XI, удалось выделить ведущие функциональные группы: скорняжные инструменты (в основном скребки концевой типа), деревообрабатывающие инструменты и наконечники стрел. Коллекция каменных изделий несёт в себе информацию, важную

для понимания места сопроводительного инвентаря в практике захоронения. К обрядовым признакам относится помещение в погребения не использованных в быту инструментов и их проформ, по своему значению важных в жизненных функциях человека. Под проформами понимаются вещи сделанные по образцам, возможно, с техническими искажениями (вотивные формы – уменьшенные или искажённые копии; предметы с признаками кратковременного использования непромышленного порядка; отщепы без следов использования и подработки, в том числе, из породы не пригодной для использования в качестве орудий). Отмечается распространение традиции изготовления для погребений копий, проформ, обновления использованных вещей. Вероятно, скребки и абразива попадают в особую категорию инструментов, предпочитаемую в отработанном «при жизни» состоянии. Любопытен факт помещения в некоторые погребения скопления инструментов одной категории, использованных в быту и формализованных.

В особую смысловую категорию выделяются обновлённые вещи. Это относится в первую очередь к топорикам – теслам из нефрита. Инструменты либо обновлены шлифовкой рабочего края, либо это «новые» никогда не использовавшиеся в работе. Общая позиция, сохранённая в вещественном материале, заключает в себе смысл восприятия «перехода» как системы обновления.

Примечания

Горюнова О.И., Вебер А.В. Раскопки Российско–Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 80. – С. 291–294.

Семёнов С.А. Первобытная техника: (Опыт изучения древних орудий и изделий по следам работы) // МИА. – 1957. – № 54. – 240 с.

Семенов С.А. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. – М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – С. 191–214.

Korobkova G.F. Narzedzia w pradziejach: Podstawy badania funkcji metoda traseologiczna. – Torun: Wydaw. Uniw. Mikołaja Kopernika, 1999. – 168 с.

Kungurova N.U. Identifications of use and deliberate damage of grave goods from Altay Neolithic burials // Prehistoric technology. 40 years later: functional studies and the Russian legacy. – Verona: Museo civico di storia naturale di Verona, 2005. – P. 85–86.

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТАРАННЫХ КОСТЕЙ И ВТОРЫХ ФАЛАНГ КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ С ПАМЯТНИКА ЧИЧА-1

Памятник Чича-1 расположен в Здвинском районе Новосибирской области на берегу озера Малая Чича и представляет собой городище переходного от бронзы к железу времени. Согласно мнениям исследователей, городище являлось местом, где смешивались различные этнокультурные традиции, сходились торговые и транспортные артерии того времени [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 288].

Условно, территорию памятника можно разделить на две пространственные части:

1) «цитадель» – первоначально связана с местными племенами, так называемым позднеирменским населением. Основу их экономического уклада в позднеирменское время составляли охота и рыболовство, скотоводство играло второстепенную роль [Там же, с.284-285]. В переходное время и ранний железный век заметно влияние культур второй пространственной зоны.

2) «периферия» – заселение и постройка происходили «при доминировании пришлого населения из южных степных районов» [Там же, с. 288]: представителей сузгунской и красноозерской культур в переходном времени и саргатской – в раннем железном веке. В новых обществах экономической основой являлось производящее хозяйство (разведение лошади, коровы).

В ряде производств городища следует выделить развитое для своего времени косторезное производство. В пользу его наличия свидетельствуют многочисленные находки на территории памятника не только разнообразных костяных изделий, но также заготовок, сырья и отходов производства (всего 537 экземпляров). Из кости обычно изготавливались орудия труда, предметы вооружения, украшения, предметы искусства и быта.

Интересными нам представляются изделия, из блока таранной кости (астрагалы) и второй фаланги крупных парнокопытных животных (бабки) (названия «бабки» и «астрагалы» заимствованы из монографии А. П. Бородовского и традиционно используются в археологии [Бородовский, 1997, с. 45]).

Распределение находок по площади памятника неравномерно. Большая часть располагалась на территории цитадели (20 астрагалов и 20 «бабок»), на периферии обнаружено всего 4 экземпляра (блок таранной кости).

По нашему мнению такая концентрация артефактов связана с тем, что, *во-первых*, постройки «цитадели» сосуществовали с «периферией» (т. е. являются наиболее древними на памятнике) и *во-вторых*, цитадель скорее всего выступала в качестве экономического центра.

Отсюда следует, что цитадель включает в себя строения и объекты, относящиеся ко всему возможному хронологическому спектру памятника. В связи с этим нам представляется интересным идентифицировать принадлежность указанных находок к указанным этапам существования городища на основе их стратиграфического положения или связи с датированными объектами (разумеется, данная идентификация весьма приблизительна). Соответствующие статистические данные указаны в таблицах I, II (знаком «?» обозначены объекты, датировка которых вызывает затруднения, предметы коллекции дифференцируются в соответствии со следами обработки).

На основании данных, приведенных в таблицах можно утверждать, что изделия из блока таранной кости использовались на протяжении всего существования городища и были достаточно широко распространены; изделия из второй фаланги лошади также часто встречаются на памятнике, однако появляются несколько позднее, вместе с пришлым населением (у которого производящее хозяйство преобладало).

Подобные изделия отмечены среди предметов быта в различных культурах. Так в Барабе, находки астрагалов зафиксированы на памятниках ирмен-

Таблица I. Хронология изделий из блока таранной кости по археологическим культурам, присутствующим на памятнике.

	Цитадель			Периферия (?)
	Позднеирменская культура	Позднеирменская культура + иные культурные компоненты	Саргатская	
Блок таранной кости (всего 24 экземпляра)				
орнаментированный фрагмент				1 (18 раскоп)
астрагал со сквозным отверстием	2 (6 раскоп)	5 (1, 13, 17 раскоп)		2 (10 раскоп, пашня \ 1 раскоп, слой 2)
астрагал, заглажен (сточен) с одной стороны	1 (6 раскоп)	3 (8,13, 7 раскоп)		
заглажен (сточен) с двух сторон	1 (16 раскоп)	2(8,17 раскоп)		
заглажен со всех сторон (обкатан)				1 (18 раскоп)
необработанный фрагмент	1 (16 раскоп)			
необработан			1 (11 раскоп)	

Таблица II. Хронология изделий из второй фаланги лошади, по археологическим культурам, присутствующим на памятнике.

	Цитадель		
	Позднеирменская культура	Позднеирменская культура + иные культурные компоненты	Саргатская
Вторая фаланга лошади (всего 20 экземпляров)			
сработанность с одной стороны		13 (7, 2, 8, 13 раскоп)	
сработанность с двух сторон			1 (11 раскоп)
заготовка			1 (11 раскоп)
необработана		4 (12, 13, 17 раскоп)	1 (11 раскоп)

ской [Матвеев, 1993, с. 159, 173, 175], [Молодин, 1985, с. 129], андроновской [Молодин, Софейков, Дейч и др., 2003, с. 445], [Молодин, 1985, с. 104], кротовской [Молодин, Софейков, Дейч и др., 2003, с. 443], [Молодин, 1985, с. 56] и других культур. Так же находки астрагалов упоминаются в отчетах о проведении исследований на памятниках окуневской [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 148] и елунинской [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 95-97] культур. Астрагалы часто встречаются в подростковых погребениях, располагаются скоплениями, иногда на них наносился орнамент [Молодин, Ефремова, 1998, с. 301] или краска [Молодин, 1985, с. 56]. В ряде случаев «эти предметы дополнительно обточены и пришлифованы... имеют просверленные отверстия» [Там же, с. 56]. Надо сказать, что астрагалы использовались в том или ином качестве по всему миру, с древнейших времен [Петерс, 1986, с. 78] до наших дней [Кислов, Кудряшов, 2005] (главным образом в обществах, где определенную роль играли скотоводство или охота).

Вторая фаланга лошади встречается реже (по крайней мере, в нерасчлененном виде) и зачастую причисляется к игральным принадлежностям [Молодин, Парцингер, Гаркуша, и др., 2001, с. 91]. Скорее всего, подобное мнение сформировалось по аналогии с астрагалами, интерпретируемыми, по большей части как «игральные кости». Данная интерпретация, на наш взгляд, правдоподобна и обоснована.

На памятнике Чича-1 зафиксированы все отмеченные исследователями следы на астрагалах. Подобное разнообразие укладывается в концепцию «игры в бабки», описанную Б. Г. Петерсом: подточенные грани требовались «для более надежного их примыкания при падении на обработанную поверхность», раскраска и орнамент, использовались для обозначения «цены» альчика или его стороны [Петерс, 1986, с.81]. Просверленные отверстия предназначались либо для утяжеления (вплавление металла – практикуется и в современности [Кислов, Кудряшов, 2005]), либо для нанизывания на веревку (наряду с возможными способами ношения – в мешочках и сетках) [Петерс, 1986, с. 82, 83].

Другие точки зрения на функциональную сторону астрагалов не исключают вышеуказанных. Некоторые авторы «считают подобные кости амулетами, культовыми предметами, а изображения на них родоплеменными тамгами» [Кiryушин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 95]. Астрагалы, возможно, использовались при гаданиях [Петерс, 1986, с. 80]. Сакрализацию астрагала также можно связать с игрой, а точнее «мгновенно приходящей возможностью выигрыша», и расценивать его в качестве символа везения или удачи, и далее, «амулетом счастья... оберегом, отвращающим дурной глаз» [Там же, с. 81].

Актуальными, нам представляются результаты трасологических исследований, позволяющие говорить о использовании астрагалов «для доводки поверхности отлитых бронзовых изделий» (выравнивание и затирание поверхности) [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306], [Кiryушин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 95].

В ходе визуального исследования рассматриваемых изделий из коллекции памятника Чича – 1 было установлено, что они применялись в качестве лощила [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 289]. Естественная форма вторых фаланг удобна для использования их при шлифовке: одна сторона кости имеет уплощенную форму, другая – естественные выемки, которые могут выступать в качестве «рукоятки». Сработанность с плоской стороны на костях характерна для указанного вида работ (возможно, с их помощью осуществлялась доводка бронзовых изделий, как и в случае с астрагалами).

Также, очевидно, что вторая фаланга использовалась в качестве сырья для дальнейшей обработки. Об этом говорит наличие необработанных экземпляров и характерной заготовки – расщепленной повдоль кости.

На основе приведенных фактов можно сделать следующее предположение. Если астрагалы и бабки использовались, в первую очередь, в качестве игровых средств, то возможно их обработка была вызвана интересами, обусловленными игрой.

Это справедливо относительно астрагалов, т. к. игровое назначение изделий из вторых фаланг легко оспорить.

С другой стороны, вторые фаланги предположительно использовались в качестве абразивов, а назначение астрагалов могло включать в себе как игровой аспект, так и функции «доводки бронзовых (а возможно и других) изделий». Исходя из данных в таблице II можно заключить, что использование вторых фаланг приходилось как раз на период развития производств на памятнике.

Данный вопрос помогут разрешить дальнейшие трасологические исследования.

Примечания

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1997.

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники Окуневской культуры. – Ленинград: «Наука» ленинградское отделение, 1980.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Вызов-1). – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003.

Кислов Д., Кудряшов А Вымирающие игры ушедшего детства. Часть II: Игральные кости – асик, ашички, альчики // http://stratum.ant.md /stratum%20plus/articles/klein/klein_97_1.htm – М., 2005.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: изд-во Новосиб. Ун-та, 1993.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: «Наука», 1985.

В. И. Молодин, И. С. Ефремова Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы годовой сессии Института АиЭ СО РАН, декабрь 1998 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 300-309

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А. К., Дядьков П. Г. Чича – городище переходного от бронзы к Железу времени в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири Выпуск 2. – Новосибирск: издательство ИАЭТ СО РАН, 2004.

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А. К., Дядьков П. Г. Чича – городище переходного от бронзы к Железу времени в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири Выпуск 1. – Новосибирск: издательство ИАЭТ СО РАН, 2001.

Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Таргас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I. – С. 441-446.

Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: «Наука», 1986.

*В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, Г.С. Шептунов,
В.Н. Комиссаров, Г.Ф. Серкин*

ПЕРВЫЙ СУНДУК: ПРОТОХРАМ ЗАХОДА СОЛНЦА В ДНИ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

(к проблеме выявления календарно-астрономических знаний и сюжетов астральной мифологии жречества окуневской культуры)

Вводные замечания и постановка проблемы. Восприятие «вознесенных до Неба» возвышенностей творениями сил Природы и всемогущих богов восходит к эпохе палеолита и сохраняется далее на протяжении тысячелетий, оставаясь действенным до средневековья, по меньшей мере. Из множества представлений, связанных с почитанием скальных вершин, обрывистых склонов и равнинных окрестностей гор, сближенных с берегами рек, озер и болот, нет значительнее идеи видения в них поднятого из пучин Изначальных вод «Первозданного Холма» – Мировой горы, вершина которой упирается в «Небесную твердь». Идея о Мировой горе была, видимо, одной из фундаментальных в мировоззрении древних обитателей юга Сибири.

Объект исследования. Местоположение протохрама и его структур. Первый Сундук, эффектного вида гора долины р. Белый Июс (Северная Хакасия), по характерным очертаниям скального выступа на вершине, своеобразным топографическим деталям склонов и особенностям прилегающей к подножию местности, на удивление точно, соответствует описаниям мифической Су-Меру индоариев.

Объект, именуемый далее протохрамом, относится к особо значимым памятникам, подтверждающим эту идею. Он расположен по левому борту первого (южного) каньона, одного из трех такого же вида скальных ущелий, пересекающих западный склон Первого Сундука в направлении с северо-востока на юго-запад. Это своеобразного вида сооружение находится недалеко от начала каньона, у крутого юго-западного подножия вершины Сундука. Его составляют три структурные части (см. рис. 1) – небольшого размера грот, по всей видимости, преднамеренно вырубленный в средней зоне скального обрыва второго гребня (см. на рис. 1 литеру *а*); крупная, массивная, округлых очертаний плита, уложенная наклонно над гротом («потолок» его; литера *б*); значительных размеров массивная, подтреугольных очертаний плита, установленная на правом крае округлой плиты под тупым углом к ее поверхности (литера *в*; одно из предназначений ее, очевидно, – предотвратить сползание «потолка» грота к подножию скального обрыва). Грот и связанные с ним плиты находятся на высоте около 2,5 м от подножия гребня и потому забраться внутрь протохрама нелегко, а разместиться в нем можно лишь скор-

Рис. 1. Протохрам захода Солнца и его структуры: *a* – грот; *б* – округлая плита – «потолок» грота; *в* – подтреугольная плита; *г* – плита над протохрамом, видимая с ребра; под основание ее заходит Солнце в дни *летнего* солнцестояния.

Рис. 2. Остроугольный выступ плиты и щель правее его (см., соответственно, литеры *д* и *е* над стрелками). Солнце заходит в щель в дни равноденствий, *весеннего* и *осеннего*.

чившись. Наклонная плита «потолка» не позволяет солнечным лучам проникнуть внутрь его даже в декабре, когда дневное светило проходит в полдень очень низко над южным горизонтом. Выше грота располагается площадка – уступ, с которого плиты его становятся доступными для обозрения. По-видимому, с этого места как раз и производилась установка их.

Вверху, вблизи гребня над протохрамом и площадкой – уступом установлены в ряд, наклонно, почти впритык одна к другой три крупные, массивные, широкие, подпрямоугольных очертаний плиты, подпертые тщательно выложенной кладкой из обломков песчаника. Плиты эти наклонены в сторону юго-запада. Со дна каньона и прилегающего к нему подножия второго гребня, расположенного ниже протохрама, видна с ребра лишь одна, ближайшая к верхнему краю обрыва плита (на рис. 1 литера з).

С этих конструкций наблюдается еще одна характерная деталь рельефа – на кромке второго гребня, определяющей высоту западного горизонта, на фоне неба четко выделяется подтреугольных очертаний выступ края огромной плиты, наклонно лежащей на крутом склоне скального обрыва (рис. 3). Правый край этого остроугольного выступа отделен от коренного пласта гребня узкой щелью, отчетливо видной от площадки «овала» и от вымостки.

Методические установки и программная цель исследования.

Ни протохрам, ни каждый в отдельности объект, расположенный поблизости от него на гребне или у подножия его, в каньоне, не позволяют оценить смысл их, сколь бы детально они не описывались по чисто формальным признакам. Для успешной интерпретации предназначения столь разнородных структур *следует представить их взаимосвязанными частями единого культурного комплекса*, нацеленного, возможно, на решение некоей особо важной задачи.

Протохрам и сопутствующие объекты как многоструктурная астрономическая обсерватория. Приемы поиска и результаты его. Исследование началось с выполнения геодезического плана части каньона и гребня с точной фиксацией местоположений протохрама, двух визиров

Рис. 3. Площадка, примыкающая к овалу. С нее велись наблюдения захода Солнца в дни летнего солнцестояния и равноденствий, весеннего и осеннего.

(треугольного выступа и наклонной плиты над протохрамом), «овала» и связанной с ним округлой каменной вымостки. Затем последовали определения географических координат всех объектов комплекса с помощью навигационного спутникового приемника. В качестве предполагаемого места, откуда велись наблюдения захода Солнца в зоне размещения остроугольного края плиты, протохрама и установленной над ним плиты, был выбран центр округлой вымостки, примыкающий к середине «овала» (см. рис 2).

После установления астрономического азимута начального направления на Солнце из центра округлой вымостки и проведения соответствующих измерений и расчетов, по результатам последних были вычислены склонения суточных параллелей. Из множества осуществленных измерений *внимание привлекли направления на точки, четко отмеченные на гребне, а главное – связанные с деятельностью человека* (подтреугольный выступ плиты,

смещенной на склон гребня человеком, и наклонно установленная над протохрамом плита). Как раз эти характерные точки оказались *астрономически значимыми*, что и подтверждает нижеследующая таблица, в которую включены азимуты, высоты направлений на объекты и склонения суточных параллелей, рассчитанных для *верхнего края заходящего Солнца (последний луч уходящего за горизонт светила в скалу), если наблюдение вести из центра округлой вымостки*:

Номера точек	Высота		Азимут		Склонение	
	0	'	0	'	0	'
1	7	21	78	52	-0	40
2	7	09	79	24	-0	33
3	6	36	79	23	-0	59
a1	15	56	109	42	+24	03
a2	15	19	110	04	+23	45

Проведенные расчеты подтверждают *астрономическую значимость объектов, расположенных вблизи протохрама*, а с ними, естественно, и значимость самого протохрама: *в дни равноденствий последний луч заходящего Солнца наблюдался в щели, образованной гранями подтреугольного выступа плиты и коренного пласта гребня* (точки 1, 2, 3 таблицы определяют на рис. 1 склонение Солнца, близкое к нулю), а *в день летнего солнцестояния последний луч заходящего светила исчезал под наклонной плитой, установленной на гребне выше протохрама* (на рис. 1 см. 24°). Эти знаменательные обстоятельства косвенно, но очень весомо доказывают правильность выбора места, откуда наблюдался заход дневного светила *в равноденствия и в летнее солнцестояние*.

Проблема датирования протохрама и связанных с ним объектов. Закономерен, однако, вопрос – в какое время наблюдалось Солнце, заходящее под наклонную плиту в дни *летнего солнцестояния*? Дело в том, что в

настоящее время, когда наклон эклиптики к экватору составляет примерно $23^{\circ} 26'$, *наблюдать такое событие можно лишь, находясь вне пространства округлой вымостки*. Ответ на поставленный вопрос может быть получен исходя из величины вычисленного склонения Солнца – *из центра округлой вымостки это явление наблюдалось в 1500 г. до н.э. ± 1000 лет*.

Столь неопределенная астрономическая датировка, не очень вдохновляющая археолога, объясняется незнанием роста древнего наблюдателя, способа позиционирования его на выкладке (неизвестно – сидел он на ней или стоял), небольшими расстояниями (≈ 50 м) от центра ее до наклонной плиты и щели, а также *чрезвычайно медленным изменением наклона эклиптики к экватору, охватывающим многие тысячелетия*. Внести уточнение в датировку позволяют археологические материалы, найденные на гребне, поблизости от наклонной плиты и щели. Окуневского типа обломки керамики и афанасьевская «колотушка» позволяют датировать время сооружения многообъектного астрокомплекса первой половиной II-го тысячелетия до н.э. Следовательно, появление его в первом каньоне Первого Сундука относится к той же эпохе, когда там же создавались другие астрокомплексы – протохрам наблюдения *восхода Солнца в дни равноденствий*, астроплощадка наблюдения *гелиактического восхода Арктика* и протохрам *восхода Солнца в дни летнего солнцестояния* (этим объектам будет уделено особое внимание в последующих публикациях).

Круглая плита протохрама – воплощенный в камне диск Солнца. По предложению археолога астрономы провели расчет маршрута движения Солнца *внутри скалы* после захода его за горизонт *над протохрамом, у подножия наклонно установленной плиты*. Задача при этом ставилась следующая: подтвердить или не подтвердить идею о возможной связи ушедшего из поля видимости светила с протохрамом и его структурами – округлой плитой и прикрытой ею камерой. Результат оказался чрезвычайно интересным – расчет угла к горизонту, под которым Солнце заходило под наклонную плиту, а также реконструкция дальнейшего (конечно же, невидимого!) прохождения его *внутри скалы* с помощью соответствующих геодезических измерений показали, что *маршрут светила проходил через округлую плиту протохрама и, значит, в определенный момент оказывался внутри его камеры*. Это позволило сделать вывод о заранее спланированном и точно рассчитанном позиционировании на гребне мест размещения наклонной плиты, а также округлой плиты и камеры протохрама *с учетом угла ухода Солнца внутрь скалы*. Не менее важным стало и напрашивающееся заключение о том, что округлая плита, которая прикрывает камеру протохрама *под определенным углом, есть воплощенное в камне скульптурное изображение диска дневного светила, ушедшего за горизонт в начале последней декады июня*.

Краткие итоги поиска. Астрономические аспекты структур протохрама захода Солнца в дни *летнего солнцестояния* и связанных с ним объектов засвидетельствовали высокую степень осведомленности окуневского

жречества в календаристике и умение представителей его точно фиксировать наступление *равноденствий и летнего солнцестояния* при заходах дневного светила. Округлая плита, прикрывающая камеру протохрама, впервые позволила установить, каким оно виделось наблюдателями времен эпохи палеометалла (*округлость и дисковидность* его).

Поскольку в границах первого каньона и второго гребня его, помимо того, размещались протохрам наблюдения за *восходами* Солнца в *равноденствия* и астроплощадки наблюдения *Арктура* в утро дня *весеннего равноденствия* (оба памятника опубликованы), а также протохрам наблюдения *восхода* Солнца в дни *летнего солнцестояния*, астроплощадка наблюдения *восхода* Солнца в дни солнцестояния *зимнего* и астроплощадка *линии небесного меридиана* (материалы по этим объектам готовятся к публикации), то можно констатировать, что *Первый Сундук представлял собой грандиозный комплекс отслеживания небесных явлений в течение всего года. Светила, в самом деле, обращались вокруг него, подтверждая возможность восприятия его Мировой горой.* Вне пределов горы обнаружен астропункт, с которого восход Солнца в *зимнее солнцестояние* оказался связанным с кубовидной скальной вершиной. Это и есть отражение идеи о достижении ею высоты неба, одного из главных качеств, присущих только Мировой горе.

**ПРОТОХРАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ:
Мировое яйцо, первозданные боги и человек
в наскальном искусстве Северной Хакасии**

Вводные замечания. В истории тех, кто на рубеже II–I тыс. до н.э. заселял юг Урала и Западной Сибири, а также большую часть Средней Азии, главенствующую роль играли индоиранские родоплеменные объединения. Они представляли восточное крыло некоей общности, которая на протяжении тысячелетия (а быть может, и более) определяла магистральный ход событий на всем пространстве равнин от европейского Приднепровья на западе до берегов Енисея на азиатском Востоке.

Постановка проблемы. Цель поиска и его методические установки. Деятельность священнослужителей определяла интеллектуальную и духовную стороны жизни общества любой из древних эпох, включая палеолит. Характер этой деятельности и отражение результатов ее в материальной культуре весьма привлекательны для реконструкций, ибо они позволяют подступиться к решению *фундаментальной проблемы* – как предок воспринимал окружающий мир и что определяло реальные (протонаучные) и символические (мифологические) представления о нем. Религиозные и культово-обрядовые установки духовных наставников индоариев изложены на страницах священных книг – Авесты и Ригведы. Они отражены также в структурах святилищ, храмовых комплексов и погребальных сооружений.

Введем в научный оборот материалы, полученные в ходе изучения сакрального объекта (протохрама), и сделаем это *в контексте представлений индоариев о времени и пространстве, а также постулатов их астральной теогонии, космогонии и космологии.*

Источник: Протохрам возникновения и устройства Вселенной. Местоположение его и структурные отделы. Памятник располагается в районе Сундуков, на северо-западной окраине обширной сильно заболоченной части долины Белого Июса, в окрестностях самой высокой в округе горы с обрывистой скальной вершиной. В структуры протохрама (без учета сопутствующих объектов, которые заслуживают особого описания) входят: *а* – круто приподнятый, крылообразный навес (козырек); *б* – неглубокая ниша (внутреннее пространство протохрама, ограниченное двумя чуть наклонными вовнутрь, совмещенными под тупым углом плоскостями, покрытыми многочисленными, превосходной сохранности изображениями; *в* – базовая часть (скальный блок высотой около полутора метров; на него

опираются нижние грани плоскостей с рисунками); z – примыкающая к подножию блока ровная, узкая, подпрямоугольных очертаний привходящая площадка, а правее ее и ниже – плита для жертвоприношений.

Значительный интерес представляют пространственные параметры памятника (местоположение (топография) его с учетом рельефных и природных особенностей региона). Выход из протохрама ориентирован в сторону юга, с широким обзором юго-восточной и юго-западной частей дальнего горизонта (по канонам деления Мира ариями – *особо почитаемые сектора светлой стороны круга Земли*: каршвары *Варубареити* и *Воруджареити*; юг определяет азимут полуденной позиции Солнца на орбите, где светило достигает наибольшей высоты в любой день года). В тех местах горизонта находятся впечатляющего вида горы – Кашкулак с двумя скальными выступами на вершине (астрономический юг), Первый Сундук с одной скальной вершиной (юго-юго-восток) и многовершинный с крутыми склонами хребет (юго-запад и запад).

Продольная ось протохрама ориентирована близко прохождению азимута восток-запад, а определяют его вертикальные обрывы песчаниковых пластов скальной гряды, в которую как раз и «встроен» протохрам (каршвары востока-запада – *Савахи* и *Арэзахи*). С площадки протохрама наблюдались восходы и заходы Солнца от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния и от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия, временного цикла длительностью около *180 сут.* (авестийский календарный канон прохода Солнца по южной (светлой!) полусфере Мироздания; то была сторона господства доброго и созидательного божества Бесконечного Света, Ахура-Мазды, противостоящей северной (темной!) сфере, зоне господства божества Бесконечной Тьмы, Зла и разрушения Анхра-Манью; в южной сфере Солнце, как считалось, восходило и заходило через *180 отверстий* в соответствующих горах округи). Возможно, вся заболоченная местность, примыкающая к протохраму, воспринималась центральной картшварой – *Хваниратой*, «лучшей страной», *Аримам-Вайджи*.

Наскальные изображения протохрама. Общая характеристика их. Выделение сюжетного плана композиций. Многофигурные панно, размещенные на двух плоскостях ниши, представляют собой сложно организованный образно-знаковый текст. Среди изображений, связанных с ним, преобладают зоо- и антропоморфные, в том числе фантастического обличья фигуры. Они составляют композиции или располагаются обособленно. По предварительным соображениям, в художественные тексты протохрама включены два мифологического и протонаучного характера повествования:

a – о сотворении «Конечного мира» – Космоса, гармонично структурированного, пространственно ограниченного Мироздания (*две сюжетно взаимосвязанные композиции левой плоскости*);

б – о противоборстве в «Области жизни» Мироздания, а именно – *посредине «Места смешения Света и Тьмы, Добра и Зла»*, поля ожесточенных

сражений чудовищ, порождений Хаоса (*Дужахва* – «царства Бесконечной Тьмы»), воплощений сил Тьмы, Лжи и Зла, с персонажами, которые представляют силы Света, Правды и Добра, упорядоченного божествами Космоса (*две сюжетно взаимосвязанные композиции правой плоскости*).

Доклад ограничим *конспективной презентацией только лишь главных персон и фигур двух композиций левой плоскости протохрама*.

Орел – первотворец и устроитель Космоса. Интерпретация правой части композиции. Главный действующий персонаж повествования – крылатое существо с головой орла, увенчанной 12-ю кругами (два из них, видимо, символы Солнца и Луны, венчают голову птицы, а остальные образуют над нею плавно изогнутую дугу). Божественный орел опирается ногами на *приплюснутую вверх, наклонно ориентированную яйцевидную фигуру*, внешний и внутренний контуры которой определяют *две свернувшиеся кольцами змеи*. У конца правого крыла существа размещается *голова козерога*, с круто закрученными рогами, а у конца левого – *орел* с высоко поднятыми и широко расставленными крыльями (рис. 1).

Предлагается следующее «прочтение» художественного «текста»: из рожденного водами Океана «Первозданного яйца» появляется орлоголовый «Первоустроитель» Вселенной, олицетворение «Конечного време-

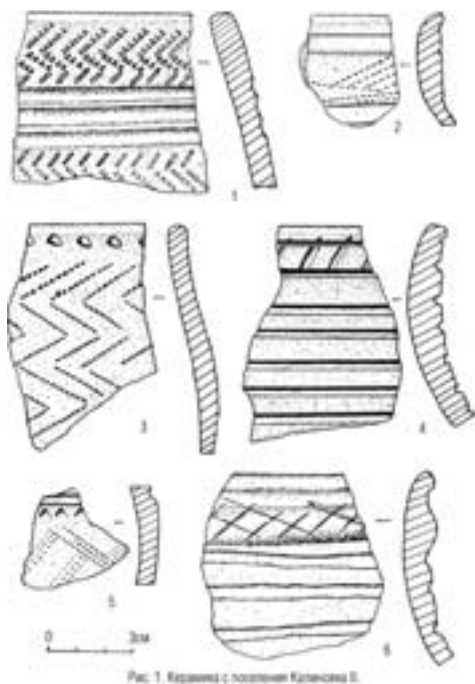

Рис. 1. Керамика с поселением Каленица II.

Рис. 1. Орел, стоящий на Яйце. Слева от него – голова козерога.
Фото здесь и далее С.А. Паршикова.

ни» ариев – *Зурван даргахадата**, аналог «перворожденного» *Протогона* (Фанеса) индоевропейцев Средиземноморья и Ближнего Востока. Длительность «Конечного времени», определяющего цикл существования «Конечного (пространственно ограниченного) мира», составляла у ариев 12 000 лет, на что, видимо, и намекают 12 кругов над головой Орла. Пространственно ограниченную константу божества отражают в создаваемом Мире местоположения созвездий Козерога и Взлетающего орла (ныне – Рак с широко расставленными клешнями). Они с начала II тыс. (около 18 века) и до конца I тыс. до н.э. определяли, как звездные символы, соответственно, местонахождение Солнца на небесной сфере в дни зимнего и летнего солнцестояний (начало последних декад декабря (месяц Ахура-Мазды) и июня). Позиции эти исключительно важны, ибо, согласно астральной мифологии индоариев, восход и заход дневного светила в летнее солнцестояние определяли границы начала расположенных к северу земель господства божества разрушения – Анхра-Манью, а в зимнее – границы

начала расположенных к югу земель благого бога – Ахура-Мазды.

Мировое яйцо – символ Мироздания. Интерпретация левой части композиции и связанных с нею персон и структур. Главная фигура композиции (рис. 2) – гигантское яйцо (символ *пространственно ограниченного Мира*), внешний контур которого («скорлупу») определяет свернувшийся кольцом змий, а внутренний («желток») – *три* свернувшиеся кольцами змеи. В зоне круга между внешней и первой внутренней змеями размещаются несколько зооморфных фигур. Изображений человека – два, но они представляют, судя по характерным деталям, *одну и ту же персону*

* Возможно, порождение (ипостась?) изначального божества Мира – Зурвана акарна, нестареющего, Вечного Времени и «Места» – беспредельного пространства (аналог *Хроноса агероса апейроса* греков).

Рис. 2. Мировое яйцо и сопричастные персонажи.

ну (тюрбанообразный головной убор с серповидно загнутым «плюмажем» наверху; широкий пояс на талии, быть может, сплетенный из многих нитей *ави* □ □ *анхана* (кусти), примечательный для одеяний зороастрийцев). В одном случае (рис. 2) человек переступает пространство, отделяющее 12 кругов над Орлом правой композиции от внешнего контура гигантского яйца, а в другом (рис. 3) он стоит на голове орла, который зацепился крыльями и ногами за тот же контур.

Предлагается следующее «прочтение» художественного «текста»: гигантское яйцо есть символ сотворенного Мироздания, внешний контур которого («скорлупа») представляет собой звездное Небо, а три внутренних круга (многослойный «желток») – орбитальные пути Солнца, Луны и пяти планет (точное соответствие реконструкции историками астрономии модели мира Анаксимандра, как считается, заимствованной им у космологов зороастрийцев Ближнего и Среднего Востока. Зооморфные фигуры, размещенные между «скорлупой» и первым (верхним) змием «желтка», *есть символы зодиакальных созвездий* (одно из них четко распознаваемо – Скорпион). Человек же – антропоморфное божество, надо полагать, – Ахура-Мазда, порождение *Зурвана даргахвадата* (см. рис. 3). Он, судя по рисунку, занят «пересозданием» Мира, его «очищением» (*ки* □ *ауджа*) от *храфстра*, зловредных творений божества Зла – Анхра-Манью (аналог принявших человеческое обличье богов Зевса греков и Митры ариев Среднего Востока, Средней Азии и римлян эпохи эллинизма). *Храфстра*, размещенные вне яйца представлены в композиции изображениями лягушки (черепахи?), осла с необычайно длинными ушами, крылатым драконом, гусеницей (?) и еще несколькими образно нераспознаваемыми существами.

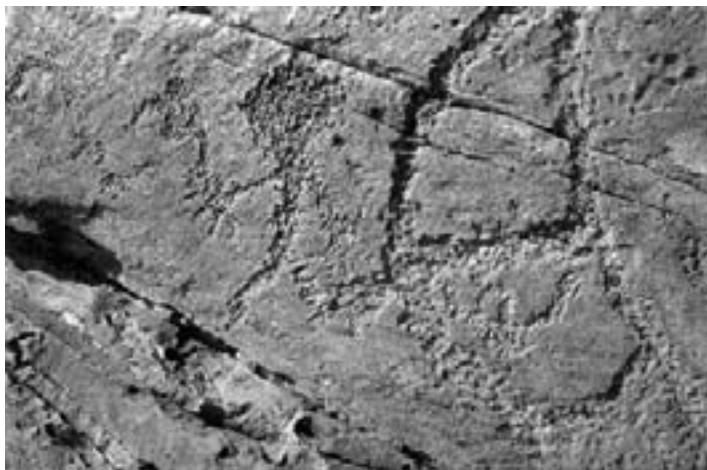

Рис. 3. Антропоморфное божество, очищающее окрестности Вселенной от *храфстра*.

Датировка памятника. По астрономическим канонам он никак не может быть древнее XVIII-го века до н.э., когда созвездия Козерога и Рака только лишь начинали определять зимнее и летнее солнцестояния, сменив в таком качестве, соответственно, Льва и Водолея, в которых Солнце пребывало в те же моменты года на протяжении двух предшествующих тысячелетий – IV и III-го. С наибольшей вероятностью, протохрам создавался в конце II или в начале I-го тысячелетия до н.э., когда дневное светило находилось в дни солнцестояний *около средней зоны упомянутых созвездий*. В истории же – это *среднеассирийский период*, предшествующий ахеменидской эпохе и времени рождения великого религиозного реформатора индоариев Заратуштры (VIII–VII вв. до н.э.), правозвестника зороастризма и губителя зурванизма, объявленного еретическим учением и тем самым «приговоренного» к забвению. То была эпоха широкого распространения зурванизма с востока Ирана на запад, в пределы Малой Азии, а из Средней Азии (Бактрия и Хорезм) – на северо-восток в степи юга Урала и юга Западной Сибири.

Краткие итоги поиска. Этот протохрам возникновения и устройства Вселенной (возможно, типа зороастрийского *оташкада*, места богослужения перед огнем) открывает благоприятные перспективы для реконструкций космогонии, космологии, теогонии, астрономии и календаристики жречества культур палеометалла Саяно-Алтайской горной страны и прилегающих к ней степей Западной Сибири. Композиции, запечатленные в нем, позволяют впервые представить наглядно (*иллюстративно*) мифолого-теогонические и протонаучные (как у Анаксимандра) представления сибирских индоариев о том, как изначальные боги творили и обустроивали Мир, и в противоборстве каких сил протекало существование его на протяжении тысячелетий.

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕСАРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Курганные могильники Гришкина Заимка [Молодин В.И, Гаркуша Ю.Н и др., 1999, с.439] и Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997], расположенные на территории двух различных регионов – Барабинской лесостепи и Прииртышья, датируются исследователями позднесаргатским временем (II – IV вв. н. э.). Из насыпей и погребений происходит 28 сосудов, 15 из которых – археологически целые. Данная коллекция стала основой морфологического анализа.

Все сосуды были обработаны с использованием программы статистической обработки Генинга В.Ф. [1973, с. 114 – 135; 1992] На основании этого составлена табл. 1.

По форме организации дна все сосуды круглодонные, плоскодонный только один (Сидоровка, кург.2, мог. 1). При сравнении средних показателей каждого указателя сосудов обоих комплексов выделяются как общие, так и отличительные черты. Из общих черт необходимо отметить полное совпадение общих пропорций сосудов (табл. 1, ФА), профилировки шейки (табл. 1, ФГ) и общей конфигурации тулова (табл. 1, ФЕ) (рис. 1). Это круглодонные сосуды средних пропорций, со слабопрофилированной шейкой и одинаковой придонной частью. Различия керамики этих памятников проявляется, прежде всего, в ширине горловины (табл.1, ФВ) и выпуклости плечиков (табл.1, ФЖ). Сосуды с Гришкиной заимки, при общих средних пропорциях изделий для обоих памятников, имеют широкая горловина малой или средней высоты, слобовыпуклые плечики и узкую придонную часть. Для керамики могильника Сидоровка, при тех же пропорциях, характерно: высокая или средней высоты, широкая горловина, средневыпуклые плечики и придонная часть сосуда со средней шириной.

Из графика вариаций профилей целых форм сосудов и табл. 1 стоит отдельно отметить сосуды № 8 (Сидоровка, кург.2, мог. 4), №10 (Сидоровка, кург.5, мог. 2) с круто изогнутыми плечиками и дугообразно отогнутой высокой шейкой, что не характерно для местной посуды. В этих чертах прослеживается среднеазиатское влияние, выраженное, также, присутствием на памятнике непосредственно импортной среднеазиатской посуды (Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997, с. 42).

Орнамент располагался преимущественно в 3-х орнаментальных зонах: горловина, иногда включая срез венчика; шейка; плечико и тулово,

Таблица 1. Распределение указателей сосудов по категориям размеров.

	Очень малый	Малый	Средний	Большой	Очень большой
ФА	До 0,40	0,41 – 0,80	0,81 – 1,20	1,21 – 1,60	Свыше 1,60
№			I, II, III, IV, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10	8	
ФБ	До 0,50	0,51 – 1,50	1,51 – 3,0	3,01 – 5,00	Свыше 5,00
№		I, II	III, IV, 1, 2, 3, 5, 7, 9	4, 6, 10	8
ФВ	До 0,32	0,33 – 0,50	0,51 – 0,65	0,66 – 1,00	Свыше 1,00
№		4, 8	2, 3, 5, 6, 7, 10	I, II, III, IV, 1, 9	
ФГ	До 0,0	0,01 – 0,26	0,27 – 0,57	0,58 – 1,0	Свыше 1,00
№	3	I, III, IV, 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10	II		8
ФД	До 0,50	0,51 – 0,85	0,86 – 1,15	1,16 – 1,50	Свыше 1,51
№		I, II, III, IV, 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10	3, 6, 7		
ФЕ	Свыше 2,00	1,01 – 2,00	0,51 – 1,00	0,26 – 0,50	До 0,25
№			I, II, III, IV 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10	8, 9	
ФЖ	До 0,25	0,26 – 0,56	0,57 – 1,00	1,01 – 1,50	Свыше 1,51
№		I, II, III, IV, 1, 3, 8	2, 4, 5, 6, 7, 9, 10		
ФИ	Свыше 1,50	1,01 – 1,50	0,57 – 1,00	0,25 – 0,57	До 0,25
№		I, II, III, IV, 2, 4, 5	1, 6, 7, 8, 9, 10	3	

за исключением сосуда № 8 (Сидоровка, кург.2, мог. 4), у которого орнаментирована придонная часть (табл. 2). Выделено 19 орнаментальных мотивов (рис.). Это характерные для саргатской культуры [Полосьмак Н.В, 1987, с.45]: прочерченная «елочка», прочерченные (в одном случае – штампованные «гребенкой») треугольники, каплевидные и овальные вдавления, прочерченные линии (отделяют венчик от плечика), жемчужины, ямки. Не смотря на конечное количество орнаментальных мотивов, как это видно из таблицы, все сосуды орнаментированы по-разному. Совпадение исполнения мотивов встречается очень редко.

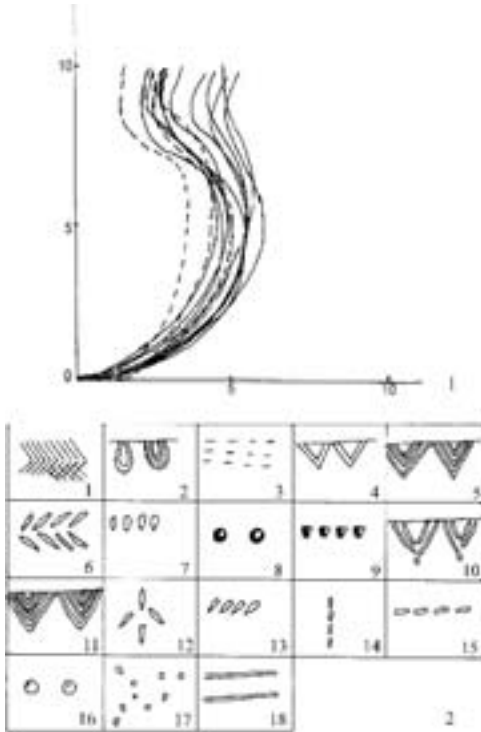

Рис. 1. 1 – График вариаций профилей целых форм сосудов могильников Гришкина Заимка и Сидоровка. 2 – Сводка мотивов орнамента на керамике

Таблица 2. Распределение элементов орнамента по зонам сосудов.

№	Горловина	Шейка	Плечико	Тулово	Придон- ная часть
I	1	1			
II			3	3+7	
III	15	13			
IV	6	8+16	6		
1	8	8	8		
2			10		
3	17	17	17	17	
4		18	4		
5	7		5+7		
6					
7			13	13	
8	6		11	12	14
9	9		10		
10			19	12	

Рис. 2. Сосуды из могильников Гришкина Займка и Сидоровка. 1 – Сосуд №4; 2 – №3; 3 – №2; 4 – №10; 5 – №1; 6 – №8; 7 – №9; 8 – №7; 9 – №6; 10 – №5; 11 – №IV; 12 – №II; 13 – №I; 14 – №III.

Анализ форм и орнамента сосудов могильников «Гришкина займка» и «Сидоровка» позволил выделить отличительные черты их керамических комплексов. То, что памятники находятся друг от друга на достаточно большом расстоянии, но обладают морфологически схожим керамическим материалом, уже не мало важно. Для более конкретных выводов необходимы подобные работы по каждому комплексу.

Примечания

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок// СА. 1973. –М.: «Наука», №1, – С. 115 – 135.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наукова думка, 1992. – 187 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: «Наука», 1997.

Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Р.в. Жемерикин, Ж.В. Марченко К археологической карте западной Барабы. – Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Матер. Годов. Сессии ИАЭТ СО РАН, 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т.V. – часть I. – С.439-445.

Полосьмак Н.В Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: «Наука», 1987, с.45

*В.И. Молодин, О.И. Новикова, А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша,
Ж.В. Марченко, Е.В. Рыбина, А.С. Пилипенко, В.П. Лабецкий*

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ ТАРТАС-1

Исследование памятника Тартас-1 продолжают четвертый год. Общие характеристики могильника и основные результаты полевых работ предыдущих лет были освещены в нескольких публикациях [Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2005; Молодин, Софеев, Дейч и др., 2003; Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004]. В 2006 году были исследованы 20 погребальных комплексов, 67 ям и одна конструкция. Общая площадь раскопа составила 495 кв. м.

Стратегия исследования кротово-андроноидного некрополя Тартас-1 заключается в проведении раскопок сплошной площадью от южной периферии памятника в северном направлении. Ориентируясь на данные геофизического мониторинга можно говорить, что начато исследование его центральной части [Дядьков, Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 306, рис. 1]. Подтвердились основные закономерности, прослеженные на материалах памятника ранее. Отметим некоторые из них. **1.** *Позднекротовский некрополь* (группа ПК) – основные характеристики групп погребений даны в [Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004, с. 359, 362] – локализуется вдоль края террасы и обособлен от остальной части могильника рядом ям ритуального назначения. Основной массив погребений населения андроноидного культурного облика (*группы А и В*) находится в глубине террасы. Комплексы, которые можно отнести к андроновской культуре (*федоровский вариант*), малочисленны и расположены бессистемно среди могильных рядов остальных групп. **2.** Комплексы позднекротовской группы с одной стороны, а группы «смешанные» А и В с другой, демонстрируют следы различной погребальной практики, что подтверждает их выделение. Дифференциация федоровской группы из-за небольшого количества погребений (4 могилы) пока представляется условной. **3.** Комплексы групп А и В часто находятся в рамках одного ряда. **4.** Большинство могил имеет следы проникновения, причем чаще всего фиксируется нарушение комплекса че-

* (- работы осуществлялись при финансовой поддержке Президиума СО РАН (экспедиционный проект, программа «Интеграция» (№68)), Президиума РАН (проект в Программе фундаментальных исследований), РГНФ (проекты №06-01-18067е, 06-01-65110а/т), РФФИ (№№ 06-06-88022 к, 06-06-80295а, 06-06-88035к), Администрации Новосибирской области (договор №ФГ 3-06), гранта Президента РФ (НШ-6568.2006.)).

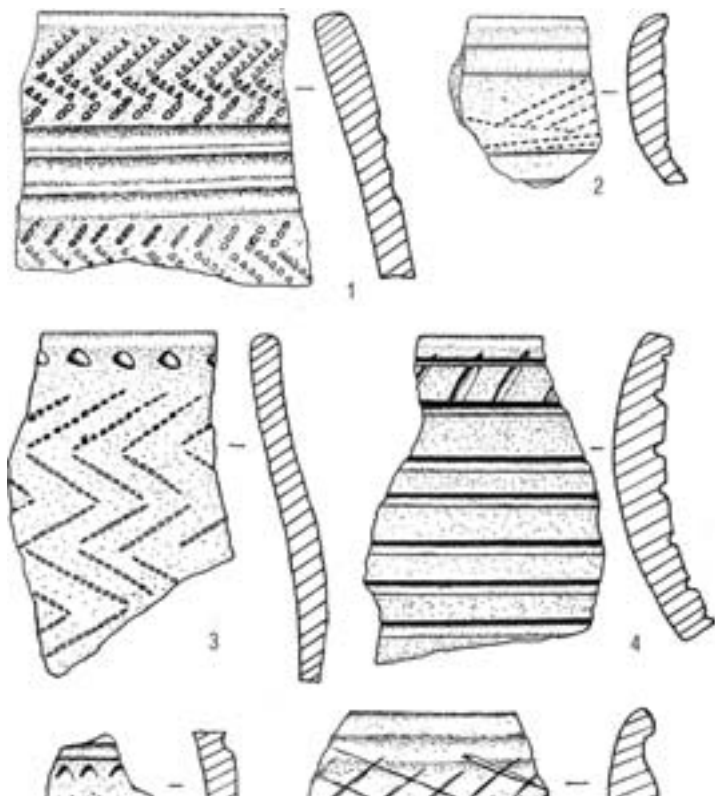

Рис. 1. План погребения 159. Контекст обнаружения бронзовых браслетов.

рез короткий промежуток времени после захоронения. 5. Хронологическая близость освоения двух основных зон некрополя (край – основная часть террасы) подтверждается их планиграфической обособленностью, присутствием бронзовых украшений и оружия срубно-андроновского типа. Функционирование некрополя относится к периоду «андронизации» населения Барабинской лесостепи (середина – вторая половина II тыс. до н. э. – относительная дата указана приблизительно, т.к. в данный момент ведется работа по датированию разных культурных комплексов некрополя по C^{14}).

Изученные в 2006 г. погребальные комплексы относятся ко всем четырем выделенным ранее основным группам погребений. Следует отметить обнаружение еще двух могил, сооруженных по канонам, близким к *федоровской* ритуальной практике. Их общим признаком, помимо южной ориентировки могильной ямы, положения умершего скорченно на левом боку и планиграфических особенностей погребений, является плохая сохранность костей человеческих скелетов и костяных находок. Данное наблюдение подтверждается сравнением со степенью сохранности

костных останков из комплексов других погребальных групп, которые расположены в непосредственной близости и имеют примерно одинаковую глубину и условия залегания. Возможно, что при ритуальных действиях производились какие-то манипуляции с останками умершего и инвентарем или формировался специфический состав заполнения могилы. Взятые пробы заполнения из погребений могут позволить уточнить причину наблюдаемого явления.

Из наиболее ярких находок следует упомянуть три *бронзовых браслета* срубно-андроновского типа со спиралевидными окончаниями (погребение №159 – рис. 1). Предметы находились *in situ* на костях скелета взрослого человека из коллективной позднекротовской могилы. Очевидно, что браслеты первоначально были расположены вплотную друг к другу на средней части предплечья. Подобный контекст обнаружения браслетов (по три на руке) в позднекротовских комплексах отмечен впервые, но сами изделия уже встречались в захоронениях позднего этапа кротовской культуры на могильнике Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 65, рис. 31, 1-8], а подобное положение браслетов характерно для андроновских комплексов (см., например, [Потемкина, 2001, с. 63, рис. 1, 9; Усманова, 2005, с. 121]). Погребение №159 было нарушено, поэтому оценить весь комплекс украшений в захоронении не представляется возможным.

Неожиданным результатом явилось обнаружение на территории могильника котлована *полуземляночной конструкции* (рис. 2). Нужно отметить, что в данных геофизического мониторинга сооружение не представлено единой аномалией (остальные аномалии в большинстве своем совпали с контурами погребений и ям). Котлован имеет на уровне материкового суглинка размеры 8,0-8,2 x 8,9-9,2 x 0,34-0,46 м и прямоугольную форму. Он ориентирован практически строго по сторонам света. Стенки котлована вертикальные, дно ровное. Вход можно предварительно соотнести с вытянутой ямой, примыкающей перпендикулярно к центральной части восточной стенки. Близкие к углам участки трех стен имеют узкие материковые выступы во внутреннюю часть котлована. Выступы направлены к центру сооружения и возможно являются частью опорной системы. Данные материковые останцы могли дополнительно подчеркивать внутреннюю планировку. Например, в одном углу, образованном выступом и восточной стеной, была обнаружена яма-зольник, а западная часть котлована, ограниченная выступами, имеет меньшую ширину (6,5 м), чем основная часть. Внутри котлована прослежены ямы, являющиеся остатками каркасно-столбовой конструкции. Вероятнее всего, 5 вертикальных столбов в центральной части обеспечивали опору кровли (глубина 0,54-0,29 м). В центре находилось вытянутое углубление со следами прокала на стенках и в заполнении. По всей видимости, это – остатки очага. В очажной яме найдены небольшие фрагменты глиняных литейных форм, глиняная литейная шишка, фрагменты ошлакованной керамики.

В стратиграфической колонке заполнения сооружения выделяется слой уровня древнего пола, мощность которого не превышает 0,05 м. Верхняя его граница местами маркируется горизонтальными скоплениями мелких фрагментов керамики, практически крошки, и немногочисленным костями животных. Вдоль стен котлована концентрация находок несколько увеличивается, как в слоях, образовавшихся при разрушении конструкции, так и на уровне пола. Обнаружены два крупных скопления фрагментированных керамических сосудов. По орнаментации отдельные сосуды можно соотнести с керамикой, как одино-крохалёвского типа, так и с посудой гребенчато-ямочной традиции. Очевидно, что весь керамический комплекс, несомненно, доандроновский.

К сооружению, судя по заполнению, характерной керамике и расположению, относится часть ям, расположенных в непосредственной близости от котлована. С данной постройкой может быть связана яма №147, содержащая двустворчатую глиняную форму для отливки бронзового кельта и фрагменты лячки, обнаруженные в заполнении одной из примыкающих к котловану могил (№153 – рис. 2). Несмотря на то, что зафиксированы два случая достоверного перекрытия края заполнения котлована погребениями андронидного могильника (рис. 2), ни одно из них не было сооружено полностью в котловане. Вероятно, на момент формирования некрополя заплывший котлован конструкции еще мог быть выражен рельефом, а помещение могилы в западину было

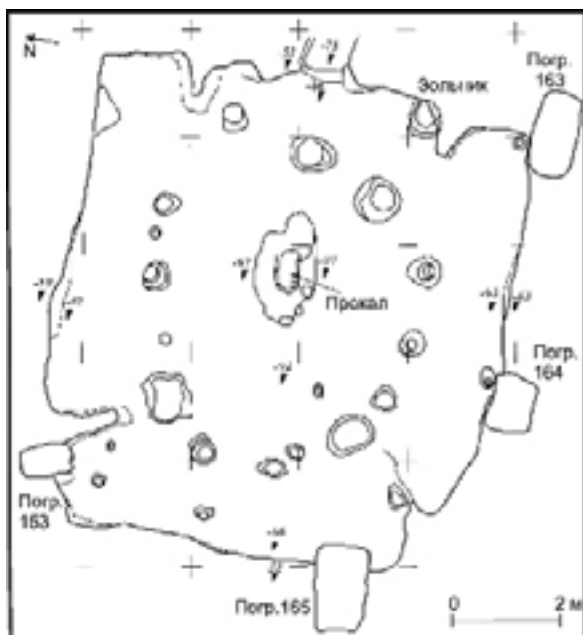

Рис. 2. План-схема конструкции 4.

для исполнителей обряда нежелательным. Впрочем, не следует исключать и других причин, объясняющих такое положение вещей. Мы имеем в виду сакральный характер конструкции, семантически связанный с захоронениями.

Из известных, эпохально близких полуземляночных конструкции, сопоставимых по некоторым элементам, можно отметить жилища самусьской (Крохалевка-1) [Молодин, Глушков, 1989, с. 114, 116] и кротовской культур (Преображенка-3) [Молодин, 1973], однако, абсолютных аналогий исследованного сооружения пока не найдено. Характер заполнения и стратиграфические наблюдения указывают на то, что перед нами сооружение доандроновской бронзы со следами производственной или ритуальной деятельности. Интерпретация комплекса пока не может быть однозначной.

При полевых и лабораторных исследованиях материалов памятника Тартас-1 реализуется мультидисциплинарный подход. Антропологическая коллекция памятника подвергается комплексному антрополого-генетическому изучению (исследования ведут к.и.н. Д.В. Поздняков (ИАЭТ СО РАН), к. б. н. А.Г. Ромащенко, А.С. Пилипенко (ИЦИГ СО РАН)). В полевой практике это выразилось в том, что при работе с костями человека используются медицинские перчатки, а у всех сотрудников, занятых на разборе и обработке антропологического материала, взяты пробы крови. Данные процедуры помогут минимизировать информационные помехи при палеогенетических исследованиях. Документация памятника является основой базы данных, формирующейся в рамках ГИС MapInfo (формированием базы данных занимается ведущий инженер ИАЭТ СО РАН Е.В. Рыбина). По материалам памятника планируется провести датирование объектов с применением различных методик на базе отечественных и зарубежных лабораторий в рамках самостоятельного исследовательского проекта.

Примечания

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI. часть 1 – С. 304-309.

Молодин В.И. Преображенка 3 – памятник эпохи раннего металла // Из истории Сибири. – М., 1973. – Вып. 7. – С. 26 – 30.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989. – 167 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х., Марченко Ж.В., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Рыбина Е.В., Шатов А.Г.,

Чемякина М.А. Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI. часть 1 – С. 412-417.

Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый погребальный памятник эпохи бронзы в западносибирской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX., часть I – С. 441-446.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X., часть I – С. 372-377.

Потемкина Т.М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С.62 – 72.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I. Караганда – Лисаковск, 2005. – 232 с.

*В.И. Молодин, Г. Парцингер, Д. Цэвээндорж, В.П. Мыльников,
А. Наглер, М. Баярсайхан, Д. Байтилеу, Ю.Н. Гаркуша, А.Е. Гришин,
И.А. Дураков, Ж.В. Марченко, М.В. Мороз, А.П. Овчаренко, Х. Пиецонка,
А.С. Пилипенко, Е.А. Слагода, И.Ю. Слюсаренко, А.Л. Субботина,
А.Н. Чистякова, А.Г. Шатов*

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ*

Международная Российско-Германско-Монгольская экспедиция проводила комплексные исследования в Северо-Западной части Монголии, в Баян-Ульгийском аймаке, в высокогорной части Монгольского Алтая, на границе с Российской Федерацией. В состав отряда входили специалисты из Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Германского археологического института (г. Берлин), Института археологии Монголии (г. Улан-Батор), Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск), Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (г. Новосибирск), Института криосферы Земли СО РАН (г. Тюмень).

Главной целью работ было проведение археологических мультидисциплинарных исследований погребальных комплексов пазырыкской культуры эпохи раннего железного века (VI-III вв. до н.э.) с мерзлотой, открытых в результате совместных работ этой же экспедиции в 2004 году [Молодин, Цэвээндорж, Мыльников и др., 2004], и дополнительно исследованных при помощи геофизических методов в 2005 году [Эпов, Молодин, Манштейн и др., 2005].

В ходе работ были исследованы четыре объекта.

Курган № 1 на могильнике Улан-Даба-1. Памятник расположен на левом берегу р. Шетк-Ойгор-Гол, в 5 км к востоку от пограничного с Россией перевала Улан-Даба. Этот перевал связывает территорию Южной Сибири (плоскогорье Укок) с просторами Центральной Азии. Перевал открыт с мая до сентября, чем неизменно пользовались скотоводы, вплоть до современности [Чайко, 1994, с. 15].

Памятник состоит из двух курганов. В 2006 году был раскопан наибольший курган диаметром около 17 м. Верхняя часть его конструкции была разобрана местным населением на хозяйственные нужды. Такая ситуация была отмечена на многих археологических памятниках в районе наших работ, в том числе на всех исследованных нами сооружениях.

* Исследования выполнялись при поддержке следующих грантов: РГНФ-МинОКН Монголии № 06-01-91912e/G, интеграционные проекты СО РАН №№ 2 и 7.5, научная школа НШ-6568.2006.6.

Интересна конструкция насыпи. По периметру ее сооружалась ограда из крупных валунов и плит, положенных на уровне погребенной почвы. Площадь, ограниченная оградой, выбрана на глубину от 40 см на периферии до 75-80 см в центральной части. Центральная часть площадки заполнена крупными валунами, образующими выпуклый «панцирь», послуживший фундаментом для сооружения погребальной конструкции – каменного ящика, возведенного из массивных плит. Периферийная часть кургана была засыпана галечником, дресвой, обломками сланца. Затем вся поверхность насыпи была покрыта галечником средних и мелких размеров. Вероятно, был еще и третий слой валунов среднего размера, который перекрывал и ящик с захоронением.

В северной части сооружения обнаружены фрагментированные останки копытного животного, располагавшиеся частично на «панцире», частично на уровне материка. Среди валунов также найдены несколько неорнаментированных фрагментов керамики, предположительно скифского времени.

Конструкция каменного ящика, ориентированная по линии запад-восток, была сильно потревожена. Останки погребенного человека представлены лишь костями ног, фрагментами таза и черепа в крайне плохом состоянии. Расположение костей позволяет установить, что изначально тело было уложено на живот, в вытянутом положении, головой на запад. Предметов, связанных непосредственно с умершим в погребении обнаружено не было.

Исходя из конструктивных особенностей и элементов погребального обряда – наличие ограды из крупных камней, каменный ящик из плит на уровне древней поверхности, западная ориентация погребенного – можно предварительно отнести этот объект к раннескифскому времени. Аналогии ему мы находим как на территории Горного Алтая, так и Северо-Западной Монголии [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 61].

Учитывая фиксируемую геофизическими методами на данном объекте, на глубине 2-2,5 м, крупную аномалию, соответствующую линзе мерзлоты, после разборки конструкции в центре кургана был прокопан, специально для выявления причин аномалии, шурф размером 4 x 3,5 м (см. статью Эпова М.И. и др. в этом сборнике).

Курган № 2 на могильнике Олон-Курин-Гол-6. Памятник расположен в верхнем течении р. Олон-Курин-Гол, на второй террасе левого берега. Могильник состоит из четырех курганов, вытянутых цепочкой по направлению С-Ю. Все насыпи курганов сильно пострадали от действия местных жителей: камень с них большей частью снят для сооружения хозяйственных построек. Один из курганов имеет современные следы ограбления.

Для раскопок был избран самый крупный курган, имеющий сильный просад в центре, как оказалось впоследствии – след древнего ограбления. Диаметр насыпи 13 м. Конструкция насыпи характерна для пазырыкских курганов. На материке возводилась круглая каменная ограда, ныне слабо выраженная. Площадка, ограниченная оградой, углублена, и по всей площади была покрыта крупными валунами. Свободное пространство до

полнительно засыпалось галечником, дресвой и землей. Затем, вся конструкция покрывалась мелким галечником и фрагментами рваного камня. Верхний слой насыпи, сейчас утраченный, формировался валунником средних размеров. В центре кургана выявлена могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ. Размеры ее 300 x 250 x 250 см. В заполнении котлована отчетливо прослежены следы грабительского шурфа. На дне ямы был сооружен деревянный сруб из лиственничных полубревен. В центре отчетливо прослеживается проруб грабителей. Вдоль северной стенки сруба, на дно могильной ямы, головой на восток, была положена лошадь: она покоилась на брюхе, с поджатыми ногами. Рядом с черепом обнаружены железные кольчатые удила. Парное захоронение (взрослой особи и грудного ребенка) было совершено на деревянном помосте, закрывающем почти всю площадь камеры, исключая ее СВ угол. Все кости скелетов сильно перемещены, а часть вообще отсутствует. Присутствие мерзлоты обусловило удовлетворительное состояние сохранившихся предметов: помимо фрагментов керамики (рис. 1, 1 – 2) обнаружены небольшие фрагменты тканей от одежды, куски деревянного блюда, обломки сосуда, деревянные наконечник (рис. 1, 3) и гребень (рис. 1, 4). Исследованный погребальный комплекс в целом относится к пазырыкской культуре и имеет несомненные аналогии с погребальными памятниками соседнего Укока [Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 75 – 81].

Курган № 2 на могильнике Олон-Курин-Гол-7. Расположен на левом берегу реки Олон-Курин-Гол в непосредственной близости от памятника Олок-Курин-Гол-6. Памятник состоит из двух курганов, вытянутых цепочкой по

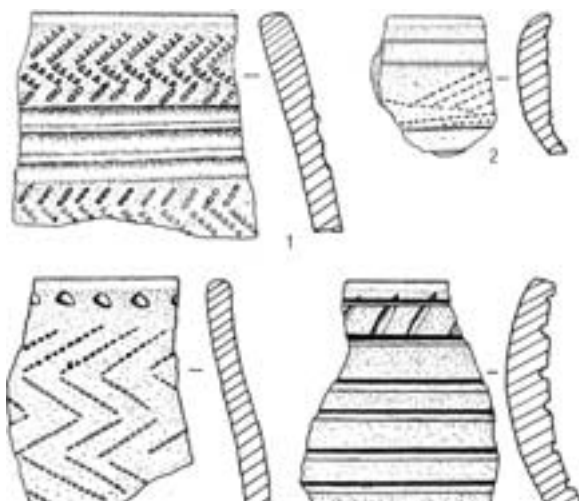

Рис. 1. Олон-Курин-Гол-6. Сопроводительный инвентарь.

1-2 – фрагменты керамики; 3 – деревянный наконечник; 4 – деревянный гребень.

линии 3-В. Исследуемое сооружение было наименьшим в цепочке, его диаметр 7 м. Ограда отсутствует. Насыпь сложена из камней разной величины. В северной части сооружения, на уровне дневной поверхности, обнаружен развал плоскодонного сосуда, помещенного рядом с небольшой каменной выкладкой. При её разборке, среди камней найдено несколько бараньих косточек. Судя по форме сосуда и конструктивным особенностями сооружения – перед нами ритуальный комплекс гуннского времени, аналогии которому имеют место в Туве [Кызласов, 1958; Вайнштейн, 1958] и на Горном Алтае, в частности на плоскогорье Укок [Савинов, 1994]. На Укоке подобные комплексы нередко пристраивались к цепочкам курганов пазырыкской культуры [Молодин, Каен-Делайте, Массар и др., 1994].

Курган № 1 могильника Олон-Кургин-Гол-10. Расположен на второй надпойменной террасе левого берега одноименной реки. Цепочка курганов, состоящая из трех соприкасающихся сооружений, вытянута по линии СВ-ЮЗ. Для раскопок выбрана наибольшая конструкция, диаметром 11 м. Данное сооружение оказалась не потревоженным комплексом пазырыкской культуры, в котором наличие мерзлоты обусловило великолепную сохранность, как погребальной конструкции, так и самого захоронения, и сопроводительного инвентаря.

Конструкция насыпи являлась стандартной для курганов пазырыкской культуры [Молодин, 2000, с. 88]. Отлично прослеживается каменная ограда. Площадка, ограниченная оградой, выбрана на глубину до 40 см и заполнена по всей площади крупными валунами, средним и мелким галечником. Затем этот слой засыпали мелким галечником и перекрывали сверху слоем валунов средних размеров.

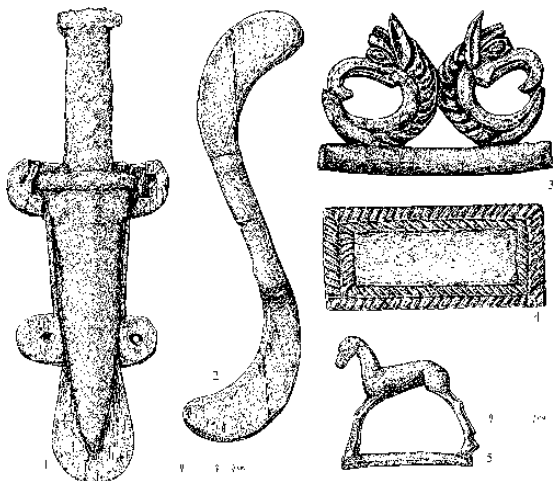

Рис. 2. Олон-Курун-Гол-6. Сопроводительный инвентарь.
1 – кинжал в ножнах; 2 – псалий; 3 – бляха – украшение узды;
4 – поясная пластина; 5 – украшение головного убора.

В центре находилась могильная яма размером 320 x 230 x 185 см, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. На дне ямы сооружен трехвенцовый листовенничный сруб из полубревен в виде усеченной пирамиды. Между СВ стенкой сруба и стенкой могильной ямы были помещены две лошади, таким образом, что голова одной особи покоилась на крупе другой. На лошадях в большой степени сохранились шерсть, наружные и внутренние мягкие ткани и органы. Обе лошади имеют комплект упряжи, с набором украшений, выполненных в классическом пазырыкском стиле. Сохранились железные кольчатые удила, S-видные деревянные псалии (рис. 2, 2), бляхи с изображением грифонов (рис. 2, 3), развилки, имитации клыков и т.д. На отдельных изделиях прослеживаются остатки оловянного покрытия. Сохранились также конструктивные детали седел, в том числе, деревянные седельные дуги. На первой уложенной в яму лошади, находился прикрепленный к седлу деревянный резной щит.

После снятия перекрытия сруба оказалось, что погребальное ложе, на котором покоилось тело умершего, выдавлено вверх ледяной линзой, которая образовалась на грунтовой подсыпке, сооруженной под погребальным ложем, собранном из досок. Тело погребенного мужчины располагалось на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮВ. Благодаря особым условиям, на умершем на отдельных участках тела сохранились мягкие ткани, а на голове волосистой покров.

Мужчина, был похоронен в шубе, выкроенной из меха сурка с овчинным подкладом. Как и на известных образцах данного типа одежды обнаруженных в мерзлотных курганах Укока [Молодин, 2000, с. 101-102], на разных участках шубы прослеживаются элементы декора из кожи и меха. Особо стоит отметить высокий воротник из собольего меха. Кроме того, на умершем находились короткие шерстяные штаны, войлочные сапоги и высокий шлемовидный головной убор, выполненный из войлока, верхушка которого оформлена в виде деревянной головы птицы, украшенный фигурками деревянных лошадок и оленей (рис. 2, 5). На шее его была деревянная гривна в виде рогатых хищников, выполненных в классической манере скифо-сибирского звериного стиля. Шуба была подпоясана: от пояса сохранились резные деревянные накладки (рис. 2, 4). С погребенными были положены бронзовое зеркало в войлочном мешочке, железный клевец с плоским обушком и стержневидным бойком на деревянной рукояти. Вдоль правого бедра находился массивный железный кинжал в деревянных ножнах, с прямыми навершием и перекрестьем (рис. 2, 1). За спиной погребенного, помещен меховой колчан с войлочной крышкой, в котором лежали деревянный лук и деревянные стрелы с имитацией наконечников. Рядом с изголовьем стояло деревянное блюдо с курдючной частью барана и обломком железного ножа, сосуды из дерева, глины и рога.

Отметим, что могильники Олон-Курин-Гол-6, -10 по существу, являются наиболее южными, изученными на сегодняшний день комплексами пазырыкской культуры, памятники которой были ранее не известны на тер-

ритории монгольской части Алтая. Курган 1 из Олон-Курин-Гол-10 имеет поразительное сходство (доходящее до тождества) с памятником Верх-Кальджин-II, находящемся на плато Укок, где, также благодаря наличию мерзлоты были получены уникальные предметные комплексы из органических материалов [Молодин, 2000].

В заключение следует подчеркнуть, что важной задачей в наших изысканиях явилось проведение максимально широкого спектра исследований, связанных с проблемами геофизики, мерзлотоведения, палеоклиматологии, дендрохронологии, палеогенетики, микробиологии.

Примечания.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокзэль в 1968: Погребения кызылганской и сыын-чорекской культуры // Труды ТКЭАН. – Т. III, 1970. Табл. II.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – 232 с.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. – №4. – 1958, – С. 94-95.

Молодин В.И. Культурно-исторические характеристики погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 86 – 119.

Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. // ALTAICA. – №2. – 1993 – С. 21 – 49.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 256 с.

Молодин В.И., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша, Ю.Н., Шнеевайс Й., Байарсайхан М., Овчаренко А.П. В поисках пазырыкских комплексов на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X. Ч. I. – С. 365-371

Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 144 – 146.

Чайко А.В. Геоморфология Бертекской котловины и её горного обрамления // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 7 – 15.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В. геофизические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Том XI. Ч. I. – С. 503-506.

*В.И. Молодин, М.А. Чемякина, П.Г. Дядьков,
А.К. Маништейн, Е.В. Балков, М.И. Миненко*

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-2 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Памятник Преображенка-2 в Чановском районе Новосибирской области был открыт Т.Н. Троицкой в 1966 г. [Копытова, 1972, с. 67 – 68; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с.131]. Обследовался сотрудниками Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области О.В. Софеевым в 1990 г. и Д.Е. Ануфриевым в 2004 г. [Ануфриев, 2005].

Уже визуальный осмотр этого нестандартного с точки зрения архитектуры объекта не позволяет однозначно интерпретировать его как поселенческий или культовый комплекс. Далеко не все ясно с проблемой его хронологии. Во всяком случае, ничего подобного среди памятников Обь-Иртышской лесостепи авторами до настоящего времени не было известно. Отдаленно круговая архитектура комплекса напоминает круглые и овальные городища синташтинской культуры первой половины II тыс. до н.э. Южного Зауралья, известной под названием «страна городов» [Зданович, Батанина, 1995, с.54 – 62], и которых на сегодняшний день насчитывается около двадцати [Григорьев, 2000, с. 249]. Вместе с тем, отсутствие раскопок на памятнике пока не позволяет научно интерпретировать это сходство, правильное сегодня будет лишь обозначить его.

Памятник Преображенка-2 находится на правом берегу р. Омь, в 3,3 км к западу-юго-западу от северо-западной окраины с. Старая Преображенка, в 2 км к юго-западу от городища Преображенка-1 в 0,37 км к юго-юго-востоку от могильника Преображенка-3 (рис. 1). Конструкция овальной формы, размеры которой достигают 90 x 75 м. Общая площадь земельного участка, занимаемого памятником – 3,7 га. Комплекс представляет собой мощную систему рвов шириной 7 – 14 м, глубиной 0,97 – 1,61 м, разделенную четырьмя перемычками – “въездами”, ориентированными по сторонам света. Ширина перемычек 5 – 8 м, с восточной стороны перемычка не доходит до вала на 2,3 м. Вал шириной 9 – 19 м, в юго-западной и северо-восточной части имеет оплывы в сторону внутренней площадки. Высота вала 1,80 м от внешнего края рва. Внутренняя площадка комплекса размерами 53,5 x 34,5 м имеет 6 западин подпрямоугольной формы, рас-

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №№ 06-06-80295, 06-06-88035; Интеграция СОРАН № 109; НШ-6568.2006.6.

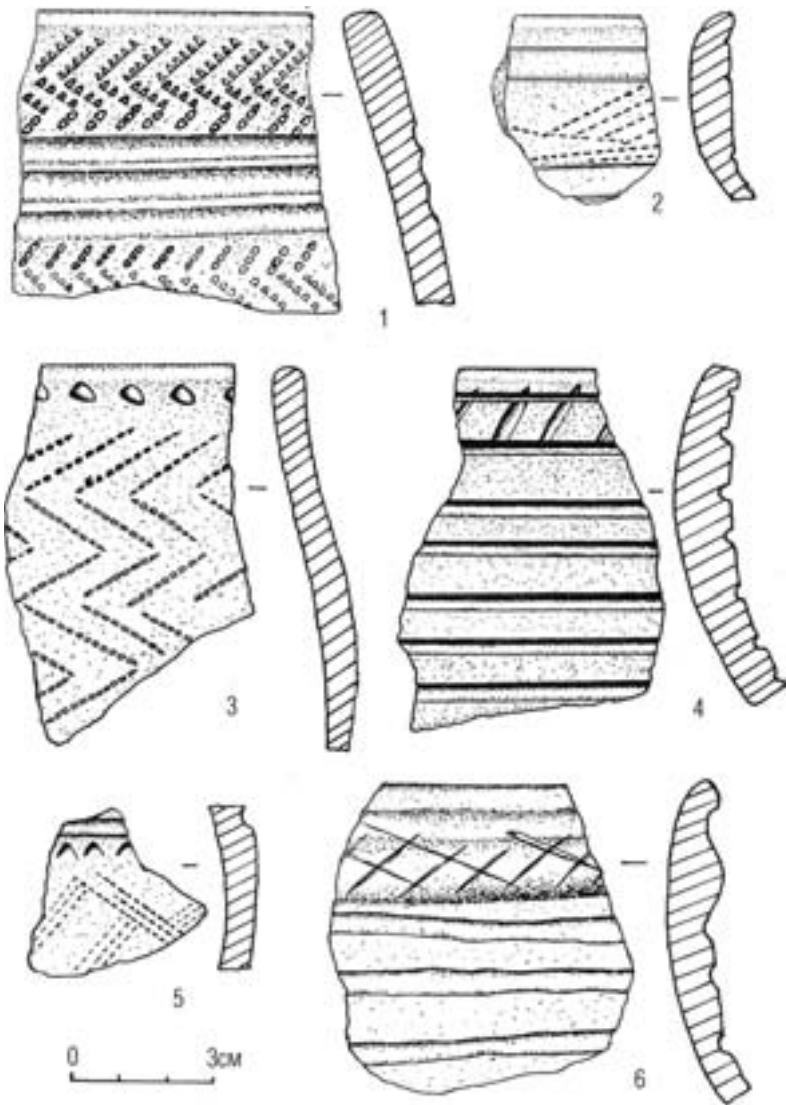

Рис. 1. Керамика с поселения Калиновка II.

Рис. 1. Топографический план расположения памятника Преображенка-2.

положенных по кругу. Географические координаты центра данной структуры: N 55°29'32", E 76°59'07". Территория, примыкающая к памятнику, за исключением юго-восточного сектора, распаивается. Начиная с момента его открытия, зона пашни значительно возросла. Здесь неоднократно собирался подъемный материал: фрагменты керамики, кости животных, обломки глиняных шаров. Керамика орнаментирована горизонтальными ря-

дами: жемчужин, заштрихованных треугольников, ромбов; сетки, зигзага, ёлочки, выполненных в резной или штампованной технике; каплевидных вдавлений. Такая керамика типична для ирменской культуры Барабы эпохи поздней бронзы (IX – VIII вв. до н.э.) [Молодин, 1985, с. 119 – 124]. Характер подъемного материала свидетельствует о существовании на распаханной территории поселения ирменской культуры. В 2006 г. нами отмечена наибольшая концентрация подъемного материала в северном и северо-восточном направлении от кругового комплекса. Площадь распространения подъемного материала значительно меньше зафиксированной в 1990 и 2004 гг, что объясняется вероятно его выборкой, а также случайными факторами вспашки. С южной и западной сторон подъемный материал не обнаружен.

Еще на начальном этапе исследования памятник привлек внимание археологов своей необычной для региона кольцевой планировкой мощных фортификационных сооружений. Особый интерес вызывала датировка этого комплекса. В ходе разведочных работ экспедицией Т.Н. Троицкой был заложен шурф на валу круговой конструкции. Как в насыпи вала, так и в погребенном под ней слое отмечены фрагменты керамики ирменской культуры, с той лишь разницей, что в насыпи обломки были мельче. Предварительно круговое сооружение было атрибутировано как более позднее по отношению к распаханному поселению [Копытова, 1972, с. 67 – 68]. Вместе с тем в шурфе, вскрытом В.И. Молодиным в 1975 г., были обнаружены фрагменты посуды кротовской культуры, что делает весьма проблематичной датировку всего памятника.

Геофизическое исследование памятника Преображенка-2 в 2006 г. было нацелено на выявление структуры ирменского поселения на пашне и соотнесение ее с рельефно видимым комплексом круговой архитектуры. Исходя из опыта геофизической разведки подобных памятников в Барабинской лесостепи, наиболее подходящим представлялся метод высокоточной *магнитометрии*, стабильно дающий на контрастных по магнитным параметрам грунтах: темном почвенном слое и материковом суглинке, отличные результаты. Основой для разметки геофизической съемки послужил топографический план памятника, выполненный сотрудниками НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области в 2004 г. (рис. 1). Сохранившиеся реперы позволили осуществить четкую инструментальную привязку сетки измерений с квадратами 40 x 40 м.

Магнитное картирование памятника производилось с помощью градиентометра G-858 (фирма “Geometrics”, США) модификацией вертикального градиента по ранее отработанной методике [Дядьков, Молодин и др., 2005, с. 304 – 309]. Градиентометрическая магнитная съемка, выполненная на площади 28800 кв.м., включала месторасположение рельефно видимого комплекса и прилегающие к нему участки, часть из которых располагалась на пашне. По итогам измерений была построена магнитограмма (рис. 2А), на которой отчетливо выделяется круговая структура оборонительного рва и вала городища. Видны и отдельные ямы. Однако, на интересующей нас

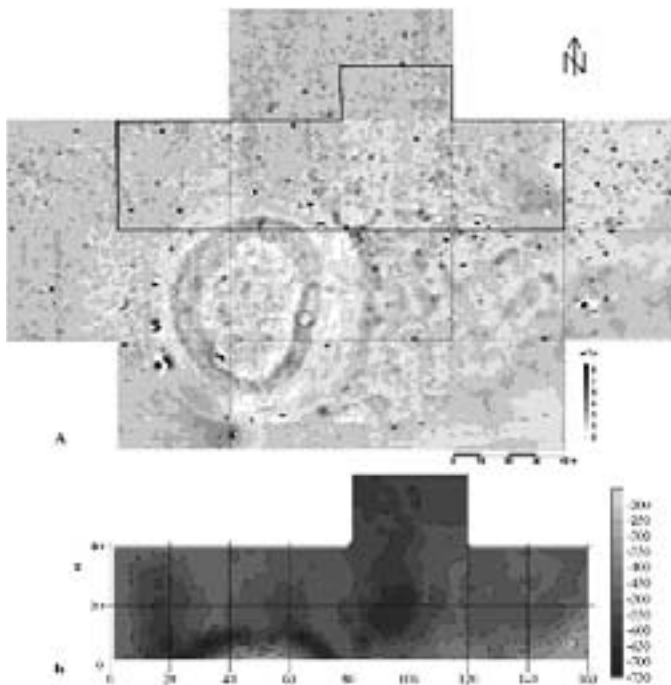

Рис. 2. Результаты геофизических исследований памятника Преображенка-2.
А – магнитограмма; Б – геоэлектрическая карта на частоте 40 кГц.

периферии памятника ожидаемых следов котлованов древних жилищ четко выявить не удалось – наблюдается пестрая картина локальных, хаотически расположенных мелких неоднородностей, интерпретация которых может быть весьма вариабельной.

Необходимо было выяснить, почему ситуация для проведения магнитной съемки оказалась менее благоприятной, чем на ранее исследованных памятниках Барабинской лесостепи. Во-первых, в районе рельефно представленного комплекса в результирующие данные добавляется погрешность, связанная с неровностями земной поверхности (резкие изменения рельефа). Во-вторых, анализ разрезов в имеющихся ямах и обрыве берега р. Оми и измерения магнитной восприимчивости грунтов показали, что темный верхний почвенный слой в этом районе значительно мощнее, чем обычно и может достигать 1 м. При этом, хотя и наблюдается некоторое увеличение магнитной восприимчивости в самой верхней части разреза до $400-500 \times 10^{-6}$ ед. СИ, но контрастность ее значений со значениями подлежащих слоев значительно ниже, чем на расположенном неподалеку памятнике Преображенке б, и, как правило, не превышает $100-150 \times 10^{-6}$ ед. СИ. По-видимому, это связано с тем, что памятник расположен на террасе более низкого уровня, чем терраса памятника Преображенка – б, и почвенный

слой постоянно увеличивался и обогащался органическим материалом во время половодий. Дневная поверхность четвертичных отложений здесь сформирована поймой р. Омь и классифицируется как современное звено четвертичных аллювиальных осадков первой надпойменной террасы. Следовательно, котлованы ирменских жилищ могли не перерезать слабо магнитный материковый грунт, а быть впущены в мощный почвенно-аллювиальный слой, мало, чем отличающийся по магнитным параметрам от заполнения самих жилищ. Следует также отметить, что не все рельефно видимые понижения, сохранившиеся на нераспаханной части памятника, можно квалифицировать как остатки котлованов древних жилищ. Возможно, часть из них появилась в результате размыва грунта в момент затопления паводками территории памятника. Не следует также исключать, что каких-либо земляных конструкций, связанных с комплексом круговой архитектуры, здесь вообще не было, а весь объект следует воспринимать как культовый комплекс. Понятно, что однозначный ответ можно дать, только проведя широкомасштабные раскопки.

В связи с этими обстоятельствами, мы можем ожидать, что аномалии, обусловленные археологическими объектами на этом участке, будут иметь существенно меньшую интенсивность. Тем не менее, на полученных в результате проведения съемки магнитных картах выявлено достаточное количество аномалий, которые заслуживают внимательного изучения, интерпретации и археологической проверки.

Кроме того, была измерена магнитная восприимчивость находок керамики на дневной поверхности, исследуемого участка. Ее магнитная восприимчивость достигала весьма высоких значений — 1×10^{-2} ед. СИ, т.е. при близком расположении датчика магнитометра от керамических изделий или их крупных фрагментов будет фиксироваться точечная аномалия в магнитном поле. Поскольку находок керамики достаточно много, можно ожидать, что некоторые точечные магнитные аномалии могут быть связаны с этим фактором.

Для поиска под слоем пашни ирменских поселенческих конструкций, не выявленных магнитометрически, дополнительно была применена технология *частотного электромагнитного зондирования* аппаратурой ЭМС на площади 7200 кв. м. Использовалась единая с магнитометрией разметка исследуемой территории. Измерения проводились по сетке 2×2 м. Для построения карт было выполнено 1800 физических точек наблюдений. В результате построены карты распределения измеряемых параметров на различных частотах. В данном случае наиболее четкая картина проявилась на частоте 40 кГц (рис. 2Б). Под слоем пашни выявлены аномальные структуры, по размерам сопоставимые с котлованами ирменских жилищ, также хорошо видна представленная в рельефе северная граница укреплений городища. На геоэлектрической карте достаточно четко видно, что граница укреплений перерезает, две аномалии, предварительно соотносимые нами с котлованами ирменских конструкций.

Выводы. Комплексное применение геофизических методов на памятнике Преображенка-2 является оптимальным в сложившейся обстановке, когда практически вся территория была покрыта магнитной съемкой. Для детальной проработки зоны пашни применен метод частотного электромагнитного зондирования. В результате удалось выявить структуру остатков ирменского комплекса и соотнести ее с оборонительной системой. Для подтверждения геофизических прогнозов и уточнения датировки памятника необходима археологическая проверка, которая позволит ответить на вопрос о хронологии отдельных участков комплекса, и в частности круговой оборонительной системы, а также её функциональном назначении.

Примечания

Ануфриев Д.Е. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Болотнинском, Венгеровском, Здвинском, Искитимском, Кольванском, Коченевском, Куйбышевском, Маслянинском, Мошковском, Новосибирском (сельском), Северном, Сузунском, Тоугунинском, Убинском, Чановском, Чистоозерном районах Новосибирской области и в черте г. Новосибирска в 2004 году. Т. 1. – Новосибирск, 2005. (Архив НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области).

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. – Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2000. – 531 с.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Том XI, часть I. С. 304 – 309.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII – XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 54 – 62.

Копытова Л.И. Археологическая разведка памятников у с. Старая Преображенка Чановского района // Вопросы археологии Сибири. Вып.38. – Новосибирск: НГПИ, 1972. С. 66 – 71.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980.

**К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ИЗГОТОВЛЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
ИЗ ДЕРЕВА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ***

Исследования захоронений в курганах с мерзлотой, проведенные на территории Горного Алтая, Казахского Алтая и в Саянах (Республика Тыва) в течение последних пятнадцати лет, добавили в общий банк данных археологии много новых источников, в том числе и по древней деревообработке [Полосьмак, 1994, 2001; Молодин, 1997, 2000; Феномен, 2002; Чугунов, Парцинер Наглер, 2002; Мыльников, Парцингер, Чугунов, Наглер, 2002; Самашев, Мыльников, 2004]. Комплексный анализ накопленного материала со всей очевидностью показал, что без детального исследования аналогичных объектов, расположенных на северо-западе Монголии, входящих в общий круг археологических памятников Азиатского пояса степей, археологическая картина обозначенного региона остается достаточно неполной. Ход событий этого года показал, что курганы хунну, расположенные в Центральной Монголии, а так же скифского времени предварительно разведанные и атрибутированные на высокогорных плато северо-запада страны в 2004 г. [Молодин, Цэвээндорж, Мыльников, Слюсаренко, Гаркуша, Шнеевайс, Байарсайхан, Овчаренко, 2004, С. 365-371], начали активно подвергаться археологическому изучению. В связи с обозначившейся тенденцией появилась необходимость провести анализ материала накопленного нашими предшественниками и попытаться найти общее и особенное в традициях деревообработки в центре, на северо-западе Монголии и сопредельных территориях в скифское и гунно-сарматское время.

Единственный памятник скифского времени Улангом, насчитывавший более 50 захоронений, совершенных под каменными насыпями [Новгородова, 1989, С. 332-341], расположен в Северо-западной Монголии, на склонах горы Чандмань уул, в окрестностях г. Улангом – административного центра Убсунурского аймака, граничащего с Республикой Тыва. Могильник датирован VI-III вв. до н. э. Исследован в 1972-1974 гг. участниками советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции [Волков, 1978, с. 101-107; Цэвээндорж, 1978, с. 108-117; Новгородова, 1989, с. 332-341]. В неглубоких могильных ямах обнаружены погребения в трех – пятивенцовых срубах из лиственничных бревен с бревенчатым

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 06-01-91912e/G; №06-01-18079; гранта НШ №2286.203.6.

перекрытием потолка и настилом пола из плах, жердей и каменных плиток (рис. 1, 1).. Угловое сопряжение концов бревен срубов, как правило, с двухсторонним остатком «в обло» [Новгородова, 1989, с. 334]. Бревна во всех срубах отесаны изнутри [Там же, с. 335]. Среди прочих исследованы погребения в прямоугольных гробах из досок (мог. № 29, 30, 44, 50, 51), относящиеся к гуннскому времени и детское в колоде (№ 20).

По расположению в природной среде погребальные сооружения Улангома все внутримогильные. По архитектуре – подквадратные в плане строения с квадратным основанием, в поперечном разрезе прямоугольные и в форме усеченной пирамиды. По технологии изготовления это, в основном, классические срубы из круглых и односторонне отесанных бревен с боковыми подтесами. Щели между венцами в отдельных сооружениях были заделаны тонкими жердями. Поверх некоторых срубов уложен накат из толстых бревен. В восточной стенке одного из срубов, возле северо-восточного угла, прорублен *дверной проем* шириной 80см. Внутри камеры перед входом положена *ступенька-порог, вырубленная* из бревна диаметром 30 -35см. С внешней стороны стены этого сруба были укреплены вертикальными столбиками диаметром 10 – 12 см. Традиция укреплять стенки срубов вертикальными столбиками известна по раскопкам курганов синхронных культур в Кузнецкой и Минусинской котловинах. В юго-восточных стенках двух срубов прорублены *квадратные отверстия* размером 50 x 45см и 50 x 50см, которые были заставлены снаружи сланцевыми плитами.

Перекрытие потолков срубов состояло в среднем из девяти – двенадцати полубревен. Установлено, что в конструкцию одного из срубов древние строители включили два *переиспользованных* бревна с поперечными пазами и врезными шипами (шиповое соединение).

На Алтае в урочище Уландрык и на высокогорном плато Укок выявлены аналогичные свидетельства переиспользования готового материала, выразившиеся в своеобразных технологических особенностях в конструкциях отдельных погребальных сооружений рядовых кочевников и средней знати. Нам удалось установить, что некоторые срубы собраны из бревен с разной степенью обработки поверхности и разными сроками заготовки. Например, в детском погребении *Уландрык 1, курган 2* восточная короткая стенка сруба собрана из полубревен, остальные из полубруса (рис. 1, 2). В южной продольной стенке нижнее бревно, вероятно, переделано из заготовки для сруба большего размера. Оно длиннее прочих на 28 см и на конце имеет остатки второго (не обрубленного) замка для углового сопряжения.

Настилы полов в камерах были выполнены из жердей диаметром 8-10см, горбыля и плах.

Ноин-Ула. Погребальные сооружения гуннской знати [Руденко, 1962].

Судя по описаниям насыпи у всех курганов земляные подквадратной формы, ориентированные сторонами по странам света, размеры их ко-

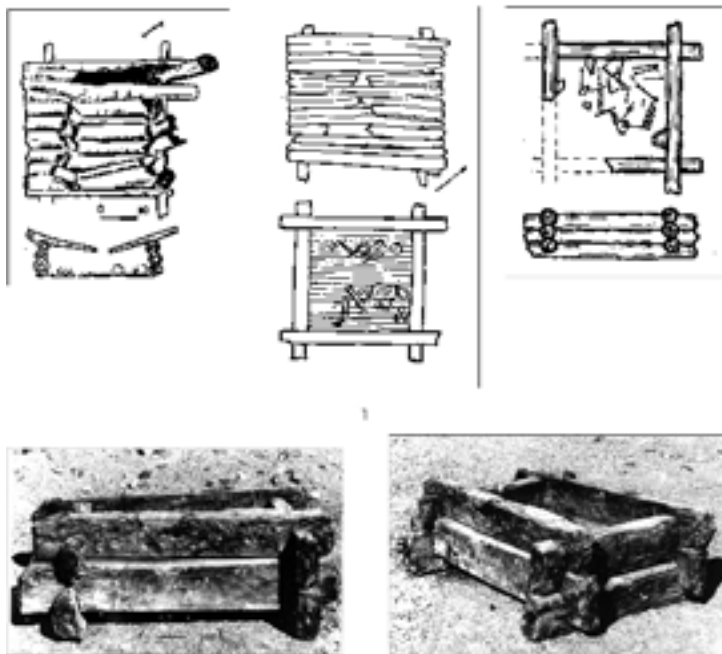

Рис. 1. 1 – Погребальные сооружения из дерева скифского времени из могильника Улангом в Монголии [Новгородова, 1989]; 2 – Детское погребальное сооружение из дерева. Горный Алтай, могильник Уландрык 1, курган 2 [фото И. Слюсаренко].

леблются от 14 до 26 м, высота от полутора до трех с половиной метров. С южной стороны насыпи выкладывался узкий длинный вал «шлейф» из валунов 5-9 х 12-23 м, прикрывавший ход в яму (дромос). Могильные ямы очень глубокие от 7,8 м до 13,5 м.

Материалом для погребальных сооружений служили деревья хвойных пород, в основном – сосна. Все погребальные сооружения срубные, двойные, прямоугольной формы с внутрисрубными постройками – навесами в обеих камерах. Во внешнем срубе на шести стойках, во внутренней на двух (рис. 2, 1). Внешний сруб смонтирован из трехсторонне отесанных бревен, внутренний – из толстых плах (полубрус) и в двух случаях из четырехсторонне отесанных бревен (бруса). Стенки срубов, судя по приведенным чертежам, возведены при помощи углового сопряжения «врезной трапециевидный клин с продольным (односторонним) остатком». Перекрытие потолка и настил пола – поперечное. Специального ложа с бортами у потолка не было. Полубревна, подтесанные с обеих сторон, укладывались прямо на выровненные плоскости верхних венцов. Пол настилался на лежаки – несколько поперечных плах или брусьев. Перекрытие потолков в обоих срубах дополнительно поддерживалось навесами из установлен-

ных внутри при помощи шипового соединения вертикальных колонн-опор и горизонтальных матиц из бруса. На обоих концах каждой из колонн-опор точно отмерены, выпилены, а затем сколоты топором и подправлены долотом квадратные шипы. Этими шипами колонны вставлялись внизу в соответствующие им прорубленные отверстия в плахах пола, а сверху в отверстия резных, в форме усеченной трапеции, капителей, на которые при помощи шипового соединения крепились продольные матицы.

Во внутренней камере на полу, либо по центру, либо у восточной стенки устанавливалось погребальное ложе закрытого типа – гроб, имевший особую конструкцию. Каждая из четырех стенок, дно и крышка были изготовлены из двух тщательно отесанных и заглаженных толстых досок, скрепленных между собой при помощи Х-образных шипов-закрепов, врезных отверстий такой же формы и врезных прямоугольных пластин с парами круглых шипов-нагелей из дерева. По периметру дна и крышки при помощи долота и стамески прорубалась прямоугольная канавка-

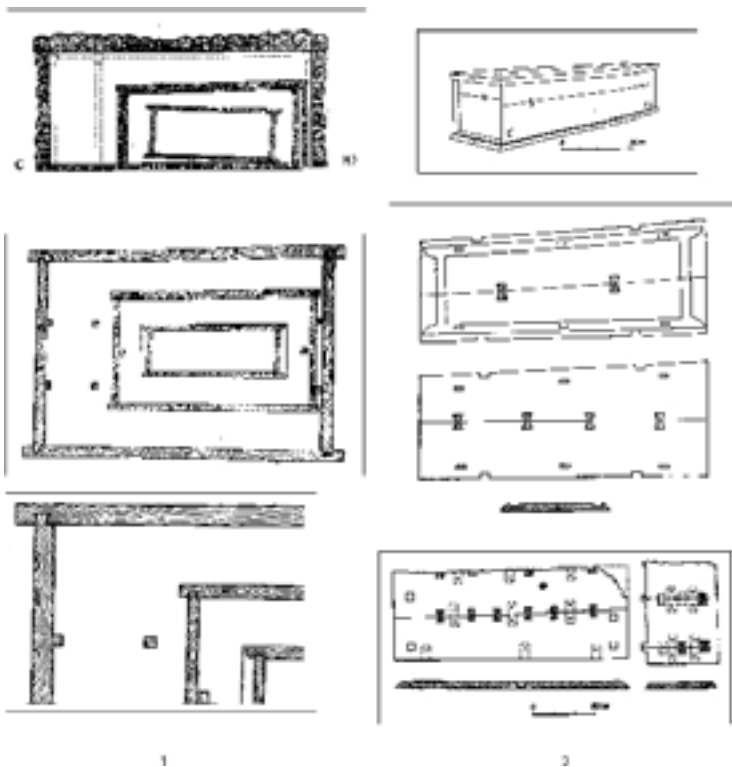

Рис. 2. 1 – Гуннское время. Могильник Ноин Ула. План и разрезы двухкамерного погребального сооружения гуннской знати из полубруса с угловыми сопряжениями вруб (врез) [Руденко, 1962].; 2 – Гуннское время. Могильник Ноин Ула. Общий вид и детали дощатого гроба [Руденко, 1962].

желоб на глубину 1 см для более плотного прилегания стенок. Иногда продольные стенки крепились ко дну и крышке дополнительными врезными 4-6 прямоугольными внутренними и внешними шипами-шкантами, а поперечные – к боковым двойными выступающими шипами. Ребра крышки, дна и стенок не прямоугольные, а симметрично стесаны (срезаются) на угол или заовалены (рис. 2, 2).

Анализ планиграфии памятников и описание конструкций погребальных сооружений показали следующее. Около трех десятков исследованных подкурганых захоронений скифского времени были совершены на дощатом полу бревенчатых срубов, имевших квадратное основание (первый нижний венец). Стенки пяти срубов смонтированы с заметным наклоном вовнутрь и имеют форму усеченной пирамиды. Остальные представляют собой параллелепипеды прямоугольных очертаний. Размеры стен подавляющего большинства погребальных сооружений колеблются от 2,2х2,2 до 2,8х2,8м при высоте от 0,6 до 0,8м. Два сруба 3,0х3,0м и 3,65х3,65м имеют высоту 1,1м. Все срубы, в основном, трехвенцовые, один насчитывает в стенках пять венцов и три по четыре венца бревен. Основной прием вязки бревен в углах срубов – в обло.

При наличии некоторых признаков сходства отдельных деталей с погребальными сооружениями из дерева в Горном Алтае, более близкие аналогии деревянным погребальным конструкциям и инвентарю прослеживаются в соседней Туве (Саглы-Бажи, Сут-Хол, Бай-Тайга) [Грач, 1980; Семенов, 1994, 1997].

Не видя живого материала и фотографий, а имея пред собой только рисунки, трудно с достоверной точностью судить о состоянии деревообработки у носителей культуры хунну Ноин-Улы. Можно предположить, что усложненная система монтажа стен погребальных камер и их отдельных частей, особая тщательность и изобретательность сборки гробов из лицеванных (струганных) досок требовала достаточного опыта владения плотником такими инструментами, как пила и рубанок (фуганок), что свидетельствует о высоком уровне развития технологии обработки дерева. Не исключено, что хунну Монголии заимствовали основные приемы и способы обработки дерева новыми видами орудий у древних мастеров Китая.

Примечания

Волков В.В. Улангомский могильник // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 101–107.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980б. – 256 с.

Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. – 1997. – № 1. – С. 37–39.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. – 192 с.

Молодин В.И., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Байарсайхан М., Овчаренко А.П. В поисках пазырыкских комплексов на Северо-Западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X., часть I. – С. 365-371.

Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А. Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 396–402.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Гл. ред. Вост. лит-ры, 1989. – 383 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 205 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. (Мат-лы комплекс. анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ “Берел”, 2004. – 312 с. – (На англ., рус. яз.).

Семенов Вл.А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей-1 в Уюкской котловине // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Мат-лы засед. «круглого стола» (22 – 24 декабря 1994 г.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН; Гос. Эрмитажа, 1994. – С. 184–192.

Семенов Вл.А. Монгун Тайга: (Археол. исслед. в Туве в 1994 – 1995 гг.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – 48 с., 52 рис. илл.

Феномен алтайских мумий / В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, Т. А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Цэвээндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 108–117.

Чугунов К.В., Парцингер Г, Наглер А. Элитное погребение ранних кочевников в Туве (Предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – №2. – С. 115-124.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА С ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО 1*

Поселение переходного от бронзы к железному веку Линево-1 на сегодняшний день является достаточно полно изученным. За три года археологических раскопок здесь вскрыто более 3000 м² площади. Коллекция артефактов из кости и рога насчитывает около 800 экземпляров, из них 374 изделия из кости целые и во фрагментах. Функциональный состав изделий из кости следующий.

Проколки из грифельных костей лошади – 14 целых экз., 22 фрагмента со сломанными остриями, и множество фрагментов остриев. Размеры от 12 до 20 см. Острия у всех орудий заполированы от частого употребления. Вероятно, ими намечались и прокалывались отверстия в выделанных шкурах при пошиве дежды. Аналогичные орудия найдены на поселении Чича-1 [Молодин и др., 2004, с. 279].

Игольницы – 4 целых экз. и несколько сломанных по длине предметов изготовлены из круглых тонкостенных трубчатых костей. Длина изделий 10-11 см, диаметр 1,2-1,5 см. Четыре изделия орнаментированы. У одной из целых игольниц на торцах лезвием ножа нанесено по три тонких резных полосы, у второй прорезаны три тонких пояска на расстоянии 1,5-2 см друг от друга.

Костяные иглы – 2 шт., круглые в сечении. У одной – наполовину обломано ушко. Длина целого экземпляра 12 см, диаметр возле уплощенного с двух сторон ушка – 3,5 мм, у острия – 1,5 мм. Игла изогнута, диаметр ушка для нитки 1 мм.

Ворворки – 3 шт., длиной 3,5-4 см, расколоты по длине. Две, круглых в сечении, покрыты рельефным гофрированным орнаментом, у третьей ниже закругленного верхнего края выбран неглубокий (5 мм) поясок.

Во время раскопок обнаружено целое хорошей сохранности бронзовое четырехгранное шило *с рукоятью из трубчатой с эпифизом кости мелкого скота*. В коллекции присутствует около десятка аналогичных рукоятей разного размера, вероятно, предназначенных для изготовления металлических орудий труда (шильев, ножей, стамесок).

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур ук изменениям природной среды...», грантов РГНФ № 05-01-01363а, НШ №2286.203.6.

Кожевенные струги из ветвей нижних челюстей коров – 6 целых экз. и несколько фрагментов. У всех орудий от частого употребления сточены и заовалены внутренние поверхности, по всей рабочей – фиксируется сильная залощенность.

Кожевенные двуручные двулезвийные струги, выполненные из колотых пополам больших трубчатых костей животных, имели широкое распространение во времени и пространстве [Алексашенко, 2004, с. 348]. На поселении Линево-1 найдены крупные и мелкие фрагменты этих орудий со сработанными и заполированными рабочими поверхностями.

Лощила по коже, выполненные из ребер животных и из трубчатых костей, *скребки по коже из ребер животных и рога лося*. Некоторые скребки выполнены из заготовок трубчатых костей в форме остроконечников. Под бинокулярном фиксируются следы сильной заполированности овальных остриев и тонкие риски.

Астрагалы овце – более 50 шт. Около десятка из них сильно зашлифованы с двух сторон. Возможно, их пористые поверхности использовались в качестве мягкого абразива. Один миниатюрный астрагал (альчик) толщиной 5 мм имеет отверстие диаметром 3 мм. Вероятно, он использовался для ношения в качестве украшения или амулета. Возможно, остальные, без следов обработки, были детскими игрушками [Молодин, Ефремова, 1998, с. 300-309].

Долотовидные орудия из крупных отростков рога лося и марала – 2 экз. Рабочие части орудий заострены с двух сторон на клин. Размеры орудий: 19 x 4 x 3 см, ширина прямого лезвия 2 см и 18 x 3,5 x 3 см, ширина лезвия 2 см. На боковых поверхностях орудий четко выделяются следы рубки, лезвия зашлифованы. Одно орудие с четырех сторон обработано косыми мелкими частыми рубящими ударами острого лезвия. В сечении подквадратное 3 x 3,5 см. Некоторые исследователи определяют их как мотыжки или рыхлители почвы [Молодин и др., 2001, с. 155-156].

Стамески с прямым и полукруглым лезвием изготовлены из толстостенных трубчатых костей животных – 7 целых экз. Возможно, эти орудия труда предназначались не только для работ по дереву, но и употреблялись в качестве скребков по коже.

Мотыги из рогов лося – 2 шт. – имеют в плане подтрапещевидную форму, в профиле – дугообразную. Размеры: длина до 14 см, ширина рабочих частей 8 и 4,5 см, толщина 05 см и 2 см. У толстой мотыги широкий край обломан, у тонкой по широкому краю идут мелкие заостряющие срезы.

Кочедыки – приспособления для распутывания узлов из сыромятной кожи и иных материалов, изготовленные из лопаток животных – 6 экз. У трех орудий, примерно одних размеров и формы, выполненных из трубчатых костей, четко оформлены заостренные овальные рабочие части. Поверхности рабочих частей сильно заполированы. Длина двух кочедыков, изготовленных из больших отростков рога лося, 18 см, ширина 6 см, длина круглой заостренной части – 3,5 см, диаметр 1 см. Не исключено

и другое функциональное назначение этих предметов в качестве рыхлителей почвы. На торцах орудий хорошо сохранились четкие следы распила по тонкой уплощенной части и надрубы и изломы в закруглении отростка. Один (длинный 16 см и тонкий 1,4 см) предмет, похожий на проколку, изготовлен из толстостенной трубчатой кости. Узкий конец его, диаметром 3 мм, тонкий и округлый в сечении, затуплен и залощен. На более широком, плоском, с обеих сторон навстречу друг другу просверлены не до конца два конических углубления. Возможно, это незаконченное сквозное отверстие для подвешивания предмета к поясу.

Псалий роговой трехдырчатый круглый в сечении, в профиль дугообразный, один конец обломан. Кроме трех овальных сквозных отверстий 12 x 5 мм имеет четыре круглых сквозных отверстия диаметром 5 мм. Два расположены по бокам центрального овального отверстия, а два других просверлены перпендикулярно боковым овальным отверстиям. Целый конец псалия закруглен и перехвачен двумя небольшими поясками. Среди находок присутствует заготовка отростка рога длиной 12 см, диаметром 2,5-1,5, см со следами круговой зарубки и отламывания от основы. На округлом конце фиксируются следы круговой подрезки для оформления округлого навершия. Возможно это заготовка псалия.

Застежки для пуг двух типов изготовлены из рога. Круглые в сечении с выбранным пояском посередине имеют конические закругленные окончания. У плоских, с приливом, в котором просверлено отверстие, концы обломаны. Возможно, они использовались и как колчаные застежки.

Пряжки-застежки плоские, размерами 4 x 2 см, толщиной 1,2 мм, изготовленные из плоских роговых пластин, имеют по два отверстия для крепления.

Коллекция насчитывает большое количество целых экземпляров наконечников стрел и дротиков. *Наконечники стрел* разного размера, в основном, изготовлены из трубчатых костей, несколько экземпляров выполнены из рога. По типу наконечники: двугранные, трехгранные, ромбические в сечении и тонкие плоские двухлопастные с заостренными с двух сторон гранями. Наконечники для дротиков все с черешковым насадом, для стрел, за исключением одного, все с черешковым насадом. Трехлопастной наконечник для стрелы с втульчатым насадом изготовлен из лопатки животного.

Наконечники для дротиков длиной 11–16,5 см, шириной 1,5–2 см изготовлены из рога и трубчатых костей. В коллекции есть заготовки трехгранных наконечников для дротиков и незаконченные или сломанные изделия.

Односторонние гарпуны – 2 экз. – с тремя жалами, выполнены из рога. Размеры 13 x 1,5 x 1 см.

Полукольцо из рога лося – предположительно было деталью большого составного рыболовного крючка на крупную рыбу или служило кольцом для натягивания тетивы лука [Пятых, 2006, с. 360, рис. 1, 6].

Украшения. Клык медведя длиной 6 см. На конце корня с двух сторон навстречу друг другу просверлены не до конца конические углубления,

вероятно для сквозного отверстия. Подпрямоугольная роговая пластина 5,5 x 3,5 см, толщиной 0,8 мм с тонким около 1 мм круглым отверстием.

Подвеска из зуба животного. Длина – 2 см. В корневой части – просверлено отверстие для подвешивания.

В коллекции множество заготовок из отростков рогов лося, встречаются фрагменты розеток и лопаток рогов, колотые трубчатые кости, лопаток и тазовых костей животных.

Анализ костного материала позволяет выделить несколько областей хозяйственно-бытовой и производственной деятельности населения древнего поселка Линево-1, в которых находили применение костяные орудия: выделка кож и пошив одежды, охота, рыбная ловля, земельные работы. Сравнительно-типологический анализ показывает большое сходство костяных изделий поселения Линево-1 с аналогичными материалами поселений переходного от бронзы к железу времени: Чича-1 в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2001, с. 155-156; 2004, с. 279], Мыльниково в Барнаульском Приобье [Папин, Шамшин, 2005, с. 137-146], у носителей большереченской культуры в Вехнем Приобье [Грязнов, 1956, Табл. IX, XI, XV].

Примечания

Алексахенко Н.А. Костяные изделия городища Ярте VI // Комплексные исследования древних и традиционных обществ в Евразии: Сб. науч. Трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 346-351.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по рпскопкам близ с. Большая Речка. – МИА №48. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. -161 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла 1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Матер. VI год. Сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. -С. 300-309.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: ИА и Э СО РАН. 2001. -240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск-Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. 2. – 336 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.

Пятых Г.Г. Изделия из камня и кости в срубной культуре Заволжья // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 358-365.

*Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Т.Н. Мжельская,
Л.С. Кобелева, А.Н. Савин, В.П. Сяткин, В.П. Мыльников*

РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ В 2006 ГОДУ*

В полевой сезон 2006 г. Тогучинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с НАЭ НГПУ велись работы по исследованию памятника Березовый остров, расположенного в Мошковском районе НСО, в широкой пойме левого берега р. Оби на одноименном урочище, поросшем березовым лесом. Урочище (примерно 550 x 220 м) возвышается над окружающей местностью и находится на правом берегу р. Уень, в 0,2 км от нее, в 4 км к северо-западу от с. Старо-Дубровино, в 3,5 км к юго-западу от с. Черный Мыс [Адамов, 2000, с. 106-110]. Сам памятник представляет собой курганную группу, обнаружен В.А. Дремовым, частично исследован в 1962, 1968, 1974, 1985, 1986 гг. Т. Н. Троицкой, А.В. Матвеевым и А.А. Адамовым.

В археологической литературе памятник известен как курганный могильник Березовый Остров-1 (именно на нем велись все работы), и городище Березовый остров-2 (Березовый Мыс) [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с.83]. При раскопках средневековых объектов исследователи отмечали, что погребения были впущены в слой эпохи поздней бронзы [Адамов, 2000, с. 106-107].

Целью работ 2006 г. было изучение межкурганной площади памятника и выявление поселенческого комплекса поздней бронзы. Четыре раскопа общей площадью 264 кв. м располагались в северо-восточной, юго-восточной, южной и юго-юго-западной частях памятника. Для удобства фиксации и учёта находок каждому раскопу был присвоен номер (№№ 1-06 – 4-06).

Раскоп №1-06 находился в северо-восточной части памятника, в межкурганном пространстве, включал в себя небольшую западину и невысокий холмик. Общая площадь составила 145 кв. м.

Обнаружены остатки строения. *Строение №1*, по-видимому, было наземным и имело подквадратную форму. По остаткам горелого дерева прослежена северо-восточная стенка и 3 столбовые ямы вдоль нее. Длина стенки 165 см. были вкопаны 3 столба, которые снаружи подпирала доска. У северо-западной стенки располагался прокал-очаг, мощнос-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 05-01-01363а, программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», НШ-6568.2006.6.

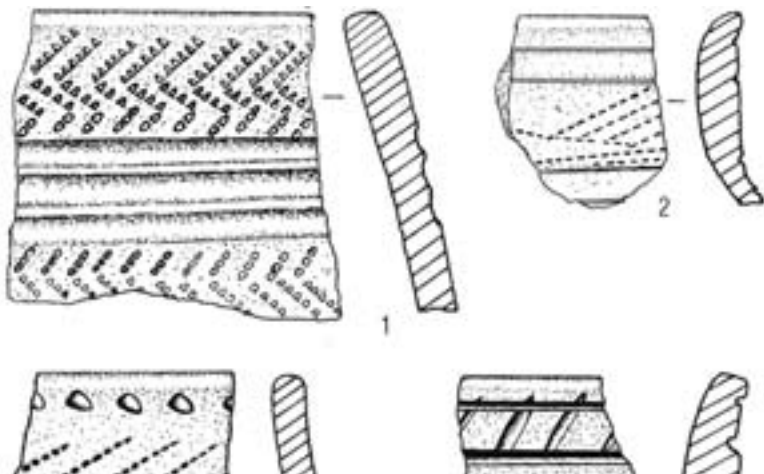

Рис.1. Памятник Берёзовый Остров-1. Раскоп № 1-06. Изделия из глины.

тью 0,07 м. В заполнении ярко-красного цвета найдена челюсть животного и большой фрагмент керамики. Рядом с очагом – развалы двух сосудов, каменные точило и ударник (объект № 7). Также вокруг очага встречаются фрагменты горелого дерева. К юго-западной стенке строения примыкала яма № 4. В заполнении ямы – кости животного (часть из них обожженные) и фрагменты керамики. К этой же яме, по-видимому, относится развал сосуда (объект № 3), зачищенный выше костей. В северо-восточной части раскопа находилась яма № 9, хозяйственного назначения. В заполнении – кости лошади, фрагменты керамики, кости и чешуя рыбы. Юго-западная стенка конструкции прослеживается слабо и выявлена по цветности слоя заполнения. Внутри самой конструкции найдены: скопление фрагментов керамических сосудов (объекты №№ 5, 6), небольшое количество камней, костей и зубов животных.

По-видимому, конструкция использовалась, как временное летнее жилище. Стенки с подветренной стороны, в районе очага, были укреплены досками. Жилище сгорело, возгорание произошло в районе очага. Анализ найденной на памятнике ихтиофауны так же указывает на сезонный характер строения: судя по склеритам чешуи, вся найденная здесь рыба выловлена в один период – в начале лета (май – июнь).

В западной части раскопа вскрыт прокол ярко-оранжевого цвета, мощностью 0,07 м. Вокруг прокала – зола.

На территории раскопа, вне конструкции найдены 2 ножевидные пластины, обломок каменного грузила, каменное точило, прокаленные камни. Керамический материал достаточно разнообразен: представлен фрагментами сосудов поздней бронзы и раннего железного века.

В части раскопа выявлен объект № 2, представляющий собой скопление очень мелких фрагментов керамики ранней бронзы. Подобная

Рис.2. Памятник Берёзовый Остров-1. План участка раскопа № 4-06 и изделия из глины.

керамика зафиксирована также и в раскопе № 3-06. Стратиграфически, она залегала в нижнем слое мешанной желто-черной почвы.

Раскоп №4-06 был заложен у края юго-восточного склона увала на участке между старыми раскопами 1962 и 1974 гг. В ходе работ вскрыта площадь 67,4 кв. м. Частично выявлено строение, состоящее из двух котлованов и соединяющего их прохода в виде широкого изогнутого

коридора (Рис. 2, 1). Наиболее крупный восточный котлован уходит за пределы раскопа и, видимо, был разрушен средневековыми курганами, раскопанными в 1964 и 1985 гг. Сохранилась только небольшая часть камеры, не позволяющая реконструировать форму и размеры строения. Глубина сохранившейся части котлована колеблется от 0,17 до 0,37 м. Пол слегка понижается в сторону коридорообразного перехода ко второй камере.

Вторая камера находилась на самом краю увала, и её южная стенка оплыла вниз по склону, видимо, ещё в древности. Сохранившаяся часть имеет подпрямоугольную форму, стенки почти отвесные, глубина колеблется от 0,12 до 0,2 м.

Соединяющий обе камеры проход представляет собой короткую широкую канаву, плавно поворачивающую почти на 90°. Её ширина – 2,8 м., глубина – 0,26-0,38 м.

Описанное строение, по крайней мере, на вскрытой раскопом части имело хозяйственное назначение. Здесь выявлен бронзолитейный производственный участок, занимающий часть обеих камер и весь соединяющий их проход (Рис.2, 1). В него входил очаг, расположенный на материковом выступе у юго-западной стенки коридора. Высота выступа 0,2 м. южная и западная стенки почти отвесные, северо-восточная – очень пологая. Именно с этой стороны наблюдается наиболее значительная концентрация фрагментов керамики ирменской культуры и отходов бронзолитейного производства: фрагментов литейных форм, тигля, обожженной глины, обломков каменных молотков. С двух сторон к очагу примыкала длинная узкая яма шириной 0,8 -1,2 м и глубиной 0,13-0,26 м. К восточной стенке этого углубления примыкает небольшой материковый выброс, образовавшийся при рытье или, вероятнее, чистке канавы от мусора. В пользу последнего предположения говорит концентрация в выбросе мелких фрагментов литейных форм.

С бронзолитейным делом был связан и зачищенный выше описанного комплекса провал. Он располагался над канавой, на границе восточной камеры и перехода. Видимо, производственная деятельность переместилась сюда после разрушения первого очага и образования значительного культурного слоя на полу жилища.

За пределами жилища, в северо-восточной части раскопа, найден ещё один производственный участок. К сожалению, его территория сильно повреждена кротовыми норами и современными ямами. Сохранились два провала, вокруг которых замечена концентрация кусков обожженного гранита и скопления полученной из него дресвы. Здесь же стояла емкость (представляющая собой нижнюю часть горшка), наполненная дресвой. Вероятнее всего, дресва получена путём многократного сильного нагревания гранитных обломков (на них четко прослежены следы термического воздействия) и предназначалась для использования в гончарном производстве. Дресва и гранит найдены

также возле плавильных горнов внутри строения, что говорит о том, что связанные с её получением операции могли проводиться на всех очагах производственного комплекса вне зависимости от их основного назначения.

Наиболее массовыми отходами выявленного на поселении литейного производства, являются формы (Рис. 2, 2-8, 10). Найдены фрагменты 27 экземпляров. К сожалению, большая часть из них сильно разрушена, рабочие камеры сохранились в единичных случаях.

Удалось восстановить формы, предназначенные для отливки двуушкового кельта (Рис. 2. 4), двух широколезвийных орудий без рукоятей (Рис. 2. 5), вероятнее всего – серпов, трёх стерженьков или крупных шильев (Рис. 2, 7). Спинки форм полукруглые с признаками лепки, рабочие камеры несут следы термического воздействия. Все формы изготовлены по моделям. Найден также полукруглый в сечении сердечник для получения какого-то втульчатого орудия (Рис. 2, 3). Сохранилась грибовидная головка с двухсторонним литником. Разъем и стержень выровнен и обрезан по сырой формовочной массе.

Материалы выявленного комплекса указывают на специализированный характер бронзолитейного производства на данном объекте, превышающий потребности одной патриархальной семьи. Признаками такого производства является не только количество отходов и мощность культурного слоя, но и присутствие в комплексе кассетных форм, предназначенных для отливки сразу двух или трёх однотипных предметов.

Найденный производственный комплекс датируется формой для отливки двуушкового кельта. Сохранился отпечаток верхней части кельта с округлым ушком и проходящим по краю кельта широким валиком. Кельты такого типа широко известны. Например, подобное изделие найдено на поселении Мыльниково (Шамшин, 1989, с. 118, рис. 1, 1; Папин, Шамшин, 2005, рис. 10, 2). Формы для отливки двуушковых кельтов встречены в материалах бронзолитейных мастерских переходного и раннежелезного времени Ближние Елбаны XII, Гробница-3 (Грязнов, 1956, табл. XXIII, 1, 4; Симонов, Ширин, 2006. с. 131, рис. 2. 2, 4).

Литейную мастерскую Ближние Елбаны XII М.П. Грязнов связывает с рубежом бийского и березовского этапов большереченской культуры, т.е. VI-V вв. до н.э., Т.Н.Троицкая эти же материалы датирует V-IV вв. до н.э. Поселение Гробница-3 авторы относят к середине VI – первой половине V вв. до н.э. (Грязнов, 1956, с. 89-90; Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994, с. 9; Симонов, Ширин, 2006. с. 128).

Кельт из поселения Мыльниково датируется VIII-VII вв. до н.э. (Папин, Шамшин, 2005, с.34). Исходя из приведенных выше аналогий, а также анализа керамического материала, форму для отливки кельта из Березового острова, а, следовательно, и найденную здесь литейную мастерскую, следует считать синхронным поселению Мыльниково и датировать VIII-VII вв. до н.э.

Примечания

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв.- Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000.- 256 с.

Грязнов М.П., История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА. № 48. – М.-Л.: АН СССР, 1956. – 234 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул. 2005. – 202 с.

Симонов Д.А., Ширин Ю.В. Бронзолитейная мастерская быстрянской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Выпуск 3, 4. – С. 122-136.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с

Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII – VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень. 1989. – С. 116-129.

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО*

Поселение Линево 1 расположено в Тогучинском районе Новосибирской области, на берегу старицы р. Иня [Мыльникова, дураков, Мжельская, 2003; 2004]. В процессе работ было выявлено, что все вскрытые остатки построек одновременны и относятся к переходному времени от бронзы к железу. Анализ инвентаря, в совокупности со стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями позволили датировать артефакты VII – VI вв. до н.э. [Молодин, Мыльникова, 2005, с. 400].

Среди материальных остатков, полученных при исследовании пос. Линево, присутствуют наконечники стрел, изготовленные из камня (рис.). Их немного – 12 экз. Из них: 7 экз. найдено в жилищах (жил. 15 – 3 экз; жил. 16 – 2 экз; жил 17 – 3 экз); 5 экз – при вскрытии верхних горизонтов памятника. Несмотря на нерепрезентативность выборки, можно сделать некоторые наблюдения.

Заготовкой для всех артефактов этой группы служили, по всей видимости, по всей видимости, непластинчатые сколы. У большинства экземпляров длина составляет около 1,6 ширины. Косвенным свидетельством непластинчатости сколов может служить также использование плоской ретуши с субпараллельными фасетками для обработки вентральной поверхности. Размеры готовых изделий колеблются от 23,78×13,30 до 40,45×21,40 мм. Бульшая часть наконечников имеет размеры 30,38×18,32 – 35,86×17,62 мм. Индекс пропорциональности находится в пределах от 0,36 до 0,64. Исходя из такого же показателя, предложенного В.И. Молодиным и И.Г. Глушковым [1989], предварительно можно говорить о том, что практически все наконечники пос. Линево 1 укороченные, за исключением одного среднепропорционального.

Все наконечники стрел бесчерешковые. Индекс вогнутости базы составляет 0 – 0,17, а у большинства экземпляров – 0,05–0,09. У наконечников есть шипы, преимущественно небольшие.

У трех наконечников стрел наибольшая ширина пера совпадает с шириной базы, а индекс выпуклости пера составляет от 0 до 0,05. Еще у одного экземпляра ширина базы чуть меньше наибольшей ширины пера

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-01363а, 05-01-18083е; гранта НШ № 2286.2003.6

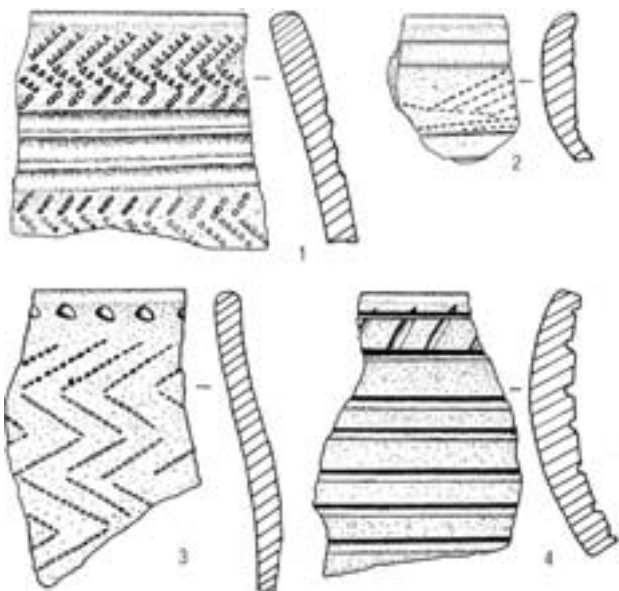

Рис. Каменные наконечники стрел поселения Линево, Новосибирская область.
1 – 3 жилище 17; 4 – 5 – жилище 16; 6 – 8 – жилище 15.

при незначительной выпуклости края пера (индекс 0,03). По этим показателям наконечники стрел могут быть отнесены к типу треугольных. У остальных семи диагностируемых экземпляров наблюдается небольшая разница между наибольшей шириной пера и базой, но увеличивается индекс выпуклости, который колеблется в пределах 0,06 – 1,2. Эти наконечники можно отнести к типу листовидных.

Для изготовления наконечников стрел использовалось ретуширование. Перо оформлялось двусторонней покрывающей ретушью: полукрутой и полукрутой, плоской и плоской, плоской и полукрутой, плоской и крутой. При одинаковом типе ретуши встречается разный угол наклона. Например, у одного и того же артефакта он составляет 15 – 25°, 20 – 30°. Чаще всего (7 экз), ретушь однотипная плоская и плоская; крутая и плоская единична. Чешуйчатые или субпараллельные фасетки ретуши по высоте в основном разнятся. Ретушь непрерывная. Линия края извилистая, но встречаются экземпляры у которых край дополнительно подработан зубчатой ретушью.

Насад наконечников стрел утончен с обеих сторон преимущественно плоской ретушью; очень редко – плоской и полукрутой, по степени распространения захватывающей.

Отнесение проанализированных изделий к наконечникам стрел сделано по морфологическим признакам, однако в исторической реалии это могло быть и не так. Например, так называемые наконечники могли быть

копьецами. Такие факты известны как по археологическим источникам [Древние погребения..., 2004, с. 26, 27, рис. 33, 35-37], так и по этнографическим [Богораз, 1991; Руденко, 1947]. Трасологический анализ наконечников стрел самуськой культуры показал, что артефакты использовались в самом разном качестве – и как сверла по кости, и как сверла по камню, и как разделочные ножи [Молодин, Глушков, 1989, с. 120]. Вместе с этим, на некоторых самуських наконечниках стрел следов работы не зафиксировано.

Что же касается хронологических рамок существования типов вещей, то можно согласиться с мнением Н.Н. Гуриной о том, что наконечники стрел чутки к хронологическим и культурным изменениям. Несмотря на индивидуальные особенности, присущие отдельным экземплярам (например, особенность поделочного материала, разница в навыках при изготовлении предметов и т.д.) среди них можно выделить устойчивые типы, позволяющие использовать подобные артефакты в качестве хронологического и культурного показателя [Гурина, 1978, с. 60]. Для каждой эпохи есть какой-либо характерный тип наконечников. Однако это не означает, что он существует строго в рамках данного периода. Зачастую форма наконечника бытует на протяжении тысячелетий. Если форма пера более консервативна, то оформление отдельных частей более динамично. Например, на определенном этапе каменного века для отделки края применяется пильчатая ретушь.

К сожалению, провести всестороннее сравнение с наконечниками стрел, найденных на других памятниках поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени затруднительно, поскольку разнятся критерии отбора признаков для описания. Иллюстративный материал же служит дополнением к основному описанию. Среди немногих публикаций, в которых всесторонне проанализированы образцы наконечников стрел, следует назвать монографию В.И. Молодина и И.Г. Глушкова “Самуськая культура в Верхнем Приобье” [1989]. Выделенные в указанном издании признаки были использованы авторами настоящей работы. Мы целиком согласны с мнением В.И. Молодина и И.Г. Глушкова о том, что используя количественные оценки, можно добиться повышения точности аналогий и качества сопоставления при сравнении материалов.

Примечания

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремнёвых наконечников стрел // Орудия каменного века. – Киев, 1978.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл) / О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Л.П. Зяблин, В.И. Смотров. – Новосибирск, 2004.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самуськая культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Матер. Годов. Сессии ИАЭТ СО РАН, 2005 г.) – Новосибирск, 2004. – Т.ХІ. – часть I.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О. Исследования поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Матер. Годов. Сессии ИАЭТ СО РАН, 2003 г., посв. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова). – Новосибирск, 2003. – Т.IX. – часть I.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С. Археологическое изучение поселения Линёво-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Матер. Годов. Сессии ИАЭТ СО РАН, 2004 г.) – Новосибирск, 2004. – Т.Х. – часть I.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.-Л., 1947.

**РАСКОПКИ КУРГАНА ХУННУ В ГОРАХ НОИН-УЛА,
СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ***

«Царские» курганы хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) стали известны научной общественности благодаря работам в 1924 – 1925 гг. экспедиций П.К. Козлова и С.А. Теплоухова. Тогда в шести курганах хуннской знати были найдены прекрасные образцы китайского и хуннского анималистического искусства: ковры и ткани, изделия из бронзы, железа, золота и нефрита и т.п. (Руденко, 1962). Впервые стали известны подробности погребального обряда шаньюев и устройство внутримогильных сооружений. Дальнейшее раскопки курганов в Ноин-Уле были продолжены в 1926-1927 гг. под руководством сотрудника Комитета наук МНР А.Д. Симукова. С помощью узких шурфов им были исследованы 2 кургана: в падах Судзуктэ и Цзурумтэ (Сборник археологических..., 2003, с. 76 – 82). В 1954-1955 годах Ц. Доржсурэн раскопал на территории Ноин-Улы пятнадцать погребений рядовых хунну (там же, с. 17-23). В 1961-1964 годах этим же монгольским ученым совместно с венгерским археологом И. Эрдели были исследованы два больших кургана в пади Суцзуктэ, но дойти до дна могил им не удалось (там же, с. 331 – 366). Больше, насколько нам известно, к исследованиям ноин-улинских курганов не обращались. Вместе с тем, понятна уникальность этих памятников: в отличие от других «царских» курганов хунну, в ноин-улинских погребениях прекрасно сохраняются предметы из органических материалов. Помимо сурового климата этому способствовала невероятная глубина могильных ям, мощные погребальные камеры из сосны и грунт, в котором выкапывалась могила, основу которого составляла глина. Учитывая все это, а также имея необходимую базу для дальнейшего мультидисциплинарного изучения всех находок, Южно-Алтайским отрядом совместно с Институтом археологии Монгольской академии наук в 2006 году были предприняты раскопки одного из последних больших курганов в пади Суцзуктэ, в горах Ноин-Ула.

Выбранный для раскопок объект имел «классическую» для больших курганов хунну форму: четырехугольную каменную ограду (размеры: 18 x 17 м)

* Работа выполнена при финансовой поддержке: НИШ – 2286.2003.6; гранта Интеграция РАН, проект № 21.2.; гранта РФГФ № 06-01-91913е/G; гранта РФФИ, № 06-06-80069-а.

из камней и валунов, ориентированную стенками по сторонам света, и в южной части – дромос («вход»), длиной 17,4 м. По центру кургана фиксировалась воронка, глубиной 3,5 м., и мощный выброс из могильной ямы – результат грабежа (осквернения?). Поскольку курган исследовался нами вручную, (чего не удавалось до сих пор ни одной из экспедиций, работавших на больших хуннских курганах в других районах Монголии) – удалось проследить до мельчайших деталей всё устройство внутримогильного сооружения и выявить неизвестные ранее подробности погребального обряда.

Могильная яма была вырыта узкими уступами (ступенями) и имела беспрецедентную для Ноин-Улы глубину – 18,35 м (самый глубокий из исследованных ранее в этом районе курганов имел глубину 13,1 м). Под пятью каменными перекрытиями на глубине 11,6 м были обнаружены остатки ханьской колесницы с зонтом: прекрасно сохранились спицы зонта с остатками кожи и шелковых лент, часть кузова из кожи, покрытого красным и черным лаком, фрагменты колес и т.д. Сама погребальная камера (размеры: 6 x 4 м), располагалась не под колесницей, а гораздо глубже (что тоже является событием экстраординарным). Над внешним и внутренним срубам, сложенными из соснового бруса, располагалось мощное обгоревшее деревянное перекрытие из плах и бревен, которое под давлением грунта и в результате повреждения, связанного с грабежом (осквернением

Рис. 1. Ноин-Ула, могильник Суцзуктэ.
Бляха из погребения.

могилы) по центру – сложилось и оказалось практически на полу. Разрушились и стенки внутреннего и внешнего сруба. Однако достаточно хорошая сохранность дерева позволяет реконструировать все особенности погребальной камеры: срубы (из бруса) были четырехвенцовые и располагались стенками практически вплотную друг к другу, т.е. отсутствовали западный и восточные «коридоры», которые фиксировались в исследованных ранее ноин-улинских курганах (Руденко, 1962, рис. 5, 10, 12, 15). Высота внешнего сруба была не более 1,6 м. В северном «коридоре» были обнаружены остатки не менее трех больших глиняных сосудов. Деревянный, покрытый красным лаком гроб был разбит грабителями. Останки погребенного человека исчезли полностью, что характерно для всех без исключения больших курганов хунну. От личных вещей сохранились железные зеркало и светильня, лаковые чашки, мелкие золотые украшения одежды, обрывки шелка и золотой фольги, обломки нефритовых изделий. Большинство вещей *in situ* было найдено на полу вдоль западной и восточной стенок внутреннего сруба – это остатки седла, украшения конской упряжи с разнообразными бляхами (некоторые из них украшены анималистическими образами), поясные бляхи, пряжки, косы с лаковыми наконечниками и т.д. Особую ценность представляют остатки войлочного напольного ковра с аппликациями в виде животных и геометрическим орнаментом, а также многочисленные фрагменты всевозможных тканей, как шелковых, так и шерстяных. Все полученные в результате раскопок уникальные материалы после консервации и реставрационных работ будут тщательно изучены с помощью методов естественных и точных наук, получат в дальнейшем необходимую историческую интерпретацию.

Примечания

Сборник археологических трудов Ц. Доржсурена. Улан-Батор, 2003. 376 с. (на монг. языке)

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.-Л.: АН СССР, 1962. – 206с.

**НЕКРОПОЛИ ПРЕДТАЕЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ
XII–XVII ВЕКОВ. (ЛАНДШАФТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И МИФОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА).**

Окружающее пространство, будучи постоянно действующим на хозяйственную и духовную жизнь фактором, является одним из важнейших структурных элементов, определяющих особенности и основные характеристики мироощущения занимавших его обществ. Для аборигенных популяций Обь-Иртышского предтаежья природный фактор был залогом консервативности экономической деятельности и малой изменчивости основных мировоззренческих постулатов, что проявлялось во всем, что было связано со взаимоотношениями человека и природы, с круговоротом жизни. Ландшафтные особенности места были важнейшим элементом, без учета характеристик которого реализации сценария погребального акта не могла быть полной. Это, в первую очередь, находило отражение в особенностях позиционирования погребальных памятников.

По замечанию В.И. Гуляева, в практике российских археологов до сих пор остаются неизученными вопросы “о причинах (или факторах), обусловивших локализацию (местонахождение) курганных могильников разных эпох на местности и их истинное назначение (символизм)” [1995, с.85]. Если с принципами выбора мест обитания все более или менее ясно – они должны располагаться вблизи воды, на сухих не затопляемых местах, желательны мысах, либо на удобных с точки зрения обитания и защиты от неприятеля участках береговой линии, то в критериях, которыми руководствовалось аборигенное население лесного и лесостепного Обь-Иртышья, выделяя во II тыс. территорию для размещения своих усопших, ясности пока нет. Не содержат указаний на причины такого выбора и данные этнографии. Можно лишь привести общие соображения, которыми руководствовались некоторые группы селькупского и кетского населения Западной Сибири и которые сводятся к тому, что кладбище не должно располагаться выше по течению от поселения и покойника нельзя везти вверх по реке и кладбище обычно устраивалось на пригорке [Пелих, 1972, с.66-67; Алексеенко, 1976, с.104; Зуев, с.66-67]. Отметим, что значение выбора места вечного упокоения в традиционном мировоззрении западносибирских аборигенов было крайне высоким. И тело могли везти к нему за сотни километров.

Все известные нам могильники XII – XVII вв. расположены у воды – будь то река, старица или озеро. Но не просто на береговой террасе, а на

самом высоком её месте. Эти особенности присущи всем без исключения памятникам, как исследованным, так и пока еще нет. Факторы высотного доминирования действовали на воображение аборигенного населения на протяжении многих сотен лет, о чем свидетельствует расположение в близком ландшафтном контексте могильников всего указанного хронологического диапазона. Даже в тех случаях, когда местность была равнинной (Абрамово-10), все равно выбиралась, зрительно доминирующая точка. Несложно прийти к выводу, что значимыми критериями для выбора мест погребения являлись высокое место и его соседство с водным пространством, которое должно было быть обширным настолько, насколько позволяли возможности ландшафта.

Если воспользоваться общепринятой терминологией для анализа духовных представлений традиционных обществ, то можно ассоциировать ландшафтные характеристики мест расположения могильников с мифологемами “Горы” и космических вод в картине мира. В многочисленных космогонических мифах воды предстают как первооснова и фундамент мира, некий хаос, из глубин которого демиург в одном случае гагара (обские угры), в другом пара уток (тюрки), в третьем гигантский вепрь (третье воплощение Вишну) и т. д. извлекает землю. Вода, таким образом, выступает некой исконной субстанцией, первовеществом, из которого рождаются все формы, и в которое они возвращаются в конце космического или жизненного цикла, чтобы возродиться вновь [1999, с.246, 347-348, 384, 385].

Прилегающая возвышенность, условная “гора”, дает пример приближения к противоположащей сфере мироздания. Но при этом вершина Космической горы это “не только самая высокая точка Земли; она так же и пуп земли, точка, где начиналось творение” [Элиаде, 1998, с.30]. Не имея возможности далее задерживаться на архетипах, столь хорошо исследованных в специальной литературе, отметим, что силою обряда любая возвышенность может пресуществоваться в Космическую, любая вода может отождествиться с первичными Водами, любое дерево может стать мировым, а ось мира пройти через очаг жилища, храма или центр могилы, которая может стать одновременно и “центром” и “пупом Земли” [Элиаде, 1999а, с.31,80,270,271]. Такова, по образному выражению М. Элиаде, “Парадоксальная диалектика сакрального пространства – разом доступного и недоступного, единственного в своем роде “потустороннего, трансцендентного, и в то же время воспроизводимого по воле человека” [Там же, с.279].

Но хотя указанные характеристики территории являются совершенно необходимыми критериями для выбора мест захоронения, сами по себе они не являются достаточными. Похожих мест много, но использовались лишь некоторые. То есть в этих случаях нужно было еще что-то такое, что явило бы себя человеку, обозначило бы данное пространство, преобразив его, придав ему особый смысл, выделив его из окружающей территории [Элиаде, 1999а, с.253]. Это нечто обнаруживается в том, что у всех исследованных памятников есть один общий признак, замыкающий собой три-

аду примет, определявших выбор участка. Он заключается в том, что все они находятся на территории памятников предшествующих эпох или же рядом с ними.

Но может это случайность, вызванная стереотипами мышления, комфортностью самого места и ограниченностью числа пригодных для обитания и хозяйственной деятельности участков у акваторий региона, неизбежно, с древнейших времен, вызывавших к себе внимание различных популяций?

С точки зрения логики, связанной с архетипичными и повсеместно распространенными в Западной Сибири (у тюрков, угров, самодийцев, кетов) представлениями о том, что потусторонний мир представляет собой негативное отображение среднего, участок территории, выделяемый для пребывания “душ-теней” своих соплеменников, не обязан быть экологически благоприятным. Фактически, эта территория изымалась из природного окружения, становясь недоступной для хозяйственной деятельности. Таким образом, логичнее было бы размещать некрополи недалеко от поселков на не представляющих особой ценности местах, проекция которых в иные измерения вполне бы удовлетворяла сложившимся представлениям. Но так не происходит.

Непрерывность круговорота жизни с целью не допустить бесследного исхода живого существа оказывается чрезвычайно важной и актуальной идеей для всего урало-алтайского мира и его архаичных обществ, постоянно озабоченных поддержанием бытия и ожидающих обратного возвращения в род реинкарнирующихся душ своих членов. То обстоятельство, что все ныне живущие есть продолжение предков, стимулировал трансляцию из поколения в поколение одних и тех же имен, текстов сказаний, обычаев и приемов обеспечения такого круговращения [Сагалаев, 1991, с.127-137-8]. Гарантией неизменности цикла и был правильно организованный погребальный акт, при проведении которого особо заметным становится “стремление архаического мироощущения “привязать” любые свои построения к осязаемым (или – проверяемым) координатам” [Там же, с.113]. В данном случае доминантным символам урало-алтайского мира – Реке и Горе.

Но “всякое осознанное действие, преследующее вполне определенную цель для человека, стоящего на архаической ступени развития, – по справедливому замечанию М. Элиаде, – представляло собой определенный ритуал”, значимость и ценность которых “зависят не от количества затраченной на них физической энергии, а от того, как точно они воспроизводят акт первотворения, повторяют мифологический образец” и действия совершенные богами героями или предками [1998, с. 47,15,17]. В осмысленных поступках человека, “повторяющих изначальное образцовое действие, беспрерывно воспроизводятся и мифическое время и сакральное пространство”, понятие которого предполагает существование феномена, некогда освятившего данное пространство и отделившего его от окружающего профанного пространства [1990, с. 253, 272].

В системе архаического мироощущения считается, что человек самостоятельно никогда не находит какую-либо необычную вещь. Наоборот предполагается, что она сама избирает его, заставляя обнаружить и принять себя [Пелих, 1980, с.19]. Равным образом человек не избирает данное место – оно само “находит” его. Иначе говоря, сакральное пространство тем или иным способом “открывается” человеку. Как человек, обнаруживший особую вещь, может считаться отмеченным духами, так и места таких находок мыслятся отмеченными особой святостью. Думается, идентификация подъемного материала как следов предшествующей деятельности легендарных героев или предков в мифические времена была естественна для средневекового населения. Следовательно, наличие таких предметов, разбросанных вдоль береговой линии, могло служить указанием на особый статус данной местности, освященный деяниями божеств и предков. Статус, частично уже позиционированный циклическими увлажнениями, когда, например, из внешних вод поднимался взлобок земли, который по мере их убывания “рос” и трансформировался из “мертвой”, неоформленной почвы, в привычный земной ландшафт, естественным образом, напоминая, картину мифических времен творения.

Особенно ярко все эти характеристики заметны на памятнике Сопка-2, когда в периоды увлажнения останец выглядит маленьким островком среди водной стихии, клочком суши, который как будто совсем недавно достала легендарная гагара из глубин первозданного хаоса. Скрытые водой пространства столь велики, что водная гладь почти сливается с небом. Все окрестности кишат водоплавающей дичью, плотные стаи которой ныряют, стрекочут и режут крыльями воздух. Вся эта дикая гармония даже современному человеку живо напоминает изначальные мифологические времена. Даже самый маловыразительный с позиций ландшафтного позиционирования памятник Абрамово-10 в период своего функционирования в XVII в. являл картину близкую к мифологической. На это время пришлось одно из крупных, документально зафиксированных увлажнений Барабы, когда, например, озеро Чаны разлилось по площади до 10-12 тыс. кв. км (против нынешних 3,5 тыс.), поглотив при этом ряд крупных ныне самостоятельных озер. [Мордкович, 1995, с.64-66]. И воды реки Оми, заполняя пространную пойму у подножия могильника, окружали гриву под памятником, так, что она приобретала вид острова или вытянутого мыса, глубоко вдававшегося в окрестное “море”.

Таким образом, отправляя умершего в страну предков, население, оставившее могильники XII – XV веков, стремилось максимально облегчить этот процесс, отыскивая особого рода точки, где, по их представлениям, сближались границы миров, и был облегчен переход в иные измерения, места, где природное окружение было близким к картинам изначального творения, а сами такие места были бы маркированы ре-

альными следами деятельности воображаемых предков. На таких местах возводились курганные сооружения, архитектура которых соответствовала принципам образцовой космогонии и, воссоздавая в миниатюре структуру мира, делала достижимыми его пределы. Это позволяло ритуально вернуть изначальные времена и гарантированно доставить умершего к месту его заупокойных трансформаций.

Примечания

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С.67 – 105.

Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II). // РА, -1995. – №2 – С. 84 – 85.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – (Труды ИЭ, нов. сер. – Т.V) – С. 21 – 95.

Мордкович В.Г. Бараба – страна диковинная. – Спб.: Тип. Газ. “на страже Родины”, 1995. – 174 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5 – 70.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. – Спб.: “Алетейя”, 1998. – 250 с.

Элиаде М. Трактат по истории религий. – Спб.: “Алетейя”, 1999. – Т.1. – 394 с.

Элиаде М. Трактат по истории религий. – Спб.: “Алетейя”, 1999а. – Т.2. – 416 с.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТНОМ ВООРУЖЕНИИ ИЗ ДЕРЕВА*

Роль средств вооруженной борьбы, выполненных из органических материалов, оставалась значительной у народов Восточной, Центральной и Северной Азии вплоть до развитого средневековья – даже тогда, когда металлы на полях сражений получили всеобщее распространение и, казалось, были вне конкуренции. Доспехи из различных видов органики неплохо противостояли металлическим стрелам и клинковому оружию. Иначе трудно объяснить находки 12 комплектов кожаного панцирного вооружения в погребении цзэнского хоу И в Китае (V в. до н. э.) [Изучение и реконструкция..., 1979], детализованные изображения лат из кожи у терракотовой армии Цинь Шихуанди (см.: [Yang Hong, 1992, p. 116]), очень близкие им по форме лакированные и обшитые оленьей шкурой звенья кожаного панциря III–IV вв. из Мирана в Тибете, чешуйки красной лакированной кожи доспехов у наси (юго-западный Китай) [Робинсон, 2006, с. 169-170]. На использование кожаных лат указывают тексты сочинения «У цзин цзун яо» («Обобщенное содержание воинских канонов», составленного при династии Сун (см.: [Yang Hong, 1992, p. 271]), и описания монгольского войска у Плано Карпини [Карпини, 1957, с. 50]. Кожаные панцири вплоть до начала XX в. использовались воинами Юго-Восточной Азии [Лю Юнхуа, 2006, с. 3], севера Восточной Сибири [Антропова, 1957, рис. 20, 21], Северной Америки [Ernest, Burch, 1988, fig. 302; Котенко, 1997, с. 110]. На полях сражений Древнего Востока и античного мира применялось защитное вооружение из многослойной грубой ткани, проложенной шерстью, волосом, войлоком [Горелик, 1993, с. 83-91]. В средневековье кочевая конница носила панцири из толстого многослойного войлока, противостоявшего ударам стрел с трехлопастными наконечниками и рубящему удару клинкового оружия. Для борьбы с этими латами, нередко усиленными «подсыпкой» из песка и металлических опилок, расковывали на два лезвия острие палашей и сабель. Повсеместное бытование такой экипировки было одной из причин распространения в Сибири прямолезвийных и слабоизогнутых форм клинкового оружия с акцентированной колющей функцией.

Древнее население использовало защитные свойства природных материалов – даже таких, которые, казалось бы, не очень для этого подходят.

* Работа выполнена по грантам РГНФ № 06-01-00326а; № 05-01-01190а;

В этом плане вызывают интерес раскопки жертвенных ям вблизи мавзолея Цинь Шихуанди, где найдено 87 панцирей, 43 шлема и конский доспех, изготовленные из камня [Лю Юнхуа, 2006, с. 26-28]; а также ханьские погребальные облачения из нефритовых пластин [Лу Чжаоинь, 1998, с. 158-160]. Тем более понятно, что конструкторы вооружения не прошли мимо возможностей, которые давали материалы растительного происхождения. Традиция использования последних восходит к эпохам, когда защитное вооружение из органики было единственным, и его боевые возможности определяли тактические особенности ведения боя. Даже для средневековья известны находки деревянных щитов древнетюркской эпохи [Овчинникова, 1981, с. 139-140]. Плетеные щиты, упругая поверхность которых отражала сабельные клинки, были широко распространены в монгольское время [Горелик, 1987, с. 196-198]. Тогда же, судя по находкам на плато Укок, изготавливалась «броня» из прутьев, прочно стянутых полосками кожи [Древние культуры..., 1994, с. 127]. Аналогичная фактура панцирной защиты до этнографического времени использовалась в отдельных районах Северной Америки [Котенко, 1997, с. 46, 49, 62, 99]. Панцири из ветвей и волокон ротанговой пальмы были полученные в начале XX в. японским ученым Тадао Сикано у тайваньского племени ямэй. Кираса представляла собой «жилетку» с каркасом из ветвей, заполненным плетением, удерживалась наплечниками и затягивалась впереди; оставляя открытыми руки и нижнюю часть тела. Иногда поверхность панциря усиливалась слоем рыбьей кожи (японского иглобрюха) [Ян Хун, 2005, с. 29-30]. Из ветвей ротанговой пальмы плелись конические шлемы [Yang Hong, 1992, p. 25-26]. Боевые оголовья подобной формы из бамбукового лыка, изготовленные аборигенами Тайваня в XVIII в. хранятся в музее Гугун [Изучение и реконструкция..., 1955, с. 2].

Предметы вооружения из органического сырья в археологических комплексах Сибири могут быть обнаружены на памятниках культур с большим числом массивных бронзовых изделий, окислы которых консервируют органику, а также в районах с благоприятными микроклиматом и почвенными условиями. К числу последних относится Горный Алтай с «замершими» курганами скифского времени. Наличие прекрасной сырьевой базы и уровень развития деревообработки в совокупности с военизацией общества, присущей поздним потестарным структурам, сделали панцири из дерева актуальным и доступным рядовым вооружением. Находки из могил пазырыкской культуры дают неожиданные факты использования деревянных изделий в военной сфере. Имеются в виду цельнодеревянные стрелы, вырезанные вместе с наконечниками из специальных чурочек. Их находили в одних колчанах со стрелами с костяными проникающими [Молодин, 2000, с. 109]. Ни по типу наконечников, ни по технике обработки древка, ни по чистоте выделки эти стрелы не различаются. Цельнодеревянные тупые «томары» хорошо известны по этнографии народов Сибири, использовавших их для добычи пушного зверя. На войне оглушающий удар

массивного тупого наконечника помогал обездвигнуть и захватить противника. Думается, что цельнодеревянные метательные снаряды с острыми гранеными проникающими, выпущенные из композитного лука, даже на средней дистанции представляли реальную опасность для человека. Подтверждение этому дают примеры использования деревянных жердей в воинских состязаниях этнографического времени [Горелик, 1993, с. 63] и применения охотничьих приспособлений, использующих силу упругости согнутого дерева и деревянные острия на движущихся частях, которые, обладая меньшей скоростью движения по сравнению с летящей стрелой, наносили смертельные раны крупным животным.

Действенным средством защиты от таких стрел мог стать панцирь из того же материала. Появление доспехов можно рассматривать как альтернативу щиту, которая позволяла освободить обе руки воина, повысив его боевую мощь, поэтому долгое время на изготовление панцирей шли те же материалы, что на производство щитов. На ранних этапах принципы создания защитной поверхности щита и панциря (равно как и таких элементов защитного вооружения как боевой пояс и нагрудник) чаще всего совпадали. Так, рядами крупных роговых пластин армировалась поверхность и щита, и панциря из погребения Кёрдюген в Якутии [Алексеев и др., 2006, с. 46, рис. 5, 6]. Очевидно по такой же схеме конструировалось защитное вооружение Ростовки [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 8, 46, 88-89, рис. 8, 10, 61-66]. Одинаковые железные чешуйки составляли покрытие щита и панциря у скифов [Полин, 1984, с. 115-117, рис. 4-6, 10, 11]; по сходному принципу бронировались боевые пояса, набрюшники и прикрытия торса [Горелик, 1984; 1993, с. 138-152]. Хотя такая закономерность не абсолютна, она может помочь при реконструкции защитной поверхности.

Дерево как защитный материал обладает существенным недостатком – способностью раскалываться по структуре волокон. Способов избежать этого, как показывают материалы эпохи раннего железа, было два: один – армирование (дощатой) поверхности подручными материалами, другой – формирование композитной рабочей плоскости из большого числа реек, жердочек, прутьев, плотно стянутых в один блок ремнями или кожаной основой. Примеры последнего дают пазырыкские щиты. Панцири, выполненные в аналогичной технике, судя по этнографическим образцам, представляли собой прямоугольный нагрудник или жилет, несколько превосходящий размерами корпус хозяина [Котенко, 1977, с. 46, 49, 62, 99; Ян Хун, 1980, табл. II]. Смысл такого одеяния – в использовании эффекта инерции, за счет которого свободно свисающий материал гасит силу удара (эффект колокола), а также в возможности использования толстой демпфирующей поддевки. Второй вариант дощатого бронирования известен по материалам тлинкитов, которые из дерева вырезали даже шлемы. Длинные подпрямоугольные дощечки панциря плотно обматывались почти по всей длине тонкими нитями, каковыми они еще и сплетались между собой. Длина их была достаточна, чтобы прикрыть тело от подмышек до талии. Верхнюю часть груди и паховую область

закрывал еще один ряд пластин, соединенный с защитой корпуса широкими полосками кожи [МАЭС ТГУ]. Таким образом, получалось легкое, хорошо вентилируемое и теплоотражающее панцирное покрытие, эффективное при защите от основных средств ведения ближнего и дальнего боя того времени. На возможность существования дощатого бронирования указывают как материалы цельнодеревянных пазырьских щитов, находки дощатых поножей в Туэктинских курганах, так и массивные деревянные пластины воинских поясов, в орнаментике которых можно усмотреть имитацию кожаной обшивки. Использовались деревянные доспехи и в древнем Китае (эпохи Чжаньго), о чем свидетельствует находка в чуской могиле в Тайсингуань. Деревянные пластины, на внешнюю поверхность которых была наклеена кожа, покрытая черным лаком, собирались в панцирь по тому же принципу, что и кожаные, но отличались большими размерами [Чуская могила..., 1982, с. 87].

При дальнейшем расширении ареала исследований памятников раннего железного века есть основания ожидать находок защитного вооружения из дерева, которое при нескольких вариантах кроя (нагрудник, жилет, корсет-кираса) имеет два принципа создания защитной поверхности: «плетеное» из толстых прутьев или жердочек, стянутых кожей или растительными волокнами, и «дощатое» из плашек, оплетенных и соединенных тонкой жильной или растительной нитью.

Примечания

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 45–52.

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 7–245.

Горелик М.В. Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. – К.: Наукова думка, 1984. – С. 119–121.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163–208.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н. э.). – М.: Вост. лит., 1993. – 349 с.

Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – 224 с.

Карпини Плано История Монгалов // Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубурука. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. – 272 с.

Котенко Ю.В. Индейцы Великих Равнин. – М.: Издательск. дом «Техника – молодежи», 1997. – 158 с.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. – 135 с.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2000. – С. 86–119.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 132–146

Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. – К.: Наукова думка, 1984. – С. 103–119.

Робинсон Р. Доспехи народов Востока: История оборонительного вооружения. – М.: Центрополиграф, 2006. – 280 с.

Ernest S., Burch Jr. War and trade // Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska. – Washington; London: Smithsonian Institution Press, 1988. – P. 227–240.

Yang Hong. Weapons in Ancient China. – New York; Beijing: Science Press, 1992. – 298 p., 57 colour fig.

Лу Чжаоинь. Краткое обсуждение развития и эволюции нефрита, использовавшегося при погребениях при династии Хань // Дунъя юйци [Нефритовые изделия Восточной Азии]. – Сянган: Сянган чжунвэнь дасюэ, 1998. – Т. 2. – С. 158–164.

Лю Юнхуа. Чжунго гудай цзюньжун фуши [Древнекитайская амуниция и обмундирование]. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2006. – 5, 210 с.

Изучение и реконструкция кожаных панцирей и шлемов из могилы № 1 в Лэйгудунь, уезд Суйсянь, пров. Хубэй // Каогу. – 1979. – № 6. – С. 542–553.

Памятники культуры, связанные с историей Тайваня // Вэньу цанькао цзыляо. – 1955. – № 5. – 1–4 с. обложки.

Чуская могила № 1 в Тяньсингуань, уезд Цзянлин // Каогу сюэбао. – 1982. – № 1. – С. 71–116.

Ян Хун. Гудай бинци тунлунь [Обзор древнего оружия]. – Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2005. – 4, 270 с.

Ян Хун. Чжунго гу бинци лунь цунь [Сборник статей по древнему оружию Китая]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – 153 с.

АНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ПЕРЕВЕРНУТЫМИ СОСУДАМИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В андроновских могильниках сосуды составляют одну из основных категорий инвентаря. Использование сосудов в ритуале, как правило, было таким же, как и в быту, они служили вместилищем пищи. Достаточно редко встречаются комплексы (погребения, кенотафы, жертвенники), в которых сосуд установлен вверх дном. Такие комплексы представляют особый интерес, так как подобное положение сосуда исключает его утилитарное использование.

Обычай установки перевернутых сосудов в погребения был характерен как для синташтинского, алакульского, так и для федоровского населения. Но каждое из этих культурных образований придерживалось своих традиций.

В синташтинских и алакульских могильниках перевернутые вверх дном сосуды обычно находились в ногах погребенного, тогда как сосуды с напутственной пищей – в головах. Данная традиция прослежена в синташтинских памятниках Кривое озеро (кург. 2, яма 1), Синташтинском (СМ) могильнике (погр. 17), могильнике у горы Березовой (погр. 5) [Виноградов, 2003; Генинг, Зданович и др., 1992; Халяпин, 2001] и в алакульских могильниках Кулевчи VI (кург. 4, яма 1), Хрипуновском (погр. 13), Субботино (кург. 18, погр. 15), Алакульском (кург. 8, погр. 1; кург. 13, погр. 2, 31, 32) [Виноградов, 1984; Матвеев, 1998; Потемкина, 1985; Сальников, 1952]. Вероятно, как вариант бытования этой традиции, следует рассматривать местонахождение сосуда в заполнении могилы над ногами погребенного: могильники Хрипуновский (погр. 36), Ермак IV (погр. 50), Лисаковский (огр. 24, погр. 1) [Матвеева, Волков и др., 2003; Усманова, 2005]. Исключением является погребение 22 Синташтинского могильника (СМ), где перевернутый сосуд располагался за спиной погребенной вместе с другими вещами [Генинг, Зданович и др., 1992].

В федоровских могильниках сосуды, перевернутые вверх дном, обнаружены, в основном, в погребениях, содержащих остатки кремации: Сангуыр II (кург. 1 ящик 1), Боровое (огр. 2), Биырек-коль (мог. 1), Лисаковский (погр. 28) [Кадырбаев, 1961; Оразбаев, 1958; Усманова, 2005]. В могильнике Рублево VIII, находящемся в Кулундинской степи, перевернутый вверх дном сосуд был найден в могиле 12, которая представляла собой кенотаф. Он располагался в юго-западной части могильной ямы [Кирюшин, Папин и др., 2004].

Определить расположение перевернутого сосуда относительно костяка в данных погребениях не представляется возможным. Однако в размещении сосудов, установленных вверх дном, прослеживаются определенные закономерности. Во всех погребениях они находились в западной или юго-западной части могильной ямы, нередко рядом с обычными сосудами, содержащими, по-видимому, напутственную пищу. В федоровских погребениях по способу труположения умершие ориентированы головой на запад или юго-запад, а сосуды с напутственной пищей поставлены у них в головах. В погребениях по способу трупосожжения и кенотафах, вероятно, продолжали придерживаться этой же традиции. Следовательно, для федоровских комплексов можно предполагать размещение перевернутых сосудов в головной части могильной ямы.

В синташтинских и алакульских комплексах перевернутые сосуды обнаружены в детских (Алакульский мог-к: кург. 8, погр. 1; кург. 13, погр. 31, 32; Ермак- IV: погр. 50; Субботино: кург.18, погр. 15) и во взрослых погребениях (Синташтинский мог-к: погр. 17, 22; Кривое озеро: кург. 2, яма 1; могильник у горы Березовой: погр. 5; Алакульский мог-к: кург. 13, погр. 1,2; Хрипуновский мог-к: погр. 36; Кулевчи-VI: кург. 4, яма 1; Лисаковский мог-к: огр. 24, погр. 1). Преобладают одиночные захоронения, но есть и коллективные как детские (Субботино: кург.18, погр. 15), так и взрослые (Алакульский мог-к: кург. 13, погр. 2; Кулевчи-VI: кург. 4, яма 1). Своеобразная картина зафиксирована в погребении 13 Хрипуновского могильника, которое представляло собой коллективное захоронение не менее восьми человек. В ногах взрослых костяков находились остатки скелета ребенка 1,5-2 лет, в ногах которого поставлены два сосуда, один из которых перевернут вверх дном [Матвеев, 1998]. Таким образом, в коллективном захоронении перевернутый сосуд был связан именно с детским костяком.

Для двух взрослых одиночных погребений с перевернутыми сосудами имеются антропологические определения. В яме 1 кургана 2 могильника Кривое озеро разрозненные кости принадлежали мужчине в возрасте 50-55 лет, кроме того, на дне погребальной камеры зафиксированы углубления для установки колес, а рядом с перевернутым сосудом находился бронзовый наконечник копья [Виноградов, 2003]. В погребении 5 могильника у горы Березовой был захоронен пожилой мужчина 40-50 лет. Сопровождающий инвентарь представлен слабоизогнутым серпом-ножом и плиткой красного песчаника [Халяпин, 2001]. Можно также предполагать мужскую принадлежность костяка в погребении 1 ограды 24 Лисаковского могильника, где обнаружен бронзовый нож [Усманова, 2005]. В трех взрослых одиночных погребениях обнаружены украшения (Синташтинский мог-к: погр. 17, 22; Алакульский мог-к: кург. 13, погр. 1), что, с определенной долей вероятности, позволяет считать их женскими.

В федоровских комплексах из четырех рассматриваемых погребений в трех среди кремированных костей обнаружены типично женские украшения

и бронзовые иглы: Боровое (огр. 2), Биырек-коль (мог. 1), Сангуыр II (кург. 1 ящик 1) [Оразбаев, 1958; Кадырбаев, 1961]. Таким образом, федоровская традиция установки сосудов вверх дном была преимущественно связана с женскими захоронениями.

Вероятно, своеобразной чертой данного ритуала является миниатюрность сосуда, устанавливаемого вверх дном, и отсутствие на нем орнамента. На этот факт обращали внимание исследователи как федоровских, так и алакульских комплексов. Особенно наглядно эта черта проявилась в Алакульском могильнике. Небольшие размеры имело большинство сосудов, перевернутых вверх дном (кург. 8, погр. 1; кург. 13, погр. 1, 31, 32). Три из них были без орнамента (кург. 8, погр. 1; кург. 13, погр. 31, 32) [Сальников, 1952]. В коллективном погребении 13 Хрипуновского могильника в ногах ребенка поставлена вверх дном маленькая неорнаментированная баночка [Матвеев, 1998]. Судя по описанию погребения 15 кургана 18 могильника Субботино из четырех сосудов, расположенных в ногах погребенных, именно миниатюрная баночка была перевернута [Потемкина, 1985]. В погребении 22 Синташтинского могильника (СМ) вверх дном установлен “небольшой сосудик” [Генинг, Зданович и др., 1992].

Те же особенности перевернутых сосудов – небольшие размеры и отсутствие орнамента, характерны и для некоторых федоровских комплексов. В могильнике Биырек-коль (мог. 1) из двух сосудов, установленных в юго-западном углу, именно маленький, баночной формы был перевернут [Оразбаев, 1958]. В могильнике Сангуыр II (кург. 1, ящик 1) сосуд, установленный вверх дном, был небольших размеров, без орнамента и имел одно сквозное отверстие в верхней части венчика [Кадырбаев, 1961]. В могильнике Рублево VIII перевернутый сосуд представлял собой небольшую банку без орнамента [Кирюшин, Папин и др., 2004].

По материалам Алакульского могильника прослеживается связь перевернутых сосудов с огнем. Это еще одна особенность, указывающая на их особое место в погребальном ритуале. В одном случае (кург. 8, погр. 1) миниатюрный сосудик был наполнен красной краской, в другом (кург. 13, погр. 2) – под перевернутым сосудом найдена кучка волокон в виде пепла, как от сожженной травы [Сальников, 1955].

Таким образом, для сосудов, установленных вверх дном, характерны небольшие размеры, отсутствие орнамента. В алакульской традиции прослеживается также их преимущественное расположение в ногах погребенных и связь с огнем. Вероятно, такие сосуды являлись прежде всего символом, знаком и предназначались для использования в ритуале. Дополнительным подтверждением данного вывода может служить наблюдение Н.Б.Виноградова, что перевернутый сосуд из могильника Кривое озеро имел небольшое и, к тому же, слегка выпуклое дно, поэтому, вероятно, не использовался в быту и был специально изготовлен для погребальной церемонии [Виноградов, 2003].

Примечания

Виноградов Н.Б. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 136-153.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992.

Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 48-61.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: АГУ, 2004. – С. 62-85.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998.

Матвеева Н. П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, 2003.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Т. 5. – С. 216-294.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. – М.: Наука, 1985.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. – 1952. – № 24. С. 51-71.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда-Лисаковск, 2005.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: Изд-во ООО “НТЦ”, 2001. – С. 417-425.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ
С КЕРАМИКОЙ ТИПА ЧУНДО ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ЧАСТИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА***

К настоящему времени в северном (провинция Хамгён-пукто) и центральном (провинция Канвондо) районах Корейского полуострова изучено более 20 памятников с керамикой типа *чундо*. Судя по форме жилищ и особенностям керамического комплекса, эти материалы находят аналогии в кроуновской культуре российского Приморья. При этом вопрос о времени их существования на территории Корейского полуострова долго оставался открытым, а приводимые в археологических публикациях данные по их хронологии зачастую носили предварительный характер. Такое положение обусловлено тем, что на этих памятниках до недавних пор отсутствовали находки датирующих предметов, которыми для данного региона являются изделия *ханьского* типа, а абсолютные даты были слишком малочисленны. В последнее время в центральной части Корейского полуострова было исследовано несколько новых памятников, содержащих датирующие предметы, получена целая серия абсолютных дат. Все эти материалы позволяют прояснить вопрос о датировке и хронологии комплексов с керамикой типа *чундо*. Для определения хронологии изучаемых памятников в данной работе используются два метода: метод датировки по аналогиям и радиоуглеродный метод абсолютного датирования.

Метод датировки по аналогиям. На ряде памятников центральной Кореи найдены датирующие предметы.

В 2002 г. на памятнике Чходандон 57-2, расположенном в г. Каннун провинции Канвондо, на полу частично раскопанного жилища 1 было найдено две бронзовые монеты (рис. 1. – 1). Обе монеты были спаяны друг с другом и с бронзовым кольцом, поэтому их описание и определение достаточно затруднено, однако судя по сохранившейся части легенды, это монеты *учжу* (*ушу*). У первой монеты на лицевой стороне, справа от подквадратного отверстия в центре, отчетливо виден иероглиф *у*. Он крупный и широкий (высота 1,06 см, ширина 0,575 см, толщина линий 1,1 – 1,05 мм), с плавно изогнутыми пересекающимися чертами, концы которых совпадают с концами горизонтальных черт. Горизонтальные черты примыкают к наружному ободку и к подквадратному отверстию. Знак *шу*, располо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы президента РФ по поддержке ведущих научных школ №НШ-6568.2006.6

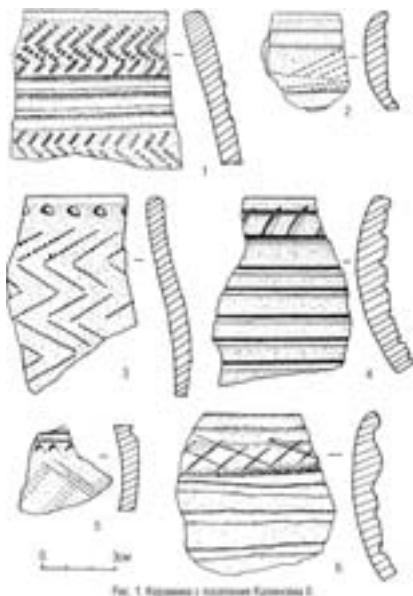

Рис. 1. Предметы ханьского типа с памятников центральной Кореи
 1 – Чходандон 57-2, жилище 1 [по: Каннын чиёк..., 2005]; 2 – Васури, жилище 26
 [по: Чи Хёнбён и др., 2006]; 3, 4 – Синмэри 54-4, жилища 1 и 2
 [по: Чи Хёнбён и др., 2005].

женный слева от отверстия, не отчетлив. Наружний ободок достаточно широкий, внутренний отсутствует. Обратная сторона монеты описанию не поддается. У второй монеты на лицевой стороне, часть которой слита с бронзовым кольцом, сохранилась нижняя часть иероглифа у и верхняя часть знака «металл», входящего в состав иероглифа шу. Верхняя часть знака «металл» подтреугольная, заострена. Обратная сторона примыкает к первой монете, из-за этого описанию не поддается [Каннын чиёк..., 2005, с. 75 – 76].

В том же году на памятнике Синмэри 54-4, находящемся в окрестностях г. Чхунчхон провинции Канвондо, было раскопано два жилища (1 и 2). Среди находок на полу жилищ встречены железные ножи с кольцевидным навершием (рис. 1. – 3, 4). Оба ножа представлены рукоятью с частью лезвия, рукоять заканчивается незамкнутым кольцом. У первого ножа рукоять имеет слегка изогнутую форму, соединение с лезвием ступенчатое.

Таблица 1. Размеры монет ужу с памятника Чходандон 57-2*

Монета №	Диаметр, см	Размер отверстия, см	Ширина ободка, мм
1	2,8	1,05 × 0,97	1,45
2	2,6	—	1,3

* [по: Каннын чиёк..., 2005]

**Таблица 2. Размеры ножей с кольцевидным навершием
с памятника Синмэри 54-4***

Ножи	Длина: общая / рукоятки, см	Навершие: диаметр/ толщина, см	Ширина: рукоятки/ клинка, см	Толщина: рукоятки/ клинка, см
Жилище 1	11,0 / 7,9	3,1 / 0,6	0,95 / 1,2	0,35 / 0,28
Жилище 2	14,3 / ?	3,3 / 0,65	1,5 / 1,2	0,3 / 0,25

* [по: Чи Хёнбён и др., 2005]

Второй нож подвергся сильной коррозии, поэтому форма рукоятки и способ ее соединения с лезвием не прослеживаются [Чи Хёнбён и др., 2005, с. 41 – 42, 69, 71].

Еще один нож с кольцевидным навершием найден на поселении раннего железного века Пёнсандон (жилище 3) в г. Каннын. Нож сохранился полностью. Его навершие также имеет форму незамкнутого кольца, общая длина ножа составляет 33 см [Каннын тэхагккё., 2002, с. 149, 273].

На памятнике Васури, расположенном в у. Чхольвон провинции Канвондо, на полу жилища 26 был найден черешковый наконечник стрелы с трехгранным пером (рис. 1. – 2). На одной из граней пера отмечено подтреугольное отверстие. Размеры: общая длина 7,4 см, длина пера 2,95 см, основания пера 0,75 см, толщина 0,8 см, длина черешка 4,4 см, толщина 0,45 см [Чи Хёнбён и др., 2006, с. 92, 96].

Все вышеперечисленные предметы представлены в комплексах, содержащих типичную керамику типа *чундо*, аналогичную керамике кроуновской культуры Приморья, и относятся к категории вещей *ханьского* типа. Монеты *учжу* имеют достаточно широкий диапазон датировки: они отливались в течение 700 лет (118 г. до н.э. – 581 г.), а в обращении находились 740 лет (118 г. до н.э. – 621 г.). Однако форма монеты и легенда не оставались неизменными в течение такого длительного времени. Судя по этим параметрам, монеты с памятника Чходандон 57-2 наиболее близки монетам *учжу*, отливавшимся в начальный период династии Восточная Хань (с 24 г.) [Воробьев, 1971, с. 15 – 28]. Следовательно, памятник Чходандон 57-2 можно отнести не ранее, чем к началу I в. н.э.

Монеты *учжу*, ножи с незамкнутым кольцевидным навершием, наконечники стрел с трехгранным пером и треугольной прорезью на одной из его граней одновременно считаются типичными предметами культуры ханьского округа Лолан [Воробьев, 1961, с. 78; Пукхан..., 1999, с. 50 – 52; The Ancient culture..., 2001, с.48 – 49, 75]. Округ Лолан (Наннан) был основан в 108 г. до н.э. на бывших восточных землях Древнего Чосона, в бассейне рек Чхончхонган и Тэдонган (северо-западная часть Корейского полуострова) и просуществовал вплоть до 313 г. Можно предположить, что распространение предметов *ханьского* типа в приморской зоне цент-

Таблица 3. Абсолютные даты комплексов с керамикой типа *чундо* центральной Кореи*

№	Памятник	Конструкция	Дата ВР	Калиброванная дата**
1	Синмэри'96	жилище 7	2040±40 ВР	170 BC – 60 AD
2	Синмэри'96	жилище 7	1970±50 ВР	110 BC – 140 AD
3	Синмэри'96	жилище 7	1910±50 ВР	20 BC – 240 AD
4	Синмэри'96	жилище 14	2060±50 ВР	200 BC – 60 AD
5	Синмэри'96	жилище 14	1970±50 ВР	110 BC – 140 AD
6	Синмэри'96	жилище 20	1940±40 ВР	50 BC – 140 AD
7	Синмэри'96	жилище 20	2120±50 ВР	360 BC – 0
8	Синмэри 54-4	жилище 1	2170±60 ВР	390 – 50 BC
9	Синмэри 54-4	жилище 1	2020±80 ВР	350 BC – 250 AD
10	Синмэри 54-4	жилище 1	1870±40 ВР	50 – 240 AD
11	Синмэри 54-4	жилище 1	1870±50 ВР	20 – 260 AD
12	Синмэри 54-4	жилище 2	2000±40 ВР	110 BC – 90 AD
13	Хваджонни	жилище II-Ж4	1755±65 ВР	120 – 430 AD
14	Капхённи	жилище А-2	2130±50 ВР	360 – 40 BC
15	Васури	?	2160±60 ВР	380 – 50 BC
16	Васури	?	2120±80 ВР	380 BC – 30 AD
17	Васури	?	2230±40 ВР	390 – 200 BC
18	Васури	?	2160±60 ВР	380 – 50 BC
19	Васури	?	2020±40 ВР	160 BC – 70 AD
20	Васури	?	2050±80 ВР	360 BC – 130 AD
21	Васури	?	2070±40 ВР	200 BC – 20 AD
22	Васури	?	2080±60 ВР	360 BC – 60 AD
23	Васури	?	1970±40 ВР	50 BC – 130 AD
24	Васури	?	1920±40 ВР	0 – 220 AD

* [по: Чхве Боггю и др., 1998; Яньян Капхённи..., 1999; Но Хёкджин и др., 2003; Чи Хёнбён и др., 2005, 2006]

** Для калибровки дат ВР использована программа OxCal v3.10.

ральной Кореи шло через округ Лолан и могло осуществляться в период с конца II в. до н.э. – начала IV в. н.э.

Радиоуглеродный метод абсолютного датирования. В последние годы на памятниках с керамикой типа *чундо* центральной Кореи было получено большое количество абсолютных дат.

Судя по этим датам, существование памятников с керамикой типа *чундо* в центральной части Корейского полуострова охватывает широкий период – начало IV в. до н.э. – начало V в. н.э. Поселения Васури и Синмэри 54-4,

содержащие предметы *ханьского* типа, датируются началом IV в. до н.э. – началом – серединой III в. н.э. Если сопоставить эти данные с датировкой по аналогиям, то памятники с керамикой типа *чундо* и находками предметов *ханьского* типа можно датировать концом II в. до н.э. – началом – серединой III в. н.э.

Данные выводы проливают свет на взаимосвязь этих комплексов с памятниками кроуновской культуры российской территории Приморья. По одной из версий, на последнем этапе существования кроуновской культуры (II – I вв. до н.э.) происходит миграция ее носителей из континентальных районов Приморья на восток и юго-восток, в прибрежные районы [Никитин, 2000, с. 287]. Таким образом, можно предположить, что появление памятников с керамикой типа *чундо* на Корейском полуострове было связано с финальным этапом существования кроуновской культуры.

Другой стороной нашего исследования является вопрос о взаимосвязи комплексов с керамикой типа *чундо* с культурой ханьского округа Лолан, который играл роль своеобразного форпоста ханьской культуры на Корейском полуострове. Судя по последним находкам в центральной Корее предметов *ханьского* типа, такие взаимосвязи существовали. Для более детального прояснения их характера необходимо расширить круг источников по находкам предметов *ханьского* типа на памятниках раннего железного века северо-восточной и центральной Кореи.

Примечания

Воробьев М.В. Древняя Корея. – М.: ИВЛ, 1961. – 145 с.

Воробьев М.В. К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушуньянь») // Эпиграфика Востока. – Вып. XX. – Л.: Наука, 1971. – С. 15 – 28.

Каннын тэхаккё пакмульгван пальгуль юджок юмуль торок (Каталог археологических памятников и предметов из Музея университета Каннын). – Каннын: Музей ун-та Каннын, 2002. – С. 88 – 199. (на кор. яз.)

Каннын чийёк мунхваюджок сигульджоса погосо (Отчет о шурфовальных работах на памятниках культуры в окрестностях г. Каннын). – Чхунчхон: Институт культурного наследия провинции Канвондо, 2005. – С. 51 – 148. (на кор. яз.)

Никитин Ю.Г. Исследование памятников кроуновской культуры в долине р. Суйфун // Вперед... В прошлое. К 70-летию Жанны Васильевны Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 286 – 294. (на кор. яз.)

Но Хёкджин, Чхве Джонмо, Пак Сонхи, Ли Сугим, Чон Вончхоль. Чхунчхон синмэдэгё пуджи мунхваюдждок пальгульджоса погосо (понмун) (Отчет о раскопках памятников культуры на территории моста Синмэ в окрестностях г. Чхунчхон (описание)). – Чхунчхон: ун-т Хальлим, 2003. – 335 с. (на кор. яз.)

Пукхан мунхваюдждок пальгуль кэбо (Сообщения о раскопках памятников культуры Северной Кореи). – Сеул: Государственный научно-исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 1999. – С. 34 – 52. (на кор. яз.)

Чи Хёнбён, Ким Гвонджун, Ким Сонджу, Хон Джухи. Синмэри 54-4 понджи юджок – чутхэк синчхук пуджи нэ сигульджоса погосо (Памятник Синмэ-

ри 54-4 – отчет о шурфовальных работах на участке памятника, отведенного под перестройку жилого дома). – Чхунчхон: Институт культурного наследия провинции Канвондо, 2005. – 243 с. (на кор. яз.)

Чи Хёнбён, Сим Джэён, Ким Сонджу, Хон Джухи. Чхольвон васури юджок (чхольвонгун сомён васури синбольджигу кёнджисаоп чигу нэ сигульджоса) (Отчет о шурфовальных работах в районе сельскохозяйственных работ (район Синболь, поселок Васури в области Сомён уезда Чхольвон)). – Чхунчхон: Институт культурного наследия провинции Канвондо, 2006. – 257 с. (на кор. яз.)

Чхве Боггю, Чхве Сынъён, Ли Ынхи. Хвенсондэм сумольчжиёк нэ мунхваджэ пальгульджоса погосо – Хвенсон хваджонни чугоджиджок пальгульджоса пого (Отчет о раскопках объектов культурного наследия в районе загопления ГЭС Хвенсон (2) – Отчет о раскопках поселения Хваджонни в уезде Хвенсон). – Чхунчхон: ун-т Канвон, 1998. – 189 с. (на кор. яз.)

Янъян Капхённи (Капхённи в уезде Янъян). – Сеул: Государственный научно-исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 1999. – 177 с. (на кор. яз.)

The Ancient culture of Nangnang (Древняя культура Лолана). – Сеул: Центральный государственный музей, 2001. – 293 с. (на кор. яз.)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В 2006 ГОДУ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

С 2003 г. археологический отряд комплексной Западно-Сибирской этнографо-археологической экспедиции Омского филиала Института археологии и этнограф СО РАН и Омского государственного университета проводит исследование археологических памятников, расположенных в нижнем течении р. Тары у д. Надеждинка в Муромцевском районе Омской области.

Городище было открыто автором в 2002 г. и исследовано в 2003-2006 гг. Оно располагается на небольшом останце коренной террасы левого берега р. Нижняя Тунгуска. Река делает выше останца крутой поворот к западу и ниже останца возвращается к востоку, поэтому городище достаточно хорошо защищено с трех сторон и доступ к нему сильно ограничен. Полученные в ходе раскопок материалы позволяют нам соотносить городище со временем существования Сибирского ханства и с конкретным историческим комплексом – Тунусским городком (Тунус) известным нам из работ Г.Ф. Миллера как центр Тунусской или Чангулинской волости. Тунус имеется на нескольких картах, составленных в XVII-XVIII вв. но на них он располагается в совершенно разных местах, что и затрудняло его поиск и соотнесение с конкретным археологическим памятником.

По сведениям, изложенным Г.Ф. Миллером глава волости Чангул присягнул на верность русскому государю, но затем, с приходом сюда Кучума, изменил России. Весной 1595 года (17 марта) из города Тары на покорение татар по р. Таре выступил отряд под руководством письменного головы Доможирова численностью 483 человека при 5 скорострельных пушках. В городке укрылось 40 татарских семей, при подходе русских татары сделали вылазку, в результате которой 17 татар погибло, большинство остальных разбежалось, а Чангул был взят в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать татарам впредь находить здесь убежище, после чего местные волости были отданы на разграбление. Материалы, полученные в 2003-04 гг. в целом подтверждают описание Г.Ф. Миллера. Все жилища уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними целые и разбитые сосуды. Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел, причем следует отметить, что последние сделаны второпях, без хорошей обработки и из

самых различных костей животных. Сразу под дерновым слоем было найдено несколько человеческих костей, что позволяет предположить, что не все погибшие во время штурма были захоронены.

В 2006 г. основные работы были сосредоточены на могильнике Надеждинка IV. Памятник расположен примерно в километре от городища и насчитывает 28 насыпей, которые расположены тремя радами вдоль гребня террасы. По полученным в 2003-2004 гг. материалам можно было говорить о том, что этот могильник одновременен городищу и на нем захоронены его защитники. Об этом свидетельствуют находки, идентичных найденным на городище, украшений и наконечников стрел. Косвенным подтверждением можно считать и тот факт, что на могильнике отсутствуют детские захоронения, а из 17 исследованных погребений только три – женщины, а остальные мужчины в возрасте от 16 до 40 лет.

Однако, много сомнений по датировке могильника и по соотношению его в один комплекс вызвало разнообразие погребального обряда и находки в погребениях украшений, часть которых датируется IX-XI вв., а другая аналогична находкам с татарских могильников на р. Таре Бергамак II и Окунево VII.

Проведенные в предыдущие годы раскопки показали, что могильник Надеждинка IV имеет ряд отличий от раскопанных в Тарском Прииртыше погребальных комплексов этого времени. Прежде всего, зафиксировано два трупосожжения, причем по разному обряду: первое – трупосожжение на стороне, второе – трупосожжение на месте. Интересен факт, что обряды были совершены внутри деревянных срубов (кыртма). Следующей отличительной особенностью является наличие безынвентарных захоронений, костяки фиксируются в вытянутом положении, на спине, ориентированны головой на юго-запад, подобной ориентации на могильниках в Тарском Прииртыше мы не встречали.

Остальные захоронения выполнены по традиционной для татарских могильников схеме. Ориентация захоронений юго-запад-северо-восток, головой на северо-восток. Могильные ямы неглубокие, вокруг одной могилы мы зафиксировали большой ровик.. Умерших хоронили по обряду трупоположения, вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямо или слегка подогнуты. Сопровождающий инвентарь представлен украшениями: бусы, височные кольца, подвески, бубенчики и бусы. В двух захоронениях зафиксированы наборы.

Работы этого года должны были решить вопросы датировки могильника и определения этого комплекса как единовременного или же поздние захоронения были добавлены к более ранним. Сразу отметим, что полностью решить поставленные задачи нам не удалось. Однако, три исследованных кургана дали нам очень интересный материал, позволивший во многом по-новому взглянуть на этот могильник. Дело в том, что в двух могилах, где погребение было совершено по обряду трупополо-

жения, в ногах погребенных были зафиксированы круглодонные горшки, полностью орнаментированные глубоким подтреугольным штампом. Эти сосуды позволяют нам датировать погребения XV-XVI вв. и, тем самым, подтверждают синхронность могильника и городища. Но еще больший интерес представляет то, что найденный в этих же могилах инвентарь аналогичен тому, что был найден в могилах с бронзовыми подвесками, которые в литературе датируются началом II тыс. н.э. Вполне возможно, что подобные украшения доживают на этой территории до татарского времени. Третье захоронение было совершено по обряду трупосожжения на стороне. Над погребением зафиксирован деревянный сруб из двух рядов небольших бревен.

Подводя итог проведенным на могильнике работам можно говорить о том, что он единовременен. Существенные различия в погребальном обряде вполне возможно объяснить тем, что окружение Кучума было неоднородным по этническому и религиозному составу и, если уцелевшим защитникам разрешили похоронить погибших, то они сделали это в соответствии с их этническими или религиозными традициями.

Работы полевого сезона 2006 г. дали возможность говорить о том, что впервые в Тарском Прииртышье мы вышли на погребальные комплексы второй половины XVI вв. Полученные материалы свидетельствуют о тесных контактах на этой территории тюркских и угорских групп населения в этот период. Еще одним важным моментом исследований стало то, что археологические исследования подтвердили исторические сведения о последнем этапе существования Сибирского ханства.

ГОРОДИЩЕ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВРЕМЕНИ НАДЕЖДИНКА V

Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Тара в 2,5 км к югу от озера Линево на мысу, который возвышается над оз. Макарьева Лука (старица р. Тара) на 4-5 м. В 2,5-3 км к северо-северо-западу от памятника располагалась д. Тамочная, ныне несуществующая. В 3,5 км к северо-востоку от городища находится д. Надеждинка, где зимой живет 1-2 семьи. Мыс имеет ширину около 200-210 м и имеет две оконечности. Западная ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. По ней проходит дорога к устью р. Нижняя Туnusка, которой иногда пользуются рыбаки или охотники. Оконечность мыса ограничена с запада старицей р. Нижняя Туnusка, Здесь располагается могильник Надеждинка IV, который исследует С.Ф. Татауров. Восточная оконечность мыса ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Она рассечена двумя небольшими овражками, по которым проложены тропы к месту рыбалки на Макарьевой Луке. Этот участок мыса ограничен с востока озером. К югу от мыса располагается безымянное старичное озеро, образованное р. Тара. Из этого озера к Макарьевой Луке прорыта канава шириной до 2-3 м для спуска воды на осенней рыбалке. Поверхность мыса ровная, покрыта редкими березами, травой, хорошо задернована.

Городище располагается на южном участке мыса, ближе к восточной оконечности. Максимальная длина памятника, ограниченная рвом и валом – 90 м, ширина – 35-40 м. Форма городища приближается к прямоугольной. Фактически это городище берегового типа. Высота вала в восточной части городища (в районе оврага и раскопа) достигает высоты до 30-40 см, в западной части (ближе к могильнику) вал имеет высоту до 5-15 см. Ширина вала в основании – до 2 м на всем его протяжении. С внешней стороны вала располагается ров. Его ширина около 1-5 м в восточной части городища и около 1 м в западной. Глубина рва – до 15-20 см.

Памятник нашел Б.В. Мельников в 1991 году, затем его осматривали М.Ю. Сафаров и М.А. Корусенко. В 2003-2004 и 2006 годах совместная экспедиция Омского филиала ИАЭТ СО РАН (тогда ОФ ОИИФФ СО РАН) и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (руководитель С.С. Тихонов) раскопала на городище около 440 кв. м в притеррасной части памятника. В раскоп вошли части рва и вала.

Стратиграфия памятника следующая:

Дерн имел мощность от 10 до 20 см в разных частях раскопа. Под ним располагался слой серого песка толщиной от 25 до 35-40 см в разных час-

тях раскопа. Ниже располагался белый песок мощностью 10-20 см. Под ним залежала желтая или желто-серая глина – материк. В целом же мощность культурного слоя редко превышала 50-55 см.

Основной культурный комплекс городища – материалы сузгунского времени, предварительно датированные XII-X вв. до н.э. Чаще всего встречалась керамика этой культуры, в том числе и в развалах (их расчищено 13). Было найдено около 40 штук глиняных «булок», из них около 20 целые или почти целые. Оказалось, что они имеют разную форму: линзовидную, округлую, подпрямоугольную и т.д. Все они сделаны из глины без примесей, у всех слабый обжиг. Часть «булок» расчищена в скоплении, образовывавшем округлую вымостку диаметром около 1 м, а «булки» располагались в ней с небольшим наложением друг на друга, наподобие рыбьей чешуи. На этой вымостке и над ней располагались мелкие фрагменты костей животных, мелкие фрагменты сузгунской керамики.

Интересны находки двух антропоморфных фигурок, которые аналогичны изделиям, найденных В.И. Молодиным на памятниках Барабы. Материалы эпохи поздней бронзы располагались преимущественно на глубине 20-35 см ниже дневной поверхности.

После выборки культурного слоя на уровне материка прослежено пятно, при вскрытии которого открывалась яма подпрямоугольной формы, размерами около 7x4 м, глубиной 5-10 см в материке. Над этой ямой, начиная с глубины 15-20 см, прослеживался прокаленный песок. Возможно это остатки сгоревшего жилища. На это косвенно указывают обугленные фрагменты дерева и бересты, найденные над материком (в 5 см выше), К сожалению, на дне ямы находок не обнаружено.

Ров при выборке оказался глубиной около 1,5 м, Внутренняя часть рва (со стороны городища) имела наклон около 70 градусов. Склон рва с напольной стороны был более пологий (угол около 45-50 градусов). Вероятно вал состоял из дерна и вынутой из рва земли, поскольку в нем следов деревянных конструкций или столбовых ям не зафиксировано. Возможно, строительство оборонительных сооружений было одноактовым, поскольку следов подсыпки вала или углублений рва не отмечено. Находок во рву не было.

На городище найден небольшое количество средневековых материалов, чаще всего керамика, ее культурную принадлежность установить удавалось не всегда. Но есть фрагменты потчевашской культуры и более поздние (татарские?). К средневековью относится железный нож, бронзовая ременная пряжка и кельт-тесло, найденные в культурном слое. Эпохой средневековья следует датировать и грунтовое захоронение воина, Он был похоронен по обряду труположения вытянуто на спине головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь составили железный кельт-тесло, десять железных черешковых наконечников стрел, положенных в ногах, два железных изделия непонятного назначения, бронзовая пластина и фрагмент керамики. Могила точно пока не датирована. Не исключено, что она относится и к позднему средневековью.

В притеррасной части городища найдено интересное глиняное сооружение. Первоначально неглубокую ямку (до 5 см) была залита жидкая глина и образовалась горизонтальная площадка диаметром 0,8-1 м, после того как глина высохла, ее вторично залили жидкой глиной, но уже тонким слоем (2-3 см). На этой площадке и над ней были обнаружены средневековые фрагменты керамики, жженные кости животных, сама она была слегка обожжена (костер?). Это сооружение, вероятно, относится к средневековью.

Пока не определена дата литейной формы. Сохранилась только одна ее половина овальной (?) формы. Судя по направлению течения глины, ее изготовление было следующим: была изготовлена нижняя часть – основа, к ней примазали верхнюю часть с емкостью для разлива металла, а затем две части обмазали глиной. Емкость для заливки металла – это круглая выемка, диаметром 27 мм, глубиной – 9 мм. Возможно в этой форме отливали круглые бляхи или нашивки.

Материалы переходного времени от бронзового к железному веку (красноозерские) и ранней бронзы (котовские) представлены незначительно.

В целом картина освоения этого участка Притарья представляется следующей. В котовское время мыс у оз. Макарьева лука иногда посещали группы населения, оставившие так котовскую керамику. В эпоху поздней бронзы на этом месте было сооружено городище, на котором, возможно были слегка углубленные в материк жилища. Время сооружения городища (поздняя бронза) никаких сомнений не вызывает. Судя по насыщенности культурного слоя, жизнь в это время на городище не была особо интенсивной. По крайней мере по мощности культурного слоя и его насыщенности оно существенно уступает памятникам сузгунского времени на Иртыше в урочище Темеряк (поселение Алексеевка XIV, изучавшееся автором несколько сезонов в середине 1990 годов. Оно имеет протяженность вдоль останца по меньшей мере на 600-800 м, в глубину от его края на 50-70 м, а мощность культурного слоя составляет до 0,8-1 м.) и на р. Таре близ д. Окунево (городища Юрт-Бергамак I и Юрт-Бергамак IV, исследованные А.В. Полеводовым). Однако, сузгунцы жили не только на территории городища, но и к западу от него, в напольной части. Так, в раскопах С.Ф. Татаурова на могильнике Надеждинка IV сузгунская керамика встречается довольно часто. В красноозерское время люди посещали это место не часто. Совершенно нет материалов раннего железного века и раннего средневековья. В развитии или позднем средневековье люди здесь выполняли какие-то культовые действия и похоронили умершего. Не исключено, что средневековые материалы следует связывать с потчевашской, культурой. Потчевашские материалы есть и на других памятниках эпохи поздней бронзы – поселении Алексеевка XIV, и на городищах Юрт-Бергамак I и IV. Но возможно часть средневековых находок одновременно материалам могильника Надеждинка IV и городища Надеждинка VII, которые по мнению С.Ф. Татаурова соотносятся с материалами Сибирского ханства времен Кучума.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НА АЛТАЕ И В МОНГОЛИИ

В ходе выполнения проектов РГНФ (№06–01–60105а/Т), РГНФ–МинОКН Монголии (№06–01–91809а/Г), а также программы совместных с Государственным Эрмитажем научно-исследовательских работ летом 2006 г. были проведены археологические обследования на довольно значительной территории, которая включала северо-западную часть Монголии, Онгудайский район Республики Алтай, предгорную и лесостепную зону Алтайского края.

В Монголии осматривались памятники по дороге из г. Ховд в г. Баян-Ульгий. Детальному изучению, с целью выбора памятника для археологических раскопок, подверглась часть долины р. Буянт (приток р. Кобдо). Данная работа осуществлялась также в рамках подготовки «Археологической карты Ховдского аймака Монголии». В результате зафиксирован ряд ранее неизвестных комплексов. Следует указать, что исследования на обозначенной территории проводились очень редко. Объекты в основном выявлялись в ходе путешествий или непродолжительных разведок. История археологического изучения Ховдского аймака кратко изложена в одной из работ монгольского автора [Батмөнх Б., 2000].

Курганная группа **Улаан худаг** (в переводе с монгольского языка – «Красный колодец») находится примерно в 10 км к юго-западу от г. Ховда по дороге в бывший центр бригады Баян булаг и состоит из значительного числа объектов, сооруженных из камня и расположенных как на террасе, так и в пойме. Большими размерами и своеобразной конструкцией выделяются херексуры. У одного из них по кругу зафиксировано около 20 небольших поминальников диаметром 1–2 м. Координаты этого кургана следующие: N 47° 56.508' – E 91° 30.385'. Были зафиксированы объекты эпохи бронзы. Два из них, по-видимому, могут быть предварительно отнесены к чумурчекской культуре [Ковалев, 2005]. Для них характерен хорошо выраженный на поверхности каменный ящик прямоугольной формы, составленный из нескольких плит. Еще один тип памятников, уже ранее зафиксированный в Монголии, представляет собой плоскую округлую выкладку. Подобные объекты исследовались А.А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром и отнесены к мунх-хайрханской культуре эпохи бронзы. Кроме этого обнаружены оградки тюркской культуры, а также погребальные сооружения развитого или позднего средневековья. Памятник Улаан худаг перспективен для сплошного исследования. На нем много разновременных и хорошо выраженных

объектов. Изучение их позволит построить локальную культурно-хронологическую схему, которую очень важно соотнести с имеющимися данными по Алтаю, Туве, Казахстану, Бурятии и Китаю.

Следующий комплекс обнаружен в урочище **Халзан узуур**, где находятся курганы, вероятнее всего, раннескифского времени. Об этом свидетельствуют характерные конструктивные особенности в виде кольцевой выкладки по периметру и наличие в центре каменного ящика, установленного на уровень древнего горизонта. К сожалению, часть насыпей разрушена, видны следы проникновений или осквернений. В настоящее время на памятнике устроена свалка.

В урочище **Ботгон хузуу** (в переводе с монгольского – «Шея верблюжонка») находятся две оградки. В центре одной стоит стела. На ней высечена тамга. В другой прямоугольной оградке в ряд стоят три стелы. Подобный тип сооружений довольно широко распространен в Северо-Западной Монголии. Традиционно он связывается с тюркским временем.

Две группы археологических памятников находятся около бывшего центра бригады **Баян булаг** (в переводе с монгольского – «Богатый источниками»). На широкой площадке долины располагаются три огромных херексура. Там зафиксированы ранее неизвестные «оленные» камни, а также другие объекты, среди которых отметим тюркские оградки. На одном средневековом поминальном комплексе стоит изваяние с отбитой головой. Эта часть лежит неподалеку и имеется возможность восстановить его полный внешний вид. Хорошо просматриваются реалии изображения мужчины-воина. Координаты самого крупного херексура такие: N 47° 55.740' – E 91° 21.539'. Еще один малозаметный могильник расположен неподалеку и может быть предварительно определен эпохой средневековья. Его объекты отличаются невысокими каменными надмогильными выкладками, имеющими вытянутую овальную или округлую форму.

Следующий осмотренный археологический комплекс зафиксирован неподалеку от центра сомона Кобдо и называется **Дунд ус** (в переводе с монгольского – «Срединная вода»). Памятник расположен менее чем в 1 км на юго-восток по дороге в г. Ховд, в долине небольшой речки Дунд-ус. Его координаты такие: N 48° 07.472' – E 91° 24.459'. Рядом с хорошо выраженными конструкциями находятся юрты, огороды и другие хозяйственные постройки. Памятник состоит из нескольких объектов, вероятнее всего, эпохи бронзы. Один из них представляет собой плоскую округлую выкладку, по периметру которой выложены более крупные камни. От нее отходят «балбалы». Другой подобный объект отличается тем, что вертикально вкопанные невысокие плиты включены в крепиду.

Кроме представленных выше памятников, зафиксирован еще ряд археологических объектов, традиционных для археологии Монголии. На границе двух аймаков обследована хорошо известная группа «оленных» камней. Данный комплекс опубликован в монографии В.В. Волкова [2002, с. 49, табл. 32] и обозначен так: Толбо сумын. 3 бригада. GPS-навигатором установлены

координаты памятника: N 48° 23.194' – E 90° 49.297'. Сравнение опубликованных прорисовок с имеющимися реалиями свидетельствует о том, что необходимо еще раз более тщательно скопировать изображения и продолжить изучение «оленных» камней. Рядом с этим комплексом находится большой прямоугольный каменный ящик, сооруженный из вертикально установленных плит. Его координаты следующие: N 48° 23.205' – E 90° 49.270'. Подобные объекты найдены на памятнике Улаан худаг.

На территории предгорий Алтая, в Рубцовском районе Алтайского края, обследовалась уже известная курганная группа Бугры [Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996]. Памятник находится на возделуемых полях и состоит из пяти огромных по размерам насыпей, которые очень сильно разрушены грабительскими раскопками. Этот археологический комплекс зафиксирован с помощью тахеометрической съемки. Координаты триангуляционного знака, стоявшего на кургане №3, такие: N 51° 18.337' – E 81° 29.194'. Самый крупный объект №1 (диаметром 90–110 м и высотой 3,85 м) своей большей частью оказался вне зоны распахки. Поэтому сохранились видимые конструктивные особенности сооружения. В этом плане перспективными являются геофизические исследования территории вокруг насыпи.

В Мамонтовском районе Алтайского края осуществлен мониторинг нескольких курганных групп с грандиозными сооружениями скифо-сакского времени [Иванов, 2000].

В Центральном Алтае на территории Онгудайского района Республики Алтай были продолжены плановые работы автора по выявлению, фиксации и изучению памятников разных периодов древней и средневековой истории. Впервые произведена тахеометрическая съемка огромного по размерам археологического комплекса, который расположен в юго-восточной части урочища Кур-Кечу. Через него в долине Катуня проходит Чуйский тракт. Кроме хорошо фиксируемых объектов различных периодов эпохи поздней древности и средневековья выделяются довольно крупные каменно-земляные и земляные курганные насыпи, довольно редкие для изучаемой территории. В этом году при реконструкции дороги было разрушено или потревожено несколько погребальных и поминальных сооружений, среди которых отметим две тюркские оградки. Обследованный комплекс уже давно известен специалистам [Бородовский и др., 2005, с. 59–60]. Однако план его до сих не был получен. Следует указать, что зафиксированный памятник является частью своеобразного археологического микрорайона. Он состоит из нескольких групп объектов, которые расположены в 6 км к юго-востоку от центра с. Купчегень на левобережной террасе Катуня от устья р. Большой Ильгунь до бома Кур-Кечу. Вблизи слияния рек раскопки проводили В.А. Могильников, А.С. Васютин и др.

В ходе обследований осуществлялся мониторинг известных «царских» комплексов на территории Онгудайского района [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003]. Первым таким объектом стал курган, упомянутый В.А. Могильниковым [1988]. Он оказался самым северным херексуром, имеет значи-

тельные параметры (диаметром более 60 м, высотой около 4 м) и некоторые конструктивные особенности, которые фиксируются на подобных сооружениях в Монголии. Памятник, вероятнее всего, датируется раннескифским временем и может быть связан со значительным числом объектов бийкенской археологической культуры, сосредоточенных в большом количестве в долине Катуня. Курган в урочище Кур-Кечу ограблен. Сильно потревоженной оказалась центральная насыпь. Ее координаты такие: N 50° 35.905' – E 86° 30.486'. Хорошо сохранился ров с девятью «лучами»-перемычками и оформленным с восточной стороны входом-выходом. Вокруг кургана зафиксировано 35 заметных «поминальников». Есть смысл тщательно изучить данный объект и музеефицировать его как редкий тип археологических памятников Алтая.

В дальнейшем осмотру подверглись такие памятники как Туекта, Башадар, Талда, Боочи, Шибе и др. Все они картографированы и зафиксированы с помощью GPS-навигатора.

В работе принимали участие сотрудники Алтайского госуниверситета, Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН и представители Государственного Эрмитажа. В результате намечены совместные раскопки двух курганов на памятнике Бугры в Рубцовском районе Алтайского края, а также обозначена необходимость срочного изучения аварийных объектов на комплексе Кур-Кечу.

Примечания

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – 103 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). – Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. – 160 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 178–184.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 60–107.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район: Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 149–166.

Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. языке).

**ОПИСАНИЕ ПРИРОДНЫХ АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ,
НАБЛЮДАВШИХСЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КОРЕЙ-
СКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(ПО СВЕДЕНИЯМ ЛЕТОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА)**

В историческом прошлом на нашей планете неоднократно происходили природные катастрофы, имевшие негативные последствия для человеческой цивилизации. Участвовавшие в последние годы аномальные природные явления, имевшие катастрофические последствия для населения и природной среды, делают актуальным выявление закономерностей в их периодичности с целью прогнозирования подобных событий в будущем и принятия необходимых мер. В деле изучения истории природных аномалий и катастроф определенный интерес представляет ретроспективный анализ данных об аномальных явлениях и событиях, сохранившихся в исторической памяти человечества, исследование которых может пролить свет на характер произошедших событий и масштабы их негативных последствий. В сочинениях древних и средневековых авторов по астрономии, астрологии, истории, географии содержатся разнообразные сведения о необычных космических, атмосферных и климатических, тектонических явлениях и других природных аномалиях. Анализ таких сведений, предпринятый зарубежными учеными продемонстрировал, что эти источники содержат актуальную информацию об аномальных и катастрофических событиях, происходивших в историческом прошлом, при изучении которой имеется возможность их реконструировать и оценить последствия для современников и последующих поколений [Masse, 1998, P. 75-77]. Для выявления периодичности природных аномалий, имеющих циклический характер, важное значение имеет сбор априорной информации о подобных явлениях в определенном районе мира за достаточно продолжительный временной период, и создание базы данных о таких событиях с целью систематизации полученных данных. Предпринятый ранее опыт систематизации летописных сведений о природных аномалиях и катастрофах, зафиксированных в летописях древних и средневековых государств Кореи и Китая, позволил создать такие базы данных об аномальных природных явлениях на основе обработки летописей Когуре и Пэкче [Борисенко, Худяков, 1998, С. 214-218; Худяков, 1997, С. 306-309]. Он показал, что содержащаяся в данных источниках информация позволяет использовать для их анализа современные методы математической статистики и выявить определенные закономерности в периодичности подобных явлений [Борисенко, Худяков, Лбов, Герасимов, Бериков, 2002, С. 102-109].

Важным, весьма информативным источником по истории подобных необычных природных явлений, происходивших в Восточной Азии в древности и средневековье, являются летописи государства Силла, которое находилось на юго-востоке Корейского полуострова. Эти летописи, также как и летописи других корейских государств Когуре и Пэкче, были обработаны и систематизированы в XII в. в сочинении корейского ученого Ким Бусика [Ким Бусик, 2001, С. 71-294]. Наблюдения за необычными явлениями природы, которые были зафиксированы в летописях придворными учеными силланских правителей – ванов, велись на протяжении тысячи лет, с I до н.э. по X в.н.э., что придает собранным сведениям особую ценность. За время наблюдений в силланских летописях было отмечено более 450 аномальных явлений и событий. В них на протяжении многих веков отмечались произошедшие события, давалось их описание, указывалась хронология, оценивались масштабы и негативные последствия этих явлений для населения государства, если они были. В летописях приведено описание различных астрономических, атмосферных, погодных и тектонических явлений. В силланских летописях отмечались тяжелые, негативные последствия некоторых природных катаклизмов для населения государства Силла. Вследствие климатических и других аномальных явлений происходили разрушения и гибли люди, погибали посевы и были неурожаи, что влекло за собой голод и эпидемии, значительную убыль численности населения. Среди природных аномалий, нашедших отражение в летописях Силла, особое место занимает описание необычных явлений, наблюдавшихся на морском побережье этого государства. Это государство располагало значительной по протяженности береговой линией вдоль восточной и южной частей Корейского полуострова, которые омывались водами Японского моря. Однако, аномальные природные явления на море фиксировались силланскими летописцами не столь часто, как другие периодически повторяющиеся события. За тысячелетний период наблюдений они отмечались несколько раз. Дважды в летописях Силла были отмечены сильные тайфуны. Они были зафиксированы в по одному разу в III и в V вв. н.э. В 122 г. мощный тайфун обрушился на ванскую столицу. «Летом, в четвертом месяце, с востока налетел тайфун, от которого ломались деревья и летела черепица, но с наступлением вечера стих» [Ким Бусик, 2001, С. 87]. Судя по этому описанию тайфун налетел с востока, со стороны Японского моря. Он бушевал в столице в течение дня, но к вечеру прекратился. Другой тайфун был отмечен в летописи в 438 г. Он произошел летом, в четвертом месяце по корейскому календарю, в котором начало года приходилось на первый весенний месяц. В это время в силланской столице «прнесся тайфун с дождем и градом» [Ким Бусик, 2001, С. 116]. Каких-либо разрушений и жертв, связанных с этим событием, в летописи не отмечено. Значительно чаще над территорией государства Силла проносились сильные ветры и бури. В летописях такие явления отмечены 21 раз за весь тысячелетний период наблюдений. По три раза сильные ветры и бури обрушивались на тер-

риторию государства Силла в I, II, V, VII вв.; два раза в VIII вв.; по одному разу в IV и VI вв. В результате таких сильных бурь ветер вырывал с корнем деревья, срывал черепичные крыши с домов жителей в разных районах страны. От воздействия сильного ветра подвергались разрушению не только плодовые деревья и жилые постройки, но и крепостные, храмовые и дворцовые сооружения в городах, которые возводились с особой тщательностью. В 80 г., в результате порывов сильного ветра, развалились ворота в крепости Кымсон [Ким Бусик, 2001, С. 82]. В 674 г. под воздействием сильного ветра во время бури «был разрушен павильон Будды в храме Хваненса» [Ким Бусик, 2001, С. 195]. В 716 г. буря «разрушила дворец Сунечжон» [Ким Бусик, 2001, С. 213]. Два раза в летописях Силла описаны необычные явления, имеющие отношение к водной стихии, которые могут быть описанием гигантских волн – цунами. Одно из них произошло в самом конце VII в. В 699 г. «в девятом месяце в Восточном море разыгралась водяная битва, и звуки ее были слышны в столице» [Ким Бусик, 2001, С. 209]. Другое событие, связанное с необычным подъемом морских волн близ берега, при впадении в море реки Чхампхо, было зафиксировано в начале X в. В 915 г. «летом, в четвертом месяце, воды Чхампхо, столкнувшись с водами Восточного моря, образовали волны высотой более двадцати чанов, но через три дня [все] прекратилось» [Ким Бусик, 2001, С. 284]. «Восточным морем» для жителей государства Силла было Японское море. Резкий подъем уровня воды мог быть обусловлен мощным морским приливом, или цунами. В отдельных случаях в силланских летописях были отмечены изменения цвета воды в Восточном море и внутренних водоемах. В 699 г., за два месяца до «водной битвы», осенью, «в седьмом месяце, вода в Восточном море приняла кровавый цвет, а через пять дней восстановился прежний вид» [Ким Бусик, 2001, С. 209]. Это явление может быть связано появлением в прибрежных водах большого количества микроорганизмов, колонии которых были пригнаны течением, или переместились по воздействию ветра. Однако, вряд ли изменение цвета воды могло быть как то связано с последующей «водной битвой». В некоторых случаях, изменения цвета, наблюдавшиеся на поверхности воды, приводили к негативным последствиям для ихтиофауны и влекли за собой гибель морских животных. В 639 г. «осенью, в седьмом месяце, покраснела и закипела вода в Восточном море, гибли рыбы и черепахи» [Ким Бусик, 2001, С. 147]. В отдельных случаях в летописях Силла была отмечена гибель рыбы во внутренних пресноводных водоемах страны. В 659 г. люди, жившие на берегу р. Кигун выловили огромную мертвую рыбу, попробовав которую отравились и умерли [Ким Бусик, 2001, С. 158]. Сравнительно небольшое количество описаний, содержащихся в летописях государства Силла, которые относятся природным аномалиям, происходивших на море, вероятно, связано с тем, что наблюдатели постоянно находились в столице при дворе вана. Данные сведения могут стать основой для проведения целенаправленного поиска аналогичных данных в летописных источниках государств Восточ-

ной Азии в пределах более широкого хронологического спектра бытования письменной исторической традиции в Китае, Корее и Японии. Материалы летописей государства Силла должнв послужить основой для проведения сравнительного анализа с данными из других источников, относящихся к сопредельным государствам Дальнего Востока.

Обзор имеющихся сведений, относящихся к необычным явлениям природы, наблюдавшимся на восточном и южном побережье Корейского полуострова в течение тысячелетнего периода существования государства Силла в древности и раннем средневековье, свидетельствует о том, что подобные явления рассматривались в качестве заслуживающих внимания и фиксировались придворными учеными, современниками этих событий. Систематизация подобных сведений по всему региону Восточной Азии и сведение их в единую базу данных позволит выявить частоту и выявить временные закономерности в периодичности таких явлений, что может стать основанием для их экстраполяции и прогнозирования в будущем.

Примечания

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Сведения об аномальных природных явлениях, налюдавшихся на территории юго-западной Кореи в древности и раннем средневековье (по материалам летописей государства Пэкче) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 214-218.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Лбов Г.С., Герасимов М.К., Бериков В.Б. Математическое выявление внутренних причинно-следственных связей природных аномалий и катастроф // Большая медведица. Журнал проблем защиты Земли. – 2002. – № 1. – С. 100-110.

Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. – М.: Восточная литература, 2001. – Т.1. – 384 с.

Худяков Ю.С. Опыт разработки базы данных о земных катастрофах космического происхождения (по материалам летописей государства Когуре) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН.- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 306-309.

Masse W.B. Earth, Air, Fire and Water: the Archaeology of Bronze Age Cosmic Catastrophes // Natural Catastrophes during Bronze Age Civilisations: Archaeological, geological, astronomical and cultural perspectives // British archaeological reports international series 728. – 1998. – P. 93-108.

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРОК НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Исследование погребальной обрядности имеет важное значение для этнокультурогенеза кочевых народов Центральной Азии. В эпоху раннего средневековья территория современной Монголии входила в состав Первого и Второго Восточного тюркских каганатов. После их крушения вплоть до конца I тыс. н.э., в монгольских степях продолжали обитать древние тюрки.

Среди памятников древнетюркской культуры в Монголии, в первую очередь, привлекали внимание исследователей поминальные памятники высшей знати Второго Восточного Тюркского каганата [Войтов, 1995, С. 23-32]. Значительно меньше изучались погребальные комплексы древнетюркской культуры. Отдельные древнетюркские захоронения раскапывались в Монголии монгольскими и российскими археологами. В 1925 г. Г.И. Боровка раскопал на памятнике Наинтэ-Сумэ в долине р. Тола древнетюркское захоронение с двумя лошадьми на площади херексура [Боровка, 1927, С. 73-74]. Во время работы Советско-Монгольской экспедиции в 1948-1949 гг. в долине р. Орхон было раскопано несколько захоронений с лошадьми. К древнетюркской культуре относится погребение женщины на памятнике Джаргаланты. Л.А. Евтюхова датировала его IX в. [Евтюхова, 1957, С. 224]. Один из первых опытов обобщения материалов культуры древних тюрков в Монголии был предложен Н. Сэр-Оджавом. Он отнес к этой культуре несколько захоронений и курганы-херексуры [Сэр-Оджав, 1970, Тал. 234-28]. В 1980-е годы было установлено, что херексуры должны относиться к эпохе бронзы [Худяков, 1987, С. 156-157]. В 1983 г. средневековое захоронение с двумя лошадьми было раскопано на памятнике Увугунт в северной Монголии Х. Лхагвасурэном и Д.Навааном. Первоначально оно было отнесено к хуннскому времени. В дальнейшем этот памятник был датирован IX – X вв. [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990, С. 9]. В 1987 г. древнетюркское женское захоронение на памятнике Цаган-Хайрхан-Уул к югу от оз. Убсу-Нур было раскопано Ю.С. Худяковым [Худяков, Цэвээндорж, 1999, С. 83-85]. Еще одно древнетюркское погребение с лошадьми в местности Загал в Монгольском Алтае исследовали Д.Наваан и Х. Лхагвасурэн [Худяков, Лхагвасурэн, 2002, С. 94-96]. В 1994 г. древнетюркское женское захоронение с конем в местности Элст Хутул в долине р. Эгин-гол было раскопано Д.Эрдэнэбаатаром и Ц. Турбатом [Ху-

дяков, Турбат, 1999, С. 84]. В последующие годы они раскопали еще три древнетюркских захоронения на памятниках Эгин-гол, Моностын Хутул и Мухдагийн Ам [Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, Тал. 103-110]. В 2002 г. древнетюркские погребальные памятники, изученные на территории Монголии, были систематизированы [Худяков, 2002, С. 152-154]. Были выделены особенности погребальной обрядности, характерные для памятников древнетюркской культуры в Монголии.

Для изучения погребальной обрядности в социальном аспекте определенный интерес представляют древнетюркские женские захоронения, раскопанные на территории Монголии. Женские погребения древних тюрков довольно существенно различаются по особенностям конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, положению и ориентировке погребенных, количеству лошадей, составу и облику сопроводительного инвентаря. Погребение женщины на могильнике Джаргаланты было захоронено в могиле, перекрытой округлой каменной насыпью. Тело умершей было положено на дно в северной части могильной ямы в вытянутом положении, ориентировано головой на восток. В южной части ямы находились скелеты двух коней. Они были помещены на дно ямы на животе, с подогнутыми ногами, и ориентированы головами на восток, в противоположную сторону от погребенной женщины. В могилу были поставлены сосуды. В головах находился лепной баночный сосуд и кувшин с боковой ручкой и носиком-сливом. В ногах стоял сосуд, внутри которого находился фрагмент желтой охры. При погребенной были туалетные принадлежности. В лаковой чашечке находилось китайское бронзовое зеркало в округлом шелковом мешочке и костяной гребень. Здесь же находились железный нож с деревянной рукояткой, косточки урюка и сливы, и зуб человека. Из украшений найдены золотые серьги с подвесками. У ног погребенной был обнаружен шелковый мешочек с семью танскими бронзовыми монетами. Обе лошади были взнузданы, но только одна из двух заседлана. При конских скелетах обнаружены железные удила, стремена, остатки седел, подпружные пряжки и уздечные бляшки [Евтюхова, 1957, С. 224]. Погребение женщины на памятнике Цаган-Хайрхан-Уул находилось в могильной яме с подбоем, перекрытой округлой каменной насыпью. Скелет погребенной лежал северной части могилы в подбое, скелет коня в южной части на уступе могильной ямы. Погребение было нарушено грабителями, однако по положению берцовых костей и ступней умершей можно было установить, что ее тело положили на дно подбоя на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами и ориентировали головой на северо-восток. Конь был положен в яму на животе, с подогнутыми ногами, и ориентирован головой на юго-запад, в противоположную сторону, по сравнению с умершей. При погребенной был найден железный нож, керамическое пряслище, изготовленное из стенки тулова лепного сосуда, на поверхности которого сохранились остатки орнамента в виде косых линий, каменный оселок процарапанными знаками, фрагмент деревянного сосуда с медной плас-

тинкой и обломки двух железных стержней. От конской сбруи сохранились железные двусоставные удила с кольчатыми псалиями. Обломок косяной накладки седла, железная скоба и костяная цурка [Худяков, Цэвээндорж, 1999, С. 84-85]. Погребение женщины на памятнике Элст Хутул находилось в могильной яме, перекрытой плоской округлой каменной насыпью. Тело умершей было положено на дно в северной части могильной ямы, в вытянутом положении, ориентировано головой на восток. Тушу коня поместили в южной части ямы на животе, головой на запад. При погребенной, у правого колена, находилось два керамических пряслица. Одно из них было изготовлено из стенки тулова гончарной вазы со штампованным ромбическим орнаментом. Другое пряслице было изготовлено из стенки тулова неорнаментированного сосуда. В области тазовых костей погребенной была железная игла и роговой гребень. Между погребениями женщины и коня находились остатки разделительной стенки из камней. В центре ямы, у стенки находились кости барана от заупокойной пищи. Скелет коня был нарушен грабителями. Сохранились только кости передних и задних конечностей и таза [Худяков, Турбат, 1999, С. 84-86]. Судя по находкам, древнетюркские женские захоронения в Монголии, должны относиться к VIII – X вв. Среди них выделяются погребения с двумя взнузданными лошадьми, заупокойной пищей и разнообразным сопроводительным инвентарем, а также захоронения с одним конем со сбруей, или без нее, заупокойной пищей и небольшим набором вещей. Эти различия носят социально дифференцирующий характер. Другие конструктивные и обрядовые различия, такие как наличие, или отсутствие разделительной стенки и подбоя, отклонения в ориентации могильных ям и погребенных, размещение коней головой в ту же, или противоположную сторону по сравнению с умершими, имеют характер локальных различий. По некоторым конструктивным и обрядовым особенностям, и составу инвентаря древнетюркские женские захоронения имеют определенные отличия от мужских погребений древних тюрок в Монголии. Среди мужских захоронений имеются впускные погребения с одним конем в насыпях древних курганов, основные погребения в ямах под округлыми каменными насыпями в сопровождении одного, или двух коней, погребения по обряду одиночной ингумации без коня. Помимо широтной, в мужских захоронениях встречается и меридиональная ориентировка погребенных и лошадей. В редких случаях лошадей помещали головами в разные стороны. Несмотря на значительную ограбленность мужских захоронений в них представлены предметы вооружения, поясного набора и конской сбруи, иногда встречаются золотые украшения. Мужские захоронения древнетюркской культуры в Монголии отличаются большим разнообразием обрядовых черт и инвентаря, по сравнению с женскими.

Изучение древнетюркских женских погребальных комплексов позволило выявить некоторые общие черты заупокойной обрядности, характерные для всех групп кочевого населения, без различия по признаку пола пог-

ребенных и отметить элементы, свойственные похоронным культам женской части древнетюркского этноса в Монголии. Внутри женской части древнетюркских погребальных комплексов были выявлены захоронения, различающиеся своей принадлежностью к разным социальным группам средневековых номадов.

Примечания

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. II. – С. 43-88.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. – 152 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 205-227.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской тюретике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. – М.: Наука, 1990. – Вып. 16. – С. 5-16.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136-162.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бур. Гос. ун-та, 2002. – С. 150-160.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2002. – № 8. – С. 94-105.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.2. Горизонты Евразии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 82-87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 82-90.

Сэр-Оджав Н. Эртний турегууд (VI – VIII зуун). – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. – 115 тал.

Турбат Ц., Амаргувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академи археологийн хурээлэн, 2003. – 295 тал.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ В 2006 ГОДУ

В сентябре-октябре 2006 г. автор продолжил изучение наскальных изображений на юге Российского Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Объектом изучения стали скальные выходы по берегам р. Чаган в урочищах Шин-Оозы, Соок-Тыт, Ак-Кол, Кара-Оюк, Абиджай (см. Черемисин, 2002, 2005). Данный район представляет собой локус, освоенный скотоводами высокогорной зоны Алтая, по крайней мере, с эпохи бронзового века. Наиболее многочисленными археологическими памятниками здесь являются петроглифы (Окладников и др., 1979; Окладникова, 1988; Кубарев, Маточкин, 1992).

Экспедиционные работы осуществлялись в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”. Фиксация и исследование разновременных исторических реалий, воспроизведенных в петроглифах, изучение изобразительных сюжетов, связанных с жизнедеятельностью обитателей высокогорных долин и отразивших особенности образа жизни, хозяйства и мировоззрения населения, оставившего рисунки на скалах, позволяют расширить представления об их культуре. Также проводился мониторинг лишайников, соседствующих с петроглифами и перекрывающих наскальные изображения.

Ряд выбитых фигур животных (быков, лося, кабана) выполнены в манере, характерной для “древнейших” наскальных изображений Алтая (рис. 1, рис. 2). Очевидно, представлены дикие животные. Датировка данного пласта петроглифов дискуссионна, предположительно подобные выбитые фигуры датируются исследователями от финального палеолита до неолита и ранней бронзы.

Наиболее многочисленные изображения, выбитые и выгравированные на выходах скальных поверхностей в бассейне р. Чаган, по моему мнению, относятся к бронзовому веку и раннему железному веку. Персонажи – домашние и дикие животные, горные козлы, олени-маралы, лошади, кабаны; реже представлены двугорбые верблюды, а также хищники, в т.ч. кошачьи, волки или собаки, единичны изображения медведя. Наиболее разработан излюбленный персонаж наскального искусства Горного Алтая – образ благородного оленя, который воспроизводился в разных стилистических манерах и в разной технике (пикетаж, гравировка, протирка) (рис. 3-6). На-

Рис. 1, 2. Изображение лося, урочище Абиджай.

Рис. 3. Изображение оленя, Ак-Кол.

ибо более достоверно выделяется иконографический стандарт, канонично представленный стилизованными оленями “в стиле оленных камней” – статуарных памятников Центральной Азии. Выбитые фигуры оленей, выполненные в данном стиле на скалах в бассейне р. Чаган, нередко подновлены в более позднюю эпоху путем прочерчивания абриса.

Антропоморфные персонажи представлены в сюжетах охоты, китальных сценах, женские персонажи изображены ведущими в поводу домашних быков. На скальных выходах обнаружены выбитые и выгравированные изображения колесного транспорта эпохи бронзового века (Черемисин, 2003, 2005). Воспроизведение средств передвижения на колесах связано с освоением высокогорных речных долин скотоводами в эпоху поздней бронзы, отражает практику использования легких двухколесных колесниц в военном деле и мифологию создателей колесничных сюжетов.

Разнообразные воинские реалии – оружие, доспехи, атрибуты конского убранства переданы в технике тонкой гравировки, широко распространеннейшей в эпоху раннего средневе-

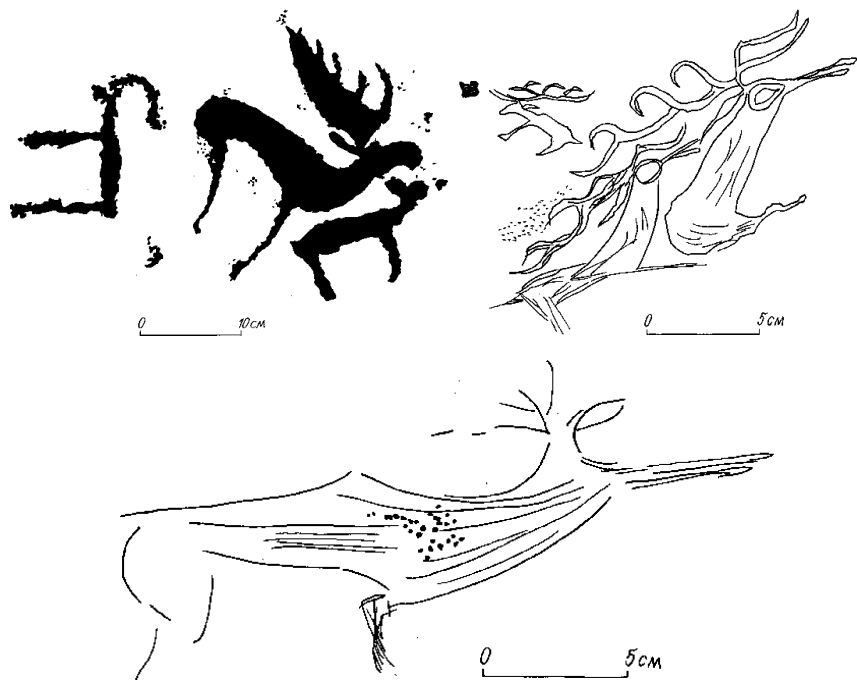

Рис. 4 – 6. Изображения оленей, левый берег р. Чаган.

ковья. Древнетюркские граффити зафиксированы на скалах по обоим берегам р. Чаган и составляют представительную коллекцию (Черемисин, 2004). Некоторые из них подновлены в более позднее время.

Традиции нанесения изображений на скалы не была прервана в эпоху нового и новейшего времени, многочисленны граффити, которые отличает слабая патинированность и воспроизведение реалий, отражающих быт современных кочевников. Представлены переносные и стационарные жилища, охота и выпас домашнего скота (животные отмечены тамгами), а также, очевидно, моменты шаманской практики (Черемисин, 2005). Техника тонкой гравировки позволяет наскальным художникам в деталях воспроизводить элементы национальной одежды, охотничье оружие, тамги. Самые поздние рисунки запечатлели реалии современной жизни, немало посвященных надписей, в т.ч. стихотворных.

Таким образом, продолжение работ по изучению наскального искусства юго-восточного Алтая позволяет уточнить ряд данных о распространении сюжетов и стилей, связанных с культурами охотников и скотоводов высокогорной зоны. Традиции наскального искусства были распространены здесь во все времена, когда в долинах рек, берущих начало на ледниках и служивших плодородными пастбищами, развивались самобытные культуры населения, основу хозяйства которого составляли охота и подвижное

скотоводство. Системы природопользования, основанные на вертикальной смене пастбищ в течение года, были выработаны скотоводами за тысячелетия. Традиционные места стоянок, маршруты перекочевок пастухов юго-восточного Алтая отмечены петроглифами разных эпох.

Примечания

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. –Новосибирск, ИАЭт СО РАН, 1992. –120 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). –Новосибирск: Наука, 1979. –137 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ XLII, Л.: -Наука, 1988, с. 140-158.

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VIII. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. –Новосибирск, ИАЭт СО РАН, 2002, с. 491-496.

Черемисин Д.В. К изучению изображений колесниц в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. -Том IX, часть I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2003 г. –Новосибирск, ИАЭт СО РАН, 2003, с. 516-520.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. –Новосибирск, ИАЭт СО РАН, 2004, № 1, с. 40-51.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Часть I. Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2005. -Новосибирск, 2005, с. 485-488.

НОВАЯ НАХОДКА СБРУЙНОГО НАБОРА В ГИЛЁВО-10*

Летом 2006 г. завершились аварийные раскопки размывавшегося водами Гилёвского водохранилища могильника Гилёво-10, где в 2000-2006 гг. выявлено 33 захоронения людей и животных раннескифского времени [Шульга, 2003; и др.]. Наибольший интерес представляют находки из исследованной в 2006 г. могилы 32. Могила 32 находилась в северной части ряда элитных могил №№ 2, 12, 16, 31, 33, в которых были обнаружены наиболее представительные сбруйные, поясные и колчанные наборы.

Захоронение человека оказалось потревожено, но, судя по костям ног, умерший был погребён на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Из инвентаря в районе таза найдены бронзовый и роговой наконечники стрел (рис. 1. – 13, 14). Роговой черешковый трёхгранный наконечник длиной 7 см имел широко распространённую на Алтае и в Туве башневидную головку с двумя жальцами, характерную для памятников конца VII – первой половины VI вв. до н. э. [Шульга, 2002]. Бронзовый черешковый трёхлопастный наконечник длиной 4,6 см с трёхгранным острием и дуговидными перемычками в средней части головки в раннескифских захоронениях на Алтае встречен впервые. Наибольшее распространение наконечники этого типа получили в VI в. до н. э., что подтверждает заключение о датировке могильника Гилёво-10 завершающим этапом раннескифской культуры (конец VII-начало VI вв. до н. э.).

Подхоронение лошади и барана находилось в южной части могилы. Лошадь укладывалась на правый бок головой на север. Её голова была поднята и покоилась на спине аналогично уложенного барана. Сбруйный набор с уздечкой и седлом помещался на лошадь. Почти все бронзовые детали были смещены грызунами, но сохранилась часть ремней узды и нагрудника с находящимися на них пронизками и нагрудной подвеской. Судя по обнаруженным сбруйным деталям и ремням, снаряжение лошади из могилы 32 конструктивно соответствовало найденному в Машенке-1, Кондратьевке-21 и Гилёво-10. Реконструируемая уздечка включала два суголовных ремня, наносный и два подбородных. Налобный ремень, вероятно, отсутствовал. В уздечную фурнитуру входили стремчовидные удила с У-образными

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 05-01-011919 и № 06-01-18066е

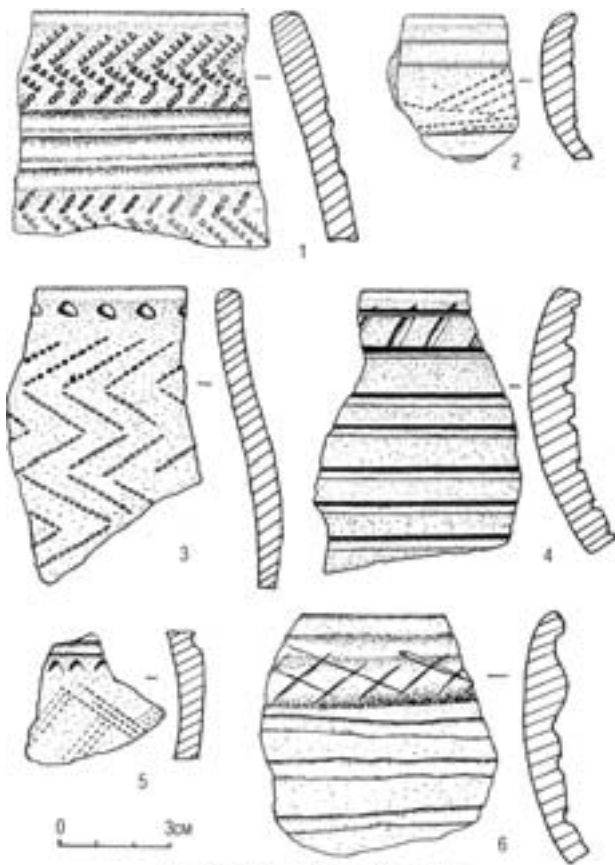

Рис. 1. Найденные в могиле 32 в Гилёво-10.

1,2 – псалии и удила; 3 – наносная подвеска; 4 – застёжка; 5,6 – пронизки узды и нагрудника; 7 – распределитель; 8 – ворворка; 9,10 – подпружные пряжка и блок; 11 – нагрудная подвеска; 12 – реконструкция расположения пронизок у распределителя; 13,14 – наконечники стрел. Бронза – 1-13, рог – 14.

псалиями, наносная подвеска в виде головы лося, четыре распределителя, коническая ворворка для застёгивания суголовных ремней, застёжка подбородного ремня на кольцевидной пронизке (рис. 1). Помимо этого найдено около 50 малых уздечных пронизок (рис. 1. – 5). На седельных ремнях находились подпружные пряжка и блок (рис. 1. – 9,10), центральная нагрудная подвеска, два больших распределителя, две застёжки с кольцевидным основанием (сохранилась одна) и, предположительно, около 50 больших пронизок (найдено не менее 23). В набор, несомненно, входила и подпружная бляха-застёжка, соединявшая на правом боку лошади верхний и нижний подпружные ремни, но она, по всей видимости, была смещена грызунами за пределы могилы.

Несмотря на утраты, сбруйный набор из могилы 32 является одним из самых «богатых» среди найденных в комплексах раннескифского времени. Все сколько-нибудь представительные сбруйные наборы VII – начала VI вв. до н. э. в скифском мире выполнялись в определённом художественно-мифологическом стиле, но при изготовлении набора из могилы 32 эта черта проявилась наиболее ярко. Пронизки, распределители, застёжки и даже псалии были украшены спиральным орнаментом. Ремни уздечки и нагрудник были унизаны пронизками (с интервалы около 2-3 мм), орнаментированными «плетёным узлом» (рис. 1. – 5,6). Аналогичный орнамент помещён и на псалиях. На них видна не только лицевая сторона с переплетающимися трёхваликовыми полосами, но и оборотная. «Плетёный узел» на пронизках нагрудника и узды различается по степени закручивания валиков, а на псалиях оба эти варианта представлены совместно. При этом вариант уздечных пронизок находится на отверстиях, продолжая ряды пронизок нащёчной части ремней (рис. 1. – 1). Находившиеся между пронизками распределители и застёжки орнаментировались в том же стиле, но здесь трёхваликовые полосы полностью закручиваются в спираль, образуя по центру характерную лунку и даже подобие реберчатого валика на щитке застёжки (рис. 1. – 4,7). Очевидно, при изготовлении набора мастер рассматривал все орнаменты уздечки и нагрудника как одно целое. Смысловое значение орнамента усложнялось и усиливалось способом расположения пронизок и распределителей, при котором сходящиеся с четырёх сторон намеченные на пронизках спирали как бы закручивались на расположенных в центре распределителях (рис. 1. – 12). На предметах с изображениями животных спиралей нет, за исключением оформления глаза верблюда. Рассмотренные спиралевидные орнаменты по терминологии Н.Ю. Смирнова могут быть названы «плетёный узел» и «центробежно-бинарный завиток» [Смирнов, 2005]. Не возражая в принципе против предложенной исследователем схемы трансформации спиральных орнаментов (хотя взаимосвязь спиральных орнаментов может быть показана и по другому), следует обратить внимание на некоторую искусственность в разграничении «мотивов». На примере сбруи из могилы 32 хорошо видно, что «узлы» и спирали, образованные трёхваликовыми фигурами, есть сосуществующие и взаимосвязанные варианты одного из типов спирального орнамента, который подразумевался даже в случае изображения отдельных изогнутых трёхваликовых фигур (Уйгарак, к. 45). Нельзя согласиться и с предложенной эволюцией во времени орнаментального мотива «плетёный узел» от реалистического к полностью схематизированному [Смирнов, 2005, с. 429], поскольку комплексы с этим орнаментом из Уйгарака (к. 45, 47) и Южного Тагискена (к. 36, 45) не имеют явных хронологических отличий от Вакулихи-1 и Гилёво-10. Все они, как и Аржан-2, относятся к завершающему этапу раннескифской культуры. В связи с этим следует отметить, что единс-

твенная подвеска с изображением верблюда в Уйгараке происходит из набора в кургане 47, где найденные 72 пронизки, четыре распределителя и две застёжки также были орнаментированы «плетёным узлом» [Вишневская, 1973, с. 40, табл. XV. – 2-4]. Что же касается приводимых Н.Ю. Смирновым ссылок на предлагаемые датировки этих памятников, то на их основе можно сделать любую комбинацию в пределах VIII – начала VI вв. до н. э.

Не останавливаясь на замечательных изображениях «ланей», верблюда и лося, рассмотрим лишь уникальные подпружные пряжку и блок подковообразной формы, выполненные в виде смотрящих в разные стороны «ланей». Подобные «пряжки» без шпеньков на лицевой стороне хорошо известны в поясных наборах Тувы и Китая. На Алтае одна найдена в Быстрянке [см. сводку, Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 46-47]. Все найденные в комплексах «пряжки», на наш взгляд, использовались как вариант поясных обоев с отверстием для подвешивания колчана (иногда, возможно, – чеканов и кинжалов). Комплексы с такими поясными «пряжками» датируются второй половиной VII – началом VI вв. до н. э. В конском снаряжении такие «пряжки» встречены впервые. Несмотря на кажущуюся однотипность, пряжка и блок различаются сечением дужек и образами «ланей», что заставляет предположить их происхождение из двух похожих наборов. На оборотной плоской стороне пряжки, как и у поясных, имеются два шпенька, вставившихся в прорези на верхнем подпружном ремне шириной около 7,5-8 см. В рабочем положении головы ланей на пряжке были обращены вверх. Шпенёк с копытовидным знаком на лицевой стороне пряжки несколько отогнут вовнутрь. Желобчатый с оборотной стороны блок никаких шпеньков не имел. Он крепился на конце узкого нижнего подпружного ремня шириной около 2 см, который охватывал концы ушей «ланей». В рабочем положении их головы обращались вниз. Данная находка имеет большое значение для понимания особенностей устройства подпруги и взаиморасположения подпружных пряжек и блоков. В раннескифское время, как и в пазырыкской сбруе, подпружная пряжка со шпеньком крепилась на широком (в могиле 32 – до 7,5-8 см) верхнем подпружном ремне, а блок – на узком нижнем подпружном. Способ затягивания и застёгивания подпруги был аналогичен зафиксированному в Башадаре-2 и Тузкте-1. Обнаружение специфических подковообразных пряжки и блока в Гилёво-10 ещё раз показало, насколько близки были в раннескифское время сакрализованные сбруйные и поясные наборы, представлявшие единый комплекс снаряжения лошади и воина-всадника. Очевидно, и в Туве аналогичные «пряжки» использовались не только на поясах, но и в конском снаряжении.

Набор из могилы 32 представляет особый интерес и как иллюстрация промежуточного положения алтайских предгорных комплексов между саками Приаралья и населением Тувы. Хорошо прослеживаемое в Гилё-

во-10 по особенностям погребального обряда и инвентаря сакское влияние проявляется в орнаментации пронизок, застёжек и распределителей, в образе верблюда. Близость сбруйных и поясных наборов из предгорий Алтая и Тувы отмечалась неоднократно, но и в этом вопросе выявились ранее неизвестные точки соприкосновения культур.

Примечания

Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. – М.: Изд-во Наука, 1973. 160 с.

Смирнов Н.Ю. Орнаментализация идеи (к вопросу об орнаментальных мотивах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 426-432.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43-61.

Шульга П.И. Могильник Гилёво-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.) – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. Ч. 1. С. 521-527.

*М.И. Эпов, А.К. Манштейн, Ю.А. Манштейн, М.А. Чемякина,
Е.В. Балков, В.И. Молодин, И.Ю. Слюсаренко*

ЭЛЕКТРОРАЗВЕДОЧНОЕ КАРТИРОВАНИЕ «ЗАМЕРЗШИХ» ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ АЛТАЯ*

Задача распознавания присутствия льда под каменными насыпями курганов чрезвычайно важна. Хорошая сохранность мумий и уникального погребального инвентаря из органических материалов обусловлена именно наличием льда и мерзлого грунта в погребальных камерах отдельных курганов.

Работы в этом направлении были начаты геофизическими исследованиями на плато Укок [Эпов, Манштейн и др., 2003, с. 528 – 534] и продолжены в северо-западном районе Монгольского Алтая (Эпов, Молодин и др., 2005, с.503 – 506). Поставленная задача осложнена тем, что каменная кладка кургана не позволяет применить контактные методы исследования подкурганного пространства непосредственно над объектом. Геофизическая разведка 2006 г. производилась с комплексным применением методов сопротивлений и частотного электромагнитного зондирования. Технология исследования замерзших курганов разработана в Институте нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН [Эпов, Манштейн и др., 2003, с. 528 – 534; Эпов, Молодин и др., 2005, с.503 – 506; Эпов, Молодин, Чемякина, 2006, с. 86 – 88].

Исследование одного кургана включает измерение модифицированным методом сопротивлений на двух площадках с типовым размером 20 x 20 м² с шагом через 1 м по Y и 0.5 м по X. Одна площадка включает курган, другая, равная по площади первой, – площадка сравнения, структура которой близка к однородной. Итого на каждом кургане необходимо выполнить более 400 физических точек наблюдений методом сопротивлений.

Дополнительная информация о геоэлектрических параметрах вмещающей среды получалась с помощью вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ) с разносами АВ/2 до 6 м.

Данные, полученные над курганом, мы называем полным полем. Данные, полученные над референтной средой, названы нормальным полем. Для обнаружения аномалий поля, измеренного на кургане, по сравнению

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 06-06-80295а, Интеграционного проекта СО РАН №109, гранта Президента РФ НШ-6568.2006.6.

с полем на референтной среде, были применены разности: модуль разности полного поля и нормального назван абсолютной аномалией поля, а просто разность названа аномальным полем.

Электромагнитные частотные зондирования аппаратурой ЭМС выполнялись с шагом наблюдений 1 м. При этом сеть наблюдений по возможности включала в себя видимую часть кургана целиком. Профили наблюдений захватывали окружающую часть пространства и пересекали видимую часть насыпи. Построения выполнены в единицах кажущейся удельной электропроводности, полученной в низкочастотном приближении. Проводящая часть разреза по данным ЭМС совпадает с мощностью оттаявшего пласта грунта. На рис. 2 представлен геоэлектрический разрез через курган № 4 памятника Олон-Курин-Гол 9, отражающий подповерхностную структуру кургана.

Работы по описанной выше методике были дополнены вертикальными электрическими зондированиями (ВЭЗ) и электропрофилированием (ЭП). Частотные электромагнитные зондирования проводились как по профилям через центральную линию курганов, так и по площадной схеме. Весь объем выполненных в 2006 году исследований курганных могильников в долинах Олон-Курин-Гол и Улан-Даба 1 приведен в таблице 1.

Результаты электроразведочных работ. *Олон-Курин-Гол-9, курган № 3.* По данным ВЭЗ для северного и южного участков вмещающей среды вблизи кургана толщина рыхлой части разреза равна 0,9 м. На большей глубине залегает монолитный слой-изолятор. Учитывая, что курган находится на надпойменной террасе видимой мощностью более 4 м, можно полагать, что на глубине около 1 м залегает аллювий в замерзшем состоянии. Над курганом № 3 этой системы выполнены площадные

Таблица 1. Комплекс примененных геофизических методов

Объект \ Метод	Метод сопротивлений	Профильные ЧЭЗ	ВЭЗ	ЭП	Площадные ЧЭЗ
Олон-Курин-Гол 9, курган № 3	X	X			
Олон-Курин-Гол 9, курган № 4	X	X		X	
Олон-Курин-Гол 3, курган № 1	X	X	X		
Олон-Курин-Гол 12, курган № 4	X	X	X		
Олон-Курин-Гол 12, курган № 1		X		X	
Олон-Курин-Гол устье 2, курган №1	X	X	X		X
Улан-Даба 1, курган №1		X			X

исследования выше описанной разновидностью метода сопротивлений. На карте величин разностей потенциалов нормированных на ток абсолютной аномалии поля и карте аномального поля имеется небольшой объект повышенного сопротивления.

Олон-Курин-Гол-9, курган № 4. Результаты работ представлены на рис. 1. Каменная насыпь кургана в значительной мере была разобрана местным населением, что дало возможность выполнить электропрофилеирование установкой Венера с разномом 0,7 м. Разрез по данным ЧЭЗ и график электрического профилирования по центральной оси кургана представлены в нижней части рис. 2. Полученные данные хорошо согласуются и позволяют сделать вывод о наличии высокоомной аномалии (пикеты 7-9 графика ЭП) с низкоомным обрамлением (пикеты 6 и 10 ЭП) внутри данного кургана.

Олон-Курин-Гол-3, курган № 1. В результате работ получены карты площадных наблюдений методом сопротивлений и ВЭЗ. Мощность рыхлых отложений по данным ВЭЗ около 1 м. Под курганом наблюдается большее сопротивление грунта по сравнению с окружающей средой. Возможно, это связано с массивным обледенением грунта на глубинах более 1 м.

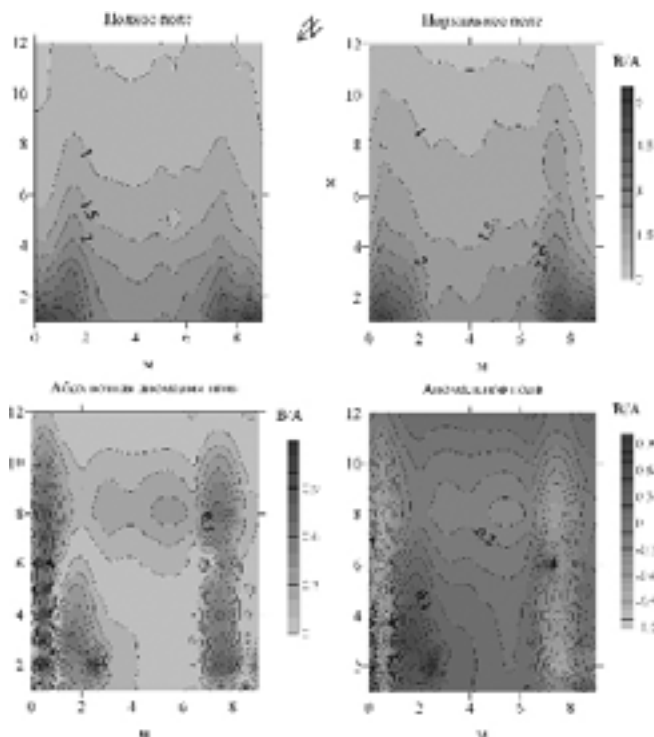

Рис. 1 Олон-Курин-Гол-9. Курган № 4; 28/06/2006. Площадное исследование методом сопротивлений. Пунктиром показано направление профиля ЧЗ.

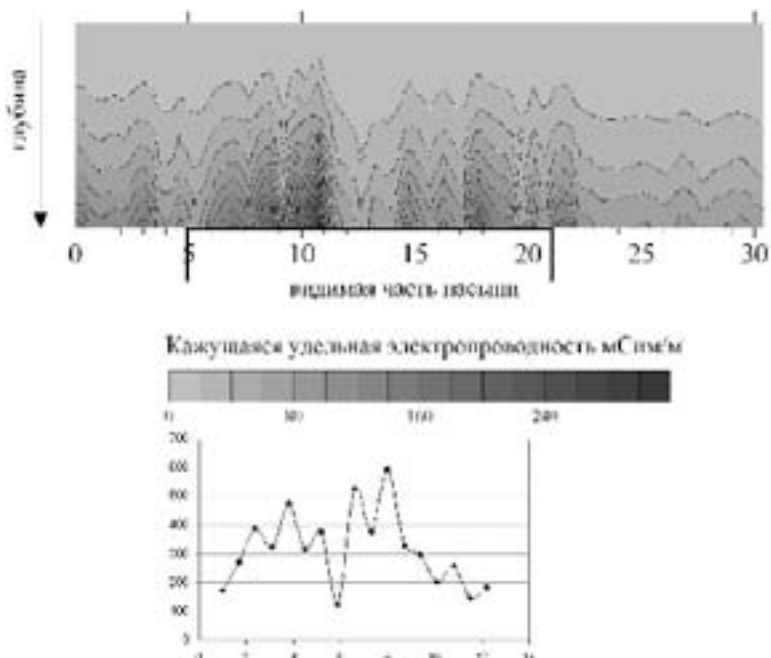

Рис. 2 Олон-Курин-Гол-9. Курган № 4; 28/06/2006. Геоэлектрический разрез по данным частотного зондирования по профилю 7 (см. рис.1) В нижней части рисунка – результат электропрофилирования (ЭП) по той же линии.

Олон-Курин-Гол-12, курган № 4. Методом вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ) определено, что с северной стороны кургана рыхлая верхняя толща имеет мощность около 0,4 м и залегает на непроводящем основании. С южной стороны кургана рыхлая часть грунта имеет мощность до 2,4 м, состоит из двух слоев и залегает на непроводящем основании.

На картах аномалий площадного исследования методом сопротивлений наблюдаются проводящие зоны, приуроченные к центру кургана.

Олон-Курин-Гол 12, курган № 1. По результатам электропрофилирования можно утверждать, что в кургане имеется объем с высоким сопротивлением (около 1 КОм·м), который находящейся под насыпью. В центре есть небольшое проводящее включение, но оно не является глубоким (менее 1 м).

Олон-Курин-Гол устье 2, курган №1. Площадное исследование методом сопротивлений показывает наличие двух небольших изолирующих тел в центре кургана. Однако аномалии небольшие и соотносить им мерзлотные линзы не стоит. Это тем более интересно, что данный объект был выбран с методическими целями, т.к. по внешним конструктивным признакам отличался от курганов пазырыкской культуры.

Улан-Даба 1, курган №1. Этот курган подвергся повторному геофизическому изучению с целью получения дополнительной информации после снятия насыпи. Дополнительные исследования частотными зондированиями выявили вертикальные границы, которые, однако, соответствовали уже выкопанной яме.

Таким образом, по результатам предварительной обработки данных комплексных электроразведочных исследований два кургана имеют значительные аномалии повышенного сопротивления. Это Олон-Курин-Гол-9, курган № 4 и Олон-Курин-Гол-3, курган № 1. Однако характер аномалий требует их дальнейшего изучения на предмет приуроченности к ним замерзших объектов.

Археологическая проверка геофизических данных. Необходимо отметить, что российско-германско-монгольские археологические исследования на пазырыкских курганах Северо-Западной Монголии в 2006 г. строились с учетом результатов геофизических работ, проведенных в 2005 г. Одним из важных аспектов проводимых раскопок являлась как раз проверка правильности прогнозов на наличие мерзлоты, полученных при помощи методов геофизики [подробнее см. статью Молодина В.И., Парцингера Г. и др. в настоящем сборнике].

Раскопки подтвердили присутствие мерзлотных образований во всех трех объектах, выделенных по результатам геофизической диагностики: Улан-Даба-1, курган 2 могильника Олон-Курин-Гол-6, курган 1 могильника Олон-Курин-Гол-10. Однако природа и масштабы этих образований были различны. Так, на кургане №1 Улан-Даба-1 специально для выявления причин аномалии был прокопан шурф размером 4 x 3,5 м. Линза мерзлоты действительно обнаружена на глубине 2-2,5 м, в ненарушенных слоях, подстилающих курган, но причины образования ее имели природную основу: на каменном цоколе, при подвижках моренных или селевых потоков образовался своеобразный каменный «карман» из валунов и обломочного камня, в котором и аккумуляровалась вода, впоследствии замерзшая и превратившаяся в лед.

В кургане № 2 на могильнике Олон-Курин-Гол-6, который был ограблен, мерзлый грунт также фиксировался в могильной яме и в заполнении сруба, но, кроме того, внутри сруба вдоль северной его стенки находилась узкая линза чистого льда. Ее положение соотносится с отмеченным геофизическими методами смещением непроводящей аномалии в северную часть ямы.

Наконец, в кургане № 1 могильника Олон-Курин-Гол-10, где обнаружено не потревоженное захоронение воина, мерзлота присутствовала в наибольшем масштабе и в различных видах. Промерзшим было заполнение могильной ямы вокруг сруба, а внутри сруба лед присутствовал в чистом виде в северной части сруба. Кроме того, на грунтовой подсыпке под погребальным ложем образовался льдистый бугор почти по всей площади сруба, выдавивший доски вверх. Именно благодаря присутствию мерзлоты в таком масштабе данное погребение со всем его содержимым отличала уникальная степень сохранности.

Из всего вышесказанного следует, что применявшиеся для обнаружения льда в погребальных комплексах геофизические методики полностью себя оправдали, показав, по сути, стопроцентный результат по проверке геофизического прогноза. Вместе с тем, проведение достаточно масштабного геофизического мониторинга показало малоперспективность района на предмет присутствия пазырьских комплексов с мерзлотой. Скорее всего, это связано с более мягким климатом по сравнению с соседним плато Укок в виду южной экспозиции Сайлюгемского хребта.

Примечания

Эпов М.И., Манштейн А.К., Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Балков Е.В. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IX. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 528 – 534.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В. Геофизические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Том XI, часть I. С. 503 – 506.

Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А. Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. 1. С. 76 – 91.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

<i>Акимова Е.В., Махлаева Ю.М., Стасюк И.В.</i> РАСКОПКИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МАЛТАТ В ДЕРБИНСКОМ ЗАЛИВЕ	4
<i>Асеев И.В.</i> О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАСКОПОК НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В БУХТЕ ЭЛЬГЕН НА БАЙКАЛЕ	9
<i>Базалийский В.И., Вебер А.В.</i> РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II В 2006 ГОДУ	11
<i>Базалийский В.И.</i> «НЕОРДИНАРНЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ - РАННЕМ НЕОЛИТЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ	17
<i>Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.</i> НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ЗОНЕ КОВЫКТИНСКОГО ГАЗОПРОВОДА (ДОЛИНА РЕКИ ЗАЛАРИ, ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)	22
<i>Березин Д.Ю.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМОВКЕ СОСУДОВ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ	26
<i>Василевский А.А.</i> ДОБЫЧА, ПЕРВИЧНАЯ ОБРАБОТКА И ДВИЖЕНИЕ СЫРЬЯ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И РАННЕМ НЕОЛИТЕ САХАЛИНА И ХОККАЙДО (20-7 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД)	31
<i>Васильев С.К., Орлова Л.А.</i> К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ ТАРАДАНОВСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ФАУНЫ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ	36
<i>Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В.</i> НОВЫЕ ПАЛЕОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ ЛОГОВО ГИЕНЫ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)	43
<i>Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семibrатов В.П.</i> ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗУБОВ СУРКА ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТАВДИНСКОГО ГРОТА	50
<i>Грищенко В.А., Можгаев А.В.</i> РАСКОПКИ СТОЯНКИ РАННЕГО НЕОЛИТА СЛАВНАЯ-5 НА ОСТРОВЕ САХАЛИН В 2006 ГОДУ	55

Губин С.В., Лаухин С.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В. РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВЫХ ПАЛЕОПЕДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕРБИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЙОНЕ	60
Деревянко А.П., Анойкин А.А., Лецинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	65
Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лецинский С.В. НОВАЯ МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ДОЛИНЕ Р. РУБАС (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	71
Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лецинский С.В., Кулик Н.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ РУБАС-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2006 ГОДА	77
Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2006 ГОДА В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ РУБАС (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН) ...	83
Деревянко А.П., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Кривошапкин А.И., Зайди М. ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ В 2006 ГОДУ	87
Деревянко А.П., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Кривошапкин А.И., Зайди М. ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА (АРДЕБИЛЬ): РАЗВЕДОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2006 ГОДУ	94
Деревянко А.П., Лецинский С.В., Зенин В.Н. СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1 В 2006 ГОДУ	102
Деревянко А.П., Феденева И.Н., Дергачева М.И., Нохрина Т.И. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ГОБИЙСКОГО АЛТАЯ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ – ГОЛОЦЕНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ЧИХЭН)	109
Деревянко А.П., Цэвэндорж Д., Олсен Д., Гладышев С.А., Рыбин Е.П., Цэрэндагва Я., Чаргынов Т.Т., Болорбат Ц. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТОЛБОР-4 В 2006 ГОДУ	112
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Ульянов В.А. К ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЕРХНЕЙ ТОЛЩИ РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ КАРАМА	116

<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А.</i> ИЗУЧЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	121
<i>Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	127
<i>Есида К., Орлова Л.А., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Таракановский С.П., Новосельцева В.М., Козай С.А.</i> ЧЕРЕМУШНИК I, II – ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ БЕЛОЙ. (ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ ИЗУЧЕНИЯ)	132
<i>Ефремов С.А.</i> ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОСТИ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)	137
<i>Зенин А.Н., Кандыба А.В.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ В 2006 ГОДУ	141
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В.</i> НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-6	146
<i>Козай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Ощепкова Е. Б., Роговской Е. О., Таракановский С. П.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЗОНАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ	151
<i>Колобова К.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А.</i> ОРУДИЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПАМЯТНИКА ОРХОН 7 (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОГО РАСКОПА)	155
<i>Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухаммадиев А.Г., Белоусова Н.Е.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА УЗБЕКИСТАНА В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2006 ГОДА	162
<i>Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Милютин К.И.</i> ПЕТРОГРАФИЯ АРТЕФАКТОВ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА ШАБАРАК-УСУ (ЮЖНАЯ МОНГОЛИЯ)	167
<i>Ларичев В.Е.</i> ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЮЖНОСИБИРСКОЕ ВРЕМЯ	173
<i>Лбова Л.В., Абзаева А.А., Клементьев А.М.</i> ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИХ ОТЛОЖЕНИЙ КАРГИНСКОГО ВОЗРАСТА РАЗРЕЗА БОЛЬШОЙ ЗАНГИСАН (ТУНКИНСКАЯ КОТЛОВИНА, ВОСТОЧНЫЕ САЯНЫ)	179

Маркин С.В.	
СРЕДА И КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА	185
Медведев В.Е.	
О ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЖИЛИЩ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И ИХ ПРИЧИНАХ (НИЖНЕЕ ПРИАМУРЬЕ)□	191
Милютин К.И.	
НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ РЕВНЕВОЙ (РУДНЫЙ АЛТАЙ)	197
Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П.	
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ГРОМАТУХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНИГОВКА НА РЕКЕ ЗЕЕ	201
Новосельцева В.М., Безрукова Е.В., Ощепкова Е.Б., Федоренко А.Б., Абзаева А.А., Летунова П.П., Като Х., Есида М.	
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИГЕТЕЙСКИЙ ЛОГ III. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ 2005 ГОДА	206
Оводов Н.Д.	
ПОЗДНЕАНТРОПОГЕНОВЫЕ ЗАЙЦЫ СИБИРИ. К ВОПРОСУ О ФИЛЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ВНУТРИ РОДА <i>LEPUS</i>	212
Оводов Н.Д., Чеха В.П.	
НОВЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОРОВЬИХ АНТИЛОП (MAMMALIA, ALCELRPHINAE) ИЗ СРЕДНЕЙ СИБИРИ	218
Постнов А.В., Зольников И.Д., Гуськов С.А.	
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ УСТЬ-КАНСКОЙ И ЯБОГАНСКОЙ КОТЛОВИН В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ.	224
Чеха В.П.	
РАЗМЕЩЕНИЕ И ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МИНУСИНСКИХ МЕЖГОРНЫХ ВПАДИН	230
Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЫМБЯХТАХСКОГО ВОИНА ИЗ МЕСТНОСТИ КЁРДЮГЕН	234

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.	
РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В УСТЬЕ РЕКИ СИБИРКИ	242
Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В.	
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ РЕКИ ШИЛКИ	249
Басова Н.В., Малиновский В.Б.	
СЕРЬГИ ИЗ ЗАРЕЧНО-УБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	255

Бериков В.Б., Борисенко А.Ю., Лбов Г.С., Худяков Ю.С.	
РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ДИСПЕРСИОННОГО АНАЛИЗА КЛАССИФИКАЦИИ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	261
Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.	
КОНСКИЙ ПОЛУДОСПЕХ В СОПРОВОДИТЕЛЬНОМ ИНВЕНТАРЕ КРЕМИРОВАННОГО ПОГРЕБЕНИЯ X ВЕКА ИЗ КУРГАНА № 8 МОГИЛЬНИКА ОЗЕРКИ I (КАЛТЫШИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН)	265
Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г.	
РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В 2006 ГОДУ	269
Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баитаник С.В.	
ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ИСТОК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)	274
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа	
ОСОБЕННОСТИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ СЯНЬБИ	280
Быков Н.И., Быкова В.А., Крупочкин Е.П., Слюсаренко И.Ю	
РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА ПЛОСКОГОРЬЕ УКОК (АЛТАЙ)	285
Варенов А.В.	
ПОГРЕБЕНИЕ Е9 ИЗ БОЛЬШОЙ МОГИЛЫ УГУАНЫЦУНЬ В АНЬЯНЕ С «КАРАСУКСКИМ» НОЖОМ И «МОДЕЛЬЮ ЯРМА»	292
Варенов А.В., Митько А.О., Митько О.А.	
ТУАНЫЦЗЕ – СЯНЬБИЙСКИЙ МОГИЛЬНИК НА СЕВЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ БЛИЗ ГРАНИЦЫ С ЗАБАЙКАЛЬЕМ	298
Волков Д.П.	
НОВЫЕ ГОРОДИЩА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	304
Волков П.В., Мыльникова Л.Н.	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ИЗ ЖИЛИЩА 17 ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО-1	308
Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В.	
РАБОТЫ РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ	311
Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С.	
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ЧИНЕТИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)	315
Дураков И.А., Мыльникова Л.Н.	
О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПАМЯТНИКАХ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ	320
Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П.	
ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ В 2006 ГОДУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)	326

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ В 2005-2006 ГОДАХ	331
Зубова А.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНДРОНОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЕЛОВСКИЙ-2 И СТАРЫЙ САД)	336
Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ	341
Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА В 2006 ГОДУ	345
Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСЕЛЕНИИ КАЛИНОВКА II	350
Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТ НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI	353
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ	358
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА РУБЛЁВО VIII В 2006 ГОДУ	361
Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Грушин С.П. МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ	365
Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Тюрина Е.А., Грушин С.П. ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI	370
Комиссаров С.А., Прокофьева И.В. О ТИБЕТСКИХ МЕГАЛИТАХ	373
Конева Л.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. ИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ-I	378
Кубарев В.Д., Едилхан Х. ПЕТРОГЛИФЫ БИЛУУТ-ТОЛГОЙ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)	381
Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, Кубарев Г.В. МОНИТОРИНГ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ	386
Кубарев В.Д., Суразаков А.С. КАРАКОЛ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ АЛТАЯ	389
Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДОК В УСТЬЕ ЧАГАНУЗУНА (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)	392

Кунгурова Н.Ю., Горюнова О.И., Вебер А.В. ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ МОГИЛЬНИКА КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ)	397
Лабецкий В.П. КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТАРАННЫХ КОСТЕЙ И ВТОРЫХ ФАЛАНГ КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ С ПАМЯТНИКА ЧИЧА-1	401
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Комиссаров В.Н., Серкин Г.Ф. ПЕРВЫЙ СУНДУК: ПРОТОХРАМ ЗАХОДА СОЛНЦА В ДНИ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ (К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ КАЛЕНДАРНО-АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И СЮЖЕТОВ АСТРАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ ЖРЕЧЕСТВА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)	406
Ларичев В.Е., Паршиков С.А. ПРОТОХРАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ: МИРОВОЕ ЯЙЦО, ПЕРВОЗДАННЫЕ БОГИ И ЧЕЛОВЕК В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ	412
Молодин В.И., Кобелева Л.С. К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕСАРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ	418
Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабецкий В.П. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ ТАРТАС-1	422
Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ	428
Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Балков Е.В., Миненко М.И. РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ПРЕ- ОБРАЖЕНКА-2 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	434
Мыльников В.П. К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИЗГОТОВЛЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЗ ДЕРЕВА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ	440
Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА С ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО 1	446
Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Кобелева Л.С., Савин А.Н., Сяткин В.П., Мыльников В.П. РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ В 2006 ГОДУ	450
Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н. КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПОСЕЛЕНИЯ ЛИНЕВО	456

<i>Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Д. Цэвээндорж</i> РАСКОПКИ КУРГАНА ХУННУ В ГОРАХ НОИН-УЛА, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ	460
<i>Соловьев А.И.</i> НЕКРОПОЛИ ПРЕДТАЕЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ XII–XVII ВЕКОВ. (ЛАНДШАФТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МИФОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА).	463
<i>Соловьев А.И., Бородовский А.П., Комиссаров С.А.</i> К ВОПРОСУ О ЗАЩИТНОМ ВООРУЖЕНИИ ИЗ ДЕРЕВА	468
<i>Сотникова С.В.</i> АНДРОНОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ПЕРЕВЕРНУТЫМИ СОСУДАМИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	473
<i>Субботина А.Л.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ С КЕРАМИКОЙ ТИПА ЧУНДО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА	477
<i>Татауров С.Ф.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В 2006 ГОДУ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ	483
<i>Тихонов С.С.</i> ГОРОДИЩЕ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВРЕМЕНИ НАДЕЖДИНКА V	486
<i>Тишкин А.А.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НА АЛТАЕ И В МОНГОЛИИ	489
<i>Худяков Ю.С.</i> ОПИСАНИЕ ПРИРОДНЫХ АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ, НАБЛЮДАВШИХСЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО СВЕДЕНИЯМ ЛЕТОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА)	493
<i>Худяков Ю.С., Белинская К.Ы.</i> ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБЯРДНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРОК НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ	497
<i>Черемисин Д.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ В 2006 ГОДУ	501
<i>Шульга П.И.</i> НОВАЯ НАХОДКА СБРУЙНОГО НАБОРА В ГИЛЁВО-10	505
<i>Эпов М.И., Маништейн А.К., Маништейн Ю.А., Чемякина М.А., Балков Е.В., Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю.</i> ЭЛЕКТРОРАЗВЕДОЧНОЕ КАРТИРОВАНИЕ «ЗАМЕРЗШИХ» ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ АЛТАЯ	510

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XII
часть I

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.

Статьи публикуются в авторской редакции,
иллюстрации и таблицы соответствуют авторским оригиналам.

Технический редактор *Е.Н. Усольцева*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 04.12.2006 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 33. Тираж 300 экз. Заказ № 138.
Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.2001 г.
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.